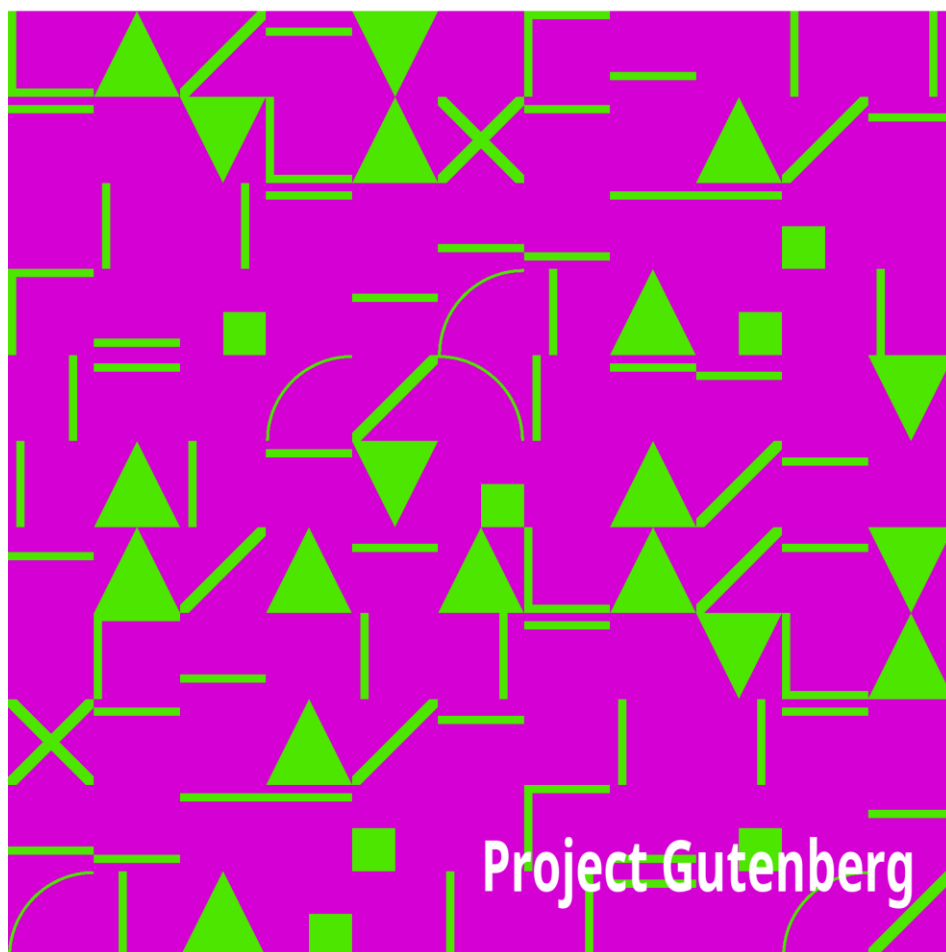

Земли рабов и свободных, или Куба, Соединенные Штаты и Канада

Генри А. Мюррей

**Lands of the Slave and the Free; Or, Cuba,
the United States, and Canada**

Henry A. Murray

Электронная книга проекта Гутенберга о землях рабов и свободных; Или о Кубе, Соединенных Штатах и Канаде

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Земли рабов и свободных; Или Куба, Соединенные Штаты и Канада

Автор: Генри А. мюррей

Дата выхода: 1 февраля 2004 г. [Электронная книга № 11329]

Последнее обновление: 25 декабря 2020 г.

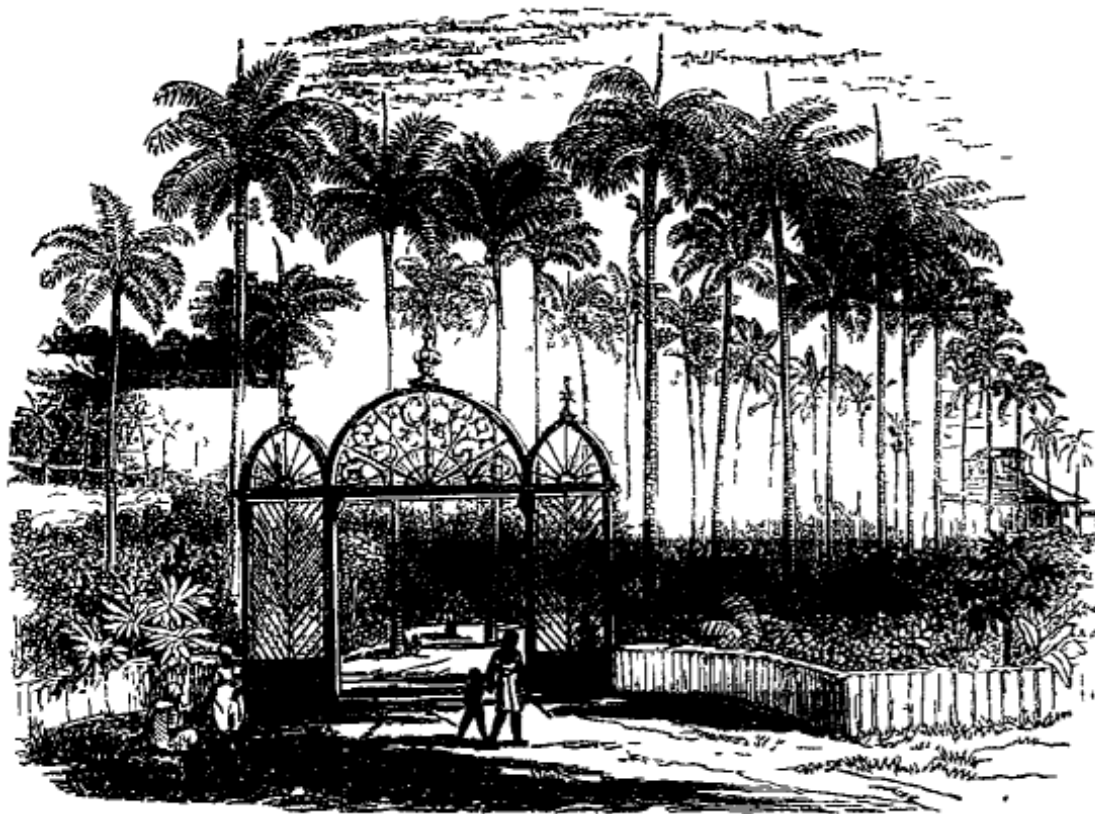
Язык: Английский

Титры: Подготовлено корректорами PG Distributed

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЗЕМЛИ РАБОВ И СВОБОДНЫХ", ИЛИ КУБА, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И КАНАДА ***

ЗЕМЛИРАБОВ И СВОБОДНЫХ: ИЛИ Куба, Соединенные Штаты и Канада.

ОТ ДОСТОПОЧТЕННОГО КАПИТАНА. Генри А. МЮРРЕЙ, Р.Н.

Вход в резиденцию кофейного плантатора.

1857.

"Он дал нам только зверя, рыбу, дичь,

Абсолютное господство; это право принадлежит нам

Своим пожертвованием; но человек над человеком

Он не стал господином".

МИЛТОН.

"Пропал, пропал — продан и пропал,

К рисовому болоту, промозглому и одинокому;

Рядом с ними нет материнского ока,

Там ни одно материнское ухо не может их услышать;

Никогда, когда мучительная плеть

На их спинах множество глубоких порезов,

Благословит ли их материнская доброта,

Или материнские руки ласкают их".

УИТТИЕР.

"МОНАХИНЯ-ХРАНИТЕЛЬНИЦА СОКРОВИЩ САБЕР".^[A]

АНТОНИО ПЕРЕС

"О, дай мне свободу!

Ибо даже Рай был моей тюрьмой,

И все же мне хотелось бы перепрыгнуть через хрустальные стены".

ДРАЙДЕН.

"Немного счастливого было бы в этом мире[*],

Если бы мужчины, оказавшись здесь, согласились,

И илк сказал своему соседу в коттедже и холле:

"Подойди, подай мне свою руку, мы все братья".

[Примечание переписчика *: неразборчиво]

РОБЕРТ НИКОЛ.

КОМПАНИИ "НИФ, НАСУС И КО",

ЭТИ ТОМА

Посвящены

В ЗНАК ИСКРЕННЕГО И НЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ

ИХ ПОКОРНОГО СЛУГИ,

Генри А. МЮРРЕЙ.

ЛОНДОН, 1 июня 1855 года.

ВТОРОЕ И ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ.

Поддержка друзей и мнения, выраженные подавляющим большинством изданий, которые сочли предыдущее издание достойным внимания, побудили меня вырезать многие отрывки, которые, возможно, не заинтересуют широкого читателя, чтобы я мог опубликовать их в более дешевой и популярной форме.

При написании статей на такую тему, как Соединенные Штаты, их конституция и институты, неизбежно существовала некоторая опасность налета политической пристрастности. Надеюсь, однако, что я выполнил данное мною обещание писать "без политических пристрастий", когда обрел благосклонность на страницах двух изданий, столь противоположных по своей политике, как *Westminster Review* и *Press*.

Одна еженедельная газета с претензиями на литературную критику ("*Атенеум*", 15 сентября 1855 г.) оказала мне честь, сделав меня объектом своего безмерного порицания; но, поскольку меня предупредили, что мой успех повлияет на перспективы одного из ее авторов, я был готов к ее враждебным отзывам, хотя, безусловно, я не ожидал, что мне улыбнется удача в виде рвения,

настолько лишенного осмотрительности, что враждебность, руководившая пером критика, будет слишком очевидной, чтобы ее можно было передать даже ребенку.

Представьте себе потенциального критика, который после различных судорожных попыток придать себе строгости выбирает из множества *всеобъемлющих* мер, предложенных мной для будущей эмансипации и для нынешнего блага раба, предложение о "надлежащем инструменте для порки, который должен быть установлен законом", и *это* с очевидным намерением высмеять эту идею. Если бы критик время от времени подвергался дисциплине различных инструментов, используемых для наказания негров, его инстинкт вскоре научил бы его тому, что в настоящее время кажется недоступным пониманию его интеллекта, а именно, различию между коровьей шкурой и собачьим кнутом; и если бы он что-нибудь знал о своей собственной стране, он вряд ли мог не знать, что инструменты, используемые для телесных наказаний в армии, на флоте и в тюрьмах, установлены законом или обычаем, столь же сильным, как закон. Но хватит об этом афинском рецензенте, я предлагаю ему на размышление старую историю: "Оставь ее в покое, бедняжку; это забавляет ее, а мне не причиняет вреда". В следующий раз, когда он попытается бросить камень, я надеюсь, что он снова не проломит себе череп в этой неуклюжей попытке.

"Злобный характер сочетался с хладнокровием

Сделает критика здоровым и хорошим.

Отсюда мы извлекаем этот полезный урок,

Плохое вино превратится в хороший крепкий уксус".

СТАРАЯ БРОШЮРА.

Теперь я пускаю свою барку по более широкому океану, чем раньше. Публика должна решить, должны ли ее паруса вяло хлопать о мачты или раздуться от сильного и благоприятного бриза.

Н.А.М.

Содержание.

ГЛАВА БЕСПЛАТНАЯ И ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ

ГЛАВА I.

Приготовиться к стрельбе—Отправление.

ИЗ ЛОНДОНА В НЬЮ-ЙОРК.

Приготовления

ЛИВЕРПУЛЬ—Сцены посадки

Сцены на борту

КЕЙП-РАШН

Пилот

НЬЮ-ЙОРК

ГЛАВА II.

Звездно -полосатая страна.

В НЬЮ-ЙОРКЕ.

Первый взгляд

Таможня

Паромная переправа

Первые впечатления

Гостеприимство

Отели Америки

Бар и парикмахерские
Чертог для новобрачных
Рисовый официант
Система подачи
Улицы и здания
Портрет Шляпника
Реклама
Бездельничаю на Бродвее

ГЛАВА III.

Достопримечательности и увеселения.

В НЬЮ-ЙОРКЕ.

Яхт-клуб и ужин.

Железнодорожное общество на ЛОНГ-Айленд

Расовый стенд

Состязание по рыси

Металлический гроб

Американская лошадь

Взламывать такси и водителей

Омнибусы

Вагоны городской железной дороги

Движущиеся железнодорожные вагоны

Билеты на провоз багажа

Локомотив

Предложения для железнодорожных компаний

ГЛАВА IV.

День на Северной реке.

Из НЬЮ-ЙОРКА В GENESEO.

Сесть на пароход по Гудзону

Пассажиры и анекдоты

Речной пейзаж

ОЛБАНИ—Высадка

Подсказка для путешественников

Население и процветание

Железная дорога через Город

Профессор Мыла

КАНАНДАЙГУА—Гостеприимство.

Раннее образование

Противоположная система

Проезжайте по Загородным Заборам со Змеями и пейзажами

Церкви —подсказка для Высокогорья

Дешевая Приманка—GENESEO

ГЛАВА V.

Генезео.

В GENESEO

Отсутствие животной жизни—Ранний подъем

Вид с террасы—Работа первопроходца

Ферма и система, заработная плата и т.д.

Семейная сцена в машине

ОЗЕРО КАНЕСУС

Дощатая дорога. Платные ворота и т.д.

Шотландский Пикинер

ГЛАВА VI.

Волнующие сцены и странные зрелища.

ИЗ GENESEO В НЬЮ-ЙОРК.

Поездка в БАТАВИЮ—Железнодорожное предупреждение

Железнодорожный вокзал Буффало и Таксист-янки

Процветание и контраст

НИАГАРА

РОЧЕСТЕР

Живой Цветок

Преимущество, доказанное контрастом

Размышления о старых модах

Приятной Ночи

ГЛАВА VII.

Строительство и разрушение.

В НЬЮ-ЙОРКЕ.

Катерная яхта "Черная Мария"

Ужин на борту

Пунш с похлебкой

Процветание—Кротонский акведук

Уничтожение собак

Едем по Блумингдейл-роуд

Шторм

ГЛАВА VIII.

Юг и Запад.

Из НЬЮ-ЙОРКА В ЛУИСВИЛЛ.

Билетная касса

ФИЛАДЕЛЬФИЯ—Удобство

Оставленный багаж

БАЛТИМОР—МАКСВЕЛЛ ПОЙНТ

Утки с брезентовой спинкой

Звон по уткам

Отправление по железной дороге —Решение проблемы

ХАРРИСБУРГ—Полковник строгального искусства

Начнем сначала. Приятная компания

Наклонные плоскости—Canal Boat

Тренерский комфорт

ПИТТСБУРГ

Перила в Лесу и размышления

КЛИВЛЕНД—Мад-уок

Спать или не спать

ЦИНЦИННАТИ—Статистика и образование

Поркополис и свиньи

Кровавая сцена

Корабли в Мариетте

ОГАЙО—Дамба и литература

Посадка на пароход—Чернокожая Стюардесса

Ибрагим - Паша и Фат

ГЛАВА IX.

Сцены на берегу и на плаву.

ИЗ ЛУИСВИЛЛЯ В СЕНТ-ЛУИС. ЛУИС.

Изготовление Республиканской конфеты

деревообрабатывающее оборудование

Автобус с девятью пассажирами

Хорек-человек

Завтрак и сигара

против

Зародыш

Паромная переправа—Странствующие Звери

Старый Колокол и Old Bell

Поездка по пересеченной местности—Пейзаж

Пещера Мамонта

Старый колокол и почта

Приятные Собеседники

Сельский Туалет

Толстяк и цирковой Интеллект

ЛУИСВИЛЛ и Советы

Огайо—Пари в баре

Сцена ужина и Леди

Десерт и Зубочистки

Вечерний Отдых

КАИР —Его перспективы

СЕНТ—ЛУИС -Его процветание

ГЛАВА X.

Речные пейзажи.

Из Сент-Луиса В НОВЫЙ ОРЛЕАН. ЛУИС - НЬЮ-ОРЛЕАН.

МИССИСИПИ — Добродушная Слабость

Миссисипи *против* . Миссури

Заезженный Анекдот воскрес

Свидетельство о браке

Folly—Описание Пароварки

Описан Инспекционный Фарс

Телесные наказания—Иллюстрация

Капитан бизань - мачты

v

. Белый негр

Декорации

Миссисипи—Спокойной ночи

Screecher & Burster—Гонка

Капитан покидает нас

Будильник—Крушениекровати

Жестокая Бессердечность

Речные вредители

НОВЫЙ ОРЛЕАН

Крушения, причины и средства их устранения

Кровавые анекдоты

ГЛАВА XI.

Новый Орлеан.

ИЗ НОВОГО ОРЛЕАНА В ГАВАНУ.

Ситуация и Суэта

Хлопок, Табак и сахар

Пароходы и заработная плата

Улицы, Отели и прочее

Друг в беде. Район Шелл-роуд

Общество и замечания

Драка -Лола Монтес

Пресвитерианская церковь

Золотой Человек

Полицейское самодержавие

Законники и процессии

Штрафные санкции на дуэли—Адрес Стаффорд Хаус

Клубы

Испанский консул и паспорт

Прощальный Кадо

Пилотный Додж

Казначей Смит

Опасное чихание — Выбор компаньона

ГАВАНА

ГЛАВА XII.

Королева Антильских островов.

НА КУБЕ.

Volante

Веселые Похороны

Огонек к сигаре

Вечернее Развлечение

Поездка в МАТАНСАС—Эль-Казеро

Плантация рабов

Приготовление сахара

Пышная Растительность

Пуническая вера и кубинская Жестокость

Ее Превосходительство "Весталка"

Взяточничество

Адмиралтейская мудрость

Сигары и Мануфактура

Население—китайцы

Законы о домициле—Полиция и рабство

Увеличение числа рабов и продукции

Табак, Игры и лотереи

Кубинские шутки

Набросок губернаторов

Будущее Кубы?

ГЛАВА XIII.

Смена династии.

ИЗ КУБЫ В БАЛТИМОР.

КЛЮЧЕВОЙ МОМЕНТ

Вульгарный иврит

ЧАРЛЬСТОН, ВАШИНГТОН

Ночь и Утро

Конгресс и инаугурация

Генерал Джексон и перемены

Извозчики и город

Лавочник и выпивоха

Дамбы и здания

БАЛТИМОР и Черепаха

Драма

Прогресс—Пожарные Компании

ГЛАВА XIV.

Филадельфия и Ричмонд.

ИЗ БАЛТИМОРА В РИЧМОНД.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ и гостеприимство.

Улицы—Минт

Колледж Джерарда

Средняя школа

Тюрьма и лекарство от Непокойных

Сумасшедший дом

НЬЮ - ЙОРК и отплыть

Дикий Рис

Прибытие в ЧАРЛЬСТОН

Отель и гостеприимство

Климат и здания

Коммерческое процветание

Пожарные роты

Миниатюрный ВЕСТ - ПОЙНТ (

Видео

Примечание)

Авария на железной дороге в УИЛМИНГТОНЕ

ПИТЕРБОРО и моя шляпа

Пейзажи РИЧМОНДА и процветание

Дерево Паухэттана, эпизод

Подруга

Огонь и Безумие

Мальчик-обезьяна

Геримандр

Пожарная компания, Веселье и Размышления

ГЛАВА XV.

От реки до Ипподрома.

ИЗ РИЧМОНДА В НЬЮ-ЙОРК.

Вниз по реке

ВИЛЬЯМСБУРГ. Старый дворец

Губернатор и Пэдди

Колледж

Дядя Бен и его гостиница

Размышления

ШИРЛИ, Гостиничный бизнес и с.

БИНДОН, Гостиничный бизнес и т.д.

Сельские выборы — Путешествие в спокойной обстановке

Певчие Певчие и семейный Алтарь

НОРФОЛК, Верфь и с.

Слуги-рабы, намек министерству иностранных дел

Через

От БАЛТИМОРА до ФИЛАДЕЛЬФИИ — Признание.

Раса—Мас и Тас

НЬЮ-ЙОРК

ГЛАВА XVI.

Дом отцов -пилигримов.

ИЗ НЬЮ-ЙОРКА В БОСТОН.

По железной дороге—Огонь Охоты на лис

БОСТОН. Здания и гостеприимство

Окрестности и названия

Драма

Духовый рэп и чайки

ГЛАВА XVII.

Обучение молодежи и образцовая тюрьма.

В БОСТОНЕ.

Отцы -пилигримы

Расходынаобразование—Нормативныеактыит.д.

Фонетическая система

Образцовая Тюрьма—Телеграф и Пожарная Верфь

Водоснабжение, процветание и т.д.

ГЛАВА XVIII.

Канада.

ИЗ БОСТОНА В КВЕБЕК.

Железная дорога и пейзажи

МОНРЕАЛЬ и Желанное Лицо

Гавацци—Возбуждающая толпа и т.д.

КВЕБЕК и окрестности Миссис Пол и мисс Пэдди

Паром и друзья

Счет за потери от восстания

Проявленные и признанные Моральное Мужество и административные способности

Подсказка для милиции

Правительство Канады

ГЛАВА XIX.

Путешествие в Уттаву.

ИЗ КВЕБЕКА В ТОРОНТО.

Мистер Хинкс—мистер Драммонд—МОНРЕАЛЬ

Вверх по ОТТАУЭЮ до ЛАШИНА, от ЦЕРКВИ СВЯТОЙ Анны до БАЙТАУНА и ЭЙЛМЕРА

ЧАТ ПАДАЕТ

Канадские горцы

Пожар, Плоты, Лесорубы и Трезвенники

Борьба, Цель и Возвращение

Процветание ЭЙЛМЕРА

РАЙОННЫЙ ЦЕНТР. Пейзажи и преимущества

Горки для пиломатериалов—мистер Маккей

Цель визита члена совета

Ехать через всю Страну

ПРЕСКОТТ и ОГДЕНСБУРГ

КИНГСТОН

ОЗЕРО ОНТАРИО и прекрасная Кровать

ТОРОНТО

ГЛАВА XX.

Колониальное образование и процветание.

В ТОРОНТО.

ТОРОНТО. Население, процветание и здания

Обычная школа

Образование в целом, Перспективы и процветание Канады

ГЛАВА XXI.

Водопад и Торжество.

ИЗ ТОРОНТО В НЬЮ-ЙОРК.

Садитесь на пароход

КВИНСТАУН И ЛЬЮИСТАУН

Драйв, Приманка и Урок

НИАГАРА и Лунный свет

БАТАВИЯ, ГЕНЕЗЕО и 4 июля

Кареты Хокинга—РОЧЕСТЕР

ОЛБАНИ—Руки и сэндвичи

Выброшенный на улицу—НЬЮ-ЙОРК

ГЛАВА XXII.

Образование, гражданское и военное.

НЬЮ-ЙОРК И ВЕСТ-ПОЙНТ.

Свободная Академия

ВЕСТ-ПОЙНТ. Военная академия

Анекдот и т.п.

НЬЮ-ЙОРК

На этом путешествие заканчивается, и оставшиеся главы посвящены обсуждению тем, которые, я надеюсь, могут заинтересовать читателя.

ГЛАВА XXIII.

Водянистые шоссе и Металлическое Общение.

Площадь озер и их тоннаж

Миссисипи—Продукты вывозятся и уничтожаются

Мистер Дуглас и таможи

Великая Партийная доктрина

Канал Эри—Поджигатели амбаров

Железные дороги —Соединенные Штаты и Англия

Телеграф

Телеграфные системы

ГЛАВА XXIV.

Пресса Америки и цензура Англии.

Выпуски прессы

Замечательная Статистика

Характер прессы

Пресса Великобритании

Низкая литература Америки

Неприкрытое ограбление—

Нортвуд

Образец

Английские предметы

Образец

Автор *английских статей*

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ:—

Отношения с Англией

Чудеса за шесть пенсов

Армейские комиссии—Английские писатели

Американский Плевок

Святые места

Английские друзья

Первородный грех

Английские манеры

Английская церковь и геральдика

Преданность обеду

Заключение

Дальнейшая карьера мистера Уорда—Преступление—Место происшествия и смерть

Оправдательный приговор и последствия

ГЛАВА XXV.

Институт рабства.

Изначальная Вина

Северные фанатики

Вызванное раздражение

Дружба северян поставлена под сомнение

Основания возражений южан против аболиционистов

Английские аболиционисты

Овация миссис Стоу

Обращение с рабами

Безответственная власть и общественное мнение

Источники мнения относительно обращения с рабами—Закон—Личный интерес

Христианство

Привычка

Причины возмущения

Взаимные обвинения

Свидетельства авторов—Пресса и Канада

Обзор развития рабства

Численность и ценность рабов

Вопрос свободы

ГЛАВА XXVI.

Подсказки для Хозяина и надежды для Раба.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Свободная Почва

Закон о беглецах

Территория убежища

ОБСУЖДАЛОСЬ ЛЕЧЕНИЕ.

Телесные наказания

Конфискация и свидетельские показания

Система абсолютной свободы

Самая черная черта в рабстве

ДЕПУТАЦИЯ ПРОВИДЦЕВ

Закоренелый Рабовладелец

Обидчивый Рабовладелец и Чванливый Хулиган

Адвокат клерикальных рабов

Любезный Плантатор

Обвинитель

Аболиционист и разумный Рабовладелец

Ужасный вопрос

Заключительные замечания

Небраска —Христианин и мусульманин

ГЛАВА XXVII.

Конституция Соединенных Штатов.

Предлагаемый план

Правление и квалификация для занятия должности

Избирательная франшиза

Периодичность выборов

Избирательный бюллетень

Результаты выборов по результатам голосования

Предлагаемое средство правовой защиты

Джон Рэндольф, Сидни Смит и Клубы

Оплата Членства и ее последствия

Сцена в Конгрессе

Судебная система

Отстранение Кабинета от участия в Заседаниях

Власть президента

Выборы президента

Губернаторы штатов и право помилования

Заключение и свидетельство епископа Хопкинса

ГЛАВА XXVIII.

Церковь, Школа и Закон.

Церковная статистика

Американский епископальный молитвенник

Методистское епископство и пресвитерианская музыка

Что есть Дома

Конвенция Исмитов

Статистика образования и расходы на колледж

Прошу вас, прочтите это —Закон о передаче земли

ГЛАВА XXIX.

Изобретения и оскорбления.

Что такое залив?

Доктор Кинг—Фултон и Стим

Телеграф и американская скромность

Жатвенная машина

Мнение жителя Приграничья

Американская Изобретательность

Огнестрельное оружие и ополчение

ГЛАВА XXX.

Неблагоприятные воздействия.

4 Июля

Мистер Дуглас и Конгресс

Мисс Уиллард и Джон Митчелл

Кто эти антипатисты?

ГЛАВА XXXI.

Olla Podrida.

Американское тщеславие

Американская Чувствительность

Американская мораль

Территория и население

Эффект раннего образования

Этапы свободы

Удары

Интеллект

Энергия

"Прелесть и яйца"

Предприятие—Охотаналорда

Гостеприимство—Политические партии

Ничего не знающие

Будущее

Мое начинание

Мое предупреждение

Лорд Холланд, Надежда и прощай

Примечания.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕЛЕГРАФА В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

СНОСКИ:

[A]

"ПЫТЛИВЫЙ УМ НЕ УСТАЕТ В ПОГОНЕ ЗА ЗНАНИЯМИ"АНТОНИО ПЕРЕС. (Перевод)

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ТАБЛИЧЕК.

ВИНЬЕТКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВХОДА В РЕЗИДЕНЦИЮ КОФЕЙНОГО ПЛАНТАТОРА

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАГОН

ЛОКОМОТИВ

КАТЕРНАЯ ЯХТА "МАРИЯ"

Ниже приведены измерения, упомянутые в тексте как включенные

оригинальная гравировка:—

Водоизмещение 137 тонн
Длина по палубе 110 футов
Ширина балки 26-1/2 "
Глубина трюма 8-1 /4 "
Длина мачты 91 "
Длина стрелы 95 "
Длина гафеля 50 футов
Длина стрелы 70 "
Длина бушприта по борту 27 "
Диаметр бушприта 24 дюйма.
Диаметр стрелы 26 дюймов.

КАРТА КРОТОНСКОГО АКВЕДУКА

Эта карта точно скопирована с научной работы мистера Шрамке, но просим читателя понять, что линии, проведенные под прямым углом по всему острову Манхэттен, представляют то, каким должен быть город Нью-Йорк. В настоящее время его пределы едва превышают № 1. Распределительный резервуар.

СТЮАРДЕССА "ЛЕДИ ФРАНКЛИН"

Возможно, этот рисунок немного преувеличен.

ПАРОХОД по МИССИСИПИ

Этот рисунок непропорционально увеличен, чтобы дать лучшее представление о сценах на борту, чем это позволили бы рамки листа в противном случае. Если бы каюта на палубе парохода по реке Гудзон была поднята на колоннах высотой около 15 или 20 футов, это дало бы достаточно точное представление о правильных пропорциях.

ОТЕЛЬ NEW ST. ЧАРЛЬЗ, НОВЫЙ ОРЛЕАН

ЭЛЬ КАСЕРО, ИЛИ ПРИХОДСКОЙ РАЗНОСЧИК НА КУБЕ

КОЛЛЕДЖ ДЖЕРАРДА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ОБЫЧНАЯ ШКОЛА, ТОРОНТО

Большая часть прилегающей земли в настоящее время отдана под сельскохозяйственные эксперименты.

ПАРОХОД ПО РЕКЕ ГУДЗОН, 1200 ТОНН

Размеры следующие:—

Длина 325 футов

Ширина 38 "

Глубина трюма 11 "

Ширина цилиндра. 5 футов 10 дюймов.

Длина хода. 14 футов

Диаметр колеса. 40 "

КАРТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

ГЛАВА,

Бесплатно и с пояснениями.

Какая польза от предисловия? Кому нужно предисловие? Более того — что такое предисловие? Кто может дать ему определение? На что оно больше всего непохоже, так это на математический миф, называемый точкой, о котором можно сказать, что он не имеет ни длины, ни ширины и, следовательно, не существует; тогда как предисловие обычно имеет предельную длину, всю широту, которую может придать ему печатник, и универсальное существование.

Но если предисловия не могут быть описаны с математической точностью, они допускают классификацию с самой нематематической неточностью. Во-первых, у вас есть большой класс, который можно назвать CLAIMERS . Пример: Один требует определенной степени внимания на том основании, что это первая попытка автора; второй требует снисхождения на основании спешки; третий требует внимания на основании масштаба и важности предмета и т.д. и т.п. Другой большой класс можно назвать СОЗДАТЕЛЯМИ. Пример: один оправдывает занудство; второй приносит извинения за задержку; третий призывает к благосклонному восприятию своих усилий и т.д. С другой стороны, у вас снова есть "ВОПРОШАЮЩИЙ", когда читателя находят до того, как произведение будет напечатано, вкладывают ему в рот удобные вопросы и дают готовые ответы, на которые возражать не разрешается. Это очень мудрая практика. Затем снова идет ФУГОВКА И КОНДЕНСИРОВАНИЕ, в которых, если чего—то не хватает в работе, перед каптерным пони ставят подготовительную тележку, причем первая выполняет роль пемикана, или концентрированной эссенции, а вторая представляет собой жидкость, необходимую для ее приготовления; все это образует *напиток для запекания*, известный среди профессионалов как "солдатский бульон".

Мое собственное мнение по этому важному вопросу таково, что книга - это не что иное, как путешественник; он рождается в Действительности или Воображении; он путешествует по гусиному перу; затем отправляется в круиз к типографии. По возвращении оттуда обнаруживается, что его здоровье очень плохое; применяются сильные лекарства; его постепенно готовят; и когда он выздоравливает, он надевает свою воскресную одежду и гордо расхаживает перед публикой. В этот критический момент появляется типичный церемониймейстер мистер Префейс и начинает представлять его им; но, зная, что и мужчина, и женщина по сути своей любознательны, он следует примеру того древнего и проницательного путешественника, который, чтобы сэкономить время и хлопоты, начинал свое обращение к каждому незнакомцу, к которому он обращался, примерно следующим образом: "Сэр, я мистер ..., сын мистера ... от ... его жены и моей матери. Я уехал ---- два дня назад. У меня есть ---- в моем саквояже. Я собираюсь... повидаться с мистером ... и попытаться купить что-нибудь ..." Затем последовал простой вопрос, на который требовался ответ: "Не одолжите ли вы мне полкроны?" "Укажи мне дорогу", "Дай мне понюшку табаку" или "Купи мою книгу", в зависимости от обстоятельств. Незнакомец, польщенный его откровенностью, сразу же расположился в его пользу. Я постараюсь последовать примеру этой "милрой путешественницы" и предупредить те вопросы, которые, как я полагаю, может захотеть задать читатель — если таковой найдется.

1. Почему я выбираю тему, над которой в последнее время часто работало так много талантливых перьев?— Потому что это затрагивает так много важных вопросов, как социальных, так и политических, в области, где изменения происходят едва ли менее быстро, чем постоянно меняющиеся оттенки умирающего дельфина; и потому что глаза человечества, как ментальные, так и зрительные, так же различны, как и их физиономии; и поэтому те, кто интересуется этим предметом, имеют возможность рассматривать его с разных точек зрения.

2. Принадлежу ли я к какому-либо из тех гомеопатических сообществ, которые называются политическими партиями?— Я не принадлежу ни к одному из них; я смотрю на них всех, как на множество лекарств в национальной аптеке. Все они обладают своими полезными качествами, даже самые ядовитые; но часто они сочетаются настолько неразумно, что наносят материальный ущерб здоровью Джона Булля, тем более что все они имеют сильную склонность к кровопусканию, настолько сильную, что я часто вижу бедного Джона в прострации, готового

закричать: "Бросьте правительства к чертям собачьим — я не буду ни одним из них!" Если в моих работах по некоторым пунктам я проявляю политическую предвзятость, это всего лишь выражение тех чувств, которые мой собственный здравый смысл^[B] и наблюдения заставили меня придерживаться обсуждаемого предмета, и за которые я не предлагаю ни защиты, ни извинений.

3. Художник ли я? — Нет; я автор и плагиатор. Каждый набросок в моей книге взят из какой-либо другой работы, за исключением "Визжалки", которая принадлежит перу леди Г.М.; а прелестные формы и черты раскрашенной сильфиды, за которые я в долгу перед моим другом мистером Дж.Ф.К. — вы не должны быть слишком любопытными.—Я считаю себя вправе заимствовать что-либо у кого-либо, если я полагаю, что это поможет прояснить мою тему или развлечет моего читателя, при условии, что у меня всегда есть разумные основания полагать, что источник является таким, с которым обычный читатель вряд ли будет знаком. Но когда я действительно краду, у меня хватает честности признаться в этом.

4. О чем моя книга?—В нем рассказывается об острове, конфедерации и колонии; и содержит события путешествий, факты и мысли, касающиеся людей, телеграфа, железных дорог, каналов, пара, рек, коммерческого процветания, образования, прессы, низкопробной литературы, рабства, правительства и т.д. и т.п.

5. Какое обеспечение я могу предложить для удовлетворения выдвинутых претензий?— Абсолютно никакого. Тот, кто берет меня, должен брать меня, как жену, "к лучшему или к худшему", только его просят помнить, что я обладаю тремя явными преимуществами перед этой леди.— Во-первых, вы можете заглянуть не только наружу, но и внутрь меня; во-вторых, вам будет легче заполучить меня и содержать дешевле; в-третьих, если вы поссоритесь со мной, вы сможете развестись у камина или у сундучника, не обращаясь в Палату лордов.

Надеюсь, теперь я удовлетворил все законные требования любопытства.

Далее я лишь замечу, что в некоторых моих наблюдениях за Соединенными Штатами, таких как "Путешествия" и "табльдоты", читатель должен иметь в виду, что в стране так называемого равенства, где бы ни применялся этот принцип, невозможно провести точное сравнение между аналогичными предметами в Республике и в Англии.

Общество, перевозимое в одном вагоне в Штатах, охватывает пассажиров первого, второго и третьего классов Великобритании; а общество, которым питаются за их столиками, содержит все разновидности блюд, встречающихся в этой стране, от павильона до пивной. Если мы определим среднее между крайностями как меру получаемого таким образом комфорта, то очевидно, что по мере того, как путешественник привыкает к высшему комфорту в этой стране, он будет пренебрежительно писать об их нужде в Штатах, в то время как люди противоположной крайности с равной правдивостью будут восхвалять их высший комфорт. Посредника никогда не найти, потому что каждый путешественник либо хвалит, либо порицает. Каким бы неразумным ни было ожидать от Республики "Равных прав" таких же изысков, какие существуют в некоторых странах Старого Света при системе, более благоприятствующей их развитию, тем не менее долг путешественника добросовестно записывать свои впечатления, предоставляя читателю самому делать выводы.

Мне было предложено прочитать несколько недавно опубликованных работ, посвященных Соединенным Штатам; но поскольку я больше всего стремился избежать какой-либо

предвзятости, к которой, скорее всего, привело бы такое чтение, я строго избегал этого, даже рискуя повторить то, что другие, возможно, говорили раньше.

Мне больше нечего добавить в объяснение.—Лошади готовы.—Карета у дверей.Начинается Первая глава.—Всем, кто готов сопровождать меня в моем путешествии, я говорю — Добро пожаловать!

Н.А.М.

D 4, ОЛБАНИ, ЛОНДОН,

1 июня 1855 года.

СНОСКИ:

[B]

Возможно, "человеческий инстинкт" был бы более скромным выражением.

ГЛАВА I.

"Приготовиться... Огонь!" Отбытие.

Приготовления к отправлению путешественника в долгое путешествие, несомненно, разнообразны по качеству и количеству, начиная с бедного араба, чья жена содержит его дом и все его имущество — или, возможно, я бы скорее сказал, от сэра Чарльза Нейпира из Синда с его единственным фланелевым жилетом и куском коричневого мыла — и заканчивая владельцами дуврского фургона "фургон", которые берут с собой на недельную поездку столько, что хватит на столетие. Моя слабость, читатель, я полагаю, очень распространенная, *то есть* желание иметь все и при этом почти ничего не носить с собой.

Трудности такого устройства очень озадачивают вашего слугу, если он у вас есть, как в моем случае. Сначала вы раскладываете все мыслимые предметы на кровати или полу, а затем с видом самоотречения говорите: "Ну вот, этого будет достаточно"; и когда вы обнаруживаете, что вытащили еще один чемодан, вы спрашиваете с удивленным видом (который вполне может удивить слугу): "Что, ради всего святого, вы собираетесь с этим делать?" "Сложить в него ваши вещи, сэр" - вполне естественный ответ; итак, после изрядного количества "Черт возьми, какая скука" и т.п. все заканчивается тем, что все снова распаковывается, новая партия выбрасывается в сторону и начинается новая упаковка; и поверьте мне, читатель, чем чаще вы будете повторять эту операцию выбрасывания, тем приятнее вам будет путешествовать. Я говорю исходя из опыта, поскольку во время моих скитаний я потерял все в результате кораблекрушения и, таким образом, был вынужден пройти все стадии количественного анализа, пока я снова не взвалил на себя такое же ненужное бремя, как и в начале.

Было прекрасное сентябрьское утро 1852 года, когда, дважды подвергнув свои ловушки очистке и по-прежнему имея запас на полдюжины человек, я занял свое место в раннем поезде, отправлявшемся с Юстон-сквер в Ливерпуль, где вскоре меня разместили в отеле "Адельфи". Один молодой друг-американец, который на следующее утро отправлялся в путь на том же пароходе, предложил немного прогуляться, пока не сгустились вечерние сумерки, поскольку он ничего не видел в городе. Мы отправились в путь, полные намерений, которым никогда не суждено было осуществиться: я зашел в ножевую лавку, чтобы купить нож; симпатичная девушка лет двадцати положила один или два передо мной; я почувствовал толчок сзади, и чей-то голос прошептал мне на ухо: "Клянусь Джорджем, какая красивая рука!" Это была совершенная правда, и мой друг был так убежден в этом факте, что постоянно повторял это мне на ухо. Когда моя покупка была завершена и "прелестная ручка" удалась, у моего друга проявились симптомы сильной внутренней борьбы: для него это было слишком. Наконец он выпалил: "У вас есть ножницы?" — В ответ на мое: "Какая хорошенькая ручка!" — Затем последовал запрос на салфетки, затем на иголки, затем на ножи, наконец на наперстки, которые, как заметила моя подруга, были слишком большими, и она попросила, чтобы их попробовали на ее тонких пальцах. Он пришел в такой восторг и так быстро ответил мне взаимностью, что, я думаю, он купил бы все, к чему прикасались эти милые маленькие ручки.

Патерфамилиас, который, склонившись над своей бухгалтерской книгой, очевидно, держал ухо востро, теперь был встревожен сокращением своих запасов и, следовательно, вышел вперед, чтобы внимательно рассмотреть таинственного покупателя. Я услышал голос, пробормотавший: "Черт бы побрал этого старикашку!", когда послушная дочь скромно уступила место папе; десятка английского банка перешла из нижнего белья моего друга в маленькую кассу катлера, а полкроны *наоборот*. Когда мы добрались до двери, была кромешная тьма, и на этом наше восхваление общественных зданий Ливерпуля закончилось.

На обратном пути в отель, когда мой спутник размышлял вслух, я слышал, как он попеременно то тихо бормотал: "Какая красивая рука", то резко и поспешно: "Черт возьми"... "сварливый старикашка"; и, поразмыслив над этим, я пришел к выводу, что если выражения его лица и указывали на слабость, то они указывали на ту простительную слабость цивилизации, на восприимчивость к чарам красоты; и, следовательно, я стал более благожелательно относиться к своему будущему попутчику. Вечером к нам присоединились мой брат и молодой офицер Бытовой бригады, которым предстояло стать попутчиками в нашем путешествии через Атлантику.

Ранним утром мы стали свидетелями процессии наемных экипажей, нагруженных так, словно мы намеревались навсегда эмигрировать. Когда мы прибыли к причалу, у борта стоял маленький, жалкого вида пароход, готовый принять нас и наши товары для транспортировки на "левиафан", стоящий посреди канала, с поднятыми парами, готовый к старту.

Операция по размещению багажа пассажиров в этом жалком маленьком чайнике была по-своему довольно забавной. Все хотели, чтобы ловушки других были опущены, внизу, и чтобы их собственные маленькие "это" и "то" оставались в силе: одна группа, мужчина, жена и ребенок, особенно привлекла мое внимание; возраст ребенка, независимо от диалога, показал, что медовый месяц закончился.

ЖЕНА. — "А теперь, Уильям, дорогой мой, *до* эту маленькую коробочку наготове!", Не опускай ее!

МУЖ. — "Привет! держи мою шляпную коробку повыше!" (*В сторону*) "Не обращай внимания на свою коробку, моя дорогая, *это* не повредит".

ЖЕНА. — "О, Уильям, моя маленькая коробочка для кепок падает! она разобьется на кусочки".

МУЖ. — "О, не бойся, моя дорогая, они об этом позаботятся. Остановись, дружище, это мой стол; дай его мне сюда" и т. Д. и т.п.

Диалог был внезапно прерван неистовым воплем юного клятвопреступника, признавшегося в своей привязанности, возраст которого еще не достиг двух цифр; ему на ногу упала маленькая, окованная железом коробочка, и у бедного маленького сорванца был жалкий вид. Мама начала обнимать и целовать, а папа предложил такое удобное утешение, как: "Ничего, это хороший мальчик, не плачь". Тем временем Джеки воспользовались шквалом, и, когда он утих, счастливая пара с удовлетворением увидела, что все их драгоценные ящики погребены глубоко в трюме.

Поток багажа прекратился, и весь человеческий груз оказался на борту, мы быстро сбросили привязи и тронулись в путь: к счастью, погода была хорошая, потому что, если бы пошел дождь, наш расшатанный чайник не обеспечил бы нам никакой защиты. Добравшись до "левиафана", пассажиры поспешно поднялись наверх и, вооружившись тростями или зонтиками, встали на палубе, как часовые. Когда подъехали Домкраты с багажом, раздались крики "Привет! это мое", - раздавалось в воздухе; и если Джек в спешке и суматохе не обращал внимания на крик, аут бросался на кого-нибудь с зонтиком или палкой, в зависимости от обстоятельств, и пронзал его гарпуном под пятое ребро; потому что с тяжелой ношей на голове и плечах, которую обязательно поддерживали обеими руками, защищаться было невозможно. Надо сказать, Джек воспринял все это с хорошим настроением и предъявил счет "ЖЕЛУДКУ *против*". РЕБРА", предоставил старому Нептуну добиваться возмещения ущерба за увечья, нанесенные его сыновьям. Я полагаю, что те, кто однажды свел свои счета с этим морским божеством, не больше стремятся снова предстать перед его судом, чем те, кто долгое время наслаждался роскошью судебного разбирательства в канцелярии.

Всему должен быть конец; итак, почтовый агент прибывает со своим почтовым грузом, поднимается пар, и "Африка" отчаливает, капитан Харрисон.

"Некоторые машут рукой, а некоторые начинают плакать,

Некоторые берут травку и, кивнув, говорят "до свидания".

Сейчас я почти отбываю в Нью-Йорк с братом и двумя друзьями; каждый из нас приколот свою карточку к красной скатерти в салоне, чтобы указать наше постоянное место за праздничным столом во время путешествия. Если только нет какой-то особенности в устройстве или обстоятельствах, все путешествия настолько похожи друг на друга, что я вполне могу избавить вас от скучных повторений. Иногда стюарды опрокидывают тарелку с супом, и она иногда попадает под жилет "щеголя", который, путешествуя впервые, считает необходимым "привести себя в порядок", как при посещении Оперы. Люди, находящиеся под влиянием какой-то внутренней и непреодолимой силы, иногда вскакивают из-за стола с энергией, которая, однако, слишком быстро болезненно истощается, опрокидывая несколько гарниров, когда их ноги цепляются за угол скатерти. Другие встают и пытаются выглядеть достойно и невозмутимо, лицемерие чего неприятно обнаруживается еще до того, как они достигают дверей салуна; другие едят и пьют со все возрастающим аппетитом, что неопровержимо доказывает справедливость поговорки: *"Будь здоров"*. Головы, которые ходили прямо, попыхивая сигарами, как человеческие трубы в Мерси, вяло свисают в Канал (Воспоминание "Гордость предшествует падению"). Дамы, чьи розовые щеки и блестящие глаза, затуманенные прощальной слезой, когда они махали на прощание руками и говорили о бодром самочувствии, таинственным образом собираются у бортов судна, готовые к любой чрезвычайной ситуации, или беспомощно лежат в своих каютах, подчиняясь вездесущей стюардессе, равнодушной даже к самой смерти. Другие, опять же, чьи интерьеры были закалены старым "Нептуном", патрулируют палубу и, если пассажиров много, поздравляют друг друга самым бессердечным образом, замечая: "В салоне будет полно места, если этот веселый бриз продолжится!"

Все это знакомо большинству путешественников, поэтому достаточно сказать, что в данном случае старина Нептун был в хорошем настроении, "веселый бриз" длился недолго, да и веселым он никогда не был. Мой американский друг и помощник по хозяйству очень старались изобразить, что сначала им стало плохо, но, думаю, мне удалось убедить их, что все это было игрой воображения, потому что они оба постоянно приступали к еде, и вместе с ними и моим братом, у которого в море аппетит пауни, я обнаружил, что такой скромный человек, как я, получал лишь "обезьянью норму" шампанского, которое я прописал как лекарство, ошибочно полагая, что те внутренние расстройства, которые обычно возникают во время морского путешествия, позволили бы мне насладиться львиной долей.

Во время путешествия мы не видели ничего, кроме нескольких странных парусов и пары айсбергов, последние были очень красивы, если смотреть издали, море было гладким, как зеркало, и на них падали солнечные лучи. Я был очень благодарен судьбе за то, что картина не перевернулась; мысль о том, чтобы упереться носом в айсберг посреди темной ночи, когда дует сильный шторм и море волнуется, была какой угодно, но только не приятной.

В свое время мы совершили Кейп-Рейсингл. Я просто упоминаю этот факт с целью отметить, что капитан и другие, с кем я говорил с тех пор, единодушно осуждают расположение маяка; во-

первых, как размещенного не на той точке, на которую указывало бы судно из Европы, поскольку эта точка находится дальше на северо-восток; и, во-вторых, потому что судам, идущим берегом на север, грозит опасность, если они повернут на запад после прохождения света. В непосредственной близости от него могут быть некоторые преимущества, но для общих целей навигации его расположение является ошибочным и не раз чуть не стало причиной крушения одного из наших больших пароходов^[C].

Рано утром десятого дня я услышал голоса за пределами моей каюты, говорящие: "Ну что ж, у них на борту пилот", *следовательно*, мы, должно быть, приближаемся к нашему убежищу. Дома, в Ла-Манше, лоцмана узнаешь по непромокаемой шляпе, бушлату, широким плечам и обветренным щекам; здесь капитан сказал мне, что я всегда узнаю его по начищенному бобрику и атласному или шелковому жилету. Когда я вышел на палубу, там, конечно же, были бобровая шляпа и шелковый жилет, но больше всего меня поразили их владелец, стройный юноша, едва вышедший из подросткового возраста. Вдалеке лоцманский катер "Нью-Йорк", постройка которого прославилась достижениями "Америки" в Каузе, лежал на воде, как утка, с белым, как снег, парусом и туго натянутым, как дощатая доска. Совершенная непринужденность и беспечность молодого лоцмана безмерно позабавили меня, и все шло достаточно гладко, пока вечерние тени не сомкнулись над нами; в это время, войдя в пролив, юноша в атласном костюме почувствовал себя совершенно сбитым с толку, несмотря на то, что снял шапку и попытался почесаться, чтобы узнать что-нибудь; короче говоря, если бы не капитан Харрисон, первоклассный моряк и штурман, что готовы засвидетельствовать все, кто когда-либо плавал с ним, мы могли бы оставаться на плаву всю ночь: к счастью, его превосходное мастерство доставило нас в целости и сохранности, и это было нелегко. задача, уверяю вас, состоит в том, чтобы либо найти канал, либо проложить свой путь через множество судоходных компаний на одном из этих пароходов-левиафанов.

Признаюсь, у меня сложилось очень низкое мнение о нью-йоркских пилотах, которое не усилилось, когда один из помощников показал мне тисненую карточку со своим адресом, которую ему вручил наш пилот, сопровождаемую приглашением прийти на *званный вечер*. Поскольку тайна впоследствии была раскрыта, мне лучше сразу же дать вам ее разгадку и не позволять корпусу нью-йоркских пилотов оставаться под запретом осуждения в ваших умах так долго, как это было в моем. Оказалось, что дерзкий юноша не был официальным лоцманом, а просто учился этому; и что, когда пароход показался в поле зрения, настоящие лоцманы спали, и он не позволил позвать их, а тихонько ускользнул в лодке и поднялся к нам на борт, чтобы попробовать свои силы в качестве подмастерья; лоцманы Нью-Йорка, я полагаю, самые способные и умелые люди.

И вот я, читатель, в Нью-Йорке, в новой стране, в новом полушарии, в кромешной тьме, если не считать отражающихся в воде огней города по обе стороны. Внезапно раздается один звонок, затем другой, и по свету в окнах вы обнаруживаете, что большой деревянный дом пустует по течению. Расспросив, вы выясняете, что это всего лишь один из их гигантских паромов; об этом стоит подумать, поэтому вы ложитесь спать в полночь и мечтаете, как это будет выглядеть на самом деле утром.

СНОСКИ:

[C]

Я полагаю, что на подходящем мысе следует воздвигнуть еще один маяк.

ГЛАВА II.

Страна звезд и полос.

"Сан" вышел в эфир в день открытия, прежде чем я появился на палубе. Что за сцена! Почти не было зефира, рябившего благородный Гудзон или великолепный залив; последний не имел выхода к морю, за исключением тех мест, где терялся в далеком океане; первый был окружен великим Вавилоном Америки с одной стороны и прекрасными лесистыми берегами Хобокена - с другой. Высокие западные холмы образовывали резкий, но грациозный изгиб реки, вокруг которого флотилия небольших судов с щегольскими корпусами и белоснежными парусами кралась тихо и бесшумно, как черные лебеди с белыми крыльями; тишину и покой нарушали лишь редкие звуки трубы какого-нибудь гигантского парохода высокого давления, когда он проносился мимо них с молниеносной скоростью. Внезапно в излучине реки появился плавучий остров; при ближайшем рассмотрении оказалось, что это пароход, у борта которого было закреплено от двадцати до двадцати пяти больших лодок, многие из которых были загружены в Буффало и направлялись по каналу Эри в океан. Вокруг меня были корабли всех видов и стран; огромные паромы расходились во всех направлениях; леса мачт вдоль причалов; развевались флаги всех цветов и наций; темные старые склады в богатом районе Уолл-стрит и высокие здания в новых частях города; во всем было что-то новое, но на всем лежала печать опережающего движения. Эта великолепная панорама, видимая сквозь яркую среду розового утра и безоблачного неба, оставила приятное впечатление, которое время никогда не сможет стереть. Но хотя все было странно, я не мог почувствовать себя за границей, настолько сильна сила языка.

Простившись с нашим достойным и способным шкипером, мы высадились на земле гигантской Республики в Джерси-Сити, где расположены причалы и т.д. компании Cunard line, поскольку они не смогли обеспечить достаточное пространство со стороны Нью-Йорка. Первое, с чем мы

столкнулись, была, конечно, Таможня; но ты не должен воображать, любезный читатель, что таможенный чиновник в Америке - это та таинственная смесь сыскной полиции и чистокровного хорька, с которыми ты слишком часто встречаешься в Старом Свете. Он не считал необходимым вываливать все на пол и причинять вам всевозможные неудобства, демонстрируя свою значимость; удовлетворенный этим сам, он произвел на вас впечатление простой вежливости, завоевав таким образом уважение там, где напыщенный любознательный вид животного вызвал бы недоброжелательность и презрение. Слава богу, возросшее взаимное сообщение, ставшее следствием использования паровой энергии, в значительной степени цивилизовало эту, до недавнего времени варварскую часть европейской семьи; я также не пытаюсь отрицать, что соседство наций и гораздо большее количество предметов, облагаемых пошлиной, облегчающих и увеличивающих контрабанду, делают определенную степень свирепости немного более необходимой со стороны оператора и немного больше терпения со стороны жертвы.

Всего за несколько минут наша компания собралась и очутилась на борту парома; никаких ваших маленьких приспособлений для игры на скрипке, где тележке, запряженной осликом, и мальчику-шарманщику с трудом удастся найти место для стояния, но хороший чистый стофутный трап шириной двенадцать или четырнадцать футов с каждой стороны двигателя и крытая каюта за пределами каждого трапа, простирающаяся на половину длины судна; платформа, приспособляющаяся к подъему и опусканию воды, позволяет вам с совершенной легкостью въезжать на борт, в то время как небольшие бассейны, в которые вы спускаетесь с обеих сторон, позволяют вам легко подниматься на борт. будучи образован из прочных свай, закрепленных только на дне, он поддается судну при ударе и полностью устраняет любое сотрясение. Здесь я могу добавить, что за все время моих путешествий по Штатам я не нашел ничего более совершенного по конструкции и устройству, чем паромы и их лодки, плата за которые самая умеренная, варьируется в зависимости от расстояния и колеблется от одного полпенни и выше.

Трудно сказать, что поразило меня больше всего при приземлении в Нью-Йорке; если бы не универсальность саксонского языка, я был бы озадачен, пытаюсь решить, в какой части света я нахожусь. Лес мачт и суeta на набережных напомнили мне о большом морском порту Ливерпуля; но едва я покинул набережные, как рекламные объявления на разных этажах напомнили мне об Эдинбурге. Еще несколько минут, и я миновал одну из их больших улиц, справедливо называемых "Авеню", ряды деревьев по обеим сторонам которой напомнили мне *Аламедас* в испанских городах; но путаница в моих мыслях завершилась, когда наемная карета остановилась, чтобы пропустить огромный железнодорожный вагон, запряженный четверкой лошадей и способный вместить пятьдесят человек.

Наконец, с помутившимися мозгами, я остановился в отеле "Патнэм", где мой добрый друг мистер У. Дункан приготовил номера для нашей компании; на этом его рвение в нашу пользу не остановилось, поскольку он воспользовался привилегией первым предложить нам гостеприимство и уже приготовил для нас превосходнейшие блюда в знаменитом кафе "*Дельмонико*", где мы нашли все самое лучшее: устрицы разного размера - от "местных" до крупных американских, размером с небольшую ножку валлийской баранины. —имейте в виду, я говорю о маленькой ножке — последняя чудесна на вид и приятна на вкус, хотя и намного уступает сладенькой маленькой "туземке".

Здесь я впервые увидел рыбу под названием "овечья голова", которая, я полагаю, неизвестна по нашу сторону Атлантики. Она получила свое название из-за того, что у нее зубы, точь-в-точь как у барана, и это превосходнейшая рыба, которой можно утешиться за неимением тюрбо, которого никогда не видели в американских водах. Читатель, я не собираюсь навязывать тебе меню; я просто упоминаю гигантскую устрицу и баранью голову, потому что они характерны для этой страны; и если мои почти первые наблюдения за Америкой носят гастрономический характер, то это не потому, что я боготворю свой маленький интерьер, хотя, признаюсь, испытываю сильное пристрастие к тому, чтобы его было хорошо обставлено; но это потому, что за все время моего пребывания в Соединенных Штатах — от моего друга Д., который так приветствовал меня по прибытии, до мистера Р. Фелпса, в доме которого я жила как ручная кошка, прежде чем переехать в другую страну. отправляясь в старую Англию, я везде находил гостеприимство выдающейся чертой американского характера.

Проведя очень приятный вечер и потратив ночь на то, чтобы отоспаться от паров общения, я впервые проснулся в одном из великолепных американских отелей; и здесь, пожалуй, стоит сказать о них несколько слов, поскольку их огромные размеры делают их почти национальной особенностью.

Самым большим отелем в Нью-Йорке, когда я приехал, был "Метрополитен", в центре которого находился театр; с тех пор был построен "Святой Николай" площадью около ста квадратных ярдов, высотой в пять этажей, который после завершения строительства вмещает около тысячи человек. Вообще говоря, в большом отеле с одной стороны есть вход для дам, что совершенно необходимо, поскольку вход в холл неизменно заполнен курильщиками; весь первый этаж, за исключением этого холла и читального зала, отдан под магазины: там есть две столовые, одна из которых отведена для дам и их друзей, и туда бродячий холостяк не допускается, разве что он познакомится с кем-нибудь из дам или получит разрешение хозяина дома. Большой вход щедро обставлен множеством стульев, скамеек и т. Д., Украшен вместительными плевательницами и печью, которая зимой раскаляется докрасна. Повсюду в изобилии разбросаны газеты тончайшего материала и самого микроскопического вида со всех концов Союза; представителей всех видов человечества можно увидеть занятыми по—разному - группы разговаривают, другие жарят на плите, многие раскалывают арахис, еще больше курят, и их объединенным трудом тротуар превращается в причудливую мозаику из мокроты и ореховой скорлупы, иногда дополняемую сигарным пеплом и выброшенными окурками. То тут, то там вы видите пару ног в веллингтонских ботинках, перекинутых через спинку одного стула, в то время как их владелец поддерживает свой центр тяжести на другом. У всех них есть одна общая черта — занятость; разговаривают ли они, или читают, или колют орехи, особая энергия показывает, что ум работает. Дальше внутри находится стойка для клерков, которые назначают комнаты путешественникам по мере того, как они заносят свои имена в книгу; на длинных табуретах рядом расположился корпус слуг, а на виду у всех стоит "Оповещатель", этот бесценный образец американской механической изобретательности, с помощью которого, если в какой-либо комнате дернуть за звонок, раздается один громкий удар и указывается номер комнаты, в каком состоянии он остается до замены; так что, если бы все покинули холл, первый вернувшийся человек сразу увидел бы, в какие колокола звонили во время его отсутствия, и номера телефонов на дверях. из комнат, которым они принадлежали. Я не могу понять, почему это замечательное изобретение не было внедрено в нашей стране.

Бар - одно из самых — если не самых—важных - подразделений отеля; за ужином сравнительно ничего не пьют, но как только трапеза заканчивается, бар подвергается нападкам посетителей; более того, с утра до полуночи наблюдается непрерывная череда посетителей; не только постояльцы и их друзья, но и любые компании, проходящие по улице, которые чувствуют себя расположенными, заходят в бар любого отеля и заказывают "выпивку". Деньги, вырученные в популярном баре в течение дня, я считаю, совершенно баснословны.

Едва ли менее важной, чем бар, является парикмахерская. Ничто так не поражало меня, как американец под бритвой или щеткой: в любых других обстоятельствах жизни, полный активности и энергии, под бритвой или щеткой он являет собой воплощение лени и беспомощности. Обычно равнодушный к роскоши, он здесь истощает всю свою изобретательность, чтобы добиться ее; обычно уклоняясь от прикосновения негра, как от ядовитого зуба змеи, он здесь отдает свой нос под цифровую опеку этого соболиного оператора и отдает свое горло на его милость, или упивается щекочущим экстазом от своих манипуляций со свиной щетиной; всем этим он наслаждается в полулежачем положении, полученном в мягком кресле и на высоком табурете, где он лежит с устойчивостью, которая способствует продлению жизни, как если бы он был в состоянии покоя. , но неподвижный — наводящий на мысль о недавно забальзамированном египетском трупе. Никогда не брившийся чаще, чем раз в две недели, а затем не нуждавшийся в мыле и воде, и сам стригший волосы в течение почти двадцати лет, я никогда не думал о проведении эксперимента, о чем с тех пор сожалею; ибо много раз я стоял в изумлении, глядя на эту странную аномалию характера, и тщетно искал первопричину. Парикмахерская в отеле St. Nicholas - самая роскошная в Нью-Йорке, и я полагаю, что в каждой комнате есть своя щетка, стакан и все остальное, пронумерованное таким же образом в магазине.

Главной особенностью новых отелей является "Комната для новобрачных"; отсутствие изысканности, подсказавшее идею, сравнимо только с отсутствием вкуса, с которым она воплощена в жизнь. Представьте себе скромную девушку, сказавшую "Да" и скрепившую свое утверждение торжественными богослужениями в Церкви, удаляющуюся в брачные покои Святого Николая! Во-первых, переезд в отель показался бы ей противоречием в терминах; но каковы были бы ее чувства, когда бы она обнаружила, что стены ее квартиры обиты гофрированным белым шелком и атласом, а в центре комнаты - супружеское ложе, завешенное белыми шелковыми занавесками и сверкающее яркой струей газа из каждого столбика кровати! Двери спальных комнат часто снабжены очень хитроумным замком, имеющим отдельный засов и замочную скважину с каждой стороны, полностью разъединенными, и, следовательно, поскольку их можно открыть только с той стороны, с которой они заперты, ни один человек, даже обладающий отмычкой, не сможет войти. Зловещее предупреждение "Запирайте дверь на ночь", которое обычно вешают, в сочетании с распущенным обществом, часто встречающимся в крупных отелях, делает наиболее целесообразным применение всех мер предосторожности.

Во многих отелях в каждом номере есть Библия - подарок какой-нибудь религиозной общины города; те, что я видел во время своих путешествий, чаще всего принадлежали пресвитерианам.

Рассказав вам некоторые подробности об американском первоклассном отеле в большом городе, вы, возможно, сможете лучше осознать гигантский характер этих заведений, если я

скажу вам, что в некоторых из них в сезон тем или иным способом ЕЖЕДНЕВНО потребляется от полутора тысяч до двух тысяч фунтов мяса, от сорока пяти до пятидесяти фунтов чая, кофе и прочего, а также льда тоннами, и у них есть корпус из ста пятидесяти человек прислуги всех мастей. Стирка в отеле производится с быстротой, близкой к изумительной. Вы можете получить рубашку, хорошо выстиранную и готовую к надеванию, почти за то же время, которое американец обычно проводит в руках парикмахера. Жизнь в этих отелях до некоторой степени изобильна, но, вообще говоря, крайне неприятна: во-первых, потому, что еду поглощают с быстротой, с которой свора гончих после недельного поста могла бы тщетно пытаться соперничать; и, во-вторых, потому, что невозможно подавать обеды на сотни человек так, чтобы девять десятых из них не были холодными. Лучшим из крупных отелей, в которых я обедал в Нью—Йорке, с точки зрения *кухни* т. Д., Безусловно, был "Нью-Йорк Отель"; но, безусловно, самым комфортабельным был тот, в котором я жил, — "Патнэм" на Юнион-сквер, - который был намного меньше и совсем новый, к тому же находился вдали от шумного Бродвея.

Расширение связей с этой страной, очевидно, оказывает самое благоприятное воздействие на многие необходимые и немислимые удобства нашего цивилизованного века, которые, как вы обнаруживаете, преобладают главным образом в тех городах, которые имеют с нами самые прямые сношения; но по мере продвижения дальше на запад этих удобств становится все меньше. Единственное, в чем отели повсеместно терпят неудачу, - это посещаемость; это их несчастье, а не их вина; как только слуга получает немного денег, он открывает какое-нибудь дело или мигрирует на запад. Следствием этого является то, что сфера службы почти полностью оставлена ирландцам и неграм, и я затрудняюсь сказать, в чью пользу сложится баланс между ними обоими — после почти годичного опыта этого.

Я помню, как однажды утром бедняга Пэдди, откликнувшийся на звонок Домработницы, получил указание принести теплой воды. Он ушел и совсем забыл об этом. Конечно, звонок прозвенел снова, и, когда Пэдди снял трубку, его спросили:

- Разве я не просил тебя принести мне теплой воды?

- Вы так и сделали, ваша честь.

- Тогда почему ты его не принес?

- Не могу сказать, ваша честь.

- Что ж, иди и принеси это немедленно.

Пэдди вышел из комнаты и остался ждать за дверью, почесывая затылок. Примерно через четверть часа раздался стук: —

- Войдите! - крикнул я.

Появилась голова Пэдди, и он сказал самым вопросительным тоном:

- Вы хотите попить теплой воды, ваша честь? *Ex uno, &c.*

Еще одним неудобством их отелей является необходимость либо жить за общим столом, либо идти на огромные расходы за отдельные номера; комфорт уединенного столика в кофейне совершенно неизвестен. Нет сомнения, что посидеть за домашним столиком - это простой

способ оценить манеры, тон беседы и, отчасти, образ мыслей нации, особенно когда, как в Соединенных Штатах, это обычное место отдыха каждого; но истина обязывает меня признаться, что после очень короткого знакомства с ним я нашел применимой старую поговорку: "Немного того, что дает многое"; и я тосковал по чистоте, бесшумности и комфорту английской кофейни, хотя ее стол и не был уставлен таким разнообразием и разнообразием блюд. изобилие.

Американская система, несомненно, является лучшей для владельца отеля, поскольку есть очевидные преимущества в том, чтобы подавать сразу массу блюд, а не одно и то же количество в деталях. Столовая из двадцати офицеров на борту военного корабля будет жить лучше на два фунта каждый в месяц, чем один человек мог бы прожить на вдвое большую сумму. Именно из-за отсутствия должного учета этого различия время от времени начинается крестовый поход против местных отелей путем проведения сравнений с отелями Соединенных Штатов. Если люди хотят, чтобы отели были такими же дешевыми, как в Америке, они должны пользоваться ими так же часто, соблюдать фиксированный график работы и сочетать все виды совершенствования ума и чистоты личности — что, я полагаю, вряд ли произойдет в мое время. Любопытный факт, что когда владелец "Адельфи" в Ливерпуле - в результате протеста, сделанного некоторыми американскими джентльменами в отношении его подопечных, — предложил им назначить свое собственное время и обедать вместе, в этом случае его расходы были бы значительно уменьшены, они и слышать об этом не хотели и хотели знать, почему они вынуждены обедать либо все вместе, либо в одно определенное время. Один американский джентльмен, с которым я знаком, рассказал мне, что, когда он впервые приехал в Англию, чувство одиночества, когда он завтракал в одиночестве за своим столиком в кофейне Морли, было совершенно непреодолимым. "Теперь, - добавил он, - я с величайшим удовольствием предвкушаю свой спокойный завтрак и газету каждое утро и только удивляюсь, как я мог прожить так долго и быть в таком совершенном неведении о таком простом удовольствии". Я подумал, что лучше сделать эти наблюдения так рано, хотя должно быть очевидно, что они являются результатами моего последующего опыта, и я чувствую, что должен извиниться за их длину.

Найти дорогу в Нью-Йорке, как, впрочем, и в большинстве американских городов, сравнительно нетрудно, за исключением его старых частей, которые так же изобилуют изгибами, ручьями и названиями, как и наши собственные. Новая часть города разделена на проспекты, идущие почти параллельно Гудзону; улицы пересекают их под прямым углом, и оба они просто пронумерованы; массивы зданий, которые образуют эти участки, очень близки по площади и называются кварталами. Отличное место для безделья, как они это называют, — Бродвей, который, можно сказать, делит Нью-Йорк пополам в продольном направлении; магазины здесь очень хорошие, но, вообще говоря, до боли похожие друг на друга, утомляющие глаз одинаковостью, когда новизна проходит: соперничество, которое существует в отношении роскоши оснащения некоторых из этих магазинов, невообразимо.

Я помню, как зашел в ледовый салон незадолго до моего отплытия в Англию; комната на первом этаже была сто пятьдесят футов в длину и сорок в ширину; ряды колонн с каждой стороны были до невероятности украшены резьбой и позолотой, и потолок был под стать; под ним была еще одна комната, немного меньше и, пожалуй, менее безвкусная; в обеих толпились самые разношерстные люди.

Дома построены из кирпича, и к ним обычно ведут ступеньки, благодаря чему территория получает гораздо больше света; и многие люди с очень красивыми большими домами живут почти исключительно в этих подвалах, используя другие квартиры только для каких-нибудь шикарных вечеринок: дома высшего класса, большие отели и некоторые магазины облицованы красновато-коричневым камнем, который имеет теплый и приятный вид. Знаменитый "Астор Хаус" облицован гранитом, а цокольный этаж выполнен из цельного гранита. Самым примечательным среди новых зданий является великолепный магазин мистера Стюарта — один из крупнейших, я полагаю, в мире: его фасад выходит на Бродвей более чем на сто пятьдесят футов, а назад уходит почти на такое же расстояние; в нем пять этажей, не считая подвала; его фасад облицован белым мрамором, и в нем представлены почти все товары, пригодные для продажи, за исключением съестных припасов. Если вам что-нибудь понадобится в Нью-Йорке, кроме ужина, зайдите в "Стюарт", и десять к одному, что вы это найдете, и всегда самого нового вида и образца; потому что это огромное заведение каждый год убирается и пополняется всем самым новым и лучшим. Ежегодно здесь продается товаров на сумму свыше миллиона фунтов стерлингов — сумма, которую, я полагаю, вряд ли превышало какое-либо заведение подобного рода, за исключением Морисона в Лондоне, где, я полагаю, в среднем полтора миллиона. Некоторое представление о размерах этого магазина можно составить из того факта, что для его освещения требуется четыреста газовых горелок. Мистер Стюарт, как мне сообщили, получил образование для более интеллектуальной карьеры, чем владелец магазина, каким бы грандиозным оно ни было; но обстоятельства вынудили его сменить занятие, и поскольку он начинал с небольшим капиталом, успех, сопутствовавший ему в бизнесе, не может не вызывать сожаления о том, что мир утратил выгоду, которую можно было бы ожидать от той же энергии и способностей, если бы они были применены к предметам более высокого класса.

Теперь я выскажу несколько замечаний о состоянии улиц. Некий писатель — я точно не знаю, кто именно, — утверждал, что Нью-Йорк — одно из самых грязных мест в мире. На это я должен дать самое безоговорочное опровержение. Ни один человек, знакомый со многими крупными провинциальными городами Англии и Шотландии, не сможет сознательно "бросить очень большой камень" в Нью-Йорк; ибо, хотя среди нас многое делается для улучшения и облагораживания — главным образом, благодаря бедствиям эпидемий, — я боюсь, что слишком во многих местах мы все еще находимся на этом этапе "жизни в стеклянных домах". Несомненно, Нью-Йорк бесконечно грязнее Лондона, поскольку Лондон в настоящее время гораздо менее чист, чем Париж во времена правления Третьего Наполеона. Я полностью допускаю, что здесь не так чисто, как должно быть, учитывая, что сумма, номинально расходуемая на уборку улиц, составляет почти шестьдесят тысяч фунтов стерлингов в год, сумма, равная одному фунту на каждые десять жителей; но решение этой проблемы следует искать в системе выборов в офисы корпораций, по этой теме я предлагаю сделать несколько замечаний в какой-нибудь будущей части этих страниц. Говоря об улицах, я не могу не отметить, что мне всегда казалось очень любопытным, что такой умный народ, как американцы, никогда не применял простой план использования тележек для подметания, которые многие из их соотечественников, должно быть, видели в действии в Лондоне. Если они и не были полностью эффективными, то их изобретательность могла бы сделать их такими; и, во всяком случае, они обеспечивают большую экономию человеческого труда. Но на улицах Нью-Йорка, особенно в нижней и деловой части города, есть неприятности, которые должен ощущать каждый посетитель — я имею в виду препятствия на тротуарах; и это, следует заметить, несмотря на законы, принятые для предотвращения этого, но исключающие ненадлежащее управление. Во

многих местах вы увидите человека, занимающего весь тротуар напротив своего магазина коробками-левиафанами и тюками, по-видимому, на неопределенный срок, поскольку я видел, как одни и те же вещи изо дня в день занимают одно и то же место и оттесняют с тротуара каждого прохожего. Эта информация может утешить некоторые из наших сообществ, которые страдают от глобальной и болезненной болезни аналогичной коррумпированной и неэффективной администрации.

Среди множества магазинов постороннего человека не может не поразить удивительное количество устричных салунов, прилепившихся к цокольному этажу, и дагерротипистов, примостившихся на небосклоне: имя им легион; все едят устриц, и кажется, что каждый снимает портрет другого. Мания изображать "божественное лицо человека" достигла такой степени, что шляпный мастер с Чатем-стрит получил немалую прибыль, объявив, что в дополнение к поставкам шляп по той же цене, что и его конкуренты, он бесплатно сделает портрет покупателя и прикрепит его внутри шляпы. Это было слишком неотразимо; поэтому я пошел и, выбрав свою двухдолларовую шляпу на первом этаже, поднялся в комнату на чердаке площадью шесть квадратных футов, где солнце делало свое дело со скоростью света, после чего свободный художник с той лестной склонностью, которая присуща его профессии, придал розовые оттенки молодости с помощью небольшого количества кирпичной пыли. В ответ я вручил ему свой прах и ушел, неся себя на голове, где меня и по сей день можно увидеть в качестве разъездной рекламы предприятия на Чатем-стрит.

Наши американские друзья в основном занимаются газетными затяжками, и поскольку некоторые из них достаточно забавны, я выбираю следующие в качестве образцов их стиля "Моисей и сын":

ЕЩЕ ОДИН УЖАСНЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.—О, МАМА! Я ПОПАЛА В УЖАСНЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ!--Как-то вечером, танцуя с кузеном Фрэнком, я уронила на пол свою заколку и сережку и разбила их вдребезги — Не обращай внимания, моя дорогая. Просто отнеси их в ювелирный магазин. Вы можете снова сделать их как новенькие! ПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ.—Мы только что с искренним удовольствием узнали, что *потрепанный* молодой человек, который растянул спину, пытаюсь "поднять ветер", быстро поправляется благодаря разумному применению мази "Мустанг". Следует надеяться, что вскоре он полностью выздоровеет и что в следующий раз, когда он предпримет это, он примет *вертикальное* положение, а не *сутулую* позу. Мы не сомневаемся, что эта мера предосторожности обеспечит успех. Эту мазь можно получить из ----. Даже брак и смерть не являются исключением из фантастического рекламного стиля. В пятницу, 10 июня, преподобным мистером ----, после сурового и продолжительного ухаживания, которое они переносили с христианской стойкостью и смирением, поддерживаемые и утешаемые, несмотря на все опасения, исключительно своей искренней и доверчивой верой в обещание богатого и живого наследства в другом штате, мистеру ---- скучать ---- всему этому городу.

4 апреля из-за гиперемии головного мозга умер Ф. Э., сын Дж.---- и М. К. Д., в возрасте четырнадцати месяцев.

Вчера его останки были доставлены в Г. для погребения.

Список! слышал, как тот ангел сказал,

Когда он взмахнул своим маленьким крылом,

- Давай, Фредди, уходи,

Научи меня петь песню!"

Самым крупным рекламодателем — если *New York Daily Sun* можно доверять в плане информации — является профессор Холлоуэй, столь хорошо известный в этой стране. Согласно этой газете, он разместил рекламу в тысяче трехстах газетах Соединенных Штатов и потратил в разных частях света огромную сумму в размере почти полумиллиона фунтов стерлингов исключительно на эту цель.

Но, читатель, есть более интересные объекты для размышления, чем эти. Если вы просто "побродите" погожим днем взад-вперед по Бродвею, вы увидите одни из самых изящных ножек, одни из самых красивых рук, одни из самых ярких глаз и одни из самых милых улыбок, которые когда-либо видел самый безумный мечтатель о красоте в своих самых восторженных видениях; если бы у них были только красивые фигуры, они вызвали бы зависть у Аламеда Андалусии; короче говоря, они самые настоящие утята в мире и одеваются с парижским совершенством. Поэтому неудивительно, читатель, когда я говорю тебе, что "слоняться" взад-вперед по Бродвею - любимое занятие молодых людей, у которых есть свободные часы. Моему юному другу из Домашней бригады это показалось настолько привлекательным, что его с трудом удалось убедить отказаться от своего ежедневного паломничества. Увы! бедняга, те времена прошли — с тех пор его "поймали", и теперь другой претендует на его безраздельное обожание.

ГЛАВА III.

Достопримечательности и увеселения.

В Нью-Йорке есть очень приятный яхт-клуб, праздничное собрание которого проводится в Хобокене. Получив гостеприимное приглашение, я с радостью воспользовался им и, перейдя Гудзон, короткой прогулкой привел меня и мою компаньонку к зданию клуба — не роскошному зданию, а деревенскому коттеджу с одной большой комнатой и пристроенной кухней, прекрасно расположенному в нескольких ярдах от кромки воды, на лесистом берегу Хобокена, на одном из самых изящных изгибов реки. Отсюда открывается великолепный вид, при этом

само по себе оно совершенно уютное и, "по преимуществу", является местом для пикника. Собственность принадлежит коммодору Стивенсу, который хорошо известен английским джентльменам-яхтсменам не только тем, что он "выбил из них дух" в Коузе, но и своим дружелюбием и гостеприимством.

По прибытии я обнаружил множество холостяков и женатых мужчин *в гарсоне*, готовых радушно встретить меня. Комната была очень удобной, но настолько без мебели, насколько могли пожелать любители покурить; фактически, за исключением стола и его ножи, стульев и их обитателей, остальная мебель состояла из моделей всех яхт клуба. Единственным исключением была триумфальная "Черная Мария" коммодора, об этом необыкновенном судне я намереваюсь рассказать более подробно ниже. Один из своеобразных обычаев клуба состоит в том, что назначаются два члена, способности которых неоспоримы: один готовит суп, называемый "похлебкой", другой — пунш, или "пунш-тодди", как его здесь называют, — оба они по-своему превосходны и во многих отношениях отличаются от любого подобного блюда дома. Подходящий рецепт того же самого появится, когда я расскажу подробнее о "Черной Марии".

Наша вечеринка была очень веселой, какой, я думаю, обычно бывают вечеринки, когда они состоят из тех, кто много *проводит* времени на воде. Такие люди, естественно, рассматривают протечку как очень неуклюжую и непрофессиональную, и поэтому скрупулезно избегают впускать *in* воду, заменяя ее чем-то более веселым, под оживляющим влиянием чего те, кто был бы озадачен, пытаюсь решить, играет ли шарманка "Да здравствует Колумбия!" или "Поп идет лаской", теряют всякую ложную скромность относительно своих музыкальных способностей и обретают королевский (прошу прощения у вашего величества) вокал. Припевы получают дополнительное очарование разнообразия от того, что каждый вокалист дает своему языку "всеобщее избирательное право" в отношении силы, содержания и мелодии; каждый демонстрирует счастливую независимость, и если в начале припева невезучий человек обнаруживает, что его сигара вот-вот погаснет, он делает несколько затяжек, чтобы сберечь драгоценный огонь, а затем начинает ускоряться, чтобы догнать своих коллег-вокалистов, смешивая десять нот в одну в своей безумной погоне.

Любому, кто наслаждается оперой, это описание может натолкнуть на легкое представление о диссонансе, но тому, кто наслаждался койкой мичмана, оно напоминает одни из самых веселых дней в его жизни; когда я слышал радостные крики, я почувствовал, что мои седые гладкие волосы снова становятся черными и вьющимися (?). Не думайте, что эта веселая сцена была результатом какого-то избытка; мы были трезвы, как судьи, хотя и чувствовали, что их серьезность была бы неуместна; но когда какой—нибудь избранный дух - а таких было несколько, — с душой мелодии в нем, выходил на поле, мы предоставляли ему самому управлять всем и курили наши сигары с удвоенной энергией, окутывая его клубящимся облаком, чтобы предотвратить любые нервные колебания.

Однако всему должен быть конец, и поскольку время отправления последнего парома быстро приближалось, мелодичный голос в холле смолк, эхом разносясь по рощам Хобокена и над водами Гудзона, пока мы шли от клуба к парому, а оттуда в постель.

Среди других "львов", которых можно было увидеть, мое любопытство возбудила новость о состязании по бегу на рысях, которое должно было состояться на Лонг-Айленде: какой-то друг всегда был готов, так что мы отправились на Бруклинский паром, откуда отправились по железной дороге. В былые времена эти скачки были в Нью-Йорке так же модны, как Аскот или

Эпсом в Англии; вся *элита* обоих полов заполняла трибуну, и вся сцена была оживленной и веселой. Различные обстоятельства, о которых знают все, кто знаком с этой территорией, вызвали у джентльменов на Лонг—Айленде такое отвращение к ней, что они перестали посылать лошадей на пробежки и постепенно отказались от них сами, и теперь это почти полностью предоставлено "хулиганам", - *они же мафия*.

В железнодорожном вагоне, в который мы сели, находилось около сорока таких достойных людей, все с сигарами во рту и демонстрировавших множество странных черт лица и костюмов. В проходе вверх и вниз по середине вагона продолжали патрулировать оборванные юные продавцы леденцов и арахиса, выкрикивая свой товар, на который они нашли готовый рынок сбыта; внезапно вошел еще один юноша и, раздавая форзац направо и налево каждому пассажиру, исчез в другой двери. Сначала я принял его за странствующего рекламодателя какого-нибудь янки "Мозес и сын" или за кого-нибудь из тех знахарей-целителей, которые пытаются обобрать молодежь ложью, рассчитанной на то, чтобы возбудить в них страх. Судите же о моем изумлении, когда, взглянув на газету, я обнаружил, что это были гимны, которые он распространял. Короткая поездка привела нас вплотную к трассе, и, когда я вышел, активный дистрибьютор свободно раздавал со всех сторон, все принимали, многие читали, но все спешили на землю.

Заплатив кругленькую сумму за вход на трибуну, я был несколько разочарован тем, что чуть не сломал себе шею, пытаясь воспользоваться своей привилегией, потому что моя нога чуть не прошла сквозь дыру в полу. Никогда в этом мире не было ничего более убогого на вид. Трудно было поверить, что несколько лет назад эта стойка была заполнена магнатами "верхней десятки тысяч" и звездами красоты: вот она была передо мной, со сломанными скамейками, едва ли целой доской в полу, и везде, где она была, она была покрыта старыми сигар-ными окурками, скорлупками от арахиса, апельсиновыми корками и так далее. Однако, когда я обнаружил, что зрителей на трибуне было семь человек, ее ветхость стала более легко объяснима, особенно когда я обнаружил, что доступ по бокам при небольшой активности можно было получить *бесплатно*— факт, вскоре подтвержденный появлением нескольких "хулиганов" и вездесущих продавцов леденцов и арахиса во главе с настойчивым распространителем гимнов.

Давайте теперь перейдем от унылой трибуны к нижеприведенной сцене. Ипподром представляет собой двухмильную дистанцию, идеально ровную, по гладкой дороге без камней, образующую полный круг — легкие повозки рысью разъезжают по центру со скоростью шестнадцать миль в час; снаружи - группы "хулиганов". мастерают крючки и присматривают за новичками — предмет, который не так легко найти на Лонг-Айленде, как в Эпсومه.

Гонка должна проходить "под седлом", и длинный список участников, который был объявлен, сократился до старой и широко известной леди Саффолк и молодой и безвестной Такони.

Замечается переполох среди "хулиганов", за которым следует появление "на досках" леди Саффолк. Я с удивлением смотрел, как она — маленькое животное, похожее на пони, — переставляет ноги, как будто они были в лубках, и как будто шесть миль в час были ей не по силам; вскоре вперед вышла Такони - образчик хорошей костлявой почтовой лошади, лишенной всякой красоты, но выглядевшей полной сил. У всадников нет характерной одежды; пара веллингтоновых сапог натянута поверх брюк, на каблуках острые шпоры — грубые и готовые на вид птицы. Стойка для выигрыша находится напротив трибуны, судья находится там с доской для раздачи карт в руке, удар сбоку от трибуны означает "объявляю конем" и еще один

сигнал "начинать". Старт проводится с дистанционной стойки, чтобы дать лошадям возможность набрать полный темп к тому времени, когда они достигнут призовой стойки, когда, если они достаточно близко друг к другу, подается сигнал "Отбой"; если он не подается, они пробуют снова. Говоря о времени прохождения мили, всегда следует иметь в виду тот факт, что она начинается на полной скорости: иногда кто-то из участников делает фальстарты специально, чтобы попытаться раздражить характер лошади противника; и точно так же, если человек чувствует, что полностью владеет своей лошадью, он будет кричать, как дикий индеец, когда приблизится к своему противнику, чтобы заставить его "разогнаться" - или перейти в галоп; и, поскольку все они приучены ускоряться скорее голосом, чем шпорами, ему очень часто это удается. , и, конечно, противник сильно теряет позиции, снова переходя на рысь.

В данном случае фальстарта не было; эхо второго удара все еще звучало в машине, когда они вплотную приблизились к победному столбу. "Прочь" - вот было слово, и они ушли. Конечно, было чудесно видеть, как милая старушка леди Саффолк и ее негнущиеся ноги летали по кругу; можно было подумать, что она питалась молниями, так быстро она двигала ими, но удивительно короткими шажками. Так, напротив, выглядел так, словно его посадили на каучуковые мячи: каждый раз, когда он поднимал заднюю лапу, казалось, что он вытягивается на целую голову; если бы он мог шагать так же быстро, как старая леди, он мог бы пробежать милю почти за минуту. Вскоре Такони расступается, и, прежде чем он переходит на рысь, остается большой промежуток. Крики "Леди Саффолк, леди Саффолк побеждает!" разрывают воздух; еще несколько секунд, и гигантские шаги Такони сокращают разрыв с каждым шагом: они преодолевают дистанцию шея к шее; "Такони побеждает!" - это крик, и он достаточно правдив — на длину. Молодая кровь побеждает старую кровь—Индия-резиновые мячи "хлещут" молнию. Время, пять минут.

Следует обычное возбуждение и споры, проходит обычное время — слышен удар номер один, все готовы — удар номер два, они приближаются, натягивают уздечки, натягивают рты своим лошадям, как будто хотят натянуть удила до самых кончиков хвостов. "Прочь" - это крик: они снова уходят; Такони отрывается — снова разрыв, который быстро сокращается огромными шагами — снова Такони побеждает. Время: пять минут пять секунд. Все кончено, спешите к машинам и так далее. Примечания: — во-первых, скорость составляет двадцать четыре мили в час; во-вторых, чистая пожилая леди, которая была побеждена всего на длину, давно вышла из подросткового возраста; разве это не замечательно, и разве она не великолепна в своем поражении? Воображаемая вдовствующая леди Л. ... впадает в истерику и бежит наперегонки по Роттен-Роу с каким-нибудь "быстрым молодым человеком"; что бы вы сказали, если бы она ухватила за фалду его пиджака, когда он коснулся призового столба? Поистине, эта милая старушка леди Саффолк - чудесное четвероногое. Читатель, поскольку тебе не хочется снова возвращаться к "Роуди и Ко", мы предположим, что вернулись в Нью-Йорк, и я могу только надеяться, что тебе не наскучили развлечения этого дня.

Среди необычных фантазий этой необычной расы, которая всегда жаждет чего-то нового, даже если это новая территория, самой странной является металлический гроб: могила не защищает от их мании новизны. В витринах магазина на Бродвее можно увидеть это странное и, на мой взгляд, отвратительное изделие в форме мумии, герметично закрывающееся стеклянной пластиной, открывающей черты неодоушевленного обитателя. Я, конечно, читал о безутешном любовнике, который после смерти той, кто неблагодарно отказалась ответить взаимностью на его привязанность, тайком выкопал ее тело, запасся скудными припасами и, сев в маленькую

лодку, пустился в плавание по широким водам, чтобы наблюдать за ее постепенным разложением, пока голод не сведет их в одну общую могилу. Я также знал офицера, который, сделав чучело старой и верной собаки и поставив его на каминную полку, когда вскоре после этого умер его единственный ребенок, горячо умолял хирурга сделать чучело ребенку, чтобы он мог положить его рядом с верной собакой. Тем не менее, я не могу поверить, что подобные отклонения человеческого интеллекта достаточно часты, чтобы сделать компанию Patent Metallic Coffin популярным или прибыльным предприятием.

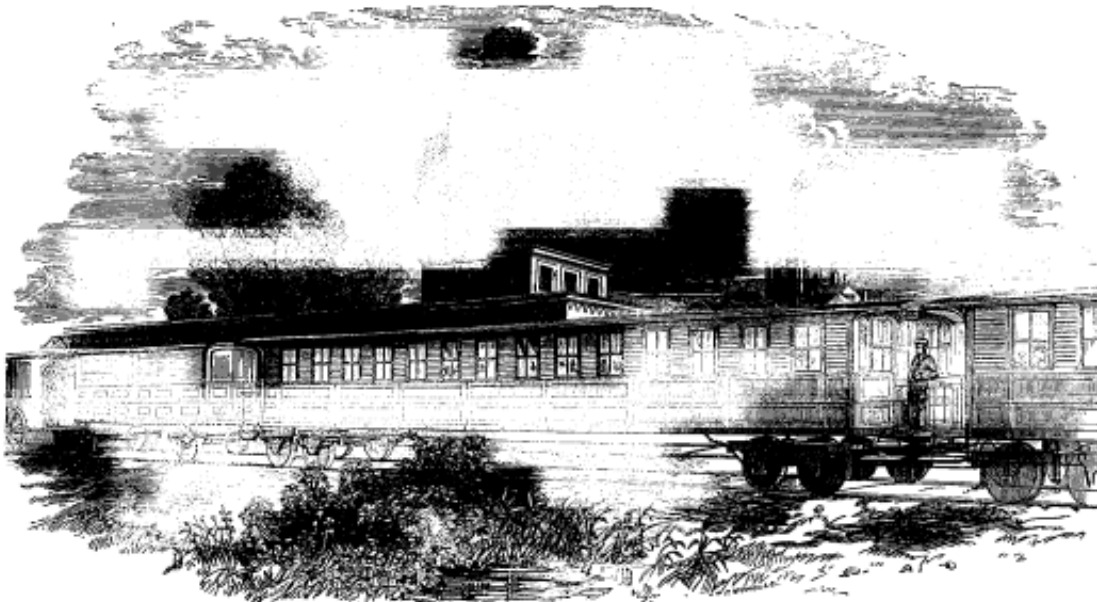
Важной особенностью густонаселенного города является средство передвижения, которое здесь, помимо наемных кэбов и омнибусов, включает железнодорожные вагоны. Я бы заметил раз и навсегда, что лошадей Америки в целом можно отнести к категории выносливых, жилистых и активных скакунов. Вы не увидите ничего, что могло бы сравниться с некоторыми прекрасными клячами, которых выставляют "Роттен Роу" или Мелтон; но, с другой стороны, вы редко увидите неуклюжих, раскисающих, тяжелых животных, столь распространенных в этой стране. С другой стороны, лошадь в этой стране ухожена и загнана в стиль, которого я никогда не видел в Америке, и поэтому демонстрирует гораздо больше преимуществ, несмотря на то, что янки иногда украшают свою голову волосами из хвоста; с другой стороны, хотя англичанин считает пару кляч, которые пробегают милю за пять минут, большим призом, ни один любитель лошадей в Америке не взглянул бы на пару, которая не может преодолеть то же расстояние за четверых; и он не счел бы, что о них стоит говорить, если они не могут преодолеть дистанцию за очень короткое время. несколько секунд в течение трех минут. С одной стороны, темп - почти единственный объект; с другой стороны, форма и внешний вид имеют большое значение.

Поскольку американцы по своей природе склонны к общению, а бизнес учит прописной истине, что сэкономленный цент - это цент приобретенный, наемные экипажи сравнительно мало используются мужчинами; ибо следует помнить, что бездельники в этой стране составляют невидимое меньшинство общества! Естественным следствием этого является то, что они чистые и дорогие. Водители - очаровательно независимые и, несомненно, вольные птицы, но они не хотят быть нецивилизованными. Один из них продемонстрировал свою независимость, попросив однажды два доллара за ночь за трехмильную поездку домой в отель. Я справился у хозяина и выяснил, что надлежащая плата составляла полтора доллара; но, когда я отослал столько же, Джарви был слишком горд, чтобы признать свою неправоту, и, отказавшись от денег, уехал — и больше я о нем никогда не слышал.

Их раскованность никогда не может быть лучше проиллюстрирована, чем в старом анекдоте, рассказанном о стольких людях, начиная с бывшего принца Франции и ниже; а именно, принц, заказав наемное такси, стоял у дверей отеля, курил сигару и ждал его прибытия. Когда подъехал Кэбби, который, судя по внешнему виду принца, был "пассажиром", он спросил: "Вы тот парень, который послал за кэбом?" И, получив в ответ утвердительную улыбку, он сказал: "Что ж, садитесь; полагаю, я тот джентльмен, который отвезет вас".

Следующее средство передвижения, о котором следует упомянуть, - это омнибус. Друг, наводивший справки по этому вопросу, сказал мне, что их более тысячи и что они платят двадцать два процента. Они бесконечно лучше наших просто потому, что шире: самое полное воплощение олдермена после обеда с черепаховым супом, даже если бы он, выражаясь выразительным языком мистера Уэллера, "заметно раздулся", смог бы проехать по центру без неудобств для пассажиров с обеих сторон; а поскольку хорошие дивиденды - вещь, которой не

стоит пренебрегать, они не нанимают "хама" сзади. Дверь закрывается ремнем, идущим по крыше, с петлей на конце, которую Ииуй надевает себе на ногу. Любой, желающий выйти, тянет за ремень; Ииуй останавливается; и, сунув нос в ячейку в крыше, берет серебряную плату; и, сняв петлю, дверь открывается для человеческой "платы". Несомненно, это приводит к очень большой экономии, и отказ от *сад* в этой стране мог бы позволить снизить тарифы; но я сомневаюсь, что не будет очень много возражений против принятия нами этого плана; и мне было бы очень не хватать этого олицетворения дерзости и вежливости, с его пытливым взглядом и эксцентричными и постоянными движениями указательного пальца, который то и дело застывает острием к небу, как будто под магическим воздействием какого-то невидимого электробиолога, чье постановление вышло: "Вы не можете пошевелить пальцем, сэр, вы можете нет, ты не можешь." У меня есть только одно недовольство против омнибусов в Нью—Йорке - это их монополия на Бродвей, который действительно имел бы очень красивый и импозантный вид, если бы не они: они разрушают весь эффект, и постепенно начинаешь думать, что это Стрэнд расширился, несмотря на великолепные дворцы, отели и т. Д., Которые украшают его по обе стороны.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВАГОН.

Последнее средство передвижения, о котором следует упомянуть, — это железнодорожный вагон, который - поскольку город построен на идеальной равнине — превосходно приспособлен для передвижения. Рельсы проложены по широкому проспекту с каждой стороны Бродвея, и вагоны запряжены лошадьми, иногда двумя, иногда четырьмя. В тех, что используются для простых городских перевозок, всего две лошади, и они вмещают около двадцати четырех пассажиров; остальные курсируют от нижнего конца города до места, где их ждет паровоз снаружи. Городской железнодорожный вагон можно назвать длинным омнибусом, с низкими колесами, широким, просторным и чистым внутри и чрезвычайно удобным для посадки и выхода. На обоих концах есть пролом, один под присмотром Ииуя, другой под присмотром стражи; так что, хотя они и идут рысью в хорошем темпе, их очень легко остановить. Когда они добираются до конца путешествия, лошади меняют концы, таким образом избегая необходимости какого-либо поворота, пространство, необходимое для

которого, сильно повлияло бы на расходы. Для оживленного города, расположенного на равнине, это, несомненно, лучшее средство передвижения, поскольку вмещает так много людей и очень удобно для входа и выхода.

Было предпринято сильное усилие, чтобы открыть один из них на Бродвее, и corporation jobbery почти преуспела в этом. Что касается меня, то, живи я на Бродвее, если бы они проложили единственную линию рельсов с маневровыми остановками через определенные промежутки времени, чтобы вагоны могли проезжать друг мимо друга, и установили регулярные часы движения, я бы бесконечно предпочел это неограниченной армии омнибусов, которые сейчас запрудили улицу; но я полагаю, что интересы последних слишком глубоко затронуты, чтобы с готовностью отказаться.

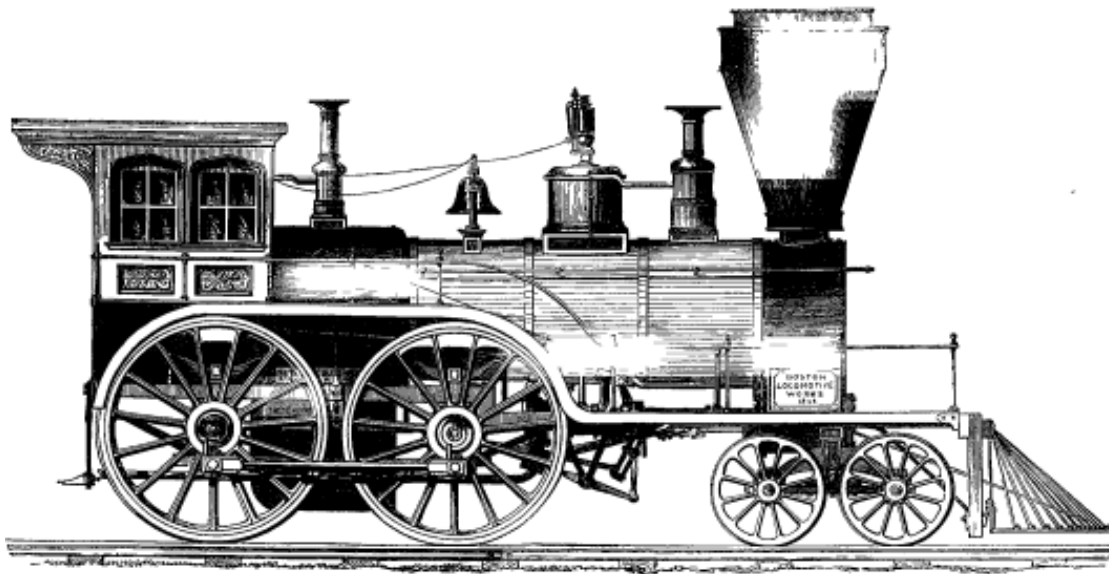
Прежде чем оставить тему железнодорожных вагонов, я могу также дать вам описание обычных пассажирских вагонов.

Они имеют сорок два фута в длину, девять с половиной в ширину, от шести до шести с половиной футов в высоту и вмещают от пятидесяти до шестидесяти пассажиров. Каждое сиденье имеет длину три фута четыре дюйма, расположено под прямым углом к окну и имеет реверсивную спинку. В центре вагона, между рядами сидений, есть проход. Зимой в каждом вагоне всегда горит печка; и в одном из них обычно есть отгороженная небольшая комната, в которой находится ватерклозет и т. Д. На каждом конце установлена дверь, снаружи которой есть платформа, на которой закреплен пролом. Эти тележки опираются с каждого конца на четыре колеса диаметром тридцать три дюйма, соединенных вместе в виде рамы и вращающихся на оси, что позволяет им легче преодолевать любой резкий поворот дороги. Их вес составляет от десяти до двенадцати тонн, а стоимость - от 400л. до 450л. фунтов стерлингов. Принятая система сцепки одинаково груба и неудобна; вместо того, чтобы плотно прижимать вагоны к буферам, как это практикуется в Англии, они просто сцеплены вместе, таким образом подвергая пассажиров серии рывков при трогании с места и, следовательно, вызывая равное количество сотрясений при остановке поезда.

Из приведенного выше рисунка видно, что узость сидений такова, что два пассажира — если они обычных габаритов — не могут сидеть рядом, не соприкасаясь плечами. Следует также отметить, что проход через центр вагонов позволяет любому человеку с легкостью проходить по всей длине поезда. Это привилегия, которой подвижная кровь и пыливый ум американца пользуются неограниченно, превращая путешествие в непрерывное хлопанье дверьми, которое, если гомеопатический принцип верен, оказалось бы безошибочным лекарством от головной боли, если бы звук был только растерт и пропущен через тончайшее сито, чтобы достичь барабанной перепонки в бесконечно малых дозах. Но, увы! его вводят оптом и с такой силой, что почти прежде, чем ухо улавливает звук, он начинает вибрировать в ахилловом сухожилии. Некоторые говорят, что лосось привыкает к обжатию; и я полагаю, что подобным же образом американская барабанная перепонка привыкает к этому отвратительному грохоту и шуму.

Багажный отсек обычно размещается между вагонами и локомотивом. И здесь важно, чтобы я сделал несколько замечаний относительно билетной системы, которая повсеместно принята в Америке. Каждому пассажиру выдаются пронумерованные бронзовые билеты, а к каждому предмету багажа прикрепляется дубликат. Багаж не доставляется без предъявления пассажиром билета, соответствующего билету на заявленном предмете, ответственность за

любую утрату несет Компания. Эта система особенно подходит к привычкам американцев, поскольку девять десятых из них, если не больше, по прибытии в конце своего путешествия неизменно останавливаются в каком-нибудь отеле; а поскольку каждое заведение, помимо предоставления омнибуса для удобства своих клиентов, имеет агента, готового присмотреть за багажом, путешественнику достаточно просто отдать свой билет этому служащему, избавляя себя таким образом от дальнейших хлопот.

ЛОКОМОТИВ.

Остается еще упомянуть последний, но не менее важный объект, связанный с железными дорогами, а именно локомотив. Диаметр его ведущих колес обычно составляет шесть с половиной футов, диаметр цилиндра - шестнадцать дюймов, а ход поршня - двадцать два дюйма. Но на что я хотел бы обратить особое внимание, так это на очень разумные меры, принятые для комфорта машиниста и кочегаров, которые полностью защищены от непогоды отсеком, стенки которого сделаны из стекла, что позволяет им проявлять более эффективную бдительность, чем они могли бы, если бы подвергались воздействию бессердечных методов, распространенных в этой стране.

Исходя из моего последующего опыта поездок по железной дороге Соединенных Штатов, я вынужден внести следующие предложения на рассмотрение нашего законодательного органа. Во-первых, для защиты пожилых, беспомощных или желающих, должен быть принят закон, обязывающий каждую железнодорожную компанию выдавать багажные билеты каждому пассажиру, обратившемуся за ними, при условии, что указанное заявление будет подано в течение определенного периода, предшествующего отправлению поезда; этот билет гарантирует доставку багажа на соответствующую станцию и надлежащему владельцу.

Во-вторых, закон, обязывающий железнодорожные компании предоставлять эффективную защиту от непогоды машинисту и кочегарам каждого поезда, возлагающий на председателя и совет директоров ответственность в виде самых суровых штрафов за каждую аварию, которая может произойти при пренебрежении этим простым и гуманным обеспечением.

В-третьих, акт, требующий определенной системы связи между охранником, пассажирами и инженером. Следующий грубый метод кажется мне настолько очевидным, что я удивляюсь, как его никто не опробовал, пока не была найдена какая-нибудь лучшая замена. Пусть сиденье охранника выступает во всех поездах — как это сейчас делается в некоторых — за пределы вагонов, что позволяет ему видеть всю длину одной стороны поезда; переносите подножку и поручни наполовину через пространство между вагонами, с помощью которых простым способом охранник мог бы выходить из одного конца поезда в другой, таким образом контролируя все и собирая билеты *в пути*, вместо того, чтобы причинять неудобства публике, как в настоящее время, задерживая поезд для этой цели на много минут.^[D]

Затем снабдите каждый вагон двумя прочными металлическими трубами, проходящими прямо над дверями и выступающими примерно на фут по длине вагона, причем конец трубы должен иметь приподнятый воротник, с помощью которого эластичная гуттаперчевая трубка могла бы соединять трубы во время крепления вагонов; затем от трубы с одной стороны в каждое купе следует провести ответвительную трубку из гуттаперчи, чтобы любой пассажир, дуя в нее, издавал свисток в месте, отведенном для охраны. С противоположной стороны трубы служили бы исключительно для связи между охранником и машинистом. Если длина какого-либо поезда окажется слишком большой для такого сообщения, конечно, лучше было бы пожертвовать дополнительным жалованьем охранника, чем пренебрегать человеческой жизнью так, как мы это делали до сих пор. Каждый паровоз должен иметь второй свисток с трубным звуком, подобный тому, который используется в Америке, для использования в случае *опасности*, обычный свисток используется, как и в настоящее время, только для предупреждения о приближении.

С этими пронизательными намеками на рассмотрение моих соотечественников я пока откладываю тему железных дорог и, в оправдание длинны моих замечаний, должен лишь сослаться на желание сделать поездки по железной дороге в Англии более безопасными, а мои будущие странствия более понятными. Мне есть что еще сказать о Нью-Йорке и его окрестностях; но, не желая сразу утомлять читателя, я вернусь к этой теме на страницах книги, как я это делал в своих последующих путешествиях.

СНОСКИ:

[D]

Эта власть надзора со стороны охраны могла бы также эффективно сдерживать деятельность тех мошеннических игроков, которые наводняют многие наши железные дороги — особенно экспрессы Эдинбург и Глазго, — на которых, поскольку не происходит остановок, они сравнительно безнаказанно занимаются своим злодейским ремеслом.

ГЛАВА IV.

День на Северной реке.

Ранним погожим октябрьским утром у дверей отеля "Патнэм", на крыше которого громоздилась гора багажа, можно было увидеть четырехместную муху, а внутри все было уже забито. Наша компания — *то есть* мы втроем — села в другой экипаж, и вскоре оба экипажа оказались на берегу реки, где, пытаясь, удалялся пароход, которому не терпелось тронуться в путь. Вскоре тросы были отданы, и мы двинулись в путь по лону великолепного Гудзона, чья невозмутимая поверхность сверкала, как жидкий огонь, под лучами восходящего солнца. Я намеренно воздерживаюсь от каких-либо упоминаний об этом сосуде, поскольку он был старым и очень плохим экземпляром. Судно более нового и совершенного класса мне придется описать позже.

Выезжая из Нью-Йорка, видишь, что северные берега реки во всех направлениях усеяны аккуратными маленькими виллами, главной проблемой которых является газон, заклятым врагом которого является американский климат. Рядом с одной из этих вилл все вокруг меня сейчас улыбается покоем и радостью; увы! насколько иной была сцена всего несколько месяцев назад; тогда бьющиеся тела устилали благородный ручей, а холмы и рощи оглашались самыми горькими криками человеческой агонии, когда один из пароходов "левиафан", завернутый в свирепую и огненную мантию, спешил со своим живым грузом в горящую или затопленную водой могилу.

У нас была разношерстная компания пассажиров, но мы не были переполнены. Конечно, на борту был автозак. Куда можно пойти, не встретив никого из этой мигрирующей части нашей расы! Вот он, в своей "шокирующе плохой шляпе", с веснушчатым лицом, блестящими глазами и пронизательным выражением лица, курит свой старый "дудин" и разглядывает новый мир вокруг себя. Но кто скажет, что его мысли не витали в какой-нибудь жалкой лачуге на земле, где он родился, и его сердце не билось от благородной решимости, чтобы, когда его трудолюбие будет вознаграждено, те, кто разделял его горести на многолюдной земле его отцов, разделили его успех в скудно обставленном доме, который он усыновил? Удачи тебе, Пэдди, от всего сердца!

Меня довольно позабавила история, которую я услышал о недавно прибывшем пэдди-эмигранте, который, получив немного денег, конечно же, захотел немного виски. Когда он подошел к стойке, чтобы спросить цену, ему сказали три с половиной пенса. "За сколько?" спросил Пэдди. Ему протянули бутылку и сказали, чтобы он пил столько, сколько ему захочется.

Радости Пэдди не было предела от такой щедрости, и, не в силах сдержать свой восторг, он бросился к двери, чтобы сообщить хорошие новости своим товарищам, что он и сделал в следующей пикантной фразе: "Майк! Майк, свинуха моя! приходи и выпей по стаканчику — всего три пенса нам обоим, и все в твоей тарелке!"

Один несчастный на борту потерял рекомендательное письмо и вследствие этого оказался в большом затруднении. Я надеюсь, что ему удалось заменить его лучше, чем, как говорят, это сделала служанка при аналогичных обстоятельствах, которая, как гласит старая история, обратившись к капитану судна, получила от этого чиновника следующую сомнительную рекомендацию: "Это удостоверяет, что у Кейт Фланнаган был хороший характер, когда она садилась в Нью-Йорке, но она потеряла его на борту подходившего парохода. Джереми Пикод, капитан."

Пейзажи Гудзона были так хорошо описаны и так справедливо восхвалены, что мне нечего сказать на этот счет. Короче говоря, никакие слова не могут передать адекватного впечатления о великолепии оттенков лесов Северной Америки осенью. Листва невообразимо красива и разнообразна, от широких и ярко-темно-фиолетовых листьев клена до нежных и бледно-сухих листьев тополя, и все они гармонично сочетаются с темно-зелеными собратьями, в которых жизненные соки все еще текут в полную силу. Я слышал, как люди сравнивали Гудзон и Рейн. Я не могу представить себе два более непохожих ручья — отличительными чертами одного являются дикие лесные пейзажи, переливающиеся постоянно меняющимися оттенками и наводящие на мысль о новом мире; а другого — дикие и скалистые утесы, увенчанные похожими на жуков крепостями, и берега, окаймленные живописными деревнями и городками, рассказывающие о феодальных временах и старом свете. С таким же успехом я мог бы сравнить Гейдельбергский замок на высоком холме с Букингемским дворцом в его столичной дыре.—Но вернемся к Гудзону.

В разных местах вы увидите трамвайные пути, ведущие от берегов к воде; они предназначены для того, чтобы сбивать лед с озер и прудов, расположенных выше, для снабжения рынка Нью-Йорка. Ледники построены на склоне и обращены фасадом как можно дальше на север. Они построены из дерева, причем сдвоены, пространство между которыми — примерно полтора фута — заполнено дубленой корой. В излучине реки я увидел признаки чего-то похожего на причал или бассейн; и, на запрос, мне сказали, что это работа Компании, которая вообразила, что обнаружила, где знаменитый пират Кидд зарыл свои сокровища. Компания на свой страх и риск обнаружила, что это они зарывали свои сокровища, а не капитан Кидд зарыл свои; поэтому, осознав свою ошибку, они отказались от нее. Одним из самых красивых "местечек" на Гудзоне является Вест-Пойнт; но, поскольку я намереваюсь посетить его на досуге в дальнейшем, я сейчас прохожу мимо него без дальнейших комментариев.

Время от времени, особенно на южном берегу, встречаются большие участки, которые на расстоянии выглядят точь-в-точь как турецкие кладбища. Приблизившись к ним, вы обнаруживаете, что старый разрушитель, Время, израсходовал всю почву настолько, что сквозь нее проглядывает голый камень, и, как следствие, безутешный лес исчез, оставив только погребальный кипарис, безмолвно выражающий свое горе. Слушайте! что это за звук? Ужин! Взглянуть на компанию было не так *аппетитно*, как выпить бокал горького, но один взгляд на *рекламный ансамбль* был фатальным; так что наберитесь терпения до конца путешествия. Соответственно, я утешал себя сигарой и окружающим пейзажем; тоже нетрудная задача, когда

тебе помогают два хороших друга. Мы продолжали путь, проезжая мимо маленьких деревушек, суесящихся, как пчелы, и некоторые из них выглядели так свежо, словно были построены за ночь. Наконец, незадолго до наступления сумерек, показался Олбани хоув. Когда мы приблизились к пристани, она наполнилась рисовыми извозчиками и носильщиками всех возрастов: первые, размахивая кнутами, так ринулись на борт, когда мы оказались на расстоянии прыжка, что можно было подумать, будто они пришли штурмовать судно. Мы отнеслись к этому спокойно, позволив потоку пассажиров высадиться первыми; а затем, наняв два "отряда мальчиков" в наемные экипажи, мы подъехали к отелю "Конгресс-Холл", где, благодаря нашему молодому американцу чичероне, нас очень скоро с комфортом разместили и накормили отменным обедом. Я могу также объяснить, почему именно благодаря нашему другу мы оказались в удобном месте.

"По всей длине и ширине Республики люди стадны и повсюду ходят стаями; следовательно, по прибытии железнодорожного поезда или парохода автобусы из различных отелей всегда стоят в ожидании и быстро заполняются. Как только автобус подъезжает, каждый бросается к книге, лежащей на прилавке, чтобы как можно скорее вписать свое имя и занять спальню. Обязанность по распределению квартир обычно возлагается на старшего клерка или старшего помощника; но поскольку из-за склонности населения к локомотивам у него очень обширные знакомства, и он не знает, как скоро некоторые из них могут прибыть, он селит неизвестных в самых отдаленных комнатах; ибо поток посетителей во всех приличных отелях настолько велик, что вежливость вряд ли нужна для обеспечения обычаев. Не то чтобы они были невежливы; но смятение, вызванное прибытием, настолько велико, а масса путешественников настолько равнодушна к комфорту или вниманию, которые встречают в приличном отеле в этой стране, что, действуя по привычке, они начинают с того, что рассаживают своих гостей, как ворон, на верхушке дерева.

Чтобы устранить это неудобство, я бы предложил, в интересах будущих путешественников, план, который я сам неоднократно находил столь успешным в своих последующих путешествиях; который заключается в том, что всякий раз, когда вы с комфортом останавливаетесь в каком-либо отеле, относите письмо от владельца следующему, в котором вы хотите остановиться. Они дают вам это с готовностью, и во многих случаях я находил в этом преимущество. Все они знают друг друга; и таким образом вы могли бы путешествовать по всему Союзу.

Ужин окончен — события дня обсуждены "под благоухающими облаками", и мы засыпаем в столице штата Нью-Йорк.

Нам приходилось вставать рано утром, чтобы успеть на железную дорогу; следовательно, наше увлечение городом сводилось главным образом к выкуриванию сигары у входной двери. Город красиво расположен на берегу Гудзона, у его впадения в канал Эри. Это один из немногих городов в Республике, носящий роялистское название, поскольку был назван в честь герцога Йоркского и Олбани, и является очень процветающим местом с постоянно растущим населением, достигающим уже шестидесяти тысяч; и некоторое представление о его процветании может составить тот факт, что он ежегодно получает по каналу Эри товаров на сумму около шести миллионов фунтов стерлингов. Несколько лет назад его постиг страшный пожар, но он восстал, подобно фениксу, из своего пепла и получил материальную выгоду от наказания. Главным возражением, которое у меня было против города, было мощение улиц,

которое было отвратительным и полным ям, каждая из которых была достаточно велика, чтобы похоронить гиппопотама, и угрожала вывихом какого-нибудь сустава на каждом шагу; таким образом, ясно доказывалось, что контракт на мощение был в руках хирургов. По сходным соображениям мне часто приходило в голову, что владельцы лондонских кэбов, должно быть, в основном шляпники.

Наш спуск из отеля на вокзал был таким же быстрым, как спуск пересохшей горошины на раскаленную сковородку, но обошелся без каких-либо повреждений, потребовавших помощи дорожных врачей, и к тому времени, когда наш багаж оформили, поезд прибыл: одни вывалились, другие ввалились; чайник зашипел, и мы тронулись в путь, первые несколько сотен ярдов нашего путешествия прошли по улице. Не привыкший видеть поезд, несущийся во весь опор по улицам, я каждую минуту ожидал услышать предсмертный писк, когда кто-нибудь из маленьких сорванцов выскочит наружу, прыгая и играя рядом с вагонами; но они, кажется, защищены своего рода инстинктом; и я полагаю, что было бы так же легко переехать поездом воробья, как и мальчика-янки. Наконец мы выбрались из города и весело покатались по окрестностям. Наши спутники внутри были разношерстной компанией всех классов. По счастливой случайности мы нашли свободное сиденье, на которое можно было положить наши плащи и т. Д., Что было роскошью, которой я редко пользовался в своих будущих путешествиях, поскольку обычно мне приходилось носить их на коленях, поскольку американские вагоны обычно настолько переполнены, что редко найдется свободное место, на которое их можно было бы положить.

Наш маршрут частично пролегал вдоль реки Мохок, на берегах которой расположена прелестная деревушка Роктон, или Литтл-Фоллс, где бурлящий ручей сжимается между двумя прекрасными лесистыми утесами, обеспечивая водную мощь, которая была с пользой использована при строительстве мельниц. В этом месте канал Эри на протяжении двух миль прорезан в твердой скале, и его невозмутимые воды, контрастирующие с бурлящей рекой, пробивающейся через узкое ущелье, выглядят как потоки Покоя и Страсти, текущие бок о бок. По мере того как "железный конь" торопит нас вперед, среди дикого величия Природы в уши врываются жалкие кокниз-мены "Рим", "Сиракузы" и т. Д. Подобные нелепости достаточно смешны на наших загородных виллах; но обнаружить, что ими заменяют славные старые индийские названия, положительно больно.

Среди других пассажиров поезда был человек, выделявшийся среди своих собратьев чистоплотностью и скромностью; на расспросы мне сказали, что он профессор. Он выглядел довольно молодо для профессорской кафедры, и дальнейшее расследование смутило меня еще больше, поскольку я обнаружил, что он был *профессором Мыла*. Наконец, я убедился, что он заслужил свой титул, разъезжая по стране с лекциями и демонстрируя лично ценные качества своих моющих средств *treasures*, благодаря кочевой рекламе которых ему удалось заработать деньги и почести. Ораторское искусство некоторых из этих Профессоров, как мне говорили, такого уровня, перед которым устыдилось бы красноречие Демосфена, если бы в качестве испытания был принят успех; ибо, только поставьте их на углу улицы в любом городе, и я не боюсь, что мне придется съесть все пирожные, которые они не продадут, прежде чем они покинут свою ораторскую трибуну. Мыльный оратор сошел с поезда в Оберне, и вскоре после этого вандализм в отношении "Рима" и "Сиракуз" был искуплен более подходящими и благозвучными староиндийскими названиями "Каюга" и "Канандайгуа".

Когда мы добрались до станции последнего, старый и добрый друг моего брата, когда он впервые посетил Америку, ждал нас, чтобы поприветствовать в своем доме, который находился примерно в четверти мили от нас, и это оказалось очень удобным заведением во всех отношениях. Наш достойный хозяин был шотландцем по происхождению, и хотя он прожил в Соединенных Штатах почти полвека, он был таким же чистокровным шотландцем во всех своих проявлениях, как будто только что прибыл со своей родины; и, наслаждаясь его гостеприимством, вы могли бы представить себя в старинном семейном особняке шотландского лэрда. Во всех проявлениях его доброты ему самым умелым образом помогала его любезная леди. Все, что я видел до сих пор, было наполнено атмосферой новизны, как будто было сделано вчера: здесь старая мебель и ее фасон, даже само ее расположение - все говорило о давно минувших днях и, казалось, говорило: "Мы наследники ткацких станков". Когда вы поднялись наверх, старая Библия на столе в вашей спальне, в потертой обложке, с потрепанными страницами и большим клеймом на бумаге, потемневшим от времени, снова провозгласила: "Я - ткацкий станок-наследник" и вызвала ваше уважение; и все они были достойными товарищами для моего хозяина и его супруги, которые, согревая ваше сердце своим веселым и ненавязчивым гостеприимством, также вызывали ваше уважение тем, как они его раздавали.

На следующий день наш маршрут пролегал через всю страну, в стороне от дилижансов и железнодорожных путей; поэтому пришлось обзавестись экипажем, который мой юный американец чичероне под руководством хозяина очень быстро организовал; и в назначенное время к дверям подъехала длинная, легкая, открытая повозка с откинутыми по бокам сиденьями, запряженная четырьмя аккуратными серыми лошадьми, от которых у "Томми Онслоу" потекли бы слюнки.

Пока они загружают багаж, я могу также рассказать вам о том, как в этой стране молодых людей иногда учат стрелять. Время — раннее утро. Отец семейства стоит в дверях, курит сигару — появляется мальчик лет десяти.

- Послушай, отец, можно мне в два сорок?^[E] Я хочу съездить на ферму, посмотреть, как кормят мой скот!"

Едва удалось получить разрешение, как в другом квартале послышался крик. "Привет, Джемми! в чем дело? Шелти не пойдет?"

Юноше, к которому обратились, было лет шесть, и он сидел в маленькой низкой четырехколесной коляске и погонял шотландского пони, покрытого шерстью, каждый волосок которой был длиной с лошадиный хвост. Вскоре обнаружилась трудность, потому что это был старый трюк Шелти - высунуть одну ногу из шахты и ударить, требуя платы, если он был недоволен.

- Убирайся, Джемми, я приведу его в порядок. - и соответственно, нога Шелти оказалась внутри, и Патерфамилиас начал толкать его круг за кругом перед дверью. После нескольких кругов он сказал: "А теперь, Джемми, садись снова, с ним теперь все в порядке".

Юный Ииуй садится верхом и, конечно же, начинает врезаться в Шелти одинаково энергично и безвредно; они уходят со счетом ".

- Куда ты идешь, Джемми? - спросил я.

"Что—скажешь—отец?" Ни одно слово не пропадет даром.

- Куда ты идешь, Джемми? - спросил я.

- Иду за репой для моих свиней. - И Джемми исчез за поворотом дороги.

Наведя справки, я выяснил, что Джемми часто уезжал таким образом за много миль от дома и был так же хорошо известен в округе, как и его отец.

В другой раз я помню, как трое парней, самому старшему около двенадцати, отправились в путь на четырехколесной тележке, вооруженные старым ружьем.

- Ты куда, туда? - спросил я.

"Стрелять голубей".

- Что это у тебя из кармана торчит? - спросил я.

- Заряженный пистолет! - и они понеслись во весь опор.

Думаю я про себя, что если эти парни не сломают себе шеи или не вышибут себе мозги, то научатся сами о себе заботиться; и я начал размышлять, не таким ли образом их учили любить независимость.

Теперь набросок противоположного пола. К двери сбоку подходят две лошади - оседланные. Выскакивают и прыгают две девочки младше двенадцати. Янг Тен в свои сорок два года - компаньонка. "Берегите себя!" - говорит встревоженный родитель. "О, я не боюсь, мама", - и они понеслись галопом по парку, словно персы. Мои мысли невольно вернулись домой, и я нарисовала картину с натуры. В дверях стоит верная няня; юная леди лет двенадцати садится в седло; конюх на другой лошади, с поводьями, достаточно крепкими, чтобы удержать линейный корабль при сильном ветре. Старой няне требуется столько времени, чтобы собрать юную леди, как будто она собирается совершить кругосветное путешествие; все время ходят разные шепотки, о смысле которых легко догадаться. Наконец все отговорки исчерпаны, и они трогаются в путь. Кляча леди слегка трусит трусцой; слышен голос няни— "Гуляй, гуляй, это прелесть! шагай, пока не освоишься в седле. Уильям, смотри, не отпускай поводья; они достаточно прочные? Уильям сдерживает смех; процессия движется с похоронным видом, верная медсестра наблюдает за ней с выражением сильного беспокойства. "Береги себя, это так мило!" и затем, когда объект ее заботы исчезает среди деревьев, она испускает долгий вздох; слышится бормотание — "какой—то несчастный случай", единственные различимые слова; затем раздается хлопок двери, и любящая медсестра — что? - вероятно, вытирает глаза в коридоре.

Вот две системы, которые, можно сказать, немного различаются и могли бы потребовать моего рассмотрения, если бы у меня не было дочерей, что отчасти, несомненно, объясняется главным недостатком жены. Во всяком случае, сейчас у меня нет времени на дальнейшие размышления, ибо повозка ждет у дверей, все повозки расставлены, и там стоят мой хозяин и его дама, готовые ускорить расставание так же быстро, как они были готовы приветствовать приближающегося гостя. Сердечное пожатие руки и прощание с Залом Гостеприимства. Пусть никогда ни одно облако не омрачит счастья его достойных обитателей!

Пока мы едем дальше, я могу также сказать вам, что Канандайгуа - красивая маленькая деревушка, расположенная на склоне, спускающемся к озеру с тем же названием, и поэтому отсюда открывается прекрасный вид — ибо когда водная гладь не прекрасна? В верхней части деревни, которая представляет собой длинную широкую улицу, обсаженную деревьями по обе стороны, есть несколько очень симпатичных маленьких вилл, населенных небольшим уютным сообществом численностью около четырех тысяч человек. И вот мы на открытой местности. Какая новинка в первую очередь бросается в глаза? — змеиные изгороди; и они щекочут нервы любому вспыльчивому мелтонскому джентльмену, который попытается пролететь над ними в небе. Они имеют высоту от шести до семи футов — иногда выше — и образуются путем укладки длинных расщепленных бревен одно на другое по диагонали, благодаря этому простому процессу отпадает необходимость в гвоздях или стойках; а поскольку древесина дешевая, дополнительная длина, вызванная их диагональной конструкцией, не имеет значения; но, поскольку все они расшатаны, прыгать на них так же неудобно, как на перекладине, которую те, кто однажды освоил, не горят желанием пробовать снова.

Всегда приятно играть в боулинг в сопровождении опытной команды, но особенно это актуально при путешествии по дикой и наполовину окультуренной стране, где все вокруг кажется непривычным для глаз и где необъятность пространства создает ощущение величия; не менее приятно, когда пейзаж облачен в богатые осенние одежды и виден сквозь чистое и безоблачное небо. С другой стороны, есть что-то особенно приятное, когда смотришь на огромные просторы богатой лесистой земли, размышляя о том, что она громко взывает к крепкой руке человека и указывает на пояс колышущихся полей, которые ее окружают, чтобы заверить эту крепкую руку в том, что трудолюбие получит верную награду. Бедность вполне может стыдливо спрятать голову среди подобных сцен, ибо это может быть только плодом умышленной лени.

Все фермерские коттеджи построены из дерева, выкрашены в белый цвет и выглядят такими же чистыми и свежими, как многие новопостроенные образцовые молочные заводы. Аккуратные маленькие церквушки тоже казались такими яркими, как будто художники покинули их накануне вечером. И здесь я должен отметить присущее им удобство, которому неплохо было бы подражать в тех наших собственных церквях, которые расположены в отдаленных районах, таких как Высокогорье Шотландии, куда многим прихожанам приходится приезжать издалека. Удобство, на которое я намекаю, - это просто длинный, широкий сарай, открытый по всей длине с одной стороны и снабженный кольцами и т. Д. Для привязывания лошадей тех, кто из-за фантазии, расстояния, возраста или болезни не желает или неспособен передвигаться пешком. Затраты будут невелики, а преимущество велико. Вперед несутся наши щеголеватые серые, свежие, как четырехлетки; и чем дальше мы продвигаемся, тем, кажется, больше им это нравится. Единственная приманка, которую они получают, - это пятиминутная передышка и большое ведро воды, которым они, кажется, наслаждаются так же, как если бы это была большая бутылка ледяного шампанского. Проспект перед нами ведет в Джenezео, место нашего назначения, где мой добрый друг, мистер Уодсворт, ждал нас, чтобы поприветствовать в своем очаровательном маленьком загородном домике, расположенном сразу за деревней. - А какое красивое место этот самый Генезео! Но пока мы должны выпроводить наших верных серых — повидать наших новых друзей, старых и молодых, насладиться приманкой получше, чем те, что были у наших кляч в доме на полпути, насладиться ароматной Гаваной и удалиться на ночлег. Завтра мы поговорим о пейзаже.

СНОСКИ:

[E]

Поскольку подобное выражение часто встречается в этой работе, читателя просят помнить, что в Америке распространен обычай давать лошади имя в зависимости от времени, за которое она может пробежать рысью милю. У мальчика, очевидно, была дальновидная идея, что маленький экипаж, на котором он просил разрешения прокатиться, совершил подвиг, пробежав милю рысью за две минуты сорок секунд.

ГЛАВА V.

Генезео.

Прекрасное ясное осеннее утро с чистым голубым небом и жемчужной атмосферой, сквозь которую едва пробивается зефир; ветви деревьев неподвижно свисают; мое окно открыто; но какая странная совершенная тишина! Из пернатого племени не доносится ни одной трели, приветствующей восходящее солнце и поющей нетренированным голосом хвалу своему Создателю; даже вездесущего домового воробья не видно и не слышно. Как странно это сравнительное отсутствие животной жизни в стране, в которую так недавно вторгся человек—разрушитель, что можно было бы ожидать обнаружить чрезмерно населенную этими животными, против которых он не ведет войну ни для своей пользы, ни для развлечения. Тем не менее, это так; и я часто часами бродил по лесу в совершенном одиночестве, где ни звука не доносилось до слуха, ни одной живой души, привлекающей внимание. Но я слишком рано ухожу из дома; веселый крик в детской напоминает мне, что, во всяком случае, там есть животная жизнь и что у ее обладателя нет заболеваний легких.

Давайте теперь поспешим позавтракать; ибо в Новом Свете люди появляются рано и не валяются в постели все утро, думая, как потратить вторую половину дня, а затем, когда наступает вторая половина дня, пытаются развеять ее скуку, придумывая какой-нибудь проект, чтобы преодолеть скуку вечера. В чем бы еще вы ни отказывали американцу, это единственное достоинство вы должны ему позволить. Он, безусловно, любит вставать рано; в той же степени, что и наша всемилостивейшая Государыня, чей пример, если бы ему последовали ее подданные — особенно некоторые в столице, — сделал бы больше для уничтожения лондонского ада и улучшения здоровья в Лондоне, чем Законодательное собрание, сэр Б. Холл и вся Коллегия хирургов могут когда-либо надеяться произвести среди трутней после меридиана.

Завтрак был быстро подан, и сеньор Кабаньос-и-Карвахаль последовал за ним как само собой разумеющееся. Превращая его в пепел и наслаждаясь облаками, предвещающими его неминуемую, хотя и затяжную смерть, мы вышли на террасу перед домом, чтобы пожелать доброго пути двум моим спутникам, которые как раз отправлялись в путь, и насладиться видом на широко известную долину Джинеси. Далеко, насколько мог видеть глаз, без каких-либо границ, кроме силы его зрения, простиралось одно широкое пространство разнообразной красоты. Темные оттенки леса смягчались сочными красками колышущейся кукурузы; во всех направлениях виднелись аккуратные маленькие домики. То тут, то там деревни с их конусообразными шпилями напоминали о щедрой Руке, "которая дает нам всем богато наслаждаться". Под моими ногами расстилалась красивая волнистая парковая площадка, покрытая великолепным лесом, сквозь которую проглядывала река, яркая, как серебро, под лучами безоблачного солнца, чьи лучи, падая в то же время на поле с тыквами насыщенного цвета, отливали блеском, как шары расплавленного золота. Все вокруг было богатством, красотой и изобилием.

Потомок Веллингтона или Вашингтона, размышляя о славных деяниях прославленного предка и вспоминая обожание благодарной страны, может справедливо почувствовать, как его грудь раздувается от гордости и соперничества; но пока я наслаждался этой сценой, рядом со мной стоял тот, в ком подобные эмоции могли бы пробудиться столь же полно и справедливо — ибо есть великие люди, которых можно найти в менее заметных, хотя и не менее полезных сферах жизни. Сын, знавший его историю, наслаждался вместе со мной этим прекрасным зрелищем. Его отец был первым смелым первопроходцем. Колея, оставленная колесом его грубой повозки, запряженной двумя волами, была первым отпечатком цивилизации во всей этой богатой и широко известной долине. Брат разделил с ним его ранние труды и лишения; они собственными руками возвели бревенчатую хижину — их новый дом в глуши. Прежде чем они добрались до места, бескрайний лес завыл вокруг заблудившегося отряда индейцев, пришедших поохотиться или выпасать свои стада на нескольких открытых участках вдоль реки: все остальное было пустынным и безлюдным. Один брат умер сравнительно рано, но отец хозяина моего дома прожил долго, чтобы насладиться плодами своих трудов. Он дожил до того, чтобы увидеть, как трудолюбие и самоотречение превратили этот лес и его разрозненную индейскую группу в землю, изобилующую богатыми плодами почвы и гудящую от деловитого улья человеческой энергии и интеллекта. Да; и он жил, чтобы видеть храм за храмом, воздвигаемые для чистого поклонения Истинному Богу, вытесняющие невежество и идолопоклонство, которые безмятежно царили при его первом пришествии. Скажи же, читатель, разве сын такого отца не является справедливым поводом для гордости — торжественным призывом к подражанию? Патриархальный основатель своей семьи и их

состояния оставил нетленный памятник своему величию в процветании этой богатой долины; и Провидение благословило его индивидуальную энергию и предусмотрительность необычным количеством благ этого мира. "Честь и слава, трудолюбие и богатство" начертаны на знамени его жизни, и сын достойно сражается под отцовским знаменем. Парк под домом свидетельствует о его высокой оценке красоты пейзажа, о вкусе, с которым он выполнил эту трудную задачу по выбору групп деревьев, необходимых для ландшафта, во время вырубки леса; и даже самый беглый взгляд на его библиотеку не оставляет сомнений в том, что он был высокообразованным человеком. Я больше ничего не добавлю, чтобы меня не подтолкнули к тому, чтобы незаметно вторгнуться в частную жизнь семьи.

Теперь я предлагаю сделать небольшой набросок его фермы, чтобы дать тем, кто интересуется, представление об общей системе ведения сельского хозяйства, принятой в Северных Штатах; и если читателю эта тема покажется скучной, то перелистывание страницы окажется простым средством.

Площадь обрабатываемых земель составляет 2000 акров, из которых 400 - лес, 400 - луг, 400 - пашня и 800 - пастбище. На пшеничных землях летний пар, пшеница и клеверные пастбища образуют трехлетний севооборот. При летнем паровом посеве клевер иногда вспахивают, а иногда и скармливают, в зависимости от потребностей почвы и фермы. Аллювиальные земли возделываются под индийскую кукурузу от пяти до десяти лет подряд, а затем засеваются травой на неопределенный срок от трех до сорока лет. Пшеницу — иногда перебранную, иногда просеянную — убирают как можно ближе к 1 сентября, а срезают с 10 по 20 июля. Семена клевера высевают в марте вместе с пшеницей и оставляют до следующего года. Пшеничную стерню слегка выпасают; клевер, если он скошен, скашивают в середине июня; при выпасе скот перегоняют примерно 1 мая.

Тыквы выращивают вместе с индийской кукурузой, и на них откармливают свиней; летом их превращают в клеверные пастбища. Индийскую кукурузу и тыквы сажают в мае, а собирают урожай в октябре; листья и стебли индийской кукурузы режут на корм, и их очень любят. Овес и ячмень выращиваются не очень широко.

Средний урожай индийской кукурузы составляет от пятидесяти до шестидесяти бушелей, а пшеницы - от двадцати пяти до тридцати с акра. Пастбища занимают площадь от одной головы до одной трети акра. Крупный рогатый скот, откормленный травой, поступает на рынок с сентября по ноябрь по цене 2-1 / 4 дня за фунт живого веса или 4-1 / 2 дня за фунт. только для говядины. Крупный рогатый скот содержится на сене и соломе с середины ноября по 1 мая, если он предназначен для откорма травой; но, если он предназначен для весеннего рынка, его дополнительно кормят индийской кукурузной мукой. Овцы содержатся исключительно на сене с середины ноября по 1 апреля. Хороший экземпляр даремского быка трех с половиной лет весит 1500 фунтов. живой вес. Ферма оборудована большими весами для взвешивания сена, крупного рогатого скота и т. Д., И устроена таким образом, что сто голов можно легко взвесить за два часа.

Навоз не используется, за исключением фермерского загона и гипса; первый обычно применяется для обработки индийской кукурузы и луговых угодий. Гипс разбрасывается по бушелю на акр с каждого урожая пшеницы и клевера — стоимость гипса составляет десять шиллингов за двадцать бушелей. Косилка, запряженная двумя или тремя лошадьми и одним человеком, может скосить за один день двенадцать акров тяжелой луговой земли, если она

встанет; но если ее вообще уложить, то от шести до десяти. Количество мужчин, занятых на ферме, составляет шесть человек в течение шести месяцев, двенадцать - в течение трех месяцев и двадцать пять - в течение трех месяцев. Для нужд фермы содержатся десять лошадей и пять упряжек быков. Обычная используемая фура весит восемь центнеров и вмещает пятьдесят бушелей. Иногда они весят десять центнеров и вмещают сто пять бушелей.

Заработная плата слуг на ферме составляет: — Для нанятых на год — *2фунта. 10фунтов* в месяц; в течение шести месяцев - *2фунта. 18фунтов. 6д.* в месяц; в течение трех месяцев - *3фунта. 11фунтов* в месяц - помимо питания и ночлега, при первом из которых они вряд ли обнаружат, что их кости проглядывают сквозь кожу. Они едят мясо три раза в день — свинину пять дней и баранину два дня в неделю — отличный пирог на ужин; чай с сахаром два раза в день; молоко *без ограничений*; овощи два раза в день; масло обычно три раза в день; крепкие напитки и пиво запрещены. Вся еда готовится на ферме, и надсмотрщик ест вместе с мужчинами и получает от *75фунтов. до 125фунтов.* в год, помимо питания и ночлега для своей семьи, которая содержит фермерский дом. Когда все расходы оплачены, mine host получает чистые шесть процентов. на его ферме, и я думаю, вы позволите ему ложиться спать по ночам, почти не опасаясь кошмара о голодающем работнике, нарушающего его сон. Не то чтобы он сильно мешал спать, потому что это самое близкое к вечному двигателю существо, которое я когда-либо видел, не исключая даже броненосца в Зоологическом саду, и у него больше "утогов в огне", чем было штыковых наконечников до Севастополя.

Деревня насчитывает две тысячи жителей и состоит из нескольких улиц, главная из которых проходит вдоль террасы, которая, являясь продолжением той, на которой мы недавно стояли, открывает такой же прекрасный вид. Но, какой бы маленькой ни была деревня, в ней есть четыре церкви, академия, два банка, две редакции газет и телеграф. Какой же ты медлительный тренер, Джон Булль!

Однажды я катался с милой парой, которая, прожив в браке шестнадцать или семнадцать лет, изрядно избавилась от таинственного влияния медового месяца. Муж вел себя как Джарви, а я была внутри с мадам. Дороги в некоторых местах были очень плохими, а ни леди, ни я не были легковесны, поэтому рессоры часто ударялись друг о друга с очень неприятным толчком. Дама возразила:

- Джон, я заявляю, что эти пружины изношены, да и сама коляска немного лучше.

- Ну, Сьюзен, какой смысл тебе так говорить; ты же знаешь, что они совершенно хороши, моя дорогая.

- О, Джон! ты знаешь, что я говорю правду и что к карете никто не прикасался с тех пор, как мы поженились.

"Моя дорогая, если я докажу тебе, что одно из твоих утверждений неверно, я полагаю, ты будешь готова признать, что остальные могут быть столь же неверны".

"Ну, и что дальше?" - спросила ничего не подозревающая жена.

"Что ж, моя дорогая, я докажу тебе, что рессоры в полном порядке", - сказал злонамеренный супруг, который заметил самый отвратительный участок дороги, подходящий для его цели; и, сообразуя действие со словом, он пустил своих резвых кляч легким галопом. Пружины

сработали вместе, и, несмотря на все законы всемирного тяготения, мы с мадам продолжали подпрыгивать вверх-вниз и падать друг другу на колени.

- О, Джон, прекрати! прекрати!

- Нет, нет, моя дорогая, я поеду дальше, пока ты не убедишься в качестве рессор и надежности экипажа.

Соппротивление было бесполезно; Джон был настроен решительно, и лошади не устали бы и за неделю; поэтому жертве ничего не оставалось, как заплакать *рессаві*, после чего Джон постепенно сбавил темп, и наши упругие прыжки соответственно прекратились, пока мы еще раз прочно не устроились на своих подушках; тогда Джон обернулся и со смешанным выражением злобы и великодушия сказал: "Ну, моя дорогая, я действительно думаю, что экипажу нужна новая подкладка, но ты должна признать, что это действительно хорошие рессоры". И занавес опустился над этой маленькой сценой в драме "Шестнадцать лет после свадьбы". Пусть счастливая пара доживет до того, чтобы повторить то же самое через шестьдесят лет после свадьбы!

Наша поездка привела нас на берег озера Канесус, и это было прекрасное зрелище; берега во многих местах были покрыты бревнами до самой кромки воды девственным лесом, теперь сияющим сочными осенними красками; послеполуденное солнце сияло во всей своей красе с безоблачного неба на озере без ряби, которое, подобно полированному зеркалу, отражало со всей правдивостью природы великолепный пейзаж наверху; и когда вы смотрели на лазурную бездну внизу, она все удалялась и удалялась, пока утомленный вид существа не стал невыносимым. затерянный в бездонных глубинах работы своего Всемогущего Создателя. Кто на мгновение не вообразил, что может осознать бесконечность пространства, подобно тому, как, глядя на какую—нибудь яркую звезду, он пытается измерить расстояние до расстилавшегося позади голубого занавеса, который, постоянно удаляясь, так издевается над усилиями честолюбивого глаза, что его силы теряются в непостижимых глубинах необъятности; но я не уверен, что подобные чувства не овладевают человеком с большей силой, когда глаз смотрит на тот же объект через посредство отражения; — ибо, как с щедротами Творца, так и с чудесами Его творения - человека? слишком склонен недооценивать их пропорционально частоте, с которой они предстают перед ним; и поэтому глубокий лазурный свод, который так часто можно увидеть на небесном своде вверху, с меньшей вероятностью привлечет его внимание и заставит задуматься, чем когда та же великолепная сцена лежит зеркальным отражением у него под ногами.

На границах этого очаровательного озера сравнительно мало возделанных земель; два или три коттеджа и несколько пастбищ для скота - единственные признаки того, что человек утверждает свое господство над дикой природой. Один из этих коттеджей принадлежит члену семьи Уодсвортов, которому принадлежит некоторый участок земли по соседству и который построил симпатичную маленькую лодку для прогулок в летний сезон. В этом месте я также могу упомянуть, что кровля, обычно используемая для коттеджей, представляет собой деревянную черепицу, называемую "гонт", которая очень дешевая — за двенадцать шиллингов шесть пенсов можно покрыть тысячу футов.

Проезжая по этому району, я впервые увидел так называемую "дощатую дорогу" - систему, которая была завезена в Соединенные Штаты из Канады. Метод строительства очень прост и

состоит из двух дубовых стрингеров площадью в два квадратных дюйма, поперек которых укладываются трехдюймовые доски длиной в восемь футов, обычно из болиголова или сосны. Не требуется вбивать доски в стрингеры, и если поверх всего этого насыпать тонкий слой песка или грунта, то дорога готова; а поскольку материалы для строительства доставляются по ходу работы, скорость выполнения поражает. После завершения работы она становится гладкой, как площадка для боулинга. Единственное возражение, которое я когда-либо слышал против этих дорог, состоит в том, что ощущение тряски, производимое ими, очень вредно для ног лошадей; но вряд ли можно думать, что, если бы телега стояла по самую ось, а лошадь по пояс в хорошей глинистой почве, из такого примитивного положения вещей можно было извлечь какую-либо выгоду. В среднем можно сказать, что срок службы дорог составляет от восьми до десяти лет, а их стоимость составляет около 330 фунтов стерлингов за милю. В Канаде их часто делают намного шире, чтобы дать возможность двум повозкам проехать рядом, а их стоимость составляет чуть более 400 фунтов стерлингов за милю. Плата за проезд здесь составляет около трех фартингов за милю с лошади. У них хватило здравого смысла избежать нелепой платы за проезд, которой мы придерживаемся дома с упорством, сравнимым разве что с ее безрассудством, как будто двухколесная тележка весом в тонну, запряженная Баркляем и Перкинсером, сокращает дорогу не намного больше, чем маленькая четырехколесная коляска жены священника, запряженная пони и нагруженная банкой супа или куском фланели для какого-нибудь страждущего прихожанина. Но поскольку наши предки приняли эту систему "за год до того, как она была изобретена", я полагаю, мы передадим драгоценное наследие нашим последним потомкам, если только какая-нибудь "Лига Ребекки", подобная Лиге Тэффи несколько лет назад, не будет поднята в общенациональном масштабе, и в этом случае пошлины, возможно, будут включены в тариф свободной торговли. Пока не произойдет это благоприятное событие — ибо я признаюсь во все возрастающей антипатии к оплате любых въездов, — мы могли бы извлечь выгоду в некоторых из наших унылых районов, скопировав простой порядок, принятый во многих американских пунктах пропуска, который заключается в перекрытии дороги крытой аркой; так что, если вам придется расстегнуть полдюжины пальто в снежную бурю, чтобы найти шестипенсовик, вам не придется застегивать пуговицы в полном ведре снега, который, хотя и может охлаждать тело, оказывает совершенно противоположное воздействие на характер.

В Англии и так достаточно скверно; но любому, кто хочет насладиться этим в совершенстве, лучше прокатиться из Стерлинга, пересекая Форт, где, если он удачно выберет дорогу, он может иметь удовольствие оплатить полдюжины дорожных сборов почти за столько же минут на том основании, что этот участок земли размером с коробку для треуголки — и тот участок, размером с капустную грядку, — и так далее, принадлежат разным графствам; и его развлечение может получить дополнительную остроту, если ему посчастливится найти тот же самый тамошний толлман, с которым я познакомился несколько лет назад. Когда я сдавал пошлину во время пронизывающей до мозга костей снежной бури, я притормозил в нескольких ярдах от ворот, после чего он вышел очень угрюмый, взял полкроны, которые я ему протянул, и, неторопливо вернувшись назад, положил сдачу на столбик ворот и сказал: "Если вам это нужно, можете взять это; не мое дело идти полмили по дороге, чтобы отдать людям сдачу". После этого вежливого обращения он исчез, хлопнув своей дверью с таким звуком, что она упала на пол. Ухо очень похоже на фразу "Засунь это в свою трубку и выкури ее". У меня была драгоценная работа с тяжелой собачьей повозкой, без слуги и наемным работягой, у которого рот был набит футляром. Я бы охотно отказался от этого; но я знал, что животное (человек, а не лошадь) очень

скоро опьянело бы от этого; поэтому я упорствовал, пока не добился успеха, а затем продолжил свой путь, полный мыслей, которые, боюсь, совершенно непригодны для изложения на бумаге.

Читатель, я должен попросить тебя простить мои скитания по берегам Форта. Я спешу обратно в Джenezео и готовлюсь к завтрашнему отъезду, ибо дни, проведенные мною с моим добрым хозяином и его веселой семьей, пролетели так приятно, что я совсем потерял им счет. Наше веселье омрачалось лишь одним — единственным печальным пробелом в семейной группе: моя невестка, в чьем очаровательном обществе я наивно надеялся впервые увидеть сцены ее ранней юности, недавно была призвана в лучший мир; и пустота, которую ее отсутствие образовало в том семейном кругу, в котором она была одновременно источником и средоточием любви, была слишком глубокой, чтобы что-либо, кроме времени, могло ее искоренить.

ГЛАВА VI.

Волнующие сцены и странные зрелища.

Мой хозяин любезно одолжил мне свой экипаж и пару жилистых кляч, и я отправился в Батавию, чтобы встретиться с железной дорогой. Расстояние составляло около тридцати миль, и дорога во многих местах была отвратительной — в одной части настолько плохой, что нам пришлось пройти четверть мили по лесу, поскольку он был абсолютно непроходим; — и все же, несмотря на все эти препятствия и нисколько не подгоняя лошадей, мы преодолели расстояние за три часа, включая от пяти до десяти минут в доме на полпути, где мы дали им обычную американскую приманку в виде ведра холодной воды; и когда мы прибыли, они были свежи, как четырехлетние дети, и вполне готовы вернуться, если понадобится. За время поездки я не увидел ничего заслуживающего внимания. Там было много обработанной земли; и много отходов, ожидающих вознаграждения работнику. Во всех маленьких деревнях были свои мастерские по изготовлению дагерротипов, кроме одной, и там недостачу восполнял художник, передвигающийся в тележке с тентом.

Когда железная дорога пересекает дорогу, вы должны увидеть ее - единственным предупреждением является большая раскрашенная доска с надписью "Берегись поезда". Если будет темно, я полагаю, вы должны догадаться об этом; но следует помнить, что это страна из всех стран, где каждый человек обязан заботиться о себе сам. Поезд подошел вскоре после моего прибытия, и я отправился в Буффало, среди железнодорожной смеси тряпья и бобтейлов, визжащего младенчества и отхаркивающейся мужественности. Прибыв на конечную станцию,

я нанял такси и, прождав полчаса, обнаружил, что Джарви пытается найти какой-нибудь другой "проезд", не считая себя и моего слугу достаточным грузом, чтобы хорошо заплатить. Я попытался найти железнодорожного служащего; но с таким же успехом я мог бы искать блоху в цветнике — ни значков, ни отличительных знаков, станция полна всего городского сброда; это было безнадежно. Наконец, по счастливой случайности, я увидел человека, вошедшего в маленькую контору, и бросился за ним, как терьер за барсуком, но не смог его привлечь; он ничего не знал о такси — он был занят — короче говоря, его никто не беспокоил.

Познакомившись с этим прекрасным образцом управления железной дорогой Буффало, я вернулся на открытый воздух и закурил сигару. Через некоторое время Таксист, убедившись, что другого "пассажира" не найти, снизошел до того, чтобы сказать мне, что он готов; итак, я сел и поехал в отель, при входе в который чуть не сломал шею, наткнувшись на пирамиду коробок, все они выглядели как коробки одной семьи. Оказалось, что они принадлежали мистеру Г.В. Бруку, актеру, который только что прибыл "сниматься" в Буффало. Когда ужин был готов, как это всегда бывает к прибытию вечернего поезда, я отправился туда и обнаружил обычную изумительную смесь, которую подают на американских табльдотах, обычный оглушительный грохот, обычное изобилие съестных припасов, обычную быстроту действий и обычный неприятный запах, который является следствием такого скопления людей и еды вместе взятых. Изрядно устав, я очень скоро удалился на ночлег.

Что за чудесное место этот Буффало! - какой тип американской деятельности и предприимчивости! Я посетил его в 1826 году, и тогда в нем проживало всего три тысячи человек. Театр, я помню, безмерно позабавил меня, сцена и помещения для зрителей едва занимали площадь в двадцать пять квадратных футов. Ложи мистера Г.В. Брука в то время заполнили бы весь дом; и вот они здесь, в 1852 году, рисуют наших столичных звезд на своих досках. Их население увеличилось в двадцать раз и теперь превышает шестьдесят тысяч; построены великолепная гавань, маяк, пирсы, волнорез и т. Д., И площадь с каждым днем увеличивается. Церкви вздымают свои спиральные шпили во всех направлениях. Банки и страховые конторы разбросаны по всему миру. Существует множество образовательных, литературных и благотворительных учреждений, издается более дюжины газет. Земля, которую во время моего визита в 1826 году вы, возможно, почти получили по первому требованию, сейчас продается по двести гиней за фут фасада под застройку. Даже за последние десять лет сборы в порту выросли с 1000 фунтов стерлингов почти до 14 000 фунтов стерлингов. В 1852 году в гавани было очищено свыше четырех тысяч судов водоизмещением в полтора миллиона тонн, а с озер прибыли товары стоимостью почти в семь миллионов фунтов стерлингов, большую часть которых составляло зерно. Стоимость товаров, ежегодно доставляемых по каналу Эри, составляет восемь миллионов. Никогда еще не было более энергичного скопления людей, чем эти "парни из Буффало"; и они каждый день продвигаются вперед, ускоряя темп.

А теперь, Джон Булль, пойдем со мной на утес за городом, нависающий над рекой Ниагара. Посмотрите через ручей, на берег Канады, и вы увидите несколько домов и несколько человек. Насколько я знаю, они были там с момента сотворения мира. Городок (!) называется Ватерлоо, и пара дюжин жителей, несмотря на богатые плоды промышленности, на которые они могут любоваться ежедневно, похоже, считают промышленность ужасным бичом, которого следует старательно избегать. Их почва такая же богатая, если не богаче, как на противоположном берегу: перед ними раскинулось то же озеро, и та же река протекает у их дверей. Это действительно выглядит безнадежно, когда такой пример, постоянно находящийся у них на глазах, не побуждает их к действию. Но, возможно, вы скажете, что вам кажется, будто вы

видите движение среди "сухих костей". Верно, мой дорогой Бык, сейчас есть движение; но, если ты поинтересуешься, ты обнаружишь, что это движение Буйволов. Это их энергия, активность и предприимчивость, которые строят железную дорогу, которая пройдет через Канаду до Годериха, благодаря чему они сэкономят на транспорте всю длину озера Эри и половину длины озера Гурон для всей продукции, поступающей с Севера Мичигана, Висконсина и других регионов. Это американское предприятие настолько основательно, что, хотя конечная станция железной дороги находится в Ватерлоо, название игнорируется; и "Буффало энтерпрайзиз", продолжившее работу, получило название "Линия Буффало, Брентфорд и Годерих". Действительно, Джон Буль, ваша колония выглядит очень плохо рядом с теми же буйволами. Будем надеяться, что увеличение числа половых сношений может придать им немного жизненной силы.

Поезд отправляется на Ниагару, и я сажусь в него, пытаюсь восстановить в памяти впечатления 1826 года, которые, хотя и очень смутны, в моих ожиданиях присутствует очарование новизны. Находясь на седьмом небе от воображения, визг обрыва возвещает об окончании путешествия. Когда я выхожу из пестрой группы попутчиков, звук, похожий на очень отдаленный гром, слышимый сквозь уши, набитые ватой, - вот и все, что возвещает о близости гигантского водопада. Самолет быстро пойман, и я отправляюсь в отель на канадской стороне. Мы ехали вдоль восточного берега, пока не достигли подвесного моста, перекинутого через скалы реки. По этой тонкой дамбе транспортные средства обязаны передвигаться пешком под страхом сурового штрафа за любое нарушение этого правила. Вибрация при ходьбе не очень велика; но при быстром темпе она, несомненно, была бы значительной и в конечном итоге могла бы ослабить те крепления, от которых зависит воздушный путь. Оказавшись на другой стороне, я был совершенно ошеломлен, когда меня остановил чиновник. Я обнаружил, что он был всего лишь *сотрудником таможи дляпроформы*. Не будучи вышколенным в Старом Свете, он не выказал ни малейшего сходства с хорьком, и через несколько секунд я снова мчался рысью на юг вдоль западного берега к отелю "Клифтон Хаус". Скучная работа сделана, такси оплачено, мой номер занят, и вот я на балконе, один, с ревом водопада в ушах и самой могучей водопадной трубой перед глазами.

Каковы были мои первые впечатления?— Это сложный вопрос. Конечно, я не разделял того чувства разочарования, которое некоторые люди стараются выразить. Такие люди, если бы им приснилось, что неизвестный друг оставил им 100 000 *фунтов*., почувствовали бы разочарование, если бы проснулись и обнаружили наследство в размере 90 000 *фунтов*. они лежат у них на столе; или, возможно, они выражают свои чувства, заставляя публику предположить, что их богатое воображение создало нечто гораздо более грандиозное, чем это самое великолепное творение Природы. Если человек собирается отправиться на Ниагару ради простой красоты, ему лучше остаться дома и посмотреть на лилию в микроскоп; если он хочет услышать сильный шум, ему лучше отправиться туда, где ковают якоря, на Портсмутскую верфь; если он хочет увидеть могучую борьбу вод, ему лучше отправиться в круиз на борту лоцманского катера по Бискайскому заливу во время равноденственного шторма; но если он доволен созерцанием самого великолепного водопада, который его Создатель поместил на нашем земном шаре; если в грандиозном творении Природы ему удалось увидеть самый великолепный водопад. душа, признающая Всемогущего Труженика; и если, глядя на это, она может перенестись от Природы к Богу Природы; тогда пусть он отправится на Ниагару в полной уверенности насладиться одним из самых грандиозных и торжественных зрелищ, которые только может представить эта земля. Ему нужно только одно качество, чтобы быть совершенным

и завершенным; оно было у него изначально, когда он только что вышел из рук своего Божественного Создателя; и этого человека он лишил — я имею в виду одиночество. Отели "Палас" - очень удобное место; энергия и предприимчивость - очень ценные качества и естественные черты американского характера, которыми я восхищаюсь; но, видя, как повсеместно все приносится в жертву полезности и зарабатыванию долларов, я боюсь думать о будущем: передо мной встают видения топора дровосека, вырубаящего древесину на Козьем острове, который в настоящее время окружает город; и воображение рисует ряд вилл, магазинов и мельниц, заканчивающийся огромным отелем на краю водопада. Я верю, что мое видение, возможно, никогда не осуществится. Но мои надежды невелики, ибо я неизменно замечал, что при расчистке земли практически не уделялось внимания чему-либо другому, кроме наилучшего метода получения максимальной отдачи от затраченного труда.

Итак, читатель, я еще не рассказал тебе, каковы были мои впечатления, когда я стоял на балконе и смотрел на Ниагару; и, прошу тебя, не обижайся, если я добавлю, что у меня нет ни малейшего намерения пытаться их записать. Пишу откровенно, как мне кажется, я сказал достаточно, чтобы вы могли кое-что понять о том повороте, который они приняли, и увидеть, что это были впечатления, которые перо - слишком слабый агент, чтобы выразить адекватно. Я не буду испытывать ваше терпение, рассказывая о достопримечательностях Тейбл-Рока и Козьего острова, американского и Канадского водопадов, о соответствующих красотах Прямой линии и подковы; Я не собираюсь облачать вас в макинтош и тащить дрожащими шагами по скользкой тропинке между Водопадом и скалой, чтобы вы любовались солнцем сквозь ревущий и перекатывающийся поток; я также не буду действовать вам на нервы подробностями о том, как чудом спаслись мистер Хвастун и миссис Позитив, которые, пройдя половину пути по упомянутой тропинке, были охвачены паникой. и избежали падения в кипящий котел только потому, что лежали плашмя на животах, пока остальная часть отряда не преодолела все расстояние, когда проводник вернулся и вытащил их за пятки, как утонувших крыс из сточной ямы. Я также не стану просить вас пройти со мной пять миль, чтобы увидеть деревянную хижину, построенную над сернистым источником в десяти футах от реки, и которая освещается содержащимся в ней сероводородом, подведенным через простую трубу.

Все это, и пороги наверху, и водоворот внизу, и Водопад мощностью в четыре с половиной миллиона лошадиных сил, так часто описывалось более способными перьями и более богатым воображением, что попытка оказалась бы безуспешной, а результат - скучным.

У меня есть коллекция из различных альбомов Niagara; она открывается следующими строками лорда Морпета, ныне графа Карлайла:

"Нет ничего великого или светлого, ты, славное Падение!

Ты, возможно, не обращаешь внимания на чувства фантазии;

Расколотая громом туча, удар молнии,

Шевеление глубинных камер,

Изумрудно-зеленый цвет Земли с множеством оттенков,

Пушистая белизна верхних небес,

Поступь армий усиливается по мере их приближения,

Грохот пушек и барабанный бой,
Прекрасное чело и грациозный облик,
Страсть и доблесть нашей расы,
Песнь Гомера в ее самый возвышенный час,
Неприкрытый размах человеческой силы,
Трезубец Британии на лазурном море,
Молодой крик Америки о свободе!
О! пусть волны, что беснуются в твоих глубинах,
Там растрачивают свою ярость, не взбираются на окружающие кручи, —
И пока конфликт твоих порывов не прекратится,
Народы на твоих берегах покоятся с миром!"

Есть и другие излияния, столь же похвальные для их авторов; но есть также масса мусора, из которого я приведу только два образца. Одно, очевидно, вышло из-под пера кокни, а другое - поэтическое вдохновение свободного и просвещенного человека.

Поэт—кокни-

"Рядом с блаженством видеть Сару,

- Это увидеть Ниагару".

Свободный и просвещенный—

"Из всего этого ревущего, льющегося,

Разбрызгивающие потоки, которые разбегаются,

Ниагара - номер Один,

Все за бессмертный разгром!"

Не желая оказаться в таком невыгодном положении, как любой из двух последних цитируемых авторов, я отказываюсь от этой попытки; и, спасая себя, щадю публику.

Я думаю, читатель, что могу рассчитывать на твою благодарность за то, что я не распространяюсь более подробно на тему, которой легко было бы заполнить главу за главой; ибо, если ты будешь великодушен, ты набросишь завесу на эгоистические причины, приведшие к столь счастливому результату. Я добавлю только один совет, который заключается в том, что, если удовольствие от посещения Ниагары увеличится из-за полной кладовой и толпы людей, отправляйтесь туда "в сезон"; но если вам доставит большее удовольствие посещение Ниагары, когда отель пуст, даже если кладовая будет почти в том же состоянии, следуйте моему примеру и отправляйтесь позже в этом году, благодаря чему вы частично обретете ту тишину, без которой, я откровенно признаюсь, я никогда больше не захочу смотреть на "Водопад" снова.

Неутомимый путешественник доктор Ливингстон обнаружил грозного соперника этому великолепному водопаду. Он называется водопадом Мосиотунья, который описывается следующим образом: "Они встречаются, - читаем мы ("Очерки миссионерских путешествий доктора Ливингстона", стр. 19), - в самой южной части Замбези. Хотя ранее ни один европеец его не посещал, доктор Ливингстон часто слышал об этих источающих дым водопадах, которые, разительно отличаясь от Ниагары, являются, если это возможно, более замечательными и не менее возвышенными, чем этот благородный водопад. Поэтому ему не терпелось осмотреть их, и 20 ноября 1855 года он достиг Калаи, местечка в восьми милях к западу от Водопада. Прибыв к последнему, он обнаружил, что это природное явление было вызвано внезапным сокращением или, скорее, компрессией реки, шириной здесь около 1000 ярдов, которая проталкивает свою тяжелую массу через узкую щель в базальтовой породе длиной не более двадцати пяти ярдов и вниз по глубокой расщелине, но немного шире, в бассейн или впадину диаметром около тридцати ярдов, лежащую на глубине тридцати пяти ярдов. В это узкое вместилище низвергалась огромная река. Когда доктор Ливингстон посетил это место, Замбези текла по своему самому узкому руслу, и уровень ее воды был самым низким. Эффект, однако, от его внезапного сжатия и падения был в высшей степени возвышенным, а с той точки, с которой он наблюдал за ним, - ужасающим. Ибо, не удовлетворившись видом вдаль отверстия в скалистом барьере и столбов пара, поднимающихся на 300-400 футов вверх, образующих расползающееся облако, а затем обрушивающихся непрекращающимся дождем, он нанял туземца с такими же крепкими нервами, как у него, и опытного в управлении каноэ, чтобы тот сплавил его вниз по реке, которая здесь вздымалась, кружилась и волновалась, словно не желая приближаться к ущелью и бросаться с обрыва на островок непосредственно над водопадом, и с одной точки которого он мог заглянуть через его край в озеро. пенящийся котел внизу, обратите внимание на бешеный водоворот его вод и стойте в самом центре его столбов пара и оглушительного рева. Но каким бы уникальным и величественным ни был водопад, когда доктор Ливингстон его увидел, отчеты других и выводы, сделанные им самим, убедили его в том, что зрелище было банальным по сравнению с тем, что происходит в сезон дождей, когда река течет между берегами, разделенными многими милями друг от друга, и все еще направляет свои увеличившиеся воды через ту же трещину в ту же впадину. В это время видны столбы брызг, а звук слышен на расстоянии десяти-двенадцати миль".

Все мои пожитки на пароме: я переправился через реку, перебрался на противоположный берег, заплатил за проезд и, шипя, отправляюсь в Рочестер. Какие мысли наводит на размышления Рочестер? Если вы коммерческий человек, вы будете представлять себе активность и предприимчивость; если вы исследуете тайны и манеры поведения, ваши мечты будут о "проникновении в душу и шароварах". Приехав только что из Буффало, признаюсь, я был весьма заинтересован в последнем. Но вот я здесь, в самом этом месте, и поселился в отеле, удивительно удобном для вокзала; и перед парадным входом в него железные дороги переплетены, как сетки рыбацкой сети. Не имея собеседника, я беру своего всегда верного и молчаливого друга, ароматную сигару, и отправляюсь на прогулку. На углу есть лавка книготорговца; я почти всегда испытываю искушение остановиться, проходя мимо литературного склада, особенно в незнакомом месте; но в данном случае мое внимание привлекла бробдиньягская надпись, вызвавшая у меня странное ощущение под жилетом— "Ужасный разгром среди банков!" Ниже, более лилипутскими буквами, следовал список имен. Я только что получил банкноты разных банков на дорожные расходы и не знал, сколько из них

могло принадлежать к списку банкротов, находящемуся передо мной; короткого осмотра было достаточно, и со спокойным умом я продолжил свою прогулку и выкурил сигару.

Прогресс Рочестера был не таким быстрым, как у Буффало; в 1826 году они довольно неплохо стартовали, и в настоящее время в Рочестере проживает немногим более сорока тысяч человек, в то время как, как мы говорили несколькими страницами ранее, в Буффало их шестьдесят тысяч. Недостаток Рочестера в том, что он построен не совсем на озере, как, можно сказать, в Буффало; более того, нагрузка на озеро Онтарио не так велика, как на озеро Эри. Оба города пользуются богатыми преимуществами канала Эри, и Рочестер пользуется водной энергией так, как Буффало этого не делает. Река Дженеси на расстоянии трех миль падает почти на двести тридцать футов и имеет три каскада, самый большой из которых достигает более ста футов; эту мощь не упустили из виду жители Рочестера, которые в результате построили огромные мукомольные заводы, ежегодно потребляющие три миллиона бушелей пшеницы. Поскольку один из водопадов Дженези находился недалеко от города, я направился туда; дороги были по щиколотку в грязи, и мне было трудно добраться до этого места; когда я оказался там, унылая нагота берегов и будничность огромной мельницы изгнали из моего сознания даже самую мысль о красоте: то ли человек обнажил берега, то ли Природа, я не могу сказать, но я скорее "предположил", что это был человек.

Я плелся обратно, полный разочарования, и только что ступил на деревянную мостовую, которая представляет собой тротуар в системе дощатых дорог, как увидел впереди странный парус с довольно необычным снаряжением; могло ли это быть? — нет! да! -нет! да!--да, клянусь Джорджем! настоящий, живой Рочестер Блумер рулил прямо на меня. Она шла под руку с мужчиной, который издали казался ужасно грязным; при ближайшем рассмотрении я обнаружил, что впечатление производило то, что он был одет во все лицо - волосы были коротко подстрижены, как охотничья куртка в сезон: но у меня было мало времени уделять ему - Блумер была звездой притяжения: у нее было красивое лицо, темные волосы, глаза в тон и хорошая фигура; на ней была черная бобровая шляпа с низкой тульей и широкими полями; вокруг шляпы большим бантом была повязана ярко-красная лента: под черным шелковым платьем в горошек, которое сидело идеально, на ней были панталоны шоколадного цвета, свободно свисающие и присборенные выше лодыжек, а аккуратные маленькие ножки были обуты в практичные сапожки, легкие, но в то же время прочные. На тротуаре образовался провал, а дороги были ужасно грязными, и мне было любопытно посмотреть, как Блумер справилась с этой трудностью; казалось, она ни на секунду не задумалась: она пошла прямо на него и добралась до противоположной стороны с такой же легкостью, как и ее спутница.

Теперь, читатель, давайте сменим обстановку и представим вам ту, с которой вы, вероятно, знакомы. Место — грязный переход возле приходской школы. Время — Игровые часы. *Действующие лица* — пожилая дама и двадцать школьников. Сцена — Пожилая леди плывет по пешеходным дорожкам, даром делая то, за что платят подметальщикам; добравшись до перекрестка, ее пробирает холодная дрожь, когда она в отчаянии смотрит на море грязи, которое ей предстоит пересечь; посмотрите теперь, какие отчаянные усилия она прилагает, чтобы собрать бесконечную массу платьев, нижних юбок и вспомогательных принадлежностей, которыми обычай и мода загромождали ее; ее руки едва могут ухватиться за складки; наконец она вздрагивает, демонстрируя прекрасно заправленную пару белоснежных чулок; на ней блестящие чулки. уходит, путешествие наполовину закончено; внезапно раздаются хором голоса двух десятков мальчишек: "Сучи ее ножками, сучи ее ножками". Разгневанная дама

оборачивается, чтобы упрекнуть их словами или испепелить взглядом, но увы! в своем негодовании она угрожающе поднимает руку, забыв о важных обязанностях, которые она выполняла, и платье, нижние юбки и вспомогательные принадлежности падают в грязную грязь; мальчики, конечно, режут от восторга — это самое веселое развлечение, которое у них было за много дней; пожилая леди поспешно собирает свой узел и достигает противоположной стороны в грязном платье и разъяренном настроении. Пусть любой разум, не искаженный предрассудками и не стесненный обычаями, решит, какой костюм рочестерского цветка или старой леди будет более разумным.

Я признаю, что представил вам две крайности, и мне было бы так же жаль видеть моих прекрасных подруг в килтах с разрезом по колено, как сейчас мне жаль видеть их в платьях "до колена" и т. Д. "Но, - кричит один из них, - вы нанесете удар по женской деликатности!" Действительно, удар! когда все, от чего зависит женская деликатность, - это борьба между брюками и нижними юбками, она не нуждается в дальнейшем раздувании: это чисто вопрос моды и обычая. Разве девочки не носят шаровары постоянно, пока им не исполнится четырнадцать или пятнадцать, а затем обычно переходят на более длинное платье? И какую причину можно привести, кроме обычая, который во многих предметах одежды постоянно меняется? Сколько времени прошло с тех пор, как укладка дамских причесок для Придворных была работой, требующей такого абсурдного труда и изящества, что лишь немногие художники были способны справиться с этой задачей, и, следовательно, из-за необходимости обслуживать так много клиентов дамам часто приходилось укладывать волосы накануне и сидеть всю ночь, чтобы прическа оставалась идеальной? Или сколько времени прошло с тех пор, как придворные дамы передвигались, как живые воздушные шары, в платьях, раздутых до такой степени, что садиться в карету и выходить из нее было делом труда и ловкости; поезда и т. Д., Под стать? Сотни ныне живущих людей могут помнить не только эти вещи, но и возмущение, с которым было воспринято предложение о переменах. Действительно, деликатность! Я был бы рад узнать, что бы подумали наши достойные бабушки о деликатности нынешнего поколения леди, если бы они только увидели, как они разгуливают в одних шляпках из устричных раковин, сдвинутых на затылок! Возьмем еще один пережиток варварства, дошедший до нас в виде порошка. Хозяева позаботились о себе и избавились от мерзости; так же поступили и высшие слуги; но некоторые люди настолько привязаны к этой привычке, что все еще продолжают платить подушный налог в размере 1 фунта. 3s. 6d. ради удовольствия пудрить и намазывать головы своим лакеям, как будто они только что сбежали с мукомольной фабрики и провели жирной рукой по волосам: будет ли кто-нибудь отрицать, что деньги, потраченные на налог, гораздо больше способствовали бы комфорту и чистоте "Джона"? если использовать хорошую ванночку, используйте коричневые щетки Windsor и расчески с мелкими зубьями.

Простите меня, читатель, но я чувствую, что нет аналогии между Цветком и гребенкой с мелкими зубьями; следуя принципу записи отражений, вызванному увиденным, я вернулся на родину; с вашего позволения, мы снова в Рочестере, и Цветок исчез из виду за углом.

Вечерние тени сомкнулись надо мной, и я удалился на ночлег. Моя голова уютно покоилась на подушке; я пребывал в том очаровательно задумчивом состоянии, в котором незаметно смешались мысли и сны. Внезапно раздался звук трубы, громкий, как раскат грома, за которым последовали колокола, звонившие так же быстро, как в церквях Мальты; когда они затихли, вдали, последовал гул человеческих голосов и топот человеческих ног по коридорам, а затем

все снова погрузилось в тишину. Я перевернулся, еще раз одернул одежду и снова отправился на поиски страны грез. Тщетная и обманчивая надежда!-поезда, казалось, отправлялись или прибывали каждые полчаса, и вся ночь была проведена среди успокаивающих звуков минеральных труб и колокольчиков, а также звона копыт и языков животных, пока от полного изнеможения, около пяти утра, я не погрузился в дремоту, которую из-за раннего подъема пришлось прервать вскоре после семи.

Мем. — Как приятно остановиться в отеле, расположенном совсем рядом с железнодорожной станцией.

Читатель, ты, несомненно, знаешь, что Рочестер находится на озере Онтарио и на значительном расстоянии от Нью—Йорка; но, тем не менее, я должен просить тебя перенестись в последнее место, не прибегая к скучной дорожной рутине типа "остановился здесь, остановился там, поел здесь, поел там", которая составляла основные черты моего поспешного путешествия туда, предпринятого с целью проводить моего брата по его возвращению в Европу, долг которой привел меня в яхтенные воды Нью-Йорка, и я думаю, что это подходящее место для главы о "Черной Марии".

ГЛАВА VII.

Строительство и разрушение.

"Черная Мария" - судно настолько уникальное во всех отношениях, что самое подробное описание ее не может не заинтересовать всех яхтсменов; и, будучи далек от извинений за длительность моих наблюдений, я скорее попросил бы снисхождения к скудной информации, которую предоставит эта глава; но поскольку она должна оказаться в высшей степени скучной для тех, кто несведущ в подобных вопросах, я бы умолял их пропустить ее, иначе, прочитав первую страницу, они запутаются в своих мыслях и, сочтя меня занудой, отбросят книгу. накладываю проклятие на мою бедную невинную голову.

Нижеследующие заметки были предоставлены мне коммодором Стивенсом и его братом, которые были проектировщиками и строителями этой необыкновенной яхты, и поэтому я могу поручиться за их точность.

На случай, если моему читателю неизвестен термин "центроплан", возможно, будет также полезно пояснить, что он означает доску, проходящую в продольном направлении через киль, над которой для ее приема закреплен прочный водонепроницаемый корпус; он поднимается и опускается вручную или с помощью механизмов в зависимости от его веса. Преимущества, предлагаемые центропланом, заключаются в следующем: устойчивость, которую он придает судну при спуске на воду; сопротивление, которое он устраняет, если при движении против ветра его поднять; небольшая осадка, которая требуется судну, что позволяет ему держаться

ближе к берегу вне влияния сильных приливов и отливов и т.д.; и, наконец, возможность снова оказаться на плаву, просто подняв центроплан, если судно коснется грунта. Чтобы продолжить с примечаниями:—

КАТЕРНАЯ ЯХТА "ЧЕРНАЯ МАРИЯ".

Водоизмещение 145 тонн.

Осадка при прямом киле 5 футов 2 дюйма.

Длина прямого кия 60 футов, затем уходит изогнутой линией вверх, пока в носовой части не вытянется на 10 дюймов.

Длина центральной доски, 24 фута.

Общая глубина то же самое - 15 футов; вес - 7 тонн.

Передний конец то же самое, примерно в 8 футах сзади от переднего конца прямого кия.

Когда его опускают, он опускается на 10 футов с дальнего конца и на 8 футов с переднего. Он сделан из дуба с добавлением достаточного количества свинца, чтобы он утонул. Благодаря остроумному механическому устройству один человек может поднимать и опускать его с совершенной легкостью.

На корме, примерно в 10 футах от кормы, есть еще одна центральная доска длиной 8 футов, общей глубиной 9 футов, которая в нижнем положении проходит на 5 футов ниже кия.

Общая длина - 113 футов.

Крайний брус составляет 26-1/2 фута на расстоянии 40 футов от стойки руля, идущей в кормовой части примерно до 19 футов у гакбельшира; впереди, поравнявшись с мачтой, он уменьшается примерно на 20 дюймов, а оттуда резко уходит примерно до четырех футов в носовой части.

Грот-мачта расположена примерно в 5 футах сзади от конца прямого кия; ее длина составляет 92 фута, корпус - 8 футов: диаметр у партнеров составляет 32 дюйма, сужаясь до 23 дюймов у гончих. Мачта сделана из белой сосны, в центре ее просверлено отверстие, для самых нижних двадцати футов диаметром около 12 дюймов - следующие 20 футов диаметром 10 дюймов - следующие 20 футов 8 дюймов и оставшиеся 7 дюймов. Это было сделано для того, чтобы сделать мачту легче и за счет циркуляции воздуха дать ей возможность самостоятельно приправляться.

Основная стрела имеет длину 95 футов^[F] и выполнена в виде бочки. Количество шестов - 31, из белой сосны, толщиной 2-1 / 4 дюйма; шесты разной длины, чтобы варьировать точки, в которых они соответственно примыкают. Крайняя длина стрелы достигается за счет двух длин шестов; небольшие деревянные зубцы вставляются через равные промежутки, наполовину в один шест и наполовину в соседний, чтобы они не вытягивались, все это соединяется прочными обручами, снабженными шурупами. Максимальный диаметр стрелы составляет 26 дюймов в том месте, где листы закреплены, сужаясь к губкам, и 13 дюймов на конце стрелы. Для придания стреле

дополнительной опоры там, где установлены листы стрелы, закреплены железные выносные опоры длиной около 3 футов с каждой стороны, а прочная железная скоба проходит от губок через выносную опору к концу стрелы. Багор сделан из ели, 61 фут в длину и 9 дюймов в диаметре.

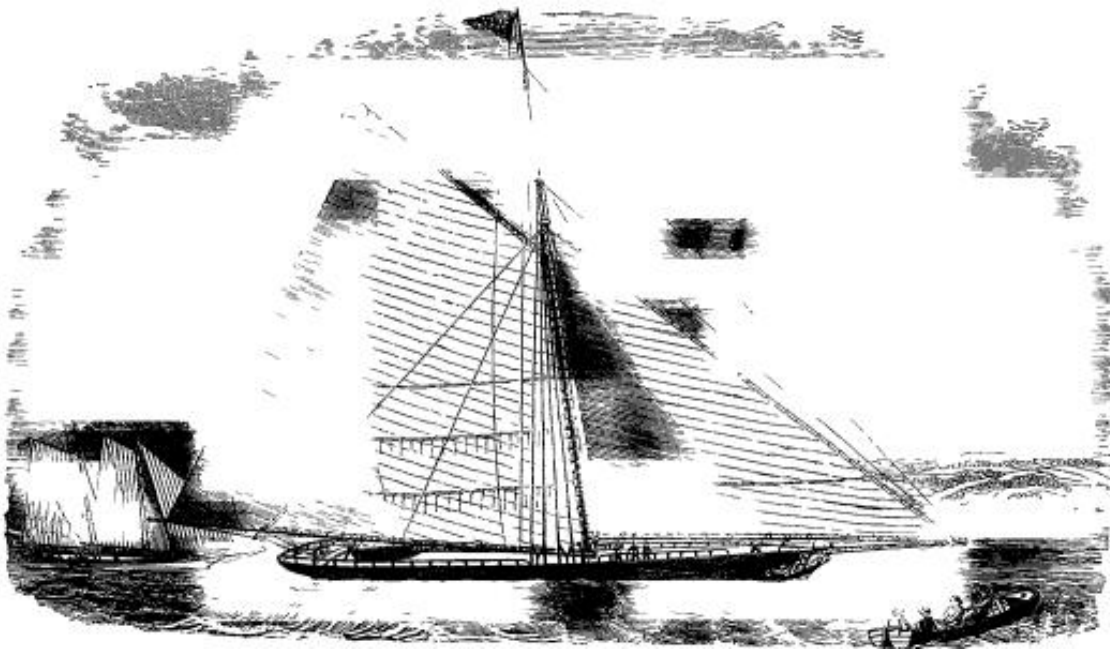
Бушприт из белой сосны длиной 38 футов, 18 из которых подвесные; остальные проходят под палубой, прикреплены к каждой балке и упираются в борт: диаметр его 24 дюйма, и он просверлен, как и мачта, от 10 дюймов в диаметре у основания до 7 дюймов на конце. Стрела сделана из двух кусков желтой сосны, выточенных и скрепленных вместе; ее длина составляет около 70 футов, а диаметр - около 8 дюймов; основание стрелы прикреплено к этому лонжерону на крюках (при необходимости).

Грот-парус изготавливается с горизонтальными швами, чтобы избежать сопротивления ветру, которое оказывают перпендикулярные швы в таком большом парусе. Было подсчитано, что сопротивление перпендикулярных швов в парусе такого размера равно сопротивлению доски шириной 10 дюймов и длиной 60 футов, размещенной торцевым бортом к ветру; длина паруса составляет 66 футов; подножие - 93; носовая часть - 50; верхняя и нижняя части паруса прикреплены к рейкам под гафелем и на стреле; люфт крепится к мачте с помощью приспособления столь же оригинального, сколь и совершенного; две рейки закреплены на задней части мачты на расстоянии примерно полутора дюймов друг от друга, внутренние части прикреплены к мачте. окованный железом и довольно широкий, чем наружное отверстие. К каждому отверстию для проушины паруса прикреплена прочная латунная пластина с 4 роликами, проходящими спереди и сзади, и 2 поперечно; эти пластины, когда парус поднимается, вставляются в пазы реек, ролики предотвращают трение, а рейки удерживают люфт прикрепленным к задней центральной линии мачты - без этого хитроумного устройства огромная мачта при ветре занимала бы по крайней мере три фута паруса - установлены три подъемных домкрата для поддержки огромной массы парусины при опускании паруса.

Длина стрелы в подъемнике составляет 69 футов, а в опоре - 70.

Подпорки сделаны из цельного железа, проходят по 8 футов с каждой стороны киля и проходят через прочный железный колпак над оконечностью бушприта, где при надетой прочной железной шайбе они надежно закрепляются гайкой.

Вы увидите, что есть небольшое расхождение между некоторыми измерениями, которые я привел, и теми, которые отмечены на отпечатке; я доверяю тем, которые я получил непосредственно от мастера; разница, однако, настолько незначительна, что едва ли нуждается в каком-либо указании. Я сожалею, что не указал длину кормовой части грота и головки кливера; но я думаю, что отпечаток, который, как я полагаю, очень точен, позволил бы мне заключить, что первый составляет около 110 футов, а второй - около 120 футов.

ЧЕРНАЯ МАРИЯ.

Предполагая, что эти расчеты верны — а они не могут быть сильно ошибочными, — площадь грота составит около 5790 квадратных футов, а кливера - около 2100 квадратных футов. Если вспомнить, что самый большой парус в британском военно-морском флоте имеет площадь всего 5480 квадратных футов, то может сложиться некоторое представление об их гигантских пропорциях.

Доблестный коммодор был настолько любезен, что снялся с якоря и устроил мне короткую прогулку. К сожалению, почти не было дуновения ветра; но даже под влиянием такой скудной двигательной силы то, как она пронеслась по воде, подобно кричащему дельфину, было совершенно изумительно; а легкость, с которой она развернулась, и невероятное расстояние, на которое она вырвалась вперед на стойках, было, если это возможно, еще более удивительным; она управлялась легко, как карусельная лодка; или, если во время бега порыв ветра делал ее непокорной, сбрасывая задний борт, она становилась послушной, как ягненок. Моим единственным сожалением было то, что я не мог увидеть ее под сильным давлением хорошего снортера. Конечно, любая морская рыба уже давно обнаружила, что эта замечательная яхта - игрушка левиафана, совершенно непригодная для того, чтобы выдержать самый умеренный шторм, особенно если бы море было беспокойным. Я не могу претендовать на то, чтобы сказать, что он мог бы сделать, если бы его подвергли спаррингу, как это обычно бывает с другими судами такого тоннажа; но моим друзьям-яхтсменам никогда не стоит ожидать, что они увидят, как он со своим нынешним снаряжением воспроизводит "Америку", бросает дружеский вызов R.Y.C. и уносит корону победы в своих собственных водах.

Но если кому-нибудь из моих друзей в Каузе не терпится испытать возможности "Марии", доблестный коммодор будет счастлив оказать им гостеприимство и — как он мне выразился — еще больше обрадуется возможности ответить на некоторые из многочисленных знаков гостеприимства, которые сделали его короткое пребывание в Англии таким приятным для него. Единственная жалоба, которую я слышал от него на правила яхтинга в Каузе, заключалась в отсутствии какого-либо ограничения для судов, заходящих на мелководье, благодаря

отсутствию которого яхта с небольшой осадкой иногда может опередить своих конкурентов, просто прижимаясь к суше во время полного прилива, в то время как другие из-за более глубокой осадки вынуждены бороться с его полной силой. Поскольку, по моему скромному мнению, это замечание совершенно справедливо, я привожу его здесь для рассмотрения теми, кого оно может касаться.

Удобства на борту далеко не так хороши, как на английской яхте, отчасти из-за небольшой высоты между палубами, обусловленной ее очень малой осадкой, а отчасти из-за большого пространства, занимаемого корпусом для центроплана; кроме того, следует помнить, что яхта не используется в качестве дома в Америке так же, как в Англии. Великое и, я бы даже сказал, единственное качество, которое волнует трансатлантических яхтсменов, - это скорость; и я думаю, что мои друзья-яхтсмены из Кауза должны признать, что они доказали, что знают, как достичь своей цели, и что мистеру Стирсу, строителю "Америки", нет равных в своем ремесле; если только "Блэк Мария" когда-нибудь не обзаведется пригодным оборудованием и, пересекая Атлантику, не заслужит лавры победителя, и в этом случае Рулевым придется уступить пальму первенства достойному братству, которое в одно и то же время является лучшим кораблестроителем. владельцы, строители и яхтсмены, о которых пойдет речь в этой главе.

Я полагаю, широко распространено мнение, что завершение спортивного дня - отнюдь не наименее приятная часть суток, когда это происходит в форме дружеского общения и хорошего настроения; и в данном случае мы оба были в равной степени бесспорны в своем роде. Погреб commodora в своем роде такая же богатая редкость, как и коллекция Бернала, и, судя по движению пробок, я должен предположить, что она была не менее масштабной. У меня нет намерения навязывать вам меню, но, поскольку на предыдущих страницах я пообещал предоставить надлежащий рецепт пунша и похлебки, я считаю, что здесь самое подходящее место, чтобы выполнить это обещание под руководством моего гостеприимного хозяина, который полностью посвятил меня в тайны смешивания, пропорций и т.д., приготовив и то, и другое у меня на глазах.

Не берусь утверждать, так ли уж важно точно придерживаться рецептов; все присутствующие признали суп превосходным, а некоторые знающие люди заявили, что он необычайно вкусен. Впоследствии мы выяснили вескую причину его высочайшего качества. По-видимому, commodor дал какие-то указания стюарду, которых тот, очевидно, не понял, поскольку, попросив этого чиновника ближе к концу обеда принести бутылку прекрасной старой мадеры, которая хранилась в виде бонбуша, он вытаращил глаза от дикого изумления и сказал, что положил все это в похлебку. Это маленькое дополнение, я могу засвидетельствовать, совершенно точно его не испортило. В пунш не добавляли ничего подобного, и, если я могу судить по количеству выпитого моими соседями, все они находили его таким же вкусным напитком, как и я сам.

Рецепты.

ТОДДИ.- На 4 стакана воды: 1 тодто, сахара: цедра 5 лимонов, и десертную ложку сока: добавьте несколько кусочков персика и ананаса, а также немного клубники. за четверть часа до употребления добавьте 2 бокала выдержанного рома и пару кубиков льда.

ПОХЛЕБКА.—Готовая кастрюля, обжарьте свинину и лук до образования румяной корочки; выложите на дно кастрюли слоем—блюдце;—на него слой картофельного пюре—тарелка для

супа;—на это сырой сибас,^[G] нарезать кусками 4 фунта;—на это свинину и лук, как раньше;— добавить половину порции сибаса. мускатный орех, ложка мускатного ореха, ложка гвоздики и вдвое большее количество тимьяна и летнего чабера; еще один слой картофельного пюре, 3 или 4 крекера,^[H] полбутылки кетчупа, полбутылки бордо, большая щепотка черного и маленькая щепотка красного перца. Просто залейте это кипятком и поставьте на огонь до готовности рыбы.

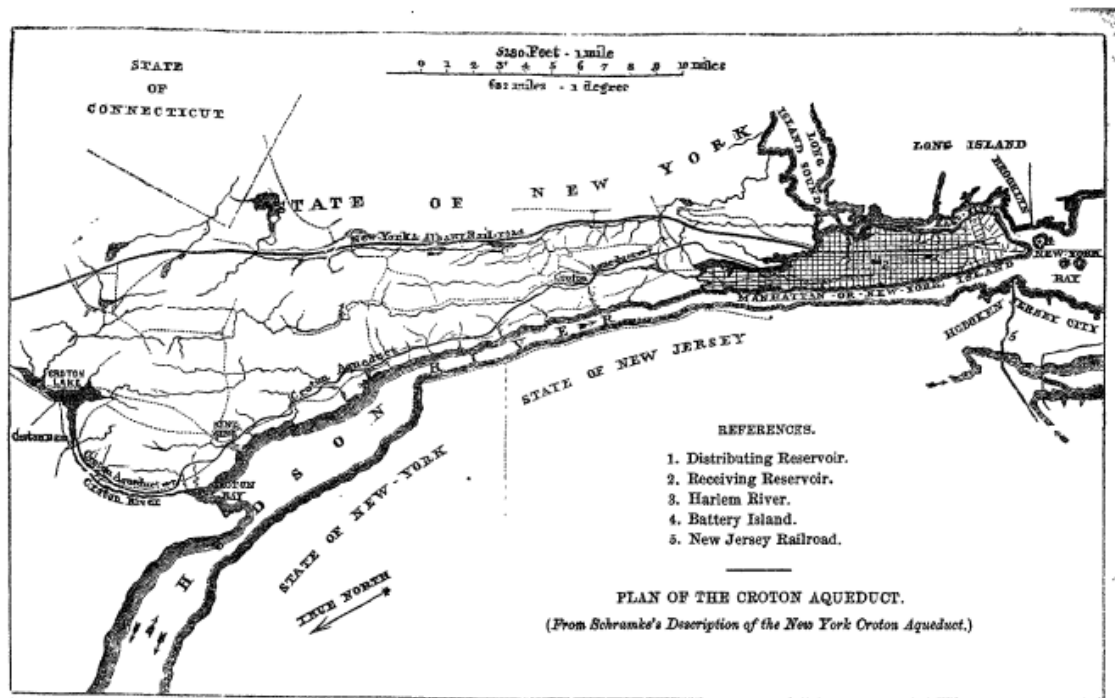
Доблестный коммодор и его брат сейчас заняты строительством железной, защищенной от бомб плавучей батареи длиной четыреста футов, предназначенной для защиты гавани. Какие орудия ей суждено установить, - это вопрос, который еще окончательно не решен.

В таком большом населенном пункте, как Нью-Йорк, водоснабжение является вопросом первостепенной важности, особенно если принять во внимание быстрый рост населения. Некоторое представление об этом необычайном росте может составить статистический факт, что в городе, в котором в год обретения независимости проживало всего 35 000 человек, сейчас проживает 850 000, если не считать пригородов; ежегодно в порт заходит около 4000 судов, перевозящих товары стоимостью 25 500 000 *фунтов.*, и привозящих 300 000 эмигрантов, из которых треть - ирландцы и треть - немцы. Тоннаж Нью-Йорка превышает миллион, или равен одной четвертой тоннажа всего Союза: бизнес города обеспечивает работой более пятидесяти банков. Религия представлена 250 церквями, из которых 46 пресвитерианских и 45 епископальных. Пресса рассылает 155 статей, из которых 14 публикуются ежедневно и 58 еженедельно.

Этого короткого наброска будет достаточно, чтобы показать, что город нуждался в водоснабжении в гигантских масштабах. Трудности усугублялись положением города, который построен на восточной оконечности острова — Манхэттене - четырнадцать миль в длину и две в ширину, высшая точка которого находится всего на двести тридцать восемь футов над уровнем моря. Безуспешно предпринимались различные планы по снабжению водой, и в результате здоровье населения так сильно пострадало, что, наконец, американская энергетика, которая здесь долгое время бездействовала, поднялась подобно обновленному гиганту и положила начало строительству этого нетленного памятника - Кротонского акведука.^[I]

Невозможно передать какое-либо представление об этой колоссальной работе без цифр; но я постараюсь как можно меньше злоупотреблять вашим терпением. Моим авторитетом является работа, опубликованная г-ном Шрамке на английском, французском и немецком языках и полная поясняющих деталей, планов и т.д. Поскольку г-н Шрамке является одним из инженеров, занятых в этой работе, я заключаю, что его утверждения исключительно точны. Долгие обсуждения, терпеливые расследования и тщательные изыскания в совокупности определили место для начала операций на реке Кротон, в сорока с половиной милях от Нью-Йорка и в пяти милях ниже небольшого озера с тем же названием. Все предварительные работы до сих пор проводились под руководством майора Дугласа, профессора инженерного дела Военной академии в Вест-Пойнте; но из-за некоторых разногласий инженером, в конечном итоге выбранным для выполнения этого проекта, был мистер Дж.Б. Джервис. Это всего лишь упоминание его имени, поскольку проявленное мастерство дает ему право на вечную славу. Благодаря строительству крупной плотины уровень воды поднялся на 40 футов, и образовался коллектор объемом 500 000 000 галлонов, что выше уровня, который позволил бы акведуку сбрасывать 35 000 000 галлонов в день. Это колоссальное сооружение состоит из крытого пути шириной семь футов и высотой восемь с половиной футов; в своем ходе оно должно пройти

через шестнадцать туннелей, образуя в совокупности почти 7000 футов; пересечь реку Гарлем по мосту длиной 1450 футов и высотой 114 футов над уровнем прилива, а также перекинуть через различные долины. Приемный резервуар за пределами города обеспечивает водную поверхность площадью 31 акр и содержит 150 000 000 галлонов; он разделен на два отдельных отсека, так что любой из них может быть опорожнен для очистки или ремонта. С этого места вода по трем 36-дюймовым трубам поступает в распределительный резервуар площадью 386 квадратных футов и глубиной 42 фута, но обычно заполняется на глубину 38 футов и затем вмещает 21 000 000 галлонов. С этой точки он расходится по всему городу с помощью 134 миль труб, размер которых варьируется от 4 до 36 дюймов. Среднее падение составляет 14 дюймов на милю; и при необходимости запас может быть увеличен до 60 000 000 галлонов в день. Общая стоимость составила 2 500 000 фунтов.; доход, полученный от этого, составляет 100 000 фунтов в год, дома среднего размера платят 2 фунта. и другие пропорционально.

В заключение я хотел бы отметить, что эта грандиозная работа заслуживает внимания благодаря мастерству, проявленному инженерами, количеству поставляемого товара и качеству изделия, которое почти так же хорошо, как шерри коблер, но не совсем. Если мой читатель увлекся чтением вышеприведенных подробностей и ему это наскучило, галлон кротонской воды - замечательное противоядие; но, поскольку ее может не оказаться в наличии, я бы посоветовал бутерброд и еще одну-две страницы; последнее по принципу, принятому неосторожными любителями выпить, - "брать волосок с собаки, которая их укусила".

Заключительный отрывок последнего абзаца напоминает мне о практике, которую, я не сомневаюсь, сильная жара нью-йоркского лета делает весьма желательной, если не абсолютно необходимой, а именно о собачьем *аутодафе*, которое проводится в июле. Сердце сжимается при мысли о массовом убийстве "самого верного компаньона человека", и это чувство усиливается, когда читаешь, что иногда более тысячи собак становятся жертвами закона за один сезон; но сам этот факт является самым сильным аргументом, на который можно сослаться в оправдание, поскольку сухая жаркая атмосфера лета создает благоприятную почву

для развития гидрофобии, и чем больше семейство собак, тем больше опасность этой страшной и неизлечимой болезни.

В определенный день мэр Нью-Йорка предлагает обычную награду в размере 2s. за каждую собаку, которая была найдена на улицах без намордника, доставляется в собачий приют. Каким бы разумным ни было это муниципальное постановление, оно не может не поразить читателя тем, что предлагает одну наиболее неприятную черту в золотой жатве, которую оно позволяет собирать этим хитроумным мошенникам, похитителям собак. Любой, кто знаком с неотразимыми уловками, которыми обладают эти негодяи, может легко понять, какое обширное поле деятельности таким образом открывается перед ними; и, если кто-то может составить справедливое мнение, сравнив количество собак, которых он обычно встречает на улицах, с множеством собак, которые, как считается, становятся жертвами в соответствии с официальным мандатом, они, безусловно, максимально используют свою возможность.

Для любого поклонника этой породы внутренняя часть загона, должно быть, представляет собой самое болезненное и отвратительное зрелище: там можно увидеть лежащих бок о бок "достоинство и наглость", бесстрашного быка и робкого спаниеля, надутого мопса и дружелюбного ньюфаундленда, лохматую комнатную собачку и скулящую дворняжку; кто-то рычит вызывающе, кто-то скулит от горя, кто-то смотрит умоляюще - их умные глаза вызывают нынешнее сочувствие на основании прошлой верности — и все напрасно: настал час, когда вызовет сочувствие. Мусульмане призывают к молитве, так же тихо звонят по ним похоронный звон; вон то великолепное солнце, заходящее в потоке огня, освещает их безвременную могилу; одна безжалостная рука держит голову без сознания, другая со смертельной целью разносит череп и рассыпает мозг - верный друг человека - труп.

Владельцам разрешается забрать свою собственность до захода солнца, заплатив 2s. вознаграждение; самых красивых собак иногда держат два или три дня, так как часто находятся покупатели. Цена после первого дня составляет гонорар убийцы и предоставленную еду в дополнение к первоначальному вознаграждению; в общей сложности она редко превышает 8 шиллингов. Владелец должен делать покупки, как и любой другой человек. Все тела забирают, чтобы выварить из них жир, а шкуры отправляют дубильщикам. Давайте теперь перейдем от этой отвратительной темы к чему-нибудь более приятному.

Я уже упоминал о большом пристрастии американцев к рысакам. Лучшее место, где можно увидеть "выходы", - это Блумингдейл-роуд, которая выходит из Нью-Йорка почти параллельно Гудзону и отделена от него только загородными виллами и проч., построенными на берегах этого благородного потока. Это заведение можно назвать чисто демократическим "Роттен-роу", поскольку оно является излюбленным местом отдыха; но на этом сходство заканчивается. В одном случае люди едут отдохнуть, встретиться с друзьями и подышать свежим воздухом верхом; в другом - люди едут с твердой решимостью обогнать всех, причем на колесах. В одно люди ходят перед обедом, в другое - после.

Мой друг предложил мне покормить и занять место за парой трехминут, предложение было слишком хорошим, чтобы от него отказаться. Процедура забирания в одну из этих четырехколесных повозок выглядит достаточно запутанной, поскольку единственной опорой для ног, которая, как представляется, является колпак оси; но, когда лошади выводят головы на середину улицы и, таким образом, блокируют передние колеса, обнаруживается остановка, которая упрощает процесс. Трудно сказать, что более примечательно, легкость повозки или

легкость упряжи; и того, и другого достаточно, чтобы вызвать нервное ощущение недостаточности у незнакомца, который впервые доверяет им себя; но опыт доказывает как их достаточность, так и их преимущество. В назначенное время мы достигли окраины города; вскоре появились борющиеся соперники, и, несмотря на пыль, обильную, как нашествие саранчи, любой вызов был принят; сделав хороший пас, победитель был удовлетворен и возобновил более умеренный темп. Мы уже дали отмашку одному или двум, когда услышали стук копыт совсем близко позади нас и хорошо знакомый крик: "Г'ланг". Мой друг выпустил свои трехминутки, но прежде чем они достигли своей скорости, враг был уже далеко от нашего носа, и там он удержался, бросая нам вызов. Несомненно, очень увлекательно ехать со скоростью двадцати миль в час, и хотя лошадиные копыта за пять минут забрасывают вам в глотку больше гравия, чем хватило бы птичьему двору на неделю, в тот момент об этом не думаешь.

Мы летели дальше; наш враг на двух колесах и в одной упряжи то и дело давал нам поравняться с собой, а затем устремлялся вперед, как стрела из лука. Несколько испытаний показали нам, что борьба бесполезна: нам пришлось иметь дело с обычным "иноходцем", и — как я уже отмечал в другом месте — их скорость больше, чем у любого светлого рысака, хотя и настолько утомительна, что они не в состоянии поддерживать ее на сколь-нибудь большом расстоянии; но поскольку мы уже превратили днище машины в гравийную яму, мы сочли, что продолжать развлечение не стоит. Может возникнуть вопрос, почему у этих фургонов такие низкие брызговики, что пропускают весь гравий? Причина проста. Большое желание - идти впереди, и они опущены, чтобы вы могли наблюдать за задними ногами лошадей; делая это, знающий Иегу может определить, когда они собираются перейти в галоп, и может соответствующим образом обращаться с "ремнями".

Страшная буря, надвигавшаяся с наветренной стороны, прервала нашу намеченную поездку; и, пустив кляч во весь опор, нам едва удалось найти укрытие, прежде чем она обрушилась на нас; и кто когда-либо видел такую бурю, какая обрушилась? Казалось, что бесчисленные воинства небес были набраны бочонками, а не ведрами с водой, и когда они опрокинули их на бедную преданную землю, на помощь пришел обычный ураган и унес их на восток, к океану. Время от времени небо представляло собой сплошную вспышку молнии, и в промежутках раздвоенные вспышки прорезали темноту, словно огненные змеи, нападающие на свою жертву. Этот шторм, пусть и короткий, был, во всяком случае, великолепно сильным, и впоследствии мы обнаружили, что он также был ужасно разрушительным; лодки на Гудзоне переворачивались и выбрасывались на берег, с домов срывало крыши, а лесные деревья ломались, как тростинки.

Гостиница, где мы укрылись, к счастью, не пострадала, как и ни одно из деревьев, окружавших ее. Прекрасно расположенный на высоком берегу, спускающемся к Гудзону, поросшем прекрасным старым лесом; он принадлежал какому-то английскому дворянину — я забыл его имя — в старые колониальные времена; теперь это было излюбленное место наживки для завсегдатаев Блумингдейл-роуд, и здесь продавали самые бесспорно хорошие республиканские напитки, сапожные изделия, самокрутки, рогатки и градины, а также другие более солидные и превосходные вещи под стать. Когда гроза закончилась, мы распрягли лошадей и вернулись в город более спокойным шагом; пыль по дороге домой нас не слишком беспокоила.

Чтобы читатель не устал от столь долгого пребывания в Нью-Йорке, я предлагаю теперь сменить место действия для его развлечения и надеюсь, что он будет сопровождать меня в моих

странствиях. Если во время операции он иногда сочтет меня утомительным в каких-либо неинтересных для него деталях, я надеюсь, что разумный пропуск нескольких листков вернет нас к приятному общению.

СНОСКИ:

[F]

Самая большая стрела во флоте имеет длину 72 фута и диаметр 16-1/2 дюйма; самая большая мачта имеет длину 127 футов 3 дюйма и диаметр 42 дюйма; самая большая рея имеет длину 111 футов и диаметр 26-1/2 дюйма.

[G]

Тюрбо - хорошая замена морскому окуню.

[H]

Маленькое американское печенье из лучшей муки.

[I]

Видео с эскизом Акведука.

ГЛАВА VIII.

Юг и Запад.

Стремясь посетить южные районы этого Имперского штата и найдя приятную спутницу, мы выбрали для нашего выезда ранний ноябрьский день; и хотя я ожидал большого удовольствия от пейзажей и интересных мест, через которые мне предстояло пройти в моем предполагаемом путешествии, я не мог закрыть глаза на печальный факт, что великолепная мантия осени спала с лесов и оставила вместо себя унылую наготу зимы. Время, которое я мог выделить на путешествие, было, к сожалению, настолько коротким, что, за исключением одного или двух ведущих мест, я не мог надеяться на что-то большее, чем буквально увидеть с высоты птичьего полета, и поэтому был бы незаметно вынужден получить множество впечатлений от путешествующего общества, в которое меня забросила Судьба.

Восемь часов утра застали нас обоих на джерсийском пароме, где нам предстояло получить билеты до Балтимора - как на человека, так и на багаж. Бушевала сильная снежная буря, и

оформление билетов на багаж приходилось производить *на свежем воздухе*, что в сочетании с полным отсутствием порядка, столь распространенным в железнодорожных учреждениях этой страны, делало эту операцию отнюдь не приятной. Наши индивидуальные билеты были приобретены под навесом, но в офисе таких лилипутских размеров, что обычная давка пассажиров напоминала театральную давку в вечер Дженни Линд; только с той прискорбной разницей, что театральная давка была прелюдией ко всему, что могло очаровать чувства, тогда как давка билетов была, как я слишком хорошо знал, предвестником дня самого неудобного путешествия.

Получив билеты, мы пересекли вечно славный Гудзон и, приземлившись в Джерси-Сити, имели удовольствие "протопать" по снегу к железнодорожным вагонам. Они были там, с раскаленной докрасна печью и ядовитой атмосферой, как обычно; поэтому мы с моим другом, выбрав "вагон для курящих" без подушек, где окна, по крайней мере, были открыты, уселись на жесткие доски "смирения", закурили "колючую травку утешения" и окутались ее ароматными облаками. Мы продолжали путь, с шипением преодолевая снежную бурю, пока воды Делавэра не остановили нас; затем, пересев на пароход, мы пересекли широкую реку, на которой, чтобы сэкономить время, подали обед, и почти до того, как он закончился, мы добрались до Филадельфии, где нас ждали автобусы, чтобы отвезти к железной дороге. Я также могу упомянуть здесь, что одним из различных способов проявления славной свободы страны является преднамеренная остановка автобусов и дилижансов посреди самых грязных дорог, в самую плохую погоду, чтобы вы могли основательно перепачкаться и промокнуть при въезде. Равенство, я полагаю, требует, чтобы, если кучер должен быть мокрым и испытывать дискомфорт, пассажиры должны быть максимально приближены к тому же состоянию.

Поскольку все автобусы были готовы, мы тронулись в путь и как раз вовремя поспели на поезд; поскольку это был почтовый поезд, он не мог ждать, хотя мы оплатили проезд до Балтимора. Вскоре после нашего отъезда я услышал разговор двух соседей в промежутках между облаками Вирджинии, которые они усердно раздували. Один из них сказал: "Я думаю, весь багаж остался позади". Друг, затянувшись травкой, выпустил облако, достаточное, чтобы покрыть Гибралтарскую скалу, и ответил с самым философским спокойствием: "Я думаю, что ничего другого оно не питает". Мы с моим другом энергично затянулись и вопросительно посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: "Можно ли оставить наш багаж здесь?" Вскоре появился кондуктор, чтобы *предъявить* билеты: он должен был разрешить наши сомнения.—
Послушайте, кондуктор, наш багаж, прибывший из Нью-Йорка, остался здесь? "Да, я думаю, это так, все до последней мелочи; и если бы вы приехали на десять минут позже, я думаю, вы могли бы остаться с этим; это произойдет сегодня вечером, а завтра утром, примерно в половине пятого, вы будете в Балтиморе; если вы дадите мне свои билеты и скажете, в какой отель вы направляетесь, я прикажу их прислать ". После запроса мы выяснили, что это было очень распространенное событие, и, похоже, никто не считал, что это тема, заслуживающая того, чтобы ее исправить, хотя малейшее проявление здравого смысла и обычных договоренностей могло бы легко предотвратить это. И откуда это безразличие? Потому что, во-первых, это стоило бы несколько центов; во-вторых, это не затрагивает большинство, которые путешествуют только с маленькой ручной сумкой; в-третьих, железная дорога через Нью-Джерси является монополией, и поэтому люди должны пользоваться этой дорогой или никакой; и, наконец, из наблюдений, которые я выяснил в ходе допроса моих свидетелей, мне показалось, что ревность и соперничество, существующие между Нью-Джерси, Нью-Йорком и Филадельфией, имеют небольшой эффект; во всяком случае, то, что им позволяют оставаться, - это постыдное дело.

Однако я не сомневаюсь, что время исправит это, как, я полагаю, и многие другие неудобства и недостатки в обустройстве, которым в настоящее время подвержена вся железнодорожная система в этой стране. — Возвращаясь к моему отступлению.

Мы продолжили путь и вскоре пересекли Саскуэхану, увековеченную Кэмпбеллом. Какие бы красоты там ни были, стихия их эффективно скрывала; и после дневного путешествия, которое, насколько мы видели, с таким же успехом могло проходить над водопадами Шрап, в половине седьмого вечера мы прибыли в Балтимор, где на следующее утро благополучно получили наш багаж.

Рекомендательное письмо другу вскоре окружило нас добротой в этом гостеприимном городе. Моей целью, остановившись здесь, было просто немного насладиться широко известной охотой на уток с парусиновой спинкой и их поеданием, поскольку я намеревался вновь посетить эти края ранней весной, когда у меня будет больше досуга. Как только о наших пожеланиях стало известно, один из наших добрых друзей немедленно предложил отвезти нас в Максвелл-Пойнт, который является частью большого поместья, принадлежащего генералу Кэдуолладеру, и расположен в одном из бесконечных заливов, которыми изобилует Чесапикский залив. Когда все было устроено, наш друг появился в легкой повозке, запряженной парой ловких рысаков перед ней. Дорога была унылой и неинтересной; но когда мы покинули ее и свернули на дорогу для фургонов через обширный лес, я не мог не почувствовать, как, должно быть, приятно ехать верхом в более теплые сезоны года, когда свежесть весны и лета или сочность осени украшают густой лес его красотами. Короткая и приятная поездка привела нас к парому, на котором мы переправились к знаменитой Точке, избежав таким образом долгого обхода, который в противном случае нам пришлось бы совершить. Вода была полна уток во всех направлениях; это сильно напомнило мне озеро Мензале, недалеко от Дамьетты, единственное место, где я когда-либо прежде видел такую утятницу.

Спортивная площадка является частью собственности генерала Кэдуолладера и сдана в аренду клубу джентльменов; они построили очень уютную маленькую стрелковую будку, где оставляют свое ружье и *снаряжение* для спорта, иногда приезжая из Балтимора на день или два, когда предоставляется возможность, и наслаждаясь настоящим пикником.^[1] Реальное время для хорошей охоты - с середины октября по середину ноября, и что приводит к этой забаве, так это то, что утки меняют место кормления, выполняя какую операцию, они пересекают эту длинную точку. По мере того как сезон становится более поздним, птицы не так часто меняют направление полета; и, более того, напуганные непрекращающейся канонадой, они летают очень высоко, когда пересекают границу. Лучшее время - это рассвет и незадолго до наступления темноты; но даже тогда, если погода не благоприятствует, они проходят совсем незаметно. Мой друг предупредил меня об этом, поскольку сезон хороших игр уже прошел, хотя было только девятнадцатое ноября, и он не хотел, чтобы я разочаровывался. Мы приземлились на Мысе около половины пятого пополудни и сразу же приготовились к неприятностям, хотя те, кто побывал там днем, мало нас подбадривали.

О *способе работы* рассказывается очень просто. Вы одеваетесь в самые незаметные цвета и, вооружившись огромным охотничьим ружьем — двойным или одиночным, как вам больше нравится, — направляетесь к своему посту, который здесь называется "блайндом". Это что-то вроде ящика высотой около четырех футов, с тремя стенками и без верха; внутри закреплена скамейка, на которую можно сесть и разместить свое погрузочное снаряжение. Эти жалюзи

установлены по центральной линии лонг-пойнта на расстоянии примерно пятидесяти ярдов друг от друга. Одну сторону мыса они называют "Залив", а другую - "Река". Спортсмены внимательно осматриваются по сторонам, и как только замечают движущихся уток, раздается крик "залив" или "река", в зависимости от стороны, с которой они приближаются. Каждый спортсмен в тот момент, когда он "видит уток", приседает в шторке, насколько это возможно, вне поля зрения, дожидаясь, пока они не окажутся почти над головой, затем, поднявшись со своим смертоносным оружием, бросается на них в тот момент, когда они проходят мимо. Поскольку они обычно летают очень высоко, их толстый пушистый покров отразит любые выстрелы, направленные против них, при их приближении. Таким образом, в благоприятный день в начале сезона смешанная стрельба "шеренгой и взводом" по великолепным *королевским переворотам* ведется непрерывно. В тот вечер нам очень не повезло, так как в движении находилось всего несколько уток, и эти несколько пролетели на такой большой высоте, что, хотя большие Аа с грохотом врезались в них из тяжелой Корзины, которую мне одолжил друг, они отказались спускаться. Мне удалось поймать только одного за два часа наблюдения, когда темнота вынудила меня отступить.

Но кто возьмет на себя смелость попытаться описать сочных птиц, когда они прилетают парами, "горячими и обжигаяще горячими"? Собралась дюжина членов клуба; незнакомца встречает сердечный и гостеприимный прием — прием настолько теплый, что он не может почувствовать себя незнакомцем; каждое лицо сияет здоровьем, каждая губа увлажнена аппетитом; ноздрей достигает ни с чем не сравнимый аромат — больше не требуется вызова на праздничную сцену. Первое и второстепенное действие супа закончено, входит "дымящаяся пара", и их ставят перед президентом. В дело идет вилка; — боже милостивый! как брызжет сок. Сухое блюдо плавает; один умелый взмах ножом с каждой стороны - и жертва разрезана на три части, источающие сочность и разжигающие аппетит до абсолютной жадности. Но есть старая пословица, которая гласит: "Не все то золото, что блестит". Может ли это быть обманом? Первый кусочек, который вы кладете в рот, когда он тает на вкус, рассеивает все мысли, и вы без колебаний называете его самым вкусным кусочком, который вы когда-либо пробовали. Они поступают все горячее и горячее; и, подобно Оливеру, вы просите еще, но с большим успехом. Ваш хозяин, когда видит, что вы слабеете, настаивает: "еще на одну" порцию. Вы колеблетесь, считая, что пара уток - это очень приличное количество. Он отвечает: "Поверь моему слову, это такая легкая еда; ты можешь съесть дюжину!" К веселому сыну Эскулапа, на котором Отец Время наложил свой отпечаток, хотя он и оставил свою веселость во всей свежести юности, обращаются с просьбой. Он решительно заявляет, что не знает ничего более легкого для пищеварения, чем утка с парусиновой спинкой; и он с удовольствием уплетает свое утверждение. Как это аппетитно! - каждое новое блюдо, принесенное с кухни, пробуждает аппетит у гостей. "Одно готово, давай другое" - таков распорядок дня. Те, кто читает, могут сказать: "Гурман!" Но многие из них, поверьте мне, если поместить их за тремя или даже четырьмя этими сочными птицами, приготовленными с художественной точностью *кухни* Максвелл-Пойнт, оставят кошке лишь жалкие остатки, особенно когда бутылка проходит беспрепятственно, а веселые друзья подбадривают вас. Конечно, я не имею в виду тех людей, которые наслаждаются "пропитанной паклей", называемой "буйи". Предложить им хорошо прожаренную утку с холщовой спинкой - это, действительно, было бы метанием жемчуга перед чем—то таким. Также это не удовлетворит привередливый вкус тех, кто, будучи не в состоянии различить разницу между соком и кровью, готовит все вкусное и питательное из своего мяса и наслаждается оставшейся хрустящей

субстанцией. Но время идет; за сигарами и пуншем последовали; и, поскольку мы должны быть на своих постах до рассвета, мы отправляемся в Бедфордшир.

Еще до рассвета чашка кофе на скорую руку подготовила нас к утренним забавам; и, закулив "дружественную травку", мы ощупью добрались до наших жалюзи, полные надежды и жаждущие крови. Увы! судьба не была благосклонна; но несколько птиц пересекли границу, и те в основном вне пределов досягаемости. Однако мне удалось упаковать с полдюжины, прежде чем меня позвали на девятичасовой завтрак, на котором, само собой разумеется, в изобилии подавалась "великолепная птица". После завтрака я развлекался с подозрительной трубой, наблюдая, как утки ныряют и дерутся за дикий сельдерей, который покрывает дно этих ручьев и бухт и который, как обычно считается, придает птицам их насыщенный и своеобразный вкус. Они досконально знают силу ружья для охоты на уток и, держась вне пределов его досягаемости, подходят как можно ближе к корму, поскольку воды, конечно, меньше, а сельдерей легче достать. Поскольку наше время было ограничено, мы были неохотно вынуждены попрощаться с нашими добрыми и гостеприимными артистами, о чьем дружеском приеме и хорошем настроении у меня сохранились самые яркие воспоминания.

Пересекая залив на маленькой лодке, мы снова сели в легкую карету и вскоре весело "отчалили" в Балтимор. По дороге наш друг развлекал нас рассказами о двух различных способах, принятых в этих водах для добычи уток на горшочек. Один из методов состоит в том, чтобы найти бухту, где много уток и сносно близко к берегу; а затем, спрятавшись как можно ближе к кромке воды, вы берете палку, на конец которой повязываете носовой платок, и продолжаете размеренно размахивать ею взад-вперед. Другой метод заключается в использовании собаки вместо палки и носового платка. Для этой цели у них есть обычная порода, размером примерно с большого скай-терьера и песочного окраса. Вы продолжаете бросать камешки к кромке воды, за которыми следует собака; и таким образом она постоянно бежит туда-сюда. В любом случае, утки, имеющие в себе что-то от женщины, постепенно подплывают, чтобы выяснить значение или причину этих таинственных движений; и, оказавшись в пределах досягаемости, охотник внезапно поднимается, и, когда испуганные птицы поднимаются в воздух, они получают наказание за свое любопытство в виде смертоносного выстрела. Эти два метода они называют "толлинговыми"; и наиболее эффективными они оказываются для снабжения рынка.

Разные народы проявляют разную изобретательность при поимке дичи и т. Д. Помню, когда я был в Египте, меня поразила хитроумный план ловли уток и фламинго на озере Мензале; он заключается в том, что охотник надевает себе на голову тыкву, достаточно проколотую, чтобы видеть насквозь, и с помощью которой, поскольку остальная часть его тела полностью погружена в воду, он так легко приближается к своей добыче, что первое, что они замечают, — это неприятное ощущение, которое они испытывают, когда его рука сжимает их ноги в глубине воды.

О городе Балтимор и его окрестностях я надеюсь рассказать вам кое-что еще по возвращении. Поэтому мы немедленно отправимся на железнодорожный вокзал и займем свои места в Питтсбурге. Утро дождливое, снежное, такая влага смеется над так называемыми водонепроницаемыми элементами и проникла бы в воздушный насос. Поскольку в вагоне не было мест для курящих, нам пришлось пересест в другую; и мы тронулись в путь. Поначалу атмосфера была сносной, но вскоре, увы! слишком скоро все окна были закрыты; плита

раскалилась докрасна; суровые туземцы собрались вокруг нее и, поливая ее отхаркивающимся дождем настоящего виргинского сока, шипение и вонь стали невыносимыми. Мне ничего не оставалось, как открыть окно и позволить мокрому снегу промокнуть одну сторону моего тела, в то время как другая запекалась; таким образом, одна щека оказалась в леднике, а другая - в духовке. В полдень мы пришли к "затруднительному положению": железнодорожный мост через Гаррисбург был разрушен. Ничего не оставалось, как набраться терпения, и в свое время оно было вознаграждено прибытием трех omnibuses и багажного фургона. Поскольку в поезде находилось около восьмидесяти человек, было трудно сообразить, как собрать вещи, потому что продолжалась все та же отвратительная погода, и никто не искал места на улице, где можно было бы продолжить путешествие в промокшей одежде. Наконец, однако, это удалось, что-то вроде сельдей в бочке. У меня на коленях сидела одна дама, и на каждой ноге было по милому немытому залогу ее привязанности. Всего мы насчитали двадцать шесть голов и помчались прочь так быстро, как только позволял снег, чтобы успеть на филадельфийский поезд, который должен был забрать нас сюда.

Нам удалось прибыть примерно через полтора часа после того, как все прошло; и, следовательно, не оставалось иного выхода, кроме как переночевать в маленькой гостинице и подкрепиться перед испытанием тем добром, которое мог предложить хозяин "Калверли". Теперь снегопад прекратился, и мы начали беспокоиться о шансах продолжения.

Гаррисбург, может быть, и очень красив и интересен в хорошую погоду, но зимой это было унылое место, где можно было ожидать заснеженности, хотя и расположенное на берегах прекрасной Саскуэханы: соответственно, я спросил у хозяина, когда пройдет следующий поезд. Он ответил с грамматической точностью: "Это должно произойти завтра около четырех утра; но когда это произойдет, я затрудняюсь сказать.— Каково ваше мнение, полковник?" добавил он; и, обернувшись, я увидел выдающегося военного деятеля, сидящего на одном стуле, а его ноги изящно перекинута через спинку другого. В руке, держащей меч, он держал небольшой складной нож, который выполнял попеременно функции зубочистки и точильного станка,^[K] для последнего развлечения он держал в левой руке маленькую палочку, чтобы орудовать ею; и пол свидетельствовал о его неутомимом рвении. Когда ему был задан важный вопрос, он прекратил свои строгальные работы и, глубоко засунув лезвие ножа между слоновой костью, с авторитетным видом выглянул в окно, очевидно, пытаясь сначала определить, какой толщины снег лежит на земле, а затем, взглянув вверх, подсчитать, сколько еще снега может выпасть. Должным образом взвесив все эти моменты и доведя до совершенства канал между слоновой костью, он пососал дружественный клинок и ответил со стоическим безразличием, которое, учитывая мое беспокойство, можно было бы назвать почти бессердечным— "Я думаю, если снег будет идти так и дальше, завтра здесь вообще не будет машин". Затем, вытянув шею к небесам, словно ища подтверждения более ужасному пророчеству, он добавил: "Судя по всему, я думаю, что ювелиры могут задержаться здесь на неделю". Высказав вышеупомянутое утешительное замечание и должным образом пролив на пол душ из вирджинского сока, военный авторитет возобновил свои строгальные работы с возросшей энергией. Его занятие невольно перенесло мои мысли за реку, в загородный дом, где я так часто видел старого слепого друга, забавлявшегося тем, что рвал бумагу на мелкие кусочки, чтобы сделать подушки для бедняков. Если бы доблестный полковник только заменил это занятие строганием, чего хорошего он не смог бы сделать в Гаррисберге!

Я рад сообщить, что утешитель моей Работы оказался лжепророком; снег вскоре сменился мокрым снегом, а мокрый снег - дождем, и к полуночи грязь была полной. На следующее утро, в три, мы сели в автобус, а вскоре после четырех подъехали машины, и мы снова оказались *на пути* в Питтсбург. Я думаю, что это было самое неприятное дневное путешествие в моей жизни. Смесь человеческого и металлического жара, хор инфантильных визжунов, которые продолжали перекликаться друг с другом из всех частей вагона, как стая собак в восточном городе, и промежутки, заполняемые шипением на плите "вирджинского сока", были достаточно неприятными; но даже стихии объединились против нас. Дождь и снег боролись друг с другом, создавая ту слякоть, которая затемняет любой пейзаж; вдобавок к этому, печальное предвидение того, что мы были обречены на пятнадцать или шестнадцать часов такого сочетания страданий, делало этот день действительно ужасным. Моим единственным средством было открыть окно, которое, как только я попытался, какой-то здоровяк, закутанный в пальто и стеганые одеяла и пышущий здоровьем, попросил закрыть, поскольку "Было так холодно": термометр, я уверен, колебался внутри машины от девяноста до ста градусов. Затем он попытался избить гектора и, обнаружив, что это бесполезно, обратился к охраннику. Я заявил о своем праве и далее ссылался на необходимость свежего воздуха не только для комфорта, но и для самой жизни. Поскольку мой друг выразил те же чувства, сварливый Гектор остался дуться; и я, должен признаться, испытал злорадное удовлетворение, когда вскоре после этого вошли две дамы и, усевшись на скамью рядом со мной, открыли свое окно и подвергли Гектора основательному сквозняку, который, будучи для него желчным и полынным, для меня был бальзамом Галаада. Поскольку я свободно критикую американские привычки и т. Д. Во время своих путешествий, я должен справедливо заявить, что Гектор был единственным из своих соотечественников, которых я когда-либо встречал, кто был намеренно агрессивен и, казалось, хотел оскорбить.

Инженерное обеспечение этой дороги было настолько сложным, что нам пришлось пройти операцию, которая для меня была совершенно новой, а именно: нас затащили на проволочных тросах на один из холмов Аллегани и спустили с другой стороны. Предельная высота составляет тысячу шестьсот футов; и достигается это с помощью пяти различных стационарных двигателей, каждый из которых установлен на отдельной наклонной плоскости, самый высокий из которых находится на высоте двух тысяч шестисот футов над уровнем моря. Отсутствие надлежащего оборудования и достаточного количества рабочих рук сделало эту операцию в высшей степени длительной и утомительной. На вопрос, почему такие "милые и инициативные" люди изначально терпели такую плохую инженерию и такие затягивающие мероприятия вплоть до настоящего времени, мне ответили: "О, сэр, это легко объяснить; это государственная дорога и монополия, но почти достроена другая дорога, с помощью которой всего этого удастся избежать; и, поскольку она находится в руках компании, тогда задержек не будет". — Как любопытно, как правительства портят такие вещи, когда берутся за них! Я не мог не думать о разнице между нашей собственной правительственной почтой, курсирующей из Марселя на Мальту и т. Д., И великолепными пароходами компании Peninsular and Oriental Company, которые перевозят ту же почту с Мальты. — Но возвращаясь к моему отступлению.

Я был поражен, увидев предмет, похожий на обломок канальной лодки, спускающийся по одной из этих наклонных плоскостей на грузовике; и мое изумление не уменьшилось, когда я обнаружил, что это действительно была часть канальной лодки, а остальные части следовали сзади. Лодки делаются, некоторые из трех, некоторые из пяти отсеков; и, будучи просто

скреплены вместе, их легко переносить через холм, от канала с одной стороны к его продолжению с другой.^[4]

Через несколько часов после того, как мы покинули эти самолеты, мы подошли к концу железной дороги, и нам пришлось преодолевать десятимильный разрыв в линии. Это был один из тех ужасных дождливых дней, которые, как говорят, повергают в уныние даже старого жителя Аргайлшира, — в графстве Аргайлшир, как помнят, после шести недель непрекращающейся сырости английский путешественник, спросив мальчика-пастуха, всегда ли там идут дожди, получил утешительный ответ: "Нет, сэр, иногда идет снег". Земля была покрыта грязью глубиной от восьми до восемнадцати дюймов; старые девятиместные вагоны — о которых скоро будет рассказано — ждали наготове; и поскольку в вагонах находилось несколько дам, я подумал, что вагоны можно было бы заставить подъехать поближе к скудно прикрытой платформе, чтобы принять пассажиров; но такая идея не пришла им в головы. Я полагаю, что такой признак цивилизованности шел бы вразрез с их республиканскими представлениями о свободе; и у красавиц не было иного выбора, кроме как задрать свои одежды до высоты балетных танцовщиц и зарыть свои аккуратные ступни и точеные лодыжки глубоко, глубоко, глубоко в грязную жижу. Но что делало это поведение непреодолимо нелепым — хотя любому джентльмену было неприятно наблюдать за ним, — так это насмешка над притворной галантностью, проявленной при рассадке всех дам до того, как какому-либо джентльмену было позволено войти; результатом чего было то, что они постепенно проложили сравнительно протоптанную дорожку для джентльменов, по которой они могли пройти. Один рывок поводья и одна капля хороших манер позволили бы каждому войти чистым и невредимым; однако лучшие классы, по-видимому, настолько привыкли к этой фазе демократии, что никто не выступил с протестом ни от имени дам, ни от своего имени.

Сборы были завершены, тряская поездка снова привела нас к железнодорожным вагонам; и еще через несколько часов — под крики умирающих от голода младенцев и сонных ребятишек, "тише-тише" любящих мам, суету при сборе посылок и угасающий жар ядовитой печки — мы добрались до молодого американского Бирмингема около 10 часов вечера и вскоре обрели покой в удобной постели в комфортабельном отеле.

Если вы хотите составить хорошее представление о Питтсбурге, вам следует отправиться в Бирмингем и уменьшить его размеры в своем воображении до одной четвертой от реальности; после чего пусть улицы этого творения вашей фантазии будут "засыпаны" примерно на фут слоем глины и угольной пыли в равных пропорциях; затем попытайтесь представить себе, какой эффект произвела недельная ожесточенная борьба между мистерами Дж. Выпадут снег и слякоть, и вы, таким образом, сможете получить некоторое представление об очаровательном пейзаже, который представлял собой Питтсбург в день моего визита. Но если у этого молодого Бирмингема так много общего со старшим, то есть одна замечательная черта, которой он обладает, и которая нужна другому. Реки Огайо и Мононгахела образуют дельту, на которой он построен, и в недрах первой плоды его труда доставляются в Новый Орлеан, *через* Миссисипи — расстояние ровно в две тысячи двадцать пять миль. По соседству изобилуют углем и железом; на самом деле они так же удобны, как египетские гуси в легенде, где говорится, что они летают вокруг готового жареного мяса, крича: "Приди и съешь меня!" Возможно, тогда вы спросите, почему город не стал больше, а бизнес не стал активнее? Ответ прост. Цена рабочей силы настолько высока, что они не могут конкурировать с основным конкурентом; а *адвалорная* пошлина на железо, хотя и может приносить доход правительству, не является защитой для

внутренней торговли. Какие изменения в конечном итоге может произвести эмиграция из Старого Света, может решить только время; но не требуется пророческого видения, чтобы предвидеть, что неосвоенные минеральные богатства этого континента когда-нибудь окажут заметное влияние на торговлю Англии. Я не должен вводить вас в заблуждение, заставляя верить, что река Огайо всегда судоходна. Насколько я понимаю, это далеко не так, но в течение недель и даже месяцев ее постоянно можно перейти вброд. Уже 23 ноября большие пассажирские суда не могли совершать регулярные рейсы из-за того, что они так часто садились на мель; и следствием этого было то, что мы были обречены продолжать наше путешествие в Цинциннати по железной дороге, к моему бесконечному — но, как сказал мой друг, несказанному — сожалению.

Полдень застал нас на станции, когда мы в последний раз глотнули свежего воздуха перед тем, как войти в передвижную духовку. К счастью, погода была несколько лучше, чем раньше, и больше окон было открыто. Есть что-то торжественное и величественное в том, чтобы преодолевать со скоростью ветра мили и мили безлюдного леса. Иногда вы проводите целый час без каких—либо - малейших—признаков животной жизни: ни птицы, ни зверя, ни вообще какого-либо существа. Шипящий поезд с грохотом мчится вперед; трубный свисток - или, скорее, рожок — разносится далеко на ветру и не находит отклика; гигантские монархи леса выстраиваются вдоль дороги по обе стороны, подобно гвардии Титанов, их кивающие головы как бы с любопытством вопрошают, почему их ряды поредели и что это за странный метеор, который с грохотом и ревом проносится мимо, нарушая их мирное уединение. Терпение, мои благородные друзья, терпение, говорю я. Еще несколько коротких лет, и многие из вас, подобно вашим покойным собратьям, склонят свои гордые головы вровень с пылью, а эти гигантские конечности, которые сейчас целуют летнее солнце и выдерживают зимние порывы ветра, накормят ненасытный желудок метеорита или потрескивают под кастрюлей с супом какого-нибудь предприимчивого первопроходца. Но не берите в голову; подобно хорошим солдатам, сражающимся за правое дело, вы пожертвуете собой ради общественного блага; и, возможно, некоторые из вас будут высечены в виде почетных фигур и будут триумфально танцевать на гребне волны в авангарде славы на носу лихого клипера, опоясанные лентой, на которой золотыми буквами начертано нетленное имя Вашингтона или Франклина.

Будучи великодушным человеком, я поделился этими намеками в надежде, что какой-нибудь нуждающийся американский писатель сможет разбогатеть и обессмертить свою страну, написав "Жизнь и приключения лесного монарха"; или, поскольку публика любит мистику, он мог бы сделать хороший хит, озаглавив его "Дитя лесов, которое танцевало на волне". Свифт увековечил ванну; другие авторы пытались увековечить шиллинг и полпенни. Пусть эта великая страна, которая утверждает, что способна "взнуздать созидание", займется благородным предметом, достойным таких высоких притязаний.

Вот мы и в Кливленде; и, "клянусь силами Меркурия" — это ругательство возникло, я полагаю, от гордого барометра, — идет дождь из кошек, собак и множества низших животных. Все кажутся очень нетерпеливыми, потому что все выходят, и все же мы еще не добрались до станции, нет; и они не собираются добираться туда в настоящее время. Владение - это девять пунктов закона, и там находится еще один поезд. Древесина, конечно, так дорога в этой стране, а железные дороги платят такие низкие проценты — от шести до сорока процентов. — что они не могут позволить себе достаточное количество отходов. Что ж, мы получаем. Зазывалы из отелей громко кричат. Мы слышим название дома, к которому направляемся, и готовимся последовать

за ним. Зазывала несет фонарь того необычного размера, который помогает сделать темноту более заметной; два шага, и ты по щиколотку в грязи. "Посвети, мальчик". Он оборачивается, и, поднеся свой фонарь поближе к земле, вы с первого взгляда видите открывшуюся ужасную правду — вы находитесь в настоящем грязевом болоте; так что надевайте свои мастерки и переходите вброд омнибусы, примерно в четверти мили отсюда. Боже милостивый! две дамы в подобранных платьях, похожих на килты, скользят и барахтаются на слякотной дороге. Как они, должно быть, несчастны, бедняжки! Ни в коей мере; они оба весело хихикают; они привыкли к этому, а привычка - вторая натура. Человек из Старого Мира развитой цивилизации — по крайней мере, в вопросах второстепенных удобств — скоро научится вести себя согласно принципу, что там, где невежество является блаженством, мудрость становится глупостью. Смех, как и любовь, заразителен; так что эти две веселые леди привели меня в хорошее расположение духа, и я смеялся всю дорогу до автобуса, стоя по колено в грязи. В конце концов, это облегчило работу, чем рычание, и я должен идти; так что спасибо вам, дамы, за ободряющий пример.

Горячий чай быстро смывает с измученной жаждой души воспоминание о грязных ботинках, а хорошая гавана успокаивает израненный дух. Насладившись и тем, и другим, я удалился отдыхать, как и надеялся, потому что утром нам предстояло рано тронуться в путь. Едва я лег в постель, как дом снова зазвучал смехом и возней прямо за моей дверью; черные и белые, старые и молодые, мужчины и женщины, все, казалось, пели хором — топали ноги, отрывки отдавались эхом - это был настоящий хаос и неразбериха. Какие мы странные существа! Не прошло и двух часов, как я сказал и почувствовал, что смех заразителен; теперь, хотя к нему примешивалось веселое щебетание молодежи, я пожелал, чтобы вся компания оказалась в доме пожилого джентльмена, имя которого я не хочу упоминать. Разве мы не можем сказать о себе то же, что горничная говорит о пропавшем предмете: "Право, сэр, я вообще ничего об этом не знаю"? Несколькими часами ранее я присоединился к всеобщему смеху, когда брел почти по колено в грязи, а теперь лежал в удобной постели и скрипел зубами от тех же радостных звуков.

Потребовалось три сообщения владельцу, прежде чем порядок был восстановлен и я заснул. Утром я обнаружил, что причиной всего переполоха была свадьба, состоявшаяся в отеле; и когда хозяин и хозяйка были счастливы, слуги подхватили радостную инфекцию и заставили детей разделить ее с ними. Не следует понимать так, что я бросаю тень на счастливую пару, когда говорю, что свадьба состоялась утром, а ночью дети смеялись, поскольку, помните, я никогда не интересовался происхождением маленьких уточок. Узнав правду, я обрадовался, узнав, что они не отправились в резиденцию упомянутого ранее старого джентльмена, и я принял решение сдерживать свой нрав в будущем. Как легко и приятно принимать правильные решения после ночного отдыха, когда перед тобой стоит чашка горячего кофе с молоком.

Наскоро позавтракав, мы ввалились в омнибус, набитые, как сельди в бочке, ибо наш номер был "Легион", а омнибус - "Зоар". Мы отправились к железной дороге; такой массы грязи я никогда не видел. Не из-за этой ли особенности город получил свое название? Это, однако, не мешает ему быть очень процветающим местом, которому, как я полагаю, суждено стать городом значительного значения, как только зерновые и минеральные богатства Мичигана, Висконсина и др. Получат более полное развитие, и когда новый канал позволит торговле с озера Верхнее впадать в озеро Эри. Кливленд расположен на склоне холма, откуда открывается прекрасный и обширный вид; о последнем мне сказали, потому что из-за непрекращающегося дождя у меня не было возможности судить. И вот мы на станции, *то есть* в двухстах ярдах от нее, которые нам

разрешено пройти пешком, чтобы приятно промокнуть перед отправлением. Места заняты, мы садимся; мы проходим несколько сотен ярдов и останавливаемся в ожидании другого поезда, что позволяет нам пережить волнующее ожидание почти полтора часа, а затем мы действительно отправляемся в Цинциннати. В вагонах есть обычные достопримечательности, перечисленные ранее: "улыбайся и терпи" - это в порядке вещей; пейзаж окутан туманом, ночь окутывает нас своей соболиной мантией, и около одиннадцати мы добираемся до отеля, где, благодаря счастливому контрасту, вскоре забываем о том ужасном дне, через который прошли.

И вот мы в "Королевском городе Запада", стремительный рост которого поражает. С помощью статистической работы я обнаружил, что в 1800 году в нем проживало всего 750 человек; в 1840 году — 46 338-1850 годах - 115 438: эти расчеты просто включают его корпоративные пределы. Если добавить пригороды, население достигнет 150 000 человек, из которых цветных всего около 3000. Американцы составляют 54%.; немцы - 28; англичане - 16; другие иностранцы - 2%. населения. У них 102 школы и 357 учителей, и 20 737 учеников ежегодно обучаются с помощью этих средств. Из этих школ 19 являются бесплатными, в них обучают 12 240 учеников не только письму и чтению, но и повышают квалификацию до "алгебры, грамматики, истории, композиции, декламации, музыки, рисования" и так далее. Годовая стоимость этих школ составляет от 13 000 *фунтов.* до 14 000 *фунтов.* Существует также "Центральная школа", где высшим разделам литературы и естественных наук обучают тех, у кого есть время и талант; короче говоря, "Бесплатный колледж".

Согласно постановлению для Северо-Западной территории от 1787 года, "поскольку религия, мораль и знания необходимы для хорошего управления и счастья человечества, школы и средства получения образования должны всегда поощряться". Конгресс, преследуя эту похвальную цель, "зарезервировал тридцать шестую часть всех государственных земель для поддержки образования в штатах, в которых находятся эти земли; кроме того, он добавил пожертвования для многочисленных университетов и т.д.". Мы видели, что государственные школы в этом городе стоят 13 500 *фунтов.*, из этой суммы они получают из государственного фонда, упомянутого выше, 1500 *фунтов.*, остальная часть взимается за счет прямого налога на собственность города и время от времени увеличивается пропорционально потребностям школ. Одна из школ предназначена для цветных детей и вмещает 360 учеников. В стране 91 церковь и 4 синагоги, и население распределено таким образом— евреи - 3%.; католики - 35; протестанты - 62. Пресса представлена 12 ежедневными и 20 еженедельными изданиями. Исходя из этих статистических данных, какими бы сухими они ни казались, следует признать, что средства образования и религиозного воспитания предоставляются таким образом, который отражает высочайшую репутацию этого "Королевского города Запада".

Главным образом благодаря неутомимой настойчивости мистера Лонгуорта они частично преуспели в производстве вина. Насколько я мог установить, они производили около пятидесяти тысяч галлонов в год. Вино называется "Катоба", из винограда, и производится как тихое, так и игристое. Благодаря доброму гостеприимству моего друга, я смог попробовать все самое лучшее из каждого. Тихое вино показалось мне довольно жидким и терпким, но, поскольку погода была очень холодной, это не должно влиять на правдивость утверждения моего друга, что летом это очень приятный напиток. Игристое вино оказалось гораздо вкуснее и напомнило мне о превосходном сорте перри. Они не могут позволить себе продавать его на месте дешевле четырех шиллингов за бутылку, и, конечно, отели немедленно удваивают эту цену. Я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что в него необходимо внести

решительные улучшения, прежде чем оно сможет стать достаточно ценным, чтобы попасть на европейский рынок; хотя я должен признаться, что в нынешнем виде я был бы очень рад увидеть, как оно вытеснит ядовитые жидкости, называемые шампанским, которые появляются на наших "ужинах" и во многих наших отелях.

"Бернет Хаус" — главный отель здесь, и он предоставил мне все удобства, на которые я мог рассчитывать, не в последнюю очередь из—за удовлетворения, которое я получил при виде владельца, который, в безупречной чистоте своей персоны и своей "скромности", в окружении множества своих путешествующих постояльцев - и я в том числе - выделялся смело, как снежный ком в угольной яме.

Но теперь мы должны посетить великого льва того места, откуда город получил *прозвище* "Поркополис", *то есть, аутодафе* нечистого животного. Мы прогуляемся вниз и начнем с самого начала; но сначала позвольте мне предупредить вас, если у вас хоть немного расшатаны нервы, пропустить это описание мимо ушей, ибо, хотя оно совершенно правдиво, оно очень ужасное. "Бедный поросенок должен умереть" - очень старая поговорка; откуда она взялась, я не могу сказать; но если бы не ее великая древность, Цинциннати мог бы претендовать на эту честь. Приступим же к смертельно опасной работе!

Место забоя находится на окраине города, и по мере приближения к нему воздух наполняется писком бесконечных толп, идущих навстречу своей гибели, а в сырую погоду грязь, которую они производят, не поддается описанию, поскольку дороги и переулки небрежно убраны и так же небрежно брошены на произвол судьбы. Когда мы были в паре сотен ярдов от бойни, они были по колено в воде, а поскольку рысака не было, нам пришлось ждать, пока мимо проедет пустая телега, и тогда, за небольшое вознаграждение, Джонатан перевез нас через грязевой пруд. За домом находится большой загон, в который сначала загоняют свиней, и отсюда их загоняют по наклонной плоскости в небольшую перегородку площадью около двенадцати квадратных футов, способную вместить от десяти до пятнадцати свиней одновременно. В этом ограждении стоит палач, вооруженный молотком — чем-то по форме похожим на те, которыми в Англии разбивали камни для дорог, — рукава его рубашки закатаны, чтобы ничто не мешало свободно пользоваться его мускулистыми руками. Пришло время, и молоток со смертельной точностью обрушивается на лоб бедняги хрюши, обычно убивая, но иногда лишь оглушая его, и в этом случае, когда он приходит в сознание в обжигающем котле, на его борьбу страшно смотреть, но, к счастью, она очень короткая. Сбоку этого ограждения открывается люк-ловушка, через который трупы засовывают в камеру для склеивания, откуда кровь стекает в расположенные под ней резервуары для продажи вместе с копытами и шерстью производителям прусского поташа и берлинской лазури. Оттуда их опускают по наклонной плоскости в корыто, вмещающее тысячу галлонов кипящей воды и достаточно широкое, чтобы вместить поросенка вдоль. К тому времени, когда они опускаются в этот котел, они готовы к очистке, для чего к нижнему краю котла прикрепляется большой стол, на который их художественно бросают. Пятеро мужчин стоят в ряд по обе стороны стола, вооруженные скребками, и по мере того, как хрюша проходит мимо, его отскребают все чище и чище, пока последний не делает его гладким, как годовалый младенец. Достигнув таким образом нижнего конца стола, мы получаем некоторое количество крючьев, прикрепленных к прочным деревянным кронштейнам, которые вращаются вокруг прочной стойки и которые, описывая круг, проходят по отвесу нижнего конца стола. К ним подсаживается свинья, и операция по вскрытию и очищению выполняется — со скоростью три раза в минуту — операторами, пропитанными кровью и стоящими в океане той же крови,

несмотря на вечные ведра с водой, которыми толпа мальчишек продолжает поливать пол. По окончании этих операций хрюшу подвешивают на крюки для охлаждения, и, когда он достаточно остынет, его переносят в другой конец здания, готового к отправке в цеха для приготовления пищи, куда его и его умерших собратьев везут на тележках, открытых сбоку и вмещающих около тридцати свиней в каждой.

Вся эта часть города в сезон свинины заполнена этими тележками, и сейчас мы проследим за одной из них, чтобы увидеть, как в конце концов избавляются от поросенка. Повозка поднимается на холм, пока не подъезжает к ряду зданий, за которыми протекает канал; для трупа приготовлена огромная и прочная глыба, а по бокам виднеются пары мускулистых рук, сжимающих длинный тесак в форме ятагана; вокруг расставлены столики поменьше, и за ними сидят художники с острыми ножами. Хрюшу снимают с телеги и кладут на твердую колоду; одним ударом ятаганообразного тесака ему отсекают голову, которую отбрасывают в сторону и продают в городе, в основном, я полагаю, немцам, хотя, конечно, еврей мог бы купить, если бы ему захотелось. Голова отрублена, двумя ударами его рассекают вдоль; окорока, лопатки и ребрышки отлетают при каждом ударе, и было заявлено, что "два рабочих менее чем за тринадцать часов разделяют восемьсот пятьдесят свиней, в среднем более двухсот фунтов каждая, двое других для этой цели кладут их на колодки. Всех этих свиней взвешивали по отдельности на весах в течение одиннадцати часов. Другая рука разделала окорока — тысячу семьсот кусков - так же быстро, как они были отделены от туш. Таким образом, свиньи были разделаны и утилизированы со скоростью более одной в минуту". Затем в дело вступают ножевики, которые вырезают внутренний жир и аккуратно обрезают окорока, чтобы отправить их для тщательного запекания; остальные части кладут в бочки для маринадов, за исключением жира, который после тщательного удаления всех мелких кусочков мяса, которые могли остаться при первой поспешной разделке, бросают в кипящий котел для превращения в сало. За исключением времени, затраченного на транспортировку от бойни до этих разделочных цехов, и времени, когда хрюша подвешивается для охлаждения, можно с уверенностью утверждать, что с момента, когда хрюша получает свой первый удар, до того, как его туша затвердеет, а жир превратится в сало, проходит не более пяти минут.

Таблица статистики свиней за один год, возможно, будет небезынтересна моему читателю или, во всяком случае, ирландскому погонщику свиней:-

180 000 Бочек свинины по 196 фунтов. каждая по 35 280 000 фунтов.

Бекон 25,000,000

№ 1, Свиное сало 16,500,000

Звездчатых свечей, изготовленных гидравлическим давлением. 2,500,000

Кусковое мыло 6,200,000

Необычное мыло и т. д. 8,800,000

94,280,000

Кроме свиного сала, 1 200 000 галлонов.

Некоторое представление о проявленной активности можно составить, если я скажу вам, что сезон этих работ длится в среднем всего десять недель, начиная со второй недели ноября и заканчивая январем; и что ежегодное поголовье вылеченных в Цинциннати животных составляет около 500 000 голов, а стоимость этих животных после вылечивания и т. Д. Оценивалась в 1851 году примерно в 1 155 000 *фунтов*. Какой трогательной статистикой все вышесказанное было бы для еврея или мусульманина! Для меня удивительно, что первые могут находиться в такой нечистой атмосфере; во всяком случае, я считаю это верным признаком того, что здесь можно заработать деньги.

Здесь очень гордятся своей говядиной, и она очень вкусная, потому что у них есть все лучшие английские породы, как здесь, так и за рекой, в Кентукки. Без сомнения, их откармливают в стойлах очень жирно; но, хотя в целом говядина очень вкусная, я никогда ни в одной части Штатов не пробовал говядины, равной лучшей в Англии. Весь жир остается снаружи; говядина никогда не бывает мраморной, так как у нас лучшая говядина. Цена очень умеренная, около четырех пенсов за фунт.

Виски Monongahela - самый важный продукт производства в округе, ежегодно производимый на сумму 560 000 *литров*. В стране насчитывается сорок четыре литейных цеха, треть из которых занята изготовлением печей; за один день изготавливается до тысячи печей. Стоимость литейной продукции оценивается в 725 000 *литров* в год.

Если торговля является истинным богатством и процветанием нации, то в мировой истории никогда не было нации, которая от природы обладала бы преимуществами, которыми пользуется эта страна. Возьмите карту и посмотрите на расположение этого города; нет, поднимитесь на двести миль выше, в Мариетту. Из этого порта, который находится почти в двух тысячах миль от океана, "Маскингем", барка водоизмещением в триста пятьдесят тонн, отправился, груженный провизией, прямо в Ливерпуль в 1845 году, и с тех пор в Цинциннати было построено множество других судов; одно из них, водоизмещением в восемьсот пятьдесят тонн, называется "Миннесота": короче говоря, здесь идет довольно активная торговля; корабли из штата Мэн приезжают сюда для продолжения своей торговли — древесина, рабочая сила и жилье здесь намного дешевле, чем на Восточном побережье.

Теперь пришло время продолжить наше путешествие, и, поскольку вода достаточно высока, мы сядем на "Огайо" и поплывем в Луисвилл. Место, откуда вы отправляетесь, называется дамба, а поскольку во всех крупных городах на реке есть дамбы, я могу сразу объяснить этот термин. Это не что иное, как уклон берегов реки с последующим их прокладыванием, при выполнении которого достигаются две цели: —во-первых, берега защищены от набегов потока; во-вторых, таким образом, лодки имеют возможность в любое время высаживать пассажиров и грузы с совершенной легкостью. Эти дамбы тянутся по всей длине города и вдоль них стоят пароходы всех видов и классов, но все построены по схожему плану; и их количество дает верное представление о коммерческой деятельности Цинциннати. Когда пароход вот-вот тронется в путь, разносчики книг толпятся на борту с корзинами, полными своей — вообще говоря, дрянной посуды. Иногда эти разносчики - взрослые мужчины, но обычно это мальчики лет двенадцати-четырнадцати. Подойдя к одному из этих последних, каково же было мое изумление, когда я обнаружил в его корзинке том за томом изданий, которые Холиуэлл-стрит едва ли когда-либо осмеливалась выставлять; он предлагал их и хвалил с самой бесстыдной наглостью. Я был первым мальчиком, у которого была такая коллекция, и решил взглянуть на остальных, чтобы

посмотреть, так ли снабжены их корзины; я обнаружил, что все они похожи друг на друга без исключения, затем мне стало любопытно узнать, нашли ли эти распутные маленькие сорванцы покупателей, и, чтобы удостовериться в этом факте, я устроился среди груза и наблюдал за одним из них. Вскоре подошел пассажир, и эти книги привлекли его внимание: он осторожно огляделся и, думая, что за ним никто не наблюдает, начал их разглядывать. Юноша, поняв, что наживка попалась, осторожно повернулся на бок и украдкой вытащил из-за пазухи еще две книги, очевидно, того же рода, но разумно предположить, что гораздо худшие. После тщательного изучения различных томов пассажир достал свой кошелек, заплатил деньги и ушел с восемью изданиями издательства Холивелл-стрит, сразу же унося их в свою каюту. Я увидел еще одного или двух покупателей, прежде чем покинуть свое укрытие. И теперь я могу также заметить, что продажа этих произведений не ограничивается одним местом; куда бы я ни поднимался на борт парохода, я обязательно находил мальчиков с корзинами книг, и среди них много таких, о которых говорилось выше. В разговоре с американским джентльменом на эту тему он сказал мне, что это действительно слишком распространенная практика, хотя по закону она номинально запрещена; и далее он добавил, что однажды, спросив продавца, откуда у него такие мерзкие книги, которые никто не хочет покупать, он взял одну из худших и сказал: "Знаете, сэр, на эту книгу такой большой спрос, что мне крайне трудно поддерживать необходимый запас". Это печальное размышление о том, что в стране, где образование у дверей каждого, а бедность ни у кого, должны существовать такие неприкрытые проявления безнравственности.

Мы сели на "Леди Франклин" и вскоре "плыли вниз по реке О-хи-о". Берега холмистые и красиво перемежаются коттеджами, которые выглядывают из леса и сгруппировались вокруг более возделанных участков; но, несмотря на это, унылая мантия зимы окутала все вокруг холодной грубостью. Лодку я опишу позже, когда увижу их побольше, поскольку в общих чертах они одинаковы; но на борту была представительница прекрасного пола, с которой я должен вас познакомить, поскольку, возможно, я никогда больше не увижу ее такой.

Основная деталь представляла собой копию большой паровой трубы, обрезанную примерно на четыре фута два дюйма в высоту, в виде совершенного цилиндра темно-сероватого оттенка: лента темного цвета поддерживала фартук такого же цвета. Если бы ее спросили, где он крепился, я полагаю, она ответила бы: "Конечно, вокруг талии"; и все же, если бы была применена подзорная труба лорда Росса, такого разрыва на гладкой поверхности цилиндра нельзя было бы заметить. Руки свисали по обе стороны, как воронка печки в хижине, вызывая величайшее удивление и живейшее любопытство узнать, как кожа плеча приобрела эластичность, необходимую для проявления такого феномена. Наверху цилиндра находилась прекрасно отполированная подставка из черного дерева, высотой около двух дюймов с одной стороны, сужающаяся к нулю с другой, так что все, что можно было бы на нее поместить, лежало бы под углом в сорок пять градусов. Этот пьедестал заменял шею, и на нем было установлено нечто, которое, если рассматривать его в целом, напоминало демиджак. Нижняя часть была навешена на цилиндр, и ни один луч света никогда не проникал между ними. На верхней поверхности, на должном расстоянии от края, появились две губы, очень похожие на два куска сырого бифштекса, подобранных с пыльной дороги.

Восхищенный этим интересным местом, его владелец был охвачен желанием зевнуть, и для получения этой роскоши ему пришлось откинуть демиджан почти до горизонтальной линии, чтобы ослабить давление нижнего конца на цилиндр. Для поддержки ее интеллектуального хранилища была задействована помощь обеих рук. Совершив этот подвиг, открылась зияющая

пропасть, от которой дрогнуло бы мужественное сердце Квинта Курция, прежде чем он решился на ужасный шаг. Время или состязание устранили заграждения из слоновой кости в центре, но берега по обе стороны залива были окованы железом и, казалось, могли сокрушить самый твердый гранит; берцовая кость быка была для нее тем же, что устрица для обычных смертных. Она так долго наслаждалась этой роскошной операцией, что я начал опасаться, что она страдает от антиподов судорожной судороги и что она не в состоянии закрыть пропасть; но наконец "демиджон" медленно и торжественно поднялся над горизонт, пропасть постепенно сужалась, пока, достигнув прежнего угла в сорок пять градусов, два пыльных куса бифштекса снова не встали на страже над пропастью. Продолжая свои наблюдения вдоль верхней поверхности, я затем подошел к хоботку, который наводил на мысль о болонской колбасе после прохождения через хлопкопресс. В верхней части границы были незаметны, так красиво она сливалась с соболиной щекой с каждой стороны; но нижняя часть, казалось, находилась вне пресса во время процесса и поэтому приобрела необычную округлость, благодаря чему появились две ноздри, которые по размеру вызвали бы зависть у самого породистого араба, когда-либо жеребившегося; и расстояние между ними было почти равно расстоянию между лошадьми. Мне страстно хотелось услышать, как она чихнет; должно быть, это было что-то ужасающе грандиозное. Продолжая осмотр, я был вынужден заключить, что бедное хрупкое создание страдало желчью, потому что темные глаза блестели из своих круглых желтых лож, похожих на кусочки каннельного угля, вставленные в камедь. Лоб представлял собой великолепную прерию плоского плоскогорья, за которым простирались джунгли вьющихся локонов, похожих на конский волос, собранный для набивки диванов, и туго обвязанный у макушки, образующий горлышко бутылки и завершающий демиджон.

СТЮАРДЕССА "ЛЕДИ ФРАНКЛИН"

Мне было очень любопытно увидеть эту двадцатипятиэтажную каменную сильфиду в движении, и особенно хотелось иметь возможность осмотреть пьедесталы, на которых она поддерживалась и приводилась в движение. Немного потерпев, я был в определенной степени удовлетворен, когда величественная месса была вызвана к своим обязанностям. При тщательном наблюдении я обнаружил, что подставки напоминали камбалу, из центра которой росли два цилиндра, лодыжки которых были глубоко погружены в них и никоим образом не нарушали гладкую поверхность. Вся высшая информация, конечно, была окутана тайной догадок; но, судя по переваливающейся походке и движениям плеч взад и вперед при каждом

шаге, скрытые цилиндры, несомненно, увеличивались в размерах до такой степени, что прохождение одного перед другим было задачей значительной трудности; и если движение не было достойным, оно было впечатляюще медленным и, казалось, призывало всю энергию различных членов в действие для достижения своей цели. Даже полукомбинезон повернулся, как на шарнире, величественно кивая, когда могучая стюардесса "Франклина" приступила к выполнению приказа. Я наблюдал за ее удаляющейся фигурой и чувствовал, что никогда раньше до конца не осознавал значения "охапки радости", и я не мог не задаться вопросом, кто же был счастливым обладателем этого великого благословения.

Говорили, что Ибрагим-паша, находясь в Англии, испытывал сильное желание приобрести двух дам, одну аристократку, другая занималась садоводством, и солидность этих дам была, по его мнению, их главной привлекательностью. Если бы он только увидел мою очаровательную стюардессу, я уверен, что он немедленно отказался бы от переговоров ради них обоих, если бы таким образом надеялся заполучить такое огромное сокровище, как "Сильфида с "Франклина"".

СНОСКИ:

[J]

С тех пор, как я был там, генерал Кэдуолладер взял ситуацию в свои руки.

[K]

На случай, если это выражение незнакомо читателю, я прошу сообщить ему, что "строгать" — значит нарезать маленькие щепки из дерева - если при подгонке под рукой нет палки, иногда используют стол.

[L]

Я полагаю, что план изготовления лодок для спуска по каналу по частям оригинален; но идея перетаскивания их вверх по склону, чтобы избежать расходов на стоянку и т. Д., устарела и практиковалась еще в 1792 году на канале в окрестностях Коулбрук-Дейл, где лодки поднимались стационарными двигателями по двум склонам, один из которых составлял 207 футов, а другой - 126 футов. Я считаю, что это первый случай принятия этого плана, и инженеры гг. Рейнольдс и Уильямс. Американские уклоны настолько велики, что разделение лодки на секции кажется мне улучшением.

ГЛАВА IX.

Сцены на берегу и на плаву.

Путешествие по мутной реке, берега которой окаймлены безлистненным лесом, напоминающим огромный склад метел в бробдиньягской конюшне, может быть благоприятным для размышлений; но, если попытаться описать, есть опасность, что метлы сметут идеи в мутную воду скуки. Поэтому из уважения к читателю мы предположим, что высадились в Луисвилле с намерением отправиться вглубь страны, чтобы посетить чудо-левиафана — потенциального соперника Ниагары, — называемое "Пещера Мамонта". Его расстояние от Луисвилля составляет девяносто пять миль. Такой вещи, как передача лошадей, не существует — во всяком случае, это проблематично; поэтому, поскольку дороги были ужасными, нам сообщили, что это займет у нас два долгих дня, и наш информатор настоятельно посоветовал нам ехать почтой, у которой на преодоление девяноста пяти миль уходит всего двадцать один час. Ничего не оставалось, как со вздохом печального ожидания покориться своей судьбе, короткое предчувствие которой я испытал по пути в Питтсбург. Затем я поинтересовался, какие львы в городе могут заинтересовать путешественника. Я обнаружил, что в этом нет ничего особенного, если только я не хочу снова пройти через процесс забоя, ошпаривания и разделки свиней; но желудок и воображение взбунтовались при одной мысли о повторном воспроизведении кровавой сцены, поэтому я был вынужден довольствоваться новым способом прессования табака; и, поскольку табак — любимая *конфета* в этой стране, я могу также описать процесс, которому подвергается драгоценный овощ, прежде чем смешаться с человеческой слюной.

Смешивают должным образом белое и черное и, размачивая табак, извлекают все крупные стебли и волокна, которые затем бережно откладывают в сторону, готовые для экспорта в Европу, где их готовят для носа монархов, старых дев и всех остальных, кто стремится к чести и славе носить шкатулку — не забывая и о тех, кто носит ее в жилетном кармане, и продевают в нос гусиным пером. Как прекрасно проста и неопровержима часто рассказываемая история об ответе вспыльчивого старого джентльмена, который ненавидел нюхательный табак так же сильно, как, по слухам, некий пожилой человек ненавидит святую воду, когда "обширный" молодой человек с искусно сделанной золотой коробочкой предложил ему щепотку. "Сэр, — сказал возмущенный патриарх, — я никогда не беру эту мерзость! Если бы Всевышний предназначил мои ноздри для вытирания пыли, он бы повернул их в другую сторону". — Но я отклоняюсь от темы. Мы оставим волокна искать свой путь в Европу и к ее носам, а сами последуем за листом в Америку и к его ртам. В другой квартире негры и белые более тщательно выковыривают волокна, а затем раскатывают чистый батон в цилиндрическую форму в соответствии с предусмотренными для этой цели размерами. Затем его переносят в другое помещение и помещают в должным образом подготовленные отсеки под мощный винтовой пресс, с помощью которого он превращается из незакрепленного цилиндра в хорошо сплюснутый параллелограмм. Это тяжелая работа, и смуглые потомки Хама выглядят так, словно побывали в паровой бане и, несомненно, перегревают листья.

После первого отжима он переходит к более артистичному старому негру, который, взяв два ведра воды — одно цвета горохового супа, другое такого темного, как будто в нем варили кого-то из его детей, — и вооружившись губкой самого непривлекательного вида, наносит эти жидкости самым научным способом, тем самым умудряясь изменять цвет, придавать ему мраморность, затемнение или осветление, в соответствии с различными вкусами. Эта операция завершена, и вспотевшие негры, неистово завинчивающие гайки, загоняют его в подготовленную для его приема коробку, которая во время процесса помещается в прочный, окованный железом внешний корпус, чтобы более хрупкий не лопнул под давлением. Когда все это закончено, и верх закреплен, мастер-маляр покрывает его красной и черной краской, описывая его достоинства и прелести. Как жаль, что он не может вечно лежать в своей уютной кровати! Но, увы! судьба и трансатлантический англосакс распорядились иначе. Слишком коротки его сны, слишком скоро он прорывается снова, чтобы подвергнуться новому давлению под коренными зубами свободных и просвещенных и обрушиться грязным ливнем вдоль и поперек страны, затопляя каждый дом и каждое транспортное средство до такой степени, что нужно увидеть, чтобы поверить, и наполняя незнакомца большим удивлением, но гораздо большим отвращением. Я действительно думаю, что, должно быть, именно жевательный табак делает американцев намного более беспокойными, гораздо больше похожими на броненосцев, чем любая другая нация. Это часто вызывало у меня удивление, как более интеллигентная и цивилизованная часть общества, которая обычно не потворствует этой отвратительной практике, может мириться с ее неприятностями так доброжелательно, как они это делают. Привычка и необходимость - могущественные хозяева.

Закончив эту выставку, из—за которой, кстати, я все время чихал, я пошел посмотреть паровой распиловочный, строгальный и слесарно-монтажный стан. Поскольку рабочая сила здесь очень дорогая, эти заведения неоценимы; такое заведение, которое я видел, могло изготовить все двери и оконные рамы "Стаффорд Хауса" из необработанной древесины в виде бревен за три дня, не считая полировки и покраски. Если мистер Кьюбитт не справится с этим механизмом, этот намек может стать средством удвоения его состояния "в кратчайшие сроки без четверти".^[M] Поскольку мы знали, что наше завтрашнее путешествие будет невыразимо утомительным, мы отправились пораньше, попросив, чтобы за полчаса до отъезда нам приготовили чашку горячего чая или кофе. Бедными простыми созданиями, какими мы были, чтобы ожидать такого! Свободные и просвещенные люди завтракают после двухчасового пребывания в пути и могут обойтись без чего—либо перед отправлением -следовательно, мы должны сделать то же самое: таким образом, хотя в доме было буквально достаточно слуг, чтобы сформировать солидный полк ополчения, чашку чая было невозможно получить ни за любовь, ни за деньги. Все, что нам оставалось для этого, - это похоронить свое разочарование во сне.

Вскоре после трех утра следующего дня мы пробудились ото сна и, закончив наш туалет, взбодрили свои внутренности чистейшим глотком воды из Огайо. За дверью было темно, безрадостно, одиноко и тихо. Вскоре тишину нарушили несколько яростных затяжек из пенсовой трубы. "Это де мэйл, масса", - сказал негр в холле, сопроводив свое замечание загадочной ухмылкой, очевидно, призванной передать эту мысль. "Вы насытитесь ею раньше, чем закончите". Она подошла к двери — я полагаю, по обычаю, если не по грамматике, военное судно и почтовая карета - это одно и то же: тяжелая, громоздкая машина с рессорами и т. Д., Очевидно, предназначенная для восхождения на Скалистые горы. Салон был около трех футов в ширину и пяти футов в длину и предназначался для удобства (?) девяти человек, трое из которых

занимали центральное сиденье с подвижным кожаным ремнем для поддержки спины. Снаружи было одно место рядом с кучером; и если переписка была невелика, за кучером могли сидеть еще трое, в полной мере наслаждаясь великолепно стесненным положением. Борта кареты были сделаны из кожи и снабжены пуговицами, чтобы летом можно было расстегиваться. Утро выдалось противное, морозящее, и мы вошли внутрь вместе с двумя нашими слугами и обнаружили, что все это в нашем полном распоряжении. "Я уверен, что здесь достаточно удобно", - заметил мой спутник, который был одним из самых кротких и довольных людей. "Слишком хорошо, чтобы длиться долго", - подумал я.

Звучит пенсовая труба, и мы отправляемся — не в наше путешествие, а через весь город, в разные отели, чтобы забрать живой груз. Я от души надеялся, что они все проспят это утро. Увы! не повезло. Джонатан и ласка - два животных, которых очень редко застают врасплох. Пассажиры продолжали прибывать, пока нам не исполнилось шесть, и термин "достаточно комфортно" стал неправильным. Яростный звук жестяной трубки с несколькими пикантными импровизированными вариациями предвещал нечто важное, и, подъехав, мы увидели, что это была почта; но убийство из убийств! мы увидели еще четверых пассажиров! Один вышел наружу; другой последовал за ним; Джарви остановил его словами— "Я думаю, здесь для вас нет места; почта идет сюда". Дверь открылась, — трое промокших бодкинов в шеренге начали атаку, — последний встал между мной и моим спутником, я почти ничего не мог разглядеть, было так темно; но — горе мне! - есть и другие чувства, кроме зрения, и мои несчастные ноздри вдыхали зловонный запах хорька, все усиливающийся по мере того, как он приближался. Места, чтобы присесть, там не было; но при взрыве метро грохот по ухабистому тротуару вскоре заставил несносное животное опуститься между нами, выдавливая из него ядовитый запах при каждом последующем толчке. Когда вошел рассвет, мы увидели, что это немец, и, несомненно, бедняга очень нуждался в деньгах и уже некоторое время питался протухшей свининой. Что же касается его кожи и белья, то было бы неоправданным бременем для его памяти спросить, когда они в последний раз соприкасались с мылом и водой. В животе у меня было ощущение, как в Бискайском заливе во время шторма в равноденствие, и я от всей души пожалел, что не смог обойтись без двух дырочек у основания носа. Я боялся спросить, как далеко он собирается; но другой пассажир — под влиянием человеческого букета, который он был вынужден вдохнуть, — набрался смелости задать вопрос и получил ответ, который погасил в моей груди последний тусклый луч Надежды— "Сэр, я вош еду в Нашвил". Только представьте себе ужас быть прижатым к такому соседу на двадцать один долгий час, да еще по дороге, которая обязательно дергала немытой головой хорька перед вашим лицом десять раз в минуту! Кто, у кого есть хоть капля сострадания, но кто должен посочувствовать мне в таких "неблагоприятных обстоятельствах"?

Хотя мы выехали из отеля в четыре, было пять, прежде чем мы покинули город, и около семи, прежде чем мы распаковали вещи для завтрака в девяти милях от города. Вонь, исходившая от моего соседа, окончательно изгнала из моей головы всякую мысль о еде или питье; поэтому я ходил взад-вперед по улице, курил сигару и думал: "Что я могу сделать?" Наконец, меня осенила блестящая идея — в следующий раз я полезу со своей сигарой; что, если мы окажемся девятью селедками в бочке? — в этой стране все курят — они не будут возражать — и я думаю, поддерживая пар на высоком уровне, я смогу немного нейтрализовать привкус хорька. Поэтому, когда пришло время отправиться, я положил свой большой портсигар и все такое прочее на колени — поскольку добраться до ваших карманов, когда они упакованы, было невозможно, — и смело вошел со своей травкой под высоким давлением, я сел. Мы все постепенно расселись

по своим местам. Очень скоро пассажир пристально посмотрел мне в лицо; он явно собирался что-то сказать; я внутренне содрогнулся, опасаясь, что он будет возражать против запаха дыма. О, радостное зрелище! между его пальцами появилась сигара, и прозвучали ободряющие слова— "Огонек, сэр, если не возражаете". Никогда в жизни я не давал сигарету с такой готовностью. Постепенно пассажир за пассажиром доставали сигары; аромат наполнил вагон, и аромат травки восторжествовал над запахом хоряка. Шесть внутренностей из девяти усердствовали в этом, и четыре из них были пропитаны сногшибательным вирджинским табаком, единственный человеческий запах не мог противостоять такому мощному противнику; как мог бы чихнуть мушкетер перед раскатами грома. Я всегда любил сигары, но здесь, в отчаянной ситуации, я познал их истинную ценность.

Мы шли дальше, пыхтя, качаясь и трясясь, пока, наконец, не остановились на берегу реки. Поскольку существовала разумная вероятность того, что почта упадет в ручей при спуске, нам сказали вылезать, выполнив что, мы оказались в приятном положении, примерно на фут увязнув в грязи; почта благополучно погрузилась в открытую паромную лодку с двумя веслами и местом для пассажиров перед лошадьми или позади кареты. Паром задержался всего на несколько минут, а затем нам пришлось подняться на другой глинистый берег, на вершине которого мы снова заняли свои места в почтовом вагоне, захватив с собой в общей сложности около центнера мелкой глинистой почвы, с этим дополнительным грузом мы продолжили наше путешествие. В час дня мы прибыли в Элизабеттаун и поужинали; последний был очень примитивным, жестким и жирным.

Мы снова вошли в свои камеры и продолжили наш путь, плохая дорога становилась все хуже и хуже, редко позволяя нам выходить на прогулку. Двое наших попутчиков умудрились вести себя как можно более оскорбительно. Они казались коммивояжерами самого низкого пошиба. Разговора у них не было, но, чтобы казаться остроумными, они снова и снова повторяли какие-то четыре или пять историй, смеясь над рассказами друг друга, которые были либо богохульными, либо зверскими — настолько, что я бы охотнее сочинил вместо них еще двух хоряков в человеческом обличье. Я должен сказать, что, хотя все классы смешиваются в общественном транспорте, это был первый раз, когда я обнаружил, что люди ведут себя столь отвратительным образом. Вскоре мы добрались до другой реки и, выйдя из нее, наслаждались второй прогулкой по грязи, взяв с собой, как и в прошлый раз, богатый груз глинистой почвы; и после непрерывной и усиливающейся тряски, которая угрожала кратковременным и всеобщим опрокидыванием, мы прибыли, после двадцатидесятилетней поездки, к концу нашего путешествия *-то есть*, в "Олд Беллс", названный так по имени владельца гостиницы. Здесь нам предстояло провести ночь, или, вернее, ее остаток, пока почта отправлялась в Нэшвилл, а вместе с ней и наш зловонный бодкин. Но, увы! двое более неприятных пассажиров, о которых упоминалось ранее, остались, поскольку внезапно решили остаться и посетить пещеру Мамонта.

Старый Белл - почтенный экземпляр семидесятилетнего возраста, и он находится здесь, по моему, почти полвека. Мне говорили, что одна из его дочерей очень хорошенькая. Она замужем за сенатором Соединенных Штатов и содержит один из самых приятных домов в Вашингтоне. Говорят, что старый джентльмен стоит определенных денег, но он, очевидно, полон решимости умереть в упряжке. Так же регулярно, как приходит почта, около часа ночи, так же регулярно он выходит и приветствует пассажиров стаканом смеси меда, бренди и воды. Напиток и даритель убедительно напомнили мне "Олд Кререр" и "Атол Броз", которыми он всегда приветствовал тех,

кто навещал его в его коттедже в Хайленде. Получив в свое распоряжение кровати — после неоднократных просьб разместить двоих в гнезде, поскольку дом был маленьким, — я вскоре рухнул в свое логово, и в благословенном забытии о сне дневные невзгоды смешались с тем, что было. На следующее утро, после завтрака, мы наняли экипаж, чтобы отвезти группу к Пещере, расположенной на расстоянии семи миль. Можно действительно сказать, что дороги там нет. По крайней мере, на половине пути нет ничего, кроме неровной дороги из камней и корней деревьев, которые постоянно угрожают рессорам экипажа и конечностям пассажира страшными переломами. Однако, преодолевая самое худшее, вы защищаете последнее и спасаете первое, тем самым делая несчастные случаи редкими.

Отель представляет собой отдельно стоящее здание, расположенное в основном на первом этаже, с верандой по всей окружности. Воздух здесь восхитительно чистый, и летом он, должно быть, прекрасен. Он расположен на плато, с оконечности которого берег спускается к Грин-Ривер. С обеих сторон раскинулся дикий лес, и вокруг гигантских стволов обвивается влюбленная виноградная лоза с ласковой настойчивостью голодного удава и торжествующе задирает голову к самым верхним ветвям. Но растительная жизнь не похожа на Венеру, которая, "будучи без украшений, украшается больше всего"; и лес, сбросивший свой летний наряд, представляет собой непривлекательный аспект в холодной нагоде зимы. Когда появляется девственная весенняя листва и созревает в полную зелень лета, тень этих берегов должна быть восхитительной; широколиственная и любвеобильная лоза простирает свои супружеские объятия по лесу так же свободно и повсеместно, как Джо Смит и его собраты простирают свои супружеские объятия среди дам на Соленом озере; а когда наступает осень с теми великолепными сияющими оттенками, неизвестными Старому Свету, пейзаж должен быть и вовсе прелестным; тогда поклонник природы, плывущий между берегами по светло-зеленой глади ручья внизу и наблюдающий за постоянно меняющимися оттенками, по мере того как солнце освещает окрестности. мягко опустившись на свое ложе на западе, наслаждался бы пиршеством, воспоминания о котором, возможно, тщетно пытались бы истощить себя.

Назначены гиды, которые предоставляют фонари и факелы посетителям, желающим осмотреть пещеру Мамонта; а внутри она представляет собой такой лабиринт, что без их помощи задача была бы опасной. В отеле предоставляется грубая одежда, так как экскурсия будет сложной.

Подготовившись таким образом, мы отправились в нашу исследовательскую экспедицию, миновав при входе остатки старых селитряных заводов, которые были построены здесь во время боев под Новым Орлеаном. Размеры этой пещеры сделали бы описание подробностей утомительным, поскольку здесь сравнительно мало интересных объектов. Величайшим чудом является порода маленьких белых рыбок без глаз, несколько из которых всегда можно увидеть. Как и все подобные места, его размеры варьируются самым произвольным образом. В какой-то момент вам не хватает места, и вдруг вы оказываетесь в зале готического вида, полном изящно свисающих сталактитов. Снова вы идете по коридорам, то возвышенным, то угрожающим вашей голове, если гордость не уступит место смирению. Затем вы приходите к рекам, которых здесь две. В какой-то момент вы гребете под великолепным сводом, а затем, внезапно, вам приходится лечь плашмя в лодке или откинуть голову назад, когда вы плывете по проходу, крыша которого задевает планшир лодки. Мой проводник сообщил мне, что в этих реках есть особенность, которую никто не может удовлетворительно объяснить, а именно, что чем больше идет дождей, тем ниже опускаются эти воды. Я предполагаю, что проблема напоминала ту, которую приписывают королю Карлу, а именно: "Как получилось, что если положить мертвую

рыбу в сосуд, полный воды, она сразу же перелилась через край, но если положить туда живую рыбу, этого не произошло"; и у меня есть некоторое подозрение, что решение в обоих случаях одно и то же. Среди других странных мест есть одно, которое носит название "Страдание толстяка". В одну минуту ступни фиксируются, как в колодках; в другую - верхняя часть тела вынуждена составлять прямой угол с нижней; даже тогда выступающий над вами камень иногда будет подталкивать вас к перевернутому углу, пытаясь спасти который, слишком быстрым актом смирения вы сдираете всю кожу с более уязвимого колена. Преодолевая это затруднение и, возможно, поднимаясь слишком поспешно, трещина на голове закрывает ваши глаза, наполняя их видением раздвоенной молнии. Приходя в себя от этого приятного ощущения, вы обнаруживаете щель, похожую на лезвие бритвы, проходя через которую, вы чувствуете, как пуговицы вашего жилета трутся о ваш позвоночник. Конечно, было бы неплохим получасовым развлечением понаблюдать, как дородный лорд-мэр в сопровождении под стать ему придворных олдерменов пробивается через этот перевал после черепашьего обеда.

Последнее место, которое я упомяну, доставило мне наибольшее удовольствие: это большой зал, в котором гид, заняв определенное место, удаляется на некоторое расстояние, унося с собой все светильники; и, зная по опыту, какую часть из них следует скрыть, предлагает вам, когда он будет готов, посмотреть наверх. Через несколько секунд оно приобретает вид неба темной ночью; но по мере того, как глаз привыкает к темноте, видны маленькие точки, похожие на звезды; и они продолжают увеличиваться, пока сводчатая крыша не приобретает вид прекрасной звездной ночи. Я никогда не видел более приятной и совершенной иллюзии. Было бы трудно правильно оценить размеры пещеры Мамонта. В американских справочниках говорится, что он простирается на десять или двенадцать миль и имеет боковые ответвления, которые в общей сложности составляют сорок миль. Я полагаю, что по размерам он уступает только Какухуайнильпе в Мексике, которая, если приведенные сведения точны, могла бы вместить внутри с полдюжины таких, как мамонт. Боюсь, почти излишне информировать читателя, что англосакс сохраняет свою незавидную репутацию, уродуя каждое место, которое посещает; и, следовательно, вы видите имена Смита, Брауна, Снукса и других, закопченные на камнях во всех направлениях — подходящее закопченное свидетельство варварской практики.^[N]

Насладившись двумя днями изучения этого "гигантского уродства природы", мы отправились в обратный путь около половины пятого пополудни, чтобы засветло преодолеть тропу брейк-нек. Олд Белл^[O] приветствовал нас, как обычно, своим медом, бренди и водой. Затем он приготовил нам ужин, так как мы хотели урвать несколько часов сна перед возвращением в Луисвилл с его двадцатью одним часом удовольствий. Около половины одиннадцатого вечера порыв ветра, смешанный с неясным хлюпаньем шестнадцати копыт по грязи, отозвался в наших ушах похоронным звоном: "Ваше время пришло!" Я с тревогой посмотрел, как почтовая карета остановилась посреди дороги напротив входа — они всегда предоставляют пассажирам привилегию пробираться по грязи к дверям гостиницы, — чтобы посмотреть, случайно ли она пуста, поскольку мне сказали, что лишь немногие люди ездили обратным путем — неудивительно, если они могли этого избежать. Увы! пар на окне с фатальной уверенностью возвестил о том, что внутри кто-то из гуманитариев. Дверь открылась; они вышли, один, два, три, четыре. Это была маленькая карета с тремя сиденьями, на каждом из которых было место только для двух человек, таким образом, внутри оставались места для меня и моего друга. - Снаружи есть свободное место?

- Место для одного, сэр!

С этим ничего нельзя было поделаться, и поэтому нам пришлось оставить одного слугу, чтобы он последовал за нами следующей ночью.

Лошадей сменили, все выпили пунша, и мы сели в центральное кресло. - Что это такое кругом? - спросил я. "Толстая прокладка, сэр; зимой ее заколачивают гвоздями, чтобы не было холодно". — Слава богу, она прибита только снизу. Началось удушье; мое окно опускается. Вскоре сидящий напротив меня пиквикистский "Толстяк" ростом в шестнадцать стоунов громко восклицает с полярной дрожью: "Фу! очень холодно!" и, заметив, что я невнимателен, добавил: "Вы не находите, что здесь очень холодно?" "Я, сэр? Я почти теряю сознание от жары, - ответила я, а затем из милосердия одолжила ему тяжелый инвернесский плед в натуральную величину, в который он быстро завернул свое жирное тело. Судя по пледам и пяти дюймам жира, его кости, должно быть, побывали в паровой бане. Другой *визави* был для меня источником беспокойства по другому поводу. У него постоянно выделялись отхаркивающие выделения; и поскольку мое открытое окно было единственным выходом, а оно поступало не таким образом, я, естественно, беспокоился о своей одежде. Постепенно на сцене забрезжил дневной свет, и тогда изобретательность моего друга проявилась способом, рассчитанным на то, чтобы растрогать любой желудок, не закаленный путешествиями по Америке. Всякий раз, когда он сцеживал максимальное количество сока из табака, прокладка аптечки сдвигалась достаточно, чтобы он мог выплеснуть свой груз внутрь тележки; после чего аптечку заменяли, и эффект от выброса таким образом скрывался. Эта подкладка для аптечки, должно быть, была для него бесценна, потому что в другой раз она пригодилась для носового платка. Должен сказать, что когда я увидел респектабельную внешность преступника, его грязные поступки поразили меня. Позади нас ехали два джентльмена, которые возвращались в Луисвилл и которые показались нам очень приятными.

Мы остановились позавтракать в каком-то придорожном заведении, похожем на пивную; но, прежде чем пировать, нам захотелось умыться. Удобствами для этой цели были кувшин, таз и кусок мыла на скамейке во дворе, что, поскольку шел довольно сильный дождь, было весьма остроумным методом разубеждения, особенно потому, что ваш носовой платок или рукав вашей рубашки заменяли полотенце. Ужин подействовал на меня так же успокаивающе, как и приготовление к мытью, и я был рад, когда труба позвала нас к тренеру. Я попытался уснуть, для чего закрыл глаза, но тщетно; однако отхаркивающий *визави*, который тоже был озябшей птицей, подумал, что застал меня врасплох, и сказал своему толстому соседу: "Послушайте, старый джентльмен спит, поднимите окно". Толстяк так и сделал, а я хранил полное молчание. Через несколько минут я начал тяжело дышать, а затем, проснувшись как бы со стоном, пожаловался на удушье и, рывком опустив окно, высунул голову и жадно глотнул свежего воздуха: всю оставшуюся дорогу они были очень вежливы и ни разу не попросили снова закрыть окно. В течение дня я выяснил, что толстяк напротив был связан с цирковой труппой, и от него я узнал кое-что из их истории, которая, надеюсь, не будет небезынтересной для читателя.

В каждой компании есть агент по рекламе, которого отправляют за неделю до начала работы компании, чтобы напечатать рекламные объявления и проследить за их размещением и распределением наилучшим образом в тех местах, где компания намерена выступать. Таково было занятие толстяка, и за это он получал восемь фунтов в месяц плюс дорожные расходы.

Его отряд состоял из семидесяти пяти двуногих и ста двадцати пяти четвероногих. Из двуногих двенадцать были исполнителями, двое - женщинами; жалование варьировалось от шестнадцати фунтов в месяц главной амазонке и до пяти фунтов в месяц наименее боеспособным членам отряда. Они работают круглый год, высасывая свои деньги с Севера летом и с Юга зимой. Они возят с собой все, кроме топлива и провизии. У каждого назначена своя особая обязанность. После ночных представлений они удаляются в свои палатки спать, а соответствующие люди разбирают цирковой шатер и сразу же отправляются к следующему месту, где они должны появиться; артисты и их шатровики встают рано утром и трогаются в путь, чтобы выйти на площадку около одиннадцати; затем они отдыхают и готовятся, чтобы после того, как жители деревни поужинают, дать свое первое представление; затем они отдыхают и набираются сил, готовые к вечернему повторению. Раньше некоторые компании производили газ самостоятельно, но опыт показал, что восковые свечи в долгосрочной перспективе слаще и дешевле, поэтому производство газа практически прекратилось. После этого второго представления они удаляются отдыхать; циркачи-шапито сворачивают палатку, затем отправляются к следующему месту показа, актеры и их палатки следуют за ними, как упоминалось ранее: так продолжается круглый год, двуногие и четвероногие почти никогда не заходят в дом.

В Штатах много таких цирковых трупп, из которых самая крупная - та, к которой прикреплен Ван Амбург, и которая, как сказал мне толстяк, примерно в три раза больше его собственной — Ван Амбург всегда берет с собой больше дюжины клеток со своими дикими зверями. Работа, по его словам, очень тяжелая, но деньги поступают довольно щедро, чему я охотно верю, поскольку бугорок Любознательности растет здесь с невиданной нигде пышностью и уступает только родственному бугорку Стяжательства, два органа которого составляют аудиторию и актеров.

Я не даю вам отчета о дорожном пейзаже по двум причинам: во-первых, потому, что здесь нет ярких черт, которые могли бы смягчить чередование грубой обработки почвы и более грубого леса; и, во-вторых, потому, что зимой природа лишена животворящих линий травы и листвы, и зарисовка уныния была бы всем, что могла позволить правда. Поэтому я прошу вас подумать о том, что прошел двадцать один час, и мы благополучно добрались до Луисвилля, где горячий чай и "закуски" — как выразился проникательный молодой Сэмивел — вскоре восстановили нас после утомительного черепашьего путешествия по самой отвратительной дороге, какую только может представить человек, хотя это почтовый маршрут между цветущими городами Луисвилл и Нэшвилл. Если какой-нибудь честолюбивый дух почувствует жгучее желание посетить пещеру Мамонта, позвольте мне посоветовать ему погасить упомянутое пламя водой Терпения и взять за свой девиз— "Я выжидаю своего часа". Храп был обычным явлением в этих краях на протяжении многих лет; но шумные дороги Севера наконец-то потревожили спящих южан, и, словно отдохнувшие великаны, они теперь энергично работают над своим собственным чайником, который скоро будет шипеть на всем пути от Луисвилля до Нэшвилля. До тех пор, я говорю, наберитесь терпения.—Один из наших товарищей по сцене очень любезно предложил отвести нас в клуб, который здесь недавно открылся и который, если и не большой, то очень удобный. Я упоминаю это как один из многих примеров, которые произошли со мной во время путешествия по этой стране, о желании, проявляемом высшими классами общества, проявлять вежливость и внимание к любому джентльмену, который, по их мнению, является чужаком среди них.

На следующее утро мы были вынуждены продолжить наш маршрут, для чего пришлось высадиться в двух милях ниже города, так как река была недостаточно высокой, чтобы пароходы могли проходить через своего рода отмель, называемую "Водопад". Дорога представляла собой сплошное болото с грязью глубиной в фут, но это затруднение беспокоило лошадей, и они преодолели его с совершенной легкостью, несмотря на тяжелую волокушу. Мы снова плыли по Огайо, и, что довольно любопытно, на другом "Франклине"; но он не мог похвастаться такой массивной цилиндрической стюардессой, какой обладала его сестра. Множество людей, как обычно, собрались вокруг бара, пили, курили и спорили. Джонатан в споре "первопроходец". Двое из них усердно занимались этим, когда я подошел.

Говорит полковник: "Говорю вам, майор, это больше ста миль".

Майор: "Ну, но я говорю вам, полковник, ничего подобного нет".

Полковник: "Но, сэр, я знаю, что это так".

Судья: "Что ж, полковник, я скажу вам, в чем дело; я думаю, вы ошибаетесь".

Полковник, явно возбужденный: "Нет, сэр, я не собираюсь, и, — он протягивает мускулистую руку, способную превратить девятифунтовую порцию в крошечную паприку, — будь я проклят, если не поставлю вам или любому другому джентльмену по шесть негритят из Кентукки за джулеп, я прав".

После того, как он предложил эти огромные шансы, он перевел свой огненный орлиный взгляд с майора на судью и с судьи на майора, чтобы выяснить, у кого из них больше шансов; и поскольку они молчали, он расширил радиус действия своего взгляда на компанию вокруг, вскидывая голову и время от времени поглядывая краешком глаза в сторону майора и судьи с торжествующей усмешкой, как бы говоря: "Я все равно вас поймал". Спор был окончен; были ли правы майор и судья относительно расстояния или нет, я не могу решить; но если пари, когда оно было принято, должно было быть подтверждено пожатием мускулистой руки, которую протянул полковник, они были решительно правы, не принимая его, поскольку за таким раздавливанием и вывихом, какие неизбежно предвещали его сжатие, должна была последовать какая-то болезненная хирургическая операция. Я бы с таким же успехом сунул руку между валиками тростникового пресса.

Порядок питания гуманитарных наук на борту был хоть и неприятным, но в некотором смысле достаточно забавным. Стол тянется почти во всю длину джентльменского салона; по обе стороны расставлены низкие деревянные кресла с прямыми спинками, ширина которых вполне подходит для привидения, *любящего па-де-куи*. Но несчастный человек, которому посчастливилось быть очень хорошо снабженным всем этим, подвергался значительному риску того, что стул станет постоянным придатком. При звуке колокольчика, когда все места расставлены напротив соответствующих мест, мужчины бросаются вперед, занимают места за указанными стульями и, как истинные кавалеры, стоят там, пока дамы не сядут. Я стоял в ожидании среди остальных и с течением времени терял терпение. Одна дама еще не прибыла. Наконец подошел стюард с упомянутым предметом под мышкой, и, усадив ее на сиденье почти напротив моего, по его понимающему подмигиванию второй стюард позвонил в другой колокольчик, и мужчины как по волшебству опустились на свои места. Суп был уже подан, и ложки яростно застучали по столу. Мне было интересно, кем могла быть эта леди — все женщины здесь леди - которую мы так долго ждали и которая в конце концов вошла со

стюардом или джентльменом — все мужчины здесь джентльмены - в такой дружелюбной манере. Она, казалось, не была обременена какими-либо утонченными манерами, но, представьте себе мое изумление, когда после того, как она покончила со своей тарелкой супа и стала ждать следующей порции, я заметил, как леди тычет кончиком ножа в блюдо со сладостями, стоявшее рядом с ней, и отсасывает драгоценный кусочек, который она захватила, и эту интересную операцию она повторяла до тех пор, пока не подали жареную индейку. Когда она была занята процессом сосания, в ней чувствовалась такая совершенная невинность, что вы не могли отделаться от ощущения, что она была без сознания, и любой взгляд, устремленный на нее, мог счесть ее занятие оскорбительным или экстраординарным.

Следующим мое внимание привлек джентльмен, сидевший рядом со мной. Ему подали кусок мяса размером и формой с брусчатку Холборн-Хилл. Как, должно быть, он оскорблен, что его тарелка наполнена таким образом. Смотрите! смотрите! как он поглощает овощ за овощем, выстраивая свою тарелку по всей окружности, словно укрепление, а говяжьи отбросы в середине образуют цитадель. Наполеону потребовался бы целый день, чтобы захватить такую крепость; но, помните, бедный Наполеон не принадлежал к нации, которая может "взнуздать творение". Посмотрите, как Джонатан разрушает бастион за бастионом! Теперь он останавливается!--его пронзительный взгляд внимательно осматривается вокруг! - виден пирог! Приподняв туловище и удлинив руку, он набрасывается на него и тащит под орудия своей крепости. Ножей и вилок не хватает — его собственные вполне подойдут. Пробита брешь — парашют для выпечки брошен у подножия полуразрушенной цитадели; ложек нет под рукой, нож погружается в пропасть, вилка следует за ним — это куриный пирог — начинается грабеж; все белое мясо захвачено, блюдо высоко поднято, из горизонтального оно повернуто к "наклонно-наклонному", и цитадель затоплена ливнем. "Лови, кто может", как я вижу, относится не только к школьникам. Мне было любопытно понаблюдать за концом этой атаки, и, поскольку ему было чем занять свои тарелки на полчаса — если они не сдадутся раньше, — я спокойно вернулся к своим делам и принялся за обед; но любопытство нетерпеливо. Через несколько минут я повернулся, чтобы взглянуть на крепость. Клянусь Юпитером Тонансом! тарелка стояла перед ним, чистая, как будто ее вылизала кошка; и, успешно захватив еще одну тарелку, он раскладывал на этом новом столе различные батальоны сладостей, за которые сражался с несравненным мастерством.

Поскольку плац был полон, я ожидал увидеть мгновенную атаку; но он был слишком осведомлен, чтобы быть застигнутым врасплох таким образом. Он огляделся и виртуозным взглядом осмотрел яблоки, апельсины и орехи. Первые два он выбирал с большой разборчивостью; вторые он приносил домой в количестве, достаточном для того, чтобы получить много хороших орехов. Затем, схватив пару шелкунчиков и разложив их, как шевроле-де-фризе, вокруг своих призов, он начал атаку на батальон сладостей перед собой.

Теперь великий полководец серьезно взялся за работу. Едва он начал, как невинный молодой человек, доевший свои сладости и подумывавший о том, чтобы перекусить орехами, заметил крекеры, лежащие без дела перед гастрономом, и сказал: "Не одолжите ли вы мне шелкунчики, сэр?" Великий полководец поднял голову и одарил юношу одним из тех пронзительных взглядов, которыми Наполеон обычно подстегивал всех, кто задавал дерзкие вопросы. Юноша, поняв отказ, выраженный в этом ужасном взгляде, однако, набрался смелости добавить: "Они вам не нужны, сэр!" Это было слишком тяжело вынести молча, поэтому он ответил с ужасающей отчетливостью: "Но я думаю, что так и сделаю, сэр!" Затем, опустив голову в исходное

положение, он насадил на кончик ножа большой кусок тыквенного пирога и галантно отправил его себе в глотку. Бедный юноша! сосед облегчил его страдания и спас его слоновую кость.

Прошло почти четверть часа; обед окончен, все орехи расколоты и рассованы по карманам, и компания направляется либо в другой конец салона, где есть печка, вокруг которой они едят орехи и курят сигары, либо выпить в баре. Когда с курением покончено, раскладные ножи открываются. Не пугайтесь; кровопролития не предполагается, хотя полдюжины людей, разгуливающих с этим оружием, могут показаться зловещими. Понаблюдайте за их лицами; нижняя часть их щек втягивается с сильным всасывающим давлением, затем снова набухает, а активный язык с неугомонной энергией обводит барьеры из слоновой кости в пределах своего досягаемости. Напрасно — напрасно он пытается изгнать незваных гостей; непокорные частички ореха прячутся глубоко между слоновой костью, как кролики в старой каменной дамбе. Нож приходит на помощь, и, бесстрашно ныряя в темную бездну, одерживается победа. Затем победители начинают жевать *на ходу*, и отхаркиваются на раскаленную плиту, пока она не зашипит, как паровая машина, или же они заливают пол до тех пор, пока не остается ничего другого, кроме толстых ботинок или влажных ног. Пары всех известных алкогольных напитков вырываются из бара и смешиваются с головокружительным ароматом крепчайшего "Варгинни". Некоторые ищут спасения в полете; другие наслаждаются ядовитой атмосферой и кричат, как тяжело раненные люди, если какая-нибудь дверь случайно остается открытой.

Смотрите! стол снова накрыт к ужину; продолжают прибывать горы еды; прибывает компания — кто во фраках, кто только в жилетах; кто в цветных рубашках, кто в красных фланелевых рубашках; у одной рукава закатаны до локтя. "Кто, ради всего святого, это такие?" Я спрашиваю в своем невежестве. "О! это, я полагаю, офицеры корабля". Действительно, они "свободны", но "просветлены" ли они, у меня не было возможности выяснить. Короткие десять минут, и все они разбросаны, а вместе с ними и горы еды. Я смотрю еще раз, и вот! стол снова накрыт. Для кого это может быть? Сомнения быстро разрешаются, когда смесь негров и белых садится за праздничный стол; наконец—то настала очередь мальчиков —они же официанты. Трапеза закончена, со стола убраны лишние тарелки, полдюжины квадратных столиков расставлены по центру салона, и все относительно тихо. Этот процесс происходит во время каждого приема пищи — в 8 утра, 13:00 и 17:00 — с максимально строгой пунктуальностью.

Представьте себе мое огорчение однажды вечером, когда, открыв дверь своей каюты, я увидел собрата, согнувшегося пополам у входа в противоположную дверь. Я подумал, что у бедного страдальца приступ холеры, и каждую минуту ожидал услышать его крики; но, ничего не услышав, я более внимательно осмотрел этого человека. Это был всего лишь джентльмен, который снял с себя пиджак, жилет, брюки и ботинки, не забыв и чулки; а затем намеренно поставил свой стул у открытой двери и, поставив одну ногу на его сиденье, развлекался тем, что обрезал и выковыривал роговые наросты на своих pedalных пальцах для удобства пассажиров в салоне для джентльменов; и, к сожалению, вы не могли быть уверены, что его руки будут вымыты перед тем, как он сядет рядом с вами утром за завтраком, — ибо я могу засвидетельствовать, что я снова и снова сидел рядом с вами. люди в этих западных водах, чьи руки едва годились для того, чтобы доставать угли из ведерка.

Я здесь не записал ничего, кроме того, что на самом деле проходило под моим собственным взором. Вы, конечно, найдете на борту джентльменов, и многих из них, на манеры которых не на что жаловаться, и чьи беседы поучительны и забавны; но вы, очевидно, можете найти и других,

которые поймут, какую картину я нарисовал сцен в мужском салоне, и, если у вас нет знакомых среди дам, их салон для джентльмена так же священен, как султанский гарем. И откуда берется все это, если не из того знаменитого пугала "равенство"? Есть ли во всем Эмпайр-Стейт хоть один настоящий джентльмен, который в глубине души одобрил бы это нелепое смешение благовоспитанных и невоспитанных? Но это нравится массам, и они должны подчиняться этому неуместному пастушеству и кормлению, подобно голодным собакам из питомника "Дотбойз Холл".

Это может быть полезной информацией для путешественника, и будет только справедливо по отношению к владельцам лодок на Миссисипи заметить, что если вам удастся получить билет на совершенно новую лодку, то всегда будет больше заботы, больше безопасности, лучше жить и лучше общаться. На всех лодках есть одна щетка и расческа для пассажиров.

С помощью пара и течения мы наконец добрались до Каира, который находится на южном берегу Огайо и восточном берегу Миссисипи; его выгодное положение не прошло незамеченным, но на него было выброшено много денег из-за того, что компания не села и не подсчитала стоимость до того, как они начали. Не может быть никаких сомнений в том, что географически это *по преимуществу* место для строительства крупнейшего внутреннего города Америки, расположенного на слиянии двух гигантских артерий; и не только из-за его превосходного положения, но и из-за того, что по соседству с ним находятся горы угля. Трудность, с которой приходится бороться, заключается в разливе этих рек. Бывшие спекулянты построили дамбы; но то ли из-за нехватки смелости, то ли из-за нехватки кошелька они были построены неэффективно; Миссисипи вышла из берегов и захлестнула спекулянтов. Недавно, однако, другая компания взяла эту задачу в свои руки, и, имея достаточный капитал, она охватывает угольные копи, а также участок и т. Д. Нового города, В который уголь, конечно, будет доставляться по железной дороге, и, таким образом, будет иметь возможность снабжать пароходы на обеих реках по самой дешевой цене и значительно дешевле, чем в три раза дешевле древесины; и если калорийный двигатель неутомимого шведа когда-нибудь станет практичным, каждый пароход легко доставит из Каира достаточно угля, чтобы продержаться до его возвращения; короче говоря, я думаю, что для этого потребуются ни одно пророческое око не сможет предвидеть, что Каир через пятьдесят лет, если Союз сохранится, станет одним из величайших, наиболее важных и наиболее процветающих внутренних городов Америки; и, что достаточно любопытно, этот эффект будет в основном достигнут благодаря вовлечению в это предприятие британского капитала.

Несколько часов пути вверх по реке привели нас в Сент-Луис, который, как я предсказываю, в один прекрасный день будет выведен из строя Каиром. Тем не менее, какое замечательное место тот же Сент-Луис; его быстрый рост почти столь же необычайен, как и в Цинциннати, и, возможно, даже более того, если учесть не только то, что он находится дальше на сотни миль к западу, но и то, что ему приходится бороться с разливом Миссисипи, которая не раз поднималась до первых этажей домов и магазинов, построенных на краю дамбы; к счастью, большая часть города, построенная на возвышенности, избежала разрушительных периодических затоплений. Он расположен в семистах пятидесяти милях ниже водопада Святого Антония и в тысяче двухстах милях над Новым Орлеаном.

Ле Кледе и его партия оценили ценность его положения еще в 1764 году и назвали его в честь Людовика Пятнадцатого. Впоследствии, в 1768 году, он был передан испанцам; однако в нем

был достигнут лишь незначительный прогресс, пока в 1804 году он не перешел в руки Соединенных Штатов. Энергия американского характера вскоре изменила положение дел, и сейчас ежегодно прибывает 3000 пароходов, что, я полагаю, больше, чем было жителей на момент передачи им острова. Но более активный импульс, по-видимому, начался в 1830 году, когда население составляло менее 7000 человек, и с тех пор оно так быстро увеличивалось, что в 1852 году его численность приближалась к 100 000. Уроженцы Соединенных Штатов составляют примерно половину сообщества, а выходцы из Германии - четверть; остальные в основном ирландцы. Существует двадцать газет, из которых четыре издаются на немецком языке. Здесь сорок церквей, четвертая часть из которых римско-католическая, и щедро выделяются средства на образование; о материальном процветании этого процветающего сообщества свидетельствует тот факт, что годовая стоимость продукции их мануфактурных предприятий превышает 3 000 000 *фунтов*.; мукомольные фабрики, сахарные заводы и плотники вносят больший вклад, чем другие профессии; после них идут портные, вероятно, благодаря немцам, которые, по-видимому, имеют сильное пристрастие к этому ремеслу, в котором занято больше рук, чем в любом другом.

СНОСКИ:

[M]

Господа . Уоллис и Уитворт в своем Отчете о промышленности Соединенных Штатов отмечают в главе V. "Ни в одной отрасли производства применение трудосберегающих машин простыми средствами не дает более важных результатов, чем при обработке дерева".

[N]

После моего возвращения в Англию я видел, как корреспондент *Morning Chronicle* утверждал, что полковник Кроган из Луисвилля купил эту пещеру за 2000 *фунтов*., и что вскоре после этого ему предложили 20 000 *фунтов*. для его сделки. Далее говорится, что в своем завещании он передал его своей семье на два поколения. Если последнее верно, то это доказывает, что последствия не совсем неизвестны даже в Демократической Республике.

[O]

После моего возвращения в Англию я слышал, что старый мистер Белл умер.

ГЛАВА X.

Речные пейзажи.

Мне очень хотелось совершить экскурсию из Сент-Луиса и немного поохотиться либо на северо-западе, либо в окрестностях Каира, где водятся олени; но мой спутник умирал от желания попасть в Новый Орлеан и настоятельно советовал мне не откладывать, "после спорта поиграть на скрипке". Я всегда считал себя образцом добродушной легкости, всегда готового пожертвовать собой ради друга; но некоторые близкие люди говорили мне, что это не в моем характере, а некоторые даже говорили: "Ты упрямый последователь". Если они были неправы, я достаточно пострадал за свою легкомыслие; если они были правы, я, должно быть, уступил единственное время, когда мне следовало проявить твердость; во всяком случае, я отказался от своей охотничьей экспедиции, которой намеревался заняться до тех пор, пока первоклассный пароход не отправится в Новый Орлеан; и в недобрый час я позволил заманить себя на борт "Западного мира". Паровозик набрал обороты, и вскоре мы уже мчались по левиафановой артерии североамериканского континента. Почему упомянутая артерия должна сохранять название Миссисипи, я не могу объяснить; ибо Миссури не только более крупная река выше места слияния, но и Миссисипи представляет собой чистый поток с твердыми, а в некоторых случаях и окаймленными гранитом берегами, и совершенно свободна от "коряг"; в то время как у Миссури илистые берега, и она изобилует корягами, что, как многие с грустью испытали, имеет место с потоком, по которому их несет на всем своем протяжении, тем самым полностью демонстрируя свое истинное происхождение и болезненно демонстрируя свое законное право быть таковым. называется Миссури; но права мужчин и женщин достаточно трудно урегулировать, не вступая в права рек, хотя из них, как из мужчин и женщин, вытекают как добро, так и зло. Итак, перемирие с правами, особенно на этом "Дальнем Западе", где каждый обязан отстаивать свои права сам.

Эта река — одно из мест, назначенных местом беседы философа и лодочника - сказки настолько древней, что, вероятно, она вымерла еще до рождения некоторых из моих юных читателей; поэтому я включаю ее исключительно для их же пользы. Философ, прибыв на паром, сел в лодку, которой управлял один из тех редких предметов в этой просвещенной Республике — человек без всякого образования.

ФИЛОСОФ (*лексикон*).—Ты умеешь писать?

ЛОДОЧНИК. —Наверное, я не смогу.

ФИЛОСОФ. —Как печально! да ведь ты потерял треть своей жизни! Ты, конечно, умеешь читать?

ЛОДОЧНИК, — Ну, думаю, я тоже не смогу.

ФИЛОСОФ. —Боже милостивый! да ведь ты потерял две трети своей жизни.

Когда разговор зашел так далеко, лодочник обнаружил, что, слушая своего ученого пассажира, он пренебрег той бдительностью, которая была необходима из-за опасности на реке. Течение

торопило их попасть в самую страшную ловушку; спастись было безнадежно; поэтому лодочник начал разговор с такого неожиданного вопроса:

ЛОДОЧНИК.— Вы умеете плавать, сэр?

ФИЛОСОФ. —Нет, этого я не могу.

ЛОДОЧНИК.— Тогда, я полагаю, ты потерял всю свою жизнь.

Прежде чем фраза была закончена, лодка перевернулась; крепкий гребец мужественно боролся и благополучно добрался до берега. Оглядевшись, философ не увидел ничего, кроме своей шляпы, плывущей в Новый Орлеан. Лодочник сел на берегу, размышляя о судьбе философа; и когда бобр исчез в излучине реки, он поднялся и дал волю своим размышлениям в следующих выражениях: "Я предполагаю, что этого джентльмена никогда не учили многому полезному; учеба хороша на своем месте, но я предполагаю, что плавание - это то, что нужно на Миссисипи, исправляй это, как хочешь".

Поскольку я упомянул об этом *rare avis* из Соединенных Штатов, совершенно необразованном человеке, я могу также привести забавный образчик постановки другого вестерна, изучение которого, очевидно, находилось в зачаточном состоянии. Это свидетельство о браке, и оно гласит:—

"Штат Иллинойс, округ Пеория, ss

"Приветствие всему миру. Знайте, что Джон Смит и Пегги Майрс настоящим удостоверяются, что они могут ходить вместе и поступать, как делают "олд фолкз", где угодно в пределах участка коперас, и когда поступит мое распоряжение, я должен хорошенько поженить их и встречаться с ними *донесчастных случаев с киввером*.

"О---- М-----R----- [ss]

"Мировой судья".

Давайте теперь вернемся к "Западному миру".

После того, как я совершил неосторожность, взяв билет на ее борт, следующий шаг, который я предпринял —*то есть* заплатил за это, — был еще хуже: меня объявили гриффином. Старые путешественники слишком хорошо знают эти воды, чтобы думать о том, чтобы заплатить до того, как они окажутся в конце своего путешествия. Однако, поскольку я и взял билет, и заплатил за него, и совершил то, что старые девы и моряки называли бы дерзкой глупостью - отплытие в пятницу, я могу также дать вам описание лодки.

Река во многих местах и во многие сезоны очень мелкая, поэтому эти пароходы строятся настолько легкими, насколько это возможно; короче говоря, я полагаю, что они построены настолько легкими, насколько можно найти любую компанию, которая застрахует их. Над естественной грузовой линией они выступают, как бортик умывального таза, чтобы дать ширину надстройке; на палубе размещается двигатель и принадлежности, топливо и т.д.; все, что не занято таким образом, предназначено для перевозки грузов. Эта палуба открыта со всех сторон и имеет столбы, расположенные на удобном расстоянии, высотой около пятнадцати-двадцати

футов, для поддержки палубы каюты. Кают-компания в центре палубы занята салоном, занимающим почти всю длину судна, со спальными каютами - по две кровати в каждой — выходящими из нее с обеих сторон. Вход в салон осуществляется спереди; примерно треть его длины в задней части перекрыта дверями, образующими дамское святилище, оборудованное диванами, креслами, пианино и т. Д.; Примерно пятая часть длины в передней части, но никак не отделенная, является местом для курения с довольно удобной барной стойкой и печью в центре. Дно этого помещения с полным правом может быть названо большим отхаркивающим хранилищем из-за стимулов, которые оно предлагает для централизации, хотя, конечно, ни один ручей или щель судна не свободны от этого американского налога на табак - если я осмелюсь так его облагородить и обозначить. Вытя, таким образом, одну треть и одну пятую, оставшаяся часть является "долей джентльмена" — сколько это может быть тысячных долей, я оставляю на усмотрение дробных калькуляторов. Их средний размер составляет около шестнадцати футов в ширину и от семи с половиной до восьми с половиной футов в высоту; центральная часть дополнительно приподнята примерно на восемнадцать дюймов, по бокам ее стекло для пропускания света; они всегда хорошо раскрашены и искусно позолочены — в некоторых сосудах, таких как "Эклипс" из Луисвилля, они просто великолепны. Каюты примерно шесть на семь футов, такой же высоты, как салон, и освещаются через дверь снаружи, верхняя часть которой стеклянная, защищенная, при необходимости, откидными жалюзи, предназначенными в основном для летнего использования. Снаружи этих кают проходит круглая галерея, крытая сверху, шириной около четырех футов, с входами в главную каюту с каждой стороны. Коробка, закрывающая гребное колесо и т. Д., Помогает сделать перерыв в этой галерее, отделяя джентльменов от дам.

На некоторых лодках есть узкий проход, соединяющий две галереи, но снабженный *решетчатой* дверью, предотвращающей проникновение в галерею гарема; перед ней - ложа для гребли, с одной стороны - кладовая стюарда, а с другой - эта незаменимая роскошь для американца - парикмахерская; где в любое время дня свободные и просвещенные, восседая на стульях, похожих на троны, и высоких скамеечках для ног, вытягиваются во всю длину, чтобы насладиться пощипыванием своих носов и поскребыванием подбородков с помощью ножек. артистичный негр, который исполняет обязанности. Этот выдающийся чиновник также является единоличным разносчиком роскоши в виде устриц, на эту рыбу англосаксы в этом полушарии очень падки. Постороннему человеку покажется забавным вывешенное объявление (обычно рядом с баром): "Устрицы можно заказать в парикмахерской". В Америке все - салуны. Над этой кают-компанией и вспомогательными помещениями - парикмахерской, галереей и проч. - находится штурманская палуба, на которой расположено небольшое количество кают для капитана, лоцманов и проч. — последних всегда двое, и жалованье каждому, как сказал мне капитан, составляет сорок фунтов в месяц, — а над этими каютами возвышается рулевая рубка, освещенная со всех сторон большими окнами, откуда все приказы механикам легко передаются звуком хорошего колокола. Остальная часть палубы, которая, по сути, представляет собой только крышу кают-компании и галереи, открыта для всех, кто чувствует желание полюбоваться видами вдаль под успокаивающим воздействием вечного дождя из древесной золы и сажи. Ширина этих судов варьируется от тридцати пяти до пятидесяти футов, а длина — от ста пятидесяти до - "Эклипс" — трехсот шестидесяти пяти футов; салоны простираются по всей длине, за исключением примерно тридцати футов с каждого конца. Они получили название "дворцовых пароходов", и при удачном исходе они, по-видимому, заслуживают этого, поскольку они величественны и импозантны как снаружи, так и внутри; но многие европейцы,

путешествовавшие на них, согласятся со мной в утверждении, что их более уместно было бы назвать "дворцовыми гробницами"; не только из-за гибели людей, к которым приводят их постоянные катастрофы, но также из-за контраста между величием снаружи и нечистоплотностью внутри, о последнем я уже рассказывал в своем путешествии. из Луисвилля.

Некоторое представление об их надежности можно составить, когда я скажу вам, что они рассчитаны всего на пять лет; но по истечении трех обычно признается, что они окупили себя с хорошими процентами. Я привожу вам это на основании информации, полученной от капитана, который был единственным владельцем, и я также слышал, как многие другие повторяли то же самое; и все же "Эклипс" стоил 120 000 долларов, или около 25 000 фунтов. В салоне вы всегда увидите вывешенный отчет о добротности корпуса и надежности котлов, должным образом заверенный соответствующими инспекторами. То, как выполняются эти обязанности инспекторов, превращает все это в совершенный фарс, по крайней мере, в большинстве случаев.

Инспектор поднимается на борт; капитан и механик видят его и, конечно же, обмениваются рукопожатием, потому что здесь все пожимают друг другу руки при первой встрече, хотя бы и в первый раз; единственное изменение заключается в адресованных словах: если в первый раз, это может звучать так: "Сэр, я рад с вами познакомиться", на что можно ответить дополнительным пожатием и, возможно, "Сэр, я отвечаю взаимностью". Примечание.Б. — Всегда снимаю шляпу в первый раз. Если это предыдущий знакомый, то достаточно "Рад видеть вас, сэр".—Но вернемся к этому отступлению. Капитан и механик приветствуют инспектора: "Я полагаю, вы пришли взглянуть на наших биллеров, сэр?" "Да, сэр, это я". Все присутствующие инстинктивно придвигаются все ближе и ближе к барной стойке. "Что ж, сэр, давайте выпьем". — "Что ж, сэр, давайте".— "Сигару, сэр?" — "Спасибо, сэр!" Компании курят и пьют. Как ни странно, необходимый документ, ручка и чернила оказались под рукой: упрямое сердце инспектора совершенно растаяло от доброты. "Что ж, сэр, я полагаю, с вашими желчнокаменными все в порядке?" — "Я полагаю, что это так, сэр, и ничего больше; вы не можете пойти и разбить мои желчнокаменные, все равно почините их как хотите; вы не можете этого сделать, уверяю вас, сэр".— Какой инспектор может усомниться в таких очевидных доказательствах. — "Выпейте еще стакан, сэр, обязательно".— "Спасибо, сначала я подпишу эту бумагу". Осмотр закончен, все, кроме "стакана" и "бакко", которые продолжают течь и дымиться. Шкиперы этих судов достаточно грубы; но я всегда находил их очень вежливыми, прямолинейными и готовыми предоставить всю информацию, на которую они были способны; и многие из них признались мне, что проверка слишком часто проводилась описанным выше способом.

В рассказе о путешествии вниз по реке мало что интересного. Стиль общества, с которым я столкнулся на борту этих судов, я уже описал вам в общих чертах; иногда он может быть лучше, а иногда и хуже. Одним из моих "товарищей по кают-компании" на этом судне был молодой человек, который был вторым капитаном бизань-мачты на борту его превосходительства "Месть"; но, не любя стиль дисциплины, особенно— как он сказал, раздражающие заменители порки, которые были введены в последние годы на флоте в угоду слащавой чувствительности общественного мнения в Англии, а также шумихам всеправящей прессы, он воспользовался первой возможностью сбежать, чтобы поискать счастья на Дальнем Западе. Однажды он

заметил мне: "Те парни, которые поднимают такой дьявольский шум из-за порки на флоте, каковы бы ни были их намерения, не являются настоящими друзьями ни моряку, ни службе".

В качестве небольшой иллюстрации правдивости его замечаний я могу здесь заметить, что казначей американского военно-морского флота, на службе которого недавно отменили порку, рассказал мне, что вскоре после сдачи линейного корабля, на котором он служил, он случайно встретил в порту пятьдесят своих старых товарищей по кораблю и, спросив их, что они собираются делать, они сказали ему, что собираются отплыть в Англию, чтобы поступить на службу в английский военно-морской флот; ибо, по их словам, "С тех пор, как телесные наказания были отменены, всю работу должны выполнять хорошие люди, и они должны быть честными". Это не окупится ". Только трое из пятидесяти когда-либо состояли на английской службе. Не может быть никаких сомнений в том, что многие джентльмены с чувствительным умом, видя, как имена их собратьев-офицеров выставляются на всеобщее обозрение в Палате общин или на страницах анонимной прессы, пытаются поддерживать дисциплину другими средствами, которые раздражают Джека гораздо больше, или же, ослабляя оковы дисциплины, оставляют всю работу на усмотрение желающих и добрых; все, что угодно, лишь бы не быть заклеяменными тираном во всех уголках земного шара анонимным нападавшим, прекрасно зная, что, каким бы явным ни было опровержение, обвинение зачитают десять человек на каждого, кто прочтет. его противоречие. Но я ухожу от моего юного друга, капитана бизань-мачты.

Если он и выглядел не очень нарядно в своей красной рубашке, то, во всяком случае, был опрятен, составляя приятный контраст с молодым человеком, который пришел вечером и сел за стол, где я играл в карты со своим компаньоном. Его руки абсолютно походили на руки негра, хотя голос был голосом белого; подняв глаза к его лицу и за его пределы, я обнаружил, что все было в порядке; его волосы были похожи на индийские джунгли. Если бы кто-нибудь только мог схватить его за пятки и раскручивать на чесальной машине, как пучок конопли, это принесло бы ему огромное улучшение; особенно если бы после прохождения этого процесса его пропустили между двумя свиньями через корыто для обжаривания в Цинциннати. Среди других наших попутчиков мы нашли одного или двух очень приятных и интеллигентных американских джентльменов, которые, хотя и были более привычны к *неудобствам* путешествия, были полностью к нему причастны и выражали свое отвращение самым свободным образом.

Давайте теперь перейдем от компании к пейзажу.—Что можно сказать по этому последнему вопросу? Воистину, это не что иное, как однообразие в гигантском масштабе. Все, что есть в grand, - это воображение или, скорее, отражение того, что вы находитесь на лоне крупнейшей торговой артерии в мире. То, что бросается в глаза, - это участок мутной воды шириной в среднем от полумили до мили, заросший вырванными с корнем деревьями и ошестинившийся огромными корягами. С обеих сторон сплошной лес ограничивает обзор, тем самым лишая пейзаж того торжественного величия, которое призвана внушать бескрайняя пустыня или майн. Признаки человеческой жизни, как и визиты ангелов, редки. В лесу не видно ни зверя, ни птицы в воздухе, за исключением время от времени стаи водоплавающих птиц. Временами глаз радуется скоплению диких лебедей, гусей и уток, собравшихся на конклав на краю какого-нибудь берега; или, если случайно на восходе или на закате вам случится подойти к какой-нибудь широкой излучине реки, великолепные лучи озаряют ее поверхность, пока она не превратится в озеро жидкого огня, которое становится ярче благодаря окружающей темноте густого и безлиственного леса. Время от времени раздается звук трубы паровоза — подходящая

музыка для леса; но нет ни гор, ни долин, чтобы эхом отдаваться от его звуков повсюду. Гренадерские шеренги растительной жизни, стоящие, как часовые, вдоль берега ручья, отказывают ей ни во входе, ни в ответе, и грубый голос механизма находит быстрое и верное погребение в илистых берегах. Этот дикий отказ Природы поддерживать беседу иногда смягчается видом бревенчатой хижины, окруженной связками дров^[P], подготовленной для продажи парходам. В другое время несколько разбросанных хижин и груды товаров, готовых к транспортировке, разнообразят обстановку. Иногда вы приезжаете в настоящую деревню, и там обычно обнаруживаете старый парход, обслуживающий причал и гостиницу на случай, если пассажиры высадятся в неурочное время ночи. Благодаря также большой коммерческой активности более крупных городов, расположенных выше, монотонное течение реки иногда нарушается появлением парходов, барж, лодок с углем, лодок с солью и т. Д. Время от времени сердце человека радуется, а дух укрепляется при виде одного-двух затонувших судов, которые, по-видимому, оставил там возмущенный поток в качестве мягкого намека путешественникам.

Так проходит день, и, когда наступает ночь, вы прощаетесь со своими друзьями, но не со словами "Приятных вам снов!", а с загадочной улыбкой и словами: "Надеюсь, нас не поймут сегодня ночью!" Затем вы удаляетесь в свою каюту и ... что вы там будете делать, зависит от вас самих; но человеку, чей разум не трезвеет во время путешествия по этим водам, не позавидуешь.

Когда вы утром выходите из своей каюты, входя в салон, вам кажется, что взорвалась бочка со спиртным. Небольшое наблюдение покажет вам вашу ошибку и ее причину, которая заключается всего лишь в том, что свободные и просвещенные люди пьют свой утренний напиток в баре. Воистину, это замечательная раса, или, как они сами иногда выражаются: "Мы высокая нация, сэр, большой народ". Хотя они пьют по любому поводу, будь то из-за общения или потакания своим желаниям, и в любое время, с розового утра до росистого вечера и долгое время после; хотя дыхание и одежда "пропитаны" запахом алкоголя, вы вряд ли когда-нибудь увидите пассажира пьяным. Открытки также разыгрываются весь день, и, как правило, найдется Хахаль - или черная нога, — готовый услужить другу. В настоящее время эти карточные игры проводятся достаточно спокойно; но один старый путешественник сказал мне, что он помнит, как лет пятнадцать назад все было совсем по-другому и когда каждый игрок приходил вооруженный пистолетом и охотничьим ножом, с помощью которых все мелкие затруднения, связанные со странным трюком или пари, быстро разрешались на месте. В те дни солнце никогда не всходило и не заходило, не став свидетелем одного или нескольких из этих захватывающих маленьких улаживаний трудностей, в которых сторонние наблюдатели были слишком хорошими знатоками, чтобы когда-либо вмешиваться. На самом деле, они, похоже, рассматривались просто как приятные небольшие перерывы в монотонности поездки.

Поскольку это может заинтересовать некоторых из моих читателей, я попытаюсь воспроизвести для их развлечения полученный мной набросок сцены лодочных гонок в старину. "Скричер" был судном, принадлежащим Луисвиллю, на борту которого находились дикие жители Кентукки и другие пассажиры, среди которых была пожилая леди, которая, купив на зиму бекон, свинину и т. Д., Возвращалась в свой дом на берегах Миссисипи. "Берстер" был судном из Сент-Луиса, на борту которого было много диких лесорубов и т.д. Два соперника встретились на слиянии рек Огайо и Миссисипи. Альтернативой был удар или взрыв. На одной чаше весов висела Победа; на другой - поражение и смерть. "Визгун" был немного впереди; постепенно "Взрыв" закрывается. Воцаряется тишина смертельной схватки. Визгуны подбрасывают еще дров и

налегают большим весом на предохранительный клапан; она бежит вперед. Медленно, но верно "Взрыватель" приближается. Капитан "Скричера" с тоской смотрит на огонь, потому что котлы почти изношены. "Взрывник" идет почти поравнявшись. Разъяренные кентуккийцы собираются вокруг капитана и в ярости спрашивают— "Почему ты не прибавляешь в весе?"

КАПИТАН: "Котлы готовы, все равно я этого не вынесу".

ЖИТЕЛИ КЕНТУККИ — "Не можете этого вынести? Трус с трусливым сердцем—"

Обнажаются ножи, щелкают пистолеты, сотни голосов восклицают: "Займись этим сам, или я вонзу этот нож тебе под кожу". Их глаза сверкают — их руки подняты для смертельного удара. Дикие ребята, эти кентуккийцы; капитан знает это слишком хорошо. Перед ним выбор смерти; решает азарт — он лезет в прорыв. "Скричер" проносится по воде, дрожа от носа до кормы. "Кентукки Бойз" вопят от восторга и вызова. Снова "Берстер" приближается к своему сопернику. Кентуккийцы размахивают ножами и кричат неграм, которые уже наполовину поджарились: "Наваливайте дрова, наваливайте как можно больше; я брошу в огонь по черномазому за каждый фут, который получит "Взрывник"". Вскоре на борту "Берстера" раздается крик ликования, когда он подлетает вплотную к своему сопернику. Разъяренные жители Кентукки кричат: "Нефть, клянусь!-- масло, клянусь всем творением! "Я чувствую запах!" - восклицает пожилая леди с запасом бекона. Ее глаза вспыхивают огнем; несколько слов ее рабам Помпею и Цезарю, и бочки с беконом, разделанные быстро, как мысль, лежат перед печью. Все идет своим чередом; "Визгунья" неистовствует; капитан прыгает вверх-вниз, как пересохшая горошина на противне; она снова летит впереди своей соперницы, "как промасленная молния". Внезапно — ужас из ужасов! - река пульсирует внизу; деревья в лесу трясутся, как осиновые листья; раскаты грома разрывают воздух; тучи щепок и человеческих конечностей затемняют небо. "Взрыватель" разлетелся на атомы! Капитан спрыгивает на землю и присоединяется к победному крику диких парней из Кентукки, сквозь басовые ноты которого слышен пронзительный голос старой леди, кричащей: "Я сделала это, я сделала это — это все мой бекон!"

Борьба окончена, возбуждение прошло, они возвращаются и подбирают те части человеческого тела, которые, по их мнению, стоит сохранить.—Продолжение следует.

Нашего капитана настигло телеграфное сообщение, требующее его явки в определенный день для ответа по обвинению в клевете. Из того, что я смог почерпнуть, складывается впечатление, что капитан, считая себя обманутым человеком, с которым у него были деловые отношения, взял на себя смелость сказать ему: "Ну что ж, ты проклятый адский негодяй, исправь это любым доступным тебе способом!" Оскорбленный человек подал в суд на возмещение ущерба в размере 2500 долларов, и капитану пришлось покинуть нас, чтобы он мог пойти и защищать свое дело. Он был хорошим типом "непогожей птицы", и мне было жаль видеть, что ему пришлось покинуть корабль. Я сказал ему об этом, добавив, что если он бросит нас, мы обязательно попадемся в ловушку или на что-нибудь похуже. Он ответил: "О нет, сэр; я думаю, вы будете в достаточной безопасности; я оставляю за главного своего клерка; он был капитаном этих судов; вы будете совершенно правы, сэр". И он сошел на берег в Мемфисе, оставив нас продолжать наш курс на Новый Орлеан.

Наступила ночь, и мы все разбрелись по ночлегам. Обычно я сплю очень крепко, засыпаю в тот момент, когда ложусь спать, и не просыпаюсь до рассвета. Однако в этот раз я проснулся около

двух часов ночи и, что бы я ни делал, не мог заставить себя снова заснуть. Раскачиваясь из стороны в сторону, я почувствовал, как судно ударилось, как будто мягко коснулось берега; а дерево - хороший проводник звука, и я услышал, как в нем, так сказать, булькает вода. Моей первой мыслью было: "Мы попали в ловушку"; затем, вспомнив, насколько незначительным было сотрясение мозга, я подавил свои страхи и повернулся на бок, решив, по возможности, еще немного поспать. Едва эта мысль переступила порог моего сознания, как люди торопливыми шагами ворвались в салон, яростно колотя в двери кают, и послышался пронзительный крик— "Выходите! отворачивайтесь! - мы тонем!" Пассажиры вскочили со своих кроватей и открыли двери, чтобы получить тот скудный свет, который могли позволить лампы в салоне. Воцарилась таинственная и торжественная тишина; все было в действии; времени на слова не было; одевайся, хватай, что можешь, и спасайся бегством. Подойдя к борту судна, я увидел рядом пароход и почувствовал, что лодка, в которой я находился, переворачивается. Сосед в страхе и отчаянии ухватился за меня, как утопающий за соломинку; сейчас не время для комплиментов, когда дело либо в шее, либо вообще ни в чем; поэтому ударом правой в низ живота я вырвался из его хватки и, перебросив свой стол на другую лодку, ухватился за деревянное крыло и соскользнул вниз. Слава Богу, я был в безопасности! - мой спутник тоже уже был в безопасности.

Было около половины пятого утра, моросило, было сыро, совсем темно, если не считать пламени факелов. На борт тонущей лодки была поднята доска, по которой удалось спасти больше пассажиров и даже немного багажа. Экипажу звуковой лодки пришлось немало потрудиться, чтобы удержать людей от попыток вернуться и спасти свой багаж, тем самым рискуя не только собственной жизнью, но и в то же время препятствуя спасению других. С галереи наверху я смотрел вниз на обломки, освещенные зловещим светом нескольких дюжин факелов, когда с грохотом, подобным раскату грома, судно перевернулось и разлетелось на тысячу кусков; восемьдесят голов крупного рогатого скота, привязанные за рога, тщетно пытались выбраться из водяной могилы. Это была действительно потрясающая и ужасная сцена, свидетелем которой можно было стать. С момента первого удара и до того, как она развалилась на куски, не прошло и четверти часа; но кто был спасен? Кто знал, и — увы! это я должен добавить — кого это волновало?

Команда работала достаточно усердно, чтобы спасти всех, и им следует отдать должное за их усилия; но безразличие, проявленное теми, кто был вырван из пасти смерти, было абсолютно ужасающим. В тот момент, когда они сбежали, они нашли дорогу к бару и печке, и там они курили, пили и отпускали непристойные шуточки, еще до того, как обломки корабля разлетелись на куски или была выяснена судьба половины их товарищей. И все же перед их глазами предстала сцена, которой, можно было бы вообразить, хватило бы, чтобы смягчить самое черствое сердце и заставить задуматься самое легкомысленное. Там, среди них, у той самой печки, вокруг которой они собрались, стоял один с изможденным и отсутствующим взглядом, а у его ног жались двое полуголых младенцев; четверть часа назад он был здоровым мужчиной, мужем с пятью детьми; теперь он был идиотом и вдовцом с двумя. Ни одна слеза не затуманила его глаз, ни следа горя нельзя было прочесть на его лице; хотя два клятвопреступника в любви друг к другу теперь больше не беспомощно болтались у его ног, он не обратил на них внимания; они искали отцовской улыбки — они наткнулись на идиотский взгляд. Они плакали: то ли из-за материнских объятий, то ли из-за того, что скучали по брату и сестрам? Даже жалобный крик младенчества без матери не мог зажечь ни искры эмоций в груди овдовевшего мужа — все было сплошным идиотизмом. Жена и трое детей, погребенные

под грудами грузов, нашли жалкую могилу; его сердце и разум устремились вслед за ними — очевидно, чтобы никогда не вернуться.

Несомненно, эта сцена была в высшей степени рассчитана на то, чтобы возбудить в тех, кто сам по себе носил на себе живые памятники Божьей милости, глубочайшие чувства благодарности и сочувствия; и все же бедный идиот стоял там, как будто его и не было; и шутка, бокал и сигара продолжались с таким безразличием, как будто компания только что вышла из театра, а не по воле провидения избежала борьбы не на жизнь, а на смерть. Более совершенного проявления бессердечия невозможно себе представить, и я не верю, что какая-либо другая часть мира могла бы произвести подобное.

Непосредственной причиной крушения был врезавшийся в нас пароход "Х. Р. У. Хилл" из-за неправильного понимания сигнала колокола; по счастливой случайности, он оказался рядом с нами после удара; если бы он этого не сделал, одному Богу известно, кто мог бы спастись. Насколько я мог установить, все пассажиры первого класса были спасены. Не обращайте внимания на слово "первый класс", ибо, хотя в этой стране так называемого равенства не признается никакой классовой разницы, бедных беспомощных эмигрантов берут в качестве палубных пассажиров, и, поскольку груз является главной целью, для них не выделяют места; их запикивают среди груза, насколько это возможно, без возможности спастись в случае несчастного случая и с дополнительной перспективой быть погребенными под тюками и бочками. Я полагаю, таким образом погибло пятнадцать пассажиров: одна бедная англичанка из числа палубных пассажиров пробилась сквозь груз и, после того как ее чуть не утопили и не затоптали до смерти копыта крупного рогатого скота, сумела спастись. Работоторговцу с дюжиной негров удалось спасти их всех, поскольку, поскольку они были ценными, он спрятал их в лучшем месте. Как только разборка была завершена, мы двинулись вверх по реке, не теряя времени на попытки спасти какую-либо часть груза или багажа. Мое собственное положение было далеко не приятным, хотя, надеюсь, я был искренне благодарен за свое спасение. Я обнаружил, что мне удалось бросить свой письменный стол между двумя пароходами, и поэтому он был безвозвратно потерян вместе со всеми моими бумагами, аккредитивами, журналом и прочим. Я также потерял все остальное, кроме того, что было на Ти, — винтовку, пистолеты, одежду, — все исчезло. Кое-какие вещи, такие как деньги, часы, записная книжка, которые я всегда носил в карманах, были всем моим запасом в торговле. К счастью, мой друг сохранил свои документы, и, таким образом, нашу личность удалось установить в Новом Орлеане. Через несколько часов мы увидели прекрасный пароход, спускавшийся по реке, на который мы сели и снова продолжили наше путешествие на юг.

После полудня мы миновали несколько обломков затонувшего судна: берега были усеяны бочонками со свининой и мазью из мустанга, которые составляли большую часть нашего груза. В одном месте большая часть обломков была выброшена на берег и разграблена поселенцами на берегу; все ящики и сундуки были вскрыты и вычищены; по реке плыли маленькие лодки, полные свинины и других трофеев: это была всеобщая давка во всех направлениях, и, по-видимому, они рассматривали ее как законную добычу, как если бы они были корнуолльскими грабителями. Пытаться что-либо вернуть было безнадежно, поэтому мы продолжили наш путь, оставив наши пожитки на милость акул на берегу. Потеряв все свои документы, я был вынужден отказаться от удовольствия, которое ожидал от визита в Натчез, или, скорее, к джентльменам и плантациям по соседству.

По мере приближения к нижней части реки признаки человеческой жизни становятся более частыми; лес отступает, берега реки выровнены, и по берегам разбросаны легионы хижин дяди Тома; некоторые сгруппировались возле более роскошного, но все еще простого здания, в котором живет владелец, в окружении апельсиновых рощ и пышных цветов и листвы южных краев. Эти маленькие точки кажутся яркими оазисами на унылых, неинтересных равнинах, которые в остальном простираются от берегов по обе стороны; но это только как сцена, они неинтересны; в реальности они представляют особый интерес. На эти Шляпы негритянский раб тратит свой труд и заканчивает свою жизнь, а из горечи своей карьеры белый человек черпает сладкую роскошь для себя. Как мало кто задумывается об этом даже на столько секунд, сколько требуется, чтобы растопить осветленный комок в дымящейся бохе. Но вот мы в Лафайетте, это верхняя, или американская, оконечность Нового Орлеана, где пароходы всегда останавливаются, если на борту есть скот, и в нашем случае мы предпочли высадиться и сесть в омнибус, а не ждать выгрузки скота. Через полчаса мы добрались до отеля "Сент-Луис", и там вы можете присесть на минуту-другую, пока я буду делать некоторые наблюдения за испарением в западных реках.

Вся система и управление являются самым тяжким упреком американской нации. Я говорю не об архитектуре, которая хороша, и не об абсурдной непоследовательности в соединении такого роскошного внешнего вида с таким абсолютным дискомфортом, который, возможно, с их институтами и идеями было бы очень трудно исправить. Мои наблюдения больше относятся к тому, что человеческая жизнь подвергается опасности, а ценные продукты человеческого труда безрассудно уничтожаются. Следующая выдержка из статьи в Луисвилле более чем оправдывает любые анимационные версии, которые я могу сделать:—

КАТАСТРОФЫ НА ЗАПАДНЫХ РЕКАХ. — Луисвилльский курьер опубликовал список катастроф на западных водах за 1852 год. Это огромное судно, включающее 78 пароходов, 4 баржи, 73 судна для перевозки угля, 3 судна для перевозки соли и еще 4 плоскодонки. Похоже, что 47 лодок были потеряны в результате зацепления, 16 - в результате взрывов, 4 были сожжены, а остальные потеряны в результате столкновения и других несчастных случаев. Наибольшее количество жизней, унесенных одной катастрофой, было при взрыве "Салуды" - 100. Общая гибель людей превышает 400 человек.^[Q]

Вот список из ста шестидесяти двух судов различных типов и четырехсот человек, погибших за один год; из которых, по-видимому, сорок шесть были затоплены. Вы, естественно, спросите здесь, какие меры предосторожности принимаются, чтобы избежать таких ужасных жертв? Ответ короткий — Никаких. Когда-то у них было несколько лодок, нанятых для подъема коряг, но жажда аннексии толкнула их на войну, и для этой цели понадобились деньги. Западники говорят, что ими правит Восток, и что правительство ничего для них не сделает.^[R]

Не мне определять причины, но факт слишком очевиден, что в стране, которая может похвастаться своим богатством, своей мощью, своими ресурсами и не обременена ни фартином долга, ни цента не тратится на малейшие попытки устранить опасности, связанные с этой гигантской торговой артерией. И какова будет стоимость этого национального объекта?

Капитаны лодок сказали мне, что две дюжины коряг за три года очистили бы реку; и что половина этого числа могла бы сохранить ее чистой; однако, вместо того чтобы выделить требуемые деньги, они демонстрируют национальное безразличие к безопасности жизни и имущества, какого, я могу с уверенностью утверждать, не найти ни в одной другой цивилизованной стране. Очень небольшой налог на пароходы окупил бы расходы; но вестерны говорят, и говорят правду: "Это не местный, это национальный вопрос. Правительство строит маяки, гавани и т. Д. для восточного совета, и мы имеем право на такую же заботу о нашей торговле". Плавание протяженностью в две тысячи миль, безусловно, является таким же национальным вопросом, как и морское побережье. Следует также помнить, что, если добавить судоходные притоки, общая сумма составит непрерывную магистраль внутренней торговли протяженностью 16 700 миль — расстояние, которое, как было отмечено, "достаточно, чтобы опоясать Европу и оставить остаток, который охватил бы Атлантику".

Следующими в списке идут "взрывы". Я уже рассказывал вам о том, как часто проводятся так называемые экспертизы. Конечно, эти проверки могли бы быть подписаны под присягой перед магистратом; и так же, я надеюсь, могли бы найтись люди, которые не стали бы лжесвидетельствовать. Сожженных судов немного, и, я полагаю, было рассмотрено несколько дел по подозрению в преднамеренном поджоге.

Последнее в списке - "столкновения и т. Д.". Под "и т. П.", я полагаю, подразумеваются горные суда, которые, пройдя по реке до такой степени, что их можно было использовать только на дрова, все же продолжали "еще одно путешествие"; и тогда, конечно, малейшее сотрясение, будь то о берег или плавающее бревно, раскололо бы их, как корзину для щепок. Проверка на этот счет проводится аналогично проверке котлов, и легко может быть применено то же самое средство. Я думаю, однако, что большее количество потерь от столкновений и т. Д. Может быть в основном приписано самим столкновениям. Причину этих столкновений легко понять, когда вам сообщают, что встречающиеся суда сигнализируют о том, чью сторону они намерены занять, звонком в колокол. У них нет фиксированного правила, как у судов, встречающихся в море. Звук второго звонка может быть легко смешан с первым, если в него ударить поспешно, что в случае опасности более чем вероятно; или звук одного звонка может отозваться эхом и быть ошибочно принят за два звонка. Столкновение, с которым мы столкнулись, было вызвано именно этим недоразумением; по крайней мере, так капитаны взаимно объяснили это. Причина, по которой я назвал эту неурегулированную систему, заключалась в том, что из-за берегов и течений суда не всегда могли придерживаться одной и той же стороны. Предположим, что это так, тем не менее, более точное указание стороны, которую предполагается занять, можно было бы получить с помощью огней, постоянно горящих для этой цели в ящике с выдвижной передней частью, который при желании можно снять с помощью троса, ведущего в рулевую рубку, таким же образом, как в настоящее время крепится шнурок колокола; и еще одно ощутимое преимущество было бы получено, если бы обязать суда, встречающиеся ночью, глушить двигатели и проходить "малой скоростью". В дополнение к этим мерам предосторожности, прочный пробковый кранец, простирающийся вокруг носа примерно на десять футов с каждой стороны и устанавливаемый каждую ночь в темное время суток, существенно снизил бы вероятность разрушения, даже если бы столкновение все-таки произошло.

Однако есть еще одна причина аварии, на которую луисвилльская газета не ссылается, и это перегрузка. Покидая Сент-Луис, мы вышли примерно на два с половиной фута из воды и задолго

до того, как с нами произошел несчастный случай, принимали груз до тех пор, пока не оказались всего в пяти дюймах над рекой. Они не только загромождают нижнюю, или грузовую, палубу, но и галерею за пределами салонов и кают заполняют до тех пор, пока не разрушается все ее использование и комфорт, и по ним почти невозможно пройти. Видя несчастные случаи, к которым неизбежно должно приводить такое безрассудное фрахтование, нет ничего проще, чем обязать каждое судно иметь поплавок или погрузочный трос, окрашенный от носа до кормы на определенной высоте, что влечет за собой серьезное наказание капитана и владельцев, если указанный трос будет опущен под воду грузом. Есть еще один момент, на который я также могу обратить внимание здесь, и это то, каким образом этим лодкам разрешается перевозить палубных пассажиров. Для них нет свободного места на палубе, и они вынуждены пробираться среди тюков и ящиков с грузом, не имея возможности спастись в случае аварии. Это люди, которые страдают в случаях зацепления, столкновения и т.д. Эти отважные сыны тяжелого труда, мигрирующие со своими семьями, почти без гроша в кармане, и поэтому, несмотря на все хваленое равенство, у них нет друзей. Если бы каждый палубный пассажир, погибший в агонии раздавливания и утопления, был членом Сената или Конгресса, правительство вмешалось бы задолго до этого; но эти несчастные гибнут в своей агонии, и некому повторить этот крик в залах Конгресса. В основном это бедные эмигранты, и на их место приедут еще многие.

Если бы правительство предприняло какие-либо подобные шаги, рекомендованные выше, страх потерять страховку из-за пренебрежения ими в значительной степени заставил бы уважать их. Компании страховали бы по более низкой ставке, и в долгосрочной перспективе все стороны были бы в выигрыше; ибо, если бы правительство не получало денежной прибыли, оно выиграло бы в национальном характере, сняв такой позор, какого нет ни в одной другой коммерческой стране в настоящее время.

Более того, в этом вопросе следует придерживаться моральной точки зрения, а именно: "безрассудство человеческой жизни, порожденное такими вещами, какие они есть".

Анекдотов, которые приходится слышать, самих по себе достаточно, чтобы не оставлять особых сомнений на этот счет. Возьмем, к примеру, следующее: —Судно было взорвано во время гонки под высоким давлением, и среди вызванных свидетелей был один, который так ответил на заданные ему вопросы: —

ЭКСПЕРТ. — "Вы были на борту, когда произошла авария?"

СВИДЕТЕЛЬ. — "Наверное, был, и лелеял что-то еще".

ЭКЗАМЕНАТОР. — "Был ли капитан трезв?"

СВИДЕТЕЛЬ. — "Во всяком случае, не могу этого сказать".

ЭКЗАМЕНАТОР. — "Вы не видели капитана в течение дня?"

СВИДЕТЕЛЬ. — "Думаю, что да".

ЭКЗАМЕНАТОР.— "Тогда не могли бы вы высказать свое мнение, был ли он пьян или нет?"

СВИДЕТЕЛЬ. — "Полагаю, у меня было мало времени для наблюдений; когда я его увидел, его не было на борту".

ЭКЗАМЕНАТОР. — "Тогда, когда вы его видели?"

СВИДЕТЕЛЬ. — "Спускаясь, я прошел мимо джентльмена, поднимавшегося наверх".

Суд, конечно, был весьма удивлен его хладнокровием и вызвал еще одного свидетеля. — Но давайте перейдем от этого вымышленного анекдота к факту.

Буквально на днях я прочитал в луисвилльской газете о джентльмене, вошедшем в отель "Гейт-хаус" и намеренно стрелявшем в другого человека в обеденном зале, когда там было полно народу, промахнувшись, а в холле устроившемся на спинке стула незнакомца, который спокойно сидел за своим ужином. И снова я читал о происшествии — кажется, в Мемфисе — столь же возмутительном. Человек, которого сильно теснили кредиторы, собравшиеся в его доме и настаивавшие на своих требованиях, призвал их отойти, и, поскольку они продолжали настаивать, он схватил в каждую руку по охотничьему ножу и бросился среди них, нанося удары направо и налево, пока его безумная карьера убийц не была остановлена кредитором, который в целях самообороны вонзил ему в череп тесак.

В газете Натчеца я прочел следующее: "Леви Тарвер, в прошлом житель округа Атала, недавно был убит в Техасе. Тарвер прервал джентльмена на шоссе; последовали громкие слова, когда Тарвер обвинил джентльмена во лжи; после чего последний выхватил охотничий нож и одним ударом полностью отделил голову Леви от его тела".

В газете из Сент-Луиса я прочитал о немце по имени Хоффман, который, по мнению Бейкера, был слишком близок со своей женой, и поэтому от него потребовали прекратить его визиты. Хоффман выразил протест в своем ответе, заверив мужа, что его подозрения беспочвенны. Вскоре после этого он получил письмо от миссис Бейкер с просьбой навестить ее: он подчинился вызову, и его проводили в ее спальню в отеле. Как только он добрался туда, миссис Бейкер вытащила из-под подушки два пистолета и выстрелила ему в голову. Хоффман выбежал из дома; едва он оказался на улице, как мистер Бейкер и трое других негодяев набросились на него, потащили обратно в отель и поставили у дверей охрану, чтобы предотвратить дальнейшее проникновение с улицы. Затем они раздели его совершенно догола, били его коровьими шкурами до тех пор, пока в его теле не осталось ни единого здорового куска мяса, время от времени обливали холодной водой, а затем возобновили свои варварства. Устав от этой жестокости, они кастрировали свою несчастную жертву обычным столовым ножом. И кто были эти негодяи? Были ли они необразованными негодьями, которых бедность и лишения превратили в преступников? Мистер Бейкер был владельцем бакалейной лавки; из остальных один был владельцем отеля "Сент-Чарльз" в Нью-Бремене; второй был молодым юристом, третий - клерком в "Доме плантатора". Могут ли поглотители невежества и порока в каком-либо сообществе представлять собой более кровавую сцену жестокости, чем та, которую здесь намеренно разыгрывали образованные люди, занимающие респектабельное положение, в середине дня? Что можно подумать о ценности человеческой жизни, если я добавлю, что все эти негодяи были отпущены на поруки?

Это всего лишь сообщения, которые попались мне на глаза в ходе естественного чтения газеты, поскольку я могу совершенно искренне заявить, что не взял на себя ни малейшего труда разыскать их. Следующее, имеющее отношение к тому же вопросу, было рассказано мне в ходе разговора за ужином, и произошло это в Новом Орлеане. Мистер А. слишком часто наступает на мистера Б.; мистер Б. сбрасывает мистера А. с лестницы, и это на респектабельной вечеринке.

Что же теперь делает мистер А.? Он выходит на улицу и одалживает охотничий нож у извозчика, затем возвращается на вечеринку, наблюдает за мистером Б. и следует за ним в комнату, где были сложены шляпы и плащи, улучает благоприятный момент и вспарывает мистеру Б. кишки. Его судят за убийство, улики достаточно, чтобы повесить дюжину человек, и, к удивлению даже самих вестернов, он оправдан. Эти факты произошли не так давно, и о них мне рассказал джентльмен, который был на вечеринке.

Когда два члена Законодательного собрания опозорили залы в Вашингтоне, выйдя на политическую арену с пистолетами и охотничьими ножами и вступив там в смертельный конфликт, разве они не были двумя представителями Запада? Итак, что же доказывают эти события? Конечно, не все вестерны кровожадны, ибо многие из них - самые добрые, тихие и дружелюбные люди, которых я когда-либо встречал; но, если рассматривать их в связи со свободным использованием охотничьего ножа, они представляют собой убедительное доказательство общего и необычайного безрассудства человеческой жизни; и, конечно, здравый смысл и опыт подтвердили бы утверждение, что приучение людей к кровавым спорам или несчастным случаям со смертельным исходом имеет тенденцию ожесточать как актеров, так и зрителей до полного безразличия. И что такое все западное речное судоходство, как не ежедневная — я бы даже сказал, постоянная — сцена несчастных случаев и гибели людей, вызывающая те самые чувства, которые долг каждого правительства использовать все возможные средства, чтобы смягчить и очеловечить?

Бессердечная апатия, с которой все классы общества, за редкими индивидуальными исключениями, говорят об этих событиях, вызывает отвращение у постороннего человека и является наглядным доказательством пагубного морального эффекта ознакомления людей с подобными ужасами. Охотничий нож, револьвер и несчастные случаи на реке взаимно действуют и реагируют друг на друга, и разумно ожидать никакого морального улучшения до тех пор, пока не произойдут какие-то значительные изменения. Правительство может вмешиваться в несчастные случаи; — смертоносное оружие в определенной степени все еще необходимо для самозащиты. Итак, давайте надеяться, что в скором времени будет сделано что-то для предотвращения катастроф, несущих в себе так много зла для общества и так сильно отражающихся на Соединенных Штатах как нация.^[S] Разорвавшись по касательной, подобно бумерангу, мне лучше, подобно тому же оружию, вернуться туда, откуда я начал, — выражаясь военным языком, "как вы были".

СНОСКИ:

[P]

На Миссисипи шнур содержит одно определенное количество, представляющее собой связку в 1 фут высотой, 4 фута шириной и 8 футов длиной, и его размер не меняется таким абсурдным образом, как в различных частях Англии: уплачиваемая цена составляет от восьми до тринадцати шиллингов и увеличивается по мере спуска по реке.

[Q]

Комитет Соединенных Штатов подсчитал, что в 1846 году потери на Миссисипи составили 500 000 фунтов.; и поскольку торговля чрезвычайно возросла, в то время как меры предосторожности оставались практически неизменными, я думаю, можно справедливо

подсчитать, что ежегодные потери на сегодняшний день составляют по меньшей мере 750 000 фунтов.

[R]

Посмотрите главу о "Водных магистралях".

[Ы]

С момента написания вышеизложенного появились некоторые более строгие правила в отношении осмотра, аналогичные тем, которые предлагаются в тексте; но они ничего не содержат в отношении нагрузки, рулевого управления и т.д. Фактически, это общие законы, имеющие особое отношение к западным водам.

ГЛАВА XI.

Новый Орлеан.

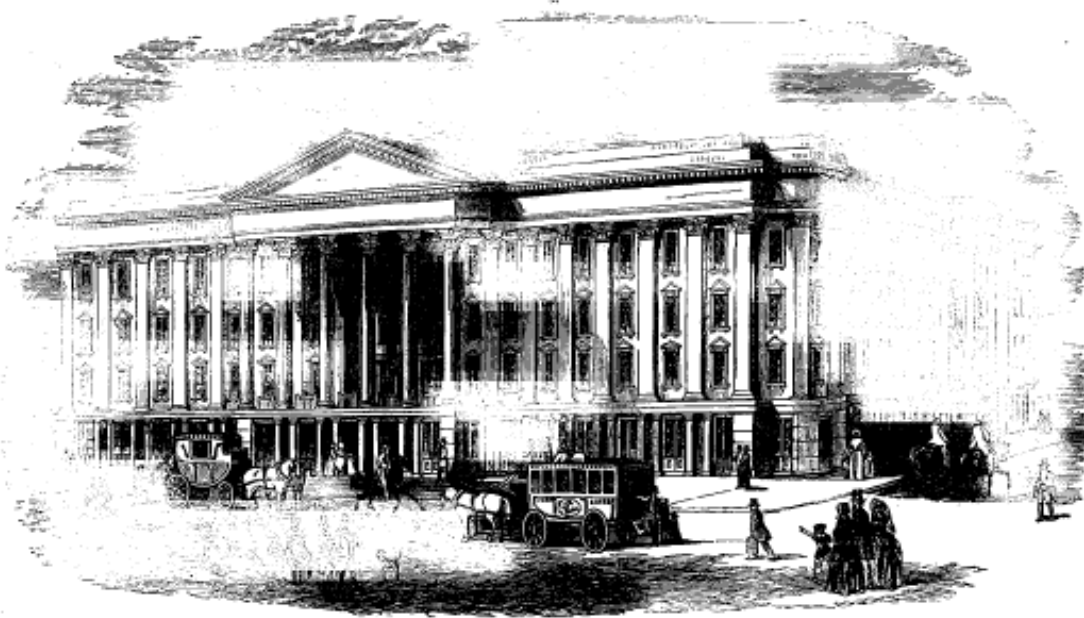
Новый Орлеан - удивительное свидетельство того, на что способны люди, воодушевленные надеждами на постоянно растущий поток всемогущих долларов и центов. Он расположен на болоте и ограничен рекой с одной стороны, а с другой - продолжением болота, на котором он построен, за которым простирается лесное болото. Вся канализация и дренаж поверхностны — чаще всего засыпаны, но в очень многих местах их вялый поток течет при ярком дневном свете по краям пешеходной дорожки. Главный бизнес, конечно, происходит на тех улицах, что огибают реку; и в это время года — в декабре, — когда хлопковая и сахарная мания в самом разгаре, суэта и активность здесь просто изумительны. Улицы во всех направлениях завалены кипами хлопка, которые достигают крыш; склады ломятся от тюков; паровые и гидравлические прессы шипят вам в ухо на каждом десятом шаге, и под их воздействием пушистое волокно прессуется в вещество, твердое, как абердинский гранит, которое полуобнаженные негры вяжут, скатывают и раскатывают во всех направлениях, благодаря чему они постоянно находятся в самоподдерживающихся животных паровых банях. Гигантские мулы прибывают непрерывно, волоча свежий груз для переноски; в то время как другие так же непрерывно отбывают, неся груз для отправки в Европу. Если бы пару хлопчатобумажных носков можно было озвучить, какую историю горя и труда открыла бы их история, от негра, который выбирал со вздохом, до девушки, которая надевала с улыбкой.

Некоторое представление о масштабах этой отрасли торговли можно составить на основании статистического факта, что в прошлом году экспорт составил 1 435 815 тюков^[1] — или, в круглых цифрах, полтора миллиона, что на полмиллиона больше, чем за предыдущие двенадцать месяцев. Табак также является важной статьёй экспорта, и в прошлом году его объем составил

94 000 бочек, что на две трети больше, чем за предыдущие двенадцать месяцев. Основными продуктами питания по соседству являются сахар и патока. В хорошие годы на тысячу фунтов сахара уходит пятьдесят галлонов патоки; но когда созреванию тростника препятствуют поздние дожди, как это было в прошлом году, на тысячу фунтов сахара уходит семьдесят галлонов. Таким образом, в 1853 году было произведено 10 500 000 галлонов патоки, что составляет 210 000 000 фунтов сахара; в то время как в 1854 году было произведено 18 300 000 галлонов патоки, что почти вдвое превышает производство предыдущего года, но составляет всего 261 500 000 фунтов сахара, — из-за, как объяснялось ранее, влажной погоды. Некоторое общее представление о коммерческой деятельности Нового Орлеана можно составить из следующих статистических данных за 1853 год: -2266 судов водоизмещением 911 000 тонн вошли в Новый Орлеан; и 2202 судна водоизмещением 930 000 тонн прошли таможенную очистку.

Теперь, конечно, большая часть — или я мог бы почти сказать вся — экспортируемых товаров достигает Нового Орлеана по Миссисипи, и поэтому оправдывается утверждение, что безопасное судоходство по этой реке является в полном смысле этого слова национальным, а не местным интересом, поскольку она несет на себе значительную часть промышленной продукции одиннадцати различных штатов Союза.

Совершенно поразительно видеть легионы пароходов из верхней части страны, которые собрались здесь; на многие мили дамба образует одну сплошную линию, все они лежат носом к берегу — нет места для бортовых залпов. По прибытии, заваленный товарами высотой в гору, едва нос корабля касается дамбы, как толпы ирландцев и негров устремляются вниз, и огромная груда высаживается, а затем крепкие мулы тащат ее к месту назначения. Едва судно очищается, как те же самые отважные сыны тяжелого труда возводят на борту еще одну огромную сваю; звенит колокол, пассажиры бегут, а судно оказывается лицом к лицу с течением и опасностями корявой Миссисипи. Работа по погрузке и разгрузке пароходов, как вы можете себе представить, очень тяжелая, и выполняется по большей части неграми и ирландцами. Средняя заработная плата составляет от 7фунтов до 8фунтов в месяц; но во времена сильного давления из-за внезапного спроса и т. д. Она возрастает до. от 12фунтов до 14фунтов в месяц, как это было незадолго до моего приезда. Такая же заработная плата выплачивается тем, кто садится на пароходы для погрузки и разгрузки на разных станциях на реке. Каждый день - рабочий; и поскольку, по закону, раб имеет воскресенье в своем распоряжении, чтобы заработать как можно больше, предполагается, что хозяин, который нанимает его на реке, должен отдавать ему одну седьмую заработка; но я полагаю, что они получают только одну седьмую от обычной заработной платы -т.е., 1лигр. в месяц.

ОТЕЛЬ NEW ST. ЧАРЛЬЗ, НОВЫЙ ОРЛЕАН.

Теперь перейдем от судоходства к городу. В старой, или французской, части улицы обычно очень узкие; но в американском квартале, или квартале Лафайет, они очень широкие и, то ли от лени, то ли по какой-то другой причине, плохо вымощены и еще хуже убираются; тем не менее, если улицы грязные, то дома имеют то преимущество, что в них много воздуха. Здесь нет никаких сколько-нибудь значимых зданий, кроме новой таможни и, конечно же, гостиниц. Отель "Сент-Луис" в настоящее время самый большой; но отель "Сент-Чарльз", который перестраивается, был и снова будет гордостью Нового Орлеана.^[1] Оба заведения огромные, хорошо обустроенные и, учитывая склонность людей к локомотивам, наверняка будут заполнены в зимние месяцы, в этот период открыты только они. Когда я приехал в отель "Сент-Луис", он был так переполнен, что единственная комната, которую я смог найти, была похожа на большую конуру ньюфаундленда, только с небольшим количеством света и воздуха. Отель изначально был построен для обмена, и ротонда в центре является одним из лучших образцов архитектуры в Штатах. Это высокий сводчатый зал, восемьдесят футов в диаметре, с проходящим по всей окружности проходом, поддерживаемый рядом изящных колонн высотой пятьдесят футов; купол возвышается почти на столько же футов и имеет большое световое окно в центре; его стороны украшены хорошо выполненными работами в *светотени*, представляющими различные успешные действия, достигнутые во время борьбы за независимость, и нескольких ведущих людей, которые фигурировали в тот богатый событиями период. Значительную часть прохода занимает исключительно важный бар, где напитки текут так же свободно, как река снаружи; но в проходах есть еще одна особенность, которая странно контрастирует с живописными украшениями вокруг купола наверху — виден ряд платформ, на которых человеческая плоть и кровь выставляются на публичный аукцион, и поборники равных прав человека, таким образом, вынуждены как бы одобрять продажу своих собратьев.

Я пробыл в отеле всего один день, когда джентльмен, к которому у меня было письмо, любезно предложил мне комнату в своем доме. Предложение было слишком заманчивым, поэтому я без промедления покинул свою конуру и в своем новом жилище нашел все удобства и радушный прием, ставший более приемлемым благодаря приятному обществу, которое там было, и

нежному уходу, который я получал от одной из молодых леди в течение недели, когда я был прикован к дому из-за болезни. Среди всех добрых и гостеприимных друзей, с которыми я встречался в своих путешествиях, ни один не имеет большего права на мои благодарные воспоминания, чем мистер Эджертон и его семья. Когда у меня появилась возможность выбраться, я прокатился со своим хозяином: как вы можете легко себе представить, на болоте, ограниченном лесным болотом, не так уж много пейзажей, но эффект очень любопытный; все деревья покрыты испанским мхом, длинным, темным, волокнистым веществом, которое изящно свисает с каждой ветки; его часто используют для набивки кроватей, подушек и т. Д. Эта самая торжественная драпировка придавала лесу вид легиона безмолвных плакальщиц, присутствующих на похоронах какого-нибудь любимого патриарха, и невольно начинало восхищать терпение, с которым они стояли, ступая ногами по мокрой земле, кивая головами взад и вперед, словно обезумев от горя, а их волокнистые сорняки трепетали, словно сотрясаемые интенсивной агонией. Открытое пространство вокруг представляет собой нечто вроде болота для выздоравливающих; то есть по всему нему проложены каналы и глубокие канавы для стока воды, и в них стекают болотные воды в знак благодарности за деликатное внимание; в то же время прилегающая почва, освобожденная от своего жидкого налета, наслаждается привлекательными лучами солнца и уже поднялась с двух с половиной до трех с половиной футов над уровнем болота.

Край этого открытого пространства, наиболее удаленный от города, был надлежащим образом выделен как место расположения различных кладбищ. Мрачного леса достаточно, чтобы заразить человека синими дьяволами, а канав и стоков, в которые закачиваются городские коллекторы и т. Д., тащащие свое вялое и почти застойное течение под палящим летним солнцем, достаточно, чтобы подготовить большинство смертных к спокойному отдыху, к которому их жадно манят кипарисы и кенотафы. Открытое пространство, которое я описывал, - это "Гайд-парк" и "Роттен-Роу" в Новом Орлеане, и объезд по нему - одна из лучших дорог, по которым я когда-либо ездил; она называется "Шелл-роуд", потому что ее покрытие полностью состоит из мелких ракушек, которые вскоре соединяются и делают ее гладкой, как площадка для боулинга. Двести сорок рысаков — если они есть — приезжают сюда во второй половине дня и демонстрируют свой темп, и если вам не удастся найти кого-либо из этого первого рейса, во всяком случае, вы наверняка увидите несколько хороших команд, которые могут очень плотно поработать в течение трех минут. Обычай - вторая натура, а необходимость - автократ из автократов, которому должны подчиняться даже свободные и просвещенные люди; следствием этого является то, что жители Нового Орлеана ожидают поездки по Шелл-роуд с таким же интересом и удовлетворением, с каким наши столичные цацки относятся к Серпантину или Роу.

После того, как мы поехали, давайте теперь скажем несколько слов об обществе. Во-первых, вы не увидите таких великолепных домов, как в Нью-Йорке; но в то же время следует отметить, что жильцы здесь занимают все свои дома и наслаждаются ими, в то время как в Нью-Йорке, как я уже отмечал ранее, владельцы многих из лучших резиденций живут почти исключительно в их подвалах. Эту более социальную систему в Новом Орлеане я склонен приписывать в основном французским - или креольским — привычкам, которыми пропитано общество и к которым, как мне кажется, американцы естественным образом и к счастью привыкают. С другой стороны, соперничество, которое слишком часто портит сообщество, делающее деньги, нашло свое отражение и здесь. Если А. устраивает вечеринку стоимостью 200 фунтов, Б. попытается устроить вечеринку за 300 фунтов, и так далее. Эта ложная гордость — достаточно глупая в любом месте — более бросается в глаза в Новом Орлеане из-за того факта, что дома не

рассчитаны на подобные демонстрации, и когда они предпринимаются, это приводит к отсутствию мебели в спальнях и разрушению всего заведения. Я должен добавить, что они сравнительно редки, возможно, так же редки, как те вечеринки, которые иногда устраиваются в Лондоне за счет шестинедельного голодания, чтобы имя дарителя и знаменитостей, присутствовавших на празднике, могло стать достоянием всего мира в колонке модных изданий *Morning Post*. Всякий раз, когда они все—таки происходят, они неизменно сопровождаются некоторыми такими наблюдениями, как следующие: -

- Во сколько обошлась вчерашняя вечеринка у миссис Б.?

"Не менее 300 *литров*".

- Ну, я уверен, что у них нет средств, чтобы позволить себе такие экстравагантные расходы; и я полагаю, что все спальни наверху были убраны?

- О да! их было трое.

- Ну, я знаю этот дом, и, как вам угодно, если они освободили три спальни, я уверен, что они, должно быть, спали на диванах или столах. Я заявляю, что это хуже, чем глупо — это безнравственно иметь так много гордости" и т.д.

Если бы те, кто таким образом потворствовал своему тщеславию, услышали хотя бы половину замечаний, высказанных теми, кто подчеркивает свое гостеприимство, или теми, кто стремится получить приглашения, но не может, они бы быстро отказались от своей глупости; но деньги - это великая Сила, к ногам которой падают и поклоняются все народы земли; будь то коронеты, которые преклонились в храме Железнодорожного короля в Гайд-парке, которые могли позволить себе расходы; или свободные и просвещенные, которые воздают почести в храме миссис... в Новом Орлеане, хотя возможно, она не могла позволить себе такие расходы; ясно одно - там, где потрачены деньги, там соберутся массы. Общество в целом, однако, более трезво и общительно, многие семьи открывают свои дома один день в неделю для всех своих друзей. Кастовые различия быстро стираются: креолы обнаружили, что их смешанные браки постепенно привели к появлению расы столь же изнеженной, какой, по-видимому, являются бурбоны во Франции; поэтому сейчас они очень разумно ищут союзов с англосаксонской кровью, которая постепенно поглотит их полностью, и я ожидаю, что к 1900 году в Новом Орлеане будет мало говорящих на траншейном. Еще одним преимуществом креольского элемента является вкус, который он, по-видимому, придает французским винам. Насколько я могу судить, кларет, шампанское и сотерн, которые я пробовал здесь, были выше по качеству и более широко использовались, чем я когда-либо находил их в любом другом городе. Часы ужина варьируются от половины четвертого до половины шестого, и обычно здесь царит ненавязчивое гостеприимство.

Слуги здесь - дорогие предметы. В отелях вы встретите почти исключительно ирландцев, и их заработная плата варьируется от 2 *фунтов. 8s.* до 10 *фунтов* в месяц. В частных домах заработная плата женщин колеблется от 2 *фунтов. 8s.* до 4 *фунтов.*, а мужчин - от 6 *фунтов.* до 8 *фунтов.* в месяц. Жители, которым неудобно летом ехать на север, пересекают озеро и направляются к своим загородным виллам в Пассе Кристианн, довольно симпатичном местечке, гораздо более прохладном и тенистом, чем город, где они купаются и т.д. Небольшой пароход переправляет вас через реку за несколько часов; но конкуренция очень желательна,

потому что их стоимость втрое выше, чем у лодок на севере, а размещение по сравнению с этим оставляет желать лучшего.

Во время перехода на пароходе я подслушал разговор, который показал, как рано здесь усваиваются дикарские идеи. Двое парней, самому старшему около пятнадцати лет, приехали из Нового Орлеана пострелять уток. Оба они выглядели очень по-джентльменски и, очевидно, посещали какую-то школу. Их разговор, конечно, зашел о драке — когда это школьники встречались, чтобы это было не так? Наконец, младший парень сказал —

"Ну, и что вы думаете о Майке Мэлони?", "О! Майк очень хорош с кулаками, но я могу отшвырнуть его в драке".

Итак, что такое "драка"? Она состоит из царапанья, выворачивания наизнанку, пинка, вырывания волос и любых других зверств, за которые, я рад думать, мальчик в английской школе был бы хорошенько выпорот учителем и отправлен своими товарищами в Ковентри. И все же передо мной был самый приятный на вид юноша, какого только можно было пожелать, очевидно, сын состоятельных родителей, наслаждающийся этим диким и, как мы бы назвали это, трусливым достижением. Я просто упоминаю об этом, чтобы показать, как рано разум прививается к чувствам, которые, несомненно, помогают проложить путь к охотничьему ножу в более зрелые годы.

Театры в Новом Орлеане аккуратные и просторные. Наконец-то Лоле Монтес удалось произвести *фурор*. Я говорю "наконец-то", потому что, поскольку в ее актерской игре действительно нет ничего выше посредственности, поначалу она не получила особого поощрения, хотя и выбрала свою собственную карьеру в Баварии в качестве предмета для своего *дебюта*. Она с большим тактом ждала, пока не дойдет до тех сцен, в которых толпа торжествует над порядком; а затем, притворившись, что обнаружила заговор в скудных аплодисментах, которые ей раздавали, она остановилась посреди своего выступления и, ее глаза горели огнем, лицо сияло медью, а голос был диким от хорошо притворного негодования, она воскликнула: "Я стремлюсь сделать все возможное, чтобы понравиться компании; но если этот заговор продолжится, я должна удалиться!" Эффект был потрясающим. Последовал гром аплодисментов, и "Браво, Лолли!" разнеслось по театру, от негритянки на верхней галерее до восьмидесятилетнего старика в партере. Когда шум утих, как нельзя кстати последовали несколько язвительных выпадов в адрес кингкрафта и знати; крики удвоились; ее победа была полной. Когда пьеса закончилась, она вышла вперед, чтобы заверить труппу, что все сцены, которые она разыгрывала, были фактами, в которых она на самом деле играла ту же роль, что и в тот вечер. Громогласные возгласы "Давай, Лолли! ты - игрок, и ничего больше!" разносились по всему дому, когда она, поклонившись, удалилась. Она не появилась в роли "боуи, ударившего ножом полицейского в Берлине"; и, конечно, она опустила некоторые сцены, которые, как говорят, имели место во время бесед с королем и в которых ее поведение могло быть сочтено, строго говоря, не совсем корректным. После моего отъезда она приобрела еще большую известность, ударив суфлера ногами и наручниками и назвав владельца ресторана чертовым негодяем, чертовым лжецом и чертовым вором, за что была предана суду. С таким же успехом я могу упомянуть здесь, что в театре было много дам. Этот факт должен убедить каждого непредубежденного человека в том, насколько беспочвенны слухи о том, что американские леди засовывают ножки своих пианино в нижние юбки, чтобы их чувствительная деликатность не подверглась слишком грубому удару. Помимо театров, здесь есть еще и опера, музыка

которой, вокальная и инструментальная, очень второсортная. Тем не менее, я думаю, что это большая заслуга Нового Орлеана в том, что они вообще поддерживают кого-то, и я искренне желаю им больших успехов.

В городе много церквей всех конфессий. Однажды в воскресенье я пошел в пресвитерианскую церковь и был очень поражен, увидев, что все прихожане читают газеты. Усевшись на свою скамью, я нашел газету, лежащую рядом со мной, и, взяв ее в руки, обнаружил, что это была религиозная газета, полная анекдотов, переживаний и т.д., Которая была *предоставлена* прихожанам бесплатно. Там были гораздо более короткие молитвы, чем в Шотландии, больше чтения Библии, столько же пения, но в исполнении хора под аккомпанемент органа, а прихожане почти не присоединялись. Проповедь была примерно такой же, как обычно бывает в Шотландии, около часа, и написана импровизированно по записям. Проповедник был красноречив и обладал сильным голосом, которым он управлял так, что это пленило бы самого дикого горца. Речь, произнесенная им, была в помощь иностранным миссиям, и метод, который он избрал для решения этой проблемы, заключался, во—первых, в решительных нападках на монархические формы правления и влияние священнослужителей, с помощью которых он, казалось, проложил себе путь к их республиканским сердцам; и с этой позиции он, во-вторых, взялся за дело и щедро потчевал их тщеславие, восхваляя их национальные подвиги и величие, а также высшие совершенства их славной конституции; из чего он сделал вывод, в-третьих, что Всемогущий особенно доверил им великую работу евангелизации человечества. Эта речь звучала как политическое эссе способного энтузиаста и странным образом прозвучала для моих ушей из уст христианского священника, в обязанности которого, как меня всегда учили, входило скорее воспитание смирения, чем разжигание тщеславия. Следует предположить, что он хорошо знал свою паству и чувствовал, что идет самым верным путем к их долларам и центам.

Среди других диковинок в этом городе есть человек, известный как Золотой человек, из—за количества этого металла, которым он украшает жилет, пальцы и т. Д. Во время моего пребывания в Новом Орлеане он появился украшенным таким поразительным драгоценным камнем, что это вызвало следующее сообщение в прессе:

ЕЩЕ ОДИН ЗВОНОК.— "Золотой" индивид, который выставляет себя и любое количество золотых украшений воскресным утром поблизости от Веранды и Городских Отелей, вскоре появится с новым чудом, которым сможет удивить местных жителей. Можно было бы подумать, что у него уже было достаточно украшений, чтобы удовлетворить любого смертного; но он, оказывается, сделан не из того материала, из которого сделаны обычные люди, и он не мог успокоиться, пока на его пальцах не появилось еще одно кольцо. Новый *prodigy*, как и его предшественники, сделан из чистого золота. Он стоит 500 долларов и весит почти, если не совсем, фунт. Это маленькое сокровище предназначено для "мизинца" владельца. Это работа мистера Мелона, ювелира с Кэмп-стрит, и украшена она маленькими резными фигурками, выделяющимися ярким рельефом и очень маленького размера, но отчетливыми и выразительными. Правая внешняя поверхность изображает бегство Иосифа, Богородицы и младенца Иисуса в Египет. Иосиф, держащий пальмовую ветвь, идет впереди, Дева следует за ним, сидя на осле и держа Спасителя на коленях. На левом внешнем краю кольца изображен пророк Даниил, стоящий между двумя львами. У пророка нет синего зонтика под мышкой, который отличал бы его от львов. На лицевой стороне кольца изображено превосходное

распятие с подвешенными к нему тремя крестами, Спасителем и двумя разбойниками. Это кольцо, безусловно, любопытно.

Здесь сильный отряд полиции, и некоторые из их полномочий самодержавны: таким образом, человек, однажды совершивший преступление в качестве бродяги, может быть повторно заключен ими в тюрьму, если встретит на улице безработного. Теперь, поскольку невозможно ожидать, что люди, занимающиеся бизнесом, возьмут на себя труд выслеживать бродяг, что может быть более жестоким произволом, чем препятствовать им искать места для себя? И все же таков закон в этом демократическом городе.^[V] Один джентльмен рассказал мне о бродяге, который однажды пришел к нему с просьбой о работе, а когда тот отказался нанять его, стал умолять разрешить ему спрятаться в его магазине в течение дня, чтобы полиция не посадила его снова в тюрьму до того, как он сможет подняться на борт одного из пароходов, который отвезет его вверх по реке попытать счастья в другом месте. В то же время человек в хороших обстоятельствах, попадающий в затруднительное положение, как правило, может откупиться.

Власти по возвращении на Рождество, придя к выводу, что раздача подростками магазинов с крекерами на улицах была практикой, сопряженной с большими неудобствами и опасностью для тех, кто ехал верхом, отдали приказ прекратить ее. В некоторых местах приказ был выполнен, но в других молодежь бросила ему вызов. Вряд ли кто-нибудь поверит, что в стране, хвастающейся своим умом и гордящейся своим образованием, пресса должна поддерживать молодежь и порицать магистратов за их разумные приказы. Однако именно так обстояло дело в Новом Орлеане. Пресса ругала власти за вмешательство в невинные развлечения детей и выражала свое удовлетворение тем, что последние отстаивали свою независимость и успешно бросили вызов закону. Такое же недомыслие проявила пресса, осудив власти за прекращение шествий в годовщину битвы при Новом Орлеане — "церемонии, призванной пробудить мужество и патриотизм народа". Они, кажется, упускают из виду тот факт, что предположение о том, что им нужны подобные шествия для укрепления своего патриотизма, является отражением мужества их соотечественников, и что продолжение подобных публичных демонстраций на улицах свидетельствует скорее о гордости за прошлые деяния, чем об уверенности в их силах повторить их. Хотя подобные демонстрации можно легко простить или даже разумно поощрять в зарождающемся сообществе, борющемся за свободу, они являются детскими и недостойными в могущественной нации. Что может быть нелепее, чем грандиозные шествия в Шотландии в годовщину Бэннокберна или в Англии в годовщину Ватерлоо? Более того, с политической точки зрения не следует упускать из виду, что если такие демонстрации и оказывают какое-либо воздействие на общество, то это должно быть возрождение враждебных чувств по отношению к тем, с кем они наиболее тесно связаны узами крови, здравого смысла и — что не менее важно — центов. Я просто упоминаю эти тривиальные вещи, чтобы показать, какое пагубное воздействие оказывает демократический элемент на прессу.

Раньше дуэлей здесь было столько же, сколько тюков хлопка; в последнее время их количество значительно сократилось, одной из причин чего стало принятие штатом Луизиана закона, по которому любое лицо, участвующее в дуэли, немедленно лишается права голоса и не может занимать какую-либо государственную должность. Джон Буль может извлечь выгоду из этого намека.

Во время моего пребывания в Новом Орлеане меня очень позабавили замечания местных жителей по поводу антирабовладельческого митинга в Стаффорд-Хаусе, которыми тогда были полны газеты. Если бы бедная герцогиня и ее союзницы были исчадиями ада, вряд ли можно было бы выразить большее возмущение ее "самонадеянным вмешательством" и "притворным смирением". Ее "сестры, в самом деле! как будто она не была бы слишком горда, чтобы протянуть руку кому-нибудь из них" и т. Д. Тогда другой бы воскликнул: "Я хотел бы знать, по какому праву она смеет вмешиваться в наши дела и давать советы? Если она хочет творить добро, у нее достаточно возможностей заниматься благотворительностью в Лондоне. Пусть любой прочтет *"Таймс"*, а затем посетит здешнюю плантацию и скажет, не стали ли негры счастливее и обеспеченнее половины низших классов Англии" и т. Д. Если бы каждое оживление, вызванное добрыми намерениями герцогини и ее коллег и их безобидными формулировками в Америке, было ничтожным, и если бы все они были собраны вместе, памятник старому Хеопсу в Гизе отошел бы на второй план по сравнению с гигантской массой; короче говоря, никто, не знакомый с чувствительностью американского характера, не может составить представление о бурном негодовании, последовавшем за ознакомлением с работой этого небольшого конклава английских леди-филантропов. Миссис Джонс, Смит, Адамс и Браун могли бы провести свою встречу по одному и тому же вопросу, не вызвав особого ажиотажа; но когда был внесен аристократический элемент, это подействовало как искра в бочке с порохом. В качестве иллюстрации вызванного волнения я привожу выдержку из одной из их ежедневных газет под заголовком "Миссис Стоу в Великобритании":

Принципы свободного правления, разработанные здесь и с беспрецедентной быстротой продвигающие наш народ по пути к богатству и величию, всегда вызывали тревогу у монархов и аристократии, а у народа — радость и надежду. Конечно, целью первого было очернить нас всеми мыслимыми способами и сделать нас отвратительными в глазах мира. Со времен революции не было ничего, столь хорошо рассчитанного для достижения этой цели, как выставка, которую миссис Стоу устраивает в Англии. "Именно потому, что они испытывают глубокую и стойкую враждебность к этой стране и к республиканству в целом, аристократия не только Англии, но и всей Европы с такой жадностью ухватилась за *Томас* и приложила столько усилий, чтобы обеспечить триумфальное шествие для его автора по всем регионам, которые она решит посетить. Они рады видеть уроженку Соединенных Штатов — этой республики, которая научила, что народ может процветать без аристократии или монарха, — этой республики, примером процветания которой был постепенный подрыв тронов и рытье ямы привилегированным классам, — описывающую свою страну как худшую, самую

покинутый, самый отвратительный из когда-либо существовавших. Члены Королевской семьи глубоко вздыхают, а привилегии избавляются от своих страхов. Среди народов континента, особенно среди немцев, итальянцев и русских, есть тысячи людей, которые верят, что убийство здесь — всего лишь развлечение, что охотничий нож и пистолет используются при любой провокации, что на самом деле мы - нация убийц, без закона, без морали и без религии. Верить в эти вещи их учат их газеты, которые, издаваясь под присмотром правительства, не допускают в свои колонки никаких разведданных, кроме сообщений об убийствах, драках с применением ножей боуи и т. Д., Поступающих из Америки. Следовательно, только по ним Америка известна их читателям; и они очень старательно внушают им веру в то, что если Америка и является

страной убийц, то это потому, что у нее хватило глупости установить республиканскую форму правления. "Эти идеи очень распространены в Англии, даже там, где враждебность сильнее, чем на Континенте. Британской алчности мы обязаны рабством в этой стране. Британской ненависти мы обязаны поддержкой антирабовладельческой агитации сейчас. Гнусное лицемерие, которым было охарактеризовано все это дело, является не в последнюю очередь предосудительной его частью. Англичан рабство ни на грош не волнует. Если это так, то почему они поддерживают его в такой ужасающей форме в своей собственной стране? Где еще было настоящее милосердие, которое не зародилось бы дома? Все это произошло из-за глубоко укоренившейся враждебности к этой стране, пронизывающей все британское сознание".

Однако уязвленная чувствительность, проявленная в предыдущем абзаце, нашла некоторое утешение в статье, опубликованной в *The Times*. Они перечитывали его строки с нескрываемым восторгом, успокаивая себя каждой оживленной реакцией, которую он высказывал на собрании, и делая из всего этого вывод — хотя я никогда не мог понять, каким образом, — что они нашли в колонках этого журнала ярого сторонника рабства. Так был восстановлен мир в их возмущенных сердцах и, возможно, предотвращена война с дамами британской аристократии. Однако я совершенно уверен в двух фактах: первый заключается в том, что враждебные заявления, сделанные в Америке, ни в малейшей степени не ухудшат состояние здоровья ее светлости; и второй заключается в том, что встреча, проведенная в Стаффорд-Хаусе, никоим образом не улучшит состояние негра.

Здесь открыты два или три клуба, в один из которых в качестве посетителей допускаются незнакомцы, но тот, который считается "первым отбивным", не принимает незнакомцев, за исключением регулярного голосования; я полагаю, что одной из причин их неприязни к незнакомцам является их огромное количество и качество товара. Их представления об английском джентльмене, если они сформированы из массы англичан, которых они видят в этом городе, должны быть достаточно невелики: здесь преобладает часть "торговцев хлопком", многие из которых стремятся заявить о себе, выступая с размахом. Хотя, вероятно, более девяти из десяти никогда не "перебрасывали ногу" ни на что, кроме тюка хлопка, со времен невинных времен "лошадки-качалки" они пытаются произвести впечатление на Джонатана, последовательно поднимая воротнички рубашек и сообщая ему: "Когда я был в Англии, я привык сдавать экзамены унциями Dook's; первоклассный стиль, сэр, первоклассный — никаких "ats", все "unting-caps". Затем, проводя большим пальцем левой руки по одной стороне щеки, его пальцы параллельно спускались по противоположной щеке, с важным видом и выражением, свидетельствующим о большой близости, он снисходительно добавлял: "В конце концов, Дук был неплохим парнем: время от времени он угощал меня отличной травкой". С таким численным превосходством стиля Джона Булля вы не можете удивляться тому, что двери клубов не открываются свободно для "друзей Дука", или тому, что характер английского джентльмена недостаточно понятен.

Время бежит, нужно получить паспорт, а для этого его нужно *визировать* у испанского консула, поскольку моим пунктом назначения является Куба. Флибустьеры, похоже, напугали этого чиновника, нарушив его приличия. Испанец, как говорится, горд и вежлив — нынешний экземпляр не был ни тем, ни другим; возможно, причина заключалась в том, что я был англичанином и что английский консул *бесплатно* выполнил за него всю работу, когда

флибустьерские разборки вынудили его бежать. Доброта - это то, что испанцам как нации очень трудно простить. Однако я получил его подпись, которая была гораздо ценнее, чем его любезность; большинство его соотечественников поставили бы мне и то, и другое, но в данном случае хватило и одной. Чемоданы собраны — мое время пришло.

Прощай, Новый Орлеан! - прощай, добрый хозяин и дружелюбная семья, и тысяча благодарностей за счастливые дни, которые я провел под твоей крышей. Прощайте, все вы, гостеприимные друзья, не забывая моего достойного соотечественника, британского консула. Шипит океанский чайник, звенит колокольчик, друзья плачут, целуются и дымятся носовые платки, развевающиеся на ветру, друзья, которые прибывают слишком поздно, бросают на борт несколько прощальных подарков; один усатый парень с пышными усами поднимает прощальный *cadeau*— боже мой! он открывает его и обнаруживает бумажный пакет с леденцами на палочке; другой разворачивает драгоценную пачку жевательного табака. Поистине, крайности сходятся. "Чероки" отчаливает, и я на борту. Мы спускаемся вниз, сахарные плантации усеивают оба берега; сменяют друг друга прежние плоские унылые берега; корабли всех наций поднимаются и опускаются с помощью буксиров; два больших судна выглядят неприятно "неподвижными" — это Джон Буль и Джонатан, братья по несчастью, и оба на берегу.

"Я думаю, пилоты извлекут пользу из этой работы!" — говорит мой сосед. -

"Пилоты!" Я воскликнул: "Как это может быть? Я думаю, у них были все шансы потерять лицензию".

- А! сэр, мы здесь так дела не чиним; пилоты слишком "милые", сэр. Наведя справки, я обнаружил, что, поскольку крены постоянно менялись, было, как сказал мой друг, очень трудно "починить лоцманов" — факт, которым эти достойные люди всячески пользуются, чтобы вести наиболее прибыльную торговлю следующим образом. Лоцман подходит к буксиру и спрашивает: "Сколько вы берете за вывод корабля?" Цена понятна, о разделе добычи легко договориться. Лоцман уходит, подводит корабль к берегу, к самой свежей песчаной отмели, проклиная Миссисипи и все остальное на свете; буксир подходит очень кстати, заключена выгодная сделка; несчастный лоцман теряет 100фунтов, свою лоцманскую проводку с корабля, и утешает себя следующим вечером тем, что прикарманивает 500фунтов. у буксирщика в качестве своей доли добычи, а затем снова отправляется в путь на поиски другой жертвы. Как мне сообщили практичные люди, это обычная черта лоцманской проводки в этих водах, и так, по-видимому, будет продолжаться и впредь.

"Чероки" - одно из тех судов, которые принадлежат мистеру Лоу, о котором я не мог получить никакой информации, полагая, что он вырос как гриб к богатству и флибустьерской славе. Я полагаю, он также является хранителем трехсоттысячного склада оружия, заказанного Кошутом с целью "разгрома" России и Австрии и основания Венгерской Республики, если только случайно у него не хватило мозгов стать венгерским Луи Наполеоном; но другое судно мистера Лоу, названное "Кресент Сити", и кубинский "Блэк Дуглас", также известный как "Казначей Смит", возможно, более известны. Возможно, вы представляете себе этого последнего человеком, похожим на дикую гиену, с ярко-рыжими волосами, огненными глазами хорька и карманами, набитыми революционными документами в пользу недовольных кубинцев; но я могу сообщить вам из лучших источников, что это не так, поскольку в этом рейсе он был казначеем "Чероки". Он не выглядит ни диким, ни бешеным, это седовласый мужчина лет пятидесяти, с

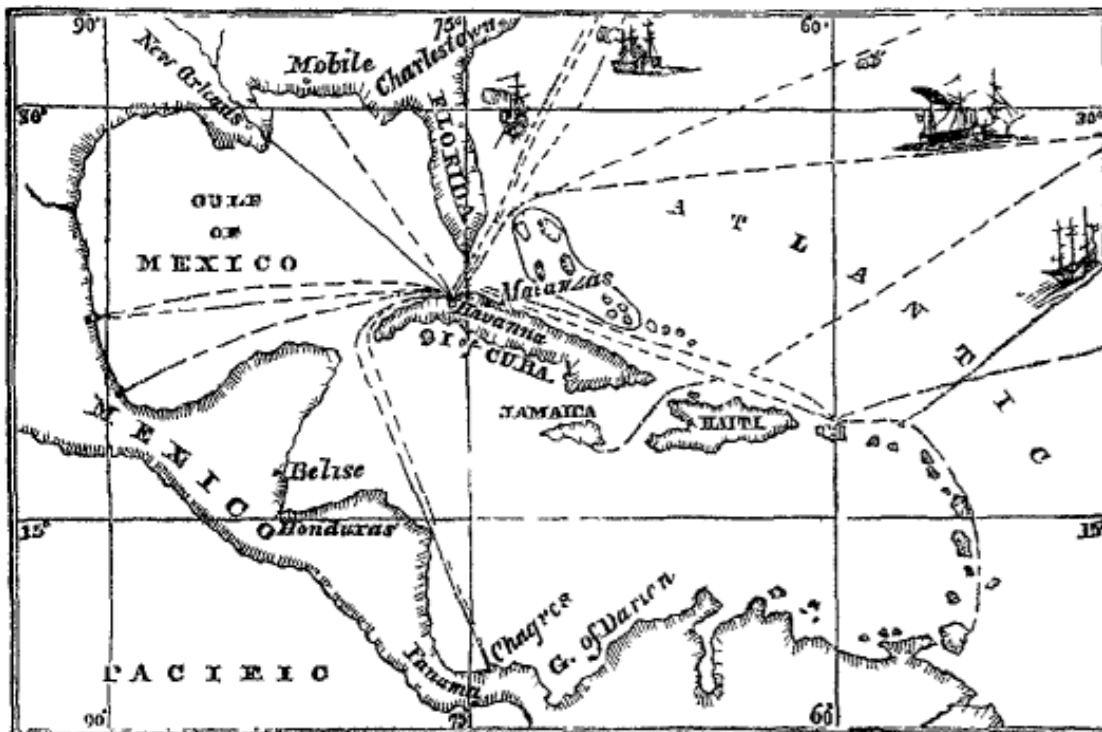
черточками израильтянина во внешности: у него могут быть флибустьерские пристрастия, а могут и нет - я не брал на себя смелость расспрашивать на эту тему. И здесь я не могу не отметить ребяческое поведение заинтересованных сторон в нелепом "вопросе Кресент-Сити и Кубы", хотя, придерживаясь своей точки зрения, испанцы, конечно, были совершенно правы, отстаивая ее. Было недостойно испанской нации обращать внимание на прибытие такого неважного человека, как казначей Смит; и это было неблагоразумно, поскольку делало его важной персоной и давало партии, с которой он, как предполагалось, был связан, повод для недовольства и, таким образом, увеличивало их силу. Столь же недостойно было мистера Лоу, когда было выдвинуто возражение и направлено уведомление о том, что ни мистер Смит, ни судно, на котором он находился, не будут допущены, настаивать на поведении, несносном для дружественной державы; и это было неблагоразумно, когда должно было быть очевидно, что он не может отстаивать свою точку зрения; тем самым в конечном итоге укрепив испанские власти. Когда мистер Лоу и его друзья подняли весь этот шум, они, казалось, забыли старую пословицу: "Люди, которые живут в стеклянных домах, не должны бросать камни". Президент Филмор в своих замечаниях государственного деятеля, когда перед ним встал этот вопрос, не мог удержаться от деликатного намека на Чарльстон, город в Америке. Американцы в Чарльстоне заявляют, что осуществляют право — какая проституция термина "право"! - заключать в тюрьму любого из свободных подданных другой нации, которые могут заходить в их порты, если они цветные. Таким образом, если капитан прибывает на корабле с двадцатью матросами, из которых десять чернокожих, у него немедленно отнимают половину команды на все время его пребывания в гавани; и под каким предлогом это делается? Инкриминируется ли им какое-либо предыдущее правонарушение? Вообще никакого. Единственное объяснение заключается в том, что это муниципальное постановление, которое их рабское население делает необходимым. Другими словами, это делается для того, чтобы не распространилась священная истина о том, что человек не имеет права заковывать своих ближних в оковы рабства.^[w]

Был ли когда-нибудь такой фарс, чтобы нация, которая терпимо относится к такому муниципальному регулированию, как это, обижалась на кого-либо из своих граждан, которым по сильным подозрениям в недружественных чувствах было отказано во входе в какой-либо порт? Ведь если бы в монархической Англии произошел чартистский бунт и ее порты были закрыты для моряков республиканской Америки, у них не могло бы быть справедливого повода для обиды, пока существует нынешний муниципальный закон Чарльстона. О каком законном хвастовстве свободой может идти речь там, где боятся контакта со свободными людьми, будь их кожа черной или любого цвета радуги? Почему Англия может предложить убежище беспокойным и несчастным из всех стран и климатов?—Потому что она совершенно свободна! Не сердись, мой дорогой англосаксонский брат; ты же знаешь: "если то, что я говорю, неправда, то в Варджини нет змей". Я уверен, вы сожалеете об этом; но тогда зачем вызывать замечания, поддерживая детское упрямство в деле "Кресент-Сити"? Однако, как говорят горничные, улаживая ссоры, "Оставим прошлое в прошлом". Испания отстояла свои права; вы удовлетворили ее, и тихий мистер Смит периодически приезжает в Гавану, не нарушая сна губернатора и не возбуждая надежд недовольных. Пусть мы никогда больше не увидим Великие Имперские государства в таком недостойном положении!

Мы все еще в "Чероки"; он рассчитан на несколько сотен пассажиров. Слава Богу! на борту всего около шестидесяти человек; но я не чувствую такой же благодарности за то, что они позволили мне заплатить двойную цену за каюту для себя, когда две трети из них пусты, не говоря уже о том, что разовый тариф составляет восемь гиней. Это обычная старая посудина;

каюты удобно оборудованы тремя кроватями в каждой, одна над другой; следствием этого является то, что если вы захотите чихнуть ночью, вам придется повернуться на бок, иначе вы разобьете нос о кровать над вами при небольшом толчке, который обычно сопровождает процесс выдавливания грудины. Кормежка на борту — худшая из всех, что я когда-либо видел, — жесткая, холодная и жирная, и все это неприятно сопровождается грязью.

Расставшись со своим попутчиком в Новом Орлеане, одной из моих первых попыток было, с помощью физиогномики, найти какого-нибудь пассажира, которому мне было бы удобно навязать свое общество. Бросив взгляд по сторонам, я вскоре наткнулся на светловолосого юношу с соответствующим выражением лица, свидетельствовавшим о доброте и уме; и когда при дальнейшем рассмотрении я увидел самое несомненное и приятное свидетельство того, что его личность и одежда были в самых успешных и близких отношениях с мылом и водой, я без промедления набросился на него и вскоре выяснил, что это был немецкий джентльмен, путешествующий со своим шурином, и они оба приняли *инкогнито*, желая избежать того любопытного наблюдения, которое, если бы было известно их истинное положение в жизни, привело к тому, что они оба были немцами. , они бы совершенно неизбежно подверглись. Читатель, не будь слишком любопытен, ибо я не могу приподнять вуаль, под которой они предпочли путешествовать; достаточно знать, что их общество во многом добавило мне удовольствия как во время перелета, так и в "Гаване". Управление судном настолько искусно организовано, что вы прибываете в устье гавани сразу после захода солнца, и, следовательно, вам предоставляется привилегия ждать снаружи всю ночь, поскольку ни одному судну, кроме военных, не разрешается входить в гавань между заходом солнца и рассветом. Надежды на завтрашний день были нашим единственным утешением, пока на рассвете мы не прошли через узкий вход, окруженный батареями, и не бросили якорь в Гаванской гавани, не имеющей выхода к морю.

СНОСКИ:

[T]

Это было написано в январе 1853 года.—Тюк можно приблизительно оценить в 450 фунтов.

[U]

Этот отель уже давно открылся заново.

[V]

Все крупные города Америки обязательно должны быть демократическими.

[W]

С тех пор я слышал, что власти Чарльстона разрешают капитанам судов держать на борту свою цветную команду под страхом крупного штрафа в случае высадки.

ГЛАВА XII.

Королева Антильских островов.

Утро было чудесное, на небе ни облачка; гавань была гладкой, как зеркало, и яркой от лучей солнца, достигшего той высоты, на которой — в тропическом климате — оно позолачивает и радует пейзаж, не обжигая зрителя; набережная была заставлена загружающимися и разгружающимися судами; маленькие лодчонки сновали во всех направлениях; вокруг было весело и свежо, но грязный пароход все еще был подо мной. Я, не теряя времени, подозвал лодку к борту; затем, отряхнув пыль с ног, вскоре уже плыл к берегу.

Как само собой разумеющееся, Таможня является местом высадки, и главным объектом поиска, по-видимому, являются бумаги флибустьеров или книги, защищающие это дело. Пройдя это испытание, вы совершаете свою первую поездку на национальном транспортном средстве острова, которому нравится название "Воланте", данное ему, я полагаю, с горьким сарказмом; "Тортуганте" было бы гораздо более уместно, поскольку скорость черепахи гораздо больше напоминает птичью. Я могу здесь также описать один из лучших, который, несмотря на его веселый внешний вид, я уверен, что один его вид разбил бы сердце "Гуманного Дика из Голуэя".

Расстояние от конца вала до оси колеса составляет пятнадцать футов, а поскольку диаметр колеса варьируется от шести до семи футов, оно, конечно, выходит на три фута за пределы оси.

Кузов представляет собой нечто вроде роскошного частного такси, кожа сзади подвижна, чтобы пропускать воздух, а спереди установлена шторка, соединяющая переднюю часть кабины и брызговик, для создания тени, если это необходимо; кузов подвешен на прочных кожаных пружинах, прикрепленных с одной стороны к оси, а с другой - к укрепляющей детали поперек оглобеля, на расстоянии семи с половиной футов от оси. Конец оглобли снабжен кольцами, с помощью которых она крепится к задней части лошади, голова которой обязательно выходит примерно на четыре фута вперед; таким образом, вы увидите, что от внешней шины колеса до носа лошади проходит по меньшей мере двадцать два фута и что на бедное маленькое животное приходится тяжесть повозки, лежащей на нем с помощью рычага длиной пятнадцать футов. Из-за их большой длины их чрезвычайно трудно поворачивать; "Томми Онслоу" врывался и выезжал со скоростью пятнадцать миль в час, когда бедный "Воланте" постоянно попадал в затруднительное положение — если бы лошади на Кубе пришли в движение, они сожгли бы их всех в следующую минуту. Следует, однако, признать, что на них чрезвычайно легко ездить, и они особенно подходят для страны с плохими дорогами, к тому же это самые веселые транспортные средства, какие только можно вообразить; коробки колес, концы оси, пружины вместо головки, перекаладина, удерживающая ноги подалеже от брызговика, ступеньки, точки крепления кареты и сбруи - все посеребрено и поддерживается ярким. На этом использование драгоценного металла не заканчивается; негры, которые ездят верхом на бедных лошадях, обуты в высокие сапоги с позолоченными пряжками и огромными шпорами, одинаково блестящими. У этих негров весьма комичный вид; они носят тубетейку или носовой платок под шляпой с золотой лентой; некоторые носят красную куртку с короткими фалдами, швы и передняя часть воротника которой покрыты ярко-желтой тканью, по которой разбросаны бесчисленные геральдические эмблемы вплоть до самых фалд, которые я вряд ли ожидал увидеть столь ярко украшенными, - возможно, именно из этого обычая мы заимствовали выражение "почетное место". Высокие сапоги, которые они носят, иногда очень плотно облегают ноги, и в этом случае бедному Самбо приходится закатывать штаны, пока они не принимают вид маленьких валиков, обвязанных вокруг колен, представляя собой самую нелепую карикатуру. У всех бедных маленьких лошадок свиные гривы, а их хвосты аккуратно заплетены по всей длине, а затем их кончик привязан к крупу, так что они находятся в таком же плачевном состоянии, как определенный класс британских овчарок. Вероятно, это древний обычай, происходящий от депутации мух, прислуживающих властям, и обязывающих себя договором оставить двуногих в покое, если они позволят им беспрепятственно мучить четвероногих.

Если владелец желает "произвести фурор", рядом запрягают другую лошадь, такой же серебристой масти, что-то вроде русского *Furieux*; а в сельской местности, где дороги на плантациях отвратительны и совершенно непроходимы для рессорной повозки, часто добавляют третью лошадь, причем фореитор всегда едет рядом, или слева от лошади. Кузов коляски имеет удобную подушку и обивку ярких веселых тонов, и, как правило, в качестве коврика используется потрепанный кусок ковролина. Такого кубинского *Volante*, в котором идалго и корасонситас с горящими блестящими глазами плавно перемещаются с места на место; и, поверьте мне, такое *Volante*, окруженное легко и весело одетыми феями, с приятной улыбкой на губах и языковой энциклопедией, сияющей из небесных шаров, привлекло бы внимание самого закоренелого старого холостяка, который когда-либо жил; более того, оно, возможно, породило бы глубокий покаянный вздох и множество добрых и разумных решений. Обычные *Volantes* - это вещи того же стиля, только не такие веселые, и обычный темп

составляет от трех до пяти с половиной миль в час, всегда отводя пять минут на поворот на углу каждой улицы. Если вам интересно знать, почему я так спешу описать Volante, как будто это главная достопримечательность Кубы, причина просто в том, что моим первым действием по приземлении было сесть в один из упомянутых транспортных средств и поехать в отель.

Лошади, как правило, очень аккуратные и компактные, размером примерно с очень маленькую английскую лошадку. Для верховой езды есть две породы — испанская, которая идет "дыбом" или иноходью, и американская, которая идет обычным шагом; широкие лбы, короткие головы и открытые ноздри свидетельствуют о хорошем воспитании. Плата как за лошадей, так и за Volante, если вы хотите уехать из города, как и за все остальное на Кубе, смехотворно непомерна. Один американец здесь неплохо зарабатывает на аренде лошадей и экипажей. За короткую вечернюю прогулку мы имели удовольствие заплатить ему тридцать пять шиллингов. Он говорит, что его лучшие клиенты - это банда здоровых молодых священников, которых он почти ежедневно вывозит в уединенную деревню, известную молодостью и красотой своего прекрасного пола, и которые кажутся очень послушными дочерьми Церкви, поскольку, как говорят, ценят добрые визиты этих замечательных молодых людей и их ревностные труды во имя любви.

С крыши отеля открывается очень хороший вид на город^[X]. Большинство домов имеют как плоские, так и наклонные крыши, причем последние покрыты вогнутой красной черепицей, скрепленной белой, что придает им странный веснушчатый вид; в то время как во многих случаях пыль и роса нанесли немного почвы, на которой самопроизвольно вырос кустарник; на плоских крышах обычно есть несколько маленьких башенок в форме урн вокруг зубчатой стены, между которыми натянуты бельевые веревки. Здесь в любое время суток можно увидеть эбонитовых дочерей Евы с круглыми головами, отполированными лицами и шеями, которые развешивают выстиранное белье, их большие рты украшены длинными сигарами, из которых они выпускают клубы дыма, как паровые машины.

Одним из первых зрелищ, которое я увидел, были похороны, но не та торжественная, внушительная церемония, которую это слово передает английскому уху. Стенки катафалка и верхняя часть гроба были сделаны из стекла; внутри лежала маленькая девочка шести-семи лет, одетая так, словно собиралась на свадьбу, и украшенная яркими цветами. Волантес последовал за ними, неся скорбящих — или радующихся; я не знаю, какой термин более правильный. Один или двое были одеты в черное, но в целом цвета были веселыми; некоторые спокойно курили сигары, что, надо надеяться, они и делали, чтобы пепел на конце дал им пищу для полезных размышлений. Говорят, что обычай - это вторая натура, и я полагаю, поэтому человек мог бы привыкнуть к этой системе, если бы был воспитан в соответствии с ней; но, увиденный впервые, он скорее рассчитан на возбуждение чувства любопытства, чем торжественности. Несомненно, сердце какого-нибудь любящего родителя обливалось кровью, и слезы, которые может пролить только мать, лились рекой, несмотря на веселый свадебный вид всей церемонии.

Вернувшись в отель, я обнаружил, что пресса — если рабский инструмент правительства можно справедливо обозначить таким термином — полна замечаний в адрес нового британского министерства^[Y], многие из которых были достаточно забавными; они демонстрировали определенное знание политических партий в Англии и добродушно смеялись над объединением в одну кучу всех этих политических партий. такие палочки с разными

приправами. Даже имя секретаря Адмиралтейства было удостоено ими уведомления, в котором они с презрением смотрели на него как на дикого демократа. Они критиковали хвост великого Пила за то, что он перешел в полном составе в лагерь врага и встал во главе войск; но что их больше всего озадачивало, так это то, как *загорелый фамусос акеллоса Грея из "За непотизма"* не входил в состав министерства. Признаюсь, они были не более меня озадачены объяснением этой таинственной комбинации; единственным решением, которое пришло мне в голову, было предположение, что власть оказывает на общественных деятелей такое же влияние, какое леденцы оказывают на молодежь, и что и те, и другие готовы многим пожертвовать, чтобы завладеть этим лакомым кусочком. Однако, поскольку мы живем в век чудес, мы все еще можем увидеть даже веревку из песка, грязи и стальных опилок, скрепленную вместе. -Простите за это отступление и давайте вернемся к Кубе.

Кубинцы обычно ужинают около половины четвертого; после обеда одни отправляются на *Пасео* в своих *Volantes*, другие отдыхают на набережной или собираются вокруг военного оркестра перед дворцом генерал-губернатора. Посмотрите на этого человека со смуглым лицом, темными волосами и яркими глазами — он сидит на каменной скамье и слушает музыку; перед ним открыт пузырек, набитый табаком, в руке у него маленький листок тонкой бумаги; он быстро, как мысль, делает сигарету, и табак возвращается в его карман. Теперь он поднимается и идет в сторону человека, который курит; когда он поднимает правую руку, которой держит сигарету, почти вровень с его подбородком, изящно выбрасывая руку вперед, сопровождает акт с простым словом *пользу*; приняв его свет, одно и то же действие повторяется, сопровождается вежливым наклоном головы, как слабо выраженным *Грасиас* ускользает от его губ. В этом мужчине вы имеете представление об очень существенной части мужского населения. Читатель, тебе бесполезно пытаться подражать ему; вся сцена характерна для испанца, в каждом его действии, движении и выражении лица. Старый Бегемот в Зоологическом музее с таким же успехом мог бы соперничать с грацией Тальони.

По окончании прогулки многие проводят вечера за бильярдом, домино и т. Д., Время от времени заглядывая в какое-нибудь *кафе*, чтобы съесть мороженое или пососать сладости, и там любой пустяковый разговор или спор ведется с такой живостью, как языком, так и пальцами, что непосвященный начинает беспокоиться, опасаясь какой-нибудь серьезной ссоры. Другие, которые являются дамскими угодниками или придерживаются домашних привычек, либо расходятся по домам, либо встречаются в доме кого-нибудь из друзей, где все они сидят в гостиной на первом этаже, с широко открытыми окнами на улицу, от которой их отделяют только несколько перпендикулярных железных решеток. Кресла-качалки янки и плетеные стулья расставлены в ряд у этих окон лицом друг к другу, как шеренги часовых; там они болтают, курят сигары или сосут пальцы, в зависимости от своего пола и пристрастий. Иногда раздается веселый смех, но я не могу сказать, что он очень общий. Иногда они танцуют, что для них представляет собой медленные волнообразные движения, подходящие для мраморного пола и термометра на восемьдесят градусов. В маленькой деревушке по соседству я видел зал для негров — танец был точно таким же, представлял собой смесь кантри-танца и вальса; и я могу заверить вас, Самбо и его партнерша-негритянка показали себя превосходно: все они были хорошо одеты, выглядели очень весело и непринужденно и ни в коем случае не буйствовали.

Исходя из моих наблюдений за прекрасной обительницей "Воланте", вы не должны воображать, что это страна красоты — отнюдь нет: одна—единственная черта красоты присуща всем - красивые глаза: за этим исключением они редки; но есть несколько прелестных дочерей

Евы, от которых у мраморной статуи потекли бы слюнки. Старость здесь совсем не привлекательна, она приводит либо к гористому ожирению, либо к скелету, на котором бесчисленными морщинами свисает дряблая высохшая кожа. Но, по моим наблюдениям, так обычно бывает в странах с теплым климатом. Любому, кто желает проверить эти замечания, достаточно выйти на Пасео незадолго до захода солнца воскресным вечером, когда он наверняка встретит девять десятых населения и волантов в самых ярких нарядах. Погода во время моего приезда была очень сырой, и поэтому я несколько дней не мог выехать в страну; но когда прояснилось, я получил свой паспорт и отправился в путешествие вглубь страны.

"ЭЛЬ КАСЕРО", ПРИХОДСКОЙ РАЗНОСЧИК НА КУБЕ.

Железнодорожные вагоны построены по американскому образцу, *то есть* длинные вагоны, способные вместить около сорока или пятидесяти человек; но у них хватило здравого смысла установить вагоны первого, второго и третьего классов; и в конце каждого вагона первого класса есть перегородка, отделяющая восемь мест, так что любая компания, желающая уединиться, может легко занять их. Они едут очень быстро, но теряют много времени на остановках и целые часы на перекрестках. На одном из таких экипажей я отправился в Матансас, который очень красиво расположен в прекрасной бухте. Примерно в трех милях от города есть горный хребет, который называется Кумбре, с вершины которого открывается прекрасный вид на долину Юмури, названную так из-за реки с таким названием, и относительно которой существует легенда, что она знаменита истреблением индейцев испанцами; легенда, которая, тоже вероятно, основана на правде, если судить по варварству, затмившему блеск всех их западных завоеваний. Сейчас долина заросла сахарным тростником и окружена холмами и лесами; и *удачный исход*, если смотреть на него в быстро меняющихся лучах заходящего солнца, совершенно очарователен. Продолжая наш путь, мы пересекли долину, когда луна начала бросать свой сомнительный серебристый свет на тростниковые поля. Поднялся легкий ветерок, и их цветочные головки закачались взад-вперед, как развевающиеся перья, в то время как их длинные листья, ударяясь друг о друга, скорбным вздохом пронесли над долиной, как будто

Природа отдавала дань сострадания скованным сыновьям Адама, которые помогли ей родиться.

На Кубе часто встречаются с очень важной персоной, которую зовут *Эль Касеро* - другими словами, разносчик из приходского комиссариата. Он путешествует верхом, сидя между двумя огромными корзинами, и объезжает все коттеджи, собирая то, что они хотят продать, и продавая то, что они хотят купить, и каждому, кто обращается к нему по делу, он называет в ответ *Казерита*. Эта система разносчиков может быть очень примитивной, но она, несомненно, является большим удобством для сельского населения, особенно на острове, где так не хватает дорог и коммуникаций. Короче говоря, я считаю *Эль Касеро* представителем столь полезного и своеобразного класса общества, что оказал ему честь вырезкой из дерева, на которой он торгуется с негритянкой о птице, или *наоборот*, - как предпочтет читатель, — поскольку я не художник, я не берусь решить, какую идею он хотел передать.

В городе Матансас нет ничего достойного внимания, кроме видов на него и окрестности. Население составляет около двадцати пяти тысяч человек, и судоходство всегда помогает придать ему веселый вид. Моей главной целью при посещении этих мест было увидеть что-нибудь из сахарных плантаций острова; но поскольку они похожи друг на друга в существенных чертах, я просто опишу одну из лучших, которую я посетил, возвращаясь по своим следам в Гавану, и которая принадлежит одному из самых богатых людей острова. Подъезжая к нему, вы видите большой просторный дом — все окна и двери открыты, в другом здании гордо возвышается высокая труба, а вокруг - что-то вроде барака. Гостеприимный хозяин, похоже, рад возможности проявить доброту к незнакомым людям. Он бегло говорит по-английски, но, увы! дамы этого не делают, поэтому мы должны найти наш старый заржавленный испанский арсенал и выйти на поле боя со всей храбростью, на какую только способны. Доброта и доброжелательность сглаживают все трудности, и мы поражаемся тому, как хорошо уживаемся; короче говоря, если мы останемся здесь слишком надолго, то станем тщеславными и подумаем, что действительно умеем говорить по—испански, - мы должны пообедать, мы должны остаться, мы должны сделать дом своим, и я искренне рад, что это так. В доме царил полный уют, общество - полное очарование, и прием был столь же теплым, сколь и ненавязчивым. Мы — вы, должно быть, знаете, что нас было четверо — решительно еле держались на ногах, а кухня и погреб оказали нам действенную помощь. Владелец - пожилой человек, а его сын, много путешествовавший по Европе, управляет поместьями, состоящими из нескольких плантаций, на которых занято около тысячи двухсот рабов. Звук плети слышен редко, а негры все здоровы и выглядят счастливо; у некоторых из них есть средства выкупить свою свободу, но они предпочитают свою нынешнюю участь. Для них в поместье держат врача; их дома чистые и пристойные; для них, если они заболеют, есть просторная больница, а также большие ясли с тремя пожилыми женщинами, которым поручено присматривать днем за всеми детьми, слишком маленькими, чтобы работать: ночью они отправляются к своим семьям. Во всем поместье наказанию подвергся только один мужчина, и он был закован в цепи за то, что поджег одно из зданий своего хозяина, к чему его, как предполагалось, принудили, из-за того, что его хозяин отказался позволить ему забрать младенца домой к своей новой жене, пока его не отнимут от груди; его бывшая жена умерла в детской постели, и он хотел вырастить его в эрроурте и т. Д. Этого хозяин, нашедший для этого хорошую кормилицу, не допустил бы. Этот человек в целом имел очень хороший характер, и хозяин, чье *окружение* является убедительным свидетельством его доброго правления, воспользовался случаем моего визита, чтобы освободить его по моей просьбе, поскольку он уже четыре месяца проработал в цепях,

подобных тем, которые иногда носят осужденные; таким образом, три стороны были удовлетворены этим актом милосердия.

Хорошо известно, что существуют различные способы производства сахара; но поскольку метод, принятый на этой плантации, содержит все новейшие усовершенствования, я могу также вкратце описать процесс, свидетелем которого я был. Тростник, привезенный с поля, помещается между двумя тяжелыми катками, приводимыми в движение паром, и сок стекает в расположенный под ним желоб — раздавленный тростник уносят сушить для использования в качестве топлива, — откуда он поднимается с помощью так называемого "монте-джуса" в резервуар над "осветлителем", который представляет собой медный котел с железной рубашкой и паром между ними. Добавляют известь в нужной пропорции, достаточной для нейтрализации кислотности. При доведении до температуры кипения подачу пара прекращают, и жидкость остывает. Эта операция является одной из наиболее важных во всем процессе; из отстойника он пропускается через фильтр с использованием животного угля, который благодаря своим химическим свойствам очищает его; из фильтра он поступает в резервуар, откуда накачивается над конденсаторами, *то есть* трубками, числом около пятнадцати, расположенными горизонтально, одна над другой, и содержащими пар из вакуумных емкостей. Холодный сок, попадая на эти горячие трубки, конденсирует находящийся в них пар и в то же время испаряет воду, которая всегда является важным ингредиентом сока тростника; затем жидкость поступает в вакуумный поддон, который с одной стороны снабжен отверстием для отвода глаз, а с противоположной стороны - соответствующим отверстием для отвода глаз с лампой, с помощью которой можно наблюдать за процессом. Прокипев здесь в достаточной степени, он проходит вторую фильтрацию с использованием древесного угля животного происхождения, а затем возвращается во вторую вакуумную камеру, где его уваривают до гранулирования; затем он сливается в расположенные ниже нагреватели, откуда разливается в формы неправильной конической формы, в которых его оставляют остывать и сливать оставшуюся патоку; после охлаждения его отправляют в продувочное отделение. Дом, в котором происходили операции, которые мы описывали, был двести ярдов в длину, сорок ярдов в ширину и построен из цельного кедра и красного дерева.

В продувочном цехе все эти формы расположены в ряд конусом вниз, а желоба расположены ниже. Затем на сахар на широком конце рожка накладывается слой влажной глины глубиной около двух дюймов, который за счет постепенного просачивания густой жидкости удаляет оставшиеся примеси. По окончании этой операции рожки вынимают, а содержащийся в них сахар делят на три части, причем вершина рожка наименее чистая, середина несколько лучше, а основание наиболее чистое и выглядит очень белым. Затем эту последнюю порцию укладывают на прочные деревянные желоба площадью около шести-восьми квадратных футов. Там негры и негритянки разбивают его длинными шестами, вооруженными набалдашником из твердого дерева, растапывая своими изящными ножками до такой степени, что возникает вопрос, не являются ли щипцы для сахара бесполезным изобретением. Хорошо измельченный и растоптанный, он упаковывается в коробки и отправляется в путь; очень большая часть отправляется в Испанию. Две наименее чистые порции отправляются в Европу для очистки. Таков примерный набросок процесса производства сахара, каким я его видел. Все оборудование было английским, и владелец нанял группу английских инженеров, числом три человека, для наблюдения за работой. В наших бездорожных поездках по различным частям плантации мы убедились в преимуществе описанного выше Volante; и хотя были запряжены три

лошади, во многих местах у них было достаточно дел. Мы пробыли пару дней у наших добрых и гостеприимных друзей, а затем вернулись в Гавану.

Никакое перо не может передать ни малейшего представления о чудесной роскоши растительности, которая радуется глаз на каждом шагу. В листве каждого дерева и кустарника есть такое богатство цвета и сочность субстанции, которых я никогда раньше не встречал ни в одном из своих путешествий. Величественная пальма с гладким белым стеблем, сверкающим в солнечных лучах, как колонна из полированного серебра; колышущийся бамбук, растущий небольшими группами и покачивающийся на легком ветерке со всем изяществом гигантского страусиного пера; рощи манго с густой и темной листвой, бросающей вызов солнечным лучам; гуава, растущая у его подножия, как младенец из той же семьи; мамми — или *абрико де Сан-Доминго* — с его сочными зелеными плодами, свисающими гроздьями, и листвой, соперничающей по цвету с манго. манго; темный и пушистый тамаринд; светлый и грациозный индиго; медленно растущий аррорут с его пальмовыми и перистыми листьями, раскинувшимися подобно нежному валу вокруг его драгоценных плодов; бескрайние поля богатого сахарного тростника; акры сочных сосновых яблонь; рощи бананов и подорожника; леса кедра и красного дерева; цветы всех оттенков; сами джунгли, опутанные сетью ползучих вьюнков, — эти и тысячи других, названий которых, к счастью для читателя, я не знаю, постоянно встречаются в продаже. поражающий воображение своим изобилием и разнообразием, он прекрасно свидетельствует о богатстве почвы и мягкости климата.

Увы! этот прекрасный остров должен быть одновременно и самой драгоценной жемчужиной в короне Испании, и самым грязным пятном на ее гербе. Ее договоры нарушаются с большей жестокостью, чем пуническая вера, и здесь разыгрываются ужасы, от которых кровь Нерона застыла бы в жилах. Вы спрашиваете, как нарушаются договоры? Когда наши крейсера доставляют сюда рабов, Испания обязана по договору отдавать их в подмастерья на три года, чтобы научить их зарабатывать на жизнь, а затем освободить. Мой дорогой Джон Буль, вам будет жаль услышать, что, несмотря на активность нашей эскадрильи по борьбе с рабством, эта вероломная страна, обязанная своим национальным существованием океанам британских сокровищ и крови лучшей армии, которой когда-либо руководил великий Веллингтон, имеет беспрецедентную дерзость отправлять нас перевозчиками рабов на Кубу. Да, тысячи тех, кто, если бы честь и истина были найдены в правительстве Испании, были бы сейчас свободны, находятся здесь, чтобы можно было видеть, как они коротают свои жизни в унижительных и проклятых цепях рабства, являясь живым поношением Англии и черным памятником испанской веры. Да, Джон Буль, я повторяю этот факт: тысячи негров закованы здесь в безнадежные кандалы, которые были доставлены сюда под британским флагом. И чтобы не оставалось сомнений в своеволии, с которым кубинские власти пренебрегают своими торжественными обязательствами, общеизвестен факт, что в стране, где повсюду изобилуют паспорта и полиция, так что негр не может покинуть свой собственный дом, более сотни человек были высажены в прошлом, 1852 году, с одного судна в месте, расположенном всего в тридцати пяти милях от Гаваны, и за три дня прошли маршем через остров, чтобы — куда бы вы думали? — к какому-нибудь креолу или в поместье какого-нибудь нуждающегося чиновника? ничего подобного; но, словно для того, чтобы опозорить Испанию, на самой высокой ступени лестницы их провели в поместье королевы-матери. Если это не нечестие в высших кругах, то что же это такое? Работоторговля здесь пышно процветает при попустительстве властей; и что еще хуже, так это то, что богатство, накопленное этой нечестностью и национальным лжесвидетельством, слишком широко — и, я думаю, слишком справедливо — считается главной движущей силой

той коррупции у себя дома, благодаря которой Испания занимает первенство среди наций земли. Теперь я вкратце расскажу вам о жестокостях, которые здесь разыгрывались; и, хотя это старая история, я не думаю, что она широко известна.

Когда генерал О'Доннелл получил звание капитан-генерала Кубы, то я не могу решить, была ли его цель добиться почестей от Испании за подавление восстания, или же он был обманут; но было поднято воображаемое восстание, и по всему острову был разослан военный трибунал. Эти суды должны были получить всю информацию о восстании и, конечно, пороть негров до тех пор, пока они не сознаются. Неоперившиеся прапорщики приходили со своей охраной на плантацию, и, несмотря на заверения владельца, что среди негров нет чувства неподчинения, они принимались пороть направо и налево, пока в агонии бедный негр не говорил что-нибудь, что могло быть использовано для обвинения другого, которого, в свою очередь, пороли до тех пор, пока в агонии он не делал какого-нибудь заявления; и так продолжалось до тех пор, пока жаждущий крови молодой офицер не насытился. На одной плантации негритянский мальчик всегда воспитывался с одним из сыновей владельца и был, по сути, настоящим любимцем в семье. Один из таких военных трибуналов посетил плантацию и настоял на том, чтобы выпороть этого любимого раба до тех пор, пока он не сознается в том, чего никогда не знал. Напрасно его хозяин пытался убедить офицера в его совершенной невиновности; тот не захотел слушать, и бедняга был связан и получил семьсот ударов плетью, во время которых были записаны некоторые замечания, сделанные им в корчах агонии, и за то же самое его расстреляли в Матансасе. Сын хозяина, которому пришлось стать свидетелем этого варварства по отношению к постоянному спутнику его ранней юности, так и не оправился от потрясения и на следующий год умер безумным.

Улицы Матансаса кое-где были залиты негритянской кровью. Очевидец рассказал мне, что недалеко от деревни Гинес он видел, как негра пороли листом алоэ до тех пор, пока не обнажились обе тазовые кости; и нет никаких сомнений в том, что 1500 рабов умерли от ударов плетью. Возможно, вы будете удивлены, превосходнейший Джон Буль, когда я скажу вам, что жестокость не ограничивалась неграми, но распространялась даже на белых, которые требовали британской защиты. Один из них был прикован цепью к бревну под открытым небом на сто дней и сто ночей, несмотря на сильнейшие протесты со стороны британских властей, и в конце концов был освобожден, чтобы умереть через два дня в тюрьме. Несколько других были заключены в тюрьму и с ними жестоко обращались; и когда это царство террора, достойное даже Испании в ее самые кровавые дни, закончилось, и их дело было расследовано, они были полностью оправданы и им была присуждена компенсация. Это было в 1844 году. Некоторые из них с тех пор умерли от лечения, которому они тогда подвергались; и, если я правильно информирован, Испания — в целях поддержания своей репутации — не выплатила тем, кто выжил, ни фартинга из присужденной суммы. Можно было бы написать несколько томов о зверствах 1844 года, но вышесказанного достаточно для обсуждения этой отвратительной темы. Когда я вспоминаю многих дружелюбных и благородных испанцев, которых я встречал, национальное поведение Испании действительно становится загадкой. Но вернемся к нынешним временам.

Корабль Ее величества "Вестал", которым командовал энергичный молодой офицер, капитан К.Б. Гамильтон, был направлен на Кубу для борьбы с рабством и т. Д. Она долгое время наблюдала за несколькими подозрительными судами в гавани; но поскольку они не проявляли никаких признаков движения, она убрала паруса и начала красить и т. Д. День или два спустя,

когда рассвело, подозрительные суда исчезли из гавани. "Весталка" немедленно поскользнулась и, заставив паромную шлюпку отбуксировать ее наружу, начала погоню, и на следующий день удалось захватить четыре судна. Конечно, их привезли в Гавану, чтобы судить там Смешанным судом; трое, я полагаю, были осуждены, но четвертая, называемая "Эмилия Арроганте", - это та, на которую я хотел бы обратить ваше внимание, потому что она, хотя и была наиболее явно виновна, принадлежала к богатым людям острова и поэтому, конечно, находилась в сравнительной безопасности. Когда ее забрали, палуба для рабов, находившаяся на борту, была тщательно расставлена по своим местам, и каждая доска и балка были точно подогнаны, что было засвидетельствовано несколькими офицерами "Весталки"; и все же, поверите ли вы, когда ее передали местным властям, они либо сожгли, либо унесли с собой это единственное, но вполне достаточное доказательство, так что Суд не смог ее осудить.

Любопытно слышать, как открыто люди говорят о подкупе чиновников на острове и, как следствие, о бесконечной контрабанде, которая продолжается. Капитан торгового судна сказал мне, что некоторыми товарами, о которых я по понятным причинам не упоминаю, невозможно торговать иначе, как контрабандой; эта практика настолько повсеместна, что его цена занижается на пятьдесят процентов. Он упомянул случай, когда надлежащие пошлины составили 1200*фунтов*. Брокер пошел к чиновнику и получил ложную запись, по которой он заплатил только 400*фунтов*. пошлина, и эта услуга стоила ему дополнительных 400*фунтов*. взятка должностному лицу, что позволило сэкономить 400*фунтов*. После нескольких лет торговли на Кубе он заверил меня, что это необходимая практика мелких торговцев; никто на Кубе не занимает такого высокого положения, чтобы до него не доходила взятка, начиная с генерал-капитана, которому щедро платят за то, что он нарушил клятву своей страны разрешить высадку негров, вплоть до самого мелкого неоплачиваемого чиновника. Две трети опрошенных оправдываются: "Нам так плохо платят, что мы вынуждены брать взятки"; другая треть оправдывается: "Таков обычай острова". Испания раньше могла похвастаться превосходством в варварстве - теперь она достигла превосходства в коррупции чиновников; но должен наступить день, хотя он может быть еще далек, когда ее благородные сыны тяжелого труда разорвут оковы невежества, в которых они скованы, и спасут свою прекрасную страну от ничтожного положения, которое она занимает среди народов Европы, несмотря на многие великодушные и благородные сердца, которые даже сейчас, в ее унижении, краснеют перед нынешней действительностью и стремятся жить воспоминаниями о прошлом.

В гавани стояло несколько британских военных кораблей; и поскольку двум моим немецким друзьям не терпелось посмотреть на учения с большими пушками, я поднялся на борт вместе с этими джентльменами, чтобы понаблюдать за учениями, которыми они остались очень довольны. После того как все закончилось и команда корабля отправилась ужинать, они захотели выкурить сигару, так как запах трубки Джека достиг их обоняния. Велико было их изумление и бесконечно мое отвращение, когда мы прошли на камбуз, чтобы насладиться травкой, и обнаружили команду, курящую на противоположном борту. Удивительно думать, что, когда на флоте так много всего требует улучшения и внимания, власти на Уайтхолл-плейс тратят драгоценное время на разработку правил относительно курения для офицеров; и, вместо того, чтобы предоставить капитану каждого судна определять место для курения и возлагать на него ответственность, следует назвать место, в которое, не будет преувеличением сказать, едва ли один капитан из десяти додумается поместить своих офицеров, по очевидной причине, что дисциплина лучше сохраняется, если держать офицеров и матросов отдельно во время таких занятий, - и, более того, что посылать офицеров на такое судно — это не преувеличение. на

кухне курить излишне оскорбительно. Эти же приказы существовали тридцать лет назад; и, поскольку было хорошо известно, что на них никто не обращал внимания, за исключением какого-нибудь капитана-борца с курением, который использовал их как предлог, Адмиралтейство очень мудро отменило приказ, который, будучи практически повсеместно проигнорированным, имел тенденцию ослаблять вес и авторитет всех других приказов; и после слова "камбуз" они затем добавили "или любое другое место, которое назначит капитан". Однако по прошествии нескольких лет так мало было более важного для привлечения их внимания к военно-морским делам, что этот разумный приказ был отменен, а первоначальный возобновлен в полной силе и, конечно, с таким же плохим эффектом, поскольку только те капитаны, которые ненавидят курение — невидимое меньшинство — или те, кто ищет продвижения по службе от скрупулезного подчинения незначительным деталям — столь же невидимое меньшинство — действуют в соответствии с упомянутыми инструкциями. Тем не менее, курение в настоящее время считается настолько важным элементом ведения морской войны, что в печатном бланке, выдаваемом адмиралам для проверки кораблей, находящихся под их командованием, в отношении "Состояния и подготовки к бою" одним из первых вопросов является: "Выполняются ли приказы относительно курения?" Если я не сильно заблуждаюсь, когда адмирала Кольера назначили в эскадру Ла-Манша, он отправился в Адмиралтейство и сказал Первому лорду, что двадцать лет курил в своей каюте и что не может отказаться от этого удовольствия. Говорят, что Первый лорд рассмеялся и сделал разумное замечание: "Конечно, вы будете поступать, как вам нравится", тем самым продемонстрировав, на мой взгляд, свое справедливое понимание нелепости такого ребяческого постановления. Вот и все для безумия *возрождение*.

Говоря о курении, я также могу сказать несколько слов о производстве сигар. Во-первых, весь лучший табак растет на нижней оконечности острова, и поэтому его называют "*Вуэльта абахо*". В Англии распространилась идея, что невозможно делать сигары дома так же хорошо, как в "Гаване"; и причина в том, что табак изготавливается в Гаване во время первого замачивания и что при повторном замачивании в Англии он теряет свой насыщенный вкус и аромат. Это самая вопиющая ошибка, ибо в некоторых из лучших домов здесь вы найдете табак двух- и даже четырехлетней выдержки, который еще не переработан в сигары и, следовательно, для этой цели должен быть повторно смочен. Если это так, возможно, вы спросите, как получается, что сигары британского производства никогда не бывают такими вкусными, как гаванские? Для этого есть две очень веские причины — одна несомненная, другая вероятная. Вероятно, одна из них заключается в том, что лучшие производители Гаваны, бренд которых составляет их состояние, такие как *Sabaños y Carvajal*, будут ревниво присылать лучший табак из страны, чтобы, будучи вынужденными использовать табак более низкого качества, они не потеряли свое доброе имя; и другая причина заключается в том, что сигары значительно улучшают вкус во время морского путешествия. Этот факт признается здесь настолько полно, что многие торговцы платят пошлину в размере трех шиллингов с тысячи за погрузку своих сигар на некоторые из вест-индских пароходов, а затем провозят их в течение месяца или около того, что влечет за собой дополнительную плату за фрахт; и все они заявляют, что с избытком вознаграждены улучшением, произведенным таким образом в их сигарах. Тем не менее, многие пожилые кубинцы предпочитают курить сигары на той же неделе, когда они были изготовлены. В то же время, если бы какой-нибудь честный табачник в Англии решил повысить стандарт "небольшой прибыли и ее много", он мог бы производить сигары из очень хорошего гаванского табака по цене 50%. прибыль менее 16долларов за 100. Таким образом, пошлина — 3. 6д; табак

— 5*d.*; фрахт и сборы и т.д. - 6*d.*; составление - 1*d.* 6*d.*-абсолютная стоимость сигар - 10*d.* 6*d.* за 100; 50 процентов. прибыль на этом - 5*секунд.* 3*дня.*; итого - 15*секунд.* 9*дней.* За эту сумму можно было бы приобрести более качественный товар, чем обычно, по ценам, варьирующимся от 25*s.* до 30*s.*

Но 50 процентов. прибыль не удовлетворит британского табачника, когда он обнаружит, что Джон Булл готов отдать ему 100 процентов. Поэтому он производит сигары по указанным выше ценам, упаковывает их в старые коробки с какой-нибудь любимой маркой и продает как подлинные. Этим грабительским обвинением Джон Булл обязан высшей мудрости законодательного органа, который установил пошлину в размере 3. 6*d.* duty on the pound of unmanufactured tobacco, and a 9*s.* duty on manufactured; instead of fixing one duty for manufactured and unmanufactured, and making the difference thereof depend upon the quality— lowering the duty upon the tobacco used by the poor to 2*s.* 6*l.* и установить для всех лучших сортов единую ставку, скажите 6*секунд.* или 7*секунд.* Доходы, я полагаю, увеличились бы, а общественность получила бы лучшую защиту от мошенничества, жертвами которого они сейчас являются практически поголовно. Но вернемся в Гавану.

Цена, которую платят за изготовление сигар, варьируется от 8*s.* до 80*s.* за тысячу, в среднем около 15*s.* Из табака определенного качества изготавливают сигары, и время от времени их передают эксперту, который делит их на три отдельных сорта, разница заключается лишь в их марке. Затем происходит второе разделение, регулируемое цветом внешней обертки, с различием "светлый" или "коричневый". Итак, вы заметите, что три сорта табака, на которые обратили внимание в первую очередь, - это в точности один и тот же табак; но, зная, как публика обманывается внешним видом, цены на них очень разные. Таким образом, если взять марку *Cabaños y Carvajal Prensados*, его первые, или самые красивые, стоят 6*фунтов.* 8*s.* за 1000; вторые - 5*фунтов.* 12*фунтов.*; и его третьи - 5*фунтов.*; и все же реальной разницы в качестве не существует. Сигары, о которых я говорю, самого высокого качества и самой дорогой марки в Гаване. Теперь давайте посмотрим, сколько они стоят в табачной лавке в Лондоне: -32 доллара — 180*s.*; пошлина - 90*s.*; экспорт в Гаване - 3*s.*; фрахт и дополнительные расходы, скажем, 7*s.* - получается 230*s.* тысяча, или 23*s.* сотня за самые дорогие гаванские сигары лондонского размера. Но три четверти сигар, которые отправляются из Гаваны в Англию, стоят не более 3*фунтов.* 4*s.* за тысячу, что снизило бы их себестоимость для табачника до 16*фунтов.* 5*d.* Публика знает, сколько она платит, и может делать свои собственные выводы.

Существует еще один сорт сигар, известный в Англии как "Плантационные", здесь называемые "Вегерос". Они сделаны из самого дорогого табака, и все они производятся в стране островными дамами цвета соболя, которые, если верить слухам, не пользуются столами для работы; а поскольку в процессе скручивания необходимы обе руки, то то, что они скручивают, должно быть предоставлено воображению. Не годится быть слишком привередливым в этом мире. Повара трогают пальцами изысканные котлеты и продолжают макать пальцы в густой соус и обсасывать их, чтобы убедиться, как они готовятся, и все же пирующие наслаждаются пикантным блюдом ничуть не меньше; так курильщики наслаждаются вегеро, хотя о том, что такое рулет, скромность запрещает мне упоминать, — они не стесняются зажимать губами сочную "Регалию", хотя ее великолепная кончик доведен до совершенства бесконечным количеством переходов указательного пальца негра от ароматной травки к его собственному розовому языку. Мужчины не должны быть слишком милыми; но я думаю, что в приведенном выше описании можно найти справедливое возражение против курения дам.

Что касается населения Кубы, то власти, конечно, хотят подтвердить идею о том, что белые являются наиболее многочисленными. Спросив одного из этих чиновников, у которого были наилучшие способы узнать, он сказал мне, что там было 550 000 белых и 450 000 негров; но, продолжив свои расспросы в гораздо более надежном месте, я обнаружил, что там было 600 000 рабов, 200 000 свободных и только 500 000 белых, — таким образом, цветное население составляло восемь к пяти. Вооруженные силы острова насчитывают 20 000 человек, из которых 18 000 - пехота, 1000 - кавалерия и 1000 - артиллерия^[2]. Спрос на рабочую силу на острове настолько велик, что торговый дом заключил сделку по ввозу сюда 6000 китайцев. Спекулянт уже избавился от них по 24 *фунта* за голову; им предстоит служить пять лет и получать по четыре шиллинга в день, а обратно они вернутся сами. Стоимость их доставки рассчитывается из расчета 10 *фунтов* за голову, таким образом, остается 14 *фунтов*. выигрывает с каждого, который, умноженный на 6000, дает 84 000 *фунтов*. прибыль спекулянту, за исключением, конечно, потерь от смертей и несчастных случаев в пути. Здесь уже испытывали китайцев, и они оказались превосходно приспособленными ко всякому механическому труду, но немного уступали неграм на полях.

Я нахожу, что людей в "Гаване" обманывают не хуже Джона Булля. Сюда приехал китайский ботаник, и ему пришло в голову попробовать себя в качестве врача. Все сходили с ума, советуясь с ним; ни одна улица не была так многолюдна, как та, на которой он жил, начиная с Бернерс-стрит в день розыгрыша. Он раздобыл бочонок муки или какого-то другого безвредного порошка, упакованного в маленькие бумажные свертки, и, вооруженный таким образом, принимал своих пациентов. Войдя, он почувствовал пульсацию с нарастающей тишиной и серьезностью; наконец он сказал: "Великий огонь". Затем он положил руку на ганглиозный центр, откуда он распространился на окружающие части, а затем, глубоко задумавшись, нахмурился и заметил: "Живот сильно вздут; сильный ветер; боль по всему телу". Закончив таким образом осмотр, он вручил пациенту бумажку с безвредным порошком, положил в карман шестнадцать шиллингов и отпустил его. Эта сцена, без какого-либо разнообразия в наблюдении, обследовании, назначении лекарств или гонораре, продолжалась в течение двух месяцев, по истечении которых он снова отправился в Китай с 8000 *фунтов*.

Поскольку я полагаю, что в Англии сравнительно мало известно о действующих на Кубе законах в отношении места жительства, полиции, рабства и т.д., я посвящаю несколько страниц этой теме, которая в некоторых своих деталях достаточно забавна. Никому не разрешается высаживаться на остров без паспорта того места, откуда он прибыл, и *фиадора*, или поручителя, на острове, который обязуется предоставлять властям информацию о месте своего проживания в течение одного года; также он не может оставаться на острове более трех месяцев без "прописки по месту жительства". Цветные лица, прибывающие на любом судне, должны быть отправлены на правительственный депозит; если капитан предпочитает оставить их на борту, он может, но в этом случае он подлежит штрафу в размере 200 *фунтов*. если кто-либо из них высаживается на остров; после определенного часа вечером все сборища на улице прекращаются, и каждый обязан повсюду носить с собой фонарь; исключение составляют только иерархия и "шишки" — *отличительные знаки*. Все покупки, сделанные у рабов, детей или сомнительных лиц, совершаются на риск покупателя, который обязан не только возместить указанную цену, но и дополнительно подвергнуться крупному штрафу: плохого закона тоже нет. Любой мальчик в возрасте от десяти до шестнадцати лет, которого можно встретить на улице в качестве бродяги, может быть доставлен к президенту *Отделения промышленности Реального экономического общества*, который назначит его мастером того дела, которому он желает

научиться. Ни одно учебное заведение не может быть открыто без надлежащей лицензии преподавателя. Азартные игры запрещены ни в одном магазине или таверне, за исключением бильярдных и кофейен, где разрешены шашки и домино, шахматы и нарды. После определенного часа ночи никому не разрешается разъезжать в Volante с поднятой головой, если только не идет дождь или сиделка не является инвалидом; штраф составляет пятнадцать шиллингов. Ни одному частному лицу не разрешается давать бал или концерт без разрешения властей. Необычный Лондондерри Хаус, идущий в лондонское полицейское управление за разрешением на кадрили или концерт. Как приятно! Точно рассчитан удельный вес молока, и для смеси для перекачивания допускается лишь умеренный запас; в случае превышения этого запаса или обнаружения какой-либо фальсификации все молоко передается какому-либо благотворительному учреждению. Если бы в Лондоне существовал такой благотворный закон, на рынке продавались бы свиные мозги, и я не видел бы так много молочных ведер у источника во время своих ранних утренних прогулок к Серпантину.

Среди нормативных актов в области здравоохранения можно найти следующие. Ни одна частная больница или лазарет не должна открываться без государственной лицензии. Все владельцы гостиниц, кафе или столовых и т.д. обязаны содержать свои кухонные "батарейки" внутри хорошо консервированными под угрозой серьезного штрафа в размере *Злитров*. 10*фунтов*. за каждую посуду, которая может быть сочтена недостаточно консервированной, помимо любой дополнительной ответственности, которой они могут подвергнуться в случае несчастных случаев, возникших из-за небрежного обращения с ней. Каждый магазин обязан держать сосуд с водой у порога входной двери, чтобы избежать гидрофобии. Все дома, которые грозят обрушиться, должны быть отстроены заново, и если владелец не в состоянии нести расходы, он должен продать дом тому, кто может это понести. Другой пункт, после указания надлежащих мест для купания, предписывает ношение купальных штанов под страхом штрафа в размере пятнадцати шиллингов за каждое нарушение; конкретный покрой не уточняется. Пусть те, кто возражает против того, чтобы надевать фиговые листочки на маленьких херувимчиков и другие подобные произведения искусства в Хрустальном дворце, извлекут урок из вышесказанного и как можно скорее нарядят их всех в кубинские штаны; сцены обычно получаются интереснее, когда частично задействовано воображение. Мальчиков, как маленьких, так и больших, содержат в порядке с помощью штрафа в размере пятнадцати шиллингов за каждый брошенный ими камень, помимо полной оплаты всего причиненного ими ущерба. Никому не разрешается носить палку диаметром более одного дюйма под страхом штрафа в двенадцать шиллингов; но всем белым людям разрешается носить мечи при условии, что они носят их открыто и в ножнах.

Вышесказанного достаточно, чтобы дать читателю некоторое представление о запрете на боли и наказания, которым подвергается местный житель; в то же время, возможно, будет также полезно проинформировать его, что, за исключением тех законодательных актов, которые касаются шпионажа, им уделяется примерно столько же внимания, сколько законам в отношении ввоза рабов, относительно которых я сейчас приведу вам несколько правил.

Рабовладельцы обязаны давать своим рабам трехразовое питание, в состав которого должны входить одиннадцать унций мяса или соленой рыбы, четыре унции хлеба и мучнистые овощи, равные шести бананам; кроме того, они обязаны выдавать им два комплекта одежды — все указано — ежегодно. Увы! насколько уместна жаргонная фраза "Разве ты не хочешь, чтобы они тебе достались?" Испания так по-матерински заботится о своих рабах, что предписан сам

материал одежды для младенцев в возрасте до трех лет; другой материал - от трех до шести; затем следует предписание, что с шести до четырнадцати лет девочки должны носить рубашки, а мальчики бриджи. Я уверен, что эта сверх-родительская забота со стороны правительства должна быть признана в высшей степени трогательной. Согласно другому постановлению, рабочее время ограничено девятью-десятью часами ежедневно, за исключением сезона сбора урожая или сбора сахара, в течение которого продолжительность рабочего времени составляет восемнадцать часов в день. Ни один раб моложе шестнадцати или старше шестидесяти лет не может быть нанят на непосильную работу или в любом возрасте на работу, не соответствующую его силе и полу.

Старые рабы должны содержаться своим хозяином и не могут быть освобождены с целью избавиться от их поддержки. На плантации дома должны быть построены в сухом месте, с хорошей вентиляцией, с разделением полов и с обеспечением для них надлежащей больницы. Согласно другому закону, брак поощряется на моральных основаниях, и хозяин рабыни обязан выкупить жену, чтобы они оба могли жить под одной крышей; если он отказывается от этой чести, то владелец жены должен выкупить мужа; а если это не удастся, третья сторона должна выкупить обоих: если все эти усилия проваливаются, закон кажется неисполнимым, и их судьба остается на усмотрение Провидения. Если у жены есть дети в возрасте до трех лет, они должны быть проданы вместе с ней. Закон может обязать владельца продать любого раба, по отношению к которому он, как будет доказано, проявлял жестокость; если какая-либо сторона предложит ему требуемую цену, он может немедленно заключить сделку, но если они не согласятся, его стоимость должны оценить два арбитра, по одному выбирается каждой стороной, и если кто-либо из отказывается назначить арбитра, сотрудник закона действует *ex officio*. Любой раб, приносящий пятьдесят долларов (десять фунтов) в качестве части своего выкупа, хозяин обязан назначить за него цену, по которой может быть выкуплен; затем он становится *coartado*, и любые суммы, которые он может сэкономить, его хозяин обязан получить в виде частичной выплаты, и, если он будет продан, цена не должна превышать первоначально названную цену, после вычитания из нее суммы, которую он внес за свой выкуп. Каждый последующий покупатель должен выкупать его с соблюдением этих условий. Во всех спорах относительно первоначальной цены или завершения выкупа правительство назначает представителя закона от имени раба. Наказаниями для раба являются тюремное заключение, колодки и т. Д.; При использовании плети количество ударов ограничено двадцатью пятью.

Несколько правил, которые я процитировал, достаточно, чтобы показать, насколько тщательно закон ограждал раба от плохого обращения. Я полагаю, что законы ни в одной другой стране по отношению к рабам не являются столь милосердными, за исключением Перу; но, увы! хотя закон так же справедлив, как и внешняя сторона белой гробницы, практика так же грязна, как и ее внутренняя сторона; и никто никогда не может ожидать, что должно быть иначе, когда мы видим, что, следуя примеру королевы-матери, нарушавшей международные договоры и ввозившей рабов, каждое должностное лицо, от высшей государственной власти до самого мелкого таможенного чиновника, ежедневно демонстрирует свою честность на грязном рынке взяточничества.

Краткий обзор увеличения численности рабов может быть интересен, поскольку показывает, что обвинения, выдвинутые против кубинцев в том, что они лишь поддерживают численность рабов путем импорта, не совсем верны. В 1835 году был заключен договор с Испанией, возобновлявший отмену работорговли, на которую она согласилась в 1817 году словами,

опровергнутыми ее последующими делами. На этот последний момент численность рабов составляла 290 000 человек, и с тех пор она доказала ценность обещанной веры, введя более 100 000 рабов, что довело бы общее число до 390 000. Нынешнее население рабов, как я уже отмечал ранее, составляет 600 000 человек, что дает прирост рождаемости за почти двадцать лет в 210 000 человек. Если мы примем во внимание разрушительные последствия эпидемий и серьезные дополнительные трудозатраты, вызванные длительным сбором урожая сахара, мы можем справедливо заключить, что, поскольку увеличение рождаемости признается в качестве доказательства, обращение с рабами на Кубе выдержит сравнение с обращением с рабами в Соединенных Штатах, особенно если учесть, что увеличение рабовладельческой территории в последних сделало разведение рабов обычным делом.

Рост производства на Кубе вполне естественно можно приписать увеличению использования рабского труда и усовершенствованию машин; но есть и другая причина, которую очень часто упускают из виду, хотя я думаю, что не может быть сомнений в том, что она оказала наиболее сильное влияние на достижение этого результата: я имею в виду сравнительную монополию на торговлю сахаром, которую события последних лет передали в ее руки.

Когда Англия освободила 750 000 рабов с соседних островов, в действие вступил естественный закон реакции, и негр, который был вынужден много работать, теперь предпочел расслабиться, и все, что ему было нужно, - это все, что он хотел обеспечить: для этого было достаточно небольшого труда, и, следовательно, он, в свою очередь, стал почти хозяином. Черногокожее население, никоим образом не подготовленное к внезапным переменам, день ото дня становилось все более праздным и порочным, налоги на островах росли, а объем эмиссии, выпускаемой банками, сокращался в столь же устрашающей пропорции. Когда вскоре после эмансипации сахар, продукт рабского труда, был допущен в Англию на тех же условиях, что и продукция свободных островов, как естественное следствие, последние, которые могли распоряжаться рабочей силой только за высокую плату и в течение неопределенного времени, были совершенно неспособны конкурировать с дешевой рабочей силой и долгими часами работы на Кубе; почти все собственники в наших вест-индских колониях оказались в глубоком отчаянии, некоторые полностью разорились. Одно имущество, которое стоило 118 000 фунтов., настолько полностью потеряло свою ценность из-за этих изменений в законе, что его цена упала до 16 000 фунтов. В Демераре производство сахара упало со 104 000 000 фунтов. до 61 000 000 фунтов., а кофе - с 9 000 000 фунтов. до 91 000 фунтов., в то время как 1 500 000 фунтов. часть хлопка исчезла полностью.

Это не выдумки, это простые факты, подтвержденные во многих случаях губернаторами колоний; и я мог бы процитировать бесконечное количество подобных заявлений, каждое из которых имеет тенденцию доказывать быстрый рост праздности и пороков среди освобожденных рабов и столь же быстрое разорение несчастного владельца. Принципы, на которых мы основывались при отмене пошлин на сахар, для меня загадка, если только я не приму решение, столь унижительное для нации, "что человечность является второстепенным фактором по сравнению с С.д., и что справедливость не имеет значения". Если бы таковы не были принципы, на которых мы основывали законодательство, никогда не было бы более полного провала. Не удовлетворившись деморализацией раба и разорением владельца с помощью нашего поспешного и непродуманного плана освобождения, мы дали последнему

грязного пинка, когда он падал, лишив его той небольшой защиты, которую мы все предоставили в качестве залога нашей национальной веры в то, что он должен сохранить; и таким образом мы передали почти всю торговлю сахаром в Вест-Индии в руки Кубы, стимулируя ее энергию, увеличивая ее производство и скрепляя оковы раба самой прочной из всех заклепок — удвоенной стоимостью его труда.

Возможно, мой читатель скажет, что я придерживаюсь партийного и политического взгляда на этот вопрос. Я отвергаю это обвинение *полностью*: я не имею никакого отношения к политике: я просто констатирую факты, которые, по моему мнению, необходимо обнародовать, чтобы рост производства на Кубе не был приписан ошибочным причинам. Для этой цели было необходимо показать, что разорение, которое мы навлекли на свободные вест-индские колонии, является главной причиной растущего процветания их соперника-рабовладельца; в то же время, просто отметим, что основание многих американских домов на Кубе, несомненно, оказало некоторое влияние на коммерческую активность острова.

На предыдущих страницах я показал регресс в некоторых частях Вест-Индии после принятия Законов об эмансипации и пошлинах на сахар. Позвольте мне теперь вкратце взглянуть на развитие Кубы за тот же период.—Годовой объем производства —

До Эмансипации. 1852.

Сахар 300 000 000 фунтов. 620 000 000 фунтов.
Патока 125 000 000 " 220 000 000 "
Листовой табак 6 000 000 " 10 000 000 "
Кофе 30,000,000 " 19,000,000 "

Количество сахарных заводов за это время также увеличилось с восьмисот до более чем тысячи шестисот. Может ли кто-нибудь спокойно сравнить этот удивительный прогресс Кубы с не менее поразительным регрессом наших Антильских островов и не прийти к неотразимому выводу, что процветание одного тесно связано с бедствиями другого.

Указывая годовой объем производства табака, я должен отметить, что в 1852 году было экспортировано свыше 180 000 000 сигар и почти 2 000 000 коробок сигарет, независимо от ранее упомянутого табачного листа. Профессор Дж.Ф.У. Джонстон в своей любопытной и умелой работе, озаглавленной "*Химия обычной жизни*", называет табак "первым предметом в растительном царстве с точки зрения его полезности для человека", — боюсь, некоторые из моих друзей не одобряют это мнение, — и он далее утверждает, что 4 500 000 000 фунтов стерлингов. из них ежегодно рассеиваются по всей земле, что при цене в два пенса за фунт составило бы огромную сумму в 37 000 000 *фунтов*.

Если курение можно назвать популярным развлечением на острове, то бильярд и домино можно назвать популярными играми, а лотерею - популярным развлечением. Как правило, ежегодно проводится пятнадцать обычных лотерей и две экстраординарные. Обычные состоят из 32 000 *фунтов*. оплаченных и 24 000 *фунтов*. из них в качестве призов. Всего разыграно 238 призов, самый высокий - 600 *фунтов*., а самый низкий - 40 *фунтов*. Внеочередные выплаты составляют 54 400 *фунтов*. оплачено, из них 40 800 *фунтов*. разыгрываются в качестве призов. Всего разыгрывается 206 призов, самый высокий из которых составляет 20 000 *фунтов*., а самый

низкий 40 фунтов.; из чего, по словам Кокера, следует, что суммы, ежегодно разыгрываемые в качестве призов, составляют почти 150 000 фунтов. меньше выплаченных сумм. Неплохая добыча для правительства! Как можно естественно предположить, ажиотаж, вызванный этой конституционной азартной игрой, ближайший аналог которой есть на нашей фондовой бирже, довольно велик; и по мере приближения времени розыгрыша можно увидеть людей во всех кафе и общественных местах, разносящих и выставяющих на аукцион заготовки с наценкой, подобно множеству Барнумов с билетами Дженни Линд. Одной из любопытных особенностей здешних лотерей является интерес, который проявляют к ним ниггеры. Чтобы понять это, я должен объяснить вам, что цветное население состоит из различных африканских племен, и каждое племя держится сравнительно отдельно от других; затем они образуют своего рода клуб среди своего собственного племени с целью выкупа свободы некоторых из своих порабощенных братьев, которые, я полагаю, получают помощь пропорционально тому, как они вносят свой вклад в фонды, и носят такой характер, который не будет препятствовать получению их выкупа. Часть их средств часто тратится на покупку лотерейных билетов, и естественным следствием этого является глубокое пристрастие к азартным играм; ибо, хотя ставка делается в долларах, призом в случае выигрыша является свобода. Эти лотереи проводятся с 1812 года; и если они всегда проводились, как объяснялось выше, то за сорок лет своей работы они, должно быть, принесли правительству что-то около десяти миллионов фунтов стерлингов.

Один друг рассказал мне о позорном случае несправедливости, связанном с этими лотереями. Бедный раб, скопивший достаточно денег, чтобы купить билет, так и сделал; и, получив небольшой приз, немедленно отправился к своему хозяину и вручил его ему как часть своих выкупных денег. Хозяин, выяснив, как он это получил, объяснил ему, что, будучи рабом, он не может владеть собственностью; затем он спокойно положил ее в карман и отправил беднягу Самбо заниматься своими делами. Какой прекрасный комментарий к закону о Коартадос, который я вставил несколькими страницами ранее. Я должен, однако, заметить, что из наведенных мною справок и из моих собственных наблюдений за выражениями их лиц и развлечениями у меня осталось впечатление, что рабы здесь совершенно так же счастливы, как и в Соединенных Штатах; единственным недостатком, с которым они сталкиваются, является то, что сбор сахара и производство на Кубе длятся гораздо дольше, и этот труд, безусловно, сильнее всего истощает выносливость рабов. Я считаю, что свободные негры находятся в таком же достатке, как и жители Южных Штатов, и неизмеримо более комфортны, чем те, кто проживает в Северных или Свободных штатах Союза. Число свободных негров на Кубе составляет одну четвертую от всего цветного населения, в то время как в Соединенных Штатах оно составляет лишь одну девятую, что свидетельствует о больших возможностях для обретения свободы, которые предлагает остров, или о более высоком уровне культуры негра, что заставляет его добиваться ее более усердно. Я не буду пытаться проводить какое-либо сравнение между сценами ужаса, ответственность за которые, несомненно, несут обе стороны, но которые по очевидным причинам тщательно скрываются от глаз путешественника.

Среди любопытных аномалий некоторых людей - нелюбовь к тому, чтобы их называли национальным именем, если у них есть местное. Островитяне чувствуют себя оскорбленными, если вы называете их испанцами; а уроженец Старой Испании почувствовал бы себя еще более оскорбленным, если бы вы назвали его кубинцем или гаванеро. Эти названия столь же оскорбительны друг для друга, как в прежние времена Южанин и Шотландец, хотя Куба вечно хвастается своей лояльностью. Манеры кубинца столь же чопорны и идальгоистичны, как и у любого старого испанца; фактически, насколько позволяет мне судить мое короткое знакомство

с метрополией и колонией, я почти не вижу разницы. В некоторых из них, однако, есть доля веселья, как покажут два следующих небольших ролика.

Оказывается, что некий конде де..., недавно получивший орден, был самым отъявленным мошенником; вследствие чего ночью какой-то остряк написал мелом на его двери крупными буквами следующие строки, которые, конечно, были у всех на устах вскоре после восхода солнца:

En el tiempo de las barbaras naciones

A los ladrones se les colgaban en cruces;

Pero hoy en el siglo de las luces

A los ladrones se les cuelgan cruces.

Перевод игры слов на другой язык во все времена является безнадежной задачей; тем не менее, для тех, кто не знаком с испанским, я передам эту идею, насколько смогу, по—английски;-

Повесить вора на кресте было древним указом;

Но крест на воре, который теперь подвешен, мы видим.

Идея очень древняя и одинаково хорошо известна в Италии и Испании; но я полагаю, что приведенные выше испанские стихи оригинальны.

Следующее было написано о богатом человеке, который жил как отшельник и, как сообщалось, очень неохотно платил за что-либо. Накануне вечером, ко всеобщему изумлению, он устроил грандиозное представление. На его двери появилось —

"El Marquis de C---- Hace lo que debe

Y debe por lo que hace."

Бесполезно пытаться перевести это на саксонский. При извлечении этого из испанского колодца дно должно выходить из переводного ведра. Лучшая версия, которую я могу предложить, это —

"Он устраивает вечеринку, что ему и следовало бы сделать,

Но, делая это, он *делает* то же самое и со своими торговцами".

Я понимаю, что моя английская версия скучна и безвкусна, хотя, возможно, не настолько, как перевод, с которым я однажды столкнулся, фразы, в которой говорилось, что Тимолеон, герцог де Бриссак, каждое утро обращался к себе перед зеркалом. The original runs thus:— "Timoleon,

Duc de Brissac, Dieu t'a fait gentilhomme, le roi t'a fait duc, fais toi la barbe, pour faire quelque chose." Перевод был очаровательно смешон и гласил так: "Тимoleon, герцог Бриссак, Провидение сделало тебя джентльменом; король подарил тебе герцогство; побрейся, чтобы хоть чем-нибудь заняться".— Но я ужасно блуждаю. Читатель, ты должен извинить меня.

Однажды я спросил своего умного друга, давно прожившего на острове, делал ли кто-нибудь из губернаторов когда-либо что-нибудь хорошее для острова, или все они были довольны, набив свои карманы солидными взятками. Он сказал мне, что первым генерал-губернатором, оказавшим реальную услугу народу, был Такон. Когда он прибыл, все это место было настолько кишмя кишит жуликами и негодяями, что с наступлением сумерек ни собственность, ни даже жизнь не были в безопасности. Азартные игры, пьянство и пороки любого рода свирепствовали повсюду. Он сделал всем злодеям недельное предупреждение, по истечении которого все, кто не мог дать удовлетворительного отчета о себе, должны были быть сурово наказаны. Давно привыкшие к пустым угрозам, они отнеслись к его предупреждению с полным безразличием; но вскоре они осознали свою ошибку, чего им стоило. Непреклонный в целеустремленности, железный в правлении, непоколебимый в правосудии, он одинаково обращался со знатью, духовенством и простолюдинами, и, прежде чем истекли две недели, тысяча двести человек оказались в изгнании или в ужасном положении. Их сообщники по преступлению были ошеломлены этим новым порядком вещей и, предвидя свою участь, либо сбежали, исправились, либо пали его жертвами, и Гавана стала такой же тихой и упорядоченной, как церковный парад. Магазины, лавки и жилые дома возникали во всех направлениях. Великолепный оперный театр был построен за городом, на Гранд-Пасео, и назван в честь генерал-губернатора; ничто не может сравниться с легкостью, воздушностью и вкусом интерьера. Я никогда не видел ничего подобного ни в одном здании подобного характера, и оно во всех отношениях наиболее идеально приспособлено к этому прекрасному климату.

Следующий генерал-губернатор, который, кажется, оставил после себя какой-либо постоянный след полезности, - это Вальдес, которого, я полагаю, мне будет позволено называть их современным Ликургом. Именно во время его правления законы были прополоты и усовершенствованы, и в конечном итоге были представлены в ясной и простой форме. О терпении, которое он, должно быть, проявлял в этом кропотливом занятии, свидетельствует мельчайшая проработка деталей, доходящая, как мы видели, даже до штанишек купальщиц и нагрудников младенца-негритенка, но, по какому-то необъяснимому упущению, не дающая никаких инструкций относительно складок на их грудях. Если Такона боялись и уважали, то Вальдеса любили; и каждый, похоже, справедливо заслужил ту репутацию, которую он приобрел. Вальдеса сменил О'Доннелл, начало правлению которого положила негритянская кровь. Вскоре последовали ужасные ураганы, которые, вероятно, были посланы из милосердия, чтобы очистить остров от скверны страданий и резни. Во время правления его преемника Ронкали на сцене появляется мятежник Лопес. Американская кампания в Мексике возбудила военный пыл, который распространился и на буйволов, и была предпринята пиратская экспедиция во главе с Лопесом. Он прославился храбростью в испанской армии, и многие из них его очень любили, отчасти из-за того, что он увлекался неофициальной практикой азартных игр и выпивки с офицерами и рядовыми. Его первая попытка высадиться на берег была смехотворно безнадёжной, и он был очень рад снова сесть на корабль с целой шкурой; но он был не из тех, кто позволит одной неудаче обескуражить его, ибо, независимо от его храбрости, у него было чувство мести, которое требовало удовлетворения.^[AA] Набрав свои силы, он высадился в следующем, 1851 году с более сильным и лучше оснащенным отрядом

американских разбойников-пиратов и преуспел в подстрекательстве нескольких кубинцев к восстанию. Он держался несколько дней, сражаясь с мужеством, достойным лучшего дела. Пираты были разбиты; Лопес попал в плен и умер от гаротты в Гаване 1 сентября. Другие члены банды также понесли наказание по закону; и банда хулиганов, сбежавшая в Соединенные Штаты, теперь составляет своего рода ядро, вокруг которого собираются "Одинокая звезда", "Флибустьеры" и другие подобные вредители общества, готовые в любой момент отправиться на пиратскую экспедицию, если только они смогут найти другого Лопеса, способного возглавить их.

Конча стал генерал-губернатором незадолго до последней экспедиции Лопеса, и приказ о его казни был самой болезненной задачей для бедной Кончы, которая много лет была его близким другом. Конча, похоже, оставил после себя прекрасное имя. Я всегда слышал, как его называли "честным губернатором". Он внес множество реформ в гражданский кодекс и основал множество школ, научных и литературных обществ. Во время моего пребывания на острове его преемник Каньедо был генерал-губернатором. Всякий раз, когда я наводил о нем справки, самым благоприятным ответом, который я мог получить, было вскидывание головы, легкое "п'тт" губами и выражение глаз, указывающее на вид крайне неприятного предмета. Для толкования этих трех понятий, вместе взятых, не требовался Академический словарь.^[AB]

Кто может предсказать будущее этого богатого и прекрасного острова? Могущественные соседи называют его "больным человеком". Флибустьерские стервятники кружат над ним, как будто это уже разлагающийся труп, приглашающий их спуститься; молодая Америка указывает на него захватывающим указателем "явного предназначения"; за него предлагают золото; по этому поводу проводятся конференции в Остенде; самые трезвые сенаторы взывают к нему— "Терпение, когда груша созреет, она должна упасть нам на колени". Старая Испания, раздираемая фракциями и разоренная коррупцией, поддерживает свою пошатнувшуюся казну за счет этого. Таким образом, разграбленный друзьями, желанный соседями и подвергшийся нападению пиратов, он лежит подобно беспомощному анатомическому объекту, а океан служит ему анатомическим столом, по одну сторону которого стоит мать, сосущая его кровь, а по другую "Одинокие звезды" разрывают его конечности, в то время как на заднем плане видна молодая и энергичная республика, с тревогой ожидающая целой туши. Если я спрошу: "Где искать жизненную силу?" Эхо ответит: "Где?" Если я спрошу: "Где мне искать надежду?" само дыхание вопроса гасит мерцающий огонек. Кто же тогда может предсказать судьбу, уготованную этой тропической жемчужине океана, где все вокруг так темно и уныло?... Низкий голос, приносимый западным бризом, шепчет мне на ухо— "Думаю, я смогу".

Куба, прощай!

[Примечание: Последующие разногласия между кубинскими властями и Соединенными Штатами произошли задолго до моего отъезда и слишком сложны, чтобы в них можно было разобраться, не располагая более точной информацией, чем та, которой я располагаю.]

СНОСКИ:

[X]

Я остановился в "Гавана Хаус", где нашел все очень чистым, а владельца, американца, очень вежливым. Сейчас она хранится у его сына.

[Y]

Это было написано в январе 1853 года.

[Z]

Флибустьерское движение в Соединенных Штатах вынудило Испанию значительно увеличить свои вооруженные силы.

[AA]

Когда его впервые заподозрили в государственной измене, за ним охотились с собаками, как за диким зверем, и с большим трудом ему удалось сбежать в Америку.

[AB]

Те, кто желает получить более подробную информацию о Кубе, найдут ее в работе, озаглавленной *"Король Антильских островов"*. Par LE VICOMTE GUSTAVE D'HARPONVILLE. 1850.

ГЛАВА XIII.

Смена династии.

Февраль месяц подходил к концу, когда я взошел на борт "Изабеллы", направлявшейся в Чарльстон. Мелкая монета устранила все трудности с погрузкой багажа, сигар и т. Д.; чайник закипел, руки сильно дрожали, быстро зазвонили колокола, непассажиры слетелись к лодкам на берегу; вращались колеса, махали платками, и вниз капали слезы. Границы "Изабеллы" простираются по гладким водам; форты и темницы, когда мы смотрим за корму, исчезают из виду; неясный оттенок - это все, по чему глаз может вспомнить прекрасный остров Куба; и, чтобы память не подвела, груды апельсинов площадью около четырех квадратных футов по всей верхней палубе готовы освежить его. Как сильно "Изабелла" отличается от "Чероки"! Мистеру Ло не мешало бы отправиться в круиз на первом; и, если бы у него была хоть капля соперничества, он продал бы все свои старые грязные кадки на дрова и вложил вырученные средства в судно типа "Изабелла". Приземляйся! - появляется цветущая маленькая деревушка со сторожевыми башнями, высокими, как минареты. Что все это может означать?

Это процветающее, счастливое сообщество, заикнутое на самой унылой и нездорово выглядящей точке, которую только можно себе представить, и черпающее все свое богатство и счастье из несчастий других. Это Ки-Уэст, деревня потерпевших кораблекрушение, которые, несомненно, искренне молятся о продолжении и увеличении изменчивых течений, которые

вечно уносят какую-нибудь злополучную барку на постоянно растущие берега и коралловые рифы этих коварных и опасных вод; высокие сторожевые башни - их Фасги, а выброшенные на мель барки - их Земля Обетованная. Вид одного из них, несомненно, так же освежает их взор, как гроздья винограда Эшхола в древности освежали странствующих израильтян. Дух разрушения настолько пропитал это маленькое сообщество, что они напоминают "Старого Джо Миллера", в котором рассказывается о священнике, который, увидев, как все его прихожане встали со своих мест при радостном крике: "Крушение! крушение!" - призвал их к порядку непреодолимым громоподобным голосом и, намеренно начиная снимать с себя стихарь, добавил: "Джентльмены, с вашего позволения, неплохое начало!"

Мы выбрали здесь пару капитанов, чьи корабли попробовали на вкус эти горькие воды и которые направлялись в Нью-Йорк, чтобы попытаться извлечь максимум пользы из плохой работы. У нас на борту было несколько очень приятных попутчиков, но были и другие, прямо противоположные, среди которых бросался в глаза несомненный еврей, но не Нафанаил. Он был одним из тех напыщенных громкоговорителей, каждое слово и поступок которых свидетельствовали о вульгарности в ее самой отвратительной форме, и чья тупость в вопросах манер была настолько велика, что ничто, кроме кончика вашего ботинка, не могло заставить его понять, насколько он оскорбителен. Он говорил о дворах в Европе и о вице-королевском дворе в Ирландии так, как будто у него было *главное* из них всех; чего, как было очевидно самому поверхностному наблюдателю, у него никогда не могло быть, за исключением, возможно, тех случаев, когда, вооруженный потрепанной сумкой на плече и "Ol clo" на устах, он искал инвестиции в поношенную одежду. Он брал сигары, которые, судя по их количеству, явно предназначались для продажи; и поскольку американское правительство очень либерально разрешает пассажирам брать сигары, никогда — я полагаю — никому не отказывая в привилегии пятисот штук, он искал друзей, у которых не было сигар, чтобы разделить между ними свои спекуляции, чтобы избежать пошрины; наконец его приготовления были завершены, и он успокоился.

Войдя в порт Чарльстона, он взял коробку со своими сокровищами и уже собирался открыть ее, когда, к моему величайшему восторгу и забаве, офицер корабля остановил его поспешную руку. "За что это?" - воскликнул разгневанный израильтянин. "Я полагаю, что эта коробка внесена в декларацию, - последовал спокойный ответ, - и вы не можете к ней прикоснуться, пока она не отправится на таможню". Джонатан "выполнил" еврейский долг; и помимо обязанности, он имел удовольствие оплатить еще и фрахт за них; в довершение ко всему, он наслаждался зрелищем того, как все остальные пассажиры беспрепятственно забирают свои пятьсот или около того сигарет, будучи вынужденными платить пошлину за каждую сигару самостоятельно. Но мы должны оставить еврея, "Изабеллу" — да, сам Чарльстон. "Скорее, быстрее, бабл-бабл, тяжелый труд и неприятности!" Вашингтон должен быть достигнут до 4 марта, иначе мы не увидим заседания Сената и другой Палаты представителей. Пароход и железная дорога; мы мчимся. Взбешенный конь сдерживает скорость; все неудобства путешествия забыты: мы в Вашингтоне, и всепоглощающая мысль такова: "Где бы нам приютиться?"

Мой спутник^[AC] и я ездили из отеля в пансион, из пансиона в отель и из отеля в Капитолий, тщетно ища место для отдыха. Каждая щель была забита; в читальных залах отелей стояло от одной до двух дюжин коек-носок в каждом. Время близилось к полуночи; свеча Хоупа слабо мерцала, когда на помощь пришел полицейский и порекомендовал нам обратиться в небольшой пансион, в котором он сам снимал комнату. Там, в качестве особой милости, нам

поставили две кровати в комнате, где уже храпел другой жилец; но усталость и сон вскоре стерли этот факт из нашей памяти. На следующее утро, лежа в полудреме, я услышал что-то похожее на опрокидывание кувшина возле моей кровати, а затем звук, похожий на вытирание посуды; заподозрив неладное в своем обществе, я открыл глаза, и о чудо! хозяин третьей кровати намеренно вытирал содержимое кувшина, который он опрокинул на ковер, — как вы думаете? Своим носовым платком? о, нет — фалды его фрака? о, нет — запасное полотенце? о, нет; дикарь с самым невозмутимым безразличием вытирал его моей губкой! Он выразил такое сильное удивление, когда я возразил, что я предположил, что у бедняги, должно быть, вошло в привычку использовать свою собственную губку для подобных целей, и мой гнев постепенно утих, когда он выжимал губку бесконечной чередой энергичных сдавливающих движений, сопровождая каждое словом извинения. Вот и вся моя первая ночь в Вашингтоне.

Мы позавтракаем и отправимся в Капитолий. Вот он стоит на возвышающемся холме, откуда открывается обширный панорамный вид на город и окрестности. Здание грандиозного масштаба, облицованное мрамором, который, сверкая в солнечных лучах, придает ему очень внушительный вид; но растущие потребности этой растущей Республики привели к пристройке двух крыльев, которые сейчас находятся в процессе строительства. Вход в Сенат и Палату представителей был предоставлен нам с той готовностью и вежливостью, которые неизменно испытывают незнакомые люди. Но, увы! могущественные духи, которые своей силой красноречия так часто очаровывали и сковывали чарами обитателей сенатского зала, — где они были? Могила совсем недавно закрылась над последним из этих гигантских духов; Вебстера больше не было! Как и все подобные организации, они откладывали и откладывали, пока в последние несколько дней сессии не было улажено множество дел, и, таким образом, не осталось места для красноречивых речей; все обыденно, и они предстали очень деловым органом, каждый сенатор со своим столом и бумагами перед ним; и когда что-то нужно было сказать, это было выражено простым, без прикрас языком и без колебаний. Единственная возможность проявить красноречие была предоставлена после инаугурации при обсуждении договора Клейтона-Бульвера. Я не скажу, что почтенный сенатор от штата Делавэр — г-н Клейтон был красноречив, но он был очень ясен как в формулировках, так и в изложении, и его поведение в целом демонстрировало искреннюю убежденность человека, который знал, что он прав, и был уверен, что в конечном итоге его так и осудят. Его главным антагонистом был сенатор от Иллинойса мистер Дуглас — одна из звезд партии "Молодая Америка" и претендент на президентские почести Республики. Это мужчина плотного телосложения, довольно невысокого роста, с массивным нависающим лбом. Когда он встал, он сделал это с очевидным сознанием того, что галерея над ним была заполнена многими представителями его политической школы, и, глубоко засунув обе руки в нижние карманы бриджей, он начал свою речь с видом большой уверенности в себе, время от времени вытаскивая одну руку из укрытия, чтобы подкрепить свое ораторское мастерство многозначительным жестом. Он произнес превосходную речь в стиле "хлопушки", или, как это называют в Америке, "Банкомб", энергичными встряхиваниями указательного пальца подкрепляя и подчеркивая те пассажи, которые, по его мнению, были бы уместны на галерее наверху; его голос был громким и ясным, язык прямым и беглым и забавно изобиловал фразами "осмеливается и не осмеливается"; "Англия неправа, и она это знает"; если бы первоначальный договор, по которому Америке должен был принадлежать исключительно канал, был заключен, "у Америки была бы жезл, которым можно было бы опереться". все народы". Затем последовал "манифест судьбы"; затем "кобылье гнездо" под названием "Доктрина Монро"; затем еще Банкомб об Англии; а затем... он

сел, без сомнения, довольный тем, что значительно повысил свои шансы на "аренду Белого дома".

Я очень сожалел, что не смог послушать выступление мистера Эверетта, поскольку, я полагаю, в настоящий момент он признан всеми как самый красноречивый и классический оратор в стенах сената; но я был вынужден покинуть Вашингтон до того, как он обратился к ассамблее. Отсутствие каких-либо признаков одобрения или неодобрения во время выступления сенатора перед Палатой представителей придает холодности дебатам и, я полагаю, должно оказывать сдерживающее воздействие на энтузиазм оратора. "Хир-хир" и "ура" друзей, а также "Ох-охи" или "смех" оппонентов, безусловно, придают сцене атмосферу гораздо большего возбуждения и действуют как поощрение оратора. Но подобные восклицания не допускаются ни в Сенате, ни в Палате представителей. Палата последнего, конечно, намного больше палаты сенаторов, и, насколько я могу судить, это плохое помещение для слушания. Когда будут достроены новые крылья, они переедут в одно из них, и их нынешняя комната, как я полагаю, будет библиотекой. У меня не было возможности послушать ораторское искусство этой палаты, поскольку они просто перебрасывали несколько денег и незначительные законопроекты перед инаугурацией, которая закрыла их сессию. У каждого из них также есть письменный стол и стул; но с учетом того, что их становится все больше, я боюсь, что любая комната, достаточно большая, чтобы позволить им такое размещение, должна быть непригодна для выступлений.—Давайте теперь обратимся к великому событию дня, *то есть* Инаугурации.

Все сенаторы на своих местах; министры иностранных держав и их свита сидят на скамьях в ряд под галереей; толпа в ожидании стоит снаружи; голоса внезапно смолкают, и все взгляды обращаются к дверям зала заседаний сената; входит герольд и объявляет: "Избранный президент Соединенных Штатов". Избранник своей страны появляется так же бесцеремонно, как джентльмен, входящий в обычную гостиную. Все встают при его появлении.

Я наблюдал за человеком дня, когда он шел к своему месту в зале заседаний сената. В его взгляде не было ни гордости, ни нервозности в походке, но было спокойное и исполненное достоинства самообладание, вполне соответствующее его высокому положению, как будто удовлетворенное честолюбие должным образом смягчалось глубоким чувством ответственности. Процессия двинулась к платформе перед Капитолием, покойный дееспособный президент шел бок о бок со своим неопытным преемником и, по-видимому, был так же спокоен, покидая свой пост, как и его преемник, вступая в него. О вступительной речи я ничего не скажу, поскольку все, кто хочет ее прочитать, уже давно это сделали. Но всегда следует помнить одну вещь, а именно, что все популярные кандидаты здесь вынуждены "делать небольшие ставки", и поэтому, при сложившихся обстоятельствах, я думаю, следует признать, что их было как можно меньше. Эта речь прозвучала похоронным звоном, по крайней мере пока, по партии вигов, и возвестила о правлении генерала Пирса и демократов.

С тех пор, как были написаны эти строки, "избранный нации" прошел через тяжелое испытание четырехлетнего правления; и, какие бы личные добродетели ни украшали его характер, я полагаю, единодушный голос его соотечественников без колебаний заявил бы, что столь совершенно неэффективный человек никогда не занимал президентского кресла. Его сменил мистер Бьюкенен, который был хорошо известен как аккредитованный министр при Сент-Джеймском дворе, а также привлек к себе смехотворное внимание как член знаменитой партии "Остендский манифест". Однако его таланты несомненны, а его общественная карьера

делает вероятным, что, предупрежденный неудачей своего предшественника, его президентство окажет Республике большее влияние, чем президентство мистера Пирса. Инаугурационная речь мистера Б. была опубликована в этой стране и, в своем роде, представляет собой противоречивый курьез. В дипломатии он призывает к "откровенности и ясности", в то время как своим согражданам он предлагает несколько очень хитрых дипломатических предложений. Доктрина Манро и явное предначертание не названы, но они изложены языком, достойным Талейрана. Сначала он гордится тем, что его страна никогда не расширяла свою территорию мечом (?); затем он продолжает говорить то, что говорят все в ожидании завоевания, аннексии или поглощения: "Наша прошлая история запрещает нам в будущем приобретать территории, если это не будет санкционировано законами справедливости и чести" (два очень гибких закона среди наций). "Действуя по этому принципу, ни одна нация не будет иметь права вмешиваться или жаловаться, если по ходу событий мы еще больше расширим наши владения". Оставляя эти откровенные и ясные предложения на рассмотрение читателя, мы возвращаемся к отступлению.

Толпа снаружи была очень упорядоченной, но ни в коем случае не такой многочисленной, как я ожидал; я оценил их в 8000 человек; но мой друг, который был со мной и хорошо разобрался в подобных вопросах, подсчитал, что их было около 10 000, но, конечно, по его словам, не больше. Издательство *Penney Press*, желая оказать честь своему новому правителю, смело установило цифру в 40 000 — это была их доля в бюджете. Вероятно, одной из причин того, что толпа не была больше, был морозящий снег, который, несомненно, побудил многих удовлетвориться зрелищем прохождения процессии по Пенсильвания-авеню.

Здесь я не могу не отметить, как мало некоторые из их выдающихся людей знают об Англии. Сенатор с большой и справедливой репутацией подошел ко мне во время церемонии и сказал: "Есть одна вещь, которая должна показаться вам очень примечательной, а именно то, что у нас здесь нет солдат, чтобы поддерживать порядок по случаю такой политической важности". Он, очевидно, не знал, что не только так обстояло дело неизменно в Англии, но и что солдат запирают в казармах или даже удаляют из них во время предвыборной суеты. Нет сомнения, что ложь и преувеличения, которыми изобилует здешняя пресса в вопросах, касающихся Англии, достаточно вопиющи, чтобы почти опровергать саму себя; но если они могут настолько исказить разум просвещенного сенатора, то как же можно удивляться тому, что в массах многие впитывают весь этот мусор, как будто это евангельская истина, и смотрят на Англию не иначе как на страну деспотизма; но об этом чуть позже. Смена президентов в этой стране напоминает, практически говоря, смену премьер-министра в Англии; но, слава Богу! смена премьер-министра в Англии не влечет за собой тех же изменений, что смена президента здесь.

Я полагаю, что именно генерал Джексон первым ввел практику массового устранения противников из любых ситуаций, какими бы незначительными они ни были; и эта блестящая идея неукоснительно воплощалась всеми последующими президентами. Самые маленькие должности клерков, двухпенсовые-полпенсовые должности почтальонов в неслыханных деревнях — все, без чего можно обойтись, должно уступить место друзьям пришедших к власти. Представьте себе нового премьер-министра в Англии, производящего чистую зачистку девяти десятых клерков и т. Д. В Казначействе, министерстве иностранных дел, на почте, таможне, верфях и т. Д., И т. Д. Представьте себе, к какой нагрузке должна привести такая система, не говоря уже о сравнительной неэффективности, которую она должна производить в указанных

ведомствах, и о смехотворном труде, который она накладывает на распределителей этих даров места. В качестве образца можно взять следующую цитату:—

НАША ТАМОЖНЯ - КАКОЙ УЛОВ. — "*Патриот Нью—Гэмпшира*" в статье о проскрипциях так ссылается на безжалостное обезглавливание демократов нашей таможни мистером коллекционером Максвеллом: "Возьмите за образец Нью-Йоркскую таможню. Там насчитывается 626 офицеров, не считая чернорабочих; и из записей следует, что с тех пор, как виги пришли к власти, там было произведено 427 увольнений. И чтобы показать жадность претендентов-вигов на добычу, нужно только указать, что в тот самый день, когда сборщик был приведен к присяге, он произвел сорок два изъятия. Он сделал шесть, прежде чем был приведен к присяге. За тридцать дней с момента своего вступления в должность он сместил 220 человек; и в течение нескольких месяцев он произвел такую чистую зачистку, что только шестьдесят два демократа остались у власти при 564 вигах! Подобная зачистка была произведена и в других таможнях; и эта "антипроскрипционная" администрация проделала в офисах такую чистую работу, что едва ли можно было найти демократа в офисе, который мог бы занять виги ". Это зловеще, что 564 вига были переданы на благотворительность новому коллектору. Увы! Демократы голодны — как в твердой, так и в мягкой оболочке, — и благотворительность начинается дома. В течение ближайшего месяца мы можем ожидать массовую эмиграцию из таможни в Калифорнию и Австралию. Какое счастье для изгнанных чиновников, что они могут вернуться на золотые прииски! Такие красивые работы наших благодетельных учреждений! Какая роскошная страна!

В качестве доказательства волнения, которое вызывают эти изменения, я прекрасно помню, что между Вашингтоном и Нью-Йорком было в десять раз больше суеты и телеграфирования относительно того, кто должен быть сборщиком в последнем порту, чем было бы между Лондоном и Парижем, если бы в последнем революция была в полном разгаре. К этой абсурдной системе, без сомнения, можно частично отнести частые нарушения их почтовых отправок внутри страны; но это зло, которое, насколько я могу судить по наблюдениям и разговорам, будет продолжаться до тех пор, пока с увеличением населения и расширением бизнеса необходимость не восстановит старый и лучший порядок вещей. Политическая партийность настолько сильна, что ничто, кроме настоятельной необходимости, не может ее изменить.

Здесь извозчики, как и в любом другом месте, где я когда-либо бывал, прилагают немало усилий, чтобы обслужить вновь прибывших. Они испробовали это на мне; поэтому, чтобы показать им, насколько я осведомлен, я процитировал их законные тарифы. "Ах, сэр, - говорит Кэбби, - это очень хорошо, но, видите ли, в такие моменты мы берем больше". Я ответил: "Вы не имеете права выдвигать свои обвинения; по какому праву вы это делаете?" "О, сэр, мы встречаемся вместе и договариваемся, как следует поступить". "Но, - говорю я, - власти - это люди, которые решают такие вопросы". "Власти вообще ничего об этом не знают; мы можем справиться со своими делами лучше, чем они". И все они стойко придерживались своих собственных обязанностей, результатом чего было то, что за те десять дней, что я там пробыл, я едва ли видел дюжину нанятых такси.

Ничто не могло сравниться с толпой на улицах, в отелях и повсюду; вся атмосфера была пропитана дымом душистой травы, и все отели были на плаву от ее сока. Этот город

неоднократно называли Городом Великолепных Далей, но невозможно себе представить, что он настолько отстает от своих собратьев. Звучит невероятно — тем не менее, это факт, — что, кроме как от Капитолия до "Белого дома", здесь нет ни одного уличного фонаря или сторожа. Однажды вечером я сбился с пути и два часа бродил по городу, не встретив ни света, ни какого-либо стража. Я предполагаю, что это задумано как доказательство честного и упорядоченного поведения жителей, но я боюсь, что это также должно быть воспринято как доказательство их бедности или недостатка энергии. Какой бы ни была причина, это, безусловно, свидетельствует о либеральности правительства, о том, что столица этого Великого Союза должна быть хуже всех вымощена, хуже всего освещена и хуже всего охраняется во всей Республике.

Система радикальных изменений при выборах нового президента имеет тенденцию существенно останавливать любое увеличение числа домовладельцев, неопределенность срока пребывания в должности заставляет *служащих* предпочитать скопление людей в отелях и пансионах короткой карьере домработницы, что, конечно, будет препятствовать любому устойчивому росту города и, таким образом, уменьшит количество налогоплательщиков. Здесь есть несколько отелей, но они не выдержат ни малейшего сравнения с отелями в любом из ведущих городов Союза. Подобно лондонским отелям, они переполнены в сезон — *то есть* во время сессии — а в остальное время года сравнительно пусты и, следовательно, платят не очень хорошо; но это не единственные заведения, которые зарабатывают деньги во время сессии; если верить сообщениям, бары и игорные дома собирают огромный урожай с представителей народа в обеих палатах конгресса.

Я развлекался здесь, как часто делал в других городах, взяв сигару в каком-нибудь приличном магазине, а затем поболтав с владельцем. По этому поводу предметом разговора было пьянство в Штатах. В ответ на мой вопрос он сказал: "Сэр, джентльмен должен долгое время прожить в деревне, прежде чем он сможет составить хоть малейшее представление об ужасающих масштабах пьянства даже среди прилично образованных и состоятельных слоев населения. Я не говорю, что девять десятых людей умирают пьяными, но я твердо верю, что при такой пропорции смерть от постоянных выпивок была очень существенно ускорена. Это одно из величайших проклятий этой страны, и я не могу сказать, что считаю, что оно уменьшается". Несомненно, одной из причин, почему это так пагубно, является постоянная привычка пить перед завтраком. Я не претендую на то, чтобы утверждать, что он был прав в своем проценте; но я, безусловно, достаточно насмотрелся на эту практику, чтобы быть уверенным, что она должна оказывать самое пагубное воздействие на очень многих. В какой степени это распространено среди низших классов, я не имел возможности судить.

Однако следующие наблюдения, сделанные таким высоким авторитетом, как мистер Эверетт, должны быть приняты как убедительное доказательство того, что образование не смогло эффективно справиться с пьянством. Говоря о пылких духах, он говорит: —

"Что было сделано за десять лет в Штатах Америки? Во-первых, это обошлось нации в прямые расходы в размере 120 000 000 *фунтов*. Во-вторых, это обошлось нации в косвенные расходы в размере 120 000 000 *фунтов*. В-третьих, это унесло 300 000 жизней. В-четвертых, оно отправило 100 000 детей в богадельню. В-пятых, оно отправило по меньшей мере 150 000 человек в тюрьмы и исправительные учреждения. В-шестых, это сделало по меньшей мере тысячу маньяков. В-седьмых, это спровоцировало совершение по меньшей мере полутора тысяч убийств. В-восьмых, это привело к самоубийству 2000 человек. В-девятых, было сожжено или иным

образом уничтожено имущество на сумму 2 000 000 *фунтов*. В-десятых, это сделало 200 000 вдов и 1 000 000 детей сиротами".

Когда я отвлекаюсь от созерцания этой печальной картины и думаю, сколько людей становятся жертвами того же порока в моей собственной стране, я не могу отделаться от ощущения, что "поэт с множеством мыслей" написал следующие строки как особое предупреждение и наследие англосаксам и кельтам:

"О, если бы люди клали врага себе в рот, чтобы украсть свои мозги! что мы должны с радостью, весельем и аплодисментами превратить себя в зверей!"

Я очень сожалел, что time не позволил мне присутствовать на одной из дамб нового президента, так как мне очень хотелось увидеть оллу подриду из сопровождающих. Это, должно быть, причудливая сцена; извозчик, который подвезет вас к двери, возьмет мальчика, чтобы тот присмотрел за его лошастью, и войдет с вами внутрь; тэг-рэг, бобтейл и все их семейство заходят именно так, как им нравится; ни мыло, ни щетка не являются необходимой прелюдией. Согласно последним сообщениям из Америки, оказывается, что на последней встрече мистера Пирса джентльмен обвинил другого человека в том, что тот залез к нему в карман: последний пошел на следующий день со своим другом, чтобы объяснить ошибку, которую первый отказался признать, обвиняемый ударил его и, в свою очередь, застрелил его на месте. Приятное состояние общества для мегаполиса цивилизованного сообщества! Как изменилось со времен Вашингтона и бриджей до колен! Однако следует отметить, что массам в высшей степени похвально, что они редко пользуются своими правами. Здание размером с дом умеренно богатого сельского джентльмена в Англии, в нем есть одна или две прекрасные приемные; между ним и водой воздвигается памятник Вашингтону. Я боюсь, что это будет печальный провал; главная шахта или колонна наводит на мысль о семафорной станции, вокруг основания которой должны быть сгруппированы прекрасные скульптуры. Насколько я мог понять из разговоров с американцами, они, похоже, сами ожидают чего угодно, только не успеха.

Самые красивые здания здесь - Капитолий, Патентное ведомство и Почта. Из них Патентное бюро, построенное по образцу Парфенона, является единственным, которое имеет какие-либо претензии на архитектуру. Боюсь, что англосаксам наших более поздних дней, будь то в старой Англии или здесь, не суждено оставить заметных следов архитектурного вкуса - *посмотрите* Национальную галерею в Лондоне и Почтовое отделение в Вашингтоне.

Увидев вашингтонских львов и насладившись гостеприимством нашего способного и приятного священника, я снова доверился железному коню и отправился в Балтимор. Во время моего пребывания в Вашингтоне я в последнее время наслаждался комфортом жилья, свободного от ужасов американских гостиниц. Воспользовавшись этим опытом, я обратился к другу в Балтиморе с просьбой снять для меня комнату в каком-нибудь тихом местечке; приняв эту предосторожность, я поселился у Гая на Монумент-сквер. Он держит ресторан, но у него есть несколько мест для друзей или старых клиентов. Я нашел себе самое удобное жилище, а жизнь - самую чистую и лучшую; кроме того, мои добрые друзья предложили мне вход в Клуб, который находился почти по соседству. Гостеприимство, предвкушением которого я пользовался в ноябре прошлого года, теперь усилилось, и хотя сезон Великого поста положил конец большим

вечеринкам, все еще оставалось достаточно, чтобы сделать мое пребывание здесь очень приятным.

Город красиво расположен на холмистой местности, откуда открывается прекрасный вид на сенокос; улицы разумной ширины, город быстро растет, все новые здания большие и просторные, и все указывает на процветание. Кухня Балтимора пользуется очень высокой и, насколько я могу судить, очень справедливой репутацией; не только утки Максвелл Пойнт с холщовой спинкой, но и знаменитые черепахи помогают наслаждаться внутренним миром человека. Фактически, Черепаха настолько знаменита, что злой шутник подробно рассказал мне о в высшей степени неприличной сцене, которая, по его словам, однажды произошла в здешней епископальной церкви, а именно: джентльмен, обладавший мощным голосом и обычно руководивший ответами, настолько увлекся очаровательным маленьким животным, что по печальной случайности заменил "Черепаха" на "Серафин" в ответе; и никто не обратил на это внимания, что вся паства повторила ошибку за ним. Странный огонек в глазах, с которым мой друг рассказал мне эту историю, оставляет у меня впечатление, что это может быть преувеличением.

Находясь здесь, я заметил афишу пьесы с надписью "Белый раб Англии", очевидно, задуманную как противовес постановке "Дяди Тома" в Лондоне в некоторых наших дешевых театрах. Конечно, я пошел посмотреть на это и никогда в жизни так не смеялся.

Театр был размером с конюшню на шесть кабинок и полон хулиганов и т. Д. — Никаких дам; на нашей вечеринке была отдельная ложа. Трагедия начинается с того, что обнаруживается подземелье угольной ямы в Англии, где видна падающая в обморок девушка и т.д. и т.п.: водитель, конечно, хорошенько облизывает девушку; происходит взрыв; мертвые и умирающие тела сваливаются в кучу, водитель говорит: "Черт с ними, пусть лежат; мы получим еще много из богадельни". Эти рудники принадлежат лорду Оверстоуну; американец приезжает со слугой-негром, которого он оставляет, чтобы самому поразвлечься. Затем он обращается к лорду Оверстоуну и получает разрешение посетить шахты; там он находит девушку, о которой говорилось выше всего, чуть ли не умирающей, и, конечно же, спасает ее. Тем временем негр наносит визит лорду Оверстоуну как иностранному принцу, его безмерно *чествуют*, герцогиню Саутернблэк и ее подругу леди Хитрость приглашают встретиться с его Королевским высочеством; лорд Оверстоун заявляет права на спасенную девушку как на рабыню; филантропическому Джонатану после некоторых трудностей удастся удержать ее, сначала приказав слугам лорда Оверстоуна повернуть направо со всей развязностью погонщика-северянина-негра. Оказывается, Джонатан сам когда-то был мальчиком, работавшим в шахтах, и почувствовал привязанность к этой девушке. Лорд Оверстоун узнает, что у Джонатана есть документы, необходимые для подтверждения его права на свою собственность; он отправляется со своей семьей в Америку, чтобы навестить его на плантации. Там ниггеры демонстрируют рай, какого никогда не было; чуть ли не первым человеком является его королевское высочество слуга-негр. Леди Оверстоун падает в обморок, когда он подходит пожать ей руку. Бизнес идет своим чередом; Лорд Оверстоун хулиганит, а Джонатан - воплощение мягкости. Наконец выясняется, что девушка - дочь лорда Оверстоуна, и что янки по праву является владельцем собственности лорда Оверстоуна. Он произносит речь в Банкомбе, отказываясь от своих прав и рассказывая о высшей привилегии пребывания на земле истинной свободы — плантации рабов. Публика неистово кричит, лорд и леди Оверстоун возвращаются униженные, и занавес опускается перед одним из самых абсурдных фарсов, которые я когда-

либо видел; не менее абсурдной частью является отказ Джонатана вступить во владение своим наследством в размере 17 000 *фунтов* в год. Воистину, "Диоген в своей ванне" ничто по сравнению с "Джонатаном в бочке из-под сахара".

Население Мэриленда увеличилось за счет белых и свободных негров и уменьшилось за счет рабов в период с 1800 по 1852 год следующим образом:—

Белые. Свободные негры. Рабы.

1800	216,000	8,000	103,000
------	---------	-------	---------

1852	500,000	74,008	90,000.
------	---------	--------	---------

В штате насчитывается почти тысяча учебных заведений; и существует шестьдесят ежедневных и еженедельных газет для обучения населения. Население Балтимора составляет 140 000 белых, 25 000 свободных чернокожих, 3000 рабов. Среди этого населения почти 30 000 немцев и 20 000 ирландцев. Стоимость промышленных предприятий города оценивается значительно выше 4 000 000 *фунтов*. Исходя из вышесказанного, я предоставляю читателю самому судить о его процветании.

Люди в Балтиморе, пользующиеся самой широкой — если не самой завидной — репутацией, — это пожарные компании. Все они работают на добровольных началах, и их двигатели вызывают восхищение. Все они ревнуют друг к другу, как кошки Килкенни, и, когда собираются вместе, почти никогда не упускают возможности затеять кровавую драку. Их даже обвиняют в том, что они время от времени устраивают небольшие поджоги, чтобы получить шанс на скандал. Люди, составляющие эти компании, почти сплошь хулиганы и, по-видимому, любого возраста старше шестнадцати: при тушении пожаров они проявляют мужество и безрассудную отвагу, которые невозможно превзойти, и они никогда не бывают так счастливы, как тогда, когда возбуждение от опасности достигает наивысшего уровня. Их число настолько велико, что они существенно влияют на выборы всех кандидатов на городские должности; следовательно, о стиле избранных лиц можно легко догадаться. Чаша смятения быстро наполняется; и если какие-нибудь знающие руки не смогут проделать отверстие в дне и слить осадок, переполнение будет ужасным.

СНОСКИ:

[\[АС\]](#)

Мне посчастливилось найти приятного спутника на борту "Изабель" — брата одного из наших самых выдающихся членов Палаты общин, который, как и я, посетил Кубу и спешил в Вашингтон, чтобы присутствовать на инаугурации избранного президента, и с ним я провел много очень приятных дней.

ГЛАВА XIV.

Филадельфия и Ричмонд.

Проведя очень приятное время в Балтиморе, я сел на поезд до Филадельфии, города "любящего братства", получив письма в несколько самых дружелюбных семей этого города. Я поселился в Parkinson's - ресторане на Честнат-стрит, — где нашел людей очень вежливыми, а дом - очень чистым; но я мало что видел внутри дома, разве что во время ночлега и завтрака.

Гостеприимство, за которое этот город вошел в поговорку, вскоре сделало меня таким же дома, как если бы я прожил там всю свою жизнь. Званный ужин за званым ужином сменяли друг друга, как океанские волны; столы стонали от драгоценных сортов мадеры, произведенных чуть ли не со времен Всемирного потопа. Я никогда ни до, ни после не пробовал такого восхитительного вина, да еще в таком изобилии, и все присосались к нему с таким упорством пиявки. Однажды, сев ужинать в два часа, я обнаружил, что встаю из-за стола через полчаса после полуночи и такой же свежий, как и тогда, когда садился. Покинуть гостеприимный дом старого генерала из красного дерева не было никакой возможности.^[ОБЪЯВЛЕНИЕ] Один добрый друг, мистер К.Х. Фишер, настоял, чтобы я сделал его дом своим отелом, либо он, либо его жена всегда ужинали в четыре часа, и мое прикрытие всегда было готово. Общество его любезной леди и его самого сделало это предложение слишком заманчивым, чтобы от него отказаться, и едва ли нужно говорить, что оно значительно увеличило удовольствие от моего пребывания в Филадельфии. Тот же самый добрый друг всегда находил для меня место в своей ложе в опере, где самая очаровательная и женственная из актрис, графиня Росси,^[АЕ] своим сладким голосом изливала нежную мелодию в переполненные залы. Со всех сторон я не встречал ничего, кроме доброты. Однажды за ужином я случайно упомянул, что считаю масло недостойным репутации "Филадельфии", поскольку оно претендует на первенство среди молочных продуктов, и две присутствующие дамы воскликнули: "Ну и ну!" - и сопроводили это выражение выражением активной благожелательности. На следующее утро, когда я садился завтракать, от каждого из соперников по доброте принесли по тарелке; на зеленом листе была утренняя роса, а под ней такое сливочное масло, что у меня слюнки текут при воспоминании о нем, и так продолжалось все время моего пребывания. Двери клуба со всеми его удобствами — а для одинокого незнакомца они очень велики — были распахнуты передо мной: короче говоря, мои друзья не оставили мне ничего, чего можно было бы пожелать, за исключением того, что проведенное время позволило мне дольше наслаждаться их гостеприимством.

Улицы Филадельфии, которые тянутся на север и юг от Шайлкилла до Делаверэ, названы в честь деревьев, которые растут в ряд по обе стороны; но то ли из поэтического побуждения, то ли для того, чтобы помочь памяти, некоторые названия изменены, чтобы следующее двестишестое, включающее восемь основных, могло послужить удобным руководством для незнакомца или местного жителя:

"Каштан, грецкий орех, ель и сосна,

Рынок, арка, гонка и виноградная лоза".

Шелковица, сассифраг и можжевельник придали бы стихотворный оттенок. Все перекрестки обозначены номерами; таким образом, можно легко найти любое место жительства. Главная траверс-стрит - исключение, ее называют "Брод"; она вполне соответствует своему названию и простирается за пределы города в глубь сельской местности: каким бы странным это ни казалось тем, у кого жесткие белые шляпы с жесткими воротниками и широкополые шляпы ассоциируются с Филадельфией, на конце этой улицы каждое воскресенье днем можно увидеть всех знаменитых рысаков, мчащихся трехминутным шагом. Местность вокруг красивая и холмистая, и у более состоятельных жителей Филадельфии есть очень уютные загородные домики, в которых они в основном проводят лето и куда в другое время года часто выезжают в субботу, чтобы насладиться тишиной воскресенья на природе.

Одним из первых объектов интереса, которые я посетил, был Монетный двор, объем работ на котором, конечно, значительно увеличился после начала разработки калифорнийских рудников. Люди приходят каждый день с золотом в больших или меньших количествах; сначала оно подвергается анализу, и, если вычесть процент за эту работу, стоимость выплачивается владельцу монетами. Пока я был там, я увидел прибывшего жилистого парня в яркой шляпе и еще более ярком атласном жилете, с бородой, густой, как индийские джунгли, и красной, как печь, в которую предстояло бросить его драгоценную ношу. Два маленьких кожаных мешочка были осторожно вынуты из-за пояса, их содержимое высыпано в жестяную банку, в банку помещен номер, и соответствующий номер дан ему — без слов: через два дня он вернется и, предъявив свой номер, получит стоимость в монетах. Пыли хватило бы на кофейную чашку хорошего размера. Я спросил офицера о стоимости. - 400 фунтов, сэр. Он покинул штат Новой Англии около восьми месяцев назад и направлялся домой, чтобы вложить деньги в землю.

Что больше всего поражает незнакомца при входе на монетный двор, так это отсутствие какой-либо дополнительной защиты вокруг него; здание выглядит таким же открытым, как любой лондонский дом. Процесс, конечно, по сути такой же, как и в других местах; но я был поражен, когда директор сказал мне, что лица, нанятые в заведении, никогда не обыскиваются при выходе, хотя через их руки ежедневно проходят сотни тысяч долларов в любой форме. Вода, в которой рабочие моют руки, стекает в резервуар внизу, и из этой воды ежегодно извлекается от 60 литров до 80 литров. Отбросы и т. Д. После самого тщательного просеивания упаковываются в бочки и продаются — главным образом, я полагаю, европейским евреям — по 4000 литров в год. Единственной особенностью монетного двора Филадельфии является система подсчета количества отчеканенных монет, с помощью которой хитроумное приспособление, ставшее необходимым из-за давления Калифорнии, позволяет одному человеку выполнять работу от двадцати до тридцати. Операция взвешивания нескольких монет носит деликатный характер, поэтому ее доверяют рукам представительниц прекрасного пола, которые занимают отдельную комнату, где каждая дочь Евы сидит с важностью Канцлера напротив изящных весов. Большинство помещений заведения открыто для публики с десяти до двух, и они не допускаются только в те части здания, где вторжение могло бы помешать текущим операциям.

Этот город, как и большинство других в Америке, обильно снабжается водой. Великолепные бассейны построены в естественном холме в Фэрмаунте, почти напротив старого фамильного особняка Бэрингов, и вода нагнетается в эти бассейны из реки мощными водяными колесами,

приводимыми в действие указанной рекой, которая перекрыта плотиной с целью обеспечения достаточного водопада, поскольку уровень воды иногда очень низкий.

Пожалуй, самой интересной и, безусловно, самой впечатляющей достопримечательностью в окрестностях Филадельфии является "Колледж Джерарда". Столь необычная и успешная карьера, как у основателя, заслуживает небольшого упоминания.

Стивен Джерард родился у французских родителей в Бордо 21 мая 1750 года, и его дом — из-за того, что место его матери вскоре заняла мачеха — по-видимому, не оставил приятных воспоминаний. В четырнадцать лет он ушел в море. Впоследствии, в качестве капитана и совладельца небольшого судна, он впервые прибыл в Филадельфию в 1777 году и начал бизнес в качестве торговца; но, похоже, что в 1786 году он принял командование одним из своих собственных судов, оставив управление своим торговым домом своему брату. Вернувшись в 1788 году, он расторг партнерство со своим братом и окончательно попрощался с морем. В 1793 году желтая лихорадка с яростью свирепствовала в Филадельфии; по мере того как опустошение усиливалось, люди в ужасе бежали. В Буш-Хилле, по соседству, был организован госпиталь, но царила неразбериха, поскольку не нашлось никого, кто мог бы противостоять страшному врагу, пока Стивен Джерард и Питер Хелм смело не вызвались оказать свои услуги, рискуя своими жизнями. Стивен Джерард был женат, но его жена была отправлена в сумасшедший дом в 1790 году после различных безрезультатных попыток вылечиться; там она оставалась до своей смерти в 1815 году. Его коммерческие занятия процветали во всех направлениях, и вскоре он стал одним из самых богатых и влиятельных людей в обществе; он обладал крепким телосложением и был чрезвычайно регулярен и воздержан в своих привычках. В 1830 году его сбил проезжавший автомобиль, когда он переходил улицу; в результате этого несчастного случая он получил тяжелую травму головы, от которой медленно оправлялся, когда в 1831 году его охватил сильный грипп и, в конечном счете, пневмония, от которой он умер 26 декабря в возрасте восьмидесяти одного года.

Его характер, по-видимому, представлял собой любопытное соединение. Усердие, с которым он копил богатство, вкупе с его воздержанными привычками и его старыми бриджами до колен, залатанными повсюду, — которые до сих пор можно увидеть в колледже, — явно свидетельствовали о скупости; в то время как его вклад в общественные работы и щедрые сделки в денежных вопросах приводили к противоположному выводу; а из его благородного поведения во время желтой лихорадки разумно заключить, что он был гуманным человеком. Я не хочу судить людей безжалостно, но, должен сказать, я не могу отдать должное человеку, который унаследовал большую часть своего состояния от своих родственников, когда сам больше не может им пользоваться. У мистера Джерарда было очень много родственников; давайте посмотрим, как он их обеспечивал. *Резюме* его завещания может быть сформулировано следующим образом: он умер с состоянием в 1 500 000 *фунтов.*, и таким образом распоряжается им:—

Строительство и пожертвование колледжу 400 000 фунтов стерлингов
Различным благотворительным учреждениям 23 200
его родственникам и ближайшим родственникам 28 000
городу Филадельфии, для улучшения 100 000
Содружеству Пенсильвании, для
внутренних улучшений 60 000

Различным друзьям и т.д. 13 000

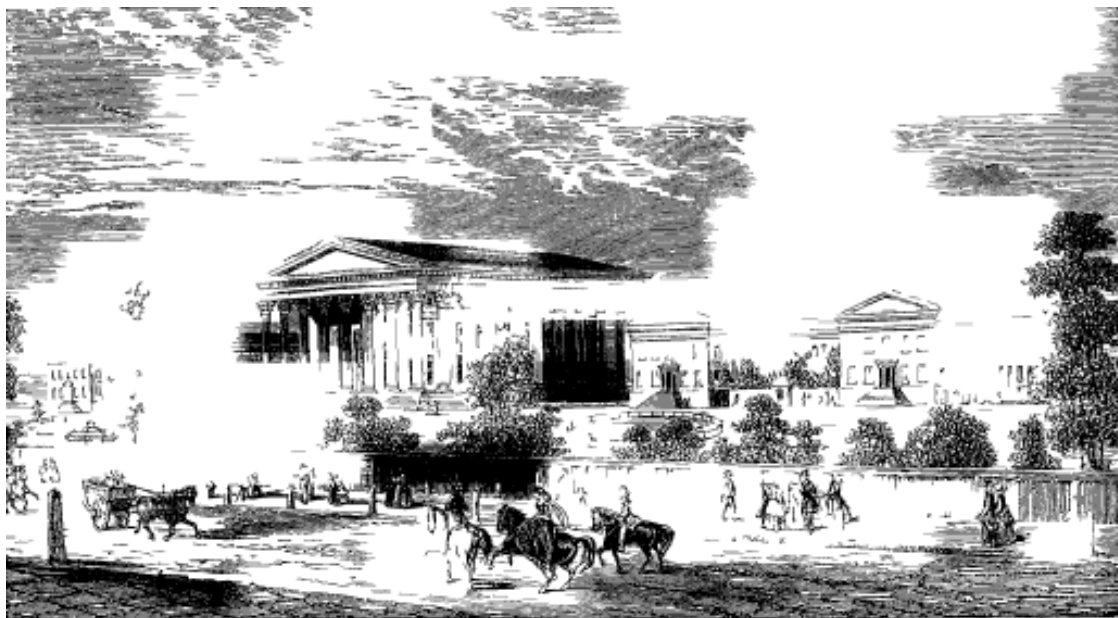
Остаток остался городу Филадельфии на улучшение и содержание его колледжа, создание лучшей полиции, а также на благоустройство города и снижение налогов. Таким образом, из состояния в полтора миллиона он оставляет своим родственникам 28 000 фунтов. В данном случае вряд ли можно сказать, что благотворительность началась дома.

Определенное увеличение собственности на сумму 60 000 фунтов. после даты составления его завещания законными наследниками был возбужден иск о взыскании того же самого; в котором, я рад сообщить, они добились успеха.

Возможно, одним из самых необычных пунктов его завещания является следующий, а именно:

"Я предписываю и требую, чтобы ни один священнослужитель, миссионер или служитель какой бы то ни было секты никогда не занимал и не выполнял какую-либо должность или обязанности в указанном колледже; и никто из таких лиц никогда не должен допускаться с какой-либо целью или в качестве посетителя в помещения, предназначенные для целей указанного колледжа."

Общий дизайн колледжа взят из "Мадлен". Тридцать четыре колонны окружают его, каждая колонна шести футов в диаметре и пятидесяти футов высотой, сделана из мрамора, весит 103 тонны и стоит при размещении 2600 фунтов. Некоторое представление о массивности здания можно составить из того факта, что при размерах 111 на 169 футов и высоте 59 дюймов вес используемого материала оценивается в 76 594-1 / 2 тонны. Эффект от всего этого грандиозный и изящный; и хотя как сиротский приют на его благотворительные цели было напрасно потрачено много денег, как здание это делает честь архитектору и всем, кто над ним работал, и является, вне всякого сравнения, лучшим образцом архитектуры, который я видел в Штатах.

Колледж Джерарда, Филадельфия

Число сирот, получающих образование, составляет триста один; они живут в чистоте, с удобствами и с хорошим пансионом; их средний возраст от десяти до четырнадцати с половиной лет, а старшим классам школы преподаются конические сечения, геометрия, химия, естественная философия, навигация, астрономия, механика, физическая география и т.д.

Находясь в школьной среде, я посетил дом, предназначенный для четырехсот свободных негров, которых я обнаружил всех возрастов, от пяти до пятидесяти, причем мужчин и женщин содержали отдельно. Учитель сказал мне, что он нашел мальчиков довольно сообразительными, но очень хитрыми и всегда находящими какой-нибудь предлог для нерегулярного посещения занятий. Хозяйка сказала, что нашла девочек очень послушными, а родителей очень встревоженными, но слишком рано удовлетворенными первыми этапами прогресса. Терпение и старания, которые, как я видел, проявлял один из учителей в процессе просвещения маленьких лохматых головок, были в высшей степени похвальными.

Закончив негритянскую школу, я получил письмо директору средней школы профессору Харту, который любезно показал мне это замечательное учебное заведение, к тому же бесплатное; но, прежде чем перейти к каким-либо замечаниям о Средней школе, возможно, было бы интересно узнать кое-что обо всех положениях об обучении, существующих в городе и округе Филадельфия. Количество школ - 256, учителей - 727, ученых - 45 383. Учителя в основном женщины — 646; среди ученых преобладают мужчины. Ежегодные расходы этих учреждений составляют 66 500 фунтов, а средняя стоимость обучения каждого ученика составляет 26 фунтов. Ни один ученик не может быть принят в среднюю школу, не представив удовлетворительных отзывов из школ низшего уровня, а также не сдав необходимых экзаменов; следствием такого соглашения является значительное улучшение положения в школах низшего уровня, поскольку плохое поведение там фактически запретило бы им поступление в среднюю школу. Средний возраст для поступления - четырнадцать лет, и отроку необходимо пробыть там пять лет, прежде чем он сможет получить степень магистра искусств, одним из неперенных условий которой является моральный облик. Школа насчитывает около 500 представителей всех профессий и положений в обществе, от надежды жестянщика до наследника судьи в тоге.

Обучение здесь настолько высокого уровня, что ни одно частное учебное заведение не может конкурировать с ним; короче говоря, можно сказать, что оно включает в себя очень хорошее высшее образование. Прочтите следующий список профессоров: директор, который также является профессором моральных, умственных и политических наук; профессор практической математики; теоретических наук и астрономии; истории и художественной литературы; естественной истории; латыни и греческого; французского и испанского языков; рисования, письма и бухгалтерии; химии и естественной философии; и три ассистента. Самая высокая зарплата, получаемая этими профессорами, составляет 270 фунтов в год, за исключением зарплаты директора школы мистера Харта, которая составляет 400 фунтов.; и на нем сосредоточена вся ответственность. Это единственная школа, где, насколько я когда-либо знал, регулярно преподавал старый саксонец. Обучение проводится по различным другим предметам, не перечисленным в списке профессоров; таким образом, в классе под руководством профессора преподаются естественная история, ботаника и анатомия, а также такая медицинская информация, которая может быть полезна в любых чрезвычайных ситуациях повседневной жизни. На этот урок не приносят книг; обучение проводится исключительно в форме лекции, а рассматриваемые предметы объясняются с помощью прекрасно выполненных прозрачных пленок, которые днем размещаются перед окном, а ночью - перед яркой струей

газа и, таким образом, легко видны всем. Готовность, с которой я слышал, как ученики в этом классе отвечали на предложенные им вопросы, свидетельствовала об интересе, который они проявляли к предмету, и была убедительным доказательством эффективности применяемой системы обучения; они погружались в тайны человеческой и растительной жизни с легкостью, которая наиболее убедительно свидетельствовала о мастерстве инструктора и внимании учеников.

В этой школе принят план, которого я никогда раньше не видел и результаты которого, по словам профессора Харта, вызывают восхищение. По истечении каждой трех четвертей часа все двери и окна в доме открываются одновременно; затем дважды звонят в колокольчик: при первом звуке все лекции, декламации и упражнения прекращаются, и студенты кладут свои книги, шапки и т. Д., Готовые к выходу; при втором звуке все классы одновременно переходят из комнаты, в которой они занимались, в комнату, в которой будет проходить следующий курс обучения. Здание устроено так, что, переходя из одной комнаты в другую, им приходится проходить через двор вокруг дома. Эта операция занимает три минуты и повторяется примерно восемь раз в день, в течение которых все двери и окна открыты, что позволяет тщательно проветривать помещения; но есть и еще одно преимущество, которое так описано в Отчете— "Эти движения признаны очень полезными, поскольку они периодически дают свежий импульс как телу, так и уму учащихся и почти механически прерывают унылое однообразие, характерное для школьных часов". Директор сказал мне, что, по результатам тщательного наблюдения, он рассматривал это как одно из самых ценных правил в учреждении, и что трудно было слишком высоко оценить его преимущества, свежесть ума, которую оно приносило, бесконечно перевешивала любые потери времени, перерывы и т. Д. Я провел три интересных часа в этом замечательном заведении.

Следующее заведение, которое я посетил, было совсем другого описания; *т.е.* тюрьма одиночного заключения. Мне очень хотелось увидеть некоторых заключенных, которые находились в заключении в течение длительного времени, но из-за некоторой неформальности в письме, которое я принес, опекун не чувствовал себя уполномоченным нарушать правила. Заключенных иногда заключают здесь на двенадцать лет; они содержатся совершенно отдельно, но им разрешается заниматься разными профессиями и т. Д. В своих камерах. Мой проводник сказал мне, что он никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них стал хоть немного идиотом или потерял голову от долгого заключения. Их камеры были чистыми и просторными, а к некоторым был пристроен небольшой садик площадью восемь квадратных футов; их кормили обильно и вкусно, а дисциплина поддерживалась строгой диетой; "но, - говорит проводник, - если они станут очень назойливыми и упрямыми, мы" ... что вы думаете?... "дайте им помыться под душем"; здешние преступники, похоже, ненавидят пресную воду так же сильно, как жильцы богаделен в Англии. Тюрьма кажется очень хорошо приспособленной для побега; но я полагаю, что вооруженные винтовками часовые по углам стены внушают им достаточный страх, поскольку, как мне сказали, они очень редко сбегают. Ограниченное число составляло двести восемьдесят.

Последним местом, которое я посетил, был Сумасшедший дом, который, по-видимому, превосходно расположен и которым превосходно управляют. Ситуация располагает к виду на две дороги общего пользования, где суeta и движение жизни постоянно проходят перед их глазами, и между ними нет видимого забора, земля настолько холмистая и поросшая лесом, что эффективно скрывает барьер. Территория приятно разбита на аллеи, сады, оранжереи и т.д.;

удобный читальный зал и десятиметровая аллея^[AF] предусмотрены с каждой стороны, одна для мужчин, другая для женщин. Комнаты и общежития большие и просторные, а экипажи и лошади готовы к выполнению тех упражнений, которые рекомендует выполнять врач. Комфорт заключенных казался таким же, как в любом подобном учреждении, которое я посетил, а положение намного превосходило их, поскольку между ними и открытой местностью не было видимого барьера.

Но Время говорит путешественнику то же, что полицейский говорит собирающейся толпе: "Двигайтесь дальше, если вам угодно, сэр; двигайтесь дальше". Повиноваться - это слово. Добрые друзья остались позади, чайник шипит, железный конь фыркает, Гудзон пройден, Нью-Йорк завоеван, путешествие позади, передо мной хлеб, масло и Богема. "Продолжайте", - говорит Тайм. Чарлстонский пароход "Джеймс Аджер" рвется в путь. Я был представлен агентам, они представили меня шкиперу. Шкипер, похоже, принимает меня за своего отца; он настаивает, чтобы я занимал его каюту — веселую комнату, в которой могла поместиться полка — пятнадцать квадратных футов. Спасибо, превосходнейший шкипер, "пусть ваша тень никогда не будет меньше" — теперь это достаточно существенно. Вы спрашиваете, почему я еду в Нью-Йорк из Филадельфии, чтобы добраться до Чарльстона? Ответ прост: избежать чистилища американской железной дороги и наслаждаться живительным бризом, "который проносится над океанской волной". Шкипер был настоящим козырем; обслуживание было чистым, и мы питались как бойцовые петухи. Погода стояла прекрасная, корабль держался молодцом, пассажиров было немного, но по палубам разлеталось ровно столько сока бакко, чтобы напомнить мне, где я нахожусь.

Один из нашей компании был по-своему очаровательной редкостью. Это был ирландский янки восьмидесяти трех лет. Более совершенного Пэдди никогда не существовало; и поэтому, конечно же, он заговорил о драках и начал подробно описывать мне различные стычки, в которых "мы бьем британцев плетью". Чтобы подразнить его, я сказал: "Неудивительно; в их жилах текла англосаксонская кровь, они привезли свое мужество из Англии и сражались не только дома, но и с уздечкой на шее". Старый ветеран пришел в ярость, проклял Англию и саксонскую кровь, от Гарольда до наших дней; затем он доказал, к своему собственному удовлетворению, что все великие люди в Америке и все солдаты были кельтами. "Это кельты, сэр, разгромили британцев; и, как бы я ни был стар, я уверен, что хотел бы отвести 20 000 человек в старую страну и освободить ее от кровожадных виллинов, саксонских скотов". Если бы у бедняги О'Брайена была хотя бы половина огня этого старого Пэдди-янки, его никогда бы не застали дремлющим среди кочанов капусты старой вдовы. Я действительно думал, что старый джентльмен разразился бы гневом или рухнул в обморок от неожиданности; но это пронеслось, как белый шквал, и оставило позади первоначальное восьмидесятилетнее спокойствие. Тьма третьего вечера сомкнулась над нами, стремительный поток требует освобождения, кругом летают канаты, от них убегают мальчишки, а за ними гонятся мужчины; добрый "Джеймс Аджер" кокетничает с хорошо известными юными леди, мисс "Баккур и Тернахед"; Джеймс, кажется, решил наслаждаться этим вечером необычайно долго; но, как и всему остальному, этому должен быть конец, и наконец добрый Джеймс уютно устроился на своей койке у причала в Чарльстоне. Извозчики и зазывалы предлагают бесконечное множество услуг; пассажиры сияют — мой Янки Пэдди, надо надеяться, ходил в ледяной салон. Ваш покорный слуга ходил в пансион, который содержала весьма достойная пожилая леди, но там одну половину дома занимали мухи, а другую - самые грязные негритянские мальчишки. Несколько респектабельных людей из уважения к пожилой леди совершали покаяние,

проживая в ее доме: поездка по горячему пеплу из Дана в Вирсавию была бы роскошью по сравнению с этим. Я смирился, так как видел искреннее желание милой старушки устроить меня как можно удобнее; и, научившись есть с закрытыми глазами, я стал жить сносно. Но едва я переступил порог этого заведения, которое я описывал, как ко мне подскочили добрые друзья, чтобы поприветствовать меня и предложить воспользоваться их клубной комнатой, которая находилась как раз напротив моего пансиона; и поскольку это было лишь прелюдией к бесконечным другим любезностям, в моем жилище я виделся очень редко; что легко представить, если вспомнить, как знаменит Чарльстон не только хорошей жизнью, которую он предоставляет, но и щедрым гостеприимством, с которым его оказывают. Письмо одному джентльмену становится, как по волшебству, "Сезам, откройся" для всех подвалов и общества в этом месте; и единственный спорный вопрос заключается в том, кто может проявить к вам больше доброты.

Город удобно расположен между реками Эшли и Купер, с населением в 25 000 белых и столько же черных; это смесь всего, что приятно и раздражает. К домам в основном пристроены небольшие сады, усыпанные тропическими цветами, а улицы затенены аллеями деревьев. На все это очень приятно смотреть; но когда вы выходите прогуляться, если воздух спокоен, бифштекс обжаривается на тулье вашей шляпы; а если дует малейший ветерок, песчаная пыль, подобно египетскому хамсину, смеется над всеми предосторожностями, слепит вам глаза, набивает нос, рот и доводит вашу шкуру до состояния, для которого я не могу найти другого сравнения, кроме как с ящиком, предназначенным для изображения каменного пьедестала, и который, когда краска наполовину высохнет, посыпают песком для придания ему совершенного вида. иллюзия. Таким образом, вы можете понять прелесть и раздражение, о которых я говорил. Когда жители желают прокатиться, к ним ведет дощатая дорога длиной около шести миль, которая позволяет им наслаждаться этой роскошью. Если их не устраивает эта дорога, они должны искать своего удовольствия в экипажах, по самые оси занесенных песком. Здесь до сих пор сохранились три старых роялистских здания, а именно Епископальная церковь, здание Суда и Биржа. Первое тепло напоминает о милой старой приходской церкви в Англии, с ее тяжелой дубовой кафедрой и квадратными семейными скамьями, и это отрезвляет разум, поскольку возвращает память к тем дням, когда в церкви не было бурной деятельности, не было раздоров — когда прихожане не ссорились из—за цвета одежды проповедника — когда не было треугольной дуэли (*смотреть Marryat*) по поводу свечей, отсутствия свечей и зажженных свечей - когда, короче говоря, если было умеренное рвение по существу, то не было и ссор. не было никаких ссор из-за теней религии; и если мы не были благословлены рвением Беннета, то мы не были прокляты раздорами Варнавы. В то время, когда колонисты выгнали нас из этого места, чтобы не уходить с пустыми руками, мы упаковали церковные колокола в качестве трофея — (вопрос, разве ограбление церкви не святотатство?) — И в конце концов они попали в лавку купца в Англии, где оставались годами. Не так давно, будучи обнаруженными, они были возвращены на свое первоначальное место и теперь призывают республиканцев девятнадцатого века к богослужению так же страстно, как они призывали роялистов в восемнадцатом. В двух других зданиях нет ничего примечательного, кроме их древности и возникающих в связи с этим ассоциаций.^[AG]

Одним из самых ярких зрелищ здесь является выход Пожарных команд в любой торжественный день. Они состоят из восьми рот, по сто человек в каждой; их паровозы великолепно установлены и со вкусом украшены цветами; развеваются знамена; люди в яркой, но деловой форме тащат свои паровозы, а оркестры весело играют перед ними. Особенность

чарльстонских пожарных в том, что вместо того, чтобы состоять из всех хулиганов города, как это часто бывает в крупных городах востока, они, вообще говоря, самые респектабельные люди в обществе. Отчасти это может быть объяснено тем, что служба в милиции такая тяжелая, а штрафы за пренебрежение к ней такие большие, от которых освобождены все, кто служит в Пожарных частях.^[АН] Жители Южной Каролины, в ожидании любого восстания среди негров или на случай, если их вынудят к отделению успешные усилия аболиционистов, очень предусмотрительно основали небольшое учреждение в Вест-Пойнте в миниатюре,^[АИ] где парни от пятнадцати до двадцати лет получают основательное военное образование, а затем уходят в частную жизнь и занимаются любым делом по своему выбору. Таким образом получается ядро военных офицеров, необходимое для армии, и частая муштра ополчения формирует прочную основу для этого последнего, если, к сожалению, наступит час необходимости. Самое веселое время в Чарльстоне приходится на скачки, которые проходят в феврале и имеют значительную репутацию, хотя, возможно, и не такую высокую, как несколько лет назад. Я никогда не видел ни одного из их скаковых жеребцов; но, поскольку они импортируют из Англии одних из лучших жеребцов, поступающих на рынок, и поскольку порода лошадей в Америке очень активная и выносливая, их скакуны, надо полагать, представляют очень хорошее шоу.

Напитав свой организм "черепашым", "террапинским", мятным джулепом и мадерой - последнее может похвастаться только Америкой, — я попрощался со своими добрыми и гостеприимными друзьями и отправился в Виргинию. Первую часть путешествия — *то есть* до Уилмингтона — я проделал на убогом маленьком пароходике, мало пригодном для плавания, с ужасными кроватками, по три одна над другой, в которых можно было спать, и, как обычно, разношерстными пассажирами. Никакого особенного инцидента не произошло; и благодаря хорошей погоде мы избежали крушения или отправки обратно. Поднимаясь по реке в Уилмингтон, вы видите королевских — прошу прощения, республиканских — осетров, прыгающих во всех направлениях и всех размеров, от трех до пяти футов в длину. Мы добрались до города как раз вовремя, чтобы успеть на поезд, и отправились в путь. Когда мы проехали около шести миль, странное движение вагонов, усугубленное их "наклонным" положением и сопровождаемое легким скрежетом, возвестило о том, что мы сошли с рельсов. Слава Богу! никто не погиб и не переломал конечностей. Первым человеком, которого я увидел спрыгнувшим с поезда, был испанский полковник, который бросился бежать с активностью, не свойственной его годам, прижимая к груди любимую скрипку, которая была радостью его сердца и о сохранности которой он, очевидно, беспокоился так же, как о своей собственной. Он сел рядом с экипажами, являя собой нелепую картину сочетания тревоги и хладнокровия. Он направлялся в Англию с намерением представить королеве несколько музыкальных произведений, и, возможно, у него мелькнула мысль, что он мог бы исполнить немного Паганини перед Ее Милостивым Величеством. Постепенно вся компания распалась; и тогда обнаружилось, что, съезжи мы с рельсов еще на несколько ярдов, нас бы сильно подрезало на тридцатифутовом откосе; к счастью, мы съехали на ровном месте и просто застряли в песке.

После выяснения причины аварии я установил, что это произошло из-за того, что была сломана точка для поворота на другой комплект рельсов. Осмотрев упомянутую точку, я обнаружил, что она была настолько изношенной и прогнувшейся, насколько это могло сделать время. Я упомянул об этом инженеру, который сказал мне, что он прекрасно знал об этом и сообщил об этом суперинтенданту за две недели до этого, но что он — суперинтендант — предположил, что это еще какое-то время будет работать очень хорошо; следовательно, инженер всегда ехал медленнее, приближаясь к месту, чтобы избежать, по возможности, аварии. Благодаря этой

предосторожности мы были спасены от опрокидывания на берег, которое в противном случае неизбежно постигло бы нас. Таким образом, ради двадцати шиллингов они разбили двигатель, причинив ущерб по меньшей мере на двадцать фунтов, помимо риска для жизни всех пассажиров. Что было делать? Ему ничего не оставалось, как вернуться в Уилмингтон, пережевывать жвачку отвращения и надеяться, что негодяй суперинтендант переломает ему все кости в теле при первой же благоприятной возможности. Покончив с этим и отдохнув ночь, мы снова стали искушать судьбу и продолжили наше путешествие, которое долгое время тянулось по большим сосновым лесам, каждый член общины которых был жертвой рваных ран, нанесенных ему с целью вытянуть из него кровь, которая стекала в коробочку у корня, а когда она наполнялась, ее уносили для приготовления скипидара.

Прибыв в Питерборо, мы обнаружили, что население настолько отстало от американского, что они не позволили провести железную дорогу через их город; следовательно, мы были вынуждены пересест в омнибусы и проехать около трех миль до станции на другой стороне. Поскольку эта поездка на редкость обошлась без происшествий, возможно, читателю будет приятно узнать, что в суматохе при пересадке с одной станции на другую я потерял свою лучшую и единственную шляпу. Я надеюсь, что эта простая запись будет воспринята как убедительное доказательство монотонности и скучности путешествия. Я упоминаю об этом не для того, чтобы вызвать сочувствие, ибо я счастлив сообщить, что с тех пор приобрел новый, получше; и в случае, если мой старый будет найден, я настоящим завещаю такой же мэру Питерборо, его наследникам и преемникам, надеясь, что они не смогут носить другой, пока железная дорога вокруг города или через него не соединит термини. Мы снова садимся на железного коня — время летит незаметно - свет смешивается с темнотой — и в девять часов я высаживаюсь в отеле Royal Exchange в Ричмонде. Мыло и вода, чай и постель сменяют друг друга, а затем наступает страна грез и забвения.

Ричмонд - прекрасное местечко, расположенное на северном берегу реки Джеймс, в ста пятидесяти милях от моря, и является столицей штата Вирджиния. В нем проживает около 30 000 жителей, из которых 1000 являются рабами. Построенный на нескольких холмах, он свободен от вечного однообразия уровней и правильности линий, которые так утомляют глаз в Нью-Йорке, Филадельфии и других городах, и его местоположение больше напоминает расположение Бостона или Балтимора. Река Джеймс судоходна для небольших судов на высоте до Ричмонда, но прямо над городом есть барьер, который задерживает взгляд как штурмана, так и путешественника. Этот барьер называется Порогами и является самой красивой деталью пейзажа.

Протяженность порогов составляет около трех четвертей мили, а их падение на этом расстоянии составляет более ста футов. Ручей широк и перемежается бесконечными маленькими лесистыми островками и скалами, вокруг и над которыми он разбрасывает брызги и пену в своем стремительном спуске. Климат прекрасен, атмосфера - жемчужина; и когда с высоты вы смотрите вниз на панораму, расстилающуюся у вас под ногами, это вызывает в памяти прекрасный вид, которым многие из нас, должно быть, часто восхищались, вдыхая аромат водорослей и прогуливаясь летним днем по Ричмонд-террас, любясь на старую Темзу, сверкающую в лучах заходящего солнца и кажущуюся вдвойне яркой из-за мрачной тени старинного леса, окаймляющего берег этого медлительного ручья. Простите за это отступление; только те, кто забрел так далеко, могут ощутить неопределенное, неопишемое удовольствие, с

которым хватаешься за все, что напоминает о доме, к которому привязан, о сценах первых дней и о дорогих друзьях, которые все еще наслаждаются ими.

Лучшее место для обзора Порогов - с дороги, ведущей к Кладбищу, которое здесь, как и в большинстве крупных американских городов, является одним из самых красивых мест в округе; но Пороги служат не только украшением, они в высшей степени полезны. Они снабжают водой несколько мельниц, одна из которых, мукомольная фабрика Гальего, представляет собой великолепное сооружение, высотой в шесть этажей, площадью почти сто футов и способное ежедневно производить 1200 бочек муки. Мука очень высокого качества, цена этого бренда выше, чем у большинства других в стране. Есть также прокатные станы, хлопчатобумажные и табачные фабрики; последние, конечно, в больших количествах, поскольку табак является одним из основных продуктов государства, и их количество быстро растет. Продукция, поступавшая в Ричмонд, в 1851 году составляла менее 16 000 бочек, в 1852 году - более 24 000, а сейчас, весьма вероятно, превышает 30 000. Вирджиния имеет честь быть первым штатом, выращивающим хлопок, выращивание которого было начато в 1662 году.

Давайте поднимемся на холм на восточной окраине города, откуда открывается панорамный вид на реку под городом и всю окружающую местность. Одно место привлекает внимание, место, окруженное самым глубоким и романтическим интересом. Одинокое дерево, к которому еще ни одна кощунственная рука не осмелилась приложить топор, стоит в нескольких милях вниз по реке, на том же берегу, что и город, и отмечает место стоянки почтенного старого вождя Поухэттана, когда колония еще находилась в зачаточном состоянии и когда индеец и белый человек — разоритель и избалованный — смотрели друг на друга со взаимным недоверием, глубоким страхом с одной стороны и мрачными предчувствиями с другой. Индейцев больше нет; и ничего не осталось в память об этом вожде, который когда-то безраздельно правил этой плодородной землей, кроме этого одинокого дерева; и какой эпизод в истории колонизации напоминает это дерево! Кто может забыть, что, когда отчаяние было хлебом насущным для колонистов, когда ничто, кроме энергии и гения Смита — человека с очень заурядным именем, но не заурядным характером, — не давало угаснуть надежде, нападение индейцев сделало его пленником и лишило их надежды. Тогда как романтична история о его пленении! Он не выказал страха, но сохранил полное самообладание; и, вспомнив, как легко можно воздействовать на их суеверные умы, он вышел вперед и с великой торжественностью начал пристально смотреть на свой карманный компас, а оттуда на небо, чередуя то то, то другое, пока не внушил им чувство благоговения, как если бы он был высшим существом, общающимся с Великим Духом. Это чувство постепенно прошло, и похитители настояли на его смерти как на искуплении за многочисленные увечья, которые они получили от рук белых. Племя встречается, плаха приготовлена, шея пленника наготове, поднятый томагавк, удерживаемый мускулистой рукой индейца, каждый мускул которой дрожит от мести, блестит в солнечных лучах; смуглые фигуры вокруг, жаждущие крови, с тревогой ожидают принесения жертвы, уже слишком долго откладываемого. Надежда покинула грудь пленника, и он искренне общается с Великим Духом, в присутствие которого его так печально и быстро приведут. Внезапно раздается пронзительный крик! При звуке этого хорошо знакомого голоса рука дикаря бессильно опускается, когда на шее отчаявшегося пленника лежит прелестная дочь Поухэттана, со слезящимися глазами и всей дикой энергией своего народа, клянящаяся, что не переживет бойни своего самого доброго друга. Безжалостные руки оторвут ее и довершат кровавую трагедию. Кто посмеет хотя бы пальцем тронуть благородную дочь их обожаемого вождя? Они стоят в смущении, месть и сомнение борются в их сердцах; красноречие любви и милосердия

неотразимо льется из глаз Покахонтас. Томагавк, поднятый мужчиной из мести за смерть пленника, опускается, тронутый женскими слезами, чтобы разрезать пути пленника.

Воистину черствым должно быть сердце того человека, который может смотреть на место, где благородная Покахонтас, выросшая среди дикарей, посреди торжественного величия леса, под широким небесным сводом, без света Евангелия, который мог бы направлять и смягчать, получила святые импульсы любви и милосердия из рук своего Создателя; и как приятно помнить, что она, так рано проникшаяся этими священными чувствами, вскоре после этого обратилась в христианство. Увы! как коротка ее христианская карьера. Выйдя замуж за мистера Дж. Рольфа, она умерла при родах, не дожив до двадцати пяти лет, и от нее ведут свое происхождение многие из старейших семей Вирджинии по сей день. Вирджиния, как хорошо известно, всегда считалась аристократическим штатом; и это своего рода шутка — в намеке на это индийское происхождение — когда другие штаты пренебрежительно отзываются о F.F.Vs. — *псевдониме* первых семейств Вирджинии. Пусть те, кто насмехается, тщательно поищут среди своих заплесневелых свитков предков более благородное сердце, чем у Покахонтас, радости дома Поухаттана и гордости всего его племени. Как странно, что сцена, столь хорошо известная, как описанная выше, и жизнь, столь полная приключений, как у Смита, еще ни разу не попадали под перо Бондаря или Бульвера!

Один из моих друзей в Нью-Йорке передал мне письмо к джентльмену в Ричмонд, в дом которого я зашел вскоре после приезда, поскольку мое пребывание там было неизбежно коротким. Он был за городом, на своей плантации. Это разочарование я попытался исправить, вложив письмо; но когда я это сделал, Самбо не смог сказать мне, как адресовать его, поскольку он не знал ни места, ни его удаленности. Передо мной стояла дилемма, и пока я ломал голову, как решить возникшую трудность, вошла дама, и, пройдя мимо меня, Самбо, ухмыляясь сквозь *шево-де-фризе* из белоснежной слоновой кости, сообщил мне, что это "его жена". Я немедленно отправила письмо ей, чтобы получить направление, и вместо моего письма получила немедленное приглашение войти. Ничто не могло быть более подходящим леди и сердечным, чем прием, который она мне оказала. При всей моей застенчивости, она сразу же расположила меня к себе; менее чем через четверть часа я почувствовал себя в обществе старого друга; и во время моего пребывания в Ричмонде каждый день я сидел в одном и том же уютном уголке дивана у камина, наслаждаясь обществом одной из самых любезных леди, которых мне когда-либо посчастливилось встретить. Муж вскоре вернулся с плантации, и тогда все гостеприимство дома было в моем распоряжении, как если бы оно было моим собственным, и тот или иной из этих добрых друзей, если не оба, ежедневно перевозносили меня в Ричмонде или его окрестностях. Я уверен, что любой из моих соотечественников, посетивших этот город, когда в нем останавливались мистер и миссис Стэнард, с готовностью услышит свидетельство их доброго гостеприимства и приятного общества.

Здесь расположены различные общественные здания, среди наиболее заметных из которых - Капитолий, построенный на большой общественной площади, с вершины которого открывается великолепный панорамный вид. Есть также около тридцати церквей, одна из которых, Монументальная церковь — епископальная - стоит на почве печальных воспоминаний; ибо здесь в 1811 году стоял театр, который в течение того года был полностью уничтожен пожаром, в результате которого погибли губернатор и десятки других людей. Одной из главных причин уничтожения жизни было то, что двери здания были приспособлены для открывания внутрь — обычай, безумие которого сравнимо только с его универсальностью. При крике о пожаре

бросок к дверям был настолько велик, что открыть их было невозможно из-за давления. Единственными путями спасения были окна, при отступлении через которые большинство из тех немногих, кому удалось спастись, получили самые серьезные травмы. Как можно остановить эту абсурдную практику открывания дверей внутрь? Что вы думаете, если бы страховые компании объединились и заставили людей лишаться страховки, если они войдут в любое общественное здание, двери которого оборудованы таким образом; или, возможно, канцлер казначейства мог бы внести законопроект о взимании очень высокого налога со всех общественных зданий, двери которых открываются таким опасным образом, и содержащий строгий пункт, обязывающий управляющих и все заинтересованные стороны поддерживать вдов и сирот и оплачивать услуги врачей в результате несчастных случаев, вызванных этим. Увы! Я боюсь, что до тех пор, пока, как сказал бы Сидни Смит, мы не превратим в пепел нескольких министров кабинета и одного—двух ведущих членов Палаты пэров, мы будем продолжать совершать наше безумие, потому что наши предки поступали так до нас.

Среди других мест, куда я ходил, была общественная бильярдная, и, войдя, я сразу же проникся сочувствием, увидев мальчика лет тринадцати-четырнадцати с очень обширным огненным колье, над которым виднелась ужасающе большая опухоль. Не будучи медиком, я был очень озадачен, когда увидел упомянутую припухлость,двигающуюся, как монетка на щеке обезьяны; вскоре сочувствие исчезло, и загадка была решена, поскольку поток сока бакко залил пол. Бедный мальчик! должно быть, ему потребовался час напряженной работы, чтобы втащить эту отвратительную массу, и сделать это можно было только частями: таких размеров она достигла, что любому сломала бы челюсть, если бы пришлось удалять ее из комка; но он, казалось, и не думал расставаться со своим сокровищем, которым, надо отдать ему справедливость, он ворочал с такой легкостью, как будто перед ним с колыбели был воспитатель обезьян; и это не мешало ему делать ставки в стиле, который весьма удивил такого уравновешенного старого джентльмена, как я.

Штат Вирджиния, как и все другие штаты Союза, подвергается растущему давлению демократии:^[AJ] одной из его особенностей, которая особенно неприятна для более трезвомыслящих членов сообщества, является новый порядок разделения избирательных округов, получивший название "Геримандер". В первые дни Республики все деления проводились по прямым линиям или как можно ближе к прямым; но этот справедливый и естественный способ деления не рассматривается автократической демократией как достаточно благоприятный для их взглядов; и следствием этого является то, что были заменены другие деления, наиболее неправильной формы, чтобы, по возможности, полностью уничтожить и без того ослабленную оппозицию. Эта операция, как сказал мне мой информатор, приобрела своего рода известность в Массачусетсе несколько лет назад; и, как говорят, во время дискуссий по этому вопросу в законодательном собрании штата один из ораторов сравнил некоторые из этих произвольных подразделений с саламандрами, на которых они несколько походили по своим очертаниям. Губернатор штата принадлежал к демократической партии и, следовательно, поддерживал и поощрял эти изменения, и звали его "Джерри"; поэтому шутник прервал оратора, воскликнув: "Не говорите "саламандра", называйте это "Джеримандр", — под этим именем оно известно с того дня.

Я могу здесь также упомянуть небольшой случай, свидетелем которого я был, который, каким бы приятным он ни был для хулиганов-демократов, разыгрывавших его, должен был быть каким угодно, но только не приятным для тех, кого прооперировали. Пожарная команда проверяла

свой двигатель и шланги, а за ней, конечно же, следовала команда бездельников и немых. Прибыв на рыночную площадь, они попробовали его дальноточность; это показалось им достаточно удовлетворительным; но человеку, который держал конец шланга, по-видимому, пришла в голову мысль, что дальноточность без хорошего прицеливания бесполезна: соответственно, он огляделся в поисках мишени, и стеклянный экипаж, проезжавший в это время мимо, показался ему особенно подходящим для его эксперимента. Внутри находились две пожилые женщины и белый Иегу на ящике. Самым неторопливым образом он наставил свое оружие под ободряющие крики прохожих и возрастающее рвение со стороны качалок; очевидно, окна были закрыты, иначе дамы промокли бы насквозь; как бы то ни было, хлещущий поток с грохотом ударил по экипажу, затем неуклонно устремился на бедного Иегу, напугав лошадей и чуть не сбив его с козел. Вполне естественно, что Ииуй был сильно разгневан и остановился; затем, сойдя с козел, он подошел к нападавшим, которые встретили его взрывами смеха; лошади, оставшиеся без поводья, пустились галопом, Ииуй побежал за ними, но, к счастью, подбежали еще один человек и я, и остановили их до того, как произошел какой-либо несчастный случай.

Все это происходило в полдень, и ни один голос не был поднят против этого. Если бы я осмелился вмешаться в эту вольность субъекта, то, скорее всего, меня привязали бы к одному из столбов на рыночной площади и заставили бы стоять как мишень в течение часа. Должно быть, это очаровательно, когда массы правят безраздельно. Представьте себе Сент-Джеймс-стрит в праздничный день, полную таких милых маленьких продавцов воды, как эта; какие восторженные возгласы они подняли бы, когда меткий выстрел снес бы треуголку и короткий парик какого-нибудь лоточника или отправил бы его букет диаметром восемнадцать дюймов в полет на улицу!-- тогда какое удовольствие было бы поиграть с подбитыми икрами и шелковыми чулками патагонца Джона, когда он стоял позади! - и только представьте себе безмерный восторг, если бы по счастливой случайности им удалось разбить какое-нибудь окно и затопить живого аристократа! Какой прекрасной вещью должна быть чистая демократия! как большинство должно наслаждаться жизнью! как меньшинство должно радоваться мягкому господству костей над мозгами! Какая великолепная идея - равенство! превзойденный только этой гигантской концепцией господ Кобдена и Ко. , услеп Общество мира, по поводу которого был разыгран такой кровавый комментарий перед Севастополем.

СНОСКИ:

[ОБЪЯВЛЕНИЕ]

Генерал Кэдуолладер, чье гостеприимство хорошо известно всем иностранцам, посещающим Филадельфию.

[АЕ]

Увы! с тех пор она встретила печальную смерть, будучи случайно отравленной в Мексике 18 июня 1854 года; но ее слава так же нетленна, как и ее безупречная жизнь.

[АФ]

Происхождение десятиколенок достаточно забавно и заключается в следующем: — Государство приняло закон, запрещающий девятиколеночные переулки, в то время, когда религиозный пыл был на пределе, была добавлена десятая булавка, и закон обошел стороной. Тем временем высокое давление опустилось ниже точки кипения, и "тен-булавочная аллея" остается по сей день развлечением для людей и предупреждением неосмотрительным законодателям.

[AG]

Коммерческое процветание Южной Каролины, по-видимому, неуклонно, если не быстро, растет. Производство хлопка было...

В 1847 году. В 1852 году.

Тюки, основная земля 336,562 472,338
То же самое, морские острова 13,529 20,500

Итого 350 091 492 838

Рис в 1847 году - 146 260 ярусов.
То же самое. в 1852 году - 137 497 ярусов.

Средняя стоимость тюка (450 фунтов) хлопка с основных земель составляет от 6 до 8 фунтов стерлингов; хлопка с морских островов - от 30 до 36 фунтов стерлингов. Средняя цена порции риса (600 фунтов) составляет от 3л.s. to 4л..

[AH]

Независимо от огромных сборов в пятьдесят процентов. в зависимости от налогов, которые вы платите, также предусмотрен небольшой штраф за каждое пропущенное шествие.

[AI]

Посмотрите главу о "Военном образовании".

[AJ]

Посмотрите главу "Конституция".

ГЛАВА XV.

От реки до Ипподрома.

Насладившись гостеприимством моих добрых друзей настолько, насколько позволяло время, я получил рекомендательное письмо и, сев на пароход, отправился в Вильямсбург, названный так в честь короля Вильгельма III. По пути вниз мы выбрали самых здоровых и веселых маленьких уток подросткового возраста, каких только можно было пожелать увидеть. Когда я поинтересовалась, что представляет собой эта совокупность розовых щек и солнечных улыбок, мне сообщили, что это общая сумма женской школы в Уильямсбурге - и это была очень очаровательная общая сумма. Взяв выходной на один день, они приехали сюда ранним пароходом, чтобы устроить пикник на берегу, и теперь возвращались к хронологии и кроссвордам, или к чему бы еще ни сводились их занятия. Приземлившись в Кингз-Миллс, "автобус" доставил нас всех в Уильямсбург, расстояние в три или четыре мили, одна половина из которых пролегла по самой унылой дороге, какая только могла быть, а другая - через тенистую лесную рощу.

Этот старый город состоит из прямой улицы, на одном конце которой находится заведение, занимаемое румяными щеками, о которых мы говорили, и которое очень опрятно выглядит; на другом конце — всего в полумиле от него — находится колледж. По обе стороны указанной улицы серповидными рядами стоят отдельно стоящие дома, перед ними общая площадь. Население составляет 1500 человек, и, насколько я смог узнать, на памяти старейшего жителя оно не менялось. Естественно, я испытывал большой интерес к посещению этого места, поскольку изначально оно было резиденцией королевского правительства, а мой дед был последним губернатором штата. Остов старого дворца был случайно сожжен дотла во время оккупации французскими войсками в 1782 году. Фундаменты толщиной в шесть футов до сих пор можно проследить, хотя большая часть кирпича была использована для строительства зданий по соседству. Также можно проследить очертания старого сада и его террас, и это, должно быть, было очень очаровательное место. Там растут две прекрасные липы в цветущем состоянии, которые, как мне сказали, он посадил сам из семян, привезенных из дома. Очевидно, его мысли были о том далеком доме, когда он сажал их; что касается расположения относительно друг друга и расстояния от старого дворца, то они точно совпадают с двумя, под которыми прошли многие из моих первых дней, в старом семейном особняке Гленфинарл на озере Лох-Файн, который с тех пор перешел в собственность мистера Дугласа.

По соседству есть старая канава, которая называется Канава лорда Данмора. История, которую сообщил мне мой информатор, достаточно абсурдна, и до сих пор жив негр по имени Исаак, который помнит все обстоятельства. Похоже, что лорд Данмор, придравшись к ирландскому рабочему за то, что тот недостаточно хорошо выполнял свою работу, Пэдди ответил: "Честное слово, если бы у вас в руках был заступ, может быть, половина удовлетворила бы вашего заступа". Губернатор, который оказался человеком с железным характером и совсем не прочь пошутить, немедленно принял вызов Пэдди и ответил: "Пэдди, я буду работать против тебя четыре часа в канаве за месячную зарплату". Бойцы приступили к работе на следующее утро, и

по истечении четырех часов Пэдди был вынужден признать себя побежденным, и результат трудов моего дедушки по сей день носит название Канавы лорда Данмора.

Единственные сохранившиеся части старого дворца - это два крыла, в одном из которых сейчас находится дом священника, а в другом - школа, которую содержит англичанин, получивший образование в одном из наших университетов и живущий здесь по состоянию здоровья. Это место является удачно выбранным и излюбленным местом для школ, поскольку расположено на высоком плато с рекой Джеймс с одной стороны и рекой Йорк с другой; следовательно, воздух здесь особенно полезный и чистый.

Самым внушительным, если не самым полезным, из учебных заведений является колледж, который был основан Уильямом и Мэри в 1692 году. Здесь собрана очень приличная библиотека старых книг, но, по-видимому, в последние годы было внесено сравнительно мало дополнений. Здание несет на себе все внутренние признаки запущенности и ветхости: обветшалые стены, отколовшаяся штукатурка и т.д. При входе в лекционный зал множество восемнадцатидюймовых квадратных коробок, наполненных влагой, наводят на мысль о дождливом дне и помещении без крыши. Не обманывайтесь: это всего лишь сосуды для слива сока бакко студентов; а окружающий пол служит болезненной демонстрацией того, что их свободные души презирают ограничения в восемнадцать дюймов, какими бы обильными они ни были. По каким причинам я не могу сказать, но до недавнего времени колледж был практически заброшен. Нынешние власти стремятся придать ему немного жизненной силы и полезности. Имея перед глазами эти простые факты, было забавно прочитать в американском справочнике того времени, что колледж "в настоящее время находится в процветающем состоянии".

Перед колледжем разбита огороженная лужайка, а в центре установлена статуя, воздвигнутая в честь одного из старых королевских губернаторов Беркли, лорда Боутеторта. То ли из желания продемонстрировать свои антиаристократические чувства, то ли из врожденного вандализма, то ли из ребяческого желания проявить независимость, проказничая, упомянутая статуя является прицелом для студентов, которые продемонстрировали свое мастерство стрелков, полностью искалечив ее, несмотря на все протесты властей. Когда-то колледж был окружен великолепными вязами, но через несколько лет случилась эпидемия, которая уничтожила все до единого, оставив здание в наготе, похожей на пустыню. Гостиница в Уильямсбурге - жалкое здание, но ее содержит самый добросердечный, веселый старый хозяин, похожий на Джона Булла, какого когда-либо видели, и который радуется имени дяди Бена. Мясо достать трудно, так как здесь нет мясных лавок; однако сливок и сливочного масла здесь в изобилии и они превосходны. Дом почти полностью затенен одним великолепным вязом, который, к счастью, избежал фитофтороза, уничтожившего почти всех его собратьев.

После суеты большинства американских городов тишина этого места показалась мне невыразимо привлекательной. Когда вы стоите у дверей гостиницы, перед вами раскинулась открытая лужайка с маргаритками и лютиками; лошади и крупный рогатый скот мирно пасутся; на заднем плане видны уцелевшие крылья старого дворца; слева от вас возвышается старая деревенская церковь, построенная из кирпичей, привезенных из Англии, и давно уже облагороженная рукой времени, вокруг которой вьющийся плющ набрасывает почтенную мантию своей темной и массивной листвы. И вот призывный церковный колокол издает торжественную ноту; школьники с веселым смехом и легкой поступью пересекают пустошь;

деревня приходит в движение, и людской поток направляется к ее священным воротам: все, все говорит сердцу и воображению о счастливых днях и счастливых сценах в далекой стране. Вы закрываете глаза, чтобы лучше осознать мечту, которую рисует фантазия. Когда они снова открывают глаза на реальность, иллюзия рассеивается при виде мускулистого негра с ухмылкой на лице, от которой вот-вот лопнут уши, весело бегущего трусцой по улице с огромным куском осетрины для своего воскресного застолья. Мои друзья, однако, не оставили мне времени предаться созерцательному настроению, потому что старая добрая мадера, радушный прием и прогулка по окрестностям заполнили день; в то время как ароматная травка и круг общения заняли немалую часть вечера. Проведя здесь несколько, но очень приятных дней, я попрощался со своими гостеприимными друзьями, не забыв и об этой жизнерадостной душе, дяде Бене; затем, сев на пароход и вооружившись единственным рекомендательным письмом, я отправился посетить плантацию на берегу реки Джеймс.

Дом плантатора, как и дом доброго хайлендского лэрда, кажется сделанным из индийского каучука. Не написав, чтобы узнать, полон ли зал и приятно ли ваше общество, вы считаете первое невероятным, а второе несомненным. Когда вы приближаетесь к своей жертве, подается сигнал; ответом является лодка; вы садитесь в нее с сумкой и багажом; вы высаживаетесь у подножия его лужайки или какого-нибудь маленького прилегающего пирса и таким образом явно пользуетесь его гостеприимством. Читатель, если тебе когда-нибудь посчастливится получить рекомендательное письмо от Ширли, то один взгляд любезных хозяина и хозяйки, сопровождаемый настоящим пожатием руки, убедит тебя, что, вне всякого сомнения, тебе искренне и сердечно рады. Дом плантатора на Джеймс-Ривер во многом напоминает старую страну. Здание старое, кирпичи темно-красного цвета и во многих местах скрыты плющом колониального происхождения; несколько почтенных лесных монархов отбрасывают свою обильную тень на зеленую равнину, которая плавно спускается к воде. Сад, конюшни, фермерский двор, старые ворота, освященные веками оттенки всего — все настолько отличается от новой облицовки и новой живописи, которые преобладают по всему Северу, что вы чувствуете, что находитесь среди других элементов; и если вы заходите в дом, мысли также неудержимо возвращаются домой, когда взгляд блуждает от объекта к объекту. Стол из красного дерева и старые стулья из столовой, блестящие от времени полировкой темного эбенового дерева, которой тщетно пытается подражать человеческая изобретательность; массивные книжные шкафы с их причудливыми стеклянными дверцами в готическом стиле, за которыми в спокойном и пыльном покое покоятся тяжелые патриархального вида тома на нижних полках, образуя проданную основу для размещения более легкой и менее схоластической литературы; кресло, в котором, возможно, сидел торгшый Цезарь, но, должно быть, бывшее в употреблении во времена Вильгельма-завоевателя; ковер на полу, по клетчатому лицу которого великий Рэли, возможно, прогуливался в глубокой задумчивости; ковер, по поверхности которого поколения старых дев могли наблюдать за мурлыканьем своих домашних питомцев или вглядываться в клейкие глаза и вдыхать свежий ветерок, исходящий от жирного и ароматного Мопса: в какую бы сторону ни был обращен взгляд, какое бы направление ни принимало воображение, в разум навязывалось убеждение, что вы получили наследство и что то, что собрали воедино мудрость и энергия одного поколения, последующие поколения еще не развеяли по ветру испепеляющим порывом ветра. бесконечно малое деление. Когда воображение так сильно наполнено домом и его ассоциациями, вы невольно испытываете желание прогуляться по лужайке; но, когда вы подходите к двери, до ваших ушей доносятся дикие крики детского смеха, и, подняв глаза, вы видите дюжину маленьких черных

чертенят, резвящихся во всех направлениях, их пухлые мордочки, яркие глаза и солнечные улыбки излучают радость и здоровье. Дом и его разнообразные видения улетучиваются при виде этого, уступая место реальности, что вы находитесь на плантации рабов. О рабах я здесь ничего не скажу, кроме общего факта, что на всех плантациях, которые я посетил, они выглядели здоровыми, хорошо накормленными и хорошо одетыми. После того как я несколько дней пользовался гостеприимством Ширли, было решено, что я совершу спуск на другой участок ниже по реке. Итак, попрощавшись с моими добрыми друзьями в Ширли, я снова сел на пароход и был высажен у пирса Брэндона под самым проливным дождем, какой только можно себе представить. Пройдя четверть мили, я оказался у двери, как утонувшая крыса, и записка от моих друзей из Ширли обеспечила мне немедленный и сердечный прием.

Брэндон - это, пожалуй, та плантация, за которой ухаживают более тщательно, чем за любой другой на реке Джеймс, и которая, следовательно, изменилась меньше. Сейчас я имею в виду дом и прилегающую территорию, а не плантацию в целом, поскольку, по-моему, владелец в Ширли считается фермером. Я уже упоминал о фитофторозе, уничтожившем так много прекрасных вязов по обоим берегам реки Джеймс. Увядшее насекомое появилось у Брэндона; но хозяйка дома вскоре доказала, что знает толк в табаке не хуже мужчин, бросив несколько бочек упомянутого сорняка в воду, приготовив таким образом смертоносный отвар, с помощью которого, с помощью пожарной машины, она полностью уничтожила бесчисленные полчища почти невидимого врага и таким образом спасла несколько лучших вязов, которые я когда-либо видел в своей жизни, в тени которых старый фамильный особняк много лет укрывался от летнего солнца. Брэндон - единственное место, которое я посетил, где разрушитель не оставил следов своих разрушений. Лужайка красиво разбита в стиле одной из наших загородных вилл старинных времен, что дает полную уверенность в комфорте и ощущении покоя. Тропическое богатство и яркость листьев и цветов придавали им невыразимое очарование, поскольку они выделялись смелым рельефом на фоне чистого и безоблачного воздуха вокруг, так отличаясь от того расплывчатого контура, который слишком распространен в нашей влажной атмосфере. Затем были изящная плакучая ива, трепещущая осина, дикий плющ с его белыми соцветиями, отливающими девичьим румянцем; широколистная катальпа; магнолия, богатая листвой и цветами; а вокруг были разбросаны клумбы ярких и прелестных цветов. Границы этого очаровательного вида ограничивались либо почтенным особняком, над крышей которого патриархальные вязы, о которых мы говорили, отбрасывали свою прохладную и желанную тень, либо широким ручьем, лоно которого то и дело оживлялось какой-нибудь изящной баркой или быстроходным пароходом, а дальний берег был поросшим лесом до самой кромки воды. Здесь растет одно из самых прекрасных китайских розовых деревьев, которые я когда-либо видел; оно занимает площадь в сорок квадратных футов, его обвивают шпалеры, и оно могло бы простираться гораздо дальше этого расстояния: ежегодно здесь распускается одна масса цветов. К сожалению, я опоздал на неделю, чтобы увидеть его во всем великолепии; но увядшие цветы были наглядным доказательством того, каким великолепным он, должно быть, был.

Во время одной из моих поездок я поехал посмотреть на выборы, которые проходили по соседству. Дорога на некоторое расстояние пролегла через лес, полный великолепной древесины; но, как и у большинства лесных пород, то, что придает им товарную ценность, разрушает их живописный эффект. Несколько благородных стеблей — какими бы бедными ни были их головки — производят прекрасный эффект в окружении других, у которых было пространство для локтей; но лес стеблей с лилипутскими головками — каким бы большим ни

был обхват стебля — скорее передает идею бробдингневских свай, вбитых гигантами и демонстрирующих последние проблески жизненной силы в нескольких хилых ростках на их вершине. Подлесок оживляли кустарники всех оттенков, среди которых преобладал дикий цветущий плющ. Рессоры кареты подвергались испытаниям, когда колеса время от времени проваливались в яму, съезжая с которой, иногда попадалась колея длиной в сотню ярдов, размерами напоминающая военные подступы к цитадели; тем не менее, я получал огромное удовольствие от поездки. Местом выборов было романтическое местечко рядом с лесопилкой, на краю того, что в джентльменском парке в Англии называли бы прелестным маленьким озером, а в Америке - маленьким прудом. Когда каждая группа прибыла, лошадь была привязана к суку какого-нибудь дерева, и компания разделилась на различные группы; было израсходовано много табака, превратившегося в дым и сок; волнения было немного; все были веселы и дружелюбны; короче говоря, общая сцена наводила на мысль о собрании для полевой проповеди; но это быстро сменилось идеей приятного пикника сельских фермеров, поскольку весь *отряд комитатус* лихо атаковал длинный стол, который был установлен под прекрасным старым вязом, а затем был открыт для посещения. и лежал, постанывая под тяжестью сытного мяса и выпивки. Что касается пьянства, то все они были трезвы, как прачки. Вот и вся сцена сельских выборов в Вирджинии.

Чтобы приятно провести время, было предложено отправиться в плавание на очень красивой яхте под названием "Бриз", которая принадлежала соседнему плантатору. Мы все погрузились на борт в вечерней прохладе, и веселый смех вскоре сказал бы вам, что прекрасный пол здесь представлен вполне достойно. К несчастью, ночь была такой тихой, что ни малейшее дуновение не колыхало поверхность реки, за исключением того, что какой-то любознательный зефир, кружась, пролетел вдоль ручья, вселяя в нас надежду, а затем, удовлетворив свое любопытство, внезапно исчез, словно в насмешку над нашим горем. Название яхты давало широкое поле для каламбуров, которыми все мы жестоко воспользовались; и если наш круиз не был долгим, то, во всяком случае, он был очень приятным, полным веселья и резвости. Бледная Синтия отбрасывала свой мягкий серебристый свет на восточный горизонт еще до того, как мы приземлились.

Прогуливаясь по лужайке, я увидел совершенно прелестное зрелище; прекрасные деревья вокруг были буквально усеяны мириадами светлячков. Эти яркие и живые огоньки, метавшиеся туда—сюда среди темной листвы, образовывали самое прекрасное освещение, какое только можно себе представить, - то собираясь в пылающий огненный шар, то уносясь прочь полосой пламени молнии; затем, рассыпавшись бесчисленными искрами, они на мгновение исчезали в глубине своей мрачной беседки, чтобы появиться снова в какой-нибудь более разнообразной и прекрасной форме.

Действительно приятными были часы, которые я провел здесь; прекрасным был климат, прекрасным был пейзаж, радушным был прием: каждый день готовился какой-нибудь маленький план, чтобы сделать их гостеприимство более приятным для незнакомца; сама природа, казалось, радовалась, помогая их усилиям, потому что, хотя я прибыл во время потопа, после этого я почти никогда не видел ни облачка. Когда утренний свет проникал в мое открытое окно с незамутненной прозрачностью, малиновка, синяя птица, пересмешник, сонмы певчих певчих птиц исполняли свою раннюю ораторию в патриархальных вязах. Будучи неискушенными в музыкальной науке, они были свободны от ее законов и пели свои дикие и

разнообразные ноты, как бы призывая человека восхищаться величием и добротой своего Создателя и

"Страхни с себя унылую лень и рано встань,

Чтобы совершить свое утреннее жертвоприношение.

Если таков был их призыв, то он был сделан не напрасно; ибо и утром, и вечером — как здесь, так и в Ширли — каждый член семьи и посетитель собирались у семейного алтаря, службы перед которым совершались с одинаковой радостью и благоговением. Мне казалось, что я мог бы оставаться в этом очаровательном месте, среди такого теплого гостеприимства, бесконечно долго; действительно, с искренним сожалением я был вынужден попрощаться с моими радушными хозяевами и снова взойти на борт парохода.

Река Джеймс полностью лишена тех черт, которые придают великолепие пейзажу; река, правда, своими извилистыми изгибами время от времени представляет собой широкую водную гладь; берега также покрыты красивым лесом; но здесь царит поразительное однообразие и полное отсутствие того горного пейзажа, который так необходим для величия. Единственное, что радует глаз, - это время от времени заглядывать в какое-нибудь прелестное местечко, подобное тому, которое я только что описал; но таких очаровательных вилл, как "визиты ангела", "очень мало". Вот мы и в Норфолке. Как отличается тот же Норфолк от других восточных портов, которые я посетил! - там все суeta, активность и рост, — здесь же все уныние, запустение и застой. Это, без исключения, самый неинтересный город, в котором я когда-либо бывал; единственное, что придает ему видимость жизнеспособности, - это его близость к верфи и, как следствие, появление офицеров в форме; но, несмотря на это впечатление, которое сложилось у меня после двухдневного пребывания, мне из достоверных источников сообщили, что он процветает и совершенствуется. Согласно статистическим данным, которые наш консул, мистер Джеймс, был достаточно любезен, чтобы предоставить мне, оказывается, что 1847 год был великим годом ее коммерческой деятельности, ее импорт в тот год составил 94 000 фунтов, а экспорт - 364 000 фунтов. В 1852 году импорт составлял менее 25 000 л., а экспорт - немногим более 81 000 л., что, безусловно, по сравнению со средним показателем за десять предшествующих лет свидетельствует скорее об уменьшении, чем об увеличении коммерческого процветания. Его население составляет 16 000 человек; и это небольшое число — если вспомнить, что это порт въезда в великий штат Вирджиния — является веским аргументом против его заявленного процветания. Незадолго до моего приезда на них обрушился настоящий ливень, сопровождаемый водяным смерчем, который, очевидно, поднял уровень воды в некоторых прудах по соседству; во время шторма выпало большое количество сомов, одного из которых, размером в десять дюймов, по словам моего друга, он сам подобрал на значительном расстоянии от воды.

Единственный реальный объект интереса в Норфолке - это верфь, которую я, конечно же, посетил. Мистер Джеймс был достаточно любезен, чтобы сопровождать меня, и нет нужды говорить, что с нами обращались предельно вежливо, и нам предоставили все возможности осмотреть все интересное, после чего мы насладились превосходным обедом у суперинтенданта. Они строили великолепный фрегат, предназначенный для вооружения 58-

дюймовыми орудиями; его длина составляла 250 футов, а ширина борта 48. Не могу сказать, побудят ли очевидные преимущества пара переделать его в винтовой фрегат. Верфь была очень чистой, а в зданиях было просторно. Паровой двигатель, лесопилки и т. Д. Были в полном ходу, а якоря ковались под молотком Нэсмита, и я обнаружил, что они изготавливают большие мачты из четырех частей — одной длины и без обрезков — корневая часть дерева образует верхушку мачты, а по центру проходит очень большое отверстие для воздуха. Цель этого отверстия для воздуха - дать мачте возможность самой приправляться; читатель, возможно, помнит, что мачта "Черной Марии" сделана таким же образом. Насколько я знаю, этот план мы еще не опробовали на наших верфях. Я обнаружил, что они используют металлические лодки гораздо чаще, чем мы. Я видел несколько таких, которые вернулись после четырехлетнего пребывания в строю, и которые были совершенно исправны. Сказать, что я видел здесь прекрасные лодки и мачты, было бы все равно что сказать путешественнику, что он видел очень много угля в Ньюкасле. Все ненужные дрова, не используемые во дворе, каждую субботу отдаются любой пожилой женщине, которая придет и заберет их; и ни о каком обыске людей, занятых на верфи, даже не помышляется. Скот, работающий на верфи и для нее, имеет великолепное просторное стойло, и содержится в нем так же опрятно, как в гостиной. Материалов в изобилии, но, естественно, здесь мало суеты и активности по сравнению с тем, что существует в британском дворе. Их маленький военно-морской флот едва ли может найти им достаточно работы, чтобы держать "руки при себе"; но, несомненно, первый звон проклятого военного набата, хотя и дал им достаточно работы, вскоре наполнил бы их верфи способными и готовыми к ней руками. Геодезическая экспедиция коммодора Рингольда, состоявшая из корвета, шхуны, парохода и т. Д., Была снаряжена для несения службы, и они были щедро и превосходно обеспечены всем необходимым и удобствами для выполнения своих важных обязанностей.

Во время моего пребывания здесь я наслаждался радушием нашего консула, мистера Дж.П.Э. Джеймса, который так хорошо известен в литературном мире. Он потакал добрым жителям Норфолка лекциями, которые, похоже, в моде у англосаксонской расы, где бы они ни собирались вместе. Темой, о которой, как я слышал, он говорил, были "Романисты", причем о некоторых фаворитах он отзывался строго, о других - мягче, а заканчивал пылким и справедливым панегириком автору *Моего романа*. В общей сложности я провел очень приятные полтора часа.

Я могу здесь упомянуть постановление Министерства иностранных дел, которое, каким бы необходимым оно ни считалось, каждый должен признать, что оно очень слабо давит на британских *служащих* в рабовладельческих штатах. Я имею в виду постановление, согласно которому чиновникам запрещается использовать рабов других людей в качестве своих слуг. Белые люди вскоре зарабатывают достаточно денег, чтобы иметь возможность заняться каким-нибудь ремеслом, бизнесом или фермой, и, поскольку на службу смотрят свысока, они хватаются за первую возможность уволиться с нее, даже если из-за перемены их удобства могут уменьшиться. Свободные негры не будут служить, а чиновник не должен нанимать раба; таким образом, джентльмен, посланный заботиться об интересах своей страны и лично поддерживать ее достоинство, должен либо подчиниться диктату и вымогательству своего белого слуги — если даже в этом случае он сможет его удержать, — либо его могут внезапно, в одно прекрасное утро, призвать выполнять всю работу горничной, уборщика, повара, разносчика ножей и пуговиц, пренебрегая теми обязанностями, для выполнения которых он был назначен своей страной, если только он не женатый мужчина с большой семьей, и в этом случае возможно, он может поручить им вышеупомянутые почетные занятия. Конечно, в сухом законе есть что-то немного

пуританское. Удерживать раба - это одно, но использовать труд того, кто сам является рабом и над чьими надеждами на свободу вы не властны, - это совсем другое дело; и я считаю, что в реальных обстоятельствах использование чужого раба никогда не могло быть настолько искажено аргументацией, чтобы выдвинуть обвинение в попустительстве системе, которую мы так решительно отвергаем.

Отправляясь на Восток, следуй в воображении за своими послами, министрами и консульскими властями. Посмотрите на них в самых дружеских отношениях — или стремящихся быть таковыми — с людьми, занимающими высокие посты, которые слишком часто упиваются преступлениями, само название которых они презирали бы даже за то, чтобы осквернять свои уста; и я хотел бы спросить, приходила ли кому-нибудь в голову такая чудовищная нелепость, чтобы сомневаться в этих дружеских отношениях, отвергло ли правительство этой страны или его агенты подобную мерзость из мерзостей? Если в политических целях вы подчиняетесь последнему, в то время как в коммерческих целях вы отказываетесь терпеть первое, то, несомненно, вы боретесь с черным комаром, проглатывая мерзкого верблюда. Таков, добрые люди из министерства иностранных дел, мой решительный взгляд на это дело; и если вы воспользуетесь этим намеком, вы сделаете то, чего, я полагаю, еще не делал ни один государственный орган. Возможно, поэтому идея задавать моду может побудить вас пересмотреть и исправить абсурдность, которая, хотя и не причиняет вам неудобств, часто является очень большой для тех, кого вы нанимаете. Это замечательно - разница во взглядах на происходящее актеров на месте и зрителей на расстоянии. Человек, который видит своего ближнего, наполовину раздавленного насмерть и искалеченного на всю жизнь в результате какого-то ужасного несчастного случая, слишком часто довольствуется немногим большим, чем мимолетным "Боже милостивый!", но если по возвращении домой какое-нибудь гигантское тележное колесо раздавит ему кончики пальцев на ногах или снесет дюйм носа, его представления о реальности несчастного случая безмерно расширяются.

Пусть министр иностранных дел попробует в течение пары дней ввести такой *режим*, как следующий:—

В 5 УТРА разожгите камин, принесите воды и поставьте чайник.

6 "Протрите комнату и застелите постели.

7 " Почистите обувь, отполируйте ножи и отшлифуйте кухню.

В 7:30 " Сходите в магазин за ужином.

в 8:30 " Позавтракайте.

В 9 " На Даунинг-стрит, разожгите камин и вытрите пыль в офисе.

в 10 " Сядьте поудобнее (?) за работу.

В 13:30 Отправляйтесь в угольную шахту за новыми углями.

4 " Подметите и идите домой.

5 " Снимите пальто, закатайте рукава и готовьте .

6:30 " Поужинайте.

7 " Вымойте руки.

8 " Закурите трубку, подойдите к окну и увидите своего коллегу через дорогу с парой патагонских лакеев, суеющихся среди дюжины гостей, в то время как, чтобы придать дополнительный пикантный оттенок вашему чувству удовольствия, пара пышногрудых девушек выглядывают с чердаков и поют, как сверчки.

9 " Поразмышляйте сами о правительстве, которое обрекает вас на личное рабство, в то время

как вашему коллеге разрешено оказывать услуги за плату. Переночуйте в том же режиме и повторите предыдущий *режим* на второй день; и, преисполненный счастливого влияния, которое должно вызывать столько причин для благодарности, полностью привяжите рефлексию к себе и снова засыпайте в ней. На третье утро позвольте своему сердцу и разуму продиктовать послание по предмету ваших размышлений всем государственным служащим в рабовладельческих общинах, и, отвергая рабство, вы не встретите трудностей в использовании услуг раба при особых обстоятельствах и с надлежащими ограничениями.

Из Норфолка я сел на пароход до Балтимора, а оттуда по железной дороге через Филадельфию в Нью-Йорк. В Балтиморе я провел день у своих добрых друзей. В Филадельфии я так спешил уйти из жизни, что проявил то, что, боюсь, многие сочтут признаком закоренелого холостяка; но истина велит мне не пытаться скрыть свой проступок. Выслушай мое признание:—

Мой друг мистер Фишер, гостеприимством которого я в наибольшей степени воспользовался во время моего предыдущего пребывания, пригласил меня приехать и нанести визит ему и его очаровательной леди в его восхитительный загородный дом в нескольких милях от города. О, нет! это было невозможно; мое время было так ограничено; мне нужно было так много увидеть на севере и в Канаде. Напрасно он с искренней теплотой убеждал меня провести здесь только одну ночь: это было совершенно невозможно — совершенно. Когда этот вопрос был полностью улажен, он сказал: "Очень жаль, что у вас так мало времени, потому что завтра чемпион по рыси "Мак" выступает против грозного противника "Такони"". Через полчаса я был в его фургоне, а еще через полтора часа наслаждался теплым приветствием его любезной жены в их загородном доме, и румянец стыда и нечистой совести заливал мои щеки, когда каждое приветственное слово срывалось с ее губ или вспыхивало в ее говорящих глазах. Почему я так поступил? Мог ли я сказать, по правде говоря, "Дело не в том, что я люблю тебя меньше, а в том, что я люблю Такони больше"? Отнюдь нет. Было ли это из-за того, что я погряз в неблагодарности? Надеюсь, что нет. Леди, о, леди! - вы прелестные создания, — не думайте так сурово о раскаявшемся холостяке. Все вы читали о представительнице вашего пола, через которую Зло — от нее и произошло его название - впервые пришло на землю, и вы знаете, что движущей силой этого поступка было любопытство. Я признаю себя виновным в этой движущей силе в данном случае; и, безоговорочно полагаясь на ваше милосердие, я свободно предлагаю себя в качестве мишени для порицания каждого из вас, кто с чистой совестью может сказать: "Я никогда в жизни не ощущал такого влияния". Читатель, помни, что ты не можешь быть одним из них, поскольку простой факт того, что ты бросил взгляд на эту страницу, дает достаточные основания для того, чтобы любой суд признал тебя виновным в любопытстве узнать, что хочет сказать автор.—Чтобы продолжить.

Ипподром в Филадельфии представляет собой идеально ровную дорогу протяженностью в одну милю; каждый камень тщательно убран, и она выглядит гладкой и чистой, как подметенный пол. С трибуны открывается прекрасный вид на поле, но ее запущенный вид ясно показывает, что соревнования по рысистому бегу здесь не так модны, как раньше, хотя посещаемость гораздо выше, чем в Нью-Йорке. В данном случае возбуждение было сильным; вы могли заметить это даже по возросшей энергии, с которой продолжалось курение и сплевывание. Был найден антагонист, достаточно смелый, чтобы померяться скоростью с "Маком" — великим Маком, который, хотя и "Хлестал творение", также, как говорили, никогда не разгонялся до полной скорости. Он был чистокровным, ростом около пятнадцати с половиной ладоней, и более

легкого телосложения, чем мой костлявый друг Такони, и недавно его продали за 1600 фунтов. Люди, очевидно, были настолько уверены в легкой победе Мака, что даже о ставках не могло быть и речи. В отличие от событий на Лонг-Айленде, гонщики появились в жокейской одежде, и все было обставлено гораздо лучше. Дамы, однако, давно перестали украшать подобные сцены.

Были допущены различные фальстарты, и все со стороны Мака, который, доверяя до глубины души, явно пытался вывести Такони из себя и немного утомить его. Насколько тщетными были усилия, ясно показало продолжение. Наконец они тронулись с места, и они понеслись прочь, Такони расставлял задние лапы так широко, что они достигали центральной арки Вестминстерского моста, и делал шаги, которые могли бы почти пересечь канал Бриджуотер. Всадник Мака вскоре обнаружил, что, пытаясь разжалобить Такони, он подначил своего собственного коня, потому что тот дважды переходил в галоп. Старый Такони и его наездник, очевидно, сблизилась с тех пор, как я увидел их в Нью-Йорке, и теперь они полностью понимали друг друга. Он продолжал двигаться гигантскими шагами; Мак храбро боролся за фургон, но не смог достать носом до обхвата седла Такони в победное время - 2: 25-1 / 2 секунды.

Затем последовал обычный для ипподрома аккомпанемент приветствий, перебранок, рычания, смеха, ставок, выпивки и т.д. Публику это не убедило. Мак по-прежнему оставался фаворитом; чемпионский венок не следовало так поспешно срывать с его доселе победоносных бровей. Полчасовой отдых привел их снова на стартовую позицию, где Мак повторил свою старую тактику, и с таким же плохим успехом. Ничто не могло вывести Такони из себя или спровоцировать хоть один неверный шаг: он летел по кругу, каждый его шаг был подобен рикошету от пули весом 32 фунта; его противник снова и снова срывался, теряя самообладание и позицию, и едва сохранял дистанцию, когда доблестный Такони — его наездник с ослабленным поводом, похлопывающий его по шее — достиг победного времени после подачи, 2: 25. Крики были долгими и громкими; такого времени еще никогда не удавалось достичь при быстрой рыси, и Такони, очевидно, мог бы проделать это на две, если не на три секунды быстрее. Самый быстрый темп, когда-либо достигнутый ранее, составлял 2 м 13 с, а самая быстрая рысь - 2 м 26 с. Триумф был полным; Такони благородно завоевал победную гирлянду; и до тех пор, пока он и его наездник будут идти вместе, потребуется если не время, чтобы посмотреть, то, по крайней мере, год, прежде чем он будет вынужден отказаться от своего чемпионства.

Гонка закончилась, повозки на двух колесах и повозки на четырех колесах, с рысакими внутри, способными преодолевать милю за расстояние от 2 м. 40 до 3 м. 20, начали метаться во все стороны, и со всех сторон вам в уши врывалось "Г'ланг, г'ланг!", а иногда и неистовый вопль, который издавал какой-нибудь Иегу, чтобы заставить какую-нибудь лошадь, проезжавшую мимо него, "разойтись". Так закончились знаменитые скачки между Маком и Тэком, которые, кстати, дали мне возможность немного поразвлечься с некоторыми из моих американских друзей, поскольку я выразил им соболезнования по поводу того, что их чемпион был побежден британским подданным; ибо, как ни странно, Тэк - канадская лошадь. Поэтому я, конечно, выразил милосердное пожелание, чтобы когда-нибудь нашлась американская лошадь, способная носить корону чемпиона по рысистой езде (!) — прошу прощения, не корону, а, я полагаю, кепку свободы. Едва ли мне нужно говорить, что результат дает не столько лошадь, сколько идеальная игра в команде; и все тренировки Тас проходят исключительно в Америке и проходят в местечке не очень далеко от Филадельфии, откуда он и получил свое название. Друг

подбросил меня до Филадельфии, откуда железный конь быстро доставил меня в великий республиканский Вавилон, штат Нью-Йорк.

ГЛАВА XVI.

Дом отцов -пилигримов.

Сделав необходимые приготовления, я снова сел за кипящий чайник, *по пути* в республиканские Афины. День был невыносимо жарким; даже туземцы требовали, чтобы окна были открыты, а пыль была очень густой, и вскоре мы запылились, как компания, отправляющаяся на Дерби в те дни, когда еще не было железной дороги. По дороге мое любопытство разгорелось, когда я увидел группу людей, похожих на полк охотников на лис — все хорошо одеты, прекрасные крепкие парни, — которые вошли и заполнили два экипажа. Когда я поинтересовался, кто держит собак и хорошо ли у них бегают, по щекам моего друга скользнула лукавая улыбка, когда он сказал мне, что это просто городские пожарные, которые собираются побрататься с ditto ditto из Бостона. Мне по глупости никогда не приходило в голову спросить его, были ли приняты какие-либо меры на случай, если во время их отсутствия разгорелся тихий небольшой пожар, потому что их было легион, и они были самыми активными, смелыми, опрятно выглядящими парнями, каких я когда-либо видел. Веселые, страдающие апоплексией олдермены нашей столицы могут отказаться от зеленого жира своего божества по приготовлению супов, чтобы их пировала парижская братия, не причиняя никому неудобств, за исключением их попутчиков на пароходе по возвращении, если они были перекормлены и не подвергли испытанию органы пищеварения. Но, признаюсь, такая полезная организация, как мигрирующие пожарные, должна была бы подсказать мне уместность вопроса о том, какие замены были оставлены для выполнения, в случае необходимости, их полезных обязанностей; не сделав этого, я вынужден оставить этот важный момент в его нынешней болезненной неизвестности.

Оглушительный свисток и облако пара возвещают, что крышка чайника снята и мы добрались до Бостона. Желая взять свой багаж в наемном экипаже, я обнаружил, что, какой бы ценной с точки зрения безопасности ни была билетная система, в обстоятельствах, подобных моим нынешним, она требовала мучительного терпения. Однако через три четверти часа мне удалось раздобыть его, а затем, чтобы улучшить свое настроение, я убедился, что один из моих ящиков был в состоянии "довольно значительного полного разгрома". Наконец я убрался со своими пожитками и, насмотревшись вдоволь на американские отели "палас" и их обильно накрытые столы, а также на непревзойденную энергию, с которой подаются блюда; вспомнив также, как часто барабанные перепонки в моих ушах отвлекались от вечного дребезжания и потрескивания тарелок и блюд на пару сотен персон и как мое обоняние страдало от смешанных запахов кухонных продуктов, я отказался от поездки в роскошный отель "Ревир Хаус", который является одним из лучших отелей в Союзе, и остановился в гостинице "Палас". дом с меньшими претензиями, где я нашел и тишину, и уют.

Писать описание Бостона, когда многие другие справились с этим гораздо лучше, чем я могу претендовать, и когда объемистые справочники фиксируют почти каждую деталь, означало бы самым неоправданным образом испытывать терпение читателя и, кроме того, могло бы рассматриваться как вызывающее сомнение в его знакомстве с, я бы даже сказал, избитым предметом. Поэтому я приведу лишь несколько коротких замечаний, чтобы освежить его память. Самой поразительной достопримечательностью Бостона, на мой взгляд, является коммон, или парк, поскольку это единственный участок земли в любом городе или пристроенный к нему, который, как я видел, заслуживает названия парка. Первоначально это было городское пастбище для коров, которое называлось Тауэр Филдс. Площадь участка составляет около пятидесяти акров; он окружен железной оградой, и, хотя он невелик, расположение участка очень красивое. Здесь растут очень красивые старые деревья, которые, как должен знать каждый путешественник по Америке, являются большой редкостью в окрестностях любого густонаселенного города. Над ним возвышается здание администрации, построенное на Бикон-Хилл, сразу за самой высокой оконечностью парка, с вершины которого открывается великолепный панорамный вид на весь город и окрестности. Государственный дом сам по себе является прекрасным зданием, и в нем находится одна из лучших работ Чантри — статуя Вашингтона. Самым интересным зданием Бостона для американцев, несомненно, является Фаней-холл, называемый также "Колыбелью свободы". В этих стенах суровую речь благородных сердец, стремящихся к свободе и отваживающихся бороться за нее, слушали тысячи людей, в чьих сердцах был найден готовый отклик, и которые, заразившись пылающим энтузиазмом ораторов, решили скорее быть мятежниками и свободными, чем подданными и рабами: продолжение - дело истории.

Я не буду отягощать настроение моего читателя дальнейшим перечислением общественных зданий, которые достаточно известны тем, кто проявляет интерес к этому процветающему сообществу; но я должен поспешить извиниться за свою неблагодарность, не признав сразу эту самую приятную черту в опыте каждого путешественника в Америке, которая, едва ли нужно говорить, - гостеприимство.

Едва моя наполовину разбитая коробка была доставлена в отель, как мой молодой американский друг, приехавший из Англии с нашей компанией, появился, чтобы поприветствовать меня — возможно, чтобы искупить вину за львиную долю шампанского, выпитого им за нашим столом на борту парохода. Затем он представил меня другому, и другой представил меня другому, и еще один другой представил меня другому, и так далее, пока я не начал чувствовать, что должен знать *элиту* Бостона. Двери клубов распахивались, пробки от шампанского вылетали наружу, чичероны, педальные и автомобильные, всегда были готовы вести меня днем и кормить ночью; и хотя в улье янки нет трутней, они так усердно заботились о моем комфорте и развлечениях, что человек, несведущий в истинном положении вещей, мог бы вообразить, что они такие же праздные и беззаботные, как курильщики, украшающие ступени некоторых наших столичных клубов, предмет зависти проходящих мимо мясников и щедрых распространителей сигарных окурков немые молодые люди, которые слоняются без дела, готовые наброситься на вкусные и отвергнутые кусочки. Среди других джентльменов, с которыми я имел удовольствие познакомиться и чьим гостеприимством, конечно, пользовался, я могу упомянуть мистера Прескотта и мистера Тикнора, первого высоко ценили на родине, и оба они были широко известны и справедливо почитались в мире литературы. Поскольку я считаю таких людей общественным достоянием, я не приношу извинений за использование их

имен, хотя, поступая так, я чувствую, что наилучшим образом передаю читателю некоторое представление об обществе, с которым путешественник встречается в Афинах янки.

Для меня у этого города есть одно очарование, которое роднит его с Балтимором. Он не только построен на холмистой местности, но и сохранились старые части, благодаря которым глаз избавляется от утомительного однообразия широких и прямых улиц, в то время как новые части представляют собой приятное разнообразие и являются отрадным свидетельством растущего богатства его интеллигентного и трудолюбивого населения. С другой стороны, окрестности города обладают очарованием для путешественника из старой родины; дороги отличные, поля и сады ухожены, по стенам коттеджей выются растения, загородных вилл предостаточно, все выглядит более чистым, более *суарским*, более уютным, более заполненным и обжитым, чем окрестности любого другого города, который я посетил в Америке, и, таким образом, вызывает в памяти ассоциации и размышления о дорогом старом доме.

Насладившись визитом к другу на одной из пригородных вилл в глубине страны, куда он отвез меня в своем легком фургоне, другой автомобилист чичероне настоял, чтобы я съездил к его дяде и провел день на его вилле в морском стиле, примерно в двенадцати милях отсюда. Я радостно согласился на столь приятное предложение, и, "запрягшись за три сорок в легкую повозку" — как это называется в Америке, — вскоре мы весело катили по большой дороге. Приятная поездка в девять миль привела нас в маленький городок под названием Линн, в честь Линн-Реджиса в Англии, откуда прибыли некоторые из первых поселенцев. Как часто путешественнику приходится сожалеть об уничтожении диких старых индейских названий и замене их апеллативами из каждого ручья и уголка старых континентов; с Покуаном, Сагамором, Венепойкином, с Саскуэханной, Вайомингом, Майами и тысячами других подобных всевозможной длины и звучания, все вырезано вручную, более чем жаль видеть, как такая великая страна столь массовым образом списывает Пекин, Кантоны, Тьюринг, Трой, Кармелс, Эммауз, Кайрос и многие другие. мириады других таких же заимствованных перьев, позаимствованных из Европы, Азии и Африки, беспорядочно валялись бок о бок, без единого элемента или ассоциации, которые оправдывали бы неуместное ограбление.

Прости меня, читатель, — все это отступление вызвано моим желанием, чтобы Линн сохранил свое древнеиндийское название Согус; из таких маленьких желудей вырастут такие большие дубы.—Подводя итог. Упомянутый город Линн дает понимание очень уважаемому числу людей, и его можно назвать гигантской сапожной мастерской, поскольку в Америке все находится в гигантских масштабах. В этой отрасли занято 11 000 человек из общей численности населения в 14 000 человек, и ежегодно компания производит почти 5 000 000 женских и детских сапог, туфель и гетр, инвестируя в бизнес капитал в размере 250 000 *фунтов*. Мозес и Сын, Хайам и Ко., Николл и Ко. и все капиталисты, которые платят по три с половиной пенса за рубашку, не могут показать ничего лучше, чем моя сапожная мастерская: "чините, как хотите", - как говорят в Великой Республике.

Троттер в три сорок скоро оставил сапоги, подковы и все остальное позади и посадил нас у дверей дядиной виллы, где дружеская рука гостеприимно приняла нас. Он был очень красиво расположен на утесе, возвышающемся над Массачусетским заливом, в этом утесе была вырублена зигзагообразная лестница к воде для удобства купания. Земли были красиво разбиты и засажены, и со временем обещали зарости густым лесом, если бы дувший с океана бриз не наложил эмбарго на их рост таким же бессердечным образом, как это происходит на

западном побережье Шотландии, где в тот момент, когда дерево становится выше ручки от швабры, его верхушка загибается под порывами ветра с той же грацией, с какой преуспевающий конюх разглаживает березовую метлу после целого дня отмокания. Я надеюсь, ради моего гостеприимного друга, что в его случае это может оказаться неправдой; но я видел изгиб в виде страусиных перьев на верхушках некоторых его деревьев, который выглядел зловеще. Проведя очень приятный день и насладившись хорошим настроением и хорошей компанией, в три сорок снова "подключились"; взявшись за руки, они возвестили о наступлении момента расставания; клубы дыма от ароматных гаванских вин поднялись, как фимиам, из святилища Прощания; прозвучало "Г'ланг" — сигнал к наступлению; в три сорок прозвучала команда; друзья, обувь и сапожники вскоре исчезли; и вскоре ваш покорный слуга уткнулся носом в подушку в Бостоне.

Услышав, что драма вкладывает свой талант в аболиционизм, я как-то вечером пошел в театр, чтобы посмотреть, смогу ли я извлечь из столицы свободного штата столько же удовольствия, сколько раньше из столицы рабовладельческого Мэриленда; ибо я знал, что американцы, как северные, так и южные, боятся щекотки, как юные леди. Я обнаружил почти тот же стиль, что и в Балтиморе, за исключением того, что ее аболиционистское высочество герцогиня Саутерн-Блэк не появилась на сцене в качестве заместителя; но в качестве искупления за упущение у вас был настоящий аболиционист-янки; бедный дядя Том и его братство были должным образом избиты парой бессердечных водителей-негров-южан; и пока их жертвы корчились в агонии, на сцену выходит настоящий аболиционист и избивает двух водителей-негров под взрывы аплодисментов. Умоляющие южане, рыдая, умоляют о пощаде, но тщетно, пока кому-нибудь из них не приходит в голову счастливая мысль рассказать чудесную историю о зверствах, которым подвергались умирающие от голода и голые рабы английских рудников и фабрик, доказывая, напротив, высшее счастье негра и большую милосердность обращения с ним. Возмущенный аболиционист роняет поднятую воловью шкуру, рыдания южан стихают, весь зал грохочет от восторга, занавес опускается, и очарованная публика расходится по устричным салонам, на которую живо произвели впечатление жестокость британцев, прелести рабства и превосходство аболиционизма.

Как странно, что в такой стране, как эта, хвастающейся своей образованностью и, конечно, имеющей все возможности для судебного преследования, — как странно, что в самых республиканских Афинах обманутые массы демонстрируют такое же полное невежество, какое вы могли бы найти в галерее любого столичного театра за два-полпенни старой родины!

Еще одним из бостонских львов, свидетелем которого я решил стать, если это возможно, было "постукивание по духу". Друг взял на себя организацию выставки за меня; но часы экспонента были настолько заняты, что прошло пять дней, прежде чем мы смогли выкроить свободный час. Наконец время пришло, и, подкрепившись хорошим обедом и полным мешком "Муммеля", мы отправились в логово ведьмы. Ведьма была чистой и прилично выглядевшей девушкой лет двадцати, довольно худой и, по-видимому, очень измученной; постепенно собралась компания из десяти человек, и мы собрались вокруг стола ведьмы. Большинство из них были леди — эти обожательницы чудесного! Были названы имена друзей; дамы взяли алфавит, и, водя по нему кончиком карандаша, дух постучал, когда была достигнута желанная буква. Джон Дэвис вскоре был написан по буквам, каждая буква, вероятно, была обозначена трепетным прикосновением нежной надежды. Затем услужливый дух отчеканил Харриет Мерсер. Затем мне вручили карандаш и алфавит, спросили духа, ответит ли он на мои вопросы, и, услышав

удовлетворительное "Да", я приступил к испытанию его способностей. Я сосредоточил свои мысли на мистере Л. ... и его магазине на Флит-стрит, поскольку оба они были мне хорошо знакомы, мне не составило труда сосредоточить на них свое внимание. Карандаш пришел в движение, послышался мощный стук, когда он коснулся буквы D. Я сохранял серьезность и повторял снова и снова, пока имя прославленного герцога, смерть которого цивилизованный мир тогда оплакивал со всем почтением, не было произнесено полностью. Ведьма была в отчаянии; она снова и снова пыталась призвать мятежный дух, но он не приходил. Наконец, присутствующий джентльмен, который, очевидно, был *завсегда*ем "логова ведьмы", предложил спросить непокорного духа, не возражает ли кто-нибудь из присутствующих. Когда это было сделано, раздалось дребезжащее "Да", после чего каждый человек по очереди спросил: "Я вам неприятен?" Воцарилась мертвая тишина, пока это не дошло до меня и моего друга, каждому из которых это дало самое раппующее выразительное "Да". Соответственно, мы поднялись и оставили поле боя тем, чья большая доверчивость делала их более пластичными объектами для работы. Никогда в своей жизни я не был свидетелем большего обмана; и все же так сильно было беспокойство бостонской публики стать свидетелями чуда, что весь день и половину ночи ведьма вызывала духа, в карманы которого сыпались доллары тысяч более влиятельных людей, чем я, ибо многие ушли верующими, получив первые зачатки впечатлений, которые привели их в Сумасшедший дом или в раннюю могилу, что наиболее болезненно доказывает различная статистика в Америке.

Чтобы показать, до какой степени доходит вера в эти абсурды, я привожу выдержку из статьи, из которой следует, что даже торжественность похорон не может отрезвить умы их введенных в заблуждение последователей. Мистер Кэлвин Р. Браун, более известный как муж миссис Энн Л. Фиш, известный "спиритический медиум" в Нью-Йорке - умерла, и мы читаем следующее уведомление о похоронах: "После молитвы преподобный С. Бриттан произнес речь, в которой он с большой серьезностью говорил о превосходстве жизни духа по сравнению с жизнью тела. В разные моменты его обращения раздавались постукивания, иногда, очевидно, по дну гроба, а иногда и по полу, словно в ответ на высказанные чувства. Завершив свое выступление, профессор Бриттан зачитал сообщение, предположительно пришедшее от умершего после его перехода в мир духов. Репортер утверждает, что во время его чтения были отчетливо слышны постукивания. Затем несколько друзей спели "Придите, безутешные", после чего преподобный мистер Деннинг сделал несколько замечаний, во время которых стук был слышнее, чем раньше. Другие церемонии завершили похороны. Вся группа, проповедники, врачи и все остальные, были спиритуалистами" и т. Д.

Но передо мной письмо, написанное судьей Эдмондсом, которое является более болезненным примером безумия, вызванного этими нелепостями; в этом документе вы найдете его намеренное заявление о том, что он видел, как тяжелые столы летали без прикосновения, как осенние листья; колокольчики срывались с полок и звенели сами по себе и т.д. Кроме того, вы обнаружите, что он причисляет к своим единоверцам "Врачей, юристов, священнослужителей, протестантского епископа, ученого и преподобного президента колледжа, судей высших судов, членов конгресса, иностранных послов (надеюсь, не мистера Крэмптона) и бывших членов Сената Соединенных Штатов".

Дамы старой англ^{ии}, без сомнения, будут удивлены, услышав, что их сестры из молодой страны имеют медицинские колледжи в разных штатах; но, я полагаю, в основном в северных. Я не могу точно сообщить им, насколько развиты их познания в искусстве врачевания; скорее всего, они

не ограничатся сочетаниями соли и санны или нанесением пластырей, для чего предыдущая практика в детском саду с хлебом и маслом могла бы в высшей степени пригодить их. Насколько глубоко они погрузятся в тайны анатомии, распутывая запутанную сеть вен и артерий и осваивая хитросплетения ганглионарного центра; или как далеко они продвинутся в подчинении своих чувств, достаточно ли для того, чтобы отрубить какой-нибудь любимый пальчик на ноге, или достаточно для выполнения более важных операций, даже таких, на которые, по словам Сидни Смита, отважный маленький премьер-министр был готов пойти по первому требованию; на эти вопросы я не могу ответить; но ясно одно: клин вбит. Насколько далеко это зайдет, должно показать время. ^[АК]

СНОСКИ:

^[АК]

Законодательное собрание Массачусетса на недавней сессии выделило средства Женскому медицинскому колледжу Новой Англии, расположенному в Бостоне, на оплату труда сорока студентов в течение пяти лет; и с тех пор я заметил в бостонской газете, что есть двадцать женщин-врачей, которые, ограничиваясь акушерством и болезнями своего пола, имеют честную практику и пользуются доверием семей, которые они посещают.

ГЛАВА XVII.

Обучение молодежи и образцовая тюрьма.

Теперь я должен обратиться к более важной и интересной особенности Бостона, а именно к образованию. Все мы помним, как религиозные преследования в царствование Елизаветы, сковывавшие совесть людей, загнали преданную группу глубоко мыслящих христиан в укрытия, и как после многих опасностей они бежали в 1609 году, в царствование Якова Первого, в Амстердам под предводительством благородного Дж. Робинсона, где, после долгих раздумий о возвращении под флагом страны своего рождения, они получили чартер от Вирджинской компании. Первое подразделение из них поднялось на борт "Мэйфлауэра", небольшого судна водоизмещением 180 тонн, и отплыло из Плимута 6 сентября 1620 года, высадившись в своем новом и бесплодном доме 11 декабря. Это были стойкие поборники свободы совести, от которых, можно сказать, произошли жители Новой Англии, и которые вдохновили все общество своей энергией и неукротимым духом: такие люди умели ценить образование как средство устранения угнетения и оплот свободы; и поэтому неудивительно, что Американская Республика признает их достойными пионерами этой благородной черты в своих учреждениях — бесплатного образования, предоставляемого всем государством.

Давайте тогда посмотрим, насколько далеко их потомки продвинулись по их стопам в этом вопросе. Я говорю о Бостоне и его 150 000 жителей, а не о штате. И, во-первых, важно отметить, что строгим положениям государственных требований будут соответствовать три школы и три учителя с помощниками, зарплата которых составит 900 *фунтов*. Фактическое обеспечение, предоставленное этим энергичным сообществом, составляет: — Школы: 1 латинская, 1 английская, 22 грамматических, 194 начальных, — всего на заработную плату 37 000 *фунтов*. И чтобы не казалось, что заработная плата - это большие премии, важно отметить, что в стране работают 65 учителей-мужчин и около 300 учителей-женщин. Наиболее высокооплачиваемыми являются директора латинских и английских школ - 490 *фунтов*.; младшие учителя того же факультета и директора по грамматике - 300 *фунтов*.; билетерши, ассистенты и т.д. - от 50 *фунтов*. до 160 *фунтов*.; и учительницы-женщины - от 45 *фунтов*. до 60 *фунтов*., дополнительно 5 *фунтов* за уход за помещениями.

Во всех начальных школах работают учительницы-женщины; и мнение сильно в пользу женщин при обучении самых маленьких, поскольку их терпение и доброта с меньшей вероятностью вызовут чувство страха и неприязни.

Общая сумма налогов, собираемых в городе, составляет, в круглых цифрах, 250 000 *фунтов*.; из которых 65 000 *фунтов*., или более одной четвертой, выделяется школам. Общая стоимость имущества всех государственных школ Бостона до мая 1851 года составляла 260 000 *фунтов*.; а жалование директора школы с точностью до нескольких фунтов равно жалованью губернатора штата.

Скажи тогда, читатель, передалась ли какая-то часть духа Отцов-пилигримов нынешнему поколению или нет?—население в 150 000 человек, выделяющее 260 000 *фунтов*. на образование.

Везде, где родители не в состоянии предоставить книги и т.д., дети пользуются ими *бесплатно*. Все телесные наказания категорически не поощряются, но не запрещены; и все случаи их применения регистрируются для сведения Комиссии по посещениям. Не желая наводить личные справки на месте, я получил, благодаря доброте мистера Тикнора, ответы на следующие вопросы, касающиеся религиозного воспитания:

1. "Обязаны ли ученики ваших обычных школ получать религиозное наставление от какого-либо священника и посещать какое-либо место богослужения; или они могут, если пожелают, не получать такого наставления и не посещать церковь?"

"Государство передало обычные школы в ведение Совета по образованию без какого-либо специального закона или инструкций. Совет по образованию стремится действовать точно на тех же принципах, что и те, которые установлены законом в отношении обычных школ. Правление требует, чтобы ученики обычных школ посещали какое-либо место богослужения, причем ученик делает свой собственный выбор. Каждое утро в этих школах проводятся чтения Священных Писаний, пение и молитва. За нравственным поведением учеников тщательно следят, и им даются инструкции относительно наилучших методов воспитания молодежи в религии и морали. Религиозное учение этично, а не доктринально".

2. "Обязаны ли дети в ваших обычных школах получать какое-либо религиозное образование, или, если их родители выражают желание, чтобы они не получали никакого образования в школе, выполняется ли это желание?"

Закон требует, чтобы все учителя обучали своих учеников "принципам благочестия", и запрещает распространение любых сектантских книг в государственных школах. Школьные комитеты каждого города определяют, какими учебниками следует пользоваться, и обычно Библия входит в число таких книг. Ожидается, что учитель будет следовать закону в отношении преподавания принципов благочестия без каких-либо указаний школьного комитета, и ему почти всегда разрешается делать это по-своему, если только он не виновен в каком-либо неподобающем поведении, и в этом случае вмешивается школьный комитет. Обычно на открытии школы он проводит религиозные упражнения и читает Священные Писания или заставляет их читать в качестве акта поклонения, независимо от того, предписаны они комитетом или нет. Многие учителя пользуются этим случаем, чтобы высказаться на темы морали, и тем самым стремятся предотвратить неподобающее поведение. Действительно, на Библию во многом полагаются как на средство дисциплины, скорее для предотвращения неправильных поступков, чем для их исправления.

"Ни один священник как таковой не преподает религию ни в одной из наших государственных школ. Священники обычно входят в школьные комитеты и, посещая школы в качестве комитетов, призывают детей к хорошему поведению и религиозной жизни.

"Не известно ни одного случая, когда родители хотели бы, чтобы их детей освободили от такого религиозного обучения, за исключением католиков, которые хотят, чтобы их детей освободили от религиозных упражнений, особенно от чтения протестантской версии Библии. Даже это очень редко случается, когда учитель сам читает Священные Писания в связи с другими упражнениями преданного служения. Чаще всего это происходит там, где от детей требуется самим использовать Библию либо в молитвенных упражнениях, либо на уроке чтения. Но эти пожелания не часто учитываются, потому что комитет имеет законное право предписывать Библию в качестве школьного учебника и требовать от всех учеников соблюдения всех школьных правил. В некоторых случаях комитеты сочли целесообразным разрешить использование версии Дуэ детьми-католиками; но это ничего не значит, поскольку это абстрактный вопрос, начатый священниками, о котором родители мало заботятся; кроме того, есть возражения, что версия Дуэ с ее пояснениями является "сектантской книгой", тогда как обычная английская версия без примечаний и комментариев таковой не является".

От ученых, желающих поступить в высшие учебные заведения, как правило, требуется пройти обучение в низших учебных заведениях и предъявить оттуда свидетельства о способностях и поведении. В статуте государства, касающемся образования, всем профессорам, наставникам, инструкторам и т.д. предписывается внедрять в умы тех, кто вверен их попечению, "принципы благочестия, справедливости, священного отношения к истине и любви к своей стране". Среди различных предметов, связанных с образованием, которым обучают в этих школах, не мешало бы упомянуть один, которым, как я полагаю, в Англии почти полностью пренебрегают. В соответствии с законодательным актом, раздел 2, "Отныне все школьные учителя должны быть проверены на предмет их знания элементарных принципов физиологии и гигиены и их способности давать инструкции в этой области".

Школьный комитет состоит из двух членов от каждого из двенадцати округов города, избираемых ежегодно, и ему помогают мэр и президент Общего совета. Средний расход каждого стипендиата в начальных школах составляет 25 долларов в год, в высших школах - три гиней. В соответствии с вышеупомянутой системой ежегодно 12 000 детей обучаются в

начальных школах и 10 000 - в высших школах, что в совокупности с 22 000 детей обеспечивает посещаемость почти 70 процентов. для всех детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет, которым свободно открыты пути познания, от шепелявых букв младенчества до высших разделов философии.

Благодаря доброте мистера Б. Сивера, мэра Бостона, мне удалось посетить несколько из этих школ, чистота в которых, а также хорошая вентиляция были весьма удовлетворительными. Принятый здесь план, заключающийся в том, чтобы табуретки были сделаны из железа и привинчены к полу, с деревянным сиденьем, закрепленным наверху для каждого ученика, и отдельной партой для каждого двоих, поразил меня как превосходно рассчитанный для улучшения вентиляции и предотвращения задевания неба и шума. Количество государственных школ во всем штате составляет 4056, которые открыты семь с половиной месяцев в году, а средняя посещаемость учащихся составляет 145 000 человек; кроме того, есть 749 частных школ, в которых обучается 16 000 человек. Любопытный факт, убедительно свидетельствующий об эффективности государственных школ, заключается в том, что, хотя за год их количество увеличилось на 69, количество частных школ сократилось на 36. Приведенный выше набросок взят из официальных отчетов, напечатанных в Бостоне в 1853 году.

Помимо этих школ, есть четыре колледжа, три духовные семинарии и два медицинских училища. Из них я упомяну только один из колледжей, который я посетил и который пользуется высокой репутацией, а именно Гарвардский колледж, или Кембридж, как его иногда называют по деревне, где он расположен. История этого колледжа является наглядным доказательством того, что небольшое учебное заведение, если его должным образом поддерживать со стороны нации, может в конечном итоге отплатить будущим поколениям щедрыми процентами. Основанный в 1636 году, он получил название Гарвард, по завещанию преподобного джентльмена с таким именем, в 1638 году н.э., в сумме 780 фунтов. и 300 томов. Его имущество в настоящее время составляет более 100 000 фунтов., и он разделен на пять факультетов — университетский, юридический, медицинский, теологический и научный — предоставляя образование 652 студентам, из которых половина - магистранты. В университете работают сорок пять преподавателей, все люди с неоспоримыми достижениями, способные привести студентов к высшим ступеням в каждой отрасли знаний; необходимые расходы студента составляют около 45 фунтов в год; плата за степень магистра искусств, включая диплом, составляет 1 фунт стерлингов.

Отличившимся студентам, чьи обстоятельства требуют этого, разрешается, по усмотрению факультета, отсутствовать в течение тринадцати недель, включая зимние каникулы, с целью преподавания в школах. Родители, которые считают, что их сыновья не в состоянии сами позаботиться о своих деньгах, могут отправить их покровителю, должным образом назначенному колледжем, который затем будет оплачивать все счета и вести бухгалтерию, получая в качестве компенсации два с половиной процента. Я думаю, расходы этого заведения удивят тех, кому приходилось "платить волынщику" за умного молодого человека в Оксфорде, не меньше, чем был бы удивлен упомянутый молодой человек, если бы его содержание, находясь там, передавалось в руки какого-нибудь благоразумного и надежного покровителя. Тандемы и жестяные рожки были бы скорее со скидкой — *cum pluribus aliis*.

У колледжа старинный вид, что особенно приятно в стране, где почти все новенькое; но комнаты показались мне низкими и душными, а стены и проходы имели запущенный вид с

потрескавшейся штукатуркой. В зелени растут несколько очень красивых старых деревьев, которые, отбрасывая свою тень на обветшалое от времени здание, помогают придать ему почтенный вид. Новая научная школа только что была построена благодаря щедрости мистера Лоуренса,^[AL] покойный министр Соединенных Штатов в этой стране; и я могу добавить, что богатство и процветание колледжа почти полностью зависят от частной щедрости.

Поскольку фонетическая система образования стала предметом столь бурных дискуссий в Соединенных Штатах, я не приношу извинений за то, что привожу следующие пространные замечания по этому поводу. Объединенный комитет по образованию, назначенный Сенатом для изучения его достоинств в 1851 году, сообщил, что имеются свидетельства, указывающие на то, "Что это позволит ученику научиться фонетическому чтению за одну десятую времени, затрачиваемого обычно. Что это позволит учащемуся читать обычным шрифтом за четверть времени, необходимого в соответствии с обычным режимом обучения. Что его усвоение приводит ученика к правильному произношению каждого слова. Что он представит миссионеру превосходный алфавит для представления доселе неписанных языков" и т. Д. Аналогичный комитет, которому Палата представителей передала этот вопрос в 1852 году, заявил, что в течение прошлого года система была опробована в двенадцати государственных школах, и что, по свидетельству учителей, дети проявляли большую привязанность к своим книгам и сравнительно легко учились читать; и они завершают свой отчет следующими словами: "Впечатленный важностью фонетической системы, изучение которой, согласно представленным свидетельствам, сэкономило бы два года времени каждому из двухсот тысяч детей в штате, комитет рекомендовал бы школьным комитетам и учителям использовать фонетическую систему для изучения фонетики". введение фонетической системы обучения во всех начальных школах штата с целью обучения чтению и правописанию в соответствии с общепринятой орфографией с произношением, которое редко может быть обеспечено обычным методом, и с экономией времени и труда как учителей, так и учеников, что позволит последним продвигаться только в физическом и нравственном воспитании до достижения ими шестилетнего возраста без какой—либо постоянной потери информации, которую они в конечном итоге получают".

Один джентльмен, представляющий меньшинство в комитете, прислал очень резкий отчет, осуждающий систему. Он заявляет, что "система - это не что иное, как абсурдная попытка мистифицировать и запутать предмет, который следует оставить ясным для обычных представлений простых людей". Далее он заявляет: "Никакая человеческая изобретательность не может дать оснований полагать, что способ выучить настоящий алфавит - это сначала изучить ложный алфавит; что способ правильно произносить слова - это начать с их неправильного написания; что способ научить правильному использованию буквы - это начать с ложного описания буквы. И все же фонетическая система, насколько это вообще возможно, именно такова". Затем, снова обращаясь к восьми образцам ученых, взятым из школы из пятидесяти человек и выставленным на всеобщее обозрение, он замечает: "они были такими же, как те, кого обследовали год назад; об остальных сорока двух ничего не сказано. Нет необходимости говорить что-либо еще о характере такого свидетельства, как это"; и он заканчивает замечанием: "Такой способ обучения, по его мнению, отнял бы время и труд, затраченные на это, и усложнил бы и запутал изучение, которое в своей истинной форме совершенно просто и ясно". Следующий старый анекдот скорее доказывает, что правописание и чтение не были ни "простыми, ни понятными" для судьи из Ланкашира, который, спросив имя свидетеля и не расслышав слово в точности, попросил его произнести его по буквам, что тот и

сделал следующим образом: "O double T, I double U, E double L, double U, double O, D." Ученый судья в изумлении отложил перо и после двух или трех безуспешных попыток наконец заявил, что не может его записать — настолько озадачен он был "простым" написанием этого четкого слова. название —Оттивелл Вуд.

В "массачусетском учителе" за январь 1853 года есть отчет комитета, в котором утверждается, "что дети, обучающиеся исключительно фонетической системе и всего по двадцать минут в день, превзошли всех своих сверстников". Далее они добавляют, что "фонетическая система, столь благотворная по своему воздействию, была внедрена в ста девятнадцати государственных и пяти частных школах, и что у них есть основания полагать, что ни один комитет, когда-либо назначенный для изучения ее достоинств, никогда не высказывался против нее"; и в заключение они настоятельно "рекомендуют учителям проверить достоинства Системы фактическим испытанием в своих школах". С другой стороны, в следующем номере своего журнала они решительно осуждают систему как бесполезную и неосуществимую.

Тщательно взвесив аргументы обеих сторон, я прихожу к выводу, что возражения тех, кто осуждает систему, частично объясняются тем фактом, что, достигнув своего нынешнего продвинутого уровня знаний, они полностью забыли о своей собственной борьбе и, таким образом, незаметно для себя упускают из виду путаницу и трудности, которые всегда должны возникать в младенческом уме, где схожие комбинации производят похожие звуки. Младенческий ум не способен улавливать различия, но легко понимает простые факты; если то, что попадает на глаза, представляет определенный фиксированный звук, младенец с готовностью усваивает этот звук; но если глаз останавливается на *o*, *u*, *g*, *h*, как на комбинации, и предпринимаются попытки научить его бесконечному разнообразию производимых таким образом звуков, его маленький ум становится озадаченным, его представления об истине путаются, его памяти начинают доверять, а его способности к чтению замедляются из—за времени, занятого - для него— самой неинтересной задачей заучивания множества бессмысленных звуков. Неизбежным следствием этого является то, что бедная маленькая жертва впадает в уныние, доставляя значительное количество дополнительных хлопот и — что гораздо труднее найти — требуя терпения со стороны учителя.

Здравый смысл указывает на то, что чтению фонетических слов должно быть легче научиться, чем чтению афонетических слов, из которых, по сути, состоит наш язык. Реальный вопрос заключается просто в следующем— развивается ли ум младенца с такой скоростью при обучении фонетике, чтобы позволить ему в определенном возрасте перенести свои способности на ортодоксальную орфографию и достичь в ней заданного уровня знаний с меньшими трудностями и за более короткий промежуток времени, чем у тех младенцев, которые воспитываются по старой системе? Если обучение фонетике дает такой эффект, это неоценимое благо, а если нет, то это полный обман. ^[AM] Следует также иметь в виду, что те же аргументы, которые справедливы в случае с младенцами, будут в значительной степени применимы и к взрослым, желающим научиться читать, и к иностранцам, начинающим изучение нашего языка. Является ли какое-либо дальнейшее использование фонетики желательным или практически осуществимым, было бы обсуждением, неуместным на этих страницах.

Когда предлагается какое-либо поразительное новшество, энтузиасты заходят в своей защите его так далеко, что часто наносят ущерб делу, которому они хотят служить: с другой стороны, слишком многие из образованной части общества настолько яростно выступают против

нововведений, что скорее создают трудности, чем устраняют их. Разве здравый смысл нашего времени уже давно не призывает к изменениям в законодательстве о партнерстве, разводе и т. Д., И разве не всегда возникают какие-то трудности? Разве коммерческий мир громко не требовал десятичной чеканки монет, десятичных мер и весов, и разве образованные люди не наталкивались постоянно на какие-то возражения, и разве они не будут продолжать делать это до тех пор, пока не появится какой-нибудь гигантский ум, способный осознать геркулесову задачу и навязать благо обществу? Разве паромы и железные дороги долгое время не считались немногим лучше безумных видений? Разве доктор Ларднер не доказал демонстрацией, что железнодорожные вагоны никогда не могли двигаться со скоростью более двадцати миль в час из-за законов сопротивления, трения и т. Д., И разве Брюнель не лишил его дыхания и сути его аргументов, посадив ученого демонстратора с собой в локомотив и увезя его на десять миль от Лондона за столько же минут? Когда я вижу, что среди такого умного и практичного народа, как жители Новой Англии, — народа, мысли и энергия которого в значительной степени посвящены образованию, — сто девятнадцать школ приняли фонетическую систему, я не могу не оглянуться назад, на младенчество steam, и не прийти к выводу, что в этой системе должно быть больше преимуществ, чем ее противники, похоже, склонны ей приписывать.

Комитет Совета по образованию Англии, которому доверены средства, выделяемые на образовательные цели, несколько лет назад санкционировал печатание фонетических книг для школ; но санкционировать издание книг без подготовки мастеров для их преподавания примерно так же полезно, как устанавливать двигатели на корабль, не предоставляя инженеров для их работы. Кроме того, их фонетическая система сама по себе была запутанной и вызывала возражения; они также проинформировали общественность о том, что эта система в различных формах почти повсеместно принята в начальных школах Голландии, Пруссии и Германии.^[AN]

Я должен также упомянуть, что другие системы были опробованы как в Англии, так и в Шотландии, и что учителя, которые их используют, высоко отзываются об их преимуществах, особенно в последней стране. Сейчас передо мной статья под названием *Реформатор чтения*, в которой я нахожу следующее предложение, которое показывает, что система одобрена во Франции в высших кругах: "Фонетический метод начального обучения используется в 5-м линейном полку, 12-м легком, тюрьме Сен-Жермен и Исправительном доме для малолетних заключенных. Военный министр распорядился, чтобы французский язык преподавался этим методом молодым арабам в трех школах Алжира, Орана и Филиппвиль".

Поборниками этого метода обучения была допущена одна большая ошибка, которая, на мой взгляд, более фатальна для его успеха, чем любая трудность, поднятая его противниками, и это принятие каждым поборником своего собственного фонетического алфавита; и за это он утверждает превосходство над алфавитами других. Абсурдность этой вечной борьбы должна быть ощутимой. Если бы Огнепоклонник был обращен, какие были бы надежды на успех, если бы по одну сторону от него поставили мормонита и мусульманина, а по другую - человека из Свободной Церкви и иезуита? Общественность в том, что касается фонетического обучения, находится именно в положении огнепоклонника. Читатель, ты должен составить свое собственное мнение: я ничего не предлагаю. А теперь, с вашего разрешения, мы оставим область домыслов и вернемся к трезвым фактам.

Одним из самых поразительных зданий, которые я посетил за время своего пребывания в Бостоне, была тюрьма; воздушность и чистота были идеальными, а расположение было для меня совершенно новым. Независимо от внешней площадки, которая окружена стеной со всех сторон, сама тюрьма построена под большим внешним корпусом, обеспечивающим обилие света и вентиляции. Это внешнее здание образует коридор по всему периметру тюрьмы, обеспечивая защиту надзирателей от любой непогоды и, таким образом, позволяя им эффективно присматривать за заключенными. Предположим, что какой-либо заключенный сбежит из своей камеры, он по-прежнему окружен этим внешним корпусом, в котором есть только одна дверь, расположенная так, что никто не может приблизиться к ней незамеченным со значительного расстояния; и, даже если эти трудности будут преодолены, внешняя стена, общая для всех тюрем, все равно останется. Насколько я мог узнать, ни одному заключенному никогда не удавалось силой выбраться наружу. Ночью горящий газ во внешнем холле освещает все спальни и коридор, который проходит за пределами тюрьмы, что делает побег ночью таким же трудным, как и среди бела дня. Вода свободно подается в каждую комнату на каждом этаже, а средства для купания расположены в различных частях здания. Школьные кабинеты, частные комнаты и часовня - все это находится внутри этого внешнего корпуса leviathan. Короче говоря, для тех, кто заинтересован в улучшении воздухопроницаемости тюрем и безопасности заключенных, это здание заслуживает самого тщательного изучения; и я верю, что когда-нибудь мы сможем воспользоваться усовершенствованиями, которые здесь проявили изобретательные жители Новой Англии, поскольку частые побеги из наших тюрем доказывают, что необходимы некоторые перемены.

Бостонцы применили телеграф для очень важного использования, которое, я полагаю, мы в Англии совершенно упустили из виду. Город разделен на районы, в каждом из которых находится определенное количество станций; все эти последние имеют телеграф, сообщаясь с одним большим центральным офисом, с помощью которого они объясняют, где находится пожар. Центральное управление немедленно доводит до каждого участка информацию, полученную таким образом, путем звонка в тревожный колокол; и с помощью этого метода каждая пожарная станция в городе информируется о месте возникновения опасности в течение нескольких минут после ее возникновения.

Военно-морской арсенал в Бостоне средних размеров, содержится в очень чистой обстановке; но когда я посетил его, там было мало признаков деятельности или жизни. У них есть только три строительных ангара, в одном из которых уже двадцать лет строится судно; два других пустуют. Главной особенностью является канатная дорога длиной 1640 футов, приводимая в движение паром.

Соединенные Штаты, находясь в дружеских отношениях с Англией и так далеко от Европы, ее политики и беспорядков, уделяют сравнительно мало внимания военно-морскому флоту, который невелик, если рассматривать его в сравнении с размерами и богатством страны и протяженностью ее морского побережья.

В то время заседал конвент по внесению поправок в конституцию, и благодаря доброте мистера Самнера, сенатора от штата, я имел возможность присутствовать при их разбирательстве, которое велось с подобающим достоинством. Ораторы были если не красноречивы, то, по крайней мере, придерживались обсуждаемой темы в манере, которой некоторые из

многословных и рассеянных джентльменов в нашей Палате общин могли бы с успехом подражать.

Водоснабжение города осуществляется из озера Кочитнэйт, расположенного на расстоянии двадцати миль; а длина трубопроводов, связанных с ним, превышает 100 миль. Государство санкционировало выплату городу долга в размере 900 000 *фунтов*. на необходимые расходы по предприятию и покупке земли и т.д. Ежегодные поступления составляют 36 000 *фунтов*., которые, конечно, будут увеличиваться вместе с ростом населения. Жилые дома платят от 1л. до 15л. налога, в зависимости от их потребления. Средний ежедневный расход в 1853 году составлял около 7 000 000 галлонов, или почти 50 галлонов на душу населения.

Прежде чем покинуть Бостон, я также могу привести некоторые свидетельства процветания штата. В 1830 году население составляло 600 000 человек; на сегодняшний день это 1 000 000 человек. Экспорт отечественных продуктов, который в 1844 году составлял 1 275 000л., в настоящее время составляет свыше 2 830 000л.; а импорт, который в предыдущий период составлял 4 000 000л., в настоящее время составляет почти 7 000 000л. Население Бостона увеличилось на 600 процентов. за нынешнее столетие. Лоуэлл, который является великим Манчестером штата Массачусетс, увеличил свое население с 6500 человек в 1830 году до почти 40 000 в настоящее время; и инвестированный капитал, который в 1823 году составлял всего 500 000 *фунтов*., сейчас составляет почти 2 700 000 *фунтов*. Я не хочу утомлять своих читателей статистикой, и поэтому надеюсь, что сказал достаточно, чтобы составить приемлемое впечатление об инициативности этих стойких и энергичных потомков Отцов-пилигримов; и по тем же причинам я не сделал никаких замечаний об их ценных библиотеках, больницах, промышленных предприятиях, учреждениях реформации и т. Д., Первые из которых в значительной степени обязаны частной щедрости. Но прежде чем покинуть Бостон, я должен отметить, какое огромное удовольствие я получил, услышав во всех кругах о благоприятном впечатлении, которое произвел визит лорда Элджина по случаю открытия железной дороги в 1851 году. Его красноречие и вежливость были постоянной темой разговоров со многими моими друзьями, которые обычно заканчивали словами: "Несколько таких визитов, как Юбилейный визит Железной дороги, сделали бы больше для укрепления добрых чувств между двумя странами, чем могла бы сделать многовековая дипломатия". Здесь я должен добавить, что, посетив Квебек, я обнаружил, что такое же сердечное чувство товарищества возникло в умах канадцев благодаря братскому приему, оказанному им по тому памяtnому случаю. Прощай, Бостон! но не прощаюсь с приятными воспоминаниями о многих счастливых часах, которые я провел, и о многих добрых друзьях, знакомством с которыми я наслаждался там и которых я надеюсь при таком же удобном случае возобновить и улучшить.

СНОСКИ:

[AL]

Такие подарки при жизни дарителя, по моему мнению, являются лучшим свидетельством щедрости и рвения к делу, чем самые щедрые завещания даже Стивена Джерарда, который подарил только то, чем больше не мог наслаждаться.

[AM]

В виде наблюдения г-н Манн, глава. 20.

[AN]

В качестве возражения иногда упоминаются расходы на печатание соответствующих книг из-за того, что требуются новые типы для новых изучаемых звуков. Никакие расходы не могут перевесить ценность изменений, с помощью которых можно облегчить образование; но даже эта трудность была устранена планом майора Бениовски. Он получает необходимые новые символы, просто переворачивая определенное количество букв для этой цели.

ГЛАВА XVIII.

Канада.

Раннее утро застало меня сидящим в машине по пути в Квебек. Не будучи мастером в описании пейзажей, это путешествие по железной дороге стало большим подспорьем для моего несчастного читателя — если он забрался так далеко. Нубиец, одетый в касторовое масло и спускающийся с небес на скользком сиденье по радуге, с таким же успехом мог бы пытаться описать красоты нашей планеты, как путешественник в клетке на хвосте кипящего чайника пытается передать общее представление о пейзаже, через который он проезжает. Не только скрежещущий скрип двери, пронзительный свисток трубы, хлопанье дверей и детский визг сбивают с толку его мозг и оглушают уши, но и железный тиран приковывает и смущает его зрение. Красивая деревня приковывает его внимание, и он тут же попадает в подземные недра земли; великолепная панорама завораживает его взор, когда он выходит из царства тьмы; он зовет соседа разделить с ним наслаждение прекрасным пейзажем; еще не затихли последние звуки призыва, как он оказывается зажатым между двумя насыпями, и взору не на чем остановиться, кроме неба. Стоит ли тогда удивляться — нет, скорее, разве это не свидетельство правдивости, — что я нахожу отчет о моем путешествии, описанный в моей записной книжке следующим образом: "7-1/2 утра, Шипение, шипение; шипение, шипение - колышущиеся поля—волнистая земля—небо — разнообразные оттенки зелени—коттеджи, скот, гуманитарные науки—мосты, заливы, реки, пыль и жара —Роузз—Пойнт, 7-1/2 вечера". В этот момент мы выбрались из клетки и сели на пароход. Пелена ночи густо нависла над нами, и огни Монреаля и его пригородов, отражаясь в невозмутимом потоке, сияли еще ярче из-за густоты окружающей темноты и образовывали ослепительное освещение. Через полчаса я с комфортом разместился в отеле, где, к своему приятному удивлению, познакомился с одной из моих соотечественниц, чье обаяние сделало ее предметом всеобщего восхищения в Вашингтоне, где я впервые имел удовольствие с ней познакомиться.

Любой, кто, забредя далеко от дома, обнаруживает, что окружен совершенно незнакомыми людьми, частично поймет удовольствие, которое я испытал, обнаружив лицо, которое я видел раньше; но чтобы понять это полностью, они должны знать лицо, на которое я тогда смотрел. Не

любопытствуй, читатель, кому он принадлежал, поскольку я не собираюсь просвещать тебя дальше, чем сказать, что он принадлежал ей и ее мужу. Двенадцать часов в поезде нагоняют на меня сонливость; такова моя натура, и я ничего не могу с этим поделать, поэтому, надеюсь, меня можно простить, если я признаюсь, что очень скоро сменил улыбку красоты на храп Морфея. Какими были мои сны, это никого не касается.

Великолепный выступ холма, нависающий над Монреалем, был назван в 1535 году знаменитым Жаком Картье Мон-Рояль в честь своего царственного хозяина; французское поселение, возникшее столетием позже по соседству с индейской деревней Хочелага, приняло название холма и, наконец, превратилось в его нынешнее название. Какие готы, что не сохранили индийское название, от которого веет землей и древностью, вместо того чтобы заменить его французской смесью! Что касается местоположения города, то нет сомнений, что он находится на острове, который сейчас называется Монреаль; но где расположен этот остров, можно считать открытым вопросом; река Оттава впадает в реку Святого Лаврентия на западной оконечности острова, и вопрос в том, является ли вода на северном берегу Оттавой или рекой Святого Лаврентия; от этого зависит, находится ли остров в реке Святого Лаврентия или между рекой Святого Лаврентия и рекой Оттава. Не желая лишать кого-либо из них участия в этом деле, я бы вынес свой вердикт в пользу последнего мнения; но я оставляю этот вопрос открытым для читателя. Население города быстро увеличивается, несомненно, в значительной степени благодаря эмиграции. В 1849 году оно составляло 48 000 человек, в 1851 году - 58 000. Подавляющее большинство принадлежит к Римской церкви - 41 000 человек; к Англиканской церкви - 4000; остальные деноминации представлены в небольшом количестве.

В то время, когда я приехал, город был полон уныния и возбуждения, поскольку всего за несколько дней до этого католики попытались убить Гавацци во время чтения им одной из своих антироманистических лекций, которые, каковы бы ни были их достоинства или недостатки, были, безусловно, весьма неблагоразумны, учитывая элементы, из которых состоит население Монреаля; и нельзя отрицать, что лекции синьора Гавацци на священные темы читаются в стиле, в котором так много театрального, что человек, несведущий в языке его обращения, мог бы легко предположить, что это не так. он поочередно убирал Джона Кембла и Листона, и поэтому необразованные ирландские эмигранты вполне могли заключить, что его единственной целью было выставить их вероучение на посмешище. Я, конечно, никогда не слышал и не видел человека, читающего лекции на священные темы, чей тон и манеры так нелепо, но болезненно расходились с торжественностью, присущей такой теме. Вызванное волнение, постоянный призыв военных и меланхоличное продолжение слишком свежи и хорошо известны, чтобы нуждаться в повторении здесь. Французские романисты справедливо заявляют, что как единое целое они отвергли злодейское покушение на жизнь Гавацци и не принимали в нем участия; нападавшими были почти исключительно ирландские романисты, которые составляют почти пятую часть населения. Если бы они могли подкрепить свою веру теми христианскими добродетелями миролюбия и умеренности, которые так достойно сияют в их единоверцах французского происхождения.

Затрагивая тему призыва вооруженных сил на помощь гражданской власти, я вспоминаю отрывок из какого-то дневника, который показал мне друг и который я считаю настолько хорошо изложенным, что не приношу извинений за то, что приводил его так подробно.

"ТОЛПА. — Толпа - это демон, свирепый и неуправляемый. Оно не прислушивается к голосу разума: на него не влияют ни страх, ни жалость, ни самосохранение. У него нет чувства справедливости. Ее энергия проявляется в бешеных припадках; ее терпимость - это апатия или невежество. Было бы прискорбной ошибкой предполагать, что у этой жестокой, этой никчемной гидры есть какие-либо политические чувства. В своем триумфе он разбивает окна; в своем гнев он разбивает головы. Удовлетворите его, и это вызовет беспокойство; разочаруйте его, и он придет в ярость; попытайтесь успокоить его, и он станет возмутительным; смело встречайте его, и он отвернется. Оно не доступно никакому чувству, кроме личного страдания; оно не подчиняется никаким аргументам, кроме аргументов сильной руки. Острие штыка убеждает; лезвие сабли красноречиво говорит; к звуку мушкетной пальбы прислушиваются с уважением; на грохот артиллерии невозможно ответить. Как глубока, как тяжела, как обременительна ответственность, лежащая на том, кто поднял эту ярость из ее логова! Поразительно, слишком мало известно, насколько индивидуальный характер теряется в совокупном характере множества. Люди могут быть рациональными, умеренными, миролюбивыми, лояльными и трезвыми как личности; однако их накапливается тысячи, и по мере развития общины лояльность, спокойствие, умеренность и разум испаряются, и множество разумных существ превращается в неразумное и невожатое существо — дикое, разъяренное чудовище, которым можно управлять, но не вести, кроме как к причинению вреда, — которое жаждет крови и испытывает дику радость от разрушения, от простого удовлетворения от разрушения".

Различные пожары, которым подвергался город, какими бы неприятными они ни были для пострадавших, не обошлись без благотворного воздействия, о чем глаз имеет наиболее убедительные свидетельства в многочисленных общественных и других зданиях, ныне построенных из камня. Единственный памятник в городе - это тот, который был установлен Нельсону. То ли память о герое ушла из жизни, то ли разрушительные погодные условия слишком сильно ударили по общественному кошельку, я не могу сказать; но для города было бы большей честью убрать его полностью, чем позволить ему оставаться в его нынешнем позорном состоянии. Сообщается, что его восстановление будет произведено по частной подписке; если это так, то властям еще больше стыдно.

Поскольку моей первой целью было добраться до Квебека, я пробыл в Монреале всего один день, который потратил на поездку по городу, чтобы посмотреть, какие изменения произошли в городе и окрестностях со времени моего предыдущего визита в 1826 году. Я отплыл вечером на пароходе и прибыл рано утром следующего дня.

Есть ли на свете сцена более великолепная, чем та, что открывается взору из цитадели в Квебеке? Единственное место, которое я знаю более великолепно, - это Рио-Жанейро, которое я считаю, безусловно, самым величественным в мире; но Рио не вызывает ассоциаций с Квебеком. Кто когда-нибудь сможет забыть, что под его стенами два вождя, храбрейшие из храбрых, пали на одном поле битвы — один во имя победы, другой защищая свою страну и ее честь? Место, где упал наш герой, отмечено столбом с простой надписью:—

ЗДЕСЬ УМЕР ВУЛЬФ, ОДЕРЖАВ ПОБЕДУ.

Не был забыт и благородный враг, хотя долгое время оставался незамеченным. В 1827 году, когда граф Далхаузи был генерал-губернатором, в Квебеке Вулфу и Монкальму был воздвигнут памятник; и смерть, которую они оба встретили на почетном посту, увековечена на той же колонне — колонне, на которую англичанин может смотреть с гордостью, а француз - не краснея. Следующие слова, составляющие часть надписи, я считаю вполне достойными вставки: "Военная доблесть принесла им общую смерть, История - общую славу, потомство - общий памятник".

Любопытно, что, когда закладывался первый камень в фундамент, на церемонии присутствовал старый солдат из Росс-шире, последний живой ветеран доблестного отряда, сражавшегося под командованием Вулфа, которому тогда было девяносто пять лет. Каждый, кто видел или читал о Квебеке, должен помнить великолепную скалу, нависающую над рекой, на вершине которой расположена цитадель, являющаяся одновременно главным оплотом его обороны и самой величественной деталью его пейзажа. Но, возможно, не все знают, что этой же славной особенностью город обязан своим названием. Слабым восклицанием нормандского пилота Жака Картье, увидевшего это, было: "*Que bec!*" - и это выражение восхищения похоронило, практически в полном забвении, старое алгонкинское название Стадакона. Как жаль, что этот старый пилот не родился немым.

Прирост населения здесь, по-видимому, не очень быстрый. В 1844 году его было около 36 000 человек; сейчас немногим больше 42 000. Не может быть никаких сомнений в том, что суровость климата является одной из главных причин столь незначительного увеличения численности населения. Если вспомнить, что в среднем прибытие первого судна после таяния льда приходится на период между последней неделей апреля и первой неделей мая, то этому не стоит сильно удивляться.

Резиденция генерал-губернатора удалена от города, и вместо нее ему выделена красивая маленькая загородная вилла под названием Спенсер Вуд. Он расположен на берегу реки, примерно в полумиле от берега; единственное возражение против него состоит в том, что его размеров недостаточно для приемов вице-короля; но очень небольшое дополнение исправило бы этот недостаток. Во всех остальных отношениях это очаровательное место, как я могу с благодарностью засвидетельствовать. Маршруты и достопримечательности вокруг города слишком хорошо известны, чтобы требовать от меня особого внимания.

Монморанси с его замерзшим зимой конусом является одним из главных курортов для любителей пофотографироваться на санях. Бездорожная тропинка по замерзшему снегу в это время года так же полна жизни, как Виндзорский парк в старые времена Аскота. Блестящие глаза, сияющие на розовых щеках и наполовину утопающие в мехах, с тревогой следят за волнением от опрокидывания и весело смеются, когда видно, как смешанные пассажиры каких-нибудь саней катаются друг по другу в нелепейшем замешательстве; ярко светит солнце, весело звенят колокольчики, кругом царит веселье, и мизантроп на одном из этих пикников был бы так же не в своей тарелке, как медведь в балете.

Водопады Лоретт представляют собой еще одну приятную экскурсию, не забывая о старом Поле и его жене — почтенном индейском вождии и его скво, - которых я посетил и чистоту в чьем

коттедже я имел большое удовольствие похвалить, а также его различные медали, начиная с замка Гай и заканчивая выставкой 1851 года. Он, казалось, был так же поражен моей почтенной внешностью, как и я его, потому что, когда его спросили о моем возрасте, он окинул меня испытующим взглядом с головы до ног, а затем серьезно ответил: "Семьдесят пять". Я возмутился его решению и обратился к его жене, которая любезно встала на мою сторону и, выдержав пристальный взгляд, сказала: "О, Пол! этому джентльмену не больше семидесяти двух". Напрасно я пытался убедить их, что тридцать лет должно пройти у меня над головой, прежде чем я достигну этого почетного возраста жизни. Однако не только индийцы ошибаются в расчете возраста, поскольку молодая леди, только что приехавшая из Ирландии, когда ей задали тот же вопрос, ответила "Шестьдесят", а когда ей сказали, что она ошиблась в расчетах на семнадцать лет, она ответила с болезненной холодностью: "В какую сторону?" Я никогда не чувствовал себя закоренелым холостяком, пока не услышал это ужасное "Куда идти?"

Дороги вокруг во всех направлениях восхитительны; не так, если вы пересекаете реку к водопаду Шодьер; но мерзость из мерзостей - это паром и удобства, или, скорее, препятствия, для входа и выхода. Для любого, кто видел нью-йоркские паромы, и все связанные с ними удобства, контраст болезненно унизителен. В первом случае вы въезжаете на борт так же легко, как во двор, и обнаруживаете, что там достаточно места; в другом случае у вас есть полдюжины мужчин, придерживающих лошадей и экипажи, орущих во всех направлениях, и на посадку тратится больше времени, чем потребовалось бы кораблю янки, чтобы благополучно доставить вас на другой берег; и юрист из Филадельфии озадачился бы, решив, что более отвратительно - выход или вход. Тем не менее путешественник сочтет, что все его неприятности компенсированы — особенно если лошадь и экипаж принадлежат другу — приятной поездкой к водопаду Шодьер, поездкой, которую я имел удовольствие совершить в компании веселой компании добрых парней из 72-го горного полка, находившегося тогда в гарнизоне в Квебеке, и чье гостеприимство во время моего пребывания я с благодарностью вспоминаю.

Если, однако, англичанин чувствует себя униженным, пересекая квебекский паром, он испытывает компенсирующее удовлетворение, входя в зал Законодательного совета Квебека, который с точки зрения чистоты, мебелировки и т.д. Имеет вид изысканности, намного превосходящий вашингтонский. Поскольку во время моего пребывания в Канаде они не заседали, у меня не было возможности провести какое-либо сравнение их различных способов ведения государственных дел. За время моего отсутствия в Англии я так много слышал о знаменитом Счете о потерях от восстания и обо всех тех клеветах, которые в результате были навалены на генерал-губернатора, что мне очень хотелось получить некоторое представление об истинном положении дел, хотя, возможно, оправдание сэром Робертом Пилем поведения графа Элджина должно было бы меня удовлетворить.

Вскоре я убедился, что в этом, как и в большинстве подобных случаев, буйство партийного духа затуманило правду; и горечь поражения в столь предвзятых умах искала облегчения в слишком распространенных каналах насилия и оскорблений. Как бы ни были прискорбны вышеприведенные мнения, я боюсь, что в большинстве случаев политического ажиотажа они окажутся верными. Старая партия, которая, можно сказать, с незапамятных времен пользовалась нескрываемой поддержкой представителей королевы, вероятно, не испытывала особого расположения к лорду Элджину, когда обнаружила, что он полон решимости не отождествлять себя ни с какой конкретной партией, но что, будучи отправленным управлять Канадой в соответствии с конституцией, он был полон решимости следовать примеру своего

суверена и оказывать свое доверие и помощь той партии, которая своим большинством докажет, что является законным представителем мнений управляемых, в то же время всегда отстаивая права и достоинство короны. Это был, конечно, первый шаг к непопулярности партии, которая, долгое время торжествуя, теперь оказалась в меньшинстве; с другой стороны, следует помнить, что большинство, столько лет находившееся вне власти, вряд ли в предвкушении победы проявило бы такую умеренность, которая была бы рассчитана на то, чтобы успокоить раздраженные чувства своих противников, которые, по их мнению, слишком долго наслаждались колониальными хлебами и рыбой.

Учитывая все эти элементы в действии, не стоит удивляться, что вопрос, допускающий неправильное толкование, должен быть жадно взят, и что, будучи таким образом неправильно истолкованным, страсти толпы должны быть успешно разжигаемы. Я полагаю, нет никаких сомнений в том, что правительство внесло в Сенат законопроект о потерях от восстания в манере, если не высокомерной, то, во всяком случае, наиболее оскорбительной, и таким образом подлило масла в огонь; но, если смотреть беспристрастно, какова правда этого широко известного законопроекта? Оно было составлено на основе прецедента выплаты аналогичных убытков в Верхней Канаде в предыдущем случае, и я полагаю, что для выполнения его положений были назначены те же самые уполномоченные. Он получил санкцию генерал-губернатора таким же образом, как и все другие законопроекты, и никогда не был пропущен контрабандой, как нас пытаются убедить раздраженная оппозиция и разъяренная толпа. Генерал-губернатор ясно заявляет, что никогда и никоим образом не предполагалось "возмещать убытки лицам, виновным в гнусном преступлении государственной измены", и имена комиссаров, назначенных для рассмотрения претензий пострадавших, сами по себе могли бы быть достаточной гарантией того, что такая отвратительная идея никогда не возникала. Не упоминая других, возьмем полковника У.К. Хэнсона: он прошел школу чести и патриотизма, его мужество было испытано во многих кровопролитных сражениях во время войны на Пиренейском полуострове и засвидетельствовано почетными значками, украшающими его грудь. Может ли мятежник-отступник найти сочувствие в той груди, которая на протяжении полувека оставалась непоколебимой в верности и правде? Что его письма, как одного из комиссаров, доказывают без тени сомнения? Теперь они передо мной; и, несмотря на то, что претензии не были поспешно приняты, я нахожу доблестного старого солдата, постоянно защищающего дело какого-то истца, которому комиссары отказались выплатить компенсацию, но я еще ни разу не видел его имени в противовес какой-либо присужденной компенсации; обладая тем еще более благородным качеством, которое всегда является прекрасной служанкой истинного мужества, он снова и снова призывает к милосердию.

Я мог бы процитировать из многочисленных писем этого ветерана выдержки, похожие на следующие: —Заявители были жителями Сен-Бенуа, некоторая часть населения которого была вооружена как мятежники, но при приближении войск королевы все они сложили оружие. Что касается фактов по делу, полковник Хэнсон пишет лорду Ситону, который отвечает: "Департамент генерального квартирмейстера регулярно размещал солдат в деревне, и каждому офицеру были отданы строгие приказы защищать жителей и их имущество; лейтенант.-полковник. Таунсенду приказано остаться в деревне Сен-Бенуа для ее защиты, остальным войскам вернуться в Монреаль. Следует проявлять величайшее сострадание и уважение к семьям пострадавших, оказавшихся в бедственном положении из-за безрассудного поведения их родственников; каждый пострадавший или разрушенный дом в Сен-Бенуа был бессмысленным разрушением, совершенным вопреки охране, выставленной для защиты

собственности ". Так пишет лорд Ситон. Полковник Хэнсон, процитировав вышесказанное, продолжает утверждать, что представленные комиссарам доказательства доказывают, что "сразу после лейтенанта-полковника. Таунсенд собрал свой полк с целью маршировать обратно в Монреаль, добровольцы из северных поселков начали грабить деревню, унося все имущество, принадлежащее жителям, сжигая церковь и почти каждый дом в деревне ... умышленно и беспричинно разрушая дома, а во многих случаях сжигая ценные амбары и зернохранилища.... Поэтому я смиренно заявляю, что каждый такой человек, который таким образом пострадал, должен быть возмещен, поскольку его потерей было бессмысленное разрушение жилищ, построек, имущества и пожитков указанных жителей ". Однако члены комиссии столь ревностно исключали всех сомнительных заявителей, что полковник Хэнсон оказался в меньшинстве при рассмотрении вышеупомянутых претензий и, как человек чести и стремящийся к справедливости, счел своим долгом направить письмо генерал-губернатору по этому вопросу, из которого, датированного январем 1852 года, были взяты приведенные выше выдержки.

У меня очень много подобных жалоб на то, что истцам отказывают в правосудии, по мнению доблестного полковника, которые сейчас лежат передо мной, но "*ex uno disce omnes*". Я прочитал большую часть Отчета, и мне неотвратимо напрашивается вывод, что все, что могло иметь хоть малейший оттенок мятежа, было сделано фатальным для иска заявителя; но если бы что-то и не убедило меня в том, что у очернителей "Счета о возмещении убытков" не было никаких оснований жаловаться на эту меру, то это можно было бы найти в факте, что среди его различных противников, с которыми я разговаривал, все они, как один, воскликнули: "Посмотрите на дело Нельсона, абсолютного мятежника с оружием в руках, и к его заявлениям прислушались!" Это был их неизменный ответ; и, пока я не навел справки, все выглядело очень плохо. Но каково было реальное положение дел? Просто Нельсон был разорен своим восстанием, многие верные подданные, которым он задолжал, пострадали из-за его ошибок; и деньги, присужденные за убытки, понесенные мятежником, пошли на выплату верным должникам, за исключением небольшой части, которая была предоставлена его жене, которая, как было хорошо известно, была категорически против курса, который он проводил, и которая потеряла значительную собственность, которой она владела по своему праву. Я говорю, что тот факт, что дело Нельсона всегда выдвигалось как величайшее из чудовищных, убедил меня в крайней слабости противников больше, чем что-либо другое; и это также доказало мне, насколько многие из них были неосведомлены об истине, поскольку некоторые из тех, кто поносил Законопроект, правительство и генерал-губернатора, не имели ни малейшего представления, пока я не сообщил им, как применяется премия Нельсона.

Нет никаких сомнений в том, что зверства, ареной которых стал Монреаль, представляют собой самые позорные черты в современной канадской истории, и следует надеяться, что подстрекатели и действующие лица уже давно полностью устыдились их; также нельзя слишком высоко превозносить характер и суждения генерал-губернатора в этом тяжелом случае. Когда потребовалось распустить парламент, он предвидел, что то, что он не сделает этого лично, будет неверно истолковано его врагами и что они заклеят его самым оскорбительным из всех обвинений благородному сердцу — в трусости. Руководствуясь возвышенным чувством долга, он отбросил все подобные личные соображения в сторону. Перед ним были открыты два пути: первый - вызвать военных и под их присмотром распустить Ассамблею; другой - поручить командующему Вооруженными силами выполнить этот долг. Первое, должно быть, привело бы к столкновению с населением, и кровь многих, кого он считал столь же лояльными, сколь он знал, что они были введены в заблуждение и возбуждены,

пролилась бы рекой; второе, он предвидел, было бы неверно истолковано как акт личной трусости, но он знал, что это предотвратит кровопролитие, воспоминание о котором сохранит живыми самые острые элементы политической вражды на долгие годы. С истинным патриотизмом он пожертвовал собой в храме страны, которой был послан управлять, предпочитая быть объектом самых оскорбительных обвинений, чем без необходимости пролить хоть каплю крови тех, кто был предан его правлению.

За все время умелого и процветающего правления лорда Элджина я едва ли могу представить себе какой-либо его поступок, на который он мог бы оглядываться с большим удовлетворением, чем на эту победу здравого смысла над чувствами, когда он принес справедливую гордость и достоинство на алтарь милосердия и удалился в Квебек. Один недалекий человек, который, вероятно, лично участвовал в безобразиях того периода, в разговоре со мной на эту тему так описал это: "он в панике умчался в Квебек"; и, несомненно, сотни других, таких же недалеких, как он, были вынуждены поверить, что так оно и было, а поскольку брань - самое легкое из всех неблагородных занятий, они, вероятно, сделали все возможное, чтобы распространить эту ничтожную клевету. Лорд Элджин, однако, не нуждается в защитнике из гусиного пера; беспрецедентно растущее процветание колонии под его управлением - самое ценное свидетельство, которого он только мог пожелать. Не каждый губернатор, который по прибытии, обнаружив колонию в смятении и мятеже, после отставки с поста испытывает удовлетворение от того, что оставляет на их месте гармонию и лояльность, а доход за тот же период увеличился с 400 000 фунтов. до 1 500 000 фунтов.: и если у него когда-либо были какие-либо сомнения относительно того, были ли одобрены и оценены его услуги дома, они, должно быть, были устранены самым приятным образом, когда на публичном обеде, устроенном им в Лондонской таверне в 1854 году, все оттенки политических деятелей собрались с готовностью, чтобы оказать ему честь; и пока председатель, лорд Джон Рассел, восхвалял его таланты и его администрацию, пять других министров колоний и бывших колониальных стран присутствовали на том же заседании, чтобы поддержать комплимент; американский министр также засвидетельствовал счастливый рост добрых чувств между двумя странами, которые лорд Элджин так успешно поддерживал и развивал. Я не могу припомнить ни одного другого случая, когда столь великая честь была оказана губернатору колонии.

Я был поражен, обнаружив, что в Канаде так мало сделано для организации сил ополчения, особенно когда их соседи-республиканцы дают им пример такой активности и эффективности в этом департаменте. Возможно, пока нежелательно, чтобы в колонии было создавать какие-либо военные школы, такие как Вест-Пойнт; но колонистам было бы приятно и выгодно, если бы мы разрешили определенному количеству молодых людей получать образование в каждом из наших военных колледжей в Англии; только те из них, которые после сурового экзамена доказали свои способности и чье поведение в местах их обучения было отмечено как образцовое. С помощью таких простых средств определенный объем военных знаний постепенно распространился бы среди колонистов, что сделало бы их более эффективными в подавлении внутренних беспорядков или отражении иностранной агрессии.

Поскольку это может быть интересно некоторым моим читателям, я приведу здесь небольшой очерк канадских парламентов. Законодательное собрание, или Палата общин, состоит из восьмидесяти четырех членов, по сорок два от каждой провинции. Квалификация для членства составляет 500 фунтов., а франшиза 40. freehold, or 7. *бесплатное владение, или 7 фунтов. 10 фунтов. домовладелец; она также предоставляется богатым арендаторам и фермерам,*

которые в основном сдают жилье; срок рассчитан на четыре года, и членам клуба выплачивается 1 фунт. в день, когда они сидят, и бдирхамов за милю путевых расходов. Законодательный совет состоит из сорока членов и назначается короной пожизненно. Кабинет, или Исполнительный совет, состоит из десяти членов, избираемых генерал-губернатором из обеих палат. Их канцлером казначейства является премьер-министр. Канадцы хотят отменить квалификацию для членов Ассамблеи, сохранив квалификацию для избирательного права, и увеличить число членов до шестидесяти пяти для каждой провинции. Они также желают отменить назначение короны и сделать Законодательный совет выборным,^[АО] с имущественным цензом в 1000 фунтов., по тридцать членов от каждой провинции; эти последние избираются сроком на шесть лет.

Что касается предлагаемого изменения в Законодательном совете, признаюсь, я смотрю на его предполагаемые преимущества — если они будут осуществлены — со значительными сомнениями, поскольку при том, что выборщики будут такими же, как и в другой палате, она станет просто нижней палатой, избираемой на более длительный срок, и потеряет тот престиж, который мог бы быть достигнут путем требования к выборщикам более высокой квалификации. С другой стороны, я считаю период, на который они избираются, явно слишком коротким, поскольку полностью убежден, что увеличение срока обычно приводит к повышению респектабельности кандидатов, выдвигающих свои кандидатуры для избрания; мнение, которое я полностью разделяю многими мудрейшими руководителями, которые помогали формировать правительство Соединенных Штатов и которые чрезмерно сожалели о краткости срока, на который были избраны сенаторы.^[AP] Я также не могу поверить, что полное лишение короны права выдвижения кандидатов принесет пользу колонии. Если бы эксперимент был начат с того, что корона отозвала кандидатуру половины членов, я думаю, это было бы более благоразумно и помогло бы сохранить те чувства ассоциации с Коронай и лояльности к ней, которые, я полностью уверен, глубоко испытывает большинство канадцев; таким образом, была бы сохранена фаланга сенаторов, удаленных от всех зловещих влияний периодических изданий, общих для всех стран, и генерал-губернатор имел бы право призывать в свои советы самых талантливых и патриотичных людей в те времена политического возбуждения, когда слишком вероятно, что страсти избирателей будут заручены поддержкой многословных агитаторов, у которых нет ни денег, ни характера, которые можно было бы потерять. Однако, поскольку эти вопросы, насколько это касается нашей страны, должны решаться теми, кого, вероятно, мало волнует мое мнение, и поскольку этот вопрос вряд ли заинтересует широкого читателя, я не буду больше распространяться на него.

СНОСКИ:

^[АО]

После моего возвращения в Англию произошло предлагаемое увеличение состава Законодательного собрания. Имперское правительство также уполномочило колонию изменить конституцию Законодательного совета и сделать его выборным, если они сочтут это целесообразным.

^[AP]

Посмотрите Главу, посвященную "Конституции Соединенных Штатов".

ГЛАВА XIX.

Путешествие в Уттаву.

Проведя две недели, наслаждаясь прекрасными пейзажами и теплым гостеприимством, и бросив последний долгий взгляд на великолепную панораму, открывающуюся с цитадели, я снова поднялся на борт "Святого Лаврентия". Был вечер; и, когда возшла яркая и ясная луна, лесистые берега и посеребренный ручей образовали самую очаровательную картину, на которой только мог пожелать остановиться человеческий глаз. Утро застало нас в Монреале. Среди моих попутчиков были два члена Кабинета, или Исполнительного совета, мистер Хинкс и мистер Драммонд, оба направлявшиеся в Оттаву, коммерческое значение этой реки для процветания колонии побудило их совершить поездку с целью установить путем фактического наблюдения и изучения, какие шаги наиболее целесообразно предпринять для улучшения судоходства по ней.

Я намеревался сразу же отправиться в Кингстон; но когда они любезно попросили меня сопровождать их, я с радостью согласился и через час после высадки в Монреале уже сидел в поезде со своими друзьями и мчался в Лашин, где находится главная контора Компании Гудзонова залива. Там мы сели на пароход по озеру Сент-Луис, которое представляет собой смесь темно-коричневой Оттавы и светло-голубой реки Святого Лаврентия. Озеро было усеяно островами, и пейзаж казался особенно прекрасным из-за постоянно меняющихся огней и оттенков, исходящих от восходящего солнца. Вскоре мы покинули территорию Святого Лаврентия и добрались до той части Оттавы,^[AQ] которую поэт увековечил своей прекрасной "Песней о канадской лодке".

Сент-Эннс - маленькая деревня, и, поскольку пороги непроходимы при низкой воде, они построили шлюз, чтобы пароходы могли подниматься; но, к счастью, когда мы проходили мимо, воды было достаточно, и мы поднялись на пару по знаменитым порогам, выше которых река впадает в озеро Двух Гор. Предлагается построить железнодорожный мост для главной магистрали, прямо над порогами. Как сильно свистящий чайник портит поэзию пейзажа, какой бы неоспоримой ни была его полезность! Нет сомнения, что озеро Двух Гор обладает многими замечательными красотами; но, какими бы они ни были, беспощадный ливень надежно скрыл их от нас, и мы пересекли все озеро до Пойнт-Форчун в тумане, достойном Западного Нагорья. Там мы сели в автобус, так как шлюзы в Карильоне еще недостаточно велики, чтобы могли проходить полноразмерные пароходы. Дорога была одинаково хороша и неинтересна, она шла вдоль канала, берега которого тут и там оживляли группы полевых цветов.

Перегон в двенадцать миль привел нас в Гренвилл, где мы снова сели на пароход "Оттава", и, поскольку погода стала погожей, у нас появилась возможность насладиться пейзажем, который очень необычен. В нем нет ни одной из тех диких черт величия, которые ассоциируются со

сравнительно неизвестными реками в стране, где все является гигантским. Здесь нет ничего гористого или скалистого, но берега и холмы позади покрыты роскошным лесом и наводят на мысль о том, что они хорошо обустроены, отсутствие человеческого жилья кажется неестественным и придает уединению таинственный вид, лишь через большие промежутки времени нарушаемый домиком с башенками или столбом дыма. Самым примечательным зданием является французский замок месье Папино, очень красиво расположенный на северном берегу, откуда открывается обширный вид на реку, и в своем уединении он выглядит так, как будто его обитатель был вторым Робинзоном Крузо и монархом всего, что он видел. Ночь вскоре окутала весь пейзаж своим соболиным покровом, и, проплывав шестьдесят миль на паре, мы достигли Байтауна, где нашли друзей и экипаж, готовый отвезти нас в Эйлмер, чтобы там переночевать, готовясь к дальнейшей экскурсии вверх по реке ранним утром. Поскольку расстояние составляло всего восемь миль, мы вскоре оказались у гостеприимного стола мистера Игана, из которого быстро удалились отдыхать, чтобы быть готовыми к завтрашнему путешествию.

Ранний рассвет застал нас на берегу, когда мы весело плыли вверх по великолепному ручью, который, разливаясь очень широко, был покрыт озерами и называется озерами Шодьер и Дю Шен, названными так, я полагаю, потому, что вода холодная и видно мало дубов. Как бы то ни было, пейзаж, хотя и не обладает ни поразительными особенностями, ни разнообразием, очень красив и жизнерадостен. Множество прелестных маленьких вилл усеивают берега, некоторые уютно расположились в укромных уголках, другие смело выделяются на фоне сочной зелени; а на заднем плане - пышногрудые холмы, изобилующие лесными монархами, облаченными в свои густые и темные мантии. Внезапно сцена меняется, взору открывается водопад Чатс; и великолепный вид вполне вознаграждает путешественника за все трудности, с которыми он, возможно, столкнулся в своих попытках добраться до этого места. Примерно в трех милях выше скалистого и густо поросшего лесом острова, образующего водопад, река очень сильно сужается, и в своем стремительном течении кажется, что она была полна решимости смести весь остров в озеро внизу; затем, по-видимому, был достигнут компромисс между возмущенным потоком и упрямым островом, и последний, по-видимому, пожертвовал большую часть своей древесины храму Мира и в дальнейшем предоставил различные права проезда своему взволнованному соседу. Река, по-видимому, в значительной степени воспользовалась обеими этими уступками, но, похоже, что в природе, как это часто бывает в политике, уступки только порождают повышенные требования, и неблагодарная Оттава, считая лесную древесину и обнажая гранитную скалу в дюжине различных русел, гневным голосом гремит своими пенящимися водами, постоянно крича "Еще, еще".

Я никогда не видел ничего прекраснее этих водопадов. Обычно они имеют от двадцати до сорока футов в ширину и примерно одинаковую высоту; но из-за формы острова вы не можете увидеть их все сразу; и по мере того, как вы плывете вперед, они непрерывно сменяют друг друга, каждый раскрывает какую-то новую красоту. Именно в этом месте я впервые увидел горку для спуска пиломатериалов, о которой мне придется рассказать позже. В течение многих лет перевозка товаров через этот остров в реку Оттава выше по течению, которая называется озером Чатс, была работой с большими трудностями и затратами. Мистер Э., с той предприимчивостью и энергией, которые характеризуют его характер, уговорил присоединиться к нему двух друзей, близких по духу, и проложил через реку железную дорогу длиной около трех с половиной миль. Это единственная линия, построенная на сваях, и вагончик весело трясется под управлением двух пикантных пони. Поскольку сваи в некоторых

местах находятся на высоте от двадцати до тридцати футов, это выглядит нервной работой; и если бы один из пони рванулся, это могло бы привести к серьезной аварии; но они, похоже, осознают опасность и убегают рысью так же уверенно, как паровоз, если не так быстро.

Когда мы достигли северо-западной оконечности острова, нас ждал другой пароход, и мы снова вошли в русло Оттавы. После прохождения первых трех миль, которые, как уже упоминалось, очень узкие и, таким образом, создают тот дополнительный импульс, который заканчивается у прекрасного водопада Чатс, река впадает в озеро. Берега низкие, с пологим подъемом, и здесь сравнительно мало признаков сельскохозяйственной деятельности, поскольку поселенец счел землю за возвышенностью более подходящей для сельскохозяйственных целей.

На некотором расстоянии вверх по озеру, недалеко от его берега, находится ферма мистера Макдоннелла, составляющая, таким образом, исключение из общего правила. Его резиденция представляет собой чрезвычайно красивый коттедж с великолепным панорамным видом. Здесь мы остановились, чтобы навестить энергичного старого горца и его семью и насладиться его гостеприимством. Если рассматривать его как образец целебного климата, то я никогда не видел более здорового места. Он пришел сюда мальчишкой, чтобы попытаться счастья, не имея ничего, кроме хорошего топора и отважного сердца. Пятьдесят лет у него остались далеко позади; он выглядит воплощением здоровья и несет свои шесть футов два дюйма так, что ему мог бы позавидовать образцовый сержант-строевик; и когда он взял меня за руку, чтобы поприветствовать, я почувствовал, как все мои маленькие косточки хрустнули под его железной хваткой, словно в них было много сердцевин.

Я не мог не сравнить сердечность его приветствия с двумя негнувшимися пальцами, которые в высокоцивилизованной жизни так часто протягивают либо из гордости, либо из безразличия; и хотя он почти заставил меня крикнуть: "Довольно!" Я бы в тысячу раз предпочел страдать и наслаждаться его сердечным объятием, чем холодной формальностью обычного надувательства. Отважный старый первопроходец обрел очень комфортную независимость, и он сказал мне, что его единственными соседями была группа его соотечественников за холмом, которые говорят исключительно на гэльском и едва ли знают хоть слово по-английски. В основном они вышли с "Макнабом", но время от времени их пополняют прибывшие из Старой Англии.

Нам предстоял долгий рабочий день, и мы смогли остановиться лишь ненадолго, поэтому, искренне попрощавшись с ним и его семьей и пожелав им всего хорошего, мы продолжили наше путешествие. Вскоре мы увидели черные обрубки одного из самых разрушительных пожаров, которые когда-либо поражали лес. Некоторое представление о разрушительном действии "всепожирающей стихии" можно составить из того простого факта, что она почти полностью поглотила каждую бревнышко на пространстве размером сорок пять миль на двадцать пять; и стоимость того, что было таким образом уничтожено, может быть частично оценена, если учесть, что один хороший плот древесины стоит от трех до пяти тысяч фунтов. Эти плоты, разбросанные по озеру во всех направлениях, производят очень приятное впечатление, их маленькие отличительные флажки развеваются на ветру, одни на верхушке шеста, другие на крыше маленькой лачуги, в которой живут их отважные мореплаватели; и это, должно быть, унылое, утомительное и опасное занятие; но Провидение в своей милости так устроило человека, что привычка перерастает в новую натуру; и эти отважные сыны творения поют так же весело, так же жизнерадостно улыбаются, так же спокойно курят и, несомненно, спят так же

крепко, как и мы. здорово, как любой ветеран праздности, хотя и избалованный роскошью, и с остатком средств у своего банкира, который он не знает, как растратить.

Эти сыны тяжелого труда являются практическим свидетельством истинности того, что покойный оплакиваемый сэр Дж. Франклин всегда объявлял своим убеждением, основанным на долгом опыте, а именно, что употребление спиртных напитков скорее ослабляет, чем придает сил тем, кто вынужден работать в самых суровых климатических условиях. Лесорубы почти все трезвенники, и, как мне говорили, они заявляют, что благодаря переменам их здоровье улучшилось, выносливость окрепла, мускулы окрепли, а дух оживился. Если это так, и если мы обнаружим, что уроженцы теплого климата в массе своей тоже трезвенники, и что, когда они отказываются от своих цветов воздержания, они портятся и в конце концов исчезают, боюсь, мы должны прийти к выводу, что какими бы вкусными ни были шампанское со льдом или шерри-коблер, или каким бы приятным ни был "долгий глоток из оловянной кружки", они никоим образом не необходимы для здоровья или жизнерадостности, и что, как и все действия, они вызывают реакцию и, таким образом, вызывают желание их повторения, пока по привычке они не станут привычными. стать второй натурой, к великому утешению достойных виноторговцев и модных медиков, чьи балансовые отчеты пострадали бы примерно в равной степени от прекращения их употребления; не говоря уже о печальных последствиях их неправильного использования, которые ежедневно проявляются в полицейских отчетах и других, если возможно худших, деталях, которые раскрывают записи "ада".

Страсть становится настолько сильной, что я знаю женщину, которая весит почти тонну и гордится тем, что выставляет напоказ больше своего драгоценного вещества, чем обычно одобряет общество, в которой вкус "к капельке" настолько силен, что, чтобы дать ей возможность более свободно удовлетворять его, она имеет удовольствие платить двум врачам по гинее каждому ежедневно, чтобы они как можно дольше предотвращали его коварные атаки на ее гигантское тело. Однако вы не должны думать, что я трезвенник. Я пробовал это и никогда не чувствовал себя лучше, чем во время практики; тем не менее я никогда не упускаю случая, если по кругу циркулирует бутылка холодного шампанского, потому что, признаюсь, я его очень люблю.

Прошу прощения за это отступление. Мы снова на Оттаве; по мере нашего продвижения река сужается и становится усеянной маленькими островками, покрытыми диким кустарником и лесными деревьями, с жестких неподатливых ветвей которых более гибкие побеги игриво свисают в пенящийся внизу поток, словно дети Тяжести, кокетничающие с семьей Страсти. Конечно, эти острова образуют пороги во всех направлениях: вскоре мы приближаемся к тому, который выбран в качестве канала, в котором можно попробовать свои силы. Мы смело бросаемся вперед — вниз устремляется поток с ревом вызова; достигнув середины, мы вступаем в смертельную схватку между кипящей и текущей водой; мы дрожим на волоске от победы — бурлящие воды торжествуют; мы объявляем отбой, который выполняется на практике с осторожностью Ксенофонта, и мы скользим вниз, в более спокойные воды внизу.

Разжигайте костры, подбрасывайте угли! Снова мы мчимся вперед — снова достигаем середины пути — снова момент борьбы — снова позор поражения - снова военный совет в более спокойных водах внизу. Теперь мы призываем на помощь все наши силы, решив, что поражение лишь подстегнет нас к еще большему напряжению. Мы опускаемся ниже, чтобы получить большую начальную скорость; костры разжигаются так, чтобы светить одной

безупречной массой живого тепла. Снова звучит атака: мы мчимся вперед, наша маленькая лодка трепещет от носа до кормы; снова разгневанные воды ревут, бросая вызов, — снова смертельная борьба, — снова на мгновение мы трепещем, балансируя на волоске от победы. Внезапно раздается всеобщий крик триумфа, и когда радостные возгласы затихают эхом в лесу, мы плывем по более спокойным водам Оттавы над порогами.

На бумаге все это очень хорошо, но, уверяю вас, для нас это было время сильного волнения; если бы в момент смертельной схватки оборвались канаты руля или рулевой неверно повернул штурвал, мы могли бы пересечь бурлящие пороги и тогда распрощаться с подлунными друзьями; наши кости могли бы проплыть мимо Квебека прежде, чем туда дошла весть о нашей гибели.

Оттава - ни в коем случае не единственный канал в этих краях для транспортировки продуктов труда лесорубов: здесь есть бесчисленные притоки, обеспечивающие плавание на плотках на сотни миль; так что для их труда открыто почти неограниченное поле, и должны пройти годы, если не столетия, прежде чем население сможет увеличиться настолько, чтобы совершить какое-либо существенное вторжение в эти почти неисчерпаемые леса.

Пройдя несколько миль от места нашей недавней жестокой борьбы, мы достигли маленькой деревушки Портаж-дю-Фор, выше которой пороги совершенно непроходимы. Обитатели этого маленького дикого лесного сообщества не очень многочисленны, как можно было бы предположить, и единственным объектом интереса является мукомольная фабрика, которая снабжает лесозаготовителей на многие мили, как вверх, так и вниз. Поскольку наш маленький пароход не мог подняться выше, мы были вынуждены совершить на нем шотландское плавание — "Туда и обратно". Итак, повернув голову на восток, мы весело понеслись по течению, с быстротой молнии сбив с ног нашего недавнего противника, затем пересекли озеро и целую флотилию плотов со знаменами, пока не приземлились на острове Чатс-Фоллс, где нашли наших пони, готовых помчать нас по воздушной железной дороге. Сев на утренний пароход, мы обнаружили, что для нас приготовлен превосходный ужин, и, прежде чем опустились вечерние сумерки, мы снова наслаждались гостеприимством Эйлмера.

Население Эйлмера составляет всего 1100 жителей, но они не бездействуют. Дом мистера Э. ведет дела с лесозаготовителями на сумму 200 000 фунтов в год и поставляет им 15 000 фунтов чая каждый год. В этих краях продаются гроги со скидкой. Растущее процветание этого района в основном связано с энергией и предприимчивостью мистера Игана и его друга М. Омона. Именно этими двумя джентльменами были пущены по озерам пароходы и проложены рельсы поперек острова. Все чувствуют, насколько удобство передвижения повысило процветание этого населенного пункта; и ценность услуг г-на Э. достойно признана его безальтернативным избранием представителем округа. Хорошо отдохнув ночью и плотно позавтракав, мы отправились в обратный путь в Байтаун, который можно считать штаб-квартирой лесорубов.

Земля, на которой стоит большая часть Байтауна, несколько лет назад была предложена слуге в уплату долга в 70 фунтов.; Сделка показалась ему настолько невыгодной, что он попытался от нее отказаться. Стоимость той же земли сейчас оценивается в 200 000 фунтов.!!! Еще в 1826 году здесь не было камня на камне от другого; сейчас население составляет 10 000 человек и неуклонно увеличивается. Ничто не может сравниться с красотой панорамного вида, открывающегося с вершины холма Барак, который представляет собой темную, хмурую, отвесную скалу высотой в несколько сотен футов. К западу находится водопад Шодьер, 200

футов в ширину и 60 футов в высоту, неправильной формы, кое-где обрывающийся скалами, вокруг которых в непрекращающемся неистовстве вздымаются стремнины, прежде чем совершить свой последний прыжок в обезумевший внизу залив, откуда под вашими ногами катятся свои темные воды. Ниже водопада через реку перекинут очень легкий и красивый подвесной мост. Эта часть сцены оживляется непрерывным спуском деревянных плотов, несущихся по горкам, умело управляемых их выносливыми и опытными штурманами. Вокруг вас раскинулись великолепные просторы колышущихся полей и мрачного леса, простирающиеся насколько хватает глаз и ограниченные на севере горами, вырисовывающимися и наполовину теряющимися вдаль, откуда берет начало могучее Гатино — водное шоссе для лесных сокровищ, струящееся подобно потоку жидкого серебра, когда солнечные лучи танцуют на его груди, — все это образует одну из самых красивых панорам, которые только можно вообразить.

Для столицы великой страны не было места, более подходящего. Граничащий с Верхней и Нижней Канадой, всего в двенадцати часах езды от Монреаля, легко обороняемый, с торговлей, ценность которой растет так же быстро, как неисчерпаем ее источник, в месте слияния двух рек, берега которых одинаково богаты лесом и пахотными землями, — требуется всего девятнадцать миль шлюзов, чтобы соединить реки Святого Лаврентия, Оттаву и Гатино с бескрайними внутренними озерами Америки, — обладающий великолепным каналом Ридо, по которому можно быстро добраться до Кингстона на озере Онтарио, — богатым пейзажами, непревзойденным по красоте и величию, и климатическим режимом, благоприятным для жизни. самый здоровый из всех, какие только может произвести мир, — Природа, похоже, выбрала Байтаун в качестве места для канадского мегаполиса. Короче говоря, будь я пророком, а не путешественником, я бы смело предсказал, что когда-нибудь так и должно быть, если Канада останется единой и независимой.

Здесь я должен объяснить слайды для пиломатериалов, о которых уже упоминалось ранее. В былые времена всю древесину сбрасывали вниз по стремнине, чтобы найти свой путь как можно лучше, естественным следствием чего было то, что большие количества были безвозвратно потеряны. Мистеру Райту пришло в голову, что этой напрасной траты труда и древесины можно было бы избежать, и, соответственно, после большого труда и затрат ему удалось изобрести так называемую горку — другими словами, наклонную деревянную раму, — по которой определенное количество огромных бревен, составляющих часть плота, может быть спущено вместе в полной безопасности под руководством одного или двух опытных людей. Изобретение сработало превосходно, о чем свидетельствует тот факт, что с его помощью древесина, которой раньше требовалось два сезона, чтобы добраться до Квебека, теперь доставляется за пять месяцев. Как и многие другие изобретатели, я боюсь, что мистер Райт не получил правосудия от правительства, которое, создав свои собственные слайды и предоставив преимущества тем, кто ими пользуется, таким образом устранило трафик у мистера Райта — несправедливость, которую, хочется надеяться, еще не слишком поздно исправить; во всяком случае, Законодательный орган Империи, который счел своим долгом проголосовать 4000 голосов. человек, который изобрел машину для проделывания маленьких отверстий между пенсовыми марками, исходя из коммерческой целесообразности, должен согласиться со мной, что недостойно лесозаготовительной колонии пренебрегать заявлениями человека, чье изобретение принесло торговле пиломатериалами неоценимую пользу.

Главным владельцем Bytown является достопочтенный мистер Маккей, и своей карьерой в Канаде он действительно может по праву гордиться. Прибыв в страну в качестве рабочего без

друзей, он, благодаря своей честности и интеллектуальным способностям, благородно пробился к самому высокому положению в колонии и является одним из самых уважаемых членов Законодательного совета. Борясь за сенаторские почести, он также не пренебрегал своими более материальными интересами, и энергия, которую он вложил в их реализацию, была вознаграждена в соответствии с желаниями его сердца. У него есть очаровательное маленькое загородное поместье под названием Ридо-Холл, примерно в трех милях от города, и он является владельцем нескольких чесальных, лесопильных и мукомольных заводов, а также обширной суконной фабрики, продукция которой в данный момент доставляет мне наибольшее удовольствие. Карьеру мистера Маккея справедливо можно назвать полезным памятником колониальной эпохи, поощряющим благородные устремления и бичующим совесть тех трутней, которым всегда мерещится "лев на пути". Мы имели удовольствие насладиться его гостеприимством на большом завтраке, который он дал в честь двух моих друзей-путешественников, которые, как я полагаю, были первыми членами Исполнительного совета, работавшими здесь за очень много лет.

Одной из целей их нынешнего визита было выяснить на основе личных наблюдений и расспросов, насколько желательно, чтобы правительство выделило деньги на строительство любого из шлюзов, необходимых для соединения Оттавы и с., с Монреалем и Квебеком. Я ни на мгновение не могу усомниться в том, что они самым тщательным образом убеждены как в его совершенной осуществимости, так и в его огромной важности. Требуется только построить девятнадцать миль канала, чтобы завершить непрерывное водное сообщение от Квебека до Оттавы и всех ее гигантских притоков, простирающееся даже до озера Темискаминг; и если бы от этого последнего был прорублен канал до озера Ниписсинг, сообщение было бы тогда полным через сердце Канады, через все внутренние океанские воды американского континента, а оттуда до Нью-Йорка через канал Эри и Гудзон или до Нового Орлеана через канал Иллинойс, реку и Миссисипи. На эту цель было выделено уже 50 000 фунтов стерлингов. И этот первый взнос в основном благодаря энергии мистера Игана. В знак уважения к их представителю он был удостоен публичного обеда, на котором должны были присутствовать двое моих товарищей по Исполнительному совету. К сожалению, мое время было ограничено, и я был вынужден отказаться от комплимента, который мистер Иган так заслужил; поэтому, попрощавшись с моими друзьями и бросив последний долгий взгляд на эту великолепную панораму, воспоминание о которой никогда не изгладится временем, я сел в открытую и начал свой одинокий путь к Прескотту.

Я вышел из отеля, когда все гости уже прибывали, и запахи приближающегося пиршества самым аппетитным образом возвещали о цели их встречи. У меня оставалось еще два часа дневного света, и таким образом я смог немного разглядеть ту часть окрестностей, которая единственная была скрыта, когда я стоял на холме казарм. Чем больше я видел его, тем больше убеждался в своеобразном приспособлении Байтауна для большого города; почва здесь превосходно подходит для строительства, а водные ресурсы неисчерпаемы. Мой путь, как и естественно предположить в новой стране, пролегал через чередование лесов и возделываемых земель; если он и не был хорошо вымощен щебнем, то, по крайней мере, оказался гораздо лучше, чем я ожидал, и есть некоторое удовольствие в том, чтобы быть приятно разочарованным и иметь возможность бежать трусцой, не вечно натываясь на какие-нибудь глубокие колеи, которые стряхивают пепел с твоей сигары за пазуху жилета. То тут, то там, конечно, я натывался на узкие тропинки, но это только делало контраст более приятным.

В половине первого ночи маленькие лошадки начали ощущать последствия шестичасовой работы, поэтому я остановился в довольно жалкой придорожной гостинице на четыре часа, которые были распределены между мытьем, кормлением и сном. Тяжелая работа, но мне не терпелось успеть на пароход; поэтому, воспользовавшись тем, что я мог отдохнуть за этот короткий промежуток времени, и надеясь, что лошади сделали то же самое, я снова был *в пути* в 5 часов утра и с большим трудом добрался до Прескотта как раз вовремя, чтобы узнать, что пароход отправился за полчаса до моего прибытия. Я утешал себя, как мог, тазом для умывания, чайником и вспомогательными принадлежностями. Затем я отправился посмотреть на город, который состоит примерно из трех улиц и 3000 жителей; так что операция была выполнена без проблем, интереса и большой потери времени. Убедившись, что если я поеду в Огденсбург, то смогу сесть на пароход в два часа дня, я немедленно пересек на пароме город брата Джонатана, желая взглянуть на него перед отправлением. Сравнение между ними не льстило моему национальному тщеславию. Вместо того, чтобы обнаружить население в 3000 человек без каких-либо признаков прогресса, я обнаружил население в 8000 человек, с стремлением к опережению во всех кварталах; большие дома, широкие улицы и активное процветание отпечатались на всем. Несомненно, это неравенство во многом объясняется железной дорогой, которой последний связан со всем штатом Нью-Йорк, а также отсутствием взаимности. Тем не менее, в Огденсбурге присутствует некая энергетика, которой не может не заметить самый невнимательный наблюдатель в Прескотте.

Мистер Пэриш является крупным владельцем первого из этих городов и, как говорят, обладает значительным состоянием, которое он, по—видимому, использует одинаково с пользой, а именно, отвоевывает у озера участок земли площадью около четырехсот квадратных ярдов, примыкающий к железнодорожной станции, благодаря чему суда смогут легко разгружаться на его новой пристани; таким образом, отвоеванная земля приобретет огромную ценность для складских помещений.

Закончив свои наблюдения и хорошенько пропеченный вертикальным солнцем, я отправился в путь в 2 часа дня. Прекрасная погода и прекрасный пейзаж.

Деревня Броквилл очень красиво расположена на берегу озера и считается одним из самых красивых городов Канады. Продолжая наш путь, время от времени появляются бесчисленные аккуратные деревушки и прелестные виллы; но когда мы находимся прямо на озере Тысячи островов, пейзаж становится совершенно очаровательным, и постоянно открывается какая-то новая красота. В данном случае сцена была еще более впечатляющей благодаря совершенному отражению всех островов на блестящей глади зеркального озера. Мы добрались до мыса Винсент к вечеру и, пересев на другой пароход, благополучно высадились в Кингстоне около десяти вечера, где, найдя молодого друга-артиллерию, я вскоре погрузился в это самое захватывающее из всех удовольствий, которые можно получить вдали от дома, а именно: беседовать о старых друзьях и старых сценах, пока не почувствуешь, что находишься среди них обоих. Ночь, однако, предъявляет свои права к человеку, и, честно говоря, я выполнил свой долг, отправившись спать, когда контрольные часы пробили три.

Кингстон - всего лишь небольшое место, хотя когда-то и имевшее значительное значение. Население составляет около 12 000 человек. В 1841 году лорд Сайденхэм перенес резиденцию правительства из Торонто в Кингстон, жители потратили большие суммы денег в ожидании, что так будет продолжаться и впредь; но в 1844 году ее снова перенесли обратно, и, следовательно,

те, кто вложил свои деньги, понесли очень тяжелые убытки. Именно это вечное перемещение резиденции правительства — невыгодность которого должна быть очевидна каждому — заставляет меня надеяться, что Байтаун, положение которого является столь центральным, может когда-нибудь быть выбран городом, который будет постоянно пользоваться этой честью. Как бы Кингстон ни восстанавливался, а мне говорили, что так оно и есть, я должен признаться, что, несмотря на его собор, колледжи, университет и другие прекрасные здания, которыми он, несомненно, обладает, трава на улицах и переулках, свиньи и коровы, пасущиеся во всех направлениях, заставляли меня чувствовать стыд, особенно когда я думал о молодом Огденсбурге, который я так недавно покинул. Принимая во внимание протяженность озерного сообщения, которым он пользуется, и то, что благодаря великолепному каналу Ридо для него открыта вся страна от Оттавы, я должен сказать, что я считаю состояние Кингстона самым сильным отражением энергии и предприимчивости населения. Самый прекрасный вид открывается из цитадели, откуда открывается великолепный панорамный вид; укрепления находятся в хорошем состоянии, а гарнизон составляют канадские стрелки и несколько королевских артиллеристов. Одним из объектов, которые меня больше всего заинтересовали бы в посещении, была провинциальная тюрьма, устройство которой, как я слышал, было замечательным; но, поскольку у меня не было времени осмотреть ее, читатель избавлен от подробностей.

В 3 часа дня я снова плыл по озеру Онтарио, которое вскоре переходит в открытое море. Лодка была сносно хорошей и чистой, и еда под стать, но подавали ее вниз; поэтому в каюте было очень душно. Я с особой тщательностью выбрал кровать и в назначенное время улегся в нее, весьма довольный своим тщательно выбранным положением, и вскоре уткнулся носом в подушку, полный мирных надежд. Несчастный смертный! едва мой нос избавился от холода, вызванного соприкосновением с наволочкой, как раздался звук, сотрясший не только меня и мою кровать, но и всю каюту. История скоро будет рассказана. Я свил себе гнездо у самого дула паровоза, и, поскольку они с визгом рванулись вперед, как только что-нибудь появилось в поле зрения, вы можете догадаться, что я провел приятную ночь и скрупулезно избегал повторения эксперимента в любых последующих поездках на паровой тяге. Поскольку мне некого было винить, кроме себя, я потерял то небольшое удовлетворение, которое мог бы получить, оскорбляя кого-то другого и называя его тупой задницей за то, что он сделал такой выбор. Однако, справедливости ради, я злоупотребил собой, и поскольку этот пункт не подлежит оспариванию, никакого ответа выдвинуто не было. Довольный искренностью своего признания, я улавливал те обрывки отдыха, которых удостоили меня инженер и его свисток из милосердия, — на следующее утро мы были в Торонто.

ПРИМЕЧАНИЕ.—Город, упомянутый в предыдущей главе, теперь называется Оттава и является кандидатом, наряду с Монреалем и Торонто, на звание постоянной митрополии.

СНОСКИ:

[\[AQ\]](#)

Первоначально Уттава, где Мур продемонстрировал свой хороший вкус и уважение к старине, придерживаясь оригинального и более красивого названия.

ГЛАВА XX.

Колониальное образование и процветание.

Торонто красиво расположен и выглядит процветающим; способ, которым недвижимость здесь растет в цене, замечателен, а успехи, которых добились некоторые люди, просто сказочны. Недвижимость, которая была куплена за 30 000 *фунтов.*, была в течение месяца — еще до того, как цена была полностью оплачена — перепродана партиями за 100 000 *фунтов.* Положение города превосходно подходит для крупного торгового города: он обладает надежной гаванью; он расположен на озере длиной около 190 миль и шириной 50 миль; оттуда река Святого Лаврентия доставляет свои продукты в океан, а канал Ридо соединяет его с домом лесорубов в Оттаве; через него проходит главная железнодорожная магистраль, которая протянется от западной оконечности колонии до Галифакса; местная линия, пересекающая некоторые из богатейших земель Канады, в настоящее время продолжается до озер Симко и Гурон; один железный конь уже проложен. обеспечивает ему сообщение с Ватерлоо — почти напротив Буффало, — откуда продукты спускаются по каналу Эри и Гудзону в Нью-Йорк: помимо всех этих преимуществ, в настоящее время он пользуется привилегией быть одним из мест пребывания правительства и центром образования. Таким образом, если какой-либо город в Верхней Канаде и должен процветать, то это Торонто; и, я полагаю, нет никаких оснований сомневаться в том, что он станет самым богатым и важным местом. Влияние молодых железных дорог уже начинает ощущаться: население, которое в 1851 году составляло всего 25 000 человек, в 1853 году превысило 30 000 и продолжает быстро расти. Мне посчастливилось познакомиться с мистером Камберлендом, главным инженером железнодорожной линии, ведущей к озеру Симко, и он был достаточно любезен, чтобы попросить меня сопровождать его на это озеро в инспекционной поездке, предложением которой я с радостью воспользовался. Я был рад обнаружить, что у канадцев хватило здравого смысла покровительствовать вагонам первого и второго класса, а также тому, что они начали производить свои собственные вагоны и локомотивы. Рельсы казались очень прочно уложенными, а дорога огороженной; но, несмотря на изгороди, любознательная корова умудрилась забраться на линию, и в результате из нее чуть не сделали говядину. Прогресс земледелия давал наиболее убедительные свидетельства растущего благосостояния, в то время как девственные леса свидетельствовали о том, какой богатый урожай еще ждет трудолюбивых переселенцев.

То и дело вы видели на расчищенной земле эту особенность, столь характерную для американского пейзажа, патриархальный остаток некогда густого леса, столь же лишенного ветвей, сколь ранний Адам был лишен одежды, его кора была обожжена пламенем, несколько верхушечных листьев - которые одни указывали на жизнеспособность — немногим больше, чем столетия, которыми он мог похвастаться, и как бы дрожали от их опасного веса и сомнительной долговечности, в то время как вокруг него стояли пни более почтенного вида, над которыми

пламя проделало более смертоносную работу, и все это — когда поэзия ушла — напоминало о том, что он жив. о черном Отце Семейства, гордо стоящем в центре своего черномазого вывода.

Здесь есть хороший чугунолитейный завод, который выпускает несколько отличных двигателей. Некоторые общественные здания тоже прекрасны, но, к сожалению, по соседству нет карьеров, и они построены из кирпича. Сумасшедший дом - один из лучших; но он окружен высокой, похожей на тюрьму стеной, которую, я полагаю, современный опыт решительно осуждает как оказывающую пагубное влияние на несчастных пациентов. Если это так, давайте надеяться, что он может быть окружен чем-то более легким, воздушным и открытым.

Несколько церквей очень красивые. Я посетил Епископальную церковь, которая трижды сгорала дотла; и когда я заметил архитектору о кажущейся неуклюжести скамей, которая разрушала впечатление внутри, он улыбнулся и сказал мне, что по контракту он обязан заменить их точно такими, как раньше. Я сказал ему, что, по моему мнению, это образец помешанного консерватизма, с чем он полностью согласился. Епископальный колледж Тринити - одно из лучших зданий в округе; в настоящее время в нем обучается всего тридцать пять студентов, но следует надеяться, что сфера его полезности может быть расширена по мере увеличения его средств. В его основе лежит очень хорошая библиотека, которая быстро расширяется; Кембриджский университет прислал им великолепное дополнение в 3000 томов. Последнее здание, о котором я упомяну, - это Обычная школа, посещение которой было одной из моих главных целей при остановке в Торонто.

ОБЫЧНАЯ ШКОЛА, ТОРОНТО

Церемония закладки первого камня в основание этого здания была открыта со всей подобающей торжественностью и под эгидой компетентного представителя нашей милостивой королевы 2 июля 1851 года. В его красноречивой речи по тому памяtnому случаю, когда речь заходит о трудностях в вопросе религиозного обучения, встречается следующий прекрасный отрывок: —

"Я понимаю, сэр, что, хотя различные взгляды и убеждения смешанного религиозного общества скрупулезно уважаются, в то время как тщательно избегается любое подобие диктата, желательно, настоятельно рекомендуется, этого уверенно ожидают и надеются, что каждый ребенок, посещающий наши общие школы, узнает там, что он — существо, заинтересованное как в вечности, так и во времени; что у него есть Отец, с которым он находится в более близких, более трогательных и более милых отношениях, чем с любым земным отцом, и что Отец этот на небесах; что у него есть надежда, далеко превосходящая все остальные. каждая земная надежда — надежда, полная бессмертия, — надежда, а именно, что Царство этого Отца может наступить; что у него есть долг, который, подобно солнцу в нашей небесной системе, стоит в центре его моральных обязательств, проливая на них освящающий свет, который они, в свою очередь, отражают и впитывают, - долг стремиться доказать своей жизнью и разговорами искренность своей молитвы о том, чтобы воля этого Отца была исполнена на земле так же, как и на небесах. Я понимаю, сэр, что на широкой и торжественной платформе, воздвигнутой на этом добром фундаменте, мы приглашаем служителей религии всех конфессий — *фактических* духовных наставников народа страны — занять свою позицию вместе с нами; что, чтобы не мешать им выполнять свои священные функции, мы просим и умоляем их отвести детей — ягнят из стада, вверенного их попечению, — в сторону и отвести их к тем пастбищам и ручьям, где они найдут, как они верят, пищу для жизни и спасение. воды утешения.

"Позвольте мне в заключение сказать, и как смиренному христианину, и как главе гражданского правительства провинции, что мне доставляет неподдельное удовольствие осознавать, что молодежь этой страны, всех конфессий, которой суждено в зрелые годы встретиться при исполнении обязанностей гражданской жизни на условиях совершенного гражданского и религиозного равенства — я говорю, мне доставляет удовольствие слышать и знать, что они получают образование, которое так хорошо подходит для подготовки их к выполнению этих важных обязанностей, и что, хотя их сердца еще нежны, а привязанности еще зелены. будучи молодыми, они общаются в условиях, которые, вероятно, будут способствовать росту среди них истинно христианских качеств — взаимного уважения, снисходительности и милосердия".

Расположение здания выбрано удачно, оно окружено возделанной землей, достаточно обширной, чтобы ее можно было с пользой использовать для иллюстрации лекций по физиологии растений и агрохимии. Все комнаты очень высокие, просторные и безупречно чистые. Объявление у входа предупреждает вас— "Грязная практика плеванья в этом здании запрещена"; и, насколько может различить глаз, этому уведомлению неукоснительно подчиняются. Мне сказали, что было найдено специфическое средство для излечения от этой мерзкой привычки. Я упоминаю об этом для удобства владельцев гостиниц и железнодорожных кондукторов во всех местах, где такой пережиток варварства все еще может найти радушный прием. В определенном случае лектор, получив неопровержимые доказательства того, что один

из студентов нарушил вышеупомянутое правило, остановился посреди одного из своих самых возвышенных взлетов, звучно повторил предупреждение, назвал виновника по имени, сообщил ему, что его попытка рассеять свою грязь до бесконечности подошвой своего ботинка была бесполезной, и приказал ему немедленно достать свой носовой платок и вытереть его начисто. Неповиновение было изгнанием: с пунцовыми щеками он искупил свой проступок повиновением приказу и, несомненно, во время приглушенной тишины, в которой он завершил свою работу, стал убежденным противником отхаркивания.

Чистоте должным образом уделяется большое внимание, поскольку, если эти молодые люди, которым суждено учить других, приобретают грязные привычки, они естественным образом поощряют тот же порок в своих учениках и, таким образом, можно сказать, почти национализируют его. Все столы и табуретки установлены так же, как в школах Соединенных Штатов, что является огромным улучшением по сравнению с одной длинной партой и удлинённой формой в тон, которые преобладают дома практически повсеместно. Инструкции давались в основном путем лекций и расспросов; и меня особенно поразили спокойные модулированные тона, которыми были даны ответы, и которые ясно доказывали, сколько усилий было потрачено на этот, казалось бы, пустяковый, но на самом деле очень важный момент.^[AR] Вы не слышали резкой декламации, режущей слух; и, с другой стороны, вас не убаюкивала тоскливая монотонность.

При учреждении есть две небольшие школы, в которых эти Обычные стремящиеся, мужчины и женщины, могут практиковать, если сочтут их достаточно квалифицированными. Те, кто работал таким образом во время моего визита, казалось, преуспели на удивление, потому что я никогда не видел более веселых, жизнерадостных лиц, что я считаю одним из лучших критериев эффективности мастера. Маленькие девочки, увлекшиеся музыкой, приобрели себе домашнее пианино, которое, будучи их собственным инструментом, без сомнения, поразительно повысило их интерес к учебе. У мальчиков есть что-то вроде спортивного зала под навесом, куда они, освободившись из школы, устремляются с жадностью, сравнимой лишь с той, которую читатель, возможно, испытал в юности, увидев кондитерскую сразу после получения первых чаевых.^[КАК]

Я считаю, что этому учреждению, основанному в 1846 году, принадлежит честь быть Первой нормальной школой в Западном полушарии. Но, отдавая должное генерал-губернатору и правительству за их ведущую роль в его создании, никогда не следует забывать, насколько заведение обязано неустанному рвению и терпеливым исследованиям доктора Райерсона, главного суперинтенданта школ Канады. Этот джентльмен тщательно изучил различные системы и внутреннее устройство учебных заведений не только по всем штатам, но и в каждой стране Старого Света, выбирая из каждой те особенности, которые, как ему казалось, обеспечивали наибольший комфорт, наилучшее обучение и наибольшую гармонию. Результат его расспросов я привожу из—под его собственного пера:

"Наша система государственного начального образования эклектична и в значительной степени основана на четырех источниках. Выводы, к которым нынешний глава департамента пришел в ходе своих наблюдений и исследований 1845 года, заключались, во-первых, в том, что машинная, или юридическая, часть системы в штате Нью-Йорк была лучшей в целом, оказавшись, однако, несовершенной из-за сложности некоторых ее деталей, из-за отсутствия эффективного механизма посещения и инспекции школ, проверки учителей,

религиозного воспитания и единых учебников для школ. Во-вторых. Что принцип поддержки школ в штате Массачусетс был лучшим, поддерживая их все в соответствии с имущественным положением и открывая их для всех без различия; но что применение этого принципа должно осуществляться не на основании требований закона штата или провинции, а по усмотрению и в результате действий, из года в год, жителей каждого школьного округа — таким образом, избегая возражений, которые могут быть выдвинуты против единообразного принудительного закона по этому вопросу, и возможного безразличия, которое в некоторых случаях может быть вызвано положениями такого закона, независимо от выбора и действий местного населения. . В-третьих: серия учебников для начальной школы, подготовленных опытными учителями, переработанных и изданных с санкции Национального совета по образованию Ирландии, в целом была наилучшим образом адаптирована для школ в Верхней Канаде — она долгое время тестировалась, была переведена на несколько языков европейского континента и была представлена более широко, чем любая другая серия учебников в школах Англии и Шотландии. В-четвертых, что система подготовки учителей в начальной школе, а также принципы и способы преподавания, которые, как оказалось, существуют в Германии и которые были широко внедрены в других странах, были несравненно лучшими — система, которая превращает школьного учителя в профессию, которая на каждом этапе и в каждой отрасли знаний учит вещам, а не просто словам, которая раскрывает и иллюстрирует принципы правил, а не предполагает их словесный авторитет и опирается на него, которая развивает все умственные способности, а не только культивирует и нагружает память, - система, которая является солидным, а не эффектным, практичным, а не показным, что побуждает к независимому мышлению и действию, а не к рабскому подражанию."Таковы источники, из которых были почерпнуты основные черты школьной системы в Верхней Канаде, хотя применение каждой из них было изменено местными условиями нашей страны. Есть еще одна особенность, или, скорее, кардинальный принцип, который является скорее местным, чем экзотическим, которого не хватает в системах образования некоторых стран и который стал поводом и инструментом проведения завистливых различий и противоестественных запретов в других странах; мы имеем в виду принцип не только превращения христианства в основу системы и пронизывающий элемент всех ее частей, но и признания и объединения в их официальном характере всего духовенства страны, с их народом, в его практических действиях — поддержание абсолютного родительского превосходства в религиозное обучение своих детей и на этом принципе обеспечение его в зависимости от обстоятельств и под руководством избранного попечителя-представителей каждой школы-муниципалитета. Духовенство страны имеет доступ в каждую из своих школ; и мы не знаем ни одного случая, когда школа становилась местом религиозной розни; но есть много случаев, особенно во время ежеквартальных государственных экзаменов, когда школа принимала собрания и дружеское общение духовенства различных религиозных убеждений и, таким образом, становилась излучающим центром духа христианского милосердия и мощного сотрудничества в первичной работе по цивилизации и счастью людей ".

Что касается преподавания религии в обычных школах, доктор Райерсон любезно снабдил меня следующим заявлением: "Для этой цели в каждую пятницу во второй половине дня выделяется отдельная комната, в которой священнику каждого религиозного направления учащихся предоставляется возможность давать наставления членам своей церкви, которые обязаны присутствовать, а также посещать службу в такой церкви по крайней мере один раз в воскресенье. До сих пор мы не сталкивались с какими-либо трудностями, нежеланием или пренебрежением к тому, чтобы полностью реализовать эту систему ".

Единственная трудность в этих вопросах, о которой я слышал, - это длительный спор с римско-католическим епископом Торонто; но к такому событию нужно быть готовым, когда имеешь дело с церковью, претендующей на непогрешимость. Я не сомневаюсь, что такт и умеренность доктора Райерсона до этого подлили масла в огонь и восстановили гармонию, существовавшую между бывшим римским епископом и преподобным доктором. Для тех, кто интересуется образованием, отчет об используемой в Канаде системе, составленный доктором Райерсоном и напечатанный по распоряжению Законодательного собрания, доставит много удовольствия и информации. Это, конечно, слишком обширная тема, чтобы затрагивать ее на этих страницах, поскольку она содержит столь обширный материал, достойный серьезного размышления. Я, однако, побалую тех из моих друзей, которых учили читать в прошлом веке, цитатой со страницы 67, которая, вероятно, удивит их.

Мистер Гораций Манн, столь долгое время способный секретарь Совета по образованию Массачусетса, указав на абсурдность того, чтобы подвергать опасности жизнь ребенка при обучении азбукам и их сомнительным и часто меняющимся звукам, совершенно лишенным смысла, вместо слов, которые имеют отчетливые звуки и отчетливое значение, так заканчивает: "Следовательно, изучение его букв не дает ему новых звуков; это даже ограничивает его внимание небольшим количеством тех, которые он уже знает. Таким образом, пока что изучение букв сокращает его практику; и если бы не сохранение его прежних привычек говорить дома и на игровой площадке, учитель в течение шести месяцев или года, в течение которых он ограничивает его двадцатью шестью звуками алфавита, практически лишил бы его способности речи".

Этот отрывок, вышедший из-под пера человека, посвятившего столько таланта и терпеливых исследований предмету образования, дает право на серьезное рассмотрение всем тем, кто так или иначе связан с этим предметом в этой стране, где почти повсеместно преобладает старая зубрежка A Bc.— Но вернемся к Верхней Канаде и ее школам. Некоторую оценку ценности ее учебных заведений можно составить из того факта, что, хотя сфера ее полезности быстро расширяется, она уже достигла следующего почетного положения: население Верхней Канады приближается к 1 000 000 человек; число детей в возрасте от 5 до 16 лет составляет 263 000; число детей в списках обычных школьных учреждений составляет 179 587 человек; и общая сумма денег, доступных для этих славных целей, составляет 170 000 *фунтов*. Я сознаю, что ни в коем случае не отдал должного этому важному предмету; но ограничения работы, подобной этой, делают это невозможным. Достаточно будет сказать, что Верхняя Канада не уступает никому из своих соседних соперников в отношении качества предоставляемого обучения; и что она быстро наступает на пятки самым либеральным из них в том, что касается суммы, собираемой на ее поддержку. Нормальная школа, на мой взгляд, является образцом, настолько близким к совершенству, какого еще не достигло человеческое вмешательство; и лекции по химии и сельскому хозяйству, которые там читаются и практически иллюстрируются на маленькой ферме, примыкающей к зданию, не могут не дать самых полезных и важных результатов в молодой необработанной стране, обладающей самой богатой почвой, какую только можно себе представить. Генерал-губернатор и правительство заслуживают всяческой похвалы за поддержку, которую они оказывали образованию; но, если я могу провести сравнение, не будучи оскорбительным, я бы повторил, что своей нынешней замечательной системой колония в основном обязана необычному рвению и энергии доктора Райерсона, его огромной способности различать и отбирать то, что он находил наиболее ценным в бесчисленных методах, которые он исследовал, и его сочетанию и адаптации их. Что ж, пусть

Верхняя Канада гордится своими образовательными достижениями, а в ее прошлых усилиях читается надежда на еще более благородное будущее.^[AT]

Но не только в сфере образования Канада сделала блестящую карьеру. Освобожденная от материнских передничков конституционным самоуправлением и поддерживаемая превосходящими административными полномочиями графа Элджина, она продемонстрировала врожденную жизненную силу, которая так долго подавлялась имперским произволом, что вызывала сомнение в ее существовании; и если она не продемонстрировала это рождением густонаселенных городов, то доказала это более общим и распространенным процветанием. Доход, увеличенный в четыре раза за четыре года, не нуждается в Чикаго или Буйволах, чтобы поддержать притязания колонии на энергию и прогресс. Внутренние усовершенствования также предпринимались в больших масштабах: железные дороги протягивают свои железные ленты через пустоши и леса и соединяют в одно звено все североамериканские колонии; трубчатый мост в Монреале станет самым грандиозным проектом, когда-либо выполненным инженерным мастерством; каналы прокладывают безопасный путь для торговли там, где год или два назад ревущий стремительный поток воздвиг свою яростную преграду. Население, особенно в Верхней Канаде, движется вперед стремительными шагами; стоимость собственности быстро растет; лояльность вытеснила недовольство и бунтарство; имперское детище превратилось в королевскую колонию с таким же национальным уклоном, как и в любом королевстве Старого Света.^[AU] Это факты, на которые колонисты могут смотреть и смотрят с чувством гордости и удовлетворения; и никто не может более справедливо рассматривать их с такими эмоциями, чем те, благодаря чьим административным талантам были достигнуты эти процветающие результаты, выведенные из состояния хаоса за восемь коротких лет. Среди большого сообщества всегда найдутся недовольные, и поэтому время от времени будут подниматься вопросы независимости и аннексии; но представляется маловероятным, что колония, обладающая почти независимым гражданством, когда-либо будет склонна отказаться от этого гордого положения и затмить свою индивидуальность среди тридцати трех свободных и рабовладельческих штатов соседней Республики. Во всяком случае, колония своим поведением в отношении нынешней войны показала, что она полна духа верности, преданности и сочувствия, столь же истинного, столь же пылкого и глубокого, как и те, которые одушевляют всех других подданных нашего любимого Государя.

Прощай, Канада! Пусть солнце процветания, которое неуклонно восходит над вами в течение восьми лет, поднимается все выше и выше и никогда не увидит ни облачка, ни меридиана! Canada, adieu!

СНОСКИ:

^[AR]

Мои наблюдения в различных школах Соединенных Штатов убедили меня в том, что учителя не обращают внимания на тон, которым мальчики дают свои ответы.

^[КАК]

Преподаватель регулярно обучает девочек художественной гимнастике, а мальчиков - гимнастике.

[AT]

Эти замечания были сделаны в 1853 году. Отчет за 1854 год сейчас лежит передо мной, из которого я узнаю, что посещаемость увеличилась до 194 376 человек; и собранные деньги также увеличились в аналогичном соотношении, составив на ту дату 199 674л.

[AU]

Население Канады в 1841 году увеличилось на 1 156 139 человек, аналогично 1851 году - на 1 842 265 человек } на 59,34 процента.

Население Верхней Канады в 1841 году выросло на 405 357} человек, То же самое с 1851 годом, 952 004 } 104,57 процента

Прирост населения Соединенных Штатов с 1840 по 1850 год составил всего 37,77 процента.

Урожай пшеницы, Верхняя Канада, 1841 год, 3 221 991 бушель.

То же самое в 1851 году, 12 692 852 то же самое, урожай пшеницы в Нижней Канаде в 1841 году, 1 021 405 бушелей. То же самое, что и в 1851 году, 3,326,190, то же самое.

Эта таблица взята из заявления, отправленного генерал-губернатором в Министерство по делам колоний, датированного Квебеком 22 декабря 1852 года.

ГЛАВА XXI.

Водопад и Торжество.

Судорожные усилия уходящего пара, эхом разносившиеся по гавани, подсказали мне, что мне нельзя терять времени: попрощавшись с друзьями, я поспешил вниз, к причалу, и вскоре уже

катался по озеру, гладкому и отполированному, как лысина старости. Шлепанье каждого поплавка в колесе, когда оно ударялось о воду, отдавалось индивидуальным отчетливым эхом, и создаваемый таким образом шум на во всем остальном невозмутимом озере оставлял свой след на зеркальной поверхности на таком большом расстоянии, что это давало право любителю поспорить, применим ли термин "непроторенный путь" к курсу, по которому прошло судно. И вот мы уже весело плывем к Ниагаре.

В пейзаже нет ничего интересного, пока вы не подойдете ко входу в реку, на противоположных берегах которой стоят Льюистаун и Квинстаун, а над последним - безжалостно изуродованные остатки памятника доблестному Броку. Негодяй, совершивший этот гнусный поступок в 1841 году, с тех пор попал в лапы закона и отбывал — и, насколько я знаю, отбывает сейчас — наказание в тюрьме штата Нью-Йорк в Оберне. Я верю, что правительство наконец — то поchiniло его; - лучше поздно, чем никогда. Крутые берега по обе стороны ясно указывают на то, что это тихая и упорная работа вечно несущегося потока, и не оставляют сомнений у любого размышляющего ума в том, что они должны привести к какому-то водопаду, хотя ни одно размышление не может полностью осознать гигантский водопад Ниагары.

На берегах есть несколько загородных местечек, и весь внешний вид говорит о комфорте и цивилизации. Далеко-далеко виднеется подвесной мост, висящий высоко в воздухе и прямой, как полет стрелы. По обоим берегам строятся конкурирующие железные дороги; та, что на канадской стороне, защищена от зияющей пропасти стеной, рассчитанной на то, чтобы противостоять силе пара. Судно прибывает в Квинстаун, а оттуда следует в Льюистаун, где его ждет дилижанс в Ниагара-Сити. Никаких проблем с таможеней — какое счастье! Расстояние до места поездки - семь миль, а время - один час; но в Соединенных Штатах, как вам известно, каждый парень "поступает так, как ему больше нравится"; следовательно, от только что прибывшего нужно получить небольшую информацию, пообщаться с одним-двумя друзьями, спокойно сложить багаж и т. Д.; Все это занимает долгие полчаса, и мы отправляемся в путь на четырех крепких маленьких клячах. Огромный длинный холм согревает их шкуры и охлаждает их пыл, хотя ни в коем случае не расходует его. Мы весело идем дальше; Иегу - свободный, хорошо информированный компаньон, угадывающий определенные вещи и опирающийся на факты.

Наконец мы добираемся до родника у дороги, пар поднимается с боков команды, как туман над болотом. Что я вижу? Ворчун номер один с полным ведром воды, жадно глотающий, как бейли из Глазго из чаши с пуншем. Он осушает его досуха с быстротой, которая говорит: "Еще, еще!" - и, конечно же, они продолжают давать ему ведро за ведром, пока он не наберет столько, что может лопнуть жесткая шкура носорога. Я, естественно, пришел к выводу, что лошадь была инвалидом или преступником, который напился, и что они смешивали спиртное на манер "черного списка", чтобы спасти ее кишечник и улучшить манеры; но нет — разносчик по кругу ходит к каждой кляче, поливая каждую до краев.

- А вы не боитесь, - спросил я, - убить бедных животных, поливая их таким количеством воды?

"Думаю, если бы это было так, я бы не стал им этого говорить", - последовал краткий ответ.

После дальнейших расспросов об этом таинственном средстве он сказал мне, что это был серный источник, и что все уставшие лошади проявляли к нему гораздо большую жадность, чем к обычной воде, поэтому инстинкт животного подвергся справедливому испытанию, а последующий опыт настолько укрепил этот инстинкт, что он стал "известным фактом".

Интеллигентный американец, сидящий у ног четвероногого Гамалиила, смиренно извлекающий уроки из его инстинктов, должен учить фанатиков всех классов и стран более свободно относиться к своим предрассудкам. Но прошло полчаса, и Иегу снова на козлах, лошади свежи, как маргаритки, и наелись, как кукурузный початок. Еще полчаса - и мы на Ниагаре. Избегая людского шума, я укрылся на ночь в уютном маленьком домике неподалеку от железной дороги и, сложив свои пожитки, отправился в путешествие при лунном свете. Вряд ли мне нужно говорить, куда.

Люди высочайшего и возвышеннейшего ума, люди самого скромного и простодушного склада ума, поэт и философ, пастырь и христианин, одинаково свидетельствовали о том, что ночное одиночество имеет тенденцию придавать торжественность и возвышать мысли. Насколько должен быть усилен этот эффект, если ему способствует созерцание такого грандиозного творения природы, как Ниагара! В ярком сиянии полуденного солнца сила такого созерцания ослабляется вынужденной примесью земного элемента, перемежающегося в этой сцене жилищами и трудами человека. Но в безмолвном покое ночи человек остается, так сказать, еще более наедине со своим Создателем. Простой поклонник живописного или величественного найдет многое, что заинтересует и очарует его; но не могут ли возникнуть в уме христианина гораздо более глубокие и возвышенные мысли, питающие его созерцание? Разве в могучем реве водопада он не слышит голоса, возвещающего гнев непримиримого Бога? Разве мягкие лучи серебристой луны над головой не могут пробудить мысли о милосердии всепрощающего Бога? И когда он смотрит на эти лучи, покрытые, как это было раньше, слезами из-за поднимающихся брызг, не может ли он подумать о Нем и его слезах, через кого только эти милости изливаются на человека? Не может ли тот туман, поднимающийся к небесам, напоминать о его славных надеждах через вознесшегося Спасителя; и когда он снова падает постоянно и незаметно, не может ли он символизировать росу Святого Духа — всегда невидимую, всегда нисходящую — благословенный плод этого Святого Вознесения? И если ум так незаметно подводится к такому ходу мыслей, то разве глубокий и суровый утес, разрушенный бесчисленными для человека веками, не может отбросить тень на его представления о той прошедшей Вечности, по сравнению с которой они - всего лишь промежуток; и разве бурлящий поток, стремительный и непрестанный бегущий в бездну под его ногами, не может наполнить его душу созерцанием бега Времени, которое, столь же стремительное и непрерывное, все ближе и ближе уносит его к краю той будущей Вечности, в которой все его высшие и самые светлые надежды станут более очевидными? чем реализоваться в наслаждении таким счастьем, какого "не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило это на сердце человеку, чтобы помыслить". Тогда скажи, читатель, разве не каждый элемент мысли, который может возникнуть между христианином и его Создателем, представлен здесь в равной красоте и величии? Одного, действительно, не хватает, и это, увы! ничто из творений Природы, кроме человека, не может восполнить этот печальный элемент, который те, кто исследует свои собственные сердца глубже всего, почувствуют больше всего.— Я чувствую, что отклонился от законной темы путешествий; пусть величие сцены послужит мне оправданием.

Прощай, Ниагара.

Рано утром следующего дня я сел в железнодорожный вагон и в назначенное время прибыл в Батавию. По прибытии, будучи изрядно проголодавшимся, я скромно попросил немного бренди и немного печенья; представьте себе мое удивление, когда "прислуга" сказала: "Полагаю, мы

раздаем еду только в установленные часы". Поскольку я очень не одобрял такой неразумный и нелепый отказ, я разыскал шефа и, предпочтя ему свою скромную просьбу, был с готовностью угощен своим простым обедом. Тем временем был приготовлен легкий самолет, и я отправился в Geneseo. Дорога представляла собой обычные черты богатой возделанной земли, частичку дикого леса, немного болота и колеи, похожие на водостоки; и в каждой деревушке была постоянная мастерская дагерротипов. Четыре часа я провел с моими добрыми и гостеприимными друзьями в Geneseo.

Поскольку случайность путешествия привела меня в маленькую провинциальную деревню во время ежегодного празднования 4 июля, я не смог присутствовать на церемонии в том грандиозном масштабе, в каком она проводится в крупных городах Союза; и, поскольку я думаю, что она часто сопровождается обстоятельствами, заслуживающими некоторого внимания, я вернусь в следующей главе к тем моментам, которые, как мне кажется, призваны повлиять на национальный характер. В данном случае я был рад обнаружить, что, хотя все люди свободно "пили", пьянства почти не было; во всяком случае, они немного повеселились, как мы видим на ярмарках у себя дома. Чтобы дать возможность тем, кто любит пошутить, поделиться своими шутками, я привожу пару примеров: —

"ПОРЯДОК ДНЯ.

" Огромная толпа соберется на Общественной площади, позади Кондитерской фабрики, под руководством маршала Джона А. То же самое, где они будут выстроены в процессию в следующем порядке: "1. Дежурные офицеры в носках. "2. Революционные реликвии под руководством почтенного Дж.У.С. Мэттокса ".3. Солдаты последней войны, ищущие ордера на землю Баунти. "4. Мэр и Общественный совет, запряженные в Ивовую повозку по привычке ".5. Офицеры полиции Худу, запряженные 13 шанхайскими курами и управляемые Шанхайской перепелкой Джо Гарлингхауса. "6. Болонские стражники в новой форме пересчитывают свои деньги ".7. Пожарная компания "Древность", ожидающая, что их казначей бросит 42 доллара 50 центов у них под окнами. "Затем процессия отправится в рощу позади амбара Смита Сковелла, где будут проведены следующие упражнения: — "1. Чтение Декларации независимости — Тинкером Дэном".2. Речь — Биллом Гаррисоном".3. Гимн — На дереве сидели три вороны —хором Hoodo. 4. Благословение — старейшина Биббинс. "После чего толпа направится к старому киоску Чарли Бэбкока за прохладительными напитками.*Меню.*—1. Суп из грязевой черепахи. 2. Яйца вкрутую. 3. Гороховые орешки. 4. Яйца всмятку. 5. Еще гороховых орешков. "*Десерт.*Сельдь по—шотландски, сушеная. 2. До. до., мертвый. 3. До., подрумяненный. 4. Сардины, по специальному заказу. "*Вина и ликеры.*— "Гремучая попса" Хью Доти. 2. Игра в прятки (новый бренд). "Ровно в 16:00 Воздушно-калориферный двигатель с двойной духовкой, прикрепленный к великолепно украшенной тачке, совершит экскурсию по *мосту Конхоктон-Вэллина* старую фабрику по производству конопли и обратно. Ожидается, что Президент и Директора отправятся в Путь, и у них будет первый шанс, строго под руководством "*Подвижного состава*".

"Приветствую вас, свободнорожденные Сыны Счастливой Америки. "Вставай, вставай и убирайся!"

Музыка— Громкие звуки в течение дня.

"Июнь 1853 г."

"По приказу КОМИТЕТА".

"РАСЧИСТИТЕ ТРАССУ ДЛЯ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ СЦЕНЫ LIGHTNING LINE !!!

"От Перри до Дженезео и обратно в мгновение ока.

"БАГАЖ, ЛИЦА И ЗРЕНИЕ В ОПАСНОСТИ ДЛЯ ВЛАДЕЛЬЦЕВ, И НИКАКИХ ВОПРОСОВ, ОТВЕТОВ.

" — Выкупив ценные права молодого мастера Джеймса Ховарда на эту строку, подписчик будет ежедневно публиковать ее между Перри и Дженезео, для доставки почты дяди Сэма и Семьи; покидаете Перри утром до того, как проснутся Вороны, и прибываете в первый дом на этой стороне Дженезео примерно в то же время; возвращаясь, покидаете Дженезео после того, как Вороны разойдутся по насестам, и добираетесь до Перри вовремя, чтобы присоединиться к ним. Пассажиров просят держать рот на замке из-за боязни потерять зубы. Запрещено курить из-за боязни потревожить лошадей; не разговаривать, чтобы не разбудить Кучера. Стоимость проезда по желанию пассажиров.

"Очень благодарный слуга публики и т.д. и т.п."

Тихая и простая сцена из грубого дерева была установлена на одном конце деревни, недалеко от здания суда, откуда была зачитана Декларация независимости, после чего к толпе обратился цветистый оратор, вызванный по этому случаю и в разные годы разъезжающий по разным деревням со своей хорошо усвоенной речью. Конечно, сравнения и риторические фигуры были вкраплены в каждое предложение, как это практически повсеместно практикуется в подобных случаях во всех частях света. Мораль его речи была в основном определено хорошей, и он настойчиво убеждал свою аудиторию в "непреходящих преимуществах воспитания отваги и образования", отдавая предпочтение "деньгам и проницательности". Все прошло очень чинно, а вечером был фейерверк и деревенский бал. Это было одновременно дикое и интересное зрелище во время фейерверка; смесь мужчин, женщин и детей, кто пешком, кого на руках, кто верхом, кто за рулем; пустые коляски, некоторые с лошадьми, некоторые без, привязанные повсюду; бродячие собаки, ищущие хозяев так же безнадежно, как старые девы ищут свои очки, когда их поднимают над глазами и забывают. Пожарные команды маршируют, готовые к любой чрезвычайной ситуации; сын моего хозяина дергает за трос паровоза в своей красной рубашке, как юный Атлас, гордый, как Люцифер, довольный, как Панч. Все заняты, все взволнованы, все счастливы; ни малейшего намека на бедность, омрачающую сцену; все приходят с единым голосом и единым сердцем, чтобы отпраздновать славную годовщину рождения нации, чьи прошлые гигантские успехи, какими бы беспрецедентными они ни были, недостаточны для того, чтобы любой разум смог осознать, какое будущее уготовано ей, если она только докажет, что верна себе.

Проводы публики не интересуют, поэтому читателю будет достаточно узнать, что через два дня после этого я сидел в открытом экипаже по дороге в Рочестер. Дорога полностью пролегла по возделанным землям и не имела никаких особенностей. Единственное, что я увидел достойного внимания, были двое мужчин в легком четырехколесном одноконном экипаже, к которому было

прицеплено по меньшей мере с дюжину других, некоторые на двух колесах, некоторые на четырех. Я, конечно, думал, что это какая-то провинциальная продукция, направляемая городскому производителю. Каково же было мое удивление, когда после запроса я обнаружил, что это была просто американская фаза хокинга. Водитель сказал мне, что эти люди будут уезжать из дома на несколько недель, пытаясь продать свою новую посуду в магазинах hamlet, village, farm-house и т. Д., И что некоторые из самых сообразительных из них, настоящие представители породы Сэм Слик, умудряются извлечь из этого пользу.

Вечерние сумерки сомкнулись надо мной, когда я вышел из очень комфортабельного отеля в Рочестере. Любезный Морфеус вскоре заявил свои права на меня, и я не был очень доволен, когда на следующее утро в 6-1 / 2 меня безжалостно вырвали из его мягких объятий; но железные дороги не станут ждать Морфея или любое другое божество фантазии или вымысла; поэтому, наилучшим образом воспользовавшись бадьей с водой и бифштексом и успокоив свой нрав ароматной травкой, я вскоре устроился в одном из их вагонов пассажиром до Нью-Йорка.

Добравшись до Олбани, мы пересекли реку и сели в вагоны железной дороги Гудзон-Ривер, которая, проходя почти всю дорогу рядом с берегом, открывает вам постоянно меняющийся вид на очаровательный пейзаж этого великолепного ручья. Промышленность янки была самым неприятным образом видна на нескольких станциях в виде стайки немытых сорванцов, расхаживающих по вагонам с корзинками с вечным горошком и различными сортами леденцов, лимонада и т. Д., Все они выкрикивали свои товары и находили их на продажу с такой же готовностью, как в любой школе Англии. Место для приманки было не слишком соблазнительным; мы все сгрудились в одной комнате, где царили спешка и беспорядок; кроме того, аппетит не усиливался при виде рук, чьи владельцы, казалось, "дали обет на небесах" отказаться от использования мыла, переворачивающих бутерброды один за другим, пока не сделают свой выбор. Однако большинство одобряет систему; и поскольку меньшинству не придается значения: "если вам это не нравится, вы можете свернуть это".

Но более постоянным неудобством этой железной дороги является то, за которое большинство не может нести ответственность, *т.е.* Три четверти пути она проходит по гранитному ложу и часто между выемками в цельной гранитной породе, поэтому шум совершенно оглушительный; и если к этому добавить гулкость их длинных деревянных вагонов, лишенных чего-либо, что могло бы сдерживать звуковые вибрации, кроме человеческого груза и подушек, на которых они сидят, и если добавить еще вечное хлопанье дверьми в обоих концах со стороны старшего кондуктора и любознательной части пассажиров. что касается пассажиров, то вы вполне можете себе представить, что этой комбинации достаточно, чтобы разбудить сон мертвых и вскружить голову живым. В то же время я должен признать, что эта трасса проходит в лучшем темпе и показывает лучшее время среди всех в Союзе.

Добравшись до окраины Нью-Йорка, я спросил: "Это подходящее место, чтобы я мог выйти?" Получив утвердительный ответ, я вышел и оказался на широкой улице. Едва я успел ступить на землю, как увидел, что поезд снова тронулся, и поэтому попросил принести мой багаж. После нескольких вопросов и ответов я выяснил, что это произошло в поезде примерно в трех милях дальше; и единственным утешением, которое я получил, было то, что мне сказали: "Думаю, тебе тоже лучше было поехать дальше". Однако всем неприятностям должен быть конец; поэтому, сев в наемный экипаж, я поехал в дом моего гостеприимного друга Фелпса, где под влиянием

великолепной старой Мадеры —П. только что поужинал — и, бесспорно, выпил кларет, прошлое вскоре было похоронено в настоящем; и к тому времени, как я сбил первый пепел с одного из его лучших "*пренсадос*", потерянный багаж вернулся из вынужденного путешествия, которое он совершил сам по себе. Какая приятная вещь - гостеприимство, когда оно исходит от чистого теплого сердца; и оно ничуть не теряет в моих глазах, если смотреть на него через посредство первоклассного винного погребка и светской "Гаваны".

Время идет — приближается рассвет — входная дверь закрывается за кем—то из гостей - можно увидеть, как представитель животного мира ростом шесть футов два дюйма поднимается по лестнице со свечой у кровати; последняя вскоре гаснет, и ваш покорный слуга уютно устраивается в первой.-Читатель, спокойной ночи!

ГЛАВА XXII.

Образование, гражданское и военное.

Сказав так много об образовании в других городах, я только замечу, что в том, что касается обычных школ, Нью-Йорк находится на одном уровне с большинством своих соперников в этой благородной борьбе за превосходство; но я должен попросить тех, кого интересует этот предмет, уделить мне внимание, пока я вдаюсь в некоторые детали, связанные с их замечательной Бесплатной академией. Цель этого учебного заведения состоит в том, чтобы объединить — в рамках одной системы и под одной крышей — среднюю школу, академию, политехнический институт и колледж и предоставить настолько хорошее образование, насколько это возможно получить, пройдя каждое из этих учебных заведений по отдельности. Все это бесплатно!

Сумма в 10 000*фунтов*. было выдано разрешение на строительство и 4000*фунтов*. ежегодно на его поддержку. Курс обучения разделен на тринадцать кафедр, во главе каждой из которых стоит профессор, которому при необходимости помогают репетиторы; в целом под руководством директора с зарплатой в размере 500*фунтов*. год, который одновременно является профессором моральной, интеллектуальной и политической философии. Зарплаты других профессоров в среднем составляют 300*фунтов* в год, преподавателей - 100*фунтов*. Курс обучения охватывает все, что преподается в четырех различных учебных заведениях, названных выше. Студенту разрешается выбирать между классическими языками и современными - французским, испанским и немецким. Весь курс обучения занимает пять лет. Необходимыми условиями для поступления являются то, что заявителю должно быть тринадцать лет, он должен проживать в городе Нью-Йорк и посещать обычные школы в течение восемнадцати месяцев; кроме того, он должен сдать экзамен средней квалификации. Число студентов в настоящее время составляет около 350, но они, несомненно, увеличатся. Если к годовым расходам учебного заведения прибавить проценты в размере шести процентов от суммы расходов, то

окажется, что данное обучение обходится в невообразимо малую сумму в 13 *фунтов*. 5*s.* на одного стипендиата, включая книги, канцелярские принадлежности и так далее.

Мистер С.Б. Рагглз был настолько любезен, что представил меня мистеру Хорасу Вебстеру, который показал мне все заведение. Чистота и хорошая вентиляция, безусловно, превзошли показатели любого другого подобного заведения, которое я посетил в Соединенных Штатах. Здесь есть очень хорошая библиотека, содержащая 3000 томов, помимо 8000, которые используются в качестве учебников или справочников. Многие издатели поставляли необходимые книги по сниженным ценам, что, я полагаю, до тех пор, пока они сохраняют позорное положение литературных пиратов мира, они могут позволить себе обходиться без неудобств. Здесь также есть прекрасная студия, полная слепков с лучших моделей и копий мрамора *Elgin marbles*, подаренных мистером Липом. Для объяснения всех преподаваемых наук имеется множество инструментов наилучшего качества.

В одной из комнат, куда я вошел, шел экзамен. Предметом была астрономия, и это был первый урок. Меня особенно поразила очень четкая манера, в которой допрашиваемый парень отвечал на заданные ему вопросы, и я начал подозревать, что это было просто что-то, что он выучил наизусть; но профессор так бессердечно увиливал от него с его "почему" и "зачем", с его "откуда вы знаете" и "как вы доказываете", что я задрожал за жертву. Напрасные опасения с моей стороны; ничто не могло вывести его из равновесия; он казался таким же непринужденным, как профессор, и отвечал на все задаваемые ему вопросы таким же ясным и простым языком, каким великий Фарадей инструктирует своих нетерпеливых слушателей в Королевском институте. Ни разу профессору не удалось заставить его споткнуться за долгие полчаса его тщательного осмотра. Заметив, что по внешнему виду студент скорее напоминал труженика, чем состоятельного человека, я спросил директора, кто он такой. "Это, сэр, - ответил мистер Уэбстер, - один из наших лучших учеников, и он сын бедного кузнечного подмастерья".

Нью-Йорк может с справедливой гордостью указать на свою Бесплатную академию и сказать: "В нашем городе отчаянные усилия гениев никогда не сдерживаются ледяным ветром бедности, ибо в этих стенах пути к высшим отраслям литературы и науки открыты бесплатно для самых скромных и обездоленных наших граждан". Я провел несколько часов в этом самом замечательном и интересном учреждении, которым так умело руководит мистер Гораций Вебстер, благодаря доброте которого я был ознакомлен со всеми подробностями его работы. Казалось бы, лучших школ для юных леди не так уж много, поскольку на днях газеты объявили, что миссис Окилл заработала на своем заведении 250 000 долларов, что вряд ли могло быть правдой перед лицом серьезной оппозиции.

Несколько дней спустя мистер Рагглз предложил сопровождать меня в поездке, которую я хотел совершить в Национальный военный колледж Вест-Пойнта. Я с радостью принял его любезное предложение, и в назначенное время мы уже грохотали по железной дороге с гранитным дном вдоль берегов Гудзона. Недалеко от станции мы нашли небольшой паром, готовый переправить нас на южный берег. По прибытии в Вест-Пойнт "моя трубка была немедленно потушена" по короткому приказу часового на пристани. Уронив слезу скорби сквозь прощальный вздох и швырнув драгоценный обрубок в тихие воды маленькой бухты, я последовал за своим чичероне вверх по склону и вскоре оказался в присутствии одного из профессоров, благодаря чьей помощи мы смогли основательно прославить каждую кафедру. Поскольку многие из моих друзей-военных, побывавших в Уэст-Пойнте, говорили мне о высочайшем восхищении этим

учебным заведением, я предлагаю остановиться на более подробных деталях, чем я мог бы считать необходимым в противном случае; и я надеюсь, что, поскольку военное образование вызывает большой общественный интерес, следующие наблюдения могут быть сочтены заслуживающими внимания.

Кандидаты для приема выдвигаются членами Конгресса, по одному от каждого избирательного округа, в дополнение к которым президент Соединенных Штатов выдвинул сорок кандидатов от Республики в целом.^[AV] Необходимыми условиями для поступления являются— сдача очень легкого экзамена, статус бакалавра в возрасте от шестнадцати до двадцати одного года и отсутствие физических недостатков. Жалованье каждого курсанта составляет около пяти фунтов в месяц, из которых на его содержание уходит два фунта, а 8s. 6d. откладывается ежемесячно, чтобы сформировать фонд для оказания ему помощи в расходах на снаряжение при увольнении. Остаток средств покрывает его одежду и другие расходы, и для наблюдения за счетами назначается казначей. Предписанный распорядок дежурства следующий: —Подъем в 5 часов утра летом и в 5-1 / 2 зимой; раскладывают кровать и матрас пополам и т.д. и занимайтесь до 7; затем ложитесь спать и идите завтракать; в 7-1 / 2 - построение караула — двадцать четыре кадета несут караул каждый день; в 8 часов учеба; в 1 час разбиваются, ложатся и идут ужинать, с которого они встают по команде и затем свободны до 2. С 14:00 до 16:00 - учеба; в 4 - муштра в течение полутора часов, после чего они свободны до захода солнца; на закате - парад перед казармами и оглашение имен правонарушителей; затем следует ужин, после которого кадеты свободны до 8, после чего раздается звонок по квартирам, и каждый кадет должен удалиться в свою комнату и заниматься до 9-1 / 2, когда отбивают дробь; в 10 раздается барабанная дробь, при звуке которой все огни должны быть погашены, а все учащиеся - в постелях.

Кадеты организованы в батальон из четырех рот; все офицеры и унтер-офицеры назначаются суперинтендантом из списка, представленного ему комендантом кадет, причем отбор производится из числа наиболее продвинутых в учебе и наиболее образцовых в поведении; они выполняют во всех деталях те же обязанности, что и офицеры и рядовые полка; у них есть подразделения и подотделы, к каждому из которых прикреплены кадеты-суперинтенданты, обычные санитары, которые подметают и убирают комнаты, мебель и т.д.: регулярно выставляется охрана, должным образом назначенный дневной офицер, пунктуально выполняющий все обязанности обычной казармы, вплоть до того, что часовых ночью снабжают патронами. Их униформа из серого сукна, а волосы коротко подстрижены; не допускаются ни бакенбарды, ни усы, а спиртное и табак строго запрещены. Наказания состоят из лишения отдыха, дополнительных дежурств, выговора, ареста или заключения в комнату или палатке, заключения в светлую или темную тюрьму, освобождения от должности с правом выхода в отставку и публичного освобождения; первое из них осуществляется по воле суперинтенданта — заключение в тюрьму и освобождение от должности - по приговору военного трибунала.

Проводимые исследования подразделяются на двенадцать разделов: -1. Пехотная тактика и военная полиция; 2. Математика; 3. Французский язык; 4. Рисование; 5. Химия, минералогия и геология; 6. Естественная и экспериментальная философия; 7. Артиллерийская тактика, артиллерийское дело и обязанности военной лаборатории; 8. Кавалерийская тактика; 9. Использование меча; 10. Практическая военная инженерия; 11. Грамматика, география, этика и т.д.; 12. Военное и гражданское строительство и наука о войне.

На предыдущих страницах мы видели, что на учебу ежедневно отводится десять часов, не считая полутора часов на муштру; и таким образом, хотя мозг подвергается серьезной нагрузке, остается мало свободного времени, чтобы ввязываться в мелкие передраги, столь распространенные в большинстве государственных школ.

Установлена тщательнейшая система учета достоинств и недостатков; все хорошее и все плохое имеет определенную ценность в цифрах и десятичных дробях, которая точно фиксируется в отношении их владельцев в отчетах, составляемых за каждый год. От кадета, по-видимому, ожидают улучшения в поведении, а также в знаниях; поскольку, согласно правилам, после окончания первого курса число, выражающее его абсолютный недостаток, увеличивается на одну шестую в течение второго года, на одну треть в течение третьего года и на половину в течение четвертого года. Таким образом, предположим, что определенное количество ошибок представлено суммой из 36, если ошибки, которые представляют собой эти цифры, были совершены в течение второго года обучения кадета, будет добавлена одна шестая, и его имя появится в списке недостатков с 42 против него; если на третьем курсе к 36 добавится одна треть, и 48 будет помещено против его имени; и если на четвертом курсе будет добавлена половина, и 54 будет указано против него. Таким образом, будет видно, что, предполагая, что правонарушения равной ценности были совершены кадетом на первом курсе и другим кадетом на четвертом курсе, цифры штрафных санкций в отношении последнего были бы вдвое больше, чем те, которые указаны против имени кадета на первом курсе. Список нарушений составляется каждый год, и копия направляется в Военное министерство.

В тот же департамент также направляется общий список заслуг в профессиональной деятельности и хорошем поведении, выписка из которого с добавлением недостатков направляется родителям или опекунам в печатной книге, содержащей имена всех курсантов, по которым они могут сразу увидеть относительное положение своего сына или подопечного. В следующих таблицах объясняется система, принятая для определения достоинств, недостатков и квалификации студентов:—

ВЫГОВОР.

Степень преступности преступлений, распределенных по классам.

1. Мятёжное поведение 10
2. Неподчинение приказам военного начальника 8
3. Посещение в учебное время 5
 4. Отсутствие на учениях 4
 5. Безделье в академии 3
 6. Невнимательность к оружию 2
 7. Опоздание на переключку 1

Бланк протокола, составленный для ежегодного экзамена.

В столбце с пометкой "Класс" указано количество лет, в течение которых студент обучался в академии.

Имя. Класс. Выговор.

H.L. 1 5
C.P. 3 10
W.K.M. 2 192

Частный случай, иллюстрирующий способ получения чисел в столбце недостатков:—

Кадету У.К.М. было предъявлено обвинение в 48 правонарушениях, а именно:

преступлений второго класса - 2, что при умножении

на 8 число, выражающее степень преступности

преступлений этого класса, равно 16

Преступлений 3-го класса, умноженных на 5 15

4-го " 13" 4 52

5-го " 10" 3 30

6-го " 11" 2 22

7-го " 9" 1 9

144

Поскольку кадет является членом

2-го класса, добавьте 1/3 48

Общее количество штрафных санкций 192

Следующий список курсантов прилагается к Армейскому реестру в соответствии с постановлением правительства Военной академии Соединенных Штатов, требующим, чтобы имена наиболее отличившихся курсантов, которых не более пяти в каждом классе, сообщались для этой цели на каждом ежегодном экзамене: —

Сообщалось на экспертизе в июне 18—.

Нет. Имена. Назначенные науки и искусства, в которых каждый кадет особенно преуспевает.

1 Первый класс. Масса. Гражданское и военное строительство, этика,
G.L.A. Минералогия и Геология,
Тактика пехоты, Артиллерия, Природные и
Экспериментальная философия, химия,
рисование, математика, изучение французского и
английского языков.

2 Дж. Гражданское и военное строительство, Этика,
Минералогия и геология,
Тактика пехоты, Артиллерия, Естественные и
Экспериментальная философия, химия,
рисование, математика и французский.

"Список общих заслуг", отправленный также в Военное министерство.

Имена А В С
Математика 300.0 295.3 276.7
Французский 98,7 97,5 69,1
Изучение английского языка 100,0 89,5 98,9
Философия 300,0 295,6 278,2
Химия 150,0 147,5 145,1
Черчение 91.3 100.0 94.2
Инженерное дело 300.0 285.3 290.2
Этика 200.0 193.4 186.9
Минералогия и
геология 100.0 96.7 98.2
Тактика пехоты 150,0 147,5 137,8
Артиллерия 158,0 145,1 147,5
Поведение 297.3 293.8 294.5
Общие заслуги 2237.3 2187.2 2117.3

"Официальный реестр кадетов" в Вест-Пойнте, печатается ежегодно.

Орден " За общие заслуги " 1 2 3
Называет T.L.C. N.C.A.G.H.M.
Штат Теннесси На свободе. Па.
Дата поступления 1 июля 1848 г. до. до.
Возраст на дату поступления
Годы / месяцы 17 / 1 18 / 7 16 / 8
Орден за заслуги в их
соответствующих исследованиях
Инженерия 1 2 3
Этика 3 4 2
Минералы. И геология. 1 2 4
Тактика пехоты 1 2 5
Артиллерия 2 1 3
Недостаток года 39 18 73

Доска с отметками о дисциплинарных взысканиях всегда вывешивается публично, чтобы каждый кадет мог знать точную длину своей привязи, ибо, если цифры равняются 200, он увольняется. Я очень подробно остановился на принятой системе учета и публикации достоинств и недостатков студентов, поскольку был проинформирован о замечательном эффекте, произведенном ею. Насколько я могу судить, это, безусловно, представляется не только замечательным средством, позволяющим Военному министерству оценить характер, но и широкая огласка, придаваемая этому, должна действовать как мощный стимул к напряжению и хорошему поведению.

Часть кадетов каждый день обучается фехтованию и верховой езде. Когда они хорошо продвинулись в последнем, их учат метать кольца для копий или чучела голов на скаку, и то же

самое с мечом. Школа верховой езды совершенно отвратительна, она темная, с множеством колонн и совершенно не гармонирует со всем остальным заведением, которое превосходно в каждой детали. По воскресеньям все курсанты посещают церковь, если только это не вызвано соображениями совести и с одобрения их родителей. Священник избирается президентом и может принадлежать к любой конфессии. Мне сказали, что чаще всего выбирали представителя епископальной церкви. Нынешний священник, я полагаю, пресвитерианин. В июле и августе все курсанты выходят из своих казарм, разбивают палатки и живут обычной походной жизнью — ходят в казарму только для того, чтобы поесть. Во время пребывания в палатках обучение ведется исключительно военной практикой; часы работы соблюдаются те же, что и в казармах; палатки забиты досками, и в каждой спят по два курсанта. Все они расставлены со скрупулезной точностью, и они обязаны содержать свой лагерь в чистоте, как новую булавку, выполняя между собой все обязанности целого полка — чистить свою обувь, ходить за водой и т. Д. Во время моего визита все они были в палатках, и, боюсь, не особенно удобных, потому что два дня и две ночи шел сильный дождь, и мокрые матрасы подставляли под теплые лучи послеполуденного солнца. Какая бы ошибка ни была допущена при отборе кандидатов для поступления в Академию, она вскоре исправляется самой Академией; ибо, хотя вступительные экзамены в определенной степени просты, последующие экзамены очень суровы, и те, кто не может справиться с заданием, получают уведомление об увольнении; а безошибочная графа недостатков вскоре обязывает беспокойных "отчислиться".

Результатом этой системы является то, что, когда я увидел их при оружии, их солдатский вид очень поразил меня; и эффект, произведенный на них дисциплиной, был очень заметен. Вы могли бы почти догадаться о времени, когда они пробыли там, по их джентльменской осанке, качеству, которое они не так легко теряют, поскольку офицеры американской армии, получившие образование в Вест-Пойнте, пользуются всеобщей репутацией умных и джентльменски держащихся людей, где бы их ни встретили.

Дисциплина здесь не фикция; они не играют в солдатики; все они прокладывают себе путь вверх по служебной лестнице, выполняя все обязанности каждого ранга, и от них требуется самое строгое повиновение. При подсчете дисциплинарного взыскания, в то время как безделье в Академии оценивается в три балла, неповиновение вышестоящему офицеру оценивается в восемь. Здесь нет никакой мысли о травле; капитан своей роты с таким же успехом мог бы подумать о травле рядового-кадета, как капитан линейного полка о травле любого рядового, находящегося под его командованием. Офицер, который много лет был связан с Вест-Пойнтом, сказал мне, что среди всех дуэлей, которые, к сожалению, так распространены в Соединенных Штатах, он никогда не знал и не слышал о дуэли между двумя джентльменами, получившими образование в этой Академии — трюки, конечно, иногда устраиваются, но ни о чем деспотичном никогда не помышляют.

Я слышал историю о кадете, который в шутку подошел и попытался отобрать мушкет у жилистого молодого кентуккийца, впервые назначенного часовым; но он обнаружил воинский пыл, которого никак не ожидал; потому что начинающий часовой дал ему по голове сбоку, отчего тот развернулся, и, прежде чем он смог прийти в себя, он почувствовал, как холодная сталь на пару дюймов вошла в выступ, расположенный на стыке бедер и позвоночника; и таким образом он не только потерпел полное поражение, но и получил смертельный удар. позорное ранение, но он заработал крупную сумму штрафных санкций. Судя по тому, как мне рассказали эту историю, я полагаю, что это единственный случай попытки подобного насилия; ибо одна из

первых вещей, которую они стремятся привить, - это воинский дух, и молодой кентуккиец, во всяком случае, доказал, что он заразился этим духом; нельзя отрицать и того, что метод, который он использовал, чтобы внушить это своему противнику в качестве фундаментального принципа действий, был столь же острым и поразительным.

Случайно оказавшись на земле в час обеда, я увидел, как их всех повели на большой обеденный бал, где стол был в изобилии уставлен мясом, овощами и пудингом; все это было сытно и вкусно, но *tout-ensemble* был явно очень грубым. Если намерение состоит в том, чтобы дополнить жизнь солдат, заставив их жить как сытых рядовых, то цель достигнута; но я склонен думать, что они могли бы с большой пользой отказаться от значительной части грубого стиля; хотя, несомненно, там, где общие порядки столь хороши, у них есть свои причины оставить все как есть. Днем я нанес визит в фехтовальный зал; но так как был час отдыха, я обнаружил около тридцати крепких кадетов, приверженцев Терпсихоры, весело танцующих вальс и польку под звуки скрипки, умело управляемой их инструктором: поскольку их способности были различными, смятение было велико, и учитель был сбит с толку; но все они, казалось, искренне наслаждались происходящим.

У каждого профессора, военного инструктора и т.д. есть небольшой комфортабельный дом с пристроенным садом, расположенный в непосредственной близости от Академии. Там есть комфортабельная гостиница, которая в летние месяцы постоянно заполнена друзьями и родственниками кадетов; иногда им разрешают устраивать небольшие *танцевальные вечера* в фехтовальном зале. В отеле запрещена продажа любых спиртных напитков, вин и т.д.

Государственная собственность в Вест-Пойнте состоит примерно из трех тысяч акров: Академия, дома профессоров, отель и т.д. Построены на большом плато, откуда открывается великолепный вид на Гудзон в обе стороны. В тот день, когда я был там, картина была просто прелестной; благородный поток был гладким, как зеркало; флотилия лихих шхун беспомощно стояла, их белоснежные паруса вяло повисли в безветрии; и, поскольку чистые воды отражали все с безошибочной правдивостью, внизу появился другой флот, лежащий киль к килю с теми, что плавали на поверхности. С такими прекрасными пейзажами, так далеко от городской суеты и раздоров, я не могу представить себе ситуацию, более подходящую для здоровья и учебы, удовольствия и физических упражнений.

Великим днем в году является ежегодный смотр кадетов советом джентльменов, принадлежащих к разным штатам Союза и назначаемых военным министром; я полагаю, он проводится в начале июня, следовательно, до того, как кадеты выйдут на поле для палаток. Экзамен проходит в библиотечном зале, который является очень красивой комнатой и увешан портретами некоторых из их ведущих деятелей; библиотека очень красивая, и кадеты всегда имеют к ней легкий доступ, чтобы помочь им в учебе. Я мог бы с большим удовольствием провести здесь еще много часов, но заходящее солнце предупредило нас, что нельзя терять времени, если мы хотим спасти поезд; поэтому, попрощавшись с друзьями, которые так любезно оказали мне всяческую помощь в достижении цели моего визита, я вернулся в "Великий Вавилон" после одного из самых интересных и приятных дней, которые я провел в Америке.^[AW]

СНОСКИ:

[AV]

Согласно опубликованному списку классов, в настоящее время их насчитывается 224.

[AW]

Отчет о посещении этой Академии, вышедший из-под пера сэра Дж. Александра, опубликован в журнале *United Service Magazine* Голберна, сентябрь 1854 г.

ГЛАВА XXIII.

Водянистые шоссе и Металлическое Общение.

Пожалуй, едва ли есть какая-либо черта, по которой Соединенные Штаты больше отличаются от наций Старого Света, чем неограниченная протяженность их судоходных вод, ценность которых неисчислимо возросла с внедрением пара. Собрав эти воды воедино, мы сможем лучше оценить их важность; но, пытаясь сделать это, я могу предложить лишь приблизительное представление о размере озер из-за отсутствия какой-либо официальной информации, в отсутствие которой я вынужден черпать свои данные из авторитетных источников, которые иногда сильно расходятся. Я надеюсь, что следующее утверждение будет сочтено достаточно точным, чтобы передать сносно правильную идею.

Береговую линию каждого океана можно оценить в 1500 миль; Миссисипи и ее притоки - в 17 000 миль; озеро Онтарио - 190 миль на 50; озеро Эри - 260 миль на 60; озеро Гурон - 200 миль на 70; залив Джорджиан-Бей - 160 миль, половина из которых имеет ширину около 50; озеро Мичиган - 350 миль на 60; и озеро Верхнее - 400 миль на 160, вмещающее 32 000 квадратных миль и почти способное принять Англию, если бы его почва была такой же плавучей, как и его репутация. Все озера вместе взятые занимают площадь около 100 000 квадратных миль. Скорость, с которой увеличивается их водоизмещение, кажется совершенно невероятной. В 1840 году он составлял 75 000 тонн, с которых в 1850 году вырос до 216 000 тонн. Помимо вышесказанного, на океанском побережье есть восточные реки и глубокие заливы. Оставляя, однако, за скобками эти последние, давайте попытаемся в одной сумме оценить площадь почвы, которой воспользовалось это щедрое предоставление Провидения; для этого необходимо подсчитать оба берега рек и берега озер, которые, конечно, должны быть больше, чем вдвое больше длины озер: тем не менее, если мы оценим их только в два раза, мы обнаружим, что их судоходные воды омывают 40 120 миль; и по конституции Союза эти воды объявлены "общей собственностью, навсегда бесплатной, без каких-либо налогов, пошлин, сборов". или самозванец какой-нибудь.

Американцы не свободны от недостатков человеческой природы; и, получив среди них "хорошее", со временем это стало яблоком раздора, которым остается до сих пор: виги утверждают, что судоходные воды, объявленные конституцией "навсегда свободными", являются национальными водами и, как таковые, имеют право на все необходимые улучшения за счет Союза; их оппоненты утверждают, что реки и гавани являются не национальными, а местными, и что их улучшение должно быть исключительно поручено соответствующим штатам. Это последнее мнение действительно звучит странно, если вспомнить, что Миссисипи и ее притоки омывают берега примерно тринадцати штатов, принося на своих недрах продукты, ежегодно оцениваемые в 55 000 000 фунтов стерлингов, из которых 500 000 фунтов полностью уничтожаются из-за отсутствия каких-либо достаточных мер по устранению опасностей судоходства. ^[АХ]

Мистер Рагглз всегда был смелым и способным защитником доктрины национальности вигов; и в лекции, прочитанной им по этому вопросу, он заявляет, что во время недавней борьбы за прохождение законопроекта о реках и гаванях через Сенат мистер Дуглас, народный демократ из Иллинойса, предложил в качестве замены поправку, дающую согласие Конгресса "на взимание местных тоннажных сборов не только каждым из отдельных штатов, но даже властями любого города". Трудно представить себе человека с самым заурядным интеллектом, намеренно предлагающего навлечь на свою страну проклятие в виде неограниченного легиона таможен, блокирующих торговлю в каждом изгибе реки и в каждом морском заливе; и все же так оно и было, хотя, к счастью, предложение не было реализовано. Насколько неполноценным кажется ограниченный ум, выдвинувший вышеупомянутое предложение в 1848 году, по сравнению с дальновидным умом, который в 1787 году предложил и проводил в жизнь, "Что судоходные воды должны быть навсегда свободны от каких бы то ни было налогов или обманов!"

Один из самых экстраординарных примеров рутинного безрассудства, о котором я когда-либо читал или слышал, и который среди такого практичного и неряшливого народа, как американцы, кажется почти невероятным, заключается в следующем: "Конгресс, воспротивившийся Законопроекту о благоустройстве гавани, но признавший свои обязанности в отношении определенных огней и маяков", Распорядился установить маяк на скале в гавани Нью-Хейвена. Инженер сообщил, что стоимость удаления камня будет меньше, чем стоимость возведения маяка; но президент был тверд — речь шла о великой партийной доктрине, и камень остается поддерживать маяк - голый столб с пустой бочкой на конце — подходящий тип из всего класса конституционных препятствий". ^[ДА]

Штат Нью-Йорк может справедливо претендовать на то, что ему принадлежит заслуга выполнения одного из самых — если не самого — ценных общественных работ в Союзе — канала Эри. Во время своего первого предложения она встретила самое упорное противодействие, особенно со стороны той части демократической партии, которая известна под названием "Поджигателей амбаров", чье кредо так описано в брошюре, лежащей передо мной: "Любое накопление богатства или власти, будь то в ассоциациях, корпоративных организациях, общественных работах или в самом государстве, антидемократично и опасно.... Строительство общественных сооружений, как правило, порождает расу демагогов, которые, несомненно, свергнут людей в долги и трудности" и т. Д. Происхождение их названия я так и не выяснил.

Другая партия, носящая столь же благозвучное название "Олд Ханкерс", описывается следующим образом: "На полпути между этим крылом демократии и партией вигов находится та часть, которая присвоила себе удобный титул "Олд Ханкерс". Этимологическое происхождение этого эпитета уже теряется в неизвестности. Они охватывают значительную часть наших граждан, которые занимаются банковским делом и другим активным бизнесом, но в то же время решительные любители политического положения и власти. В глубине души они верят в прогресс и выступают за либеральное преследование работ по благоустройству, но, как правило, скрывают это, чтобы завоевать голоса поджигателей амбаров. Они ни в коем случае не лишены интеллекта или личной ценности, но глубоко разбираются в политической тактике; и их кредо, если его правильно понимать, заключается в том, что общественные работы должны проводиться "разумно", при условии, что они сами могут занимать все прибыльные или почетные должности, связанные с их управлением ". ^[AZ]

Таково описание этих двух партий пером политического оппонента, который усмотрел в них величайшие препятствия для расширения канала.

Имя Де Витта Клинтона всегда будет ассоциироваться с этой великой и полезной работой, благодаря которой вся торговля океанских озер вливается в Гудзон, а оттуда в Атлантику. После восьмилетней упорной борьбы и безумного, но безраздельного сопротивления города Нью-Йорка в 1817 году был принят закон о строительстве канала. Один из противников этого начинания, когда в качестве возражения была выдвинута трудность с подачей воды, поддержал своего друга замечанием: "Не утруждайте себя — слезы наших избирателей восполнят это". Многие другие выступали против закона на том основании, что из-за того, что продукты Штатов, выращенные на берегах озера, так легко доставляются в Нью-Йорк, собственность штата обесценилась бы; другими словами, как мне кажется, они выступали против него на основании его полезности. Другие снова обосновали свои возражения сомнением в том, что доходов, получаемых от сборов, будет достаточно, чтобы оправдать расходы. Однако, к счастью, закон был принят, и через семь лет канал, хотя и не совсем достроенный, получил плату за проезд в размере свыше 50 000 *литров*. В 1836 году долг канала был выплачен, и по нему была перевезена продукция стоимостью 13 000 000 *литров*, из которых 10 000 000 *литров* принадлежало штату Нью-Йорк; сборы выросли до 320 000 *литров*. в год и 80 000 *фунтов*. Из этой суммы было решено выделить на общие цели государства, поскольку общая стоимость составила менее полутора миллионов фунтов стерлингов.

Можно было бы предположить, что такой триумфальный успех заставил бы штат проголосовать за любую разумную сумму денег, чтобы увеличить его, если потребуется; но старые оппоненты вступили в силу, когда было внесено это предложение. Даже после того, как была выделена определенная сумма и заключен контракт, они аннулировали грант и выплатили подрядчику неустойку в размере 15 000 *фунтов*. Напрасно им был представлен ущерб торговле, нанесенный небольшими размерами канала, ^[BA]; напрасно им были представлены статистические данные, показывающие, что 7 000 000 миль, пройденных 4500 судами, курсирующими по каналу, могли бы, если бы предлагаемое расширение имело место, сократить пройденное расстояние до двух миллионов миль, а количество используемых судов - до 1500; Сжигатели амбаров восторжествовал, и было решено, что расширение должно производиться только за счет избыточных поступлений от сборов и фрахта; в результате чего это огромное коммерческое преимущество будет отложено на многие годы, если только плоды строительства канала не будут увеличиваться быстрее, чем можно ожидать даже их нынешних замечательных успехов,

хотя на сегодняшний день они составляют свыше 1 000 000л. ежегодно.^[BB] Таково краткое описание канала, по которому после завершения строительства канала Су-Сент-Мари между озерами Верхнее и Гурон непрерывная водная магистраль будет доставлять богатые продукты Запада из-за меридиана 90 ° долготы в Атлантический океан.^[BC]

Хотя Эри, возможно, является каналом, по которому перевозятся самые ценные грузы, это ни в коем случае не самое крупное предприятие подобного рода в Союзе. Чесапикский канал и канал Огайо, соединяющий Вашингтон и Питтсбург, имеет почти 400 шлюзов и проложен на четыре мили через Аллеганские горы; а Пенсильванский канал, как мы уже видели в предыдущей главе, тянется к подножию того же хребта и, поскольку не может проложить туннель, использует лодки в отсеках и перетаскивает их через горы с помощью стационарных двигателей. Ничто не может обескуражить американскую энергию. Если люди однажды решили построить канал, то пусть делают это обязательно; "не могу" - неизвестное выражение.^[BD]

Какими бы важными ни были работы, которые мы рассматривали, для Соединенных Штатов, не может быть сомнений в том, что железные дороги бесконечно важнее; поэтому я полагаю, что следующие замечания о них могут представлять некоторый интерес.

По данным последней переписи, похоже, что в эксплуатации находится не менее 13 266 миль железной дороги и 12 681 находится в стадии строительства, что составляет в общей сложности почти 26 000 миль; стоимость завершенных работ составляет чуть менее 75 000 000фунтов., а оценка незавершенных работ немного превышает 44 000 000фунтов. Таким образом, мы видим, что Соединенные Штаты будут обладать 26 000 милями железной дороги стоимостью около 120 000 000фунтов. В Англии у нас 8068 миль железных дорог, и стоимость их составляет 273 860 000фунтов, или из расчета 34 020фунтовза милю. Эта экстраординарная разница между полученными результатами и понесенными затратами требует некоторого небольшого объяснения. Из отчета о переписи населения я узнаю, что средние расходы на железные дороги различаются в разных частях Союза; в северных штатах или Новой Англии стоимость железных дорог составляет 9250фунтов. за милю; в средних Штатах - 8000л.; а в южных и западных штатах - 4000л. за милю. Железная дорога от Чарльстона до Огасты на реке Саванна стоит всего 1350фунтовза милю. Из вышесказанного мы ясно видим, что на расходы на их железные дороги существенное влияние оказывают плотность населения и вытекающая из этого стоимость земли, сравнительное отсутствие леса для снабжения материалами и стоимость рабочей силы. Если эти три причины вызывают такие существенные различия в такой сравнительно незанятой стране, как Соединенные Штаты, то вполне естественно ожидать, что они должны ощущаться с бесконечно большей силой в Англии. Более того, как хорошо заметил капитан Д. Гальтон, R.E.,^[BE] "железные дороги возникли в Англии, и поэтому опыт, который всегда требуется для совершенствования новой системы, был приобретен в основном в этой стране и увеличил стоимость наших собственных железных дорог в интересах наших соседей". — Из заявления можно составить некоторое представление о нерегулярном характере расходов на линии в Англии. дополнено, также взято из той же статьи, а именно:—

Название железной дороги. Земельный участок и общая
стоимость компенсации. Работы. Рельсы. за милю.
£ £ £ £

Лондон }

и } 113 500 98 000 1000 253 000[BF]Блэкуолл }

Лестер }
и } 1,000 5,700 700 8,700[BF]Суоннингтон }

Из таблицы на противоположной странице видно, что стоимость строительства и инженерных расходов составила 35 526 535 *фунтов стерлингов*. из 45 051 217 *л*. Принимая указанные железные дороги за справедливое среднее значение от общего числа, мы констатируем, что более одной четвертой части расходов наших железных дорог приходится на дополнительные услуги, сравнительно неизвестные в Соединенных Штатах. На общем собрании лондонской и Северо-Западной железных дорог в 1854 году мистер Глин упомянул как факт, что председатель определенной линии, давая показания, заявил, что конкурс на привилегию построить 28 миль железной дороги стоил 250 000 *фунтов*. Такая статья расходов вряд ли может входить в стоимость железной дороги в такой малонаселенной стране, как Республика. Есть также два других важных факта, которые склонны упускаться из виду: во-первых, значительная часть железных дорог в Соединенных Штатах представляет собой однопутные линии; и, во-вторых, выполняемая работа носит гораздо менее прочный и продолжительный характер. Один очень компетентный инженер-строитель сказал мне, что неряшливый и небезопасный характер многих железнодорожных работ в Соединенных Штатах совершенно немыслим и, несомненно, не выдержит проверки, требуемой в Англии. Один мой друг путешествовал по железной дороге в Америке, между Вашингтоном и Вирджинией, большая часть которой состояла всего лишь из деревянных рельсов с привинченным к поверхности железным брусом.^[BG] Вагоны также намного дешевле и комфортабельнее; вагон в Соединенных Штатах, в котором перевозится пятьдесят человек, весит двенадцать тонн и стоит 450 *фунтов*.; в Англии можно справедливо утверждать, что на каждые пятьдесят человек в смешанном поезде приходится вагон весом восемнадцать тонн и стоимостью 1500 *фунтов*.

Следующая таблица, извлеченная из документа, предложенного лордом Броэмом, может помочь дать лучшее общее представление о причине, по которой наши железные дороги были такими дорогостоящими:—

Название Лондона & Грейт-Мидленд, Юго-Восточная часть Лондона
Железная дорога. Северо-Западный, и 12 и 6
Западных, и 3 ответвления-ответвления
и 12 ответвлений-ответвлений
branches

. 433 215-3/4 449-1/4 198-1/2 1296-1/2

Стоимость строительства.
£ 13,302,313 6,961,011 9,064,089 5,375,366 34,702,779

Перевозка
и Закон
Обвинения. £ 143,479 105 269 119,344 138,034 506,128

Стоимость

Земля. £ 3,153,226 1,132,964 1,764,582 1,458,627 7,509,399

Парламентские

расходы. £ 555,698 245,139 287,853 420,467 1,509,157

Проектирование

и

наблюдение. £ 289,698 201,909 216,110 116,039 823,756

Всего

Стоимость. £ 17,444,414 8,646,292 11,451,978 7,508,533 45,051,217

Если принять во внимание все вышеприведенные факты, читателю должно показаться очевидным, что до тех пор, пока не будет установлена эффективность проделанной работы, фактическое количество миль проложенных железных дорог и достигнутый комфорт, любое сравнение относительных затрат на соответствующие железные дороги должно быть бесполезным и ошибочным; в то же время едва ли можно отрицать, что невозможно слишком высоко ценить энергию, инженерное мастерство и экономию, с которыми Республика опутала сеть железных дорог весь континент. Им еще многое предстоит сделать в плане организации корпуса чиновников и возведения надлежащих станций, достаточных, во всяком случае, для защиты путешественников от непогоды, для которой слишком распространенное пренебрежение обилием древесины и их замечательной техникой оставляет их без оправдания; не то чтобы мы сами были безгрешны в этом последнем вопросе. Открытая станция в Уоррингтоне позорит богатый Лондон и Северо-Западную компанию, а неудобства при пересадке на станции Гретна пользуются еще более сомнительной репутацией; но это составляют редкие исключения, и, как общее правило, не может быть ни малейшего сравнения между превосходно организованным корпусом железнодорожных служащих в Англии и тем же классом людей в Штатах; ни между превосходными станциями в этой стране и их жалким аналогом в Республике. Следует надеяться, что расширение связей с Европой постепенно исправит эти недостатки; но до тех пор, пока сохраняется абсурдная система проезда только в одном классе вагонов, неуместная суeta гуманитарных наук должна полностью помешать путешествиям в Америке быть такими же комфортными, как в Старом Свете.

Давайте теперь перейдем от того, что переносит наши тела со скоростью сорока миль в час, к последнему гигантскому достижению науки, благодаря которому наши слова передаются со скоростью самой мысли, — Телеграфу. Американцы вскоре обнаружили, что это изобретение было рассчитано как особенно полезное для них из-за огромной протяженности их территории; и, придя к такому выводу, их энергия вскоре протянула электрический посыльный по всей длине и ширине страны, и, по последней переписи, телеграфные линии протянулись на 16 735 миль, а длина используемых проводов составила 23 281. *Седьмая перепись* показывает затраты на строительство в размере 30 фунтов на милю.^[БН] Используемые системы - системы Морзе, Хауса и Бейна; две первые американского изобретения, последняя импортирована из этой страны. Из этих трех систем чаще всего используется система Морзе, остальные работают только на расстоянии около 2000 миль каждая. Было бы неуместно вдаваться на этих страницах в какие-либо научные объяснения их различных методов; достаточно сказать, что все трое записывают

свои сообщения на бумажных лентах; Азбука Морзе использует своего рода символ от руки, который делает отступы на бумаге; Бейн - набор символов, которые химическим путем обесцвечивают бумагу вместо того, чтобы делать на ней отступы; и компания House печатает латинские буквы полностью методом обесцвечивания. Те, кто желает подробностей и объяснений, найдут их в работах доктора Ларднера и других сотрудников the Telegraph.

Следующий анекдот даст некоторое представление о скорости, с которой они работают. Один дом в Нью-Йорке ожидал, что пароход из Ливерпуля доставит краткий обзор коммерческих новостей. Был отправлен быстроходный катер, чтобы дождаться парохода на карантинной стоянке. Как только прибыл пароход, синопсис был брошен в лодку, и она уплыла так быстро, как только могли весла и паруса нести ее в Нью-Йорк. Новость была немедленно передана по телеграфу в Новый Орлеан, и ее получение подтвердили через три часа и пять минут, причем еще до того, как пароход, доставивший ее, был пришвартован к причалу. Расстояние до Нового Орлеана по телеграфу составляет около 2000 миль. Самые крупные покупки часто совершаются на расстоянии тысячи миль с помощью телеграфа. Некоторые брокеры с Уолл-стрит в среднем отправляют от шести до десяти сообщений в день в течение года. Я помню, как слышал об одном молодом офицере на Ниагарском водопаде, который, обнаружив, что у него совсем мало денег, телеграфировал в Нью-Йорк за кредитом, и не успел он позавтракать, как ему принесли деньги. Шифр очень часто используется по двум причинам: во-первых, для обеспечения секретности, которая часто необходима в коммерческих делах; и, во-вторых, с помощью хорошо организованного шифра достаточно нескольких слов, чтобы передать длинное предложение.

Среди других предлагаемых улучшений есть одно, позволяющее передавать подписи людей, карты и планы и даже очертания человеческого лица, чтобы помочь в поимке мошенников и т.д. В порядке очередности сначала рассматриваются правительственные сообщения и послания для содействия правосудию и выявления преступников; затем следуют уведомления о смерти или вызовы к постели умирающего; после чего идет пресса, если новости важные; если нет, наступает очередь общих, коммерческих и других новостей. Провода в Америке презирают веревки железнодорожного перрона, на которых их водят по этой стране. Они прокладывают свой независимый путь через леса, по шоссе и закоулкам, по улицам, над крышами домов, — все их приветствуют, — при появлении преклоняются перед святыней полезности, и в самых маленьких деревнях можно увидеть, как эти крылатые посланцы опускают свои коммуникационные провода на почту или в какую-нибудь бакалейную лавку, где симпатичный паренек собирает всю проходящую информацию — которая не зашифрована — и, вероятно, продает ее в розницу со сложными процентами, соизмеримыми с потраченными на ее получение усилиями. Нет никаких сомнений в том, что многие из этих деревенских станций не являются надежными средствами связи, отчасти, возможно, из-за беспечности, а отчасти из-за того, что магистральным артериям приходится передавать более важные материалы и вытеснять с поля своих более слабых соседей. Однако их постепенный рост является достаточным доказательством того, что население считает их полезными, несмотря на неблагоприятные условия, в которых они работают. В некоторых случаях они проявляли рвение без всякой осторожности, поскольку мой друг, недавно прибывший с Дальнего Запада, сообщил мне, что во многих местах провода оборваны, а столбы повалены на многие мили друг к другу, поскольку использования телеграфа недостаточно даже для того, чтобы оплачивать его содержание. Этот факт следует иметь в виду, когда мы предоставляем им все преимущества прохождения 16 735 миль в соответствии с их собственным заявлением в *Седьмой переписи*.

Очень низкий тариф делает использование телеграфа универсальным по всему Союзу. По мнению господ. В отчете Уитворта и Уоллиса упоминается случай с фабрикантом из Нью-Йорка, у которого контора находилась в одной части города, а заводы - в противоположном направлении, и который, чтобы поддерживать прямую связь между ними, соорудил телеграф за свой счет, получив разрешение без каких-либо трудностей провести его по крышам стоящих между ними домов. Упомянутый выше тариф, конечно, будет варьироваться в зависимости от степени полезного давления конкуренции. Я привожу два их тарифа в качестве примера. От Вашингтона до Балтимора сорок миль, а плата составляет 10*d.* за десять слов. От Нью-Йорка до Нового Орлеана две тысячи миль, а плата за десять слов составляет десять шиллингов. Следует помнить, что эти десять слов не включают имена и адреса сторон, отправляющих и получающих сообщение.

Масштабы использования телеграфа в Соединенных Штатах побудили тех, кто заинтересован в этом вопросе в Англии, послать за наиболее компетентным и практичным человеком, которого только можно было найти, с целью выяснить, насколько эффективно какая-либо часть используемой ими системы может быть внедрена в нашей стране. Американская система представляет собой замкнутую цепь и, следовательно, требует только одного провода; и именно с патентом Бейна проводились эксперименты, поскольку он требовал малейшей силы тока. После значительных затрат, понесенных в ходе испытаний, американская система была признана явно уступающей нашей, исключительно из-за влажности нашего климата, который, как было установлено после неоднократных испытаний, требует гораздо более совершенной изоляции, чем это необходимо в Соединенных Штатах или на Континенте, и, следовательно, требует больших капитальных затрат на приведение телеграфного провода в практически рабочее состояние; 260 миль - это наибольшая длина, на которую способна аккумуляторная батарея в этой стране при самой плохой погоде.

Система Bain раньше была недостаточно совершенной, чтобы удовлетворительно работать в нашем климате; недавние усовершенствования устраняют эти возражения, и в настоящее время ее применение быстро растет. Преимущества, которыми обладает Bain по сравнению с Morse, двояки: во-первых, сила тока, необходимая для его работы, меньше; и, во-вторых, производимое им обесцвечивание гораздо легче считывается, чем углубления Морзе. Преимущество Morse's перед Bain's заключается в том, что для последнего требуется, чтобы влажная бумага всегда была готова к работе, чего нет в первом. Преимущество Cook and Wheatstone's^[B], которым Cook and Wheatstone обладает перед обоими первыми, заключается в том, что он не требует одинаковых квалифицированных рук для намотки, регулировки машины и подготовки бумаги; он всегда под рукой и требует внимания только через длительные промежутки времени, по этим причинам его чаще всего используют на всех второстепенных и промежуточных станциях; его недостатки заключаются в том, что он не отслеживает сообщение и, следовательно, не оставляет следов. телеграфная запись для справки, и для нее требуется два провода, в то время как у Бейна или Морзе используется только один; сила тока, необходимая для ее работы, такая же, как у Бейна, и несколько меньше, чем у Морзе. Все три допускают, что сообщения, идущие по всей длине линии, считываются на всех промежуточных станциях. Доля работы, которую может выполнить Bain's, по сравнению с Cook и Wheatstone's, составляет: Bain's и одна проволока = 3; Cook и Wheatstone's и две проволоки = 5. Но если бы у Bain's была вторая телеграмма, для ее проведения потребовался бы второй набор клерков. Погрешности трассирующего телеграфа меньше, чем погрешности магнитной стрелки, но разница очень незначительна. Компании Cook и Wheatstone's не нужен дополнительный клерк,

поскольку все сообщения пишутся мастером своего дела. Каждое сообщение, отправляемое по телеграфу в Англию, имеет дубликат, отправляемый по железной дороге в "Расчетное бюро" в Лотбери для сравнения с оригиналом; благодаря этой предосторожности клерки держат ухо востро, а общественность эффективно защищена от ошибок.

Как странно, что при очевидной полезности телеграфа в случае пожара и легкости, с которой его можно было бы приспособить для этой цели — как это уже было в течение нескольких лет в Бостоне, — власти не предпринимают никаких шагов для получения его бесценных услуг. Сигнал о пожаре может быть передан в любой район Лондона за небольшую плату в размере 350 фунтов в год. Наиболее компетентные стороны готовы взяться за выполнение контракта; но это слишком большая сумма для бедной маленькой деревни, насчитывающей всего 2 500 000 жителей и теряющей не более 500 000 фунтов ежегодно в результате пожаров. Суммы, потраченные в больнице Святого Стефана на лечение простуды у пожилых джентльменов и на то, чтобы заставить людей всех возрастов чихать от нюхательного табака под ногами — другими словами, попытка наладить вентиляцию, которая совершенно бесполезна, — обошлись стране дороже, чем потребовалось бы для обеспечения этой огромной столицы телеграфной связью в течение столетия.

В заключение я должен заявить, что в этой стране несколько учреждений и частных лиц имеют свои собственные телеграфы, аналогичные тем, которые используются в Нью-Йорке, и многие другие сделали бы то же самое, если бы не вмешательство корыстных интересов.

СНОСКИ:

[AX]

Приведите наблюдения по этому вопросу в главе X.

[ДА]

Отрывок из лекции, прочитанной С.Б. Рагглсом в Нью-Йорке в октябре 1852 г.

[AZ]

Этот отрывок взят из лекции С.Б. Рагглза, прочитанной жителям Рочестера в октябре 1849 года.

[BA]

Соседняя колония "хлещет" Республику каналами. Суда водоизмещением от 350 до 400 тонн могут проходить по каналам Святого Лаврентия и Уэлланда. Ничто весом более 75 тонн не может использоваться в канале Эри.

[BB]

Губернатор штата в своем ежегодном послании 1854 года обращает внимание на тот факт, что плата за проезд по каналам быстро снижается и окажется под серьезной угрозой, если не будут предприняты шаги по ее увеличению.

[BC]

Каналом Иллинойс-Мичиган океанские озера сообщаются с Миссисипи; и когда канал будет проложен через озеро Ниписсинг, между Новым Орлеаном, Нью-Йорком, Байтауном и Квебеком будет непрерывный водоток.

[BD]

В Америке более 5000 миль каналов.

[БЫТЬ]

Посмотрите хорошую статью о железных дорогах, написанную этим офицером и опубликованную в этом ценном труде, *Памятной записке по военным наукам*; или для получения более подробной информации читателя отсылают к Отчету о железных дорогах Соединенных Штатов капитана Дж. Дуглас Гальтон, Р.Н., недавно вышедший в свет.

[BF]

Это без учета расходов, связанных с законом и парламентскими разбирательствами.

[BG]

Я полагаю, что железная дорога от Чарльстона до Саванны была полностью проложена по этому плану.

[BH]

М-р Джонс в своем *Историческом очерке электрического телеграфа* делает расчет в 40 фунтов за милю и подсчитывает, что их прочная установка обойдется в 100 фунтов за милю.

[BI]

Упомянув в тексте системы Морзе, Бейна и Хауса, я должен извиниться за то, что не смог добавить, что система Кука и Уитстона состоит просто из отклоняющей иглы — или игл, — на которые под действием тока, в соответствии с манипуляциями оператора, наносятся требуемые буквы определенным количеством тиков вправо или влево.

ГЛАВА XXIV.

Американская пресса и английская цензура.

Говоря о свободной стране, пресса всегда должна рассматриваться как имеющая слишком большое влияние, чтобы ее можно было обойти молчанием. Поэтому я предлагаю посвятить этой теме несколько страниц. Следующая таблица, составленная на основе информации, приведенной в отчете о переписи населения 1850 года, является последним отчетом, находящимся в пределах моей досягаемости:—

Выходили газеты.

Ежедневно, три раза в неделю, раз в пол-недели	Еженедельно
254 115 31 1902	

Напечатано	Напечатано	Напечатано	Напечатано
Ежегодно	Ежегодно		
235,119,966	11,811,140	5,565,176	153,120,708

Ежемесячно ежеквартально
95 100 19

Печатается	Напечатано	Напечатано
Ежегодно	Ежегодно	
11,703,480	8,887,803	103 500

Общая классификация.

Литературный и нейтральный и	Политический	Религиозный	Научный
Разное	Независимый		
568 88 1630 191 53			

Напечатано	Напечатано	Напечатано	Напечатано	Напечатано
Ежегодно	Ежегодно	Ежегодно	ежегодно	
77,877,276	88,023,953	221,844,133	33,645,484	4,893,932

Общее количество газет и периодических изданий - 2526; ежегодно печатается 426 409 978 экземпляров.

Мельчайшая точность количества ежегодно выпускаемых экземпляров - это потрясающая информация: Республика больше всего известна статистикой, но то, как без какой-либо печати для проверки точности выпусков они определили единицы измерения, имея дело с сотнями миллионов, является статистическим чудом, которое отбрасывает в тень расчетливый гений Бэббиджа и чудесные способности герров Деблера и Андерсона. Поэтому я могу претендовать на объяснение метода, который они используют для статистики, не больше, чем на систему, принятую герром Деблером для починки табличек путем стрельбы по ним из пистолетов. Насколько точно на них можно положиться, я должен оставить на усмотрение моего читателя.

Как общее правило, можно сказать, что литературные, религиозные и научные разделы прессы печатаются на хорошей бумаге и снабжаются полезными материалами, что отражает заслуги

авторов и спонсоров. Хотел бы я сказать то же самое о политической прессе; но правда вынуждает меня дать совершенно иную оценку их публикациям: они, безусловно, в большей степени придерживаются "дешевого и мерзкого" стиля. Бумага в целом отвратительна, шрифт настолько мелкий, что вызывает боль в глазах, и это почти наводит на мысль, что она была принята по предложению конклава "симпатичных окулистов": стиль выражения в напаках на противников очень низок: используемые термины болезненно грубы, и в них наблюдается полное отсутствие достоинства; кроме того, они щедро потакают тщеславию нации. Я не говорю, что исключений нет; я просто говорю в общих чертах, и так, как они попались мне на глаза во время путешествия по всем Штатам. В то же время, справедливости ради, следует отметить, что они содержат большое количество коммерческой информации за очень небольшую цену, некоторые из них стоят всего полпенни.

Я не одобряю нижеследующий отрывок и не привожу его как мнение, которого редакторы обычно придерживаются друг о друге, а скорее для того, чтобы показать язык, на котором выражаются противоположные мнения. Это взято из колонок *The Liberator*: "Мы были в редакционной упряжке более четверти века и в течение этого периода имели все возможности оценить характер американской прессы в отношении всех форм, которые боролись за господство в течение этого периода; и мы трезво заявляем, по нашему убеждению, что большинство владельцев и редакторов общественных журналов более справедливо заслуживают места в тюрьмах страны, чем заключенные этих мест в целом. Нет более бесстыдных преступников, нет лжецов более беспринципных, нет клеветников более злобных и сатанинских". — Язык вышеизложенного, несомненно, безошибочно ясен, но я думаю, что стиль вряд ли можно считать оправданным. Что касается общих тем, представляющих интерес, то, если не происходит ничего, что могло бы возбудить желчь автора, или если тема не рассчитана на то, чтобы возбудить тщеславие их соотечественников, обычно используемый язык, возможно, немного метафоричен, но в то же время грамматичен и достаточно ясен; и я полагаю, что в качестве общего принципа они щедро тратят на информацию, и, следовательно, можно сказать, что вся Республика хорошо информирована обо всех происходящих событиях, представляющих интерес.

Если мы на мгновение отвлечемся от рассмотрения американской прессы и взглянем на нашу собственную, какой поразительной окажется разница! Великобритания, Ирландия и Нормандские острова, население которых превышает население Соединенных Штатов, а богатство неизмеримо больше, выпускают 624 газеты, и из них сравнительно немногие выходят ежедневно; только 180 выпускаются тиражом более 100 000 экземпляров в год, только 32 тиражом более 500 000 экземпляров и только 12 тиражом более 1 000 000 экземпляров. Далее было заявлено, что есть 75 городов, возвращающих 115 членом и представляющих 1 500 000 человек населения, вообще без какой-либо местной газеты.

Информация, касающаяся прессы в Англии, почерпнута из *Шестого ежегодного отчета Ассоциации содействия отмене налогов на знания* и *Справочника газетной прессы*. Приведенные ниже выпуски взяты из приказа Палаты общин о возврате газетных марок, который представляет собой "*Возврат количества газетных марок номиналом в один пенни, выпущенных газетам Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии за 1854 год*".

В Англии.

The Times 15,975,739
The News of the World 5,673,525
Illustrated London News 5,627,866
Еженедельная газета Ллойда 5,572,897
Weekly Times 3,902,169
Reynold's Weekly 2,496,256
Утренняя реклама 2,392,780
Еженедельная рассылка 1,982,933
Daily News 1,485,099
Жизнь Белла в Лондоне 1,161,000
Morning Herald 1,159,000
Manchester Guardian 1,066,575
Liverpool Mercury 912,000
Morning Chronicle 873 500
The Globe 850,000
The Express 841,342
Morning Post 832,500
The Sun 825,000
Evening Mail 800,000
Leeds Mercury 735,500
Stamford Mercury 689 000
Birmingham Journal 650 750
Shipping Gazette 628,000
Weekly Messenger 625,500

В Шотландии.

Северобританский Рекламоделец 802,000
Glasgow Saturday Post 727 000
North British Mail 565 000
Glasgow Herald 541 000

В Ирландии.

The Telegraph 959 000
Новостное письмо Сондерса 756 000
Daily Express 748 000
Генеральный рекламоделец 598 000

Можно привести различные причины такого большого различия между прессой двух стран. Многие склонны, что вполне естественно, приписывать это государственной марке и требуемым ценным бумагам; некоторые - тому, что механизм управления этой страной неизбежно настолько осложнен древними правами и привилегиями, а также трудностям получения дохода, из которого проценты по одному только государственному долгу составляют почти 30 000 000 фунтов.; в то время как другие, снова установив один фут циркуля прессы в Лондоне,

показывают, что полукруг радиусом в пятьсот миль доставляет почти все сообщество в пределах двадцатичетырехчасовой почтовой связи из метрополии, где самая лучшая информация и самые способные авторы их можно найти, что ставит под сомнение возможность того, что местные газеты в любом количестве получают достаточный тираж, позволяющий редакторам пользоваться услугами талантливых людей или получать ценную информацию общего характера без массового плагиата со стороны их крупных столичных конкурентов. Кроме того, следует помнить, что в Америке каждому штату, будучи независимым, требуется отдельная пресса, в то время как союз всех Штатов делает необходимым, чтобы о работе в каждом из других штатов было известно, чтобы за конституционными пределами, в пределах которых им разрешено осуществлять свою независимость, можно было постоянно и ревностно наблюдать; из чего следует, что существует очень простая причина, по которой Республике требуется сравнительно гораздо больше газет, чем этой стране, хотя это никоим образом не объясняет существующую огромную диспропорцию.

Хотя, однако, я охотно признаю, что газеты Великобритании значительно уступают по численности, я обязан справедливости ради добавить, что они решительно превосходят их по тону и характеру. Я не защищаю массовую манеру, с которой, когда это соответствует их целям, они вытаскивают несчастного человека на всеобщее обозрение и распинают его на анонимной редакционной статье "Мы", которая в одно и то же время является их самым смертоносным оружием и самым надежным щитом. Подобные поступки все честные люди должны одинаково сожалеть и осуждать; но следует признать, что язык, который они используют, больше соответствует приличиям цивилизованной жизни, чем язык, используемый республиканской прессой при аналогичных обстоятельствах; и если во времена возбуждения и надежд они иногда потакают тщеславию Джона Булля, то в более общем случае они используют свои силы, чтобы "сбить его с толку"; и каждая газета, которая искала популярности в мутных водах низости, должна — используя восточную пословицу — "есть собственную грязь и умереть гнилой смертью".

Позвольте мне теперь перейти от прессы к литературе Соединенных Штатов. О публикациях более высокого порядка нет необходимости что-либо говорить на этих страницах. Ирвинг, Прескотт, Тикнор, Стивенс, Лонгфелло, Хоторн и писатели этого направления являются честью для любой страны и так же хорошо известны в Англии, как и в Америке, следовательно, любое восхваление из-под моего пера столь же ненужно, сколь и самонадеянно.

Литература, которую я предлагаю прокомментировать, - это та, которую я могу с полным основанием считать популярной литературой масс, поскольку она является основным товаром, продаваемым на всех железных дорогах и пароходах. Мне нет нужды снова упоминать о наиболее предосудительных работах, поскольку сам факт их продажи тайком доказывает, что, какими бы многочисленными ни были их покупатели, они в любом случае вызывают возмущение общественного мнения. Я взял за правило всегда покупать те книги, которые, как мне казалось, наиболее свободно продавались среди моих попутчиков, и с сожалением должен сказать, что масса хлама, которым я таким образом завладел, была совершенно немыслимой, а самые вульгарные оскорбления в этой стране были явно в почете. Но сам по себе их язык был настолько дешевым, что они могли неделями лежать на книжной полке на обычной железнодорожной станции в Англии - по цене, *бесплатно*- и никто, кроме продавца сундуков или бакалейщика, не потрудился бы их убрать.

Однако, не довольствуясь написанием всякой ерунды, они не гнушаются обманывать общественность самым неприкрытым образом с помощью преднамеренной лжи. У меня есть два таких образца честности, приобретенных исключительно благодаря тому, что я увидел имя моего брата в качестве автора, которое, конечно, я прекрасно знал, было фальшивым, и которое они, несомненно, поместили туда, потому что американская публика благосклонно приняла тома, написанные им на самом деле. О содержании этих приписываемых ему работ я скажу только, что мусор был достоин грабителя. Я бы не стал утверждать, что все книги, выставленные на продажу, такого уровня; есть также журналы и другие работы, некоторые из которых интересны и хорошо написаны. Если я не находил быстрой распродажи, я обычно выбирал какую-нибудь работу, посвященную Англии или англичанам, чтобы убедиться в популярной форме, в которой были представлены мои соотечественники.

Одна работа, которая попалась мне в руки, называлась *"Нортвуд"*, она меня очень позабавила: я обнаружил там англичанина, живущего в убеждении, что американцы немногим лучше дикарей и язычников, и совершенно потрясенного необычной сценой собрания семьи для совершения домашнего богослужения, о котором, конечно, никогда не слышали в Англии. Эта маленькая сценка предоставляет очаровательную возможность "подмазаться" к благочестию Новой Англии за дешевый счет клеветы на старую страну. Затем его отводят послушать проповедь, где, я полагаю, для его особой пользы проповедник подробно рассказывает о славном поле Банкерс-Хилл, предсказывает упадок Англии и великодушно обещает нашим соотечественникам дом в Америке, когда они совсем "устанут". Англичанин совершенно покорен красноречием и сочувствием воинствующего проповедника Церкви, чья речь, составленная автором, я могу справедливо заключить, по ее оценке, является образцом красноречия Новой Англии. Справедливость требует, чтобы я добавил, что проповеди, которые я слышал во время моего пребывания в этих Штатах, были посвящены религиозным темам, а не войне за независимость.

Возможно, можно сказать, что *"Нортвуд"* был написан несколько лет назад, поэтому я перейду от него к тому, что на сегодняшний день, по-видимому, считается *шедевром* среди популярных стилей произведений, о которых я говорил. Я основываю свое мнение о высокой оценке, которой он пользуется, на лестных похвалах, расточаемых ему прессой по всей Республике от Бостона до Нового Орлеана. Бостон называет это *"энергичным томом"*; Филадельфия, *"восхитительное угощение"*; Нью-Йорк, *"интересно и поучительно"*; Олбани восхищается *"проницательностью автора"*; Детройт - *"живым и колоритным стилем"*; Христианский адвокат называет это *"операцией по снятию шкуры"*, а затем добавляет, что это *"вежливая реплика"* дядюшке Томми; Рочестер удостоивает автора звания *"самого рыцарственного американца, который когда-либо пересекал Атлантику"*. Новый Орлеан завершает длинный абзац следующим великолепным взрывом редакторского красноречия: *"Работа по сути американская. Это тип, представитель, СОВОКУПНЫЙ ПОРЫВ ВЕЛИКОГО АМЕРИКАНСКОГО СЕРДЦА, так хорошо выраженный, так восхитительно раскрывающий чувства всего нашего народа—за исключением некоторых плачущих влюбленных, о которых он говорит, —что он найдет сочувствие в душе каждого истинного сына своей земли "*. Произведение, о котором, таким образом, возвестили по всей Республике с таким совершенным всеобщим согласием, называется *English Items*; и воплощением *"совокупного порыва великого американского сердца"* является мистер Мэтью Ф. Уорд, чья работа рассылается публике одним из самых респектабельных издательств Нью-Йорка — D. Эпплтон и Компания, Бродвей.

Прежде чем я представлю читателю образцы руды из этого ценного месторождения, я должен сделать несколько замечаний. Автор - сын одной из богатейших семей Кентукки, человек образованный и путешествующий, и предстал перед публикой в работе, озаглавленной *"Три континента"*: Я привел выдержки из мнений прессы более подробно, чем следовало бы, потому что, думаю, после того, как читатель проследит за моим кратким обзором *английских статей*, он увидит, какое сильное внутреннее свидетельство они несут в себе правдивости моих предыдущих наблюдений. Я хотел бы также отметить, что я вовсе не тонкокожий в отношении путешественников, дающих выход своим истинным чувствам по отношению к моей собственной стране. У всех стран есть свои слабости, свои безумства и порочность. Общественное мнение в Англии, взятое в целом, безусловно доброе, и поэтому, чем больше выявляется неправота, тем больше надежды на ее исправление; но, признавая это право в его полной мере, необходимо соблюдать два условия: первое, чтобы автор говорил правду, другое, чтобы его высказывания не были нарушением приличий или хороших манер. А теперь выходи, *ты, совокупный порыв великого американского сердца!*^[В] Говори сам за себя — пусть общественность будет твоим судьей.

Следующие выдержки взяты из главы "Наши личные отношения с Англией", целомудренный стиль которой должен понравиться читателю: "С сожалением отмечаю, что все больше и больше входит в моду, особенно среди путешествующих американцев, гладить британского зверя; ... вместо того чтобы обращаться с ним, как с другими упрямыми животными, они малодушно пытаются успокоить его снисходительностью, которую он не может оценить; ... зверями правят с помощью страха, а не доброты: они покорно лижут руку, держащую плеть". Затем следуйте инструкциям по обращению с ним, настолько ужасным, что будущие туристы, посещающие Америку, будут трепетать: "Бесстрашно схватите его за горло и однажды придушите, заставив невольно замолчать, и британский лев впредь будет таким же подобоострастным, каким он был до сих пор злобным". Затем он сообщает своим соотечественникам, что англичане "не могут оценить сдержанную природу истинного благородства ... они также не могут понять, как нация может не буйствовать, разве что из-за трусости". Ближе к концу главы он объясняет, что "сильные удары - это единственная логика, понятная англичанам", а затем, чтобы не упустить важный факт, он облакает это чувство в следующий взрыв подлинного *американского* красноречия: "Чтобы повлиять на их понимание, мы должны ударить их по голове". Вот и вся глава о "Наших личных отношениях с Англией", которые обещают быть настолько дружественными, что будущим путешественникам лучше взять с собой запас бинтов, корпии и диахилонового пластыря, чтобы быть готовыми к новому *подлинно американскому* процессу интеллектуальной экспансии.

Другая глава посвящена "Шестипенсовым чудесам в Англии", которая в основном составлена из *репортажей* из нашей собственной прессы и с которыми читатель, вероятно, знаком; но есть несколько отрывков, достаточно забавных для цитирования: "Английские чиновники неизменно дерзки, от полицейского на углу до священника на Даунинг-стрит ... посторонний человек мог бы подумать, что им платят за оскорбление, а не за то, чтобы услужить ... от клерка в железнодорожном депо до секретаря конторы, куда человек вынужден обращаться за паспортами, наблюдается одна и та же лаконичная грубость". Как, должно быть, был раздосадован *американский разум*, когда член кабинета министров сказал "не дома" свободному и просвещенному гражданину, который в день дамы в Белом доме может следовать за своим собственным кучером в величественное присутствие избранного президента. Представьте себе, как он прогуливается по Чаринг-Кросс, а затем внезапно

останавливается посреди тротуара, погруженный в раздумья о том, следует ли ему прихлопнуть оскорбляющего священника или дать ему шанс с расстояния двадцати ярдов выстрелить из револьверного карабина. Прежде чем этот спорный момент укладывается у него в голове, голос из-под шляпы с клеенчатым верхом звучит ему в ухо: "Двигайтесь дальше, сэр, не загораживайте тропинку!" Представьте себе ощущения суверенного гражданина суверенного государства, подвергающегося таким унижениям со стороны министров, получающих жалование, и платной полиции. Кого может удивить, что он считает долгом правительства регулировать общественные должности и т. Д. таким образом, "Чтобы защищать не только своих собственных подданных, но и чужеземцев от оскорблений этих дерзких наемников". Вместе с темой в душе автора нарастает желчь, и несколькими страницами позже он выплескивает ее в следующем прекрасном предложении: "Для чести английской нации было бы лучше, если бы они родились в условиях деградации, поскольку им присущи склонности современных египтян".

Наконец, среди прочих "шестипенсовых чудес" он добирается до Зоологического сада - красота расположения, грандиозность масштаба и т. Д. Сильно поражают его; но его острый пытливый ум и его точно записывающее перо позволили ему сообщить своим соотечественникам информацию, о которой большинство моих коллег по упомянутому Обществу ранее не подозревали. Он говорит им: "Это находится под контролем английского правительства и подвержено такой же деградации, как Вестминстер, собор Святого Павла и т. Д.". Исходя из этого основания, которому нужна только правда, чтобы сделать его прочным, он жалуется на "низость низведения нации до состояния обычного шоумена"; пустяковая ошибка смешения общественной и частной собственности движет его демократическим *рыцарством*, и он берется за дубинки для масс. Я почти боюсь предавать этот приговор огласке, чтобы он не потряс Министерство и не стал отправной точкой для флибустьерских чартистов. Мое ожидание лишь умеренного тиража этого труда должно служить мне оправданием за то, что я не удержал его. "Правительство подло использует, без разрешения, авторитет имени народа, чтобы сделать его соучастником позора, за который они одни несут ответственность. Незнакомец, платящий свой шиллинг за вход на выставку, получившую название nation (кем?) в отличие от другой в садах Суррея, вполне естественно подозревает, что люди являются партнерами в этой презренной сделке.... Английский народ вынужден расплачиваться за позор, которому его подвергли его деспотические правители". Попад ногой в это кобылье гнездо, он находит яйцо чуть дальше, которое таким образом высиживает для американской публики: "Англичане не только считают еду самым бесценным благом в жизни, когда они сами наслаждаются ею, но они всегда безмерно рады видеть, как это происходит. Правительство взимает дополнительный шиллинг в Зоологическом саду в те дни, когда животных кормят публично; но, как бы англичанин ни не любил тратить деньги, необычайная привлекательность никогда не перестает привлекать".

Из Садов он посещает больницу Челси, где его *проницательность* обострилась из—за требования шиллинга — главной целью этого требования является защита пенсионеров от постоянных вторжений - он раздражается возвышенным потоком красноречия в стиле магнифико Кентукки: "Грязные варвары могли бы осквернить замечательные памятники своих более цивилизованных предков, взимая плату с посетителей за то, чтобы они посмотрели на них; но вытащить из их скромного убежища этих искалеченных жертв национальных амбиций, чтобы на них глазели и удивлялись, как на зверей в клетке, - это ужасно ". надругательство над человечеством, от которого содрогнулись бы даже дикари". И затем, чуть дальше, он

высказывает следующее глубокое размышление, которое, без сомнения, кажется *американскому уму* особенно подходящим для больницы Челси: "Пресмыкающиеся перед великими, подобострастные к высокому, карликовые души англичан не испытывают широкого сочувствия к скромным, никакой успокаивающей жалости к низшим" и т. Д. Некоторых читателей, обманутых его книгой, вероятно, удивило бы, если бы они только знали, что суммы, выплачиваемой Великобританией на содержание и пенсии своих ветеранов на море и суше, ежегодно почти достаточно для покупки, оснащения и оплаты труда всей армии и военно-морского флота Соединенных Штатов.^[BK]

Следующее "шестипенсовое чудо", которое он посещает, - это Чатсуорт, где начинается следующая *энергичная* атака на разных джентльменов, облеченная в характерный для автора *живой и колоритный* язык: "Показное великолепие Чатсуорта, Бленхейма и мрачное величие замков Уорик и Алнуик напоминают нам, подобно сверкающему панцирю черепахи, о том, какие никчемные и ничтожные животные часто населяют самые роскошные особняки". Вслед за этим общим наказанием владельцев вышеупомянутой собственности он наложил особую порку на герцога Девонширского, который, по его словам, "без сомнения, очень неохотно признался бы миру, что, хотя у него хватало тщеславия изображать щедрость, он был слишком скуп, чтобы нести расходы на это. Подобно страусу, он прячет голову в песок и воображает, что находится в самом глубоком укрытии". Затем он просит читателя понять, что он не имеет в виду намекать, "что какая-либо часть крупных сумм, собранных у дверей Чатсуорта, на самом деле идет в карман Его светлости, но, тем не менее, они удивительно удобны для покрытия расходов большого семейства слуг.... Мысль о том, что частный джентльмен, обладающий состоянием и положением, извлекает прибыль из выставления напоказ своих владений, должна быть одинаково отвратительна для всех классов ". За этими правдивыми наблюдениями следует описание садов; и все это завершается следующим *рыцарским и подлинно американским* размышлением: "Разве не кажется странным, что человек, живущий в месте такой сказочной красоты, сохраняет и потекает самым низкопоклонническим инстинктам низшей ступени человеческой натуры?" Каким *восхитительным угощением* должны быть эти пассажи для буйных американцев, и как герцог, должно быть, корчится от того, что *христианский защитник* превозносит, — от *операции по снятию шкуры* с прославленного американского чемпиона!^[BL]

Затем автор, перепачканный прессой, продолжает делать некоторые наблюдения на различные темы в том же духе целомудренным языком, освещая, наконец, систему продажи армейских комиссионных. Его энергия в этом вопросе настолько велика, что, будь он только в Палате общин, когда рассматривался этот вопрос, его красноречие, должно быть, вышвырнуло бы "министров-наемников" из правительства. Я могу представить, как они сидели бледные и дрожащие, когда гигантский оратор обратился к Палате с таким обращением: "Она спекулирует славой, как мелкий торгаш прогорклым сыром; но многие, кто ненавидит, и немногие, кто презирает Англию, не могут ликовать по поводу ее низости, заключающейся в продаже офицерских чинов в ее собственной армии. Существует определенная степень деградации, которая превращает презрение в жалость и заставляет нас искренне сочувствовать тем, кого мы от всего сердца презираем ". Прилагаемый отрывок из его наблюдений над английскими писателями об Америке является столь же элегантным образцом *подлинных американских чувств*: "Поскольку способность клеветать — единственная сила, которая пережила постепенное наступление кишечника на интеллект в Великобритании, было бы жаль лишить англичан даже этого жалкого свидетельства разума ... она злорадствует над нами с той аппетитной нежностью, которая, как можно было бы предположить, оживила свинью, съевшую

свой девятый опорос ". Сопутствующее чувство, если бы автор мог проверить его, несомненно, было бы правдой; и я полагаю, что именно этот абзац заслужил за свою работу похвалы *христианского защитника*: "Взаимная вражда - единственное чувство, которое когда-либо могло существовать между двумя нациями.... Она не оказала нам никакой помощи в нашем возвышении.... Она не должна ожидать от нас ничего в своем упадке ". Как страшно созерцать эту всемогущую и *христианскую* угрозу! Моим соотечественникам стоит подумать, не лучше ли им попытаться подкупить великого Мэтта. Уорд использует свое влияние для получения признания их американской территорией. Честь быть признанным суверенным государством слишком велика, чтобы на нее можно было надеяться. Он уже обнаружил признаки нашего упадка и поэтому сообщает читателю, что "более слабый соперник всегда питает самую лютую ненависть". За этой информацией следуют выдержки из высказываний различных английских авторов об Америке, один из которых приходит в такое негодование, что предлагает в качестве подходящего *американского* перевода F.R.S., который добавляется к имени автора, "Первый королевский мусорщик".

Затем он приходит в ярость из-за замечаний путешественников по поводу того, что они считают грязной практикой беспорядочного плеванья. Он приходит в ярость, потому что никогда не находил работы, в которой "высочка—выходец с Острова когда—либо проповедовал крестовый поход против турок, потому что они не использовали за своими столами ножи и вилки" и т.д. Даже Священное Писание - и это, не будем забывать, с санкции *The Christian Advocate* - богохульно цитируется, чтобы оправдать американскую практику отхаркивания. "Что, в конце концов, такого невыносимо отвратительного в плевке? Наш Спаситель в одном из своих ранних чудес "плюнул на землю и сделал глину из плевка, и помазал глиной глаза слепого человека. И он сказал ему: пойдй умойся в купальне Силоам. Итак, он пошел своей дорогой, умылся и пришел прозревшим." Я вместе с толпой паломников спускался напиться из этого самого пруда, ибо вода позаимствовала новые свойства у чуда". Затем он заявляет о своем сильном желании научиться жевать табак, чтобы показать свое презрение к мнению путешественников. Какая прекрасная картина для созерцания — популярный писатель, перед которым виргинский фунт; Тошнота тянет его назад одной рукой, а Жажда Мести - другой! Внезапно его осеняет блестящая идея: другие могут сделать то, на что он не осмеливается; поэтому он обращается со следующим волнующим призывом к своим соотечественникам: "Давайте мужественно выступим перед всем миром ... давайте плевать бесстрашно и обильно. Часть моих соотечественников может рассматривать плевки в обычных случаях как роскошь: в присутствии англичанина это становится обязанностью. Давайте плюнем вокруг него — над ним— под ним — куда угодно, только не на него, чтобы он мог в совершенстве освоить эту привычку во всех ее фазах. Я бы сделал первым законом гостеприимства англичанина то, что каждая скрутка табака должна быть реквизирована, а каждая плевательница наполнена водой, чтобы полностью посвятить его в тайны жевания. Не оставляйте места для работы воображения. Только один раз доведите его до состояния дружеского знакомства с варварским обычаем" и т. Д. Какая великолепная концепция! - население целого континента, организованное под отхаркивающим знаменем прославленного Мэтта. Отделение: полевые дни два раза в неделю; боеприпасы предоставляются *бесплатно*; щедрые призы лучшим стрелкам. Воображение совершенно сбито с толку при созерцании столь величественной *совокупной вспышки гнева великого американца*. Я бы только предложил им собраться на берегу озера Верхнее, чтобы в своем гостеприимном угощении "выскачек-островитян" они не уничтожили растительность на всем континенте.

В другой главе он сообщает своим соотечественникам, что четыреста тридцать дворян Англии говорят и действуют от имени нации; его знание истории или любовь к правде игнорируют это маленькое сообщество, называемое Палатой общин. Банкиры и богатые люди попадают под запрет его осуждения, поскольку у них нет времени на "просвещенные развлечения"; затем он с той правдивостью, которая делает его таким надежным проводником для своих читателей, добавляет, что "они никогда не проявляли дружбы, за исключением складского кота; у них нет времени разговаривать, и они никогда не пишут, кроме как по делу; для них все часы - рабочие, за исключением тех, которые они посвящают обеду и сну; они ничего не знают, они ничего не любят и ни на что не надеются за пределами четырех стен своей бухгалтерии; никто их не знает, никто их не любит; они слишком склонны заводить друзей и слишком молчаливы, чтобы заводить знакомства" и т. Д. Какая это, должно быть, интересная информация для господ. Бэринг и их единомышленников!

В другой части этого тома автор внезапно проникается глубоким почтением к священным местам Востока и обрушивается с критикой на доктора Кларка за его скептицизм по этим пунктам, завершая свои замечания в следующем прекрасном кентуккийском духе: "Столь ужасным монстром мог быть только гот или англичанин". Как повезло его соотечественнику, доктору Робинсону, что он никогда не слышал о его трех ученых томах на ту же тему! хотя, возможно, скептицизм американца, в его пронизательном уме, был бы глубокой эрудицией, поправляющей выскочек-островитян. Большой интерес, который он проявляет к святым местам, сопровождаемый выражением ужаса при виде какого-то английского путешественника, который, как он утверждает, думал, что Давид подбирал камешки в ручье между Иорданом и Мертвым морем, тогда как он знал, что это в противоположном направлении, несомненно, снискал ему покровительство *христианского адвоката*; и благочестивое негодование, которое он выражает по поводу англичанина, сообщившего ему, что он получит хороший обед на горе Кармель, является прекрасной иллюстрацией его религиозных чувств.

Любопытная часть этой части книги мистера Уорда состоит в том, что, предварительно проинформировав своих соотечественников всеми разновидностями американской фразеологии о том, что англичане состоят из всех отвратительных компонентов, которые могут существовать в человеческой природе, он выбирает их в качестве своих товарищей и добивается их дружбы, получая удовольствие от того, что предаст ее. Конечно, если судить по предыдущим заявлениям, сделанным в этой книге, которые столь явно и смехотворно фальшивы, можно разумно заключить, что истина здесь в равной степени игнорируется; но мне кажется, что мои соотечественники обнаружили его раздвоенное копыто, а также его чрезмерное тщеславие и претензии, и, когда он стал напыщенно классическим, во время своего путешествия по Греции они позабавились за его счет, предположив, что Акрополь "был отличным местом для ланча"; Парнас - "постоянным местом распродажи". Фермопилы, "отлично подходят для приготовления водяных кресс-салатов". Уходя от своих товарищей, один из которых был стипендиатом Оксфорда, а другой - капитаном на службе Ее Величества, он становится величественным Байроном и, следовательно, приходит в неистовство при мысли о том, что его заменит мистер А. Теннисон! "Байрон и Теннисон!--какой нечестивый союз имен!--какое греховное сопоставление! Тот, кто мог бы всерьез сравнить безвкусные излияния мистера Теннисона с могучим гением Байрона, мог бы совершить святотатство, сравнив трюки профессора Андерсона с чудесами Нашего Спасителя".

Разразившись этим благочестивым порывом, он переходит к критике англичан за их замечания по поводу гнусавого произношения его соотечественников, а также за их критику смысла, в котором употребляются различные прилагательные; и, чтобы показать превосходную чистоту американского языка, он сообщает читателю, что в Англии "самые элегантные и утонченные постоянно говорят о "жареном"... они, кажется, очень неохотно *h* признают это особенно *h* исключительное "качество" и *h* настаивают на том, что *h* оно *h* свойственно только низшим слоям населения и *h* невежественным ". Затем он возмущается, что мы называем "камень" "оглушающим" и таким образом измеряем тяжесть плоти и крови. "Для неискушенных ушей 21 стоун 6 фунтов звучит бесконечно меньше трехсот фунтов, что является справедливым средним значением плотности неуклюжести сэра Танбелли среднего и высшего классов".

От этого изящного предложения он переходит к порокам праздности, рассматривая которые, он сообщает *христианскому защитнику* истинную причину первородного греха. "Неужели кто-нибудь воображает, что запретный плод когда-нибудь был бы отведан, если бы Адам ежедневно возделывал землю, а Ева, как хорошая хозяйка, штопала передники из фиговых листьев для себя и своего мужа? Никогда!" Это наблюдение наводит на мысль, что Библия была редким товаром в Кентукки. От Адама он переходит к банкирам и торговцам наших дней и сообщает читателю, что они пользуются большим уважением в обществе, но было бы шокирующим неправильным применением терминов называть кого-либо из них джентльменами. После этого правдивого заявления он пускается в пространное определение джентльмена, как будто считает своих соотечественников совершенно невежественными в этом вопросе: он становится вполне *рыцарским* в своем описании: "Ему следовало бы коснуться шляпы перед своим противником, с которым он собирался вступить в смертельный бой".^[BM] После этого замечания он сообщает две части информации — одна столь же правдива, сколь и скромна другая: "Считается, что вежливость принижает положение джентльмена в Англии; в Америке это считается его величайшей гордостью". Конечно, он только намекает на манеры; его труды на каждой странице доказывают, что *подлинное американское чувство* обходится без этого в языке. Его вежливость, я полагаю, можно описать словами, которые Джуниус применил к дружбе: "Коварная улыбка на щеках должна предупредить вас о язве в сердце". Поощряя вежливость, он сообщает читателю, что англичанин "никогда не выглядит так отвратительно, как тогда, когда пытается быть особенно добрым; ... делая вид, что старается услужить, он становится оскорбительным". Однако он признается: "Я знал в Америке других людей, в которых вы никогда бы не заподозрили англичан - они были такими хорошими ребятами; но они были рано переселены из Англии. Если здоровые апельсины вынуть из бочки, в которой началось гниение, их можно спасти; но если оставить их на месте, все они вскоре придут в такое же отвратительное состояние ".

Затем его проницательность проникает в некоторые глубокие тайны природы животных: он обнаруживает, что особенности быка и овцы постепенно впитались в национальный характер, что касается общения. "Они не покрылись шерстью и не носят рогов, но знать вечно возвещает об поразительных деяниях своих предков, в то время как упрямый средний класс блеет в робком одобрении.... Подобные темы составляют их фонд забавных светских бесед" и т. Д. После приведенного выше элегантного описания беседы он переходит к теме аристократизма и описывает молодого благородного человека на борту парохода, который отказался закрыть окно, когда его попросила больная и страдающая леди, сказав мужу: "Он не мог согласиться на то, чтобы его задушили, хотя его жена была больна". И, состряпав эту историю, он приводит следующую очаровательную причину своего поведения: "Он боялся возможности поставить

под угрозу свое собственное положение и положение своей благородной семьи дома, оказав услугу обычному человеку". Впоследствии он затрагивает тему английских гостей в Америке, которые, по его словам, "обычно приходят к нам в неприкрытой наготе своей вульгарности. Полностью освобожденные от ограничений, налагаемых на них дома различными слоями общества, они лениво наслаждаются присущей их натуре жестокостью. Они постоянно нарушают не только все правила приличия, но и сами законы приличия.... Они злоупотребляют нашим гостеприимством, оскорбляют наши особые институты, бросают вызов всем прелестям жизни и возвращаются домой, сетуя на социальную анархию Америки и называя свое собственное непристойное поведение обычаями страны.... Шалости, которые в американском захолустье были бы заклеены как шокирующая непристойность, становятся, когда их совершает богатый англичанин, очаровательным свидетельством спортивного юмора" и т. Д.

Значительная часть тома посвящена церковным вопросам; в этом вопросе кроткий и непритязательный стиль, характеризующий его творчество, в высшей степени характеризует его, и которым, несомненно, он обязан покровительству *христианского защитника*. Я лишь побалую читателя следующим прекрасным описанием Существующей Церкви: "Это раздутая, неприглядная масса формальностей, лицемерия, фанатизма и эгоизма, без единого благотворительного импульса или благочестивого устремления". После этого трогательного проявления *подлинных американских чувств* он рисует образ священнослужителя на столь противоположном языке, что невольно вспоминается некий таинственный персонаж, которого обычно изображают с раздвоенными ногами и который, как говорят, очень хорошо цитирует Священное Писание.

Геральдика и происхождение помогли Церкви привлечь внимание к его перу; и его исследования зашли так глубоко, что можно предположить — несмотря на его заявления о презрении — что он надеется когда-нибудь стать Благороднейшим герцогом Арканзаса и Миссисипи со вторым титулом виконта де Такки и Огайо;^[BN] буква "de" указывает на его происхождение с *Трех континентов*. Одно из самых замечательных открытий, которые он сделал, заключается в том, что "производители мыла и пивовары являются составными частями основных предметов потребления в Великобритании и, следовательно, превосходят даже самого Чарльза по количеству своих добавлений в список пэров". Этот ценный совет не следует упускать из виду тем, кто занят этими полезными занятиями, поскольку надежда призвана стимулировать рвение и честолубие.

Последние цитаты, которые я предлагаю привести из этого *объемистого тома*, взяты из седьмой главы, озаглавленной "Пристрастие англичан к обеду". В этом вопросе автор, по—видимому, особенно отточил свою *проницательность*; и замечания сделаны в самом *живом и колоритном стиле* и — по мнению прессы - безукоризненно *вежливы*. Англичанин "никогда не бывает свободен, пока не вооружится ножом и вилок; более того, он никогда не бывает полностью самим собой без них^[BO] ... которые по праву можно считать неотъемлемой частью англичанина, как когти у кошки; ... они не оригинальны даже в своей прожорливости; ... они обязаны иностранной нации низменной привилегией скотского потворства своим желаниям; ... они совершают поездку в Шотландию ради овсяных лепешек и останавливаются среди диких красот Швейцарии, чтобы иметь возможность пить козье молоко.... Как и другие плотоядные животные, англичанин всегда неприветлив за едой. Угрюмый во все времена, он становится невыносимым в тот интересный период дня, когда его душа, кажется, съезживается среди тарелок и яств; ... хотя он поглощает свою пищу с молчаливой неторопливостью анаконды, все

же, приступая к деликатесам последнего отменного обеда, он проявляет совершенно несвойственный ему подход к оживлению... когда в таких благоприятных случаях он впадает во что-то вроде веселья, возникает такая пугающая дрожь огромных желеобразных холмов плоти, что в его усилиях есть что-то настолько сверхъестественно грандиозное, что, подобно отдаче заряженного мушкета, он никогда не перестает поражать тех, кто оказывается рядом с ним ". Но его *проницательная наблюдательность* обнаружила обычай перед обедом, который, будучи представлен в центре различных порицаний, также может быть справедливо расценен им самим и его друзьями из прессы как наиболее предосудительный, и он никогда не перестает удивлять тех, кто оказывается рядом с ним ". как составляющий один из совокупных *элементов* составляющих английского зверя. "На ужин он моется, трется и одевается". Какой грязный! И все же не будь к нему слишком строг, читатель, за это замечание; я путешествовал по соседству с ним на пароходах по Миссисипи и поэтому могу хорошо понять, насколько новизна операции, должно быть, поразила его, и насколько эта практика, должно быть, противоречила его привычкам.

Среди других важных фактов, связанных с этим великим вопросом, его *проницательный* ум установил, что англичанин "взял за правило как можно меньше наслаждаться обедом за свой счет". Вооруженный этим важным открытием, он пускает в ход следующий американский снаряд, тем самым разнося на атомы всю структуру нашего общества. Нация может затрепетать, читая эти испепеляющие слова красноречия Кентукки: "Когда вспоминают, что из всех пороков скупость наиболее склонна развращать сердце, а обжорство имеет наибольшую тенденцию ожесточать разум, больше не остается ничего удивительного в том, что подлость англичанина стала притчей во языцех от Парижа до Иерусалима. Ненависть и презрение всех классов общества так же неизбежно сопровождают его в его странствиях, как его собственная тень.... Одинаково отталкивающий все слои общества, он стоит изолированно и одиноко, как единственный памятник деградации, на которую способна человеческая природа".

Чувствуя, что обычного языка недостаточно, чтобы передать его *вежливые* и *рыцарские* чувства, он исследует естественную историю в поисках возвышенной метафоры: свой триумфальный успех он фиксирует в этой прекрасно выраженной фразе— "Расширяющая способность анаконды и желудок казуара - высшие объекты его честолубия". Но ни обычный язык, ни метафора не могут удовлетворить его возвышенные устремления: для этого требуется нечто более высокое, требуется воплощение *подлинного американского чувства, энергичного, но вежливого*; его гигантский интеллект поднимается настолько, чтобы справиться с этой задачей. Он предостерегает моих соотечественников "употреблять бранные слова, опасаясь показаться рассеянным, а не быть таким резким и вульгарным"; а затем — я полагаю, чтобы показать им, как быть саркастичным, не будучи ни резким, ни вульгарным, — он раздражается следующими великолепными высказываниями: "Если бы мужество могло выполнять функцию мозгов, семь мудрецов Греции перестали бы входить в поговорку, ибо Англия представила бы миру двадцать семь миллионов мудрецов.... Есть, пить, выглядеть сальным и толстеть - вот, по их мнению, карьера достойного британского подданного.... Влюбленный никогда не спрашивает свою возлюбленную, восхищается ли она произведениями Доницетти, но нежно осведомляется, любит ли она пироги со стейком из говядины. Такой отвратительный порок, как жадность, быстро ожесточает натуры, изначально недуховные; любая другая страсть погружается, подавленная дряблыми складками жира, в беспомощность. Вся ментальная энергия раздавлена маслянистой массой. Чувствительность подавлена, сочные пары ростбифа и деликатесы запятнаны потеками портера. Мозг медленно размягчается, превращаясь в жир, а

печень постепенно вторгается в сердце. Все благородные побуждения человека уступают тем животным наклонностям, которые вскоре должны превратить англичан в зверей во всех отношениях, кроме одной формы ".

Я закончил свои *Изящные выдержки* из работ мистера Уорда. Читатель может сам судить о "*энергичном томе* Бостона", о "*восхитительном угощении*" Филадельфии, о "*рыцарских и подлинных американских чувствах*" Рочестера, о "*вежливом ответе* христианского защитника" и о "*совокупном порыве великого американского сердца*" Нового Орлеана и т. Д. Эти комплименты прессы приобретают дополнительную ценность в следующем отрывке из восхваляемого ими произведения. На страницах 96, 97 мистер Уорд пишет: "Труд каждого автора заключается в том, чтобы приспособить свой стиль и чувства к вкусам своих читателей, чтобы, скорее всего, заручиться их одобрением.... Сознание того, что его успех полностью зависит от их одобрения, заставит его, сам того не осознавая, адаптировать свои идеи к их идеям". И Нью-Орлеанская пресса поддерживает все чувства автора и оскорбляет американских джентльменов и американскую разведку, утверждая, что это "*превосходно раскрывает чувства всего народа и найдет сочувствие в душе каждого истинного сына земли*".

Прежде чем окончательно распрощаться с *английскими статьями*, я должен принести некоторые извинения читателю за то, что так долго цитировал из них. Моим единственным оправданием является то, что я хотел показать основания, на которых я пренебрежительно отзывался о части прессы и о малопопулярной литературе в стране. Я мог бы процитировать несколько работ вместо одной; но если бы я это сделал, справедливо было бы сказать, что я выбрал отдельный отрывок для определенной цели; или же, если бы я процитировал много, меня могли бы справедливо обвинить в том, что я скучный. Кроме того, чтобы подтвердить свои утверждения относительно прессы, я был бы обязан высказать их мнение также о каждой книге, из которой я цитировал; и, помимо всех этих причин, я чувствовал, что большинство произведений низкопробной литературы, с которыми я столкнулся, вышли из—под пера людей с гораздо меньшим образованием, чем выбранный мной автор, который, как я уже отмечал ранее, принадлежит к одной из богатейших семей Кентукки, и для которого, следовательно, ни недостаток образования, ни отсутствие возможностей возвращаться в уважаемом обществе — если бы он захотел этого - не могут быть предложены в качестве причин для беспокойства. ни малейшего смягчения.^[BP]

Я также чувствую, что должен принести некоторые извинения моим американским друзьям за то, что вынес на суд публики такую работу; но я надеюсь, что они найдут достаточное оправдание моему поступку в представленном таким образом объяснении того, как отравляется сознание молодой Америки, и это также частично объяснит оскорбления в адрес этой страны, которые постоянно появляются в их прессе. Я уверен, что вряд ли найдется джентльмен в Америке, с которым я имел удовольствие познакомиться, который прочитал бы даже первые двадцать страниц книги; и я должен отдать должное хаунду, чтобы сказать, что среди всех произведений подобного класса, которые я видел, *Английские статьи* пользуются неприступным превосходством в искажении фактов и вульгарности, помимо того, что они

особенно достойны презрения, поскольку ложь смешана со многими правдивыми утверждениями о различных пороках, все еще существующих в Англии, и которые, будучи процитированными из нашей собственной прессы, рассчитаны на то, чтобы придать английскому языку популярность. правдивости всей работы среди той массы его соотечественников, которые, при всем их интеллекте, совершенно ничего не знают об Англии, ни в социальном, ни в политическом плане.

Последующая карьера этого цензора английских манер и морали слишком примечательна, чтобы ее можно было обойти молчанием. Поэтому сейчас я перехожу к тому, чтобы дать вам краткое описание этого, как образца морали и нравов в Кентукки, продемонстрированного им самим и его судебным процессом. Моя информация взята из подробностей судебного процесса, опубликованных полностью, копию которых я получил в результате необычных отчетов о сделке, которые я прочитал в газетах. Профессор Батлер ранее был наставником в семье Уордов и пользовался равным уважением как у них, так и у общественности Луисвилля в целом. На момент описанного ниже происшествия профессор был директором средней школы в этом городе.

Одним из мальчиков в школе был Уильям — брат мистера Мэтта. Ф. Уорд: похоже, что, по мнению профессора, мальчик был виновен в том, что ел орехи в школе и отрицал это, за что его вызвали и выпороли, как сказал ему учитель, за ложь. Было ли справедливым обвинение или наказание, не имеет значения в данный момент, хотя я должен сказать, что свидетельские показания во многом оправдывают и то, и другое. Уильям возвращается домой, жалуется своему брату Мэтту Ф., не столько на суровость наказания, сколько на то, что его называли лжецом. Старший брат приходит в сильное негодование и решает пойти к Профессору и потребовать извинений. Следует помнить, что отец все это время находился в Луисвилле и, конечно, был единственным человеком, который мог сделать какие-либо замечания своему старому другу профессору. Семья Мэтта Ф. напоминает ему, что он очень слаб и что один из учителей школы - его враг. Поэтому они умоляют его успокоиться и взять с собой своего младшего брата Роберта на случай несчастных случаев. Он соглашается. Затем он отправляется в оружейный магазин мистера Дж. Диксон и Гилмор и покупает у последнего около 9 часов утра два маленьких карманных пистолета с дулом три дюйма длиной. Он поручает мистеру Гилмору зарядить их, но больше патронов не покупает. После этого он вместе со своим братом Робертом, вооруженным охотничьим ножом, направляется в школу. Не желая быть несправедливым к мистеру Мэтту Ф. Уорду, я привожу описание последующего происшествия со слов его брата Роберта, давшего показания в суде.^[BQ]

"Войдя в классную комнату,^[BR] Мэтт попросил позвать Батлера. Он пришел. Мэтт. заметил: "Я хочу с вами поговорить". Дворецки сказал: "Зайдите в мою отдельную комнату". Мэтт. сказал: "Нет, здесь самое подходящее место". Мистер Батлер кивнул. Мэтт. спросил, каковы ваши представления о справедливости? Кто хуже: мальчик, который выпрашивает каштаны, бросает скорлупу на пол и лжет об этом, или мой брат, который отдает их ему? Мистер Батлер сказал, что не будет, - переспросил он, кладя карандаш в карман и застегивая пальто. Мэтт, повторил вопрос. Батлер сказал, что здесь нет такого мальчика. Мэтт сказал, что это решает вопрос: вы называли моего брата лжецом, и за это я должен извиниться. Батлер сказал, что ему не за что извиняться. Вы приняли решение? сказал Мэтт. Батлер сказал, что да. - Тогда, - сказал Мэтт, - ты должен услышать мое мнение о тебе. Ты чертов негодяй и трус. Затем Батлер дважды ударил Мэтта и оттолкнул его к двери. Мэтт выхватил пистолет и выстрелил. Батлер на мгновение

задержал на нем руку. Когда пистолет выстрелил, Стерджес^[BS] подошел к двери. Я вытащил свой нож и велел ему отойти. Так был застрелен профессор Батлер, директор средней школы Луисвилля, автором книги *"Английские статьи"* из пистолета, купленного и заряженного всего полтора часа назад, среди бела дня, посреди своих учеников. Профессор умер ночью.

Детали судебного процесса совершенно уникальны в том, что касается языка, используемого присяжными, адвокатом и доказательствами; но я намеренно воздерживаюсь от приведения выдержек, хотя я мог бы легко процитировать отрывки, достаточно смешные и забавные, и другие, которые оставляют болезненное впечатление о состоянии законности в Кентукки. Причина моего воздержания в том, что если бы я вообще цитировал, то мне следовало бы сделать это более подробно, чем позволяют рамки книги путешествий: достаточно того, что я сообщаю вам, что мистер Мэтью Ф. Уорд был судим и оправдан.

Когда стали известны результаты судебного процесса, в Луисвилле под председательством генерала Томаса Стрейнджа состоялся митинг возмущения, на котором были единогласно приняты различные резолюции. Первое было в следующих выражениях: "Постановлено, что вердикт присяжных, недавно вынесенный в суде округа Хардин, которым Мэтт Ф. Уорд был признан невиновным ни в каком преступлении, связанном с убийством Уильяма Х.Г. Батлера, противоречит всем доказательствам по делу, противоречит нашим представлениям об общественном правосудии и подрывает фундаментальные принципы личной безопасности, гарантированные нам конституцией штата.

"Во—вторых: решено, что опубликованные доказательства, данные по делу Мэтта Ф. Уорда, вне всяких сомнений, показывают, что самый уважаемый гражданин и самый дружелюбный, нравственный и миролюбивый человек был бессмысленно и жестоко убит при исполнении своих обычных и ответственных обязанностей учителя молодежи; и, несмотря на вердикт коррумпированного и продажного жюри присяжных, осознанное суждение сердца и совести этого сообщества объявляет это убийство убийством". Комитет, назначенный собранием, также потребовал от мистера Вулфа, одного из адвокатов заключенного, отказаться от своего места в Сенате штата, а от почтенного мистера Криттендена, другого адвоката, отказаться от своего места в Сенате Соединенных Штатов; были сожжены изображения двух братьев Уорд и открыта общественная подписка на установку памятника убитому профессору. Я, конечно, не могу решить, насколько справедливы выводы комитета, поскольку не претендую на знание законов штата Кентукки. Я, однако, предоставил процесс членам коллегии адвокатов этой страны, привыкшим рассматривать подобные дела, и они без колебаний заявили, что ни один человек из десяти, повешенных в Англии, не был осужден на основании более убедительных доказательств. Также очевидно, что в некоторых частях Союза преобладает такое же мнение, о чем ясно свидетельствует следующий абзац из *New York Daily Times*: "Судебный процесс переносится с места убийства, чтобы заключенных не судили те, кто знал их лучше всего, а доставляли в отдаленную страну. Прессе запрещено, вопреки всем законам и правам, публиковать репортажи о ходе судебного разбирательства во время судебного разбирательства. Каждая частица улики, касающихся характера Батлера, исключена; в то время как целая армия свидетелей — священнослужители, полковники, члены Конгресса, редакторы, чиновники кабинета министров и т. Д., Которые наслаждались социальной близостью Подопечных, — демонстративно свидетельствовали о мягкости характера заключенного, заявляя, что он, с тревогой и нескрываемым преувеличением, был мягким и дружелюбным до безобразия. Все эти приготовления, кропотливо проведенные и неуклонно выполняемые, были

направлены не на установление истины, которая является единственным надлежащим объектом судебного расследования, не на точное и достоверное установление того, убил или не убивал Мэтью Уорд Батлера, а на обеспечение безнаказанности за свой поступок. Вся эта драма была разыграна для того, чтобы побудить присяжных подтвердить ложь, и ей это удалось. Мы не верим, что Джон Дж. Криттенден питает в своем сердце тень сомнения в том, что Батлер был убит: мы не верим, что хоть один человек из числа присяжных верит, что человек, которого они оправдали, невиновен в инкриминируемом ему преступлении. Мы считаем исход этого судебного процесса чрезвычайно важным: он доказывает, что в одном из штатов нашего Союза богатство сильнее справедливости; что самые выдающиеся сыны Кентукки принимают близко к сердцу и защищают всеми силами убийцу, в распоряжении которого есть деньги и общественное положение; и что под их покровительством были созданы законные трибуналы и самые торжественные формы правосудия, чтобы обеспечить безнаказанность одному из самых черных и бессмысленных убийств, которые зафиксированы в анналах преступности".

Я не добавляю никаких комментариев, предоставляя читателю самому делать выводы, и я только надеюсь, что, если приведенные выше строки когда-нибудь попадутся на глаза гражданину суверенного штата Кентукки, они побудят его внести поправки в закон или очистить состав присяжных.

СНОСКИ:

[BJ]

Читателя просят помнить, что все слова, выделенные курсивом — при работе с *английскими статьями*— выделены таким образом, чтобы показать, что это цитаты из хвалебных речей американской прессы. Я отвергаю их так же решительно, как и каждый американский джентльмен.

[BK]

Читал ли мистер Уорд когда-нибудь в газетах своей страны сообщение о том, что бедные солдаты отправились в Вашингтон за ордерами на землю, а после того, как их продержали там, пока они не превратились в нищих, на них не обратили никакого внимания? Позвольте мне выразить признательность за следующее письмо, взятое из прессы его собственной страны, датированное 6 июля 1853 года и адресованное Президенту: *"ДОРОГОЙ СЭР, Самым смиренным тоном я умоляю вас о милосердии в три цента, чтобы позволить мне купить что—нибудь поесть*. Прошу вас, будьте так добры и примите благодарность вашего смиренного просителя из округа Шенандоа, Вирджиния".

[BL]

Читатель будет удивлен, узнав, что эти замечания принадлежат перу жителя Кентукки; в этом штате есть большая яма в земле, проделанная Провидением и называемая "Пещера Мамонта"; она расположена на частной территории, и за привилегию пользоваться ею вы платите *10 долларов*. За ним так тщательно следят, что никому даже не разрешается составлять его план, чтобы не обнаружить какой-нибудь свободный вход на прилегающей территории.

[BM]

Я должен попросить читателя запомнить это последнее предложение, когда он дойдет до интервью между писателем из Кентукки и его старым другом, школьным учителем.

[BN]

Кентукки - штат, в котором он родился и семья, Арканзас - штат, в котором его усыновили, а "Три континента" - плод его пера.

[BO]

Читатель обнаружит, что в своем интервью школьному учителю его брат был "полностью самим собой", используя только охотничий нож.

[BP]

Я должен привести еще один пример хладнокровия, с которым американский писатель может написать самую вопиющую ложь; *посмотрите* "Английские черты" Р.У. Эмерсона. Я мог бы процитировать множество переданных им фальшивых впечатлений, но я ограничусь одним из его наблюдений на религиозную тему, где, по крайней мере, порядочность могла бы заставить его уважать истину. На странице 126 я нахожу следующее предложение: "Они не возносят сократовских молитв, *а тем более каких—либо святых молитв о разуме королевы*; не просят ни света, ни справедливости, но прямо говорят: "Даруй ей долгую жизнь в здравии и богатстве". Я не буду спрашивать, видел ли автор этого отрывка когда-либо нашу Книгу общих молитв, потому что слова, взятые в кавычки, являются достаточным доказательством; я также не буду стараться показывать *множество* молитв, возносимых о даровании чисто духовных благословений. но когда я нахожу, что предыдущее предложение к процитированному им было следующим: "Щедро одари ее небесными дарами", что я могу сказать о таком писателе? Либо то, что под небесными дарами он понимает доллары и центы, либо то, что он сознательно пожертвовал религиозной истиной ради популярности демократов. Поставив его перед этими двумя рогами дилеммы, я оставляю его устраиваться на своем месте.

[BQ]

Конечно, показания брата являются *самыми благоприятными* в пользу мистера М.Ф.У. из всех, представленных судом.

[BR]

В материалах дела указано, что описанная сцена произошла около половины одиннадцатого утра

[BS]

Мистер Стерджес - учитель, который, как предполагалось, был недружелюбен к мистеру Мэтью Ф. Уорду.

ГЛАВА XXV.

Институт рабства.

Есть одна тема, которую ни один человек, претендующий на то, чтобы передать читателю честные мысли и впечатления, занимавшие его ум во время путешествий по этой обширной Республике, не может обойти молчанием; и эта тема, о которой мне едва ли нужно упоминать, - рабство. Это институт, заслуживающий самого серьезного рассмотрения; ибо, в то время как общее единство чувств связывает различные государства воедино таким образом, что оправдывает национальный девиз "*Единый плюрибус*", вопрос о рабстве грозно нависает над их Союзом; и нить, на которой он подвешен, более ненадежна, чем хрупкий волосок от дамоклова меча, поскольку зависит от разгневанных страстей разгневанного человека.

Я чувствую, что это настолько верно, что, будь я гражданином одного из Свободных штатов Америки, я мог бы поколебаться, прежде чем высказать свое мнение прессе. Я надеюсь, однако, что я могу так подойти к предмету, чтобы не было повода для вражды. Несомненно, что источник зла полностью лежит на метрополии. Мы вмешались в дьявольскую торговлю нашими братьями и вынудили несчастного негра ступать по земле, на которой никогда прежде не ступала нога раба; и это мы сделали, несмотря на все протесты возмущенных колонистов; и с этим отвратительным грехом на наших плечах, вполне естественно, что мы испытываем глубокий интерес к побегам соболиного плюща, которые мы посадили и которые теперь покрывают весь южный фасад величественного здания Гигантской Республики. Было время, когда угольщик из Ньюкасла мог доставить добычу соболя обратно на землю, откуда она была украдена; теперь же усилий многих стран, вместе взятых, едва хватило бы, чтобы обеспечить быстрый рост.

Но, в то время как первоначальная вина лежит на Англии, Америка с тех пор наложила на нее торжественную печать своего отцовства; каждый фут земли, который в ходе стремительного роста ее могущества впервые был запятнан стопами рабов, портит красоту шапки свободы и водружает звезду работорговца на знамя нации. Столетие спустя она всего лишь делает то, что мы нечестиво делали столетием раньше, а именно насаждает рабство на доселе свободной земле и расширяет рынок продажи плоти и крови. Иногда приводимое тщетное оправдание, что они были просто перемещены из одной части одной и той же страны в другую, не может быть принято; или, если это так, по тому же принципу все Свободные штаты могли бы снова вернуться к рабству. Если введение рабства в свободном Суверенном государстве не является грехом, то не была ли Англия столь же виновна в первую очередь, поскольку она отправляла рабов из страны невежества, жестокости и идолопоклонства в просвещенную христианскую колонию. Напрасно ни Англия, ни Соединенные Штаты уклоняются от ответственности за внедрение рабов на свободной земле. Англия несет дополнительную вину за то, что действовала вопреки желаниям колонистов; Соединенные Штаты несут дополнительную вину за увеличение территории рабства столетием позже, и когда филантропы каждой страны были заняты попытками решить проблему: "Как можно отменить рабство?"

Не останавливаясь далее на соответствующей вине, я сразу же перейду к обзору крестовых походов, которые были предприняты против этого института, и надежд рабов, связанных с ним; после чего я предложу на рассмотрение такие предложения, которые кажутся мне достойными внимания всех истинных друзей негров, независимо от того, владельцы они или нет.

Рассматривая таким образом этот вопрос, я позволю себе заметить, что я полностью признаю каждое отдельное государство обладающим полномочными полномочиями в рамках той конституции, которой все они связаны вместе: и я надеюсь, что в любых замечаниях, которые я могу сделать, ни одно выражение не будет истолковано настолько превратно, чтобы вызвать оскорбление; ибо я прекрасно знаю, какими колоссальными трудностями окружен весь этот вопрос, и я чувствую, что к нему следует подходить только в истинном духе милосердия и доброты по отношению к оклеветанным джентльменам Юга.

Я начинаю вопрос с вопроса — что означает крик, поднятый фанатиками Севера - крестоносцами за отмену смертной казни? На словах это свобода для раба; на самом деле это разграбление их соседей. Если бы предложение исходило от диких арабов, которые живут в домах, которые носят на своих спинах, и питаются молоком отар, которые пасутся рядом с ними, я, возможно, понял бы скромное предложение; но исходящее от тех, чья деловая энергия вошла в поговорку, и чья проницательность во всех вопросах, касающихся долларов и центов, непревзойденна, если не равна, самому проницательному еврею из евреев, я признаюсь, что это за пределами понимания моего скудного воображения. Если бы это сопровождалось каким-либо денежным предложением, адекватным предложенной жертве, я, возможно, смог бы это понять: но для тех или потомков тех, кто, поскольку они сочли труд белых более прибыльным, продали своих братьев-соболя своим южным соседям и таким образом легко и прибыльно устранили рабство от своих границ, — для тех, говорю я, кто развернулся и проповедует крестовый поход за освобождение негров, в проповедях оскорбления, голосом самодовольства демонстрирует степень уверенности, которую невозможно превзойти. Если бы они знали столько же о человеческой природе, сколько о законах прибыли и убытка, они могли бы предвидеть, что в каждом эпитете, которым осыпают их южных соотечественников, они заклепывают новый болт в рабских оковах. По какому поводу взбунтовалась американская колония? Не было ли это, как общий принцип, правом на самоуправление? Разве их конституция не допускает независимых действий для каждого штата, при условии соблюдения только определенных обязательств, одинаково обязательных для всех? Если они соблюдают, то на основании какого принципа патриотизма или чести отдельные люди или общества бросают факелы раздора между своими южными согражданами?

Ни один человек, который наблюдал или интересовался социальным положением рабов в течение нынешнего столетия, не может не заметить, что среди уважаемых владельцев рабов было сделано многое для улучшения их положения, как в отношении общего образования, так и религиозного воспитания; в то же время они поймут, что первый закон природы — самосохранение — вынудил их объявить общее образование уголовно наказуемым, как только фанатичные аболиционисты наводнили страну зажигательными брошюрами. Ни один американец не может отрицать, что когда угнетенный народ чувствует, что его цепи раздражают его, он имеет право последовать примеру колонистов и бороться за свободу. Это право, несомненно, принадлежит неграм, и эти воспламеняющие публикации были рассчитаны на то, чтобы подтолкнуть их к этому усилию. Но какой рефлексирующий ум может не предвидеть ужасов, к которым приведет такое безнадёжное начинание? В особенности это должно было представляться в сознании рабовладельцев; и могли ли они, имея перед глазами ясные видения

страшного принесения в жертву человеческой жизни, разрушения любых добрых чувств, которые сейчас существуют между хозяином и рабом, и установления правления террора и абсолютной суровости — могли ли они, говорю я, с такими последствиями, грозящими им в лицо, предпринять более мягкий, разумный и милосердный шаг, чем прекращение образования, с помощью которого аболиционисты приближали столь ужасную катастрофу?

Следующего отрывка может быть достаточно, чтобы доказать раздражение, вызванное аболиционистами в Вирджинии, хотя, конечно, я не претендую на то, чтобы намекать на то, что респектабельная часть общества в этом штате поддержала бы их варварский бред:

"РАБСТВО В КЛАССНОЙ КОМНАТЕ". - (Американская) *Richmond Examiner* в связи с недавним судебным процессом над Уордом из Кентукки выдвинула следующую теорию о вымирании школьных учителей в целом: "Юг в течение многих лет наводняли орды неграмотных, беспринципных выпускников свободных школ янки (этих рассадников самомнения и невежества), которые с помощью беззастенчивой наглости утвердились среди нас в качестве школьных учителей. Некоторые из этих "странствующих невежд" настолько отвратительны для жителей Юга; многие из этого класса настолько полны аболиционизма и скрытого подстрекательства; настолько полны коварства, мошенничества и лживости, что преднамеренный расстрел одного из них с целью отравления умов наших рабов или наших детей, мы думаем, если его вообще рассматривать как убийство, всегда следует считать совершенно оправданным; и мы воображаем, что уместность расстрела школьного учителя, уличенного в манипулировании нашими рабами, никогда не подвергалась сомнению ни одним интеллигентным южанином. Мы считаем это неписаным общим законом Юга и считаем целесообразным обнародовать закон, чтобы он был скопирован во всех документах об отмене рабства, под гром трех тысяч проповедников Новой Англии и с особым акцентом и ужасающим закатыванием глаз прочитан Гаррисоном на следующем собрании антирабовладельческой партии в Фанейлхолле. Мы повторяем, что расстрел странствующих школьных учителей, выступающих за отмену смертной казни, часто является похвальным поступком, дающим респектабельному южанину право, по крайней мере, на место в Законодательном органе или в Общественном совете. Пусть все школьные учителя-янки, которые предлагают вторгнуться на Юг, наделенные сильным гнусавым произношением, длинным именем из Священных Писаний и лексикографической книгой мерзостей Вебстера, ищут какую-нибудь более благоприятную страну, где их собственная жизнь будет в большей безопасности, чем в "мерзких и кровожадных рабовладельческих Штатах". Мы будем рады, если бред прессы об отмене смертной казни по поводу оправдательного приговора Уорда возымеет такой эффект".

Теперь мы видим, что аболиционисты сделали образование негра с целью его окончательной пригодности к свободе или самоуправлению совершенно невыполнимым, как бы ни стремился рабовладелец в противном случае обучить его. Таким образом, своим неосмотрительным насилием они фактически закрыли образовательный путь к эмансипации. Также не следует забывать, что южане, возможно, имели веские основания сомневаться в христианской искренности тех, кто так громко требовал ослабления оков с рабов. Освобожденных рабов в Северных Штатах они, должно быть, часто видели, год за годом, когда они отправлялись на "сезон" на водопой, и могли ли они заметить в его положении там что-то такое, что внушило бы им веру в то, что северяне - друзья негров? В некоторых городах он не должен водить карету или автомобиль; в других он не должен садиться в общественный транспорт; в увеселительных заведениях его отделяют от его белого друга; даже в доме того Бога, с которым "нет уважения к

личностям", его отделяют, как если бы он был нечистым животным; в некоторых Штатах его вообще не пускают.

Имея такие свидетельства дружбы к неграм, не могли бы они усомниться в честности северных поборников эмансипации? Могли ли они действительно доверять филантропическим заявлениям тех, кто относится к негру как к изгою и принуждает его к нищенской жизни вместо того, чтобы стремиться поднять его по социальной лестнице? Если бы негр обладал интеллектом Ньютона, если бы он был одет в пурпур и тонкую льняную ткань, если бы он только что вышел из восточной бани и благоухал, как "арабские специи", северянин предпочел бы посидеть с полярным котом - он скорее вытащил бы живой уголек из огня, чем пожал бы руку самому достойному негру, который когда-либо ступал на землю. Кто увидит негра на Севере, улыбающегося при приближении белого человека? Кто не видел, как достойный плантатор или рабовладелец возвращается после кратковременной отлучки, встреченный обильными улыбками или, возможно, получающий широкую улыбку гордости и удовольствия, когда достойный владелец протягивает руку какому-нибудь старому верному рабу?

Я думаю, что в предыдущих замечаниях я показал, что у Южан есть три веских и отчетливых основания для возражений против аболиционизма в Свободных Штатах. Во—первых, - Естественный дух человека, который восстает против всеобщей брани и клеветы. Во—вторых, препятствие, которое они воздвигли на пути предоставления рабу простого образования, распространив самые легковоспламеняющиеся брошюры. В—третьих, сомнительная искренность их заявленной симпатии к рабу, о чем свидетельствует антипатия, которую они проявляют к свободному негру, и тот очевидный факт, что в свободном государстве ему гораздо хуже, чем в рабовладельческом.

Такое же возражение не может быть справедливо выдвинуто против английских аболиционистов, потому что они действуют и думают главным образом на основании доказательств, представленных руками американцев; кроме того, рабство в вест-индских колониях воспринималось большинством нации как настолько темное пятно на нашем национальном характере, что, хотя оно и обременено долгом, о котором мир никогда раньше не мечтал, сумма в 20 000 000 фунтов. за него с готовностью проголосовали в целях эмансипации. Был ли метод, с помощью которого были выполнены положения закона, очень мудрым или болезненно ошибочным, нам не нужно останавливаться, чтобы выяснить: цель была благородной, и жертва была достойна цели.

Учитывая, что эта дискуссия еще свежа в общественном сознании, неудивительно, что филантропы, читая опубликованные американскими авторами отчеты об ужасах рабства, должны объединиться с целью дружеским тоном призвать Америку последовать благородному примеру Великобритании и извлечь выгоду из любых допущенных ею ошибок в отношении метода осуществления эмансипации. Я вполне отдаю себе отчет в том, что рабовладелец может ответить: "Все это очень хорошо, но я должен поговорить с вами, добрые джентльмены Англии, об искренности. Если вы считаете рабство таким ужасным грехом, почему вы так жадно жаждете плодов возмездия за этот грех? Спрос на рабовладельческих продуктах на ваших рынках повышает ценность раба и тем самым забивает еще один гвоздь в крышку гроба его надежд ". Признаюсь, я не могу дать никакого ответа, кроме унижительного признания, которое, если прочесть чувства нации в ее парламентских актах, сводится к следующему— "Мы устранили рабство на нашей собственной земле, и нас ни на грош не волнует, что весь

остальной мир - рабы, при условии, что только мы можем получать дешевый хлопок, сахар и т.д. Маммона! Маммона! Маммона! всегда было верховным божеством англосаксонской расы, будь то в Старом или Новом Свете.

Не может быть никаких сомнений в том, что прием, оказанный работе и личности миссис Бичер-Стоу в Англии, был очень раздражающим для многих южан, и это естественно; потому что это выражало молчаливое одобрение всем ее утверждениям об ужасах системы рабства. Когда я впервые прочитал *Дядю Тома*, я сказал: "Это скорее заклепает, чем ослабит оковы рабыни, вызвав негодование всего Юга против нее и ее сообщников". Все, что я с тех пор видел, слышал и читал, только подтверждает мое первоначальное впечатление. Хотя я с готовностью подарил бы миссис Стоу лавровый венок как умной писательнице, я никогда не смог бы наградить ее увядшим листом как друга негра. Не может быть никаких сомнений в том, что миссис Бичер-Стоу принимала немалое участие в волнениях по отмене смертной казни, которые бушевали в Штатах и которые превратили Канзас в поле битвы гражданской войны; но эффект этой агитации пошел дальше: из-за громких речей и других событий умы негров наполнились призрачными надеждами на свободу; были спланированы восстания и, что еще хуже, они были воображаемыми. В страхе за жизнь и имущество прибегали к пыткам, достойным худших дней инквизиции, чтобы вырвать признание у тех, кому не в чем было признаваться. Некоторые умерли молчаливыми мучениками; другие в своих муках ложно обвинили первого негра, чье имя пришло им на память; таким образом, несправедливость порождает несправедливость, и, по оценкам, не менее тысячи несчастных жертв закончили свою жизнь в мучениях. Один белый человек, который был уличен в подстрекательстве к восстанию и, следовательно, заслуживал самого сурового наказания, был приговорен в этой стране равенства к 900 ударам плетью и умер от этого наказания — зрелище, которое порадовало бы глаза Кровавого Джеффриса. И к чему все эти ужасы? Я отчетливо говорю — благодаря оголтелым аболиционистам.

Позвольте мне теперь на мгновение коснуться обращения с рабами. Фермы богатых плантаторов и часовни с негритянским священником и негритянской паствой являются ярким свидетельством того факта, что негры заботятся о своих телесных и духовных потребностях, не забывая также об устных наставлениях, которые они часто получают от жены плантатора. Но универсальна ли эта система? Тем, кто хочет правдиво ответить на этот вопрос, не нужно ехать в Южные Штаты за документальными доказательствами. Достоин ли какой-либо человек того, чтобы ему доверили абсолютную власть над одним из его ближних, как бы сильно ни пострадала его общественная репутация и его банковский баланс от самой умеренной доброты к ним? Если бы каждый мужчина был Говардом или Уилберфорсом, а каждая женщина — Фраем или Найтингейл, истина была бы всегда одной и той же, и они были бы первыми, кто признал бы это. -Мужчина непригоден для безответственной власти.

Итак, единственная инстанция, перед которой владелец рабов, вероятно, будет привлечен к ответственности, - это инстанция общественного мнения; и влияние, которое это знание окажет на его поведение, находится в точном обратном соотношении к его необходимости; ибо закаленное животное, на которое больше всего требуется его влияние, - это тот самый человек, который, если ему удастся избежать линчевания, безразличен к общественному мнению. Ни один южанин не будет оскорблен, если я скажу, что он не более христианин, добросердечный и кроткий, чем его собрат в Северных Штатах, во Франции или в Англии; и все же, как часто мы обнаруживаем, что граждане этих сообществ проявляют необузданные страсти в самых жестоких действиях, и это при осознании того, что закон висит над их головами и что их жертвы

могут свидетельствовать против них; тогда как в рабовладельческих штатах, при условии, что исключен глаз белого человека, едва ли есть предел пыткам, которые может причинить свирепый монстр. на беспомощного раба, чье слово не может быть принято в качестве доказательства. Судить о положении раба, посетив любезного плантатора и его супругу, так же абсурдно, как судить об одежде, питании и комфорте нашего трудящегося населения, посетив городской дом герцога Зажиточного и внимательно отметив достойного человека, который занимает кресло, как будку часового, и которого называют привратником. Посмотрите на него, с напудренными и откормленными волосами до макушки; посмотрите, как он звонит в колокол, используя руки как рычаги, чтобы вытащить свою округлость из футляра; затем обратите внимание на пьедесталы, по которым он пытается ходить; можно подумать, что его колотили от водянки с полдюжины раз и что вся вода стекла к икрам его ног. Это что, разновидность беднейших классов?

Где же тогда нам искать истинные данные, на основе которых можно составить мнение об обращении с рабами? — Просто изучая человеческую природу и взвешивая человеческие страсти, а затем выясняя, какими законами они контролируются. Что же касается законов, то они ничего не значат, поскольку показания рабов недопустимы, и возможность любого притеснения, вплоть до самой смерти, часто должна находиться в руках владельца без всякого страха наказания. Итак, если закон не дает неграм эффективной защиты от человеческих страстей, то где нам искать ее в человеческой природе, кроме как во влиянии христианства, личных интересов или общественного мнения? Последний из них, как мы видели, находится на скользкой шкале неэффективности, которая возрастает пропорционально необходимости его влияния и, следовательно, практически бессильна во благо.

Давайте теперь рассмотрим личный интерес. Будет ли кто-нибудь утверждать, что личного интереса достаточно для сдерживания гнева? Сколько необдуманных слов произносит человек или сколько необдуманных поступков совершает человек под влиянием страсти, которую он не может или не хочет сдерживать, — и это среди равных ему, которые могут возмутиться этим или перед лицом закона готовы отомстить за это! Насколько мы все склонны, если что-то идет не так по нашей собственной вине, выходить из себя и пытаться свалить вину на других, вместо того чтобы признать, что неудача произошла по нашей собственной вине! Не останавливаясь на серьезном вреде, который люди часто наносят себе необузданной страстью, задумайтесь на мгновение о том, как часто обращаются с бедными животными, над которыми они безраздельно властвуют. Разве доброта по отношению к лошади не является не только обязанностью владельца, но и интересом? и все же как часто он становится несчастной жертвой гнева или жестокого нрава хозяина, в то время как преданно и охотно тратит все свои силы на служение своему хозяину-тирану! Если так обстоит дело среди равных, или сравнительно равных, а также в отношениях человека с низшими категориями творения, то какие шансы имеет бедный раб, у которого парализована рука законодательного правосудия, а рука, возбужденная человеческой страстью, является его единственной надеждой на милосердие? — ибо самозащита, этот первый закон природы, является высшим преступлением, в котором он может быть виновен: и, принимая во внимание корыстный взгляд на личные интересы, пусть не будет забыто, что ужасное количество человеческих страданий вполне совместимо с неповрежденным здоровьем, и что раб часто может подвергаться побоям и лишениям? и все же полностью способен выполнять свою повседневную работу.

Последнее влияние, которое мы должны рассмотреть, действительно самое яркое и лучшее из всех — христианство: высоко над братской аркой долга человека по отношению к своим ближним и образуя ее прочный краеугольный камень, мы читаем, начертанное Иеговой нетленными буквами, сияющими любовью: "Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой"; "Возлюби ближнего твоего, как самого себя". Конечно, не нужно моих слов, чтобы показать, что правдивая история самой христианской страны в самые христианские времена, которые когда-либо видел мир, содержала бы страшные свидетельства жестокости человека, сводящего на нет вышеупомянутую благословенную заповедь. Более того, я задаюсь вопросом, есть ли в Священном Писании, рассматриваемом во всей его полноте, какая-либо отдельная заповедь, которой чаще пренебрегают. Обычно предполагается, что Притчи представляют собой обобщение фактов или опыта. Откуда взялось "Каждый за себя, и Бог за всех нас"? или, что более вульгарно, "Идите вперед, а черт возьми, я пойду сзади"? Что это, как не сосредоточение того факта, что эгоизм является господствующей страстью человека? Для чего создано большинство законов, как не для того, чтобы с помощью человеческих наказаний удерживать людей от нарушения закона любви? и если эти законы необходимы в сообществах, все члены которых равны в глазах закона, и даже тогда оказываются неэффективными для их достижения, что можно ежедневно наблюдать в каждой стране, кто скажет, что влияние христианства является достаточной защитой для бедного раба?

Есть только одно другое влияние, о котором я упомяну, — это привычка; она действует как за раба, так и против него. Таким образом, добрые люди, воспитанные среди рабов, очень часто нянчащиеся с ними и выросшие в постоянном присутствии их мягкости и верности, оплачивают им безмерной добротой и сочувствием во всех их болезнях и горестях, с которыми, я совершенно уверен, никогда не смогло бы сравниться самое мягкосердечное христианское дыхание, если бы они впервые оказались среди рабов в зрелые годы. Жену или дочь плантатора-христианина можно увидеть сидящей по ночам, готовящей, ухаживающей за старым больным и беспомощным рабом с почти, если не совсем, той же нежной заботой, которую она проявляла бы к больному родственнику, само дружелюбие негра стимулирует доброжелательное сердце. Это, действительно, светлая сторона влияния привычки. — Но не менее верна и другая сторона; и в результате грубый, безжалостный ум, воспитанный среди тех, над кем он может безнаказанно издеваться, приобретает бессердечие и безразличие к нуждам и страданиям негра, которые растут вместе с ростом несчастного собственника. Это темная сторона влияния привычки.

Пусть будет достаточно двух примеров, оба из которых являются для меня самым авторитетным источником. Верный раб, выросший в растущей семье своего хозяина, получил свободу в награду за свою верность, и ему было доверено управление имуществом; заработав немного денег, он сам стал владельцем рабов, из числа которых он выбрал себе жену, и ко всем из них он проявлял величайшее уважение. Некоторое время спустя, лежа на смертном одре, он составил завещание, в котором завещал свою жену и всех остальных негров своему старому хозяину, мотивируя это тем, что, исходя из его собственных живых воспоминаний о неизменной доброте своего хозяина к нему и другим рабам, он был уверен, что, поступая таким образом, он использует лучшие средства, какие только в его силах, для обеспечения их будущего счастья. Какого более сильного свидетельства роста доброты в сердце хозяина можно было бы пожелать? Итак, вот влияние привычки на доброжелательного владельца. — Теперь обратимся к противоположной картине. Одна леди из Нового Орлеана имела обыкновение раздевать и пороть раба ради удовольствия наблюдать за страданиями, которые она пыталась усугубить,

втирая мягкое мыло в поврежденную кожу. Здесь вы сталкиваетесь с воздействием привычки на грубый ум.

К чести Нового Орлеана следует отметить, что, когда известие об этом зверстве дошло до белых ушей, ее дом был взломан, все находившиеся в нем вещи вытащены на улицу и сожжены, и, если бы ей не удалось ускользнуть от поисков, дьяволица, несомненно, обратилась бы в пепел вместе со своим имуществом. Америка стала слишком жаркой для нее, и только Провидению известно, где скрывается демон.

Таким образом, рассмотрев различные факторы, влияющие на обращение с рабом, и увидев, насколько они совершенно неадекватны для защиты его от жестокого обращения, кто может удивляться, что рассказы о реальной или предполагаемой жестокости, причиняемой рабам южанами, с негодованием воспринимаются обеими сторонами в Штатах? - добродетельный и добрый хозяин возмущен мыслью о том, что его причисляют к категории монстров, а настоящий дикарь, если это возможно, возмущен еще больше, потому что его совесть убеждает его иссушенное сердце в правдивости картины, даже если она почти преувеличена? к карикатуре. И здесь любопытно наблюдать за различными действиями этих двух сторон: первая, в сознании доброго сердца и подлинного желания блага негра, спокойно заявляет о том, что было сделано и делается для негра, и набрасывает естественную завесу сомнения на ужасы, настолько отталкивающие чувства, что их существование дискредитировано; вторая, с поверхностностью, которую Провидение иногда придает чувству вины, сознавая, что некоторые подобные обвинения звучат слишком болезненно и правдиво, выносит собственное осуждение своей линией защиты — взаимными обвинениями.

Возьмем, к примеру, следующий отрывок из статьи в государственной газете по делам рабовладельцев, озаглавленной "Продолжение "Хижины дяди Тома"", в которой королева Виктория под руководством "гения" раскрывает перед ней положение своих подданных. После различных других абзацев аналогичного характера следует следующий:—

"Небо было затянуто дымом из сотен маленьких труб и огромных зданий, тянувшихся рядами на многие мили. Последние были переполнены женщинами и детьми, молодыми годами, но увядшими по форме и чертам лица. Лица мужчин были такими же бесцветными, как белая ткань на их ткацких станках; их глаза светились умом, но главным образом это был разум страдания, лишений, острого ощущения неправоты, неспособности стать лучше, жгучей ненависти к существующим институтам и тайного желания, чтобы какое-нибудь ужасное бедствие похоронило их всех в одной общей, неразличимой развалине.

"Неужели это те самые люди? - простонала королева, когда холодная влага более чем смертной агонии увлажнила ее мраморный лоб.

"Не все!" — прозвучал голос у нее над ухом так резко, что ее величество нетерпеливо подняла глаза и увидела написанное огненными буквами на стене дворца:

"1. Каждый двенадцатый человек в ваших владениях - нищий, ежедневно получающий местническую помощь.

"2. Каждый двадцатый человек в ваших владениях - обездоленный странник, у которого нет крыши, кроме неба, нет дома, кроме тюрьмы. Они - измаилиты современного общества; рука каждого направлена против них, и их руки направлены против каждого.

"3. Во Фриленде 10 743 747 женщин; разделите это число на 500 000, и вы обнаружите, что каждая двадцатая женщина в ваших владениях — О! ужас нагромождался на ужас!--блудница!"

Затем следует сцена, когда безутешная женщина бросается с моста, и все заканчивается этой очаровательной информацией, адресованной гением ее Величеству:

"В вашей собственной стране свобода, отсутствие которой в другой вызывает сожаление, в своем самом богоподобном проявлении является всего лишь именем - если только это можно назвать свободой, которая на практике является всего лишь вульгарной лицензией — лицензией работать с розового утра до темной полуночи за самые скудные гроши — лицензией накапливать богатство в своих руках и на благо немногих — лицензией громко реветь в поддержку соперничающих политиков — лицензией посылать детей в школы для оборванцев— лицензией пьянствовать в пивной — лицензией становиться неуклюжим и жестоким - лицензией на пренебрегать обязанностями религии, клясться, лгать, богохульствовать — позволение воровать, бесконтрольно потворствовать самым грубым аппетитам, заискивать и раболепствовать перед маленькими великими мира сего — позволение ползти по жизни, как червяк, или проходить ее связанным, как дикий зверь; и, последнее и самое ценное из всего — ибо оно не облагается налогом — позволение голодать, гнить, умереть и быть похороненным в зловонной могиле нищего, на которой благоухают цветы, присланные, чтобы усыпать могилу. путь мужчины и женщины, полных красоты, любви и надежды, откажется расти, не говоря уже о том, чтобы расцвести".

Отбросив все преувеличения, кто не узнает в приведенных выше цитатах "раздраженную нефритовую гримасу"? Будь писатель добрым хозяином рабов, он мог бы ответить *"Хижине дяди Тома"* фактами обычной доброты к ним, достаточными для доказательства того, что писательница вступила в область романтики; но в своих обвинениях он бессознательно демонстрирует раздвоенное копыто и не оставляет сомнений в том, что пишет под влиянием горько обвиняющего внутреннего наставника. Было бы пустой тратой времени указывать на разницу между системой, которая связывает миллионы своих людей по рукам и ногам с их ближними, единственной практической защитой которых является воля суверена хозяина, и системой, которая не только делает всех своих подданных равными перед законом и свободными искать счастья, где им заблагорассудится, но и которая постоянно стремится смягчить бедствия, неизменно сопутствующие перенаселенному населению. Даже если допустить, что его утверждения были не только правдой, но и что они были полностью продуцированы тираническими актами, каким оправданием могли бы быть грехи Англии преступлениям Америки? Предположим, Палата общин и лорды Светские и Духовные получили королевскую санкцию на похищение мальчиков и ежедневное приготовление их на гриле для обеденного стола в своих соответствующих законодательных собраниях, изменит ли такое зверство — или любое худшее зверство, если такое возможно, — в каком-либо отношении вопрос о добре и зле между хозяином и рабом? Пусть любое обвинение в жестокости или несправедливости в Англии выдвигается на своих собственных простых основаниях, и, откуда бы оно ни исходило, я с гордостью и радостью могу сказать, что найдется множество людей, готовых расследовать его и усердно работать над его опровержением; но когда оно приходит в форме взаимных обвинений, кто может не распознать обвиняющую совесть, стремящуюся прикрыть грехами других людей те мерзости, о которых эта совесть постоянно твердит писателю дома.

Я должен, однако, заявить, что, говоря о страданиях или увечьях, которым подвержен раб, я заявляю о них не только исходя из авторитета северных аболиционистов или выводов, которые я сделал из человеческой природы; многие путешественники выдвигали аналогичные обвинения. Мисс Бремер пишет: "Я видела, как старого раба затравили до смерти за то, что он осмелился навестить свою жену, — видела, как его искалечили, избили, поймали, как он бросился в воды Черной реки, через которую он снова попал во власть своего жестокого хозяина, — и закон молчал. Я видел молодую женщину, которую за необдуманное слово ударили по вискам так, что она упала замертво! - и закон молчал. Я слышал, как закон через своих присяжных вынес решение между белым человеком и чернокожим и приговорил последнего к порке, когда первый был виновен, — и те, кто был честен среди присяжных, напрасно возражали против вердикта. Всего несколько месяцев назад я видел, как здесь, на берегах Миссисипи, молодая негритянка убежала от жестокого обращения своего хозяина, а он был профессором религии, и бросилась в реку". —*Дома Нового Света*. Стала бы мисс Бремер писать все это для прессы, как происходящее на ее собственных глазах, если бы они не были правдой?

С другой стороны, сама пресса на Юге свидетельствует о том, что каждый должен признать бесчеловечной практикой. Как часто читатель газеты Южных Штатов должен видеть детей самого нежного возраста, иногда даже младше года, выставленных на всеобщее обозрение! Брал ли кто—нибудь в руки газету Нового Орлеана, не увидев более одного такого объявления, как следующее?—

150 НЕГРОВ ВЫСТАВЛЕНЫ НА ПРОДАЖУ.

Только что прибыли и выставлены на продажу на моем старом стенде, № 7, Моро-стрит, Третий муниципалитет, сто пятьдесят молодых и, вероятно, негров, состоящих из полевых рабочих, домашней прислуги и механиков. Они будут продаваться на разумных условиях за хорошую бумагу или наличные. Желющие приобрести сочтут для себя выгодным позвонить мне. [30 сентября—6м.] У. М. Ф. ТЭЛБОТТ.

Каким счастьем может наслаждаться раб в обществе, где допускается такая реклама, как приведенная ниже, или, что еще хуже, когда, как в данном случае, она распространяется с санкции закона? Реклама взята из газеты, опубликованной в Уилмингтоне, Северная Каролина.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ в размере 225 долларов. —ШТАТ СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА, ОКРУГ НЬЮ—ГАННОВЕР.—*Принимая во внимание, что* сегодня нам, двум мировым судьям вышеупомянутого штата и округа, была подана жалоба и принесена присяга БЕНДЖАМИНОМ ХАЛЛЕТОМ из указанного округа, что двое принадлежащих ему определенных рабов мужского пола по имени ЛОТТ, в возрасте около двадцати двух лет, ростом пять футов четыре или пять дюймов, чернокожие, ранее принадлежавшие ЛОТТУ УИЛЬЯМСУ из округа Онслоу; и БОБ, в возрасте около шестнадцати лет, ростом пять футов четыре или пять дюймов, чернокожие; отсутствовали они сами уволились со службы у своего упомянутого хозяина и, как предполагается, скрываются по всему округу, совершая тяжкие преступления и другие правонарушения. Следовательно, от имени вышеупомянутого государства мы приказываем рабам немедленно вернуться домой к своим хозяевам; и настоящим мы, в силу принятого и предусмотренного в таких случаях Акта Генеральной Ассамблеи, заявляем, что *если упомянутые*

ЛОТТ и БОБ не вернутся домой и не сдадутся сами, немедленно после опубликования этих подарков, ЛЮБОЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ УБИТЬ И УНИЧТОЖАТЬ УПОМЯНУТЫХ РАБОВ такими средствами, какие он или они сочтут подходящими, без обвинения или импичмента в каком-либо преступлении за это и без привлечения к ответственности. любое наказание или конфискация в связи с этим.

Вручается нашими руками и печатями 28 февраля 1853 года.

У.Н. ПЕДЕН, Дж.П., [Печать]

У.К. БЕТАНКUR, Дж.П., [Печать.]

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ в размере 225 ДОЛЛАРОВ. —ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ будут выданы за негро ЛОТТА, ЖИВОГО ИЛИ МЕРТВОГО; и ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ ЗА ГОЛОВУ БОБА, доставленную подписчику в город Уилмингтон.

BENJAMIN HALLET.

2 марта 1853 года.

Есть еще одно свидетельство недостатка счастья среди рабов, которое, хотя и молчаливо и неслышно, вызывает противоречие: я имею в виду ежегодный побег от одной до двух тысяч человек в Канаду, несмотря не только на естественные трудности и лишения путешествия, но и на ужасающий страх последствий повторного захвата. Несомненно, некоторые из них могут бежать от страха справедливого наказания за преступления против закона, но никто не сомневается, что гораздо больше людей пытаются убежать от того, что они считают жестокостью, несправедливостью и угнетением.

Я не хочу потворствовать болезненному пристрастию к ужасам, собирая воедино все различные истории о горе и невзгодах, о которых я слышал, знал или видел. Я думаю, что сказал достаточно, чтобы доказать любому непредвзятому человеку, что подобные вещи существуют и должны когда-либо существовать при институте рабства; и что, хотя заявления ярых аболиционистов часто являются самыми необоснованными преувеличениями, практически полное отрицание их наличия рабовладельцами также неверно. После долгих размышлений и исследований на эту интереснейшую тему я пришел к убеждению, что на небе, освещенном самыми искренними и добрыми чувствами к бедному рабу, много темных туч жестокости.

Теперь я предлагаю сделать краткий обзор прогресса и реального состояния рабства, и начну с того, что *подробно* изложу закон, который существенно затрагивает негров и, как я уже отмечал ранее, не раз угрожал Республике расколом:

Раздел 2. Привилегии граждан.Статья 3. "Ни одно лицо, привлекаемое к службе или труду в одном штате в соответствии с его законами, бежавшее в другой штат, не может быть освобождено от такой службы или работы в силу какого—либо действующего там закона или постановления, но должно быть выдано по требованию стороны, которой может быть причитається такая служба или труд".

Конечно, слово "раб" прозвучало бы странно в обществе, которое позиционирует себя поборниками "равных прав человека"; но ясно, что в соответствии с этим пунктом конституции, который объединяет Республику, каждое свободное государство обязано оказать помощь в поимке беглого раба.

Каково было точное количество рабов на дату принятия этого закона, я не имею возможности установить: в начале этого столетия их было менее 900 000; по переписи 1850 года их число увеличилось до 3 200 000.^[BT] Изначально состояло из 13 штатов. В настоящее время их 31, не считая территории, еще не включенной в состав штатов. Рабовладельческих штатов 15, или почти половина. Вот и все для увеличения числа рабов и рабовладельческой земли. Но, естественно, возникнет вопрос, как случилось, что, когда была внесена дополнительная почва, рабочие *sable* появились как по волшебству? Ответ очень прост. Спрос регулировал предложение, и разведение рабов стало важнейшей чертой системы: таким образом, потребности более южных штатов регулярно сокращались из-за крупных призывов из Мэриленда, Кентукки и Вирджинии. Любой, кто желает проверить истинность этого утверждения, найдет статистические данные, которые помогут ему в неприятной книге Маршалла Холла, доктора медицины и др., *О двойном рабстве*, которую я прочитал с большим интересом, хотя и не могу согласиться с ним во всем.^[BV]

Я знаю, что в этих плодящихся штатах есть жители, которые презрели бы умышленную ложь и которые отрицают это распространение человеческого имущества для рынка мяса; но не может быть никаких сомнений в том, что непредвзятый искатель истины обнаружит, что это так. А почему бы и нет? Почему те, кто зарабатывает себе на жизнь торговлей мясом своих братьев, должны колебаться в том, чтобы увеличить свою прибыль, уделяя внимание их разведению? Эти факты не попадают в поле зрения обычного путешественника, потому что, вооруженный рекомендательными письмами, он больше общается с достойными рабовладельцами, которые, заботясь о благополучии окружающих и завися от них, мало знают о внешнем мире; точно так же, как в Англии, христианская семья может быть примером патриархальной простоты, апостольского рвения и любви, и все же за пределами круга их деятельности, хотя и не очень далеко от его границ, могут царить величайшие страдания и, возможно, жестокость. Сколько темных пятен в нашем обществе появилось из-за одного рвения графа Шафтсбери в общественном сознании, о чем мы были совершенно не осведомлены, хотя и жили среди них. Униженная женщина, работающая на угольной шахте, измученный младенец в дымоходе и доведенный до смерти ребенок на фабрике — все они свидетельствуют о том, сколько страданий может быть в окружении тех, чья жизнь посвящена христианскому милосердию. И так происходит в каждом сообществе, включая рабовладельческие государства. Сердца христиан, исполненные рвения и любви, распространяют вокруг себя благословения; и, занятые своей благородной работой, они мало знают о темных местах, которые нависают над их границами. Южный плантатор и его супруга могут быть преисполнены любви Святого Иоанна и излучать ее лучи на каждого мужчину, женщину и ребенка, находящихся под их опекой, а затем, "измеряя чужое зерно своим собственным прекрасным бушелем", они вполне могут колебаться, верить ли в существование расточительного столпотворения в окрестностях их страны. И все же, увы! в том, что она существует, мало кто сомневается.

Давайте теперь сосредоточим наше внимание на реальных фактах дела, которые признают все стороны. Во-первых, у нас численность рабов составляет 3 200 000 человек. Я думаю, что если я оценю их рыночную стоимость в 80 фунтов за голову, я буду значительно ниже истины. Это дает нам в виде человеческой плоти 250 000 000 фунтов. Во-вторых, давайте возьмем продукт их труда. Рабовладельческие штаты ежегодно повышают—

Рис 215 000 000 фунтов.

Табак 185,000,000 "

Сахар 248,000,000 "

Хлопок 1,000,000,000 "

Патока 12,000,000 галлонов.

Индийская кукуруза. 368 000 000 бушелей.

Оценивая их по более низкой стоимости, чем когда-либо, вы получили 80 000

000 *фунтов* стерлингов годовой продукции, полученной от мышц и сухожилий раба.^[BW]

Несомненно, самый неистовый энтузиаст, если бы он только задумался над этими фактами, не смог бы не остановиться, прежде чем ринуться в прорыв, выкрикивая бешеный боевой клич отмены смертной казни, для которой требуется капитал в 250 000 000 *ли* годовой объем производства в 80 000 000 *л*.

Страдания, которые вызвало бы мгновенное освобождение раба из-за почти неминуемой потери большей части перечисленных выше продуктов, должны быть очевидны для наименее размышляющего ума. Если такой интриган существует, ему не мешало бы изучить историю наших островов Вест-Индии с периода их внезапного освобождения, особенно с тех пор, как свободная торговля допускала производство рабов наравне с производством свободного труда. Жалобы на полное разорение раздаются громко и постоянно от собственников почти на каждом острове; они заявляют, и утверждают справедливо, что бесплатный труд по высокой цене, который можно получить, возможно, только на шесть часов в день, не может конкурировать с постоянным рабским трудом по двенадцать часов в день; и они показывают, что рабовладельческие сообщества существенно увеличили свою продукцию, что могло быть достигнуто только путем дальнейшего обложения сил рабов или огромного увеличения количества свежего человеческого материала.^[BX] Но они далее жалуются, что сам негр печально ретрограден. "Они меньше прислушиваются к наставлениям своих религиозных учителей; они уделяют меньше внимания образованию своих детей; порок и безнравственность растут" и т. Д. — *Петиция в Имперский парламент из Сент-Джорджеса, Ямайка, июль 1852 г.*

Я мог бы привести множество подобных заявлений почти с каждого острова и сослаться на авторитет даже некоторых их губернаторов с той же целью; но приведенного выше достаточно для моей цели. Они доказывают три наиболее важных факта, которые следует учитывать при рассмотрении вопроса о рабстве. Во-первых, вы можете разорить плантатора. Во-вторых, вы можете освободить — без какой-либо выгоды - раба. В-третьих, что каждый штат, становясь свободным, стремится придать дополнительную ценность собственности тех штатов, которые предпочитают сохранять рабство; и все эти результаты могут иметь место, несмотря на мудрость (?) сенаторов и выплату компенсации в размере 20 000 000 *фунтов*.

Тогда, конечно, плантатор с Юга вполне может заявить, что не видит достаточного стимула последовать нашему поспешному оптовому примеру. Но пока ему навязывают такие убеждения, он будет дегенеративным сыном энергичных родителей, если он будет настолько напуган нашими неудачами, что побоится искать какой-то лучший путь к той же благородной цели; и есть одно наиболее важное соображение, которое должно побудить его, избегая всякой опрометчивой поспешности, не допускать опасной задержки; это соображение заключается в том, что трудность решения вопроса возрастает с пугающей быстротой, поскольку с начала века численность рабов увеличилась почти вчетверо. Мы видели, что задействованный капитал огромен; но вопрос о цифрах, безусловно, является самым сложным с социальной точки

зрения. Белое население Рабовладельческих штатов составляет, в приблизительных цифрах, 6 000 000 человек; численность рабов превышает 3 000 000 человек, а свободных чернокожих - 250 000. Верит ли хоть один здравомыслящий человек, что, если бы рабство существовало в Великобритании и рабы составляли треть населения, мы попытались бы убрать черную полосу с нашего герба с помощью того же быстрого и упрощенного процесса, который мы применили для освобождения негров в наших колониях?

Один американский писатель о рабстве сказал, и я думаю, совершенно справедливо, "что две различные расы людей, почти равные по численности и отличающиеся цветом кожи, манерами, привычками, чувствами и состоянием цивилизации до такой степени, что слияние невозможно, не могут жить вместе в одном сообществе, если одна не находится в подчинении у другой". Я настолько полностью убежден в правдивости этого утверждения и настолько уверен, что каждый, кто побывал в рабовладельческом штате, должен убедиться в его правдивости, что я уверен, если бы Юг освободил каждого раба завтра, не прошло бы и недели, прежде чем каждый штат Союза без исключения принял бы строгие законы, запрещающие им селиться в пределах своих границ; даже в настоящее время такой закон существует в некоторых штатах.

Постоянно сталкиваясь со всеми этими трудностями, кто может удивляться, что добросердечный плантатор, глядя на веселые лица своих сытых и обеспеченных жильем рабов, с недоверием относится к освобождению и пытается оправдать перед своей совестью противодействие любому плану, каким бы постепенным он ни был, который ведет к нему. Тем не менее, как бы ни был он доволен в душе тем, что с рабами обращаются по-доброму и что даже грубость никогда не применяется, он не может рассматривать этот институт с достаточного расстояния, чтобы быть вне его влияния, не чувствуя, что освобождение - это цель, к которой его мысли всегда должны быть устремлены, и что по мере того, как шаги к нему должны быть постепенными, они должны начинаться быстро. Но как? Вашингтон, признавая свое самое искреннее желание отмены смертной казни, заявляет о своей убежденности в том, что "это может быть осуществлено только законодательной властью".

В следующей главе будут подробно изложены предложения, которые, по моему скромному мнению, наиболее заслуживают рассмотрения Законодательным органом с целью постепенного удаления черной звезды с полосатого знамени.

СНОСКИ:

[BT]

Список штатов и территорий, образующих Конфедерацию. Отмеченные S. являются рабовладельческими штатами. ШТАТЫ.

Нью-Гэмпшир,
Массачусетс
Род-Айленд,
Коннектикут
Нью-Йорк

Нью-Джерси^[BU]
Пенсильвания
S. Делавэр
С. Мэриленд
С. Вирджиния
С. Северная Каролина
С. Южная Каролина
S. Джорджия
НОВЫЕ ШТАТЫ.

Вермонт 1791
н.э. Кентукки 1792
н.э. Теннесси 1796
Огайо 1802
с. Луизиана 1812
Индиана 1816
С. Миссисипи 1817 г.
Иллинойс 1818 г.
С. Алабама 1819 г.
Мэн 1820
н.э. Миссури 1821
н.э. Арканзас 1836
г. Мичиган 1837
с. Флорида 1845
с. Техас 1845
Айова 1846
Висконсин 1848
Калифорния 1850

ОКРУГ.
Южная Колумбия, 1791
ТЕРРИТОРИЯ.

Орегон 1848
миннесота 1849
с. Канзас 1855
С. Юта 1850
Нью - Мексико 1850
Небраска 1853

[BU]

Я полагаю, что последний раб был вывезен из Нью—Джерси. -Н.А.М.

[BV]

Между 1810 и 1850 годами численность рабов в Вирджинии увеличилась только с 392 000 до 470 000 человек, в то время как в Теннесси она увеличилась с 44 000 до 240 000, а в Луизиане - с 35 000 до 240 000.

[BW]

Я не обращаю внимания на различные другие ценные продукты этих Штатов: они вполне могут представлять собой продукт труда белого человека.

[BX]

Смотрите главу xii "Королева Антильских островов".

ГЛАВА XXVI.

Подсказки для Хозяина —Надежды для Раба.

Теперь я предложу некоторые предложения,^[BY] в надежде, что, хотя они не могут причинить вреда, они могут случайно привести к какому-нибудь хорошему результату. Первое предложение очень старое, и внесено мной только сейчас, потому что я считаю его первостепенно важным - я имею в виду законопроект о "Свободной почве". Я выступаю за это по двум различным основаниям— одно касается Республики, другое - рабства. Республика санкционирует и продолжает работорговлю, вводя этот институт на землях, которые до сих пор были свободны, и на рабах по всему Союзу усиливаются оковы из-за повышения их стоимости; но великий Ченнинг так полно и умело доказал истинность этого зла, рассматривая аннексию Техаса, что никто, кроме умышленно слепых, не может не быть убежден; короче говоря, если рабство должно быть введено на землях, которые до сих пор были свободны, возможно, сомнительно, не лучше ли послать за обиженным и деградировавшим рабом из Африки и оставить более возвышенный раб в своем сравнительно счастливом доме в Старых рабовладельческих штатах; просьба может быть использована для улучшения положения первого, но эта просьба не может быть использована для последнего.

Следующее предложение — это предложение, которое, если бы оно исходило с Юга, я полагаю, получило бы поддержку всех добрых хозяев в этих Штатах и, несомненно, не нашло бы противодействия на Севере, - я имею в виду исключение из Конституции того закона, по которому беглых рабов принуждают к выдаче. Если бы предложение исходило с Севера, оно, естественно, вызвало бы неприязнь на Юге после всех гневных страстей, которые привели в действие крестовые походы за отмену рабства; но Юг легко мог бы предложить это: и когда мы увидим рассказы о нежной привязанности рабов к своим хозяевам и доброте, с которой к ним

относятся, пропорционально тому, насколько верны такие заявления, из этого следует, что никто, кроме тех, кого к этому подталкивает жестокость, не захочет покидать свои уютные дома и семьи, чтобы искать мира в холодные северные зимы. И, конечно, рабы, ставшие жертвами жестокости, каждый добросердечный рабовладелец обрадовался бы, увидев побег; это была бы только принудительная выдача беглецов, за исключением уголовных преступлений, которые были бы исключены; каждое отдельное государство могло бы, при желании, заключить любое взаимное соглашение с любым другим государством в соответствии со своими соответствующими потребностями. У этого предложения есть два преимущества: во-первых, оно устраняет яблоко ожесточенного раздора, всегда готовое быть брошенным между Севером и Югом; и во-вторых, оно открывает небольшую лазейку для угнетенных, чтобы убежать от угнетателя.

Следующее предложение, которое я должен внести, — это то, которое, поскольку с каждым годом становится все сложнее, заслуживает немедленного внимания, а именно предоставление территории убежища. Никто ни на минуту не может усомниться в том, что основание Либереии было актом истинно филантропических намерений, отражающим заслуги всех заинтересованных в нем сторон; но, боюсь, следует признать, что это совершенно не соответствует поставленной цели. Никаких дополнительных доказательств этой необходимости он не привел, кроме простого факта, что на каждого негра, отправленного в Либерию, приходится около двадцати десяти человек, родившихся в Штатах. Попытка дамочки Партингтон смести набегающий прилив щеткой для волос сулила больше надежд на успех; бригада энергичных пожарных осушила бы озеро Верхнее за гораздо более короткий промежуток времени, чем либерийская колонизация вывезла бы треть рабского населения. Схема движется в правильном направлении, но ее так же недостаточно для преодоления трудностей, как хлопушки для разрушения укрепленного города; единственный метод, позволяющий эффективно реализовать систему колонизации, — это, по моему скромному мнению, выделение некоторой части незанятой территории Союза в качестве негритянской колонии. При выборе следует учитывать подходящий климат, отдавая должное здоровью негров, поскольку из судьбы тех, кто бежит от преследований в Канаду, ясно, что они не в состоянии противостоять холоду; и близость к океану желательна, поскольку обеспечивает дешевое средство передвижения для тех, кто освобождается: расходы на проезд до Либереии являются одним из серьезных препятствий для его использования.

Количество земли, необходимое для такой цели, было бы очень небольшим; и строгие правила в отношении негров, покидающих предоставленную таким образом территорию, эффективно предотвратили бы какие-либо неудобства для соседних штатов. Я уже показывал, что сравнительная численность белых и черных — 6 000 000 белых и 3 000 000 черных — делает практически, если не совсем, невозможным свободное сосуществование двух рас. Я также показал, что Северные штаты либо отказываются признавать их, либо принимают такие законы, уважающие их, что рабство под руководством хорошего хозяина по сравнению с ними — рай. Я также показал, что из-за удаленности Либереии их высылка обходится так дорого, что помощь оказывается незначительной, а Канада слишком часто оказывается ранней могилой. Если, таким образом, эти трудности возникают при населении в 3 000 000 рабов, и если их численность быстро увеличивается — что полностью подтверждается статистикой, — то ясно, что эти трудности должны увеличиваться в соответствующем соотношении, пока, наконец, они не станут непреодолимыми. Поэтому я прихожу к выводу, что либо в самой Америке должна

быть выделена территория для проживания негров, либо черная полоса рабства должна навсегда стереть герб Республики.

Теперь я предлагаю высказать несколько замечаний по поводу обращения с рабами. Что касается характера этого обращения, я уже высказал свое спокойное и непредвзятое мнение. Мои настоящие наблюдения относятся к телесным наказаниям и орудиям для их применения. Из последних я видел четыре; конечно, может быть много других; я говорю только о тех, которые попадались мне на глаза. Четыре, которые я видел, - это первый, обычный охотничий хлыст, который слишком хорошо известен, чтобы нуждаться в описании. Во—вторых, воловья кожа — ее название отражает ее сущность - когда она намокает, ее туго сворачивают в рулон и дают высохнуть, в результате чего она становится такой же твердой, как необработанная кожа, которую обычно можно увидеть в этой стране; по форме она напоминает скаковой кнут, а по длине от четырех до пяти футов. В-третьих, ремень, *то есть* отрезок от конца жесткой упряжи тяжелой лошади длиной около трех или трех с половиной футов. В-четвертых, лопатка; *то есть*, кусок белого дуба толщиной около дюйма по всей длине, рукоятка шириной около двух дюймов и длиной чуть более двух футов, лезвие длиной около девяти дюймов и шириной четыре с четвертью. Два последних орудия, которые я обнаружил после расследования, были современного происхождения, и причина их появления заключалась в том, что следы наказания, нанесенного таким образом, быстрее стирались; и поскольку при продаже раба, если при осмотре четко видны следы наказания, его цена страдает от впечатления, что он был буйным, вышеназванные предметы наказания оказались в фаворе.

Приведенных выше замечаний — без учета соответствующих достоинств четырех документов — достаточно, чтобы доказать, что законом не установлено ни одного определенного средства для телесных наказаний, и, следовательно, что любой закон, устанавливающий ограничение на количество ударов, которые могут быть нанесены, является абсурдом, каким бы благонамеренным он ни был. Сорок полос - это, я полагаю, разрешенное количество. Определенное количество ударов, нанесенных собачьим кнутом, не причинило бы никакого вреда, кроме кратковременной боли, в то время как такое же количество ударов тяжелой тростью может искалечить человека на всю жизнь. Опять же, я не знаю ни одного закона в Штатах, запрещающего телесное наказание любого раба, независимо от возраста или пола; во всяком случае, взрослые девочки и матери семейств обречены подвергать свои лица такому наказанию. В этом последнем факте я уверен, хотя и не могу сказать, является ли эта практика общепринятой или встречается редко.

Я довольно подробно описал орудия наказания, чтобы показать основания, на которых я выдвигаю следующие предложения: — Во-первых, закон должен разрешить использование надлежащего инструмента для порки и строго наказывать применение любого другого. Во-вторых, количество ударов плетью, которые мастер может нанести или приказать нанести, должно быть сокращено до минимума, и что, хотя большее количество ударов плетью разрешено за тяжкие преступления, они назначаются только с разрешения присяжных или определенного числа мировых судей. В-третьих, чтобы правила приличия больше не нарушались девушками старше пятнадцати лет, подвергающимися телесным наказаниям.^[BZ] В—четвертых, что по постановлению штата — как это сейчас иногда делается муниципальным постановлением - ни одному хозяину ни в одном городе не разрешается применять телесные наказания к рабам старше пятнадцати лет; те, кто достиг этого возраста, должны быть отправлены в тюрьму или другое разрешенное место для отбывания наказания, о чем должны

вестись достоверные записи, включая имена рабов и владельцев. Мои доводы в пользу этого предложения заключаются в том, что человек часто наказывает под влиянием момента, когда небольшое размышление могло бы умерить его гнев и спасти виновного. Кроме того, я твердо убежден, что значительная часть жестокости, жертвами которой становятся рабы, вызвана полуобразованными владельцами одного или двух рабов, которых в основном можно встретить в городах, и на которых такой закон мог бы подействовать как благотворный сдерживающий фактор. Такой закон, несомненно, был бы хорош во всех случаях, но удаленность плантаций от городов сделала бы его выполнение невозможным; и я с сожалением должен сказать, что у меня нет предложений, с помощью которых можно было бы защитить рабов на плантациях в тех случаях, когда отсутствие владельцев оставляет их полностью на милость погонщика, который, как я полагаю, является причиной гораздо большего количества страданий, которые они терпят, хотя я верю, что многие погонщики справедливы и милосердны. В-пятых, закон, по которому негры могут содержать рабов, должен быть немедленно отменен. Белый человек, держащий раба, сам по себе плох, но ничто не может оправдать терпимость к негру, держащему в оковах свою плоть и кровь, особенно когда дверь Образования герметично закрыта перед ним.

В дополнение к вышеприведенным предложениям по регулированию наказания, я бы предложил, чтобы любой хозяин, признанный виновным в причинении или попустительстве грубой жестокости по отношению к рабу, конфисковал всех рабов, которыми он может обладать, в пользу штата и был лишен возможности снова содержать их, и чтобы копии таких решений были разосланы в каждый округ штата. В связи с этим вопросом есть еще один момент, имеющий большое значение, а именно показания рабов. При нынешнем положении дел или, вероятно, будет оставаться таковым в течение некоторого времени, возникают непреодолимые возражения против того, чтобы показания раба принимались наравне с показаниями белого человека, и это представляет собой одну из величайших трудностей, позволяющих негру добиться правосудия за любой ущерб, который он, возможно, получил. Однако мне кажется, что значительную часть этой трудности можно было бы устранить, допустив определенное количество рабов — скажем, трех — в качестве одного свидетеля. Перекрестный допрос легко выявил бы либо комбинацию, либо ложь, и суровое наказание, предусмотренное за такое преступление, послужило бы мощным противоядием от его совершения. До тех пор, пока не будет создана какая-то система получения негром доказательств в той или иной форме, он должен оставаться безнадёжной жертвой частой несправедливости.

Следующий предмет, который я предлагаю рассмотреть, - это легализованная система, целью которой является свобода раба. Чтобы достичь этого, я бы предложил, чтобы государство установило справедливую шкалу цен, по которой раб мог бы приобрести свою свободу, одну цену для мужчин и другую для женщин моложе двадцати, и аналогичное распределение цен в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, после достижения этого возраста раб становится свободным и получает некоторую фиксированную помощь либо от государства, либо от хозяина, что может быть сочтено наиболее справедливым и целесообразным. Чтобы дать рабу возможность воспользоваться привилегией выкупа своей свободы, было бы необходимо, чтобы государство назначило банки, в которые он мог бы вкладывать свои сбережения под справедливые проценты; но чтобы у него было что вкладывать, также необходимо, чтобы был принят какой-нибудь закон, обязывающий владельцев разрешать рабу определенные периоды времени работать на себя или, если предпочтительнее, на хозяина, получая обычную

заработную плату за отработанное таким образом время, и это, конечно, в дополнение к воскресенью. Поскольку, однако, среди стольких хозяев некоторые будут жестоки и сделают все возможное, чтобы опровергнуть любые милосердные законы, которые может принять государство, я бы в целях защиты раба предложил, чтобы, если он чувствует себя недовольным обращением со своим хозяином, ему было разрешено заявить о праве на публичную продажу, предупредив за определенное количество дней о таком желании с его стороны; или если он сможет найти любого рабовладельца, который даст цену, установленную законом — как предлагалось ранее - и готов взять его, его хозяин будет обязан его выдать. Что касается продажи рабов, я думаю, гуманность оправдывает мое предложение о том, чтобы ни один раб моложе пятнадцатилетней давности не продавался и не передавался другому владельцу без участия родителей; и, во-вторых, чтобы муж и жена никогда не продавались и не передавались по отдельности, кроме как с их собственного согласия. Как бы редко ни происходили такие разлуки в настоящее время, нет закона, предотвращающего этот жестокий акт, и у меня есть все основания полагать, что это происходит гораздо чаще, чем готовы признать многие из моих добросердечных друзей с плантаций.

Предвкусывая постепенную, но в конечном итоге полную отмену рабства, я бы предложил, чтобы после определенной даты — скажем, через десять лет — каждый раб по достижении тридцатилетнего возраста обучался у своего хозяина какому-либо ремеслу или профессии в течение пяти лет, по истечении которых он становился свободным; после другого установленного периода — скажем, через десять лет - со всеми рабами старше двадцати лет обращались подобным образом; и после третьего периода я бы предложил, чтобы Соединенные Штаты последовали благородному примеру, который давно подал им Перу, и сделали неотъемлемой частью своей конституции, что *"в Республике никто не рождается рабом"*.

Следующее предложение, которое я должен внести, - это то, которое, я не могу не надеяться, понравится всем американцам, поскольку нынешняя система, по моей оценке, является одной из самых черных черт рассматриваемого нами института. Я имею в виду рабство самих американцев. Почти в каждой цивилизованной стране мира считается, что кровь течет по отцовской линии, и хотя незаконнорожденность лишает права наследования, она никогда не лишает гражданства. Как обстоят дела в Соединенных Штатах? *Там можно увидеть отпрысков белого человека в оковах — кровь свободных на рынке рабов.* Никто не мог бы путешествовать по Южным Штатам, не убедившись в этом печальном факте. Снова и снова я видел черты, темные, если хотите, но которые безошибочно свидетельствовали о доле белого человека в их происхождении. Более того, я видел рабынь, которые в Европе сошли бы за немецких блондинок. Можно ли представить что-либо более ужасное, чем свободная нация, торгующая кровью своих сограждан? Разве это не дьявольская награда за беззаконие, что плод греха может быть продан в пользу грешника? Хотя сама мысль об этом может вызвать отвращение у добрых и великодушных южан, доказательство происхождения запечатлено Провидением на лицах жертв, и их рабство является неопровержимым доказательством того, что отпрыски Columbia's sons могут быть проданы на помойках. Даже по мусульманским законам отпрыск рабыни от ее господина объявляется свободным; и можно ли сказать, что последователи Христа в каком-либо отношении милосердия стоят за последователями лжепророка? Мое предложение, таким образом, состоит в том, что каждый раб, не имеющий чистокровной африканской крови и достигший или должен достичь тридцатилетнего возраста, должен быть обучен какому-либо ремеслу в течение пяти лет, а затем стать свободным; и что все, кто

впоследствии родится таким образом, будут свободны от рождения, и, конечно, что мать, которая, как доказано таким образом, стала жертвой страсти белого человека, будет освобождена так же, как и ее ребенок.

Я не делаю никаких предложений о духовном наставлении раба, поскольку считаю, что в настоящее время дается столько, сколько могло бы обеспечить любое законодательное постановление; но у меня есть еще одно предложение, и я боюсь, что без него любое количество актов, которые могли бы быть приняты в пользу раба, потеряло бы большую часть своей ценности. Это предложение заключается в назначении достаточного числа должностных лиц, отобранных из лиц, которые, как известно, дружелюбны к рабу, которым должна быть передана обязанность следить за строгим выполнением предписаний.

Пока я размышлял над предыдущими страницами, перед моим мысленным взором пронеслось некое видение. Я увидел депутацию республиканцев, среди которых была одна дама, приближающуюся ко мне. Заявив, что они прочитали мои замечания о рабстве, я сразу же расположил их к себе и не смог отказать в аудиенции, о которой они просили. Вскоре я обнаружил, что депутация состояла из людей совершенно разных взглядов, и поэтому каждый обращался ко мне отдельно.

Первым был пожилой джентльмен и решительный защитник этого учреждения. Он сказал: "Все ваши замечания - чушь; африканская раса была рождена рабами и оставалась таковой на протяжении веков и ни на что другое не годна". — Я ответил: "Я вполне осведомлен о влиянии селекции; у нас в Англии есть порода собак, которые, начиная со своих прародителей из многих последовательных поколений, которым отрезали хвосты в щенячьем возрасте, теперь разводят свой вид без хвостов; более того — что такое все наши спортивные собаки, как не свидетельство того же факта? Щенок пойнтера инстинктивно подстерегает дичь, а молодая гончая загонит лису; потрудитесь в течение многих поколений учить собаку указывать на цель, а пойнтера бегать, и оба их инстинкта полностью изменятся. Факт, сэр, заключается в том, что африканец, которого на протяжении стольких поколений растили рабом, является одной из главных причин его более низкого уровня интеллекта; выведите его свободным и обучите, и вы обнаружите в нем тот же результат, что и в собаке." — Он собирался ответить, когда другой член делегации поднялся и напомнил ему, что они договорились сделать только по одному наблюдению каждый и получить один ответ. Я обрадовался такому раскладу, так как это избавило меня от хлопот и оставило за мной последнее слово.

Затем ко мне обратился очень обидчивый маленький рабовладелец со словами: "Скажите на милость, сэр, почему вы не можете оставить нас в покое и заниматься своими делами?" — Я ответил: "Что касается того, чтобы оставить вас в покое, я вполне готов это сделать, когда вы оставите в покое негра; но что касается того, чтобы заниматься исключительно своими делами, это было бы слишком скучно; кроме того, человеку свойственно вмешиваться в дела других людей, и я не могу идти против природы". — Он удалился, закусив губу, и, когда дверь закрылась, мне показалось, что я услышал слова "Вмешиваться задница!" — но я не уверен.

Следующим шел чванливый громила-надсмотрщик над рабами, очевидно, выросший на Севере. Он сказал: "У нас, сэр, свободная страна; почему каждый хозяин не может избить своего собственного негра?" — Я подумал, что лучше всего прервать его; поэтому я сказал: "Потому что, если свобода совершенна, такое разрешение повлечет за собой ее противоположность, а именно, что каждый негр может избить своего собственного хозяина; а

ваше прошлое, я полагаю, могло бы сделать такой закон особенно неприятным лично для вас". — Он удалился, многозначительно посмотрев сначала на меня, а затем на свою коровью шкуру.

Следующим оратором был священнослужитель-рабовладелец с очень жестким и очень белым шейным платком, прямыми и длинными волосами и священным, укоризненным голосом. "Сэр, — сказал он, — зачем пытаться нарушить институт, который санкционируется Священным Писанием и который предоставляет такое широкое поле для проявления доброты и сочувствия — двух самых нежных христианских добродетелей?" Крокодилова слеза скатилась, словно он остановился, чтобы закончить фразу. Раздражительность и изумление боролись во мне, когда я услышал его речь; но память привела меня на помощь святого Павла, который напомнил мне, что ранее он написал определенные слова Коринфской церкви — "Сам сатана преображается в ангела света; поэтому нет ничего великого, если его служители также преобразятся" и т. Д. После этого я успокоился и ответил: "Сэр, вы прекрасно понимаете, что миссия нашего Спасителя была обращена к сердцу человека, а не к человеческим институтам. Разве Он не учил своих поработанных соотечественников платить дань Кесарю? и разве Он сам не подавал пример? Разве Он не наставлял своих учеников на одном дыхании: "Бойтесь Бога! почитайте царя?" — и разве в другом месте не написано: "Но я говорю вам, что вы не противитесь злу"? Вы также прекрасно знаете, что американские колонии отказались платить дань своему Цезарю, отказались чтить своего короля и действительно сопротивлялись злу. Итак, сэр, поскольку все это так, вы вынуждены признать одну из двух альтернатив — либо все ваши соотечественники являются мятежниками против Всевышнего и, следовательно, чужды Богу, либо, как я уже говорил, миссия Евангелия обращена к сердцам, а не к человеческим институтам. Я вижу, сэр, по тому, как вы поморщились при слове "бунтарь", что вы принимаете последний вариант. Если, таким образом, оно адресовано сердцу человека, то именно по этому каналу — по мере того, как оно расширяется за счет тех добродетелей, о которых вы говорили, доброты и сочувствия, — человеческие институты должны измениться в соответствии с растущим интеллектом и растущими потребностями человеческой расы, золотым правилом для руководства человеком является: Делай так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Будьте так добры, сэр, взглянуть на мистера Самбо Цезаря, работающего под кнутом на рисовом болоте Каролины; узрите миссис Самбо Цезарь, вырванную из его груди и работающую под тем же знаменем принуждения в Мэриленде; и маленького мастера Помпея, единственный залог их привязанности, на пути в Техас. Разве это не прекрасный комментарий к Божественной заповеди "Возлюби ближнего твоего, как самого себя"? Позвольте мне, сэр, со всем должным уважением призвать вас не довольствоваться проповедью христианского смирения рабу и христианской доброты хозяину, но использовать любую возможность для бесстрашного утверждения того, что рабство противоречит духу Евангелия, и поэтому всем христианам надлежит так видоизменять законы, касающиеся его, чтобы постепенно привести к его полному исчезновению. Доброе утро." Преподобный джентльмен, который во время последней части моих наблюдений прятал руки в нижних карманах брюк, как только увидел, что я закончил свои замечания, поспешно отдернул руки, демонстрируя в одной Завещание, в другой Согласие; он явно был склонен к полемике, но следующий помощник шерифа, который считал, что я и так уделил министру несправедливо много времени, напомнил ему о правилах, и он был вынужден удалиться, а другой помощник шерифа открыл ему дверь, поскольку обе его руки были заняты.

Депутата, который следующим поднялся, чтобы обратиться ко мне, сопровождала дама, которую я, разумеется, попросил присесть. Муж — ибо таковым он оказался — тогда заговорил следующим образом: "Сэр, мы с женой владеем плантацией почти двадцать лет. За все это

время розга почти никогда не использовалась, разве что изредка какому-нибудь буйному маленькому мальчику. Мы построили коттеджи для наших рабов; мы разрешаем им разводить домашнюю птицу, которую мы покупаем у них; за старыми рабами тщательно ухаживают и освобождают от работы; за больными оказывают наилучшую медицинскую помощь, и во многих случаях им помогают мои жена и дочь; им регулярно преподаются практические истины христианства; и я уверен, что каждый раб смотрит на меня и мою семью как на своих самых верных друзей. Это счастливое государство, эти патриархальные отношения, ваши предложения, если они будут осуществлены, полностью разрушатся ". Затем он замолчал, и его жена поклоном выразила согласие с его замечаниями. Мое сердце было тронуто картиной маленького негритянского рая, которую он дал, и я ответил как можно мягче: "Набросок, который вы так превосходно нарисовали, и каждому слову которого я полностью верю, действительно может побудить меня отказаться от моих предложений о переменах, если какие-либо из моих предложений помешают продолжению вашего доброжелательного правления, пока существует рабство; но я должен привлечь ваше внимание к важному факту, который, боюсь, вы совершенно упустили из виду за ваших двадцати лет доброго правления. Короче говоря, веселые дома ваших счастливых негритянских семей не могут предоставить никакого возможного утешения менее удачливым неграм, чьих жен и детей отрывают от груди и продают отдельными партиями в разные части Союза; и знание того, что на вашей плантации розга лишь изредка попадает по какому-нибудь непослушному ребенку, не будет утешением для взрослых негров и негритянок, корчащихся под тридцатью или сорока ударами коровьей кожи или весла. Продолжайте, достопочтенные люди, свое нынешнее милосердное правление; стремитесь обеспечить каждому негру одинаковое обращение; и если вы сочтете это невозможным, вступайте в почетные ряды умеренных и постепенных аболиционистов и колонизаторов ". Они терпеливо выслушали мои замечания, спокойно улыбнулись тщеславию, проявленному, по их мнению, в последней фразе, и удалились.

Едва исчезла последняя очаровательная пара, как поднялся депутат, антипод последнего оратора; его манеры были такими высокомерными, что я сразу заподозрил его невежество, а в его замечаниях сквозила такая болезненная чувствительность, что они, очевидно, были порождением угрызений совести. Я не мог точно установить его происхождение; но, будучи слабым знатоком лошадей, я бы предположил, что он был "Хулиганом-рабом" из "Кантанкерузины" — породы, отнюдь не редкой в Америке, но о которой знающие люди думали очень мало. Обратившись к списку, я обнаружил, что он был внесен как "Обвинитель" и что остальная часть делегации отказалась дать ему гарантии. Он вскочил с гневной активностью; он приложил левую руку к груди, правую он вытянул с каталептической неподвижностью и с выражением лица, которое я могу сравнить только с выражением оскорбленной женщины безупречной добродетели, он начал: "Вы, сэр — да, я говорю, вы, сэр - вы осмеливаетесь говорить о рабе - вы, сэр, выходец из нации рабов, чьи необузданные аристократы питаются кровью своих крепостных, где титул - это другое слово для обозначения злодейства, и честность попирается железной пятой! Вы, сэр, вы предлагаете предложения на благо страны, процветание которой вызывает у вас зависть, а институты вызывают смешанные чувства ненависти и страха! Идите домой, сэр, идите домой! хватит вашего лицемерия по поводу похотливого негра! идите домой, сэр, я говорю! обогащайте своих бедняков, одевайте своих нагих и кормите своих голодающих — здешним неграм живется лучше, чем большинству из них! Подражайте примеру этой свободной и просвещенной нации, где каждый гражданин является независимым сувереном; пошлите свою королевскую власть и аристократию ко всем чертям,

поднимите шапку Свободы на высоком полюсе Демократии, и пусть человеческие мускулы одержат справедливую победу над непрочным хламом интеллекта и капитала! Только тирания создает различия. Все люди равны!" — закончил он свою речь как раз вовремя, чтобы не закатить истерику, поскольку она была произнесена со всей суетой и яростью короля Ричарда в театре за пенни; на самом деле, одно время я испытывал сильное желание потребовать "лошадь", но, приняв депутацию, я был обязан обращаться с ее членами вежливо; поэтому я ответил: "Сэр, ваши элегантно выраженные мнения о королевской власти и т. Д. Не требуют ничего, кроме обычных знаний, Чтобы показать их абсурдность, поэтому я не буду задерживать вас, останавливаясь на этой теме; но, сэр, вы не должны быть слишком вежливы". старательно избегайте упоминаний о состоянии рабыни и, выискивая недостатки в другом месте, старайтесь прикрыть тему этой встречи. Вы говорите мне, что бедняки в Англии нуждаются в большом количестве одежды и еды — это совершенно верно; но, сэр, если бы у каждого бедняка был меховой плащ и кусок говядины, я не вижу, какую выгоду извлек бы из этого негр. Опять же, сэр, вы говорите, что негру живется лучше, чем многим нашим беднякам; значит, он живет гораздо лучше, чем многие пьяные дебоширы в ваших собственных больших городах; и все же я никогда не слышал, чтобы предлагалось превратить их в рабов, чтобы улучшить их положение. Послушайтесь моего совета, сэр; прежде чем бросать камни, убедитесь, что в вашем Колпаке Свободы нет ни одного стекла, достаточно большого, чтобы через него могли заглянуть 3 000 000 рабов. И прошу вас, сэр, не забывайте: "Только тирания создает различия. Все люди равны!"

Хлопок двери возвестил об уходе и вспыльчивости Обвинителя, а также поднял на ноги другого помощника шерифа, который до сих пор держался на заднем плане. Он, очевидно, жаждал личной аудиенции, но поскольку это было невозможно, он прошептал мне на ухо: "Сэр, я аболиционист, с первого взгляда ловкий; и все, что я могу сказать, это то, что вы - друг раба с мылом, молоком и водой, разбирайтесь с этим, как хотите". Видя, что ему не терпится поскорее уйти, я прошептал ему в ответ: "Господин, есть старая молитва, которую часто произносили с большой искренностью, и, вероятно, сейчас так произносит не один умный раб: это "Боже Милостивый, спаси меня от моих друзей". Усилия вашей группы, господин, очень напоминают мне усилия человека, который пошел вытаскивать друга из грязи, но из рвения, лишенного благоразумия, он прыгнул своему другу на голову и застрял там быстрее, чем когда-либо".

Когда он исчез, я надеялся, что все закончилось; но очень кроткий на вид мужчина с широким интеллигентным лбом встал и, подойдя ко мне в самой дружелюбной манере, сказал: "Сэр, я одновременно признаю и сожалею о порочности учреждения, которое вы обсуждали, но его колоссальные трудности требуют гораздо более длительного пребывания, чем ваше, чтобы осознать их; и пока они не будут полностью осознаны, предлагаемые средства должны быть во многих случаях совершенно неподходящими, неуместными и недостаточными. Однако, сэр, я принимаю ваши замечания в том же дружеском духе, в каком, я уверен, вы их высказали. В то же время позвольте мне, как человеку, который на много лет старше вас, сказать, что, рассматривая ваши предложения, я отделил плевелы, которых здесь много, от зерна, которого немного; последнее я соберу в житницу своего разума, и я надеюсь, что оно упадет на хорошую почву". Я взял старого джентльмена за руку и тепло пожал ее, а когда он удалился, решил, что он разумный рабовладелец.

Я уже собирался уходить со сцены, весьма довольный тем, что это испытание закончилось, когда, к моему ужасу, услышал сильный голос северянина, громко выкрикивающий:

"Незнакомец, думаю, у меня найдется для тебя пару слов". Обернувшись, я увидел мужчину с пронизательным еврейским взглядом, носом с горбинкой Аллегани и подбородком, похожим на округлую половинку французской булочки. Очевидно, я был наедине с симпатичным мужчиной, у которого были доллары и центы. Когда я оказался перед ним, он спросил со спартанской лаконичностью: "Кто должен платить?" Вообрази, о читатель! мой ужас от того, что меня призвали объяснить, кто должен был компенсировать уничтожение — во всяком случае, в значительной степени — того, что представляло собой в человеческой плоти 250 000 000л., а в продуктах его труда 80 000 000л. ежегодно!

Ответить я должен; поэтому, напустив на себя казначейский вид, я сказал: "Сэр, если нужно смыть национальное пятно, нация по чести обязана заплатить за мыло. Англия подала вам благородный пример при сходных обстоятельствах, и рвение аболиционистов, без сомнения, заставит их обложить себя двойным налогом; но что касается предложения вам, каким налогом будут собираться деньги, вы должны извинить меня, сэр. Я британец, и, помня, каким пугливым вы были несколько лет назад из-за небольшого дела с марками и чаем, я думаю, что могу отказаться отвечать на ваш вопрос более подробно; обожженный ребенок боится огня". Милый мужчина исчез и забрал видение с собой; на его место пришла реальность двух часов ночи и мерцающих в своих гнездах свечей.

Читатель, теперь я покончил с вопросом о постепенном совершенствовании и окончательной эмансипации раба. Общественные институты любой страны являются законными объектами для комментариев путешественника, и в той мере, в какой его соотечественники проявляют к ним интерес, вполне естественно, что он должен комментировать их более или менее подробно. Поэтому я подробно остановился на этом предмете, исходя из убеждения, что в нашей стране к нему проявляют глубочайший интерес; и я надеюсь, что я отнесся к нему так, чтобы не дать справедливого повода для обиды кому бы то ни было, будь то англичанин или американец.

Надеюсь, я дал моим соотечественникам некоторое представление о возникающих гигантских препятствиях, из которых я лишь перечислю три; — связанные с этим огромные денежные интересы; социальные трудности, возникающие из-за численности негритянского населения; и, хотя это не менее важно, запутанная проблема — если мнение Вашингтона о том, что "рабство может быть прекращено только законодательной властью", будет принято — как Конгресс может издавать законы для независимых и суверенных штатов, выходящие за рамки Конституции, по которой они связаны друг с другом. Я уверен, что большая часть бешеного протеста, оваций миссис Б. Стоу и других подобных демонстраций были вызваны почти полным незнанием истинных фактов этого дела. Моей целью было рассеять это невежество; и я без колебаний заявляю, что освобождение негров во всех Южных Штатах, если бы оно состоялось завтра, было бы величайшим проклятием, которое белый человек мог бы наложить на них. Я также надеюсь, что, возможно, мне удалось выдвинуть какую-нибудь полезную идею, чтобы помочь моим друзьям-южанам победить гангрену, которая находится в сердцевине их сердец и которая, как должен видеть каждый размышляющий разум, разъедает их жизненно важные органы со страшной быстротой. Моя последняя и не менее искренняя надежда состоит в том, что какое-нибудь из многих предложений, которые я предложил в настоящее время в пользу негров, может быть найдено доступным для смягчения несомненных страданий и жестокой несправедливости, жертвами которых часто становятся те, у кого плохие хозяева. Если я добьюсь успеха хотя бы в одном—единственном случае, я буду чувствовать себя более чем

вознагражденным за многие часы размышлений и хлопот, которые я потратил на решение сложной проблемы - наилучшего пути от рабства к освобождению.

С момента написания вышеизложенного 20 000 000 свободных людей по решению своих представителей в Вашингтоне повесили кандалы другого негра на свой столб Свободы (?). Канзас поработен — свобода обещана. В качестве доказательства того, как легко те, кто воспитан в условиях института рабства, закрывают глаза на самые простые факты, мистер Бэджер, сенатор от Северной Каролины, восхваляя обращение с рабами и подчеркивая привязанность между ними и их хозяевами, заявил, что, если Небраска не будет объявлена рабовладельческим штатом^[CA] это помешало бы ему, если бы он захотел там поселиться, принять участие в выборах. с ним была его "старая мамушка" — негритянка, которая кормила его грудью в младенчестве. Мистер Уэйд из Огайо ответил, "что сенатор допустил ошибку; ничто не мешало ему взять с собой свою любимую мамушку, хотя Небраска оставалась свободной, за исключением того, что он не мог продать ее, когда добрался туда".

Пусть христианин учится милосердию у презируемого мусульманина. Прочитайте следующее воззвание:—

"От Слуги Божьего, Мушира Ахмеда Баша-бея, принца тунисских владений.

"Нашему союзнику сэру Томасу Риду, генеральному консулу британского правительства в Тунисе.

"Рабство, навязанное части человеческого рода, созданного Богом, - это очень жестокая вещь, и наше сердце сжимается от этого. "Он никогда не переставал быть объектом нашего внимания в течение прошлых лет, которое мы использовали для принятия таких надлежащих мер, которые могли бы привести нас к его искоренению, как вам хорошо известно. Теперь, следовательно, мы сочли уместным опубликовать, что мы отменили рабство мужчин во всех наших владениях, поскольку мы рассматриваем всех рабов, находящихся на нашей территории, как свободных, и не признаем законность их содержания в качестве собственности. Мы разослали необходимые распоряжения всем губернаторам нашего тунисского королевства и информируем вас об этом, чтобы вы знали, что все рабы, которые коснутся нашей территории морем или по суше, станут свободными.

"Да будете вы жить под защитой Бога!"

Написано в Мохарреме, 1262 г.". (23 января 1846 г.)

Какую горькую сатиру на хваленую "Страну свободы" разыгрывали ее сыновья с тех пор, как магометанский принц написал вышеприведенное! Мало того, что за нынешнее столетие территория рабства увеличилась почти вдвое; но недавним решением Верховного суда каждый закон, который *был* принят Конгрессом, ограничивающим рабство, объявляется противоречащим конституции и, следовательно, недействительным. Конгресс объявляется бессильным запретить рабство на какой-либо части Федеральной территории или уполномочить жителей сделать это; представители африканской расы, будь то рабы или свободные, объявляются не гражданами и, следовательно, некомпетентными подавать иски в суды Соединенных Штатов, а рабовладелец объявляется уполномоченным отстаивать свои права в каждом уголке Союза, несмотря на постановления Конгресса или волю жителей.

Короче говоря, в 1857 году, спустя более восьмидесяти лет после того, как Вашингтон и его благородная банда провозгласили — и победили на острие меча — свою независимость, и

после того, как так много штатов очистили свои щиты от негритянской крови, высший трибунал Республики постановил, что права рабовладельцев распространяются на каждый дюйм Федеральной земли, и что по их Конституции *Соединенные Штаты являются рабовладельческой Республикой*.

Каким будет конец? С тех пор, как были написаны вышеупомянутые замечания, прошло несколько коротких лет, и за это время вопрос о рабстве снова заставил Союз содрогнуться до самых крайних пределов. Облако, размером не больше человеческой ладони, было перенесено администрацией президента Пирса в новый штат Канзас, и вскоре оно разразилось потоком хулиганства и крови; залы Конгресса были опозорены жестоким нападением мистера Брукса (сенатора от Юга) на мистера Самнера из Массачусетса; пресса широко распространила позорный факт, что дамы его штата вручили нападавшему трость с надписью "Ударь его еще раз!", сам штат одобрил его поступок, единогласно переизбрав его; Север и Юг разделены на две части. в ожесточенной вражде; на каждом большом собрании выступали за разделение на почве злобы и вражды; и следует опасаться, что у Профсоюза нет человека с достаточным весом и характером, чтобы подлить масла в огонь.

Как будет разворачиваться "Проявленная судьба" и каков будет конец?—Сначала чаша должна наполниться.

СНОСКИ:

[ПО]

Читатель заметит, что многие из моих предложений взяты из кодекса Кубы.

[BZ]

В Перу максимальное количество ударов, разрешенное законом, составляет двенадцать; девочки старше четырнадцати лет, замужние женщины, отцы детей и старики освобождены от порки.

[CA]

На момент обсуждения территория Небраски включала Небраску и Канзас

ГЛАВА XXVII.

Конституция Соединенных Штатов.

Самым важным предметом, требующим внимания путешественника в любой стране, претендующей на образованность или цивилизованность, несомненно, является ее Конституция. Читатель не может ожидать — и, скорее всего, не пожелал бы — найти в

произведении, подобном этому, какой-либо подробный отчет о правительстве такой обширной и разнообразной республики, как Соединенные Штаты. Те, кто желает досконально разобраться в столь обширной теме, должны изучить историю каждого отдельного штата с момента его основания; должны наблюдать за изменениями, которым подвергся каждый из них, отмечая произведенный эффект; и должны внимательно изучать труды великих людей, которые изначально планировали — если можно так выразиться — Республику, и должны глубоко погрузиться в ученые и ценные тома Story, Kent и др. Те, кто довольствуется более умеренной информацией, найдут многое, очень умело сжатое, в книге мистера Тременхира. Я делаю вид, что не предлагаю читателю ничего, кроме беглого взгляда на те элементы, которые кажутся мне наиболее полезными и интересными; и при этом я свободно позаимствую такие цитаты из "ссылок мистера Тременхира на Стори и Кента", которые, как я полагаю, могут помочь прояснить мой предмет, поскольку у меня нет под рукой этих авторов, на которых я мог бы сослаться.

Правительство Соединенных Штатов состоит из трех департаментов — исполнительного, Законодательного и судебного; или Президента, Палаты представителей и Сената, а также судебных инстанций. Президент и вице-президент избираются выборным органом от всех штатов, причем указанный орган избирается всенародным голосованием в каждом штате. Вице-президент является *по должности* спикером или президентом Сената, и в случае смерти главы государства он становится на оставшийся срок президентом Соединенных Штатов. Они избираются сроком на 4 года, но могут быть переизбраны на неопределенный срок. При равенстве голосов Палата представителей выбирает президента из трех человек в списке, набравших наибольшее количество голосов, а Сенат таким же образом выбирает вице . Требования к кандидатам в президенты и вице—президенты следующие: родиться на родине, 35 лет и 14 лет проживать в Штатах. Зарплата президента составляет около 5100 фунтов в год, а резиденция в Вашингтоне называется "Белый дом". Зарплата вице-президента составляет 1680 фунтов в год. В кабинете пять секретарей: государственный, внутренних дел, казначейства, военный, военно—морской и генеральный почтмейстер; Генеральный прокурор также входит в состав кабинета. Эти чиновники также получают одинаковую зарплату. Сенат состоит из двух членов от каждого штата, независимо от численности населения, чтобы не затоплять малые штаты. Выборы проводятся законодательными органами каждого штата сроком на 6 лет; треть от их числа выходит на выборы каждые 2 года. Квалификация для сенатора заключается в том, что ему должно быть 30 лет, он должен быть гражданином 9 лет и проживать в штате, от которого он избран. Первоначально Палата представителей состояла из одного члена от определенного количества населения, и поскольку прирост населения был очень быстрым, число представителей увеличивалось как само собой разумеющееся. В 1843 году в Палату входил один член на каждые 70 000 населения, но, чтобы орган не стал неуправляемым из-за численности, в 1853 году Палата была ограничена 234 представителями, избранными *пропорционально* нескольким штатам. Рабы учитываются в пропорции к трем пятым от их числа. Предварительные шаги заключаются в том, что каждые 10 лет проводится перепись населения, после чего Конгресс принимает законопроект, распределяющий количество представителей в каждом штате в соответствии с его численностью населения. После этого каждый штат принимает закон, распределяющий штат по округам в соответствии с количеством назначенных ему депутатов, и каждый округ избирает своего собственного представителя в Конгресс. Выборы рассчитаны на 2 года, а квалификация составляет 7 лет для гражданина, достигшего 25-летнего возраста и проживающего в штате. Зарплата такая же, как у

сенатора. Имена членов, составляющих разделение по любому вопросу в любой палате, не печатаются, если только их не потребует одна пятая присутствующих членов. Один из пунктов их Конституции очень оригинален и гласит: "Каждая Палата может определять правила своего судопроизводства, наказывать своих членов за нарушение общественного порядка и, с согласия двух третей, исключать члена".

Все процедуры импичмента рассматриваются в Сенате, и для вынесения обвинительного приговора требуется большинство в две трети голосов. Если президент предстает перед судом, председательствует Главный судья или глава Верховного суда. В то время как право судебного разбирательства принадлежит Сенату, право импичмента принадлежит исключительно Палате представителей. В дополнение к обычным функциям Верхней палаты, у Сената также есть так называемая "Исполнительная сессия", которая проводится за закрытыми дверями; на этой сессии обсуждаются все договоры и высокие назначения, и назначения не считаются действительными до тех пор, пока они не будут ратифицированы ими. Всякий раз, когда новые земли становятся достаточно густонаселенными, правительство общей юрисдикции признает их территорией и назначает администрацию. Так было в случае с Небраской и Канзасом в 1853 году; и когда "Миссурийский компромисс" (который ограничивал рабство южнее 36° 3' параллели широты) был отменен, для них стало необязательным принимать рабство или нет. Канзас варварски боролся за эту позорную привилегию и с временным успехом: Небраска пока отказалась от этой чести. За интересами территорий в Вашингтоне следят делегаты в Палате представителей, которые имеют место, но не имеют права голоса. Это разумное решение, по моему скромному мнению, могло бы быть принято в этой стране применительно к нашим колониям, чьи нужды в настоящее время не имеют переводчика, хорошо знакомого с колониальными делами ни в одной из ветвей законодательной власти.

Каждый штат в Союзе имеет своего губернатора, Палату представителей, Сенат и судебную систему и является во всех отношениях суверенным государством — им нравится это слово настолько, насколько они притворяются, что им не нравится реальность, — действующим совершенно независимо в своих пределах, за исключением тех случаев, которые были взаимно согласованы условиями Союза, и на некоторые из которых мы вскоре будем ссылаться. Этот суверенитет отдельных штатов делает избирательное право различным в разных штатах.

На момент проведения первых выборов после Провозглашения независимости ни одно государство не признавало простое гражданство в качестве условия избирательного права. Великие люди, которые появлялись на сцене в тот период, используя опыт прошлых эпох, выставили определенную охрану вокруг избирательного права в каждом штате Союза, различаясь в разных штатах, но все они безошибочно свидетельствовали о том, что совершенная демократия не была основой, на которой они когда-либо планировали построить Республику. Прошло несколько коротких лет; число 13 штатов увеличилось до 33, и, по словам г-на Тременхира, "произошел серьезный отход от теории Конституции, какой она существовала в глазах и ожиданиях ее осторожных и благоразумных основателей, выразившийся в постепенном снижении почти во всех штатах Союза и полном отказе в двух третях из них от тех требований для осуществления избирательных прав, которые существовали на момент принятия Конституции". В одном штате — Иллинойсе — иностранцы, являющиеся постоянными жителями, имеют право голоса. Теперь, если великие люди 1776 года считали меры предосторожности вокруг избирательного права мудрыми и благоразумными в свое время, до того, как на запад хлынула огромная волна эмиграции, и когда население составляло всего 4

000 000 человек, что бы они сказали, могли ли они только восстать из могил и увидеть, как их преемники разрушили благоразумные барьеры, которые они воздвигли, и предоставили избирательное право гражданству, теперь, когда Союз насчитывает 23 000 000 душ, и что волна эмиграции ежедневно затопляет их ордами недовольных и беспокойных из всех стран Старого Света?

Но, возможно, кто-то скажет, что я, как англичанин, предубежден против республиканских институтов в любой форме; позвольте мне тогда процитировать вам авторитет, который будет уважать каждый образованный американец. Г-н судья Кент говорит: "Прогресс и импульс общественного мнения быстро разрушают все конституционные ограничения, каждый консервативный элемент, задуманный мудрецами, создавшими самые ранние американские конституции как гарантии от злоупотреблений народным избирательным правом". Давайте обратимся к другому не менее выдающемуся американскому авторитету, мистеру Джастису Стори. "Можно было бы подчеркнуть, что, исходя из рассуждений или опыта, далеко не очевидно, что единообразие в составе представительного органа является желательным или целесообразным, основанным на более разумной политике или более способствующим общему благу, чем смешанная система, охватывающая, представляющая и сочетающая различные интересы, классы и мнения. В Англии Палата общин, как представительный орган, не основана на едином принципе ни численности, ни классов, ни мест; ... и в каждой системе реформ, получившей общественное одобрение в этой стране, многие из этих различий были воплощены по собственному выбору в качестве важных сдерживающих факторов для неправомерного законодательства, способствующих представлению различных интересов и мнений и, таким образом, обеспечивающих за счет хорошо сбалансированного и разумного представительства всех различных классов общества постоянную защиту общественных свобод людей и твердую гарантию частных прав личности и собственности".

До сих пор я цитировал мнения высших американских авторитетов по поводу франшизы. И, насколько снижение этого уровня в Англии дает нам какой—либо свет, я бы хотел, чтобы какой—нибудь непредвзятый и компетентный человек проинформировал общественность, увеличило ли оно или уменьшило взяточничество и коррупцию — какую бы другую выгоду это ни принесло обществу; и как будет соблюдаться баланс между преимуществами и недостатками по отношению к обществу в целом в результате дальнейшего снижения избирательных прав в этой стране; а также до какой степени — если таковая имеется — его можно снизить, не передавая всю власть, кроме неограниченной, в руки масс, и таким образом разрушая тот баланс различных интересов общества, которые, слава Богу, все еще представлены, и которые, в случае их утраты, низвели бы нашего любимого Государя до положения безвкусной марионетки, а Палату лордов — до простого символа, и за ними наверняка последовали бы все ужасы революции и все пороки коррумпированной демократии. Как легко найти политиков, когда-либо готовых вдохнуть аромат популярности в правдоподобном святилище нисходящего избирательного права! - как трудно найти тех, кто, признавая справедливость и благоразумие, обладает мудростью планировать и смелостью отваживаться на меры по остановке массовой лавины!

Что касается частоты выборов, я только вставляю следующее предложение из мистера Джастиса Стори, поскольку, я полагаю, общественное мнение в этой стране осуждает их практически повсеместно: "Люди, которые действуют энергично и результативно ... не должны торопиться с выводами из-за страстей, связанных с выборами, имеют тенденцию вызывать волнение и

разногласия в общественном сознании, подпитывать фракции и поощрять беспокойство, одобрять необдуманные нововведения во внутреннем законодательстве и государственной политике, а также производить насильственные и внезапные изменения в управлении государственными делами, основанные на временных волнениях и предрассудках: ... это также сильно обескураживает подходящих кандидатов, предлагающих себя на государственную службу ... следовательно, срок службы должен быть в некоторой степени пропорционален разнообразию знаний и практических навыков, которых требуют обязанности на занимаемой должности". — Если какой-нибудь помешанный на ежегодном парламенте все еще существует, пусть он воспользуется этими мудрыми словами, вышедшими из-под пера республиканца, обмакнутого в чернила Благоразумия и патриотизма; и в заметном различии между Палатой представителей и Сенатом — первые избираются на два года, вторые — на шесть, — пусть он узрит самое неопровержимое живое доказательство их истинности. Джон Джей, один из самых способных людей Америки, в письме в Вашингтон выражает свое пожелание, чтобы Верхняя палата, или Сенат, избиралась пожизненно.

Теперь я перейду к теме, которая, вероятно, интересует британскую общественность больше, чем любая другая, за исключением франшизы, — я имею в виду Голосование. Так много было сказано о принуждении избирателей теми, от кого они зависят, и так много позорных махинаций на выборах в этой стране было раскрыто, что, если бы Голосование действительно было панацеей от зла, каждый патриот должен был бы приложить все свои силы для продвижения введения столь важной меры. При чтении любого американского документа, где используется слово "избирательный бюллетень", следует помнить, что, если ему не предшествует слово "тайный", имеется в виду простое голосование открытым листом бумаги, на котором напечатано имя кандидата и который он может вложить в конверт или нет, по своему выбору. Следовательно, в настоящее время мы имеем дело только с тайным голосованием; ибо, хотя право голосовать тайно существует, очевидно, что, если тайное голосование не станет обязательным, оно не дает никакой защиты тем, кто может быть подкуплен или принужден, поскольку те, кто дал взятку или принуждение, будут настаивать на том, чтобы голосование, полученное таким образом, проводилось открыто.

Возможно, англичанина удивит, если ему скажут, что в Соединенных Штатах практически неизвестно о "тайном" голосовании. Тем не менее, это так. Около четырех лет назад в Массачусетсе был принят закон, требующий соблюдения секретности; и каков был эффект от этого закона? Большая группа выборщиков собралась вместе, чтобы с негодованием осудить любую попытку навязать то, что они отвергали как недостойное свободных людей. Это чувство было настолько сильным, что в 1853 году закон, вводивший его в действие, был отменен, и на съезде, созванном для обсуждения пересмотра их Конституции, — по словам г-на Тременхира, — хотя демократическая партия имела подавляющее большинство, попытка ввести секретность была отвергнута большинством в 5000^[CB].

Один мой друг, проявлявший значительный интерес к этому вопросу, присутствовал на выборах в штат Массачусетс и когда в то же время должно было проводиться всенародное голосование по предлагаемому пересмотру Конституции; это последнее специальным законом было сделано в обязательном порядке тайным. Насколько была достигнута эта цель, покажет следующее заявление. Когда избиратели подошли к месту голосования, агенты противоположных партий предложили им билеты в большом зале, полном людей. Избиратели выбирали тот билет, который им нравился, в присутствии всего зала, а затем, в соответствии с условиями закона,

запечатывали его в конверт, прежде чем опустить в урну для голосования. Вот и все об обязательной секретности. Конечно, в этом случае, как и во всех случаях предвыборной агитации, избиратели могли бы скрыть свои голоса, если бы захотели этого.

Единственные известные мне штаты, где закон предписывает хранить тайну, - это Нью-Йорк и Индиана; и в первом из них я могу с полной уверенностью засвидетельствовать, исходя из личных наблюдений, что во многих случаях, если не в большинстве, это мертвая буква. Я никогда не встречал человека, который, говоря о политике, когда-либо думал о том, чтобы скрыть свои чувства. Поэтому я вынужден прийти к выводу, что секретность существует только среди самых низших слоев населения; и здесь, возможно, будет также полезно представить мнение губернатора этого важного штата. Мистер Вашингтон Хант в своем Послании от 7 января 1851 года говорит: "Тревожный рост взяточничества на наших всенародных выборах требует вашего серьезного внимания. Сохранение наших свобод зависит от чистоты избирательного права и его независимого осуществления гражданами, и я верю, что вы примете такие меры, которые эффективно защитят урну для голосования от любого коррумпированного влияния".

Если были предприняты какие-либо усилия, чтобы остановить волну коррупции, послание того же губернатора на следующий год позволит вам судить об их успехе. В его обращении от 6 января 1852 года встречается такой абзац: "Рост коррупции на наших выборах стал предметом всеобщего и справедливого недовольства: сообщается, что в некоторых населенных пунктах голоса значительного числа избирателей были открыто куплены за деньги. Мы обязаны перед самими собой, перед потомками и перед свободными институтами, которые мы унаследовали, сокрушить это ненавистное зло в его зачаточном состоянии, прежде чем оно достигнет достаточного роста, чтобы поставить под угрозу нашу политическую систему. Честное и независимое осуществление избирательного права является жизненно важным принципом теории представительного правления. Это единственная прочная основа республики. Закон должен не только карать каждое нарушение этого принципа как преступление против целостности государства, но и любое лицо, заинтересованное в предоставлении или получении какого-либо денежного вознаграждения за голосование, в случае оспаривания должно быть лишено права голоса. Я выношу этот вопрос на ваше рассмотрение в надежде, что могут быть предписаны и приведены в исполнение дополнительные средства правовой защиты".—Две вышеприведенные выдержки в равной степени делают честь уму и сердцу губернатора Ханта; но какую картину последствий тайного голосования они рисуют!

Давайте теперь отвлечемся от губернатора Ханта и посмотрим, что говорит пресса по этому поводу. *New York Herald*, которая если и не пользуется большим уважением, то, по крайней мере, широко распространена, так пишет в мае 1852 года: "Посмотрите на слушания в прошлый четверг в 19-м округе. Избирателей везли к урнам для голосования на десятках фургонов из разных мест; а в других округах сотни демократов, голосовавших за Скотта и Филлмора, людей невежественных и погрязших в преступности, собирали по всем закоулкам города и покупали по доллару за голову; а некоторые, как говорят, всего за полдоллара, чтобы опустить в урну для голосования голос, которого они никогда не видели". Далее в статье разъясняются методы, применяемые на выборах, а именно: лентяй, который не хочет работать, скандалит, пьет, разглагольствует и порочит каждого честного человека в округе, пока не станет полубожеством

среди сброда, а затем "о его положении узнают те, кто хочет его использовать. Он продается тому, кто больше заплатит, либо за то, чтобы победить свою собственную партию путем предательства, либо за то, чтобы обеспечить выдвижение кандидатуры для любого негодяя, который заплатит за это. У него нет никакой политики. У него есть негодяйство на продажу, и есть те, кто готов купить его, чтобы торговать им и снова продавать себе с очень высокой прибылью.... Мы слышали о случае в одном из нижних округов города, когда один человек получил во время последних съездов демократической партии огромную сумму в две тысячи долларов, из которых, как говорят, он подкупил большинство избирателей и сохранил остаток для себя".

Несколькими абзацами далее он предлагает средства от зла; — и в чем, по-вашему, они заключаются? Во-первых, честные люди не должны оставлять политику сброду. Во-вторых, "должна быть установлена регистрация, согласно которой ни один человек не мог выступать под чужим флагом или подавать голос на первичных выборах, если только он не принадлежал к приходу и не принадлежал к партии, о принадлежности к которой он заявлял". Представьте себе состояние, до которого тайное голосование довело богатый и интеллигентный город Нью-Йорк; безусловно, возврат к открытому голосованию считается недостаточным для достижения жизненно важных целей зла, к которому привела секретность. Здесь мы предложили в качестве средства правовой защиты *обязательный учет политических настроений*; и чтобы доказать, что дела не идут на поправку, в "Ретроспективе 1852 года", которая стала передовой статьей в том же журнале в начале 1853 года, после пространного панегирика государству Америка и т. Д., В течение 1852 года, он заканчивает следующими наиболее серьезными недостатками предыдущего панегирика: "если мы вынуждены признать с пунцовым румянцем, что преступность, к сожалению, растет, и что наши муниципальные учреждения достигли самых низких уровней коррупции". неэффективность и позор — все это лишь напоминает нам о том, что работа, которую мужественно вел 1852 год, еще не завершена ". - Я бы хотел тщательно остерегаться того, чтобы меня не поняли как поддерживающую агрессивные формулировки, используемые *New York Herald*. Я осознаю, насколько ненадежным ориентиром может быть пресса во времена политических волнений; но после принятия всех разумных мер остается достаточно доказательств тенденции тайного голосования, подтвержденной авторитетным сообщением губернатора штата.

Давайте теперь на мгновение обратимся к самому остроумному и забавному писателю, Сиднею Смигу. Говоря о предложении мистера Грота провести голосование, автор говорит: "Он говорит нам, что смелые не могут быть свободными, и призывает нас стремиться к свободе, надевая маску лжи и попирая крест истины"; и далее, ближе к концу брошюры, он цитирует авторитет, который американцы должны уважать— "Старого Джона Рэндольфа, американского оратора, спросили однажды на званом обеде в Лондоне, победило ли голосование в его штате Вирджиния? "Я с трудом верю, - сказал он, - что у нас во всей Вирджинии есть такой дурак, который упоминает даже о голосовании путем тайного голосования; и я без колебаний заявляю, что принятие избирательного бюллетеня сделало бы любую нацию сборищем негодяев, если бы она таковыми не считала". — Джон Рэндольф был прав; он чувствовал, что нет необходимости, чтобы народ был лживым, чтобы быть свободным. Всеобщее лицемерие стало бы следствием голосования. Вскоре, поразмыслив, мы должны были бы сказать то, что Дэвид только утверждал в своей поспешности, а именно: "все люди лжецы".^[cc] — Каким странно пророческим кажется мнение Джона Рэндольфа, когда его читают в свете *New York Herald* за 1852 год.

Мне всегда казалось, что аргумент в пользу голосования, который вытекает из его использования в клубах, если он вообще что-то доказывает, скорее против, чем за; его ценность там проистекает из факта независимости членов, который позволяет любому члену, если отклоненный кандидат спросит, как он голосовал, отказаться давать какой-либо ответ, не опасаясь последствий. Если бы он был зависимым, он должен был бы либо отрицать тот черный шар, который он дал, если бы он так проголосовал, либо, признав этот факт, он должен был бы пострадать за это, и молчание наверняка было бы истолковано как черный шар: следовательно, прежде чем голосование могло иметь какую-либо ценность для избирательного округа, они должны быть независимыми; а если бы оно было независимым, в бюллетене не было бы необходимости. Конечно, секретность можно было получить с помощью лжи. Более того, цель этого в клубе - не допускать в избранное общество не только тех, кого считают абсолютно оскорбительными, но и многих, с кем, хотя вам, возможно, хотелось бы встретиться в обычном обществе, вы не считаете желательным быть в более близких отношениях; и даже в клубе, кто будет отрицать, что это часто используется для удовлетворения личной злобы, и часто, когда кандидатов много, ставятся черные шары, чтобы ускорить избрание друзей? Открыто признавая и глубоко сожалея о позорном подкупе, которые слишком часто выявляются при расследовании наших собственных выборов, мы должны быть благодарны за тот опыт, который дает изучение избирательной системы Соединенных Штатов, предупреждая нас, что неосмотрительное снижение избирательных прав и обращение к тайному голосованию лишь усугубляют зло, от которого они должны были избавиться. Прежде чем мы приступим к сокращению нашего избирательного права, не следует ли нам поступить мудро и попытаться разработать какие-то средства для получения голосов тех, кто уже имеет право голоса? Многие честные и трудолюбивые ремесленники, имеющие в настоящее время право голоса, не придут на выборы из—за насилия, которому — если не со стороны толпы - они могут подвергнуться; его семья зависит от его усилий в добывании хлеба насущного — сломанная конечность или любой подобный несчастный случай, случившийся с ним, может привести всю семью к глубоким страданиям, если не к работному дому. Из "*Эдинбург Ревью*" за октябрь 1852 г. следует, что на предыдущих всеобщих выборах 40% тех, кто обладал этой привилегией, не голосовали голосованием. Поспешное снижение избирательного права, безусловно, увеличило бы это число, и, таким образом, теряя больше голосов мирных и трудолюбивых граждан, мы должны были бы увеличить голоса более беспокойных и тех, кого возбуждают демагоги-провокаторы.

Но вернемся к Соединенным Штатам. В предыдущем издании я не стал объяснять, что "Конгресс" означал парламент сроком на два года — срок, на который избираются представители. Одна из сессий проводится с первого понедельника декабря примерно до конца августа и называется длительной сессией; другая начинается в тот же день и длится до 4 марта и называется короткой сессией; но, помимо этих регулярных заседаний, могут проводиться дополнительные сессии так часто, как президент сочтет нужным собирать Конгресс. В то время, когда я был в Штатах, по очень приятной для членов комиссии фикции, если Конгресс закрывал сессию в понедельник, а президент приказывал собрать ее заново во вторник, члены должны были находиться в своих соответствующих домах и соответственно получать оплату пробега. Этот приятный маленький бонус назывался "конструктивный пробег".

В 1856 году был принят закон, устанавливающий выплату членам клуба в размере 1260 *фунтов*. каждому за их заслуги на каждом двухлетнем конгрессе и отмену конструктивной работы по пробегу. Единственное исключение из вышесказанного - это то, что сделано из-за неявки участников. Оплата организована следующим образом: —Каждый член получает 1 *фунт*. 13s.

6d. за каждый день, проведенный им в Конгрессе; общее количество дней, в течение которых длится сессия, рассчитывается по вышеуказанному тарифу, а разница между этой суммой и 630фунтов. (половина от 1260фунтов.) является бонусом, предоставляемым в конце сессии первого года, и заменяет все дальнейшие выплаты за любые дополнительные сессии, которые Президент может счесть целесообразным созвать в течение года. Таким образом, будет видно, что каждый участник получает одинаковую сумму, минус 1фунт. 13s. 6d. за каждый день неявки.

Разрешен пробег из расчета 1л. 13с. 6d.. на каждые двадцать миль пути туда и обратно, но только на один сеанс каждый; год. Преимущество, которое члены техасской и калифорнийской общин получают от этого либерального пособия, очевидно, и его несправедливость ощущают те, кто живет в соседних с Вашингтоном штатах.

Теперь, поскольку проезд в большинстве частей Союза стоит менее 2долларов за милю, а жизнь - два с половиной доллара (10долларов. 6долларов за милю) в день, очевидно, что положение представителя выгодно с финансовой точки зрения для тех, кто хочет заняться политикой. Участник, приезжающий издалека, скажем, за 200 миль, и посещающий 120 дней, будет иметь чистый баланс примерно в 150фунтов. оставшийся до конца года; а участник из Техаса заработает около 500фунтов. Насколько такая мера мудра и приводит самых желанных людей на государственную службу, пусть расскажут их собственные соотечественники. Мистер Венейблс из Северной Каролины в речи в Ричмонде, штат Вирджиния (цитируется мистером Тременхиром) говорит: "При наличии достаточного количества денег любой законопроект может быть проведен через Конгресс". Ни одна нация — и, менее всего, такая очень чувствительная нация, как Соединенные Штаты, — не приняла бы закон, который, возможно, мог бы бросить тень сомнения на честность ее представителей, если бы в этом не было какой—либо настоящей необходимости; закон, упомянутый ниже, можно найти на странице 363 *Приложения к Конституции Соединенных Штатов Тременхира*, один из пунктов которого гласит: "Что любой сенатор или представитель в Конгрессе, который после принятия этого закона ... должен получать какие-либо чаевые, или какую-либо долю, или проценты по любому иску от любого истца против Соединенных Штатов, и т.д., при вынесении обвинительного приговора должен заплатить штраф, не превышающий 5000 долларов (1000фунтов.), подвергнуться тюремному заключению на срок не более одного года, или и тому и другому, как суд по своему усмотрению вынесет решение ". Далее следует другой пункт, направленный против осознанного и умышленного уничтожения публичных документов; другой, направленный против любого лица, которое соблазняет любого члена Сената или Палаты представителей взяткой любого рода, чтобы повлиять на его голосование, и против принятия членами такой же взятки. Этот акт датирован 26 февраля 1853 года и, безусловно, доказывает, что утверждение мистера Венейбла имело под собой прочную основу.

Некоторые помнят, что Коллинз, сочтя линию пароходов Cunard при поддержке правительства слишком сильной, чтобы с ней можно было бороться, обратился в Конгресс за правительственным грантом. При получении этого гранта я не претендую на то, чтобы утверждать, что он или кто-либо от его имени использовал подкуп или коррупцию, когда он направился на одном из своих великолепных судов в Вашингтон и устроил Конгрессу на борту пир с шампанским; но я знаю, что многие американцы были крайне возмущены этим процессом, поскольку в сочетании с вышеупомянутым актом это не могло не вызвать подозрений; и я уверен, что если бы Кунард привел на Темзу один из своих великолепных

пароходов и там устроил пир Законодательному собранию, пока обсуждалось его получение правительственного гранта, он мог бы не воспользоваться бы более эффективным методом, чтобы испортить свой объект. *La femme de César ne doit pas être suspecte*. Таким образом, насколько мы можем судить о какой-либо выгоде, которую можно извлечь из оплаты членства, мы не видим ничего, что побудило бы нас принять такую систему; и, если я не ошибаюсь, сам американец склонен отказаться от нее, полагая, что таким образом повысится уровень представительства.

Теперь мы сделаем несколько замечаний об организации, характерной для Америки и известной как "Лобби". Но, во-первых, я бы заметил, что по правилу в обеих палатах, изменяемому по желанию, бывшим членам Конгресса, министрам, секретарям дипломатических миссий и т.д. предоставляется привилегия входить в бар, чтобы послушать дебаты; и из столь привилегированных людей в основном состоит Вестибюль. У них нет аналогов в этой стране, но, возможно, можно сказать, что они имеют слабое и отдаленное сходство с нашими парламентскими агентами, и они никоим образом не признаны Конгрессом. Их работа состоит в попытках заставить всех членов, намеревающихся представить государственные или частные законопроекты, использовать их, что, конечно, предполагает "рассмотрение"; и, поскольку их имя - "Легион", а их девиз по этому вопросу - "единодушие", они имеют возможность, благодаря своему влиянию на членов, создавать максимально возможные препятствия на пути большинства законопроектов, которые не проходят через их "смазанные ладони". Результат описывать не нужно. Корреспондент *Times*, который, если его отчеты верны, занимал самое высокое положение, какое только может занимать гражданин Соединенных Штатов, заявляет в письме, которое можно найти в этом журнале, от 27 января 1857 года, что в Палате представителей говорили, что законопроект о земле Миннесоты поддерживался подкупом, и что один член открыто признал на своем месте, что ему предложили 1500 долларов за его голосование за законопроект. Следствием стало расследование предполагаемого обвинения, и, несомненно, это повлияет на вес Лобби. Он добавляет— "Лобби, без сомнения, имеет большое влияние на Законодательную власть, но оно еще не всемогуще". Оценивая эффект голосования, следует помнить, что в Палате представителей всего 234 члена, а в Сенате 62; и, чтобы дать некоторое представление о затронутых интересах, корреспондент утверждает: "Едва ли будет преувеличением сказать, что Федеральный конгресс в Вашингтоне обладает полномочиями распоряжаться вдвое большим объемом национальной собственности, чем тот, за который проголосует парламент в Вестминстере". Тех, кто проявляет интерес к этой теме, я бы настоятельно призвал прочитать полностью упомянутое очень умелое письмо.

Я уже говорил об очень большой готовности, с которой любой незнакомец получает доступ в Конгресс, чтобы послушать дебаты. В целом, я полагаю, что их дискуссии ведутся в трезвой, практичной, деловой манере; тем не менее, имели место самые возмутительные сцены. Я привожу следующий отрывок не из какого-то одного предложения, которое он содержит, а из его последовательности, как доказательство того, что тон Палаты представителей недостойн достоинства столь великой страны. Член любого сообщества может встать и использовать самые грубые и оскорбительные выражения; но если нарушителя немедленно призвать к порядку и заставить отказаться от оскорбительных выражений, сообщество, таким образом, подтвердит свой характер. Однако, если два участника в течение какого-либо периода времени используют самые грубые и оскорбительные выражения без какого-либо вмешательства,

порицания, опровержения или наказания, сообщество как орган должно справедливо рассматривать их молчание как одобрение такого поведения.

Выдержка взята из широко распространяемого журнала "The *Illustrated London News*":—

"В Палате представителей в Вашингтоне 11-го числа произошла следующая забавная, но позорная сцена между двумя членами — господами Дж. Стэнли и Гиддингс. Первый обвинил второго во лжи, и последовал следующий разговор:—

Мистер Стэнли: "Обычно тот, кто не заботится о приличиях в жизни, снимает с себя ответственность, произнося ложные заявления, и это характерно для человека, который тайком сбежал из этого Дома и забрал свою плату за работу, которую он не выполнял.

Мистер Гиддингс: "Когда джентльмен опускается до низкой вульгарности, я не могу последовать за ним, я протестую против тупиц, подталкивающих джентльмена из Южной Каролины.

Мистер Стэнли: "Это дело мусорщика - иметь с ним какое-либо дело, и мне придется вымыть руки после обращения с ним; но это должно быть сделано, поскольку он навязался нам в качестве своего рода цензора. Для меня это небольшой бизнес, и я не знаю, как я могу опуститься еще ниже, чем ухватиться за hon. участник от штата Огайо. (Крик "Хорошо".)

Мистер Гиддингс: "Вы меня слышите?

Мистер Стэнли: "Никто не хочет вас слушать, но я потакаю вам.

Мистер Гиддингс: "Этот джентльмен лает не на то дерево.

Мистер Стэнли: "Раздраженный джейд снова морщится.

Мистер Гиддингс: "Джентльмен не должен щелкать плетью надсмотрщика, чтобы усыпить меня.

Мистер Стэнли: "Я надеюсь, что джентльмен не будет так сильно скрежетать зубами; он может пораниться. Кто здесь играет роль надсмотрщика над белыми людьми — кто, как не он, который раздражается своей грязной желчью и нападает на всех, называя северных вигов тупицами, и на тех, кого он называет мерзкими рабовладельцами? Он единственный человек, который ведет себя подобным образом. Мы не поднимаем плеть надсмотрщика над нашими рабами в Северной Каролине. Если бы этот член был на юге страны, никто не признал бы его чернокожим с белой кожей — (смех) - но ему позволили бы разгуливать как свободному негру, и в течение трех недель его подвели бы к столбу для битья плетью за воровство или клевету на своих соседей. (Смех.) Если я говорю, что он джентльмен, я говорю неправду.

Выступающий (обращаясь к мистеру Стэнли): "Не мог бы джентльмен прерваться на минутку?

Мистер Стэнли: "Мы должны подвесить этого парня (указывая на мистера Гиддингса) за шею. (Смех.)

Мистер Гиддингс: "Джентльмен из Северной Каролины напоминает мне мальчика, который повернулся так быстро, что задняя часть его штанов оказалась с обеих сторон. (Смех.) Джентльмен говорит, что я тоже был в Норристауне; но где были он и члены Палаты представителей? Ну, пили свой грог. (Смех.)

Мистер Стэнли: "Я приказываю официальным репортерам не позволять его (мистера Гиддингса) преступной руке касаться ни единого слова из того, что я говорю, поскольку мы знаем, как он в прошлом искажил моего коллегу из округа Ориндж и своего собственного коллегу из округа Чилликот, изменив свою речь после того, как попал в свою комнату со своими цветными друзьями. (Смех.) Он говорит о моих коллегах: но видел ли его кто-нибудь когда-нибудь в частной приличной компании? Свободные негры могут зайти, чтобы повидаться с ним. Он не позволяет своей правой руке знать, что делает левая. Он намекает на мое отсутствие; но я не выставляю себя эталоном. Я не говорю, что всегда нахожусь в доме, как следовало бы. Он говорит, что мы были здесь, пили грог на Рождество. Где он был? В Филадельфии, пил пиво и ел устриц с бесплатными неграми. (Смех.) Что было лучше всего? Судья е. (Смех.) Он думает, что ему жилось лучше, чем нам. (Мистер Стэнли сделал паузу и, посмотрев на мистера Престона Кинга, который стоял рядом с сэром. Гиддингс заметил, повысив голос: "Помогите ему; ему нужно еще немного яда". (Голоса: "Ха, ха! Хорошо! Ха, ха!")]

Я с отвращением оставляю эту тему. Я обнаруживаю, что был в анатомической, разделял мертвую собаку. Я буду относиться к нему как к сумасшедшему, которого никогда не учили порядочности в жизни, приличиям поведения — чьи связи показывают, что он никогда не общался с джентльменами. Пусть он бредит до судного дня".

Затем разговор прекратился.

Любой, кто много видел американских джентльменов, должен знать, что подобные формулировки, содержащиеся выше, были бы отвергнуты ими полностью так же решительно, как и любым джентльменом в этой стране. Сомневаться в этом значило бы поступить с ними крайне несправедливо. Не является ли, следовательно, повторение подобных сцен лишним доказательством того, что продвижение ультрадемократических принципов приводит к понижению тона в Представительной палате и что люди с широким образованием и джентльменской осанкой не составляют большинства в этой Палате? Осмелился бы кто-нибудь из членов Совета во времена Вашингтона использовать такие формулировки или потерпел бы их какой-либо другой член совета хотя бы на мгновение? Справедливости ради следует сказать, что тон зала заседаний Сената гораздо более достойный; и многие из тех, кто был членами этого органа, приобрели всемирную репутацию как ораторы и государственные деятели.

Давайте теперь на несколько минут обратимся к этому важному предмету - судебной системе штатов, одной из особенностей которой является то, что она является самостоятельной ветвью законодательной власти. Верховный суд Соединенных Штатов является высшей судебной инстанцией в стране; он состоит из Главного судьи и восьми помощников судьи, Генерального прокурора, репортера и секретаря. Все вопросы, затрагивающие иностранных послов, консулов и т.д., рассматриваются в этом суде; и это апелляционный суд последней инстанции по делам, связанным с конституционными вопросами и различными другими, слишком длинными, чтобы перечислять их здесь. Он даже имеет право аннулировать акты Федерального конгресса в Вашингтоне, если такие акты противоречат Конституции.

Следующая статья Конституции регулирует условия, на которых только и могут быть внесены какие—либо изменения, и носит настолько своеобразный и консервативный характер, что я привожу ее полностью:-

"СТАТЬЯ V.—*Право внесения поправок.*

"Конгресс, когда две трети обеих Палат сочтут это необходимым, предлагает поправки к

настоящей Конституции или, по заявлению Законодательных собраний двух третей нескольких Штатов, созывает съезд для предложения поправок, которые в любом случае будут действительны во всех отношениях как часть настоящей Конституции после ратификации Законодательными собраниями трех четвертей нескольких Штатов или конвенциями в трех четвертях этих штатов, поскольку Конгресс может предложить тот или иной способ ратификации; при условии, что никакая поправка, которая может быть внесена до истечения года одна тысяча восемьсот восьмой закон каким-либо образом затрагивает первый и четвертый пункты девятого раздела первой статьи и что ни один штат без его согласия не может быть лишен равного избирательного права в Сенате".

Предыдущая статья является замечательным примером благоразумия и предусмотрительности и действует как сильнейшая защита от поспешных мер, которые во времена сильного волнения иногда могут получить большинство голосов, о чем впоследствии пожалеют все стороны. Если принцип, связанный с каким-либо вопросом, действительно считается жизненно важным, большинство может распустить Профсоюз, если сочтет, что поставленная цель стоит жертв.

Зарплата Главного судьи составляет около 1050 фунтов в год. Я полагаю, что этот суд неизменно состоит из людей высочайшего таланта и честности; их назначение осуществляется Президентом и одобряется Сенатом, и они остаются в должности "при хорошем поведении".^[CD] К счастью, никаких изменений в порядке или сроках этих назначений не произошло; но в разных штатах демократическая мания стерла старые ориентиры благоразумия, завещанные им их отцами. Г-н Тременхир рассказывает, что в 1833 году только 5 штатов из 24 приняли принцип избрания судей и назначения их на многолетний срок. ; в 1844 году 12 штатов из 29 приняли этот принцип; а в 1853 году 22 из 31 штата пришли к такой же резолюции. Несомненно, в этих фактах содержится важнейшее предупреждение об опасности внесения слишком большого количества демократического элемента в конституцию любой страны. Задумайтесь, хотя бы на мгновение, об опасности для общества, когда выбор судей страны может быть продиктован политической злобой или общественным возмущением; простое знание того, что это может быть так, даже если чистота масс настолько велика, что они не допускают такого зловещего влияния, простая возможность, я говорю, рассчитана на снижение уважения, которого так желательно, чтобы судебная власть когда-либо пользовалась,^[CE] и удерживать самых чистых и благородно мыслящих граждан от предложения своих услуг. Заработная плата судей варьируется от 250 фунтов. до 400 фунтов в год.

Следующий момент, на который я хотел бы обратить внимание, содержится в статье I., раздел 6 Конституции Соединенных Штатов, последний пункт которой гласит: "Ни одно лицо, занимающее какую-либо должность в Соединенных Штатах, не может быть членом ни одной из палат во время пребывания в должности". Вероятно, это была одна из самых экстраординарных ошибок, которые когда-либо совершала такая способная группа людей, как создатели Конституции; и если их целью было уберечься от коррупции и неправомерного влияния ведущих людей страны, то это явно провалилось, о чем полностью свидетельствует упомянутый выше Закон от февраля 1853 года. Только представьте себе, к чему приведет исключение всего Кабинета министров и высших должностных лиц из мест в Палате лордов и палате общин; представьте себе, что великие государственные деятели этой страны будут вынуждены передать внедрение наиболее важных мер, а также их защиту и разъяснение в другие руки. По этому поводу мистер Джастис Стори замечает: "Таким образом, с той открытой и публичной

ответственностью за принимаемые меры, которая по праву принадлежит исполнительной власти во всех правительствах, особенно в республиканском правительстве, как с ее величайшей безопасностью и силой, полностью покончено. Исполнительная власть вынуждена прибегать к тайному и невидимому влиянию - частным беседам и частным договоренностям — для достижения своих собственных соответствующих целей, вместо того чтобы предлагать и поддерживать свои собственные обязанности и меры смелым и мужественным обращением к нации в лице ее представителей. Одним из следствий такого положения вещей является то, что на исполнительную власть никогда не может быть возложена какая-либо ответственность за меры, которые планируются и осуществляются по ее предложению. Другим следствием будет — если этого еще не произошло — то, что меры будут приняты или сведены на нет частными интригами, политическими комбинациями, безответственными рекомендациями, всеми уговорами офиса и всей мертвящей тяжестью молчаливого покровительства; ... министры могут скрывать или уклоняться от любого выражения своего мнения".

В благотворительности следует предположить, что во всех нациях, которые обладают чем-либо, достойным названия свободных институтов, наиболее способные люди политического большинства составляют Кабинет министров; и, согласно рассматриваемому нами постановлению, все эти таланты исключены из советов нации, тогда как все таланты Оппозиции могут быть направлены против их мер. Признаюсь, мне непонятно, как это можно согласовать со справедливостью или здравым смыслом; ни в одном из принципов своего правительства они так полностью не игнорировали мудрость и опыт метрополии, и в том, что они имели в виду, они, по-видимому, потерпели полную неудачу. Будет справедливо по отношению к демократам сказать, что это не их рук дело; они унаследовали это несчастье и, вероятно, сохраняют его, поскольку это один из фундаментальных принципов их Конституции, и они испытывают спасительный страх — к их превеликой чести — исправить любой изъян, который они обнаружат в этом документе, чтобы, заделав одну дыру, не создать две. Они, как нация, настолько преуспели благодаря своим совместным законодательным актам и обладают такой неограниченной независимостью в своих отдельных Штатах, что, хотя исключение Кабинета министров сейчас очень широко признается ошибкой, я не видел склонности обсуждать этот вопрос; вероятно, чтобы на рассмотрение советов не были вынесены другие вопросы, затрагивающие рабовладельческие и не рабовладельческие штаты, и это снова не нарушило узы союза.

Еще одной очень примечательной — и аномальной для Республики — чертой правительства является власть президента, который, согласно Конституции, в течение своего четырехлетнего пребывания в должности имеет право править в полной оппозиции к большинству, препятствуя всем мерам, которые они могут принять, если только большинство не достигнет двух третей в обеих палатах Конгресса.

Статья I., раздел 7, пункт 2, гласит: "Каждый законопроект, который должен пройти Палату представителей и Сенат, прежде чем он станет законом, должен быть представлен президенту Соединенных Штатов; если он одобрит, он должен подписать его, но если нет, он должен вернуть его со своими возражениями в ту Палату, в которой он был внесен, которая должна занести все возражения в свой журнал и приступить к их повторному рассмотрению. Если после такого повторного рассмотрения две трети этой Палаты согласятся принять законопроект, он должен быть направлен вместе с возражениями в другую Палату, где он также должен быть повторно рассмотрен, и если он будет одобрен двумя третями этой Палаты, он станет законом".

Этой властью президента пользовались Вашингтон, Джексон, Тайлер и Полк; особенно Тайлер, который выступал против желаний большинства, даже когда эти желания были поддержаны его собственным министерством. Во время обсуждения Конституции многие из мудрейших руководителей того богатого событиями периода желали установить пожизненное президентство, но в конечном итоге был согласован четырехлетний срок; и если такие полномочия по противодействию воле большинства должны были сопровождать этот пост, то, безусловно, это был разумный вывод, к которому они пришли. В таком густонаселенном сообществе, как Великобритания, такие полномочия, будь то в руках суверена или министров, произвели бы революцию гораздо быстрее, чем за четыре года. Однако может возникнуть вопрос, не приносят ли эти полномочия зла, делая необходимыми такие частые выборы президента. По этому поводу мистер Джастис Стори заявляет: "Неудобства, связанные с такими часто повторяющимися выборами главного судьи, которые порождают фракции, объединяют интриги и будоражат общественное мнение, по-видимому, до сих пор не привлекали столько внимания, сколько это заслуживает". А канцлер Кент отмечает, что "избрание высшего исполнительного магистрата для целой нации затрагивает так много интересов, так сильно затрагивает народные страсти и создает такие мощные соблазны для честолюбия, что это неизбежно становится серьезным испытанием для общественной добродетели и даже опасным для общественного спокойствия".

Есть еще одно зло, сопровождающее эти частые выборы главного судьи, а именно огромное покровительство, которым он располагает, и масса злоупотреблений и коррупции, к которым почти неизменно приводит его применение. Помимо назначения почти всех военных, военно-морских, гражданских, судебных чиновников и чиновников по сбору налогов — некоторые из них подлежат, правда, одобрению Сената — мистер Джастис Стори замечает, что в отношении должностей низшего уровня "его покровительство, вероятно, распространяется на девяносто девять из каждых ста прибыльных должностей в правительстве". Его главным соперником в покровительстве является генеральный почтмейстер, который имеет право назначать и смещать всех заместителей почтмейстера, что, поскольку количество почтовых отделений составляет 22 688, составляет нечто значительное.

Эта власть, несомненно, была предназначена для общественного блага и для того, чтобы некомпетентные или неэффективные лица были удалены. К чести Вашингтона, зафиксировано, что за восемь лет его президентства было произведено только девять смещений. Как я уже отмечал ранее, президенту Джексону они обязаны внедрением нынешней коррумпированной системы. Согласно "Джастис Стори", вступив в должность, он уволил 233 *сотрудника*; с тех пор снежный ком неуклонно увеличивался до настоящего момента; сейчас он достиг величины, для вычисления которой потребовалась бы машина мистера Бэббиджа. Кто может сомневаться в том, что такое обширное покровительство оказывает гораздо большее влияние на выбор президента, чем любая личная квалификация для занятия высокого и важного поста? Ничто не могло бы более ясно доказать, что такое влияние имеет первостепенное значение для всех остальных, чем прошедшие выборы. От демократической партии было восемь кандидатов, среди которых не было генерала Пирса; у всех восьмерых были свои особые друзья, и каждая партия не хотела терять шанс на покровительство, на которое они могли разумно надеяться после избрания своего друга. Таким образом, они боролись так яростно, что ни у кого не было шансов набрать необходимое количество голосов, *т. е.* Большинство от общего числа опрошенных.

Поскольку различные государства делегируют Съезд для отбора кандидатов, уже работающих на местах, как они выходят из затруднительного положения в последний момент? Они берут на себя смелость выдвинуть кандидата на президентское кресло, который не был связан никакими конкретными последователями и от которого все партии надеялись получить некоторую долю хлеба и рыбы в награду за свою поддержку. Выборщики одобрили новый состав Конвента, и генерал Пирс, недавно командовавший бригадой во время мексиканской войны, был избран поразительным большинством голосов. Едва ли когда-либо какой-либо президент избирался с таким почти единодушием, и пресса была столь же безраздельна в своих восхвалениях. Каждая газета, которую я читал, в каждом месте, через которое я проходил, были полны самых безграничных восхвалений. Но обратите внимание на изменения, произошедшие за несколько месяцев. Еще до конца года половина той прессы, которая осыпала его столь бурной лестью во время медового месяца, центром которого была его инаугурация, заполнила свои колонки длинными и громкими жалобами, если не оскорблениями. И в чем заключалась главная тяжесть их оскорблений? Это была манера, с которой он распространял свое покровительство. Короче говоря, они были недовольны той долей хлеба и рыбы, которую получали, и, таким образом, объект их лести летом надежды стал мишенью для их оскорблений зимой разочарования.

Есть еще одна тема, связанная с этими выборами, которая предостерегающим тоном выступает против предполагаемого преимущества демократии. Меня не могли бы неправильно истолковать как бросающего ни малейшего тень на приятные качества, интеллектуальные способности или административные таланты любого американского гражданина, который был выдвинут на пост президента в последующие годы. Однако пусть любой непредвзятый читатель, будь то англичанин или американец, взглянет на следующие списки президентов со времени принятия Конституции, и он не сможет не заметить, что, хотя избирательное право было ограничено почти в каждом штате, те, кто был призван на этот высокий пост, были отмеченными людьми высочайшего таланта в стране — людьми, чья репутация и способности были очевидны всему сообществу; в то время как с ростом демократии те, кто избирался в более поздние годы, были людьми, каковы бы ни были их добродетели и способности, были сравнительно неизвестны. В случае с генералом Франклином Пирсом он даже не был назван сообществом; но, как мы показали, был выбран Конвентом в последний момент в качестве компромисса политических пристрастий. Давайте не будем забывать, что в то время как некоторые из более поздних президентов были избраны, Кэлхун, Клей и Вебстер, чьи имена по праву являются гордостью Республики и нарицательными в каждой семье, были обойдены вниманием.^[CF] Несомненно, эти простые факты могут послужить нам темой для полезного размышления.

Теперь мы перейдем от губернатора Республики к губернаторам отдельных штатов. Их заработная плата варьируется в разных штатах и составляет от 300 фунтов. до 2000 фунтов в год. В одних штатах они избираются народом, в других - законодательными органами: срок их полномочий варьируется; в некоторых штатах выборы проводятся ежегодно и во всех на очень ограниченный период; и при них в каждом отдельном штате есть своя Палата представителей и свой Сенат. Главная власть, которая принадлежит одному губернатору, - это власть помилования; и здесь мы можем заметить, что разумно предположить, что такое просвещенное сообщество, как Соединенные Штаты, в течение какого-либо значительного количества лет не

потерпело бы самого вопиющего злоупотребления такой властью, как помилование; и, следовательно, если будет обнаружено, что такое злоупотребление действительно существует сейчас, оно должно было расти вместе с постоянно растущим демократическим элементом.

Г-н Тременхир в основном цитирует работу доктора Либера, профессора политической философии в Государственном колледже Южной Каролины. Среди других подобных текстов встречается следующий отрывок: "Я считаю огульное помилование, столь частое во многих частях Соединенных Штатов, одной из самых враждебных вещей, действующих в настоящее время в нашей стране, совершенному правовому государству". В другом месте он заявляет, "что Нью-Йоркский комитет установил, что есть люди, которые регулярно добывают помилование для осужденных, за счет чего они поддерживают себя". Далее он говорит: "К этому заявлению мы должны теперь добавить еще более ужасающий факт, о котором мы бы умолчали, если бы это позволял наш долг, а именно, что совсем недавно губернатор крупного штата — штата, одного из передовых в области тюремной дисциплины, — был открыто и широко обвинен в получении денег за свое помилование. Мы не в нашей власти утверждать, правда это или нет, но очевидно, что с положением вещей, которое допускает подозрения и обвинения, столь унижительные и столь разрушительные для здоровья, мириться не следует". Затем он присоединяет эту заметку: "Пока эти материалы проходят через прессу, газеты сообщают, что губернатор крупного штата одним махом помиловал тридцать преступников, среди которых были некоторые из худших личностей, покинув губернаторское кресло". Среди выводов, которые доктор Либер делает по этому поводу, следующий поразительный: "Исполнительная власть в нашей стране устроена так, что при обычном ходе вещей от него нельзя ожидать, что он будет сопротивляться злоупотреблениям; по крайней мере, что он не будет сопротивляться им во многих случаях".

Приведенные выше выдержки, безусловно, имеют немалый вес, если вспомнить, что они вышли из-под пера профессора-республиканца, писавшего о "Гражданской свободе и самоуправлении". Я не претендую на то, чтобы утверждать, что такие грубые случаи, на которые он ссылается, были мне известны во время моих поездок, но я, безусловно, слышал обвинения, выдвинутые против губернаторов, более чем в одном случае, в помиловании посредством коррупционного влияния.

Сейчас я дал беглый обзор ведущих черт исполнительной власти Соединенных Штатов; и при этом я попытался указать на последствия, к которым привело постепенное проникновение демократического элемента. Этот вопрос представляет глубочайший интерес для нас, англичан, поскольку долг каждого правительства расширять, насколько это совместимо с благосостоянием нации, свободу подданных. Приведенные выше замечания о конституции Соединенных Штатов кажутся мне убедительными в отношении одного факта, а именно того, что демократический элемент может быть введен настолько широко, что, несмотря на высокий уровень национального образования и мирского процветания, его влияние окажет наиболее пагубное воздействие на правительство страны.

Эту истину нельзя слишком подчеркивать, поскольку, несомненно, перемены - это мания дня; и поскольку в свободной стране все конституционные изменения должны иметь либеральную направленность, нашим законодателям надлежит глубоко и терпеливо изучать эффект, произведенный на любую страну, конституция которой более демократична, чем наша, чтобы дать им возможность, неуклонно прогрессируя с возрастом, понимать, когда благополучие их

страны требует от них, как истинных патриотов, противостоять тем мерам, которые угрожают нанести ущерб социальной структуре, которой они руководствуются. Ни одна область не может предоставить им более выгодных тем для размышлений, чем Соединенные Штаты. Независимо от того факта, что ее институты более демократичны, чем наши, она обладает естественными преимуществами, которые позволяют ей осуществлять их, чего нет у нас; и, следовательно, британский государственный деятель всегда может с пользой изучить ее карьеру, когда в его собственной стране возбуждается какое-либо крупное либеральное движение.

Чтобы никто не был склонен вообразить, что сделанные мной заявления или сделанные мною выводы являются просто предрассудками путешественника, воспитанного при конституционной монархии, я добавлю отрывок, показывающий выводы, к которым пришел один из самых способных людей Америки.

Епископ Хопкинс в обращении, произнесенном перед Палатой представителей Тринити-колледжа в Хартфорде, после восхваления мудрости и патриотизма основателей его страны как "мудрых мастеров-строителей благороднейшей республики в мире", спрашивает, каково ее нынешнее состояние после семидесятилетнего краткого опыта? Вот ответ: "Во—первых, мы слышим со всех сторон обвинения в политической коррупции. Подкуп практикуется на всех наших выборах. Победившая сторона ожидает получения служебных трофеев как нечто само собой разумеющееся. Президент Соединенных Штатов не осмеливается быть беспристрастным, ибо, если бы он был беспристрастен, он потерял бы доверие своих друзей, не завоевав доверия своих врагов. Старейшие государственные деятели и самые выдающиеся не могут следовать диктату своих собственных суждений и совести без того, чтобы их не упрекнули в том, что они расставляют ловушку для президентского кресла. Сами законы Конгресса устанавливаются как результат личной продажности или амбиций. Палата представителей или даже Палата Сената каждый год подвергаются позору из-за неистовых страстей и яростного осуждения. Варварская и нехристианская дуэль считается совершенно неизбежной, если ее не предотвратить объяснениями, которые могут удовлетворить мирскую честь, при полном презрении ко всем религиозным принципам. И ни один член ни одной из Палат не может приступить к исполнению своих общественных обязанностей с какой-либо уверенностью в том, что его не оскорбят грубой бранью до окончания рабочего дня. И все же наши правители никогда не устают восхвалять характер Вашингтона, как будто они были вполне убеждены, что прошло то время, когда от них можно было ожидать подтверждения языка восхвалений актом подражания. Когда мы смотрим на другие классы общества, то снова сталкиваемся с тем же обвинением в продажности и коррупции. Наши торговцев обвиняют во всех видах нечестного управления; наших брокеров - в спекуляции акциями; наших городских олдерменов - во взяточничестве; наших юристов - в мошенничестве; наших судей - в пособничестве виновным. То же самое поклонение Маммоне, похоже, управляет всем, и нынешняя фраза "всемогущий доллар" является печальным, но мощным показателем вселенского греха, в который вовлечена масса нашего населения".

Прекрасно осознавая, в каком "стеклянном доме" коррупции мы сами живем, я цитирую вышесказанное не для того, чтобы "бросить камень", а вставляю его просто как предупреждение о направлении, в котором нам не следует стремиться к продвижению в очищении.

СНОСКИ:

[CB]

Почему в наших ежегодных дебатах в парламенте и во всех журналах того времени, от *Times* до *Morning Advertiser*, Соединенные Штаты всегда упоминаются как республика, где голосование завершилось успешно, хотя нет оправдания тому, что самый образованный человек не знает о том факте, что голосования, как оно понимается в этой стране, у них не существует? К их чести, следует сказать, что они проводят тайное голосование в знак государственного неуважения.

[CC]

Бюллетень для голосования, преподобный Сидней Смит, 1839 год.

[CD]

Это выражение, как в Америке, так и в Англии, равносильно — на всю жизнь.

[CE]

Смотрите заранее, мнение нью-йоркской прессы о судебном процессе над Мэтью Ф. Уордом.

[CF]

Г. Вашингтон 1789
Дж . Адамс 1797
Т. Джефферсон 1801
Дж . Мэдисон 1809
Дж . Манро 1817
Дж. К. Адамс 1825
А. Джексон 1829
М. Ван Бюрен 1837
У.Х. Харрисон 1841
Дж . Тайлер 1841
Дж. К. Полк 1845
З. Тейлор 1849
М. Филмор 1850
Ф. Пирс 1853

ГЛАВА XXVIII.

Церковь, Школа и Закон.

Хотя Церковь не имеет никакого отношения к государству, она всегда должна быть самым важным элементом в любой христианской общине. Поэтому я привожу таблицу различных наименований, чтобы читатель мог с первого взгляда получить ту конкретную информацию, которую он может пожелать. Некоторые деноминации, приведенные в этой таблице, конечно, снова разделены на другие секты, такие как "реформатские методисты", "Епископальные методисты", "Уэслианские методисты", "Баптисты шести принципов", "Баптисты седьмого дня", "Баптисты, выступающие против миссии" и т.д.

Деноминации.	Количество совокупной стоимости	Церкви.	Размещение.	из
				Церковная собственность.
				£

Баптисты	8791	3,130,878	2,295,590	
Христианский	812	296,050	177,621	
Конгрегационный	1674	795,177	1,674,532	
Голландский реформатский	324	181,986	860,313	
Епископальный	1422	625,213	2,365,013	
Свободный	361	108,605	52,973	
Друзья	714	282,823	359,071	
Немецкий реформат	327	156,932	29,024	
Еврей	31	16,575	78,036	
Лютеране	1203	531,100	602,205	
Меннониты	110	29,900	19,791	
Методисты	12,467	4,209,333	3,073,700	
Моравцы	331	112,185	93,002	
Пресвитериане	4584	2,040,316	3,017,675	
Католики	1112	620,950	1,884,505	
Сведенборгианец	15	5,070	22,701	
Тункер	52	35,075	9,665	
Союз	619	213,552	144,913	
Унитарный	243	137,367	686,305	
Универсалист	494	205,462	371,073	
Второстепенные секты	325	115,347	155,815	
Итого	36,011	13,849,896	£17,973,523	

Если приведенную выше таблицу можно использовать для обозначения всего населения, то будет видно, что один человек из каждых трех является методистом, и только один из каждых

двадцати двух является католиком; но что более достойно внимания, так это то, что в рамках добровольной системы было предусмотрено для общественного богослужения.

Здесь мы видим жилье, предоставленное для 14 000 000 человек при населении в 23 000 000 человек, из которых 3 000 000 — рабы. В то же время следует также отметить, что все эти церкви не обязательно снабжены служителями. Поскольку их поддержка зависит от их общины, иногда случается, что служитель умирает с голоду, и может пройти некоторое время, прежде чем будет назначен преемник; неудобства, связанные с этим непредвиденным обстоятельством, очевидны. Я лично наблюдал не один такой случай, когда путешествовал по стране.

Что касается распределения церквей, то единственная особенность, которую я наблюдаю, заключается в том, что унитарийская община, похоже, почти вся собрана в одном месте, и это место является Страной Отцов-пилигримов и государством, которое считается передовым в области образования. Из 243 церквей 163 расположены в Массачусетсе. Я никогда не слышал, чтобы приводились какие-либо доводы в пользу этого любопытного факта; несомненно, великие таланты Ченнинга имели тенденцию увеличивать их число, но вряд ли могли объяснить экстраординарную пропорцию, установившуюся в этом штате.

Пропорционально их численности, будет видно, что Епископальная является самой богатой из всех Церквей; и все же мы находим жалобы на недостаточную поддержку их служителей. Епископ Массачусетса Истберн в пастырском письме заявляет, что в его епархии "респектабельные родители не будут воспитывать своих детей для профессии священнослужителя, потому что зарплата едва ли спасает людей от голода". Насколько это верно вообще или ограничивается его собственным окружением, я не могу сказать. Епископальная церковь в Америке свободна от жестоких группировок, которые отвлекали внимание и бросали тень на сестринскую церковь в этой стране. Ребяческая борьба из-за стихарей, свечей, ступеней к алтарям и подношений из брюссельского кружева, по-видимому, привлекла мало внимания среди тех в Америке, чьи богословские взгляды совпадают с крайне высокопоставленной партией в Англии: и я никогда не слышал за время своего пребывания в Штатах ни одного из тех жестоких и безжалостных высказываний, которыми слишком часто изобилуют дискуссии на религиозные темы в этой стране; да и епископальное сообщество ни в коем случае не разделено так сильно, как здесь. Епископ Новой Зеландии гораздо ближе к их типу, чем скандальный прелат Эксетера.

Книга общей молитвы, составленная по Соглашению в 1790 году, вполне заслуживает внимания и во многих отношениях подражания. Эти страницы - неподходящее место для богословской дискуссии, и моя единственная причина вообще затрагивать эту тему заключается в том, что общественный голос постоянно призывает к некоторому изменению большой продолжительности наших нынешних воскресных служб, и поэтому я прихожу к выводу, что следующие наблюдения могут быть интересны некоторым из моих читателей.

Основными пунктами сокращения являются— исключение всех повторений, таких как Молитва Господня, Символ веры и "Сбор на день"; часть заключительной части Ектении опущена по усмотрению служителя. Служба Причастия проводится не каждое воскресенье. Я полагаю, что Церковь разрешает это упущение по усмотрению служителя, поскольку я не раз присутствовал на службе, когда Причастие не читалось; при чтении заповедь Нашего Господа, Матфея ххii. 37-40, следует заповедям Ветхого Завета, и краткий Сбор, за которым следуют Сбор, Послание и Евангелие на день, завершают эту часть службы. Независимо от обычных псалмов, на этот день

есть десять отдельных коротких сборников, любой из которых служитель может заменить соответствующими псалмами, и Gloria Patri произносится только после последнего псалма.

Основные отличия от нашей собственной "Общей молитвы" заключаются в следующем: — Они назначают соответствующие вторые уроки на воскресенье, вместо того чтобы оставлять их на волю Календаря; — они помещают Никейский и Апостольский символ веры рядом и предоставляют служителю выбирать, что ему больше нравится, и использовать, если он считает нужным, слово "Гадес" вместо Ада. Они полностью удаляют афанасианский символ веры из Молитвенника, предоставляя священнику объяснять тайны, которыми этот символ веры так кратко располагает. Если учесть, сколько епископалов выступают против его осуждающих положений и насколько больше другие вероучения напоминают этот образец простоты - Молитву "Отче Наш", то они, по-видимому, проявили разумную осмотрительность при таком исключении. Я полагаю, мало кто из глубоко мыслящих людей мог бы без боли слушать, как дети приходской школы читают ответы на этот символ веры после священника.

Чтобы мимолетное мнение путешественника по этому поводу не было сочтено поспешным или непочтительным, я позволю себе процитировать мнение епископа Томлайна. Он говорит— "Были выдвинуты серьезные возражения против положений, которые осуждают вечное проклятие тех, кто не верит в изложенную здесь веру; и, безусловно, следует сожалеть о том, что утверждения столь императивного характера, необъяснимые и безоговорочные, должны были использоваться в каком-либо человеческом сочинении.... Хотя я твердо верю, что все доктрины этого символа веры основаны на Священном Писании, я не могу не считать излишним и самонадеянным говорить, что "если каждый не будет соблюдать их в целостности и незапятнанности, он, без сомнения, погибнет навеки". Мистер Уитли также, когда пишет о Символе веры, говорит, что третий и четвертый стихи составляют символ веры, и что то, что следует "требует нашего согласия не больше, чем проповедь, сделанная для доказательства или иллюстрации текста". — Резюмировать.

У них есть надлежащие молитвы и благодарственные возношения для людей, которые желают ими воспользоваться, вместо того, чтобы, как у нас, вводить несколько слов в обычное богослужение. Они предоставили обширную коллекцию псалмов и гимнов для пения в церкви, и никакие другие использовать не разрешается. В начале каждого псалма и гимна отмечена соответствующая ему "Gloria Patri". Неудобство полного отсутствия такого обеспечения в нашей Церкви наиболее ощутимо. Незадолго до того, как я уехал в Америку, я посещал приходскую церковь в этой стране, где большая часть использованных псалмов была собственного сочинения священника, и, если я правильно помню, книга стоила полкроны. Я приехал в город и обнаружил, что в моей приходской церкви был проведен отбор с санкции епископа Лондонского. После моего возвращения из Америки я ходил в ту же лондонскую церковь, под руководством того же епископа, и я нашел совершенно другую книгу в обиходе.— Вышеизложенное является основными изменениями в воскресных службах.

Изменения в других службах заключаются главным образом в следующем:—В службе полного Причащения слово "осуждение" заменено словом "проклятие" в уведомлении о намеке. Вся проклятая фраза в увещании, от слова "недостойно" до "различных видов смерти", исключена. Первая молитва в нашей Церкви после приема видоизменяется ими в жертвоприношение и призыв и предшествует приему. В остальном сервис почти такой же, как у нас.

Они убрали нежелательное начало Брачной службы; но, не довольствуясь этим, они также убрали всю службу, которая следует за благословением священника после оглашения бракосочетания, и, таким образом, сократили ее до пятиминутной церемонии. Возвращаясь к этому вопросу, я также могу заметить, что, судя по проведенным мною исследованиям, я полагаю, что лишь немногие из тех браков заключаются, когда мужу и жене не позволяют преклонять колени у одного алтаря, когда их высшие интересы никогда не могут быть предметом взаимного обсуждения, и когда дети либо воспитываются вообще без каких-либо устоявшихся религиозных представлений, либо же достигается компромисс, и девочки получают образование в одной церкви, а мальчики - в другой. Короче говоря, я полагаю, что католики в Америке женятся, но редко вне рамок своей собственной церкви. Я не могу сказать, что представляет собой закон о разводе, но, похоже, он предлагает гораздо больше возможностей, чем было бы одобрено в Англии. Один джентльмен упомянул мне о двух случаях, в одном из которых жена получила развод без ведома мужа, хотя и проживала в том же штате; в другом жена вернулась в Штат, из которого ее увез муж, и там получила развод без его ведома.— Возвращаясь к этому отступлению. При посещении больных они отменили это личное отпущение грехов священником, формулировка которого настолько предвзятая, что, если я правильно информирован, она редко используется священниками в Англии. В "Погребении мертвых" они изменили две заключительные молитвы в тех предложениях, которые относятся к умершему. Разделение они полностью исключили. Они добавили полноценную службу для посещения заключенных и День благодарения за урожай; и они предусмотрели форму утренней и вечерней молитвы для семей.

Вышесказанное представляет собой основные отличия. Конечно, есть много второстепенных, которые носят чисто словесный характер, таких, например, как исключение цитаты из Священного Писания "Царь царей, Господь господствующих" из молитвы за президента, вероятно, из уважения к предрассудкам республиканцев, и это упущение они частично искупили, заменив более величественное выражение "единственный правитель Вселенной" вместо более ограниченного термина "единственный правитель князей". Вдаваться во все эти словесные изменения было бы одинаково утомительно и бесполезно. Надеюсь, написано достаточно, чтобы передать общее представление о наиболее ярких и интересных моментах различия.

Другие церкви, пересаженные в это полушарие, по-видимому, наиболее существенно отличаются от родительского стада. Таким образом, я нахожу в альманахе за 1853 год "Методистская епископальная церковь (Север) - 3984 служителя и 662 315 прихожан", а под ними "Методистская епископальная церковь (Юг)" без каких-либо статистических данных. Я сожалею, что не могу рассказать читателю какую-либо историю этой западной иерархии. Я даже не знаю, через какой процесс епископии они проходят, является ли он полностью мирским или полностью клерикальным, или же это слияние того и другого. Сначала я предположил, что это уэслианское ответвление, но я не могу найти никаких указаний на этот факт; и, более того, уэслианцы - очень маленькая организация, насчитывающая 600 служителей и 20 000 прихожан. Я упоминаю об этом только потому, что мне кажется, это совершенно новая черта в организациях Несогласных — в том понимании, в каком она понимается в Англии. Еще одно любопытное изменение, вызванное этим западным климатом, заключается в том, что все мои друзья-пресвитериане становятся инструментально музыкальными. Я не помню, чтобы, войдя в какую-либо из их церквей, я не нашел органа и во многих случаях очень хорошего хора. Хотя я высоко оцениваю улучшение звучания, я уверен, что многие мои соотечественники на

крайнем севере предпочли бы увидеть в своей церкви картину, изображающую сатану на груди Авраама, а не какой-либо музыкальный инструмент. Такова сила привычки и предрассудков.

То, до какой степени увеличилось число церквей в Америке, несомненно, делает большую честь сообществу, если вспомнить, что все различные деноминации поддерживаются добровольно. И не только их количество заслуживает внимания: все здания имеют в той или иной степени церковный вид, и многие из них являются прекрасными образцами архитектуры. Кроме того, они всегда содержатся в чистоте и хорошем порядке; вы никогда не найдете тех неприглядных амбаров, а тем более той ветхости, с которой часто сталкиваетесь на метрополии. Я сам был дома в церкви, где пол был полностью стерт, а снаружи посыпан гравием, и где сиденья были такими шаткими, что в любой момент можно было ожидать падения. Прихожане были бедными горцами, это правда, но владелец земли был человеком со значительным состоянием.

После моего возвращения в Англию я побывал в прекрасной старой приходской церкви в одном из графств Мидленд; здание находилось в самом плачевном состоянии, а поручень для причастия служил пюпитром, в то время как внутри располагался оркестр из двух скрипок и бас-виолы. Первые три года своей службы священник получал непомерное вознаграждение в тридцать фунтов в год; с тех пор он приступил к обязанностям приходского школьного учителя, жалование которого, увеличенное на небольшую сумму от Щедрот королевы Анны, позволяет ему поддерживать тело и душу в единстве. Но, конечно, школа поглощала все его время, за исключением того, что было необходимо для подготовки его выступлений, и его прихожанами неизбежно и полностью пренебрегали, пока на помощь не пришли несогласные священники. Как естественное следствие, они вскоре последовали за священниками, которые сделали их объектами своей заботы, и когда я посетил эту прекрасную старую приходскую церковь, прихожане, независимо от оркестра и приходской школы, состояли из одиннадцати душ, трое из которых были выходцами из собственного дома священника. Возможно, вы напрасно будете пытаться провести параллель с подобным случаем по всей Республике.

Теперь я предлагаю высказать несколько замечаний о неверии в Соединенных Штатах. По этому поводу у меня нет статистических данных, на которые я мог бы сослаться, и я не верю, что таковые существуют. Поэтому я не могу составить никакого представления о его масштабах; но открытый способ, которым некоторые партии не только выражают свои сомнения в подлинности Священного Писания, но и оспаривают каждую доктрину, которая в нем содержится, и открыто объявляют его врагом человека, заслуживает некоторого внимания. В Хартфорде, в одном из штатов Новой Англии (Коннектикут), где, я полагаю, образование может считаться таким же универсальным, как и в любом другом штате Союза, в течение многих дней проходил съезд исмитов.

Встреча была сочтена достаточно важной, чтобы ежедневно занимать несколько колонок в одном из ведущих нью-йоркских журналов и нанять специального репортера. Он озаглавлен так — "ВСТРЕЧА ФИЛОСОФОВ, ТЕОЛОГОВ, МЫСЛИТЕЛЕЙ, СИЛЬНЫХ ДУХОМ ЖЕНЩИН, ДУХОВНЫХ РЭПЕРОВ, АТЕИСТОВ И НЕГРОВ". Подробности этого Съезда были бы слишком утомительными; я предлагаю привести лишь некоторые из их резолюций. Решено — "Что Библия в некоторых частях Ветхого и Нового Завета санкционирует несправедливость, сожительство, проституцию, угнетение, войну, грабеж и массовые убийства, и, следовательно, что Библия в целом возникла,^[CG] является ложной и наносит ущерб социальному и духовному росту человека". После чего председатель продолжает доказывать (?), что это чисто по-человечески, и т.д. В

другой резолюции повторяется первая и добавляется, что "пришло время заявить о ее неправдивости и разоблачить тех, кто виновен в ее обмане". Затем следует резолюция для особого рассмотрения рабовладельцами: "Решено, что для этой нации является верхом дерзости и нечестия принимать Библию как богодухновенное Слово Божье, а затем объявить уголовным преступлением передачу ее любому из миллионов людей, которых держат в качестве рабов на ее земле, таким образом замышляя сделать их несчастными здесь и после". Затем следует благотворительная резолюция, в которой они заявляют о своей вере в то, что все духовенство "с готовностью сожгло бы Библию завтра, если бы этого потребовали общественные настроения". Один из ораторов приносит Библию в коллегия адвокатов геологии, и там осуждает ее, и рекомендует "индусам учредить миссию по просвещению христиан этой и других стран". Он верил, что священство и Библия противостоят любой свободе и прогрессу и являются злейшими врагами человечества".

Другой член этой богохульной группы приходит в сильное негодование из—за того, что православные священнослужители — которые, вероятно, помнили, что "порочные связи развращают хорошие манеры" - не захотели встретиться с ними на их неверующей платформе, и он представляет резолюцию, в которой говорится, что "своим отсутствием они открыто заявили о своей неверности своим исповеданиям богословской веры и, таким образом, признали слабость и безумие своих высокомерных предположений и доказали, что они любят народную благосклонность больше, чем общее благо; и поэтому они моральные трусы, фарисеи девятнадцатого века, стремящиеся все больше и больше поработать разум". человека" и т.д. Затем другой оратор предлагает резолюцию о том, что дух и гений библейской религии - это не система спасения от греха и его последствий, а система осуждения на грех и его последствия; что она является другом морального и духовного рабства и, следовательно, "врагом человеческой ментальной и духовной свободы". Впоследствии решительная женщина по имени миссис Роуз появилась на платформе среди значительного шума, после чего погасила газ и распевала песни. После тяжелой борьбы даме удалось выразить свои чувства в таких мягких и христианских выражениях: "Церковь у тебя на шее. Ты хочешь быть свободным? Тогда попирайте Церковь, священника и Библию своими ногами". — Заседание последнего дня завершилось скандалом на галерее из-за драки, в ходе которой был обнажен кинжал; а затем Съезд был отложен до следующего года.

Читатель не должен воображать, что я заявляю это как указание на тон религиозных чувств в штатах Новой Англии, — отнюдь нет; но мне кажется заслуживающим внимания фактом, что Съезд такого характера и масштаба, считающийся достаточно важным, чтобы нанять специального репортера ведущего журнала Нью-Йорка, при любой возможности собирается днями напролет и дает выход таким богохульным чувствам среди людей, столь щедро образованных и столь обильно снабженных средствами религиозного воспитания. Я только надеюсь, что неверие всей Республики было собрано в этом едином собрании и что, собравшись в столь неподходящей атмосфере, все они вернулись в свои дома, пропитанные более чистой атмосферой, присущей подавляющему большинству людей.

Предмет образования, естественно, следует за Церковью; но в этом вопросе любая попытка быть точным безнадежна. Связано ли это с разнообразием школьных систем в разных штатах или с каким-то врожденным недостатком в мерах, принимаемых для получения информации, я не могу претендовать на то, чтобы сказать; но расхождения между сделанными утверждениями настолько велики, что я могу лишь претендовать на то, что даю умеренное приближение к

истине, о чем тем более следует сожалеть, поскольку средства, предоставляемые для образования по всей длине и ширине Республики, составляют одну из ее благороднейших черт. В приблизительных цифрах они могут быть сформулированы следующим образом:—

Школы.	Количество.	Инструкторы.	Ученики.
--------	-------------	--------------	----------

Государственные	81,000	92,000	4,000,000
Колледжи	220	1500	20,000
Академии и другие	6,000	12,000	261,000

Из вышеперечисленных колледжей на богословие претендует 44, на медицину - 37, на юриспруденцию - 16.

Среди расходов различных колледжей, на которые я могу сослаться, я нахожу Университетский колледж в Вирджинии, срок обучения в котором составляет 44 недели, самым дорогим. Ежегодные расходы студента следующие: —Расходы на колледж — 40л.; питание - 22л.; стирка, топливо и освещение - 4л. - всего - 70л. Очевидно, что здесь не предусмотрены ужины с шампанским, охотники, тандемы и другие "предметы первой необходимости" наших университетских студентов, включая несколько "вспомогательных средств" в виде I O U. Красные мундиры, высокие сапоги, регалии Hudson's и таинственные счета за украшения, которые мужчины не носят. Несомненно, некоторые папы предпочли бы питание в Вирджинии; но тогда они должны помнить, что парни-республиканцы ходят в колледж, чтобы чему-то научиться, в то время как многие папы отправляют своих первенцев в Оксфорд и Кембридж, чтобы уберечь себя от неприятностей и уберечь молодежь от проказ в трудный период жизни, называемый "неуклюжестью". Как они преуспевают, довольно хорошо известно им самим, и, вероятно, их банкиры также имеют некоторое представление; и все же, несмотря на все эти недостатки, кто будет отрицать, что из этих учебных заведений ежегодно выходят одни из самых мужественных и благородных, а также одни из самых образованных и трудолюбивых молодых людей в стране?

Коснувшись некоторых деталей воспитания в различных местах во время моих путешествий, я не буду злоупотреблять терпением читателя, останавливаясь далее на этом предмете, за исключением того, что обращаю внимание на следующее важное правило, касающееся детей на фабриках; и я искренне надеюсь, что оно может привлечь внимание лорда Шафтсбери или кого-либо другого из его помощников в благородном деле защиты и воспитания беспомощной молодежи. Это постановление в той или иной форме существует во многих штатах. Я привожу его формулировку из Массачусетса: —

"Ни один ребенок в возрасте до пятнадцати лет не может быть нанят на какое-либо производственное предприятие, если только такой ребенок не посещал какую-либо государственную или частную дневную школу, где обучение проводится учителем, имеющим квалификацию в соответствии с законом для обучения орфографии, чтению, письму, грамматике английского языка, географии, арифметике и примерному поведению, по крайней мере, один семестр продолжительностью одиннадцать недель из двенадцати месяцев, следующих за моментом такой работы, и в течение того же периода в течение любых двенадцати месяцев, в течение которых такой ребенок должен быть нанят таким образом".

Хотя мои друзья-рыбаки, вероятно, хорошо знакомы с морскими юристами, обычный читатель может быть удивлен, увидев любой намек на закон в устах морского капитана. Поэтому я прошу сообщить ему, что следующие наблюдения по чрезвычайно интересному вопросу предоставлены мне другом, который на законных основаниях чувствует себя как дома в этом сложном бизнесе и который уделил много внимания изучению метода, с помощью которого земля передается в Соединенных Штатах с такой легкостью и с такими небольшими затратами:

"В Америке все передачи земли, будь то абсолютные или только в виде ипотеки, за исключением некоторых имущественных прав, должны быть зарегистрированы в течение установленного или разумного срока после их оформления. Регистрация - это конструктивное уведомление для всего мира; если документ не зарегистрирован, он действителен только в отношении его участников, а также наследников и правопреемников лица, предоставляющего право. Однако, как правило, уведомление, полученное покупателем до его покупки, если будет четко доказано, помешает ему воспользоваться преимуществом, хотя он, возможно, заранее зарегистрировал свой собственный титул.

По старым законам Массачусетса все передаточные документы должны были регистрироваться, "чтобы ни кредиторы не были обмануты, ни суды не беспокоили досадными исками и бесконечными спорами". Из-за количества реестров, установленных в каждом округе, и совершенства их организации накопление документов не доставляло неудобств, несмотря на ранний период, к которому они относятся. В реестре округа Саффолк, Массачусетс, можно увидеть копии документов с 1640 года по настоящее время. Они заключены в 640 томов и пока не занимают много места. В последнее время их количество растет, и за последние 25 лет их объемы выросли с 250 до нынешнего числа.

"Реестр округа Филадельфия, штат Пенсильвания, содержит в умеренных пределах сведения о делах с 1683 года и ниже. На них ссылаются индексы следующего плана: Все документы, совершенные в течение определенного времени и в которых имя лица, предоставляющего право, начинается с одной и той же буквы алфавита, объединены в один том; таким образом, том, помеченный "Н 1820-1847", содержит все документы, совершенные за этот период лицами, предоставляющими право, имена которых начинаются с Н. Один том указателя содержит имена всех лиц, предоставивших гранты за эти годы, в алфавитном порядке, другой - имена всех получателей грантов, и оба относятся к тому и странице книги деяний. В третьем указателе приведены имена лиц, предоставляющих право, и получателей грантов, расположенные в хронологическом порядке, в соответствии с годом, в котором был оформлен договор, участниками которого они являлись.

"Первоначальные документы остаются во владении владельцев, но имеют второстепенное значение. Они написаны простым, разборчивым почерком на бумаге, пергамент используется редко. Подписи сторон, конечно, обязательны; но печать, которая необходима для оформления сделки в Англии, во многих Штатах обходится без нее. Обычай регистрации устраняет необходимость в тех длинных описаниях, которые так переполняют английскую передачу, и предпочтительны самые короткие из возможных форм соглашений. Передача в США свидетельствует только о том, что лицо, предоставляющее право, передает описанное в нем имущество, которое или часть которого было передано ему таким-то лицом по акту такой-то даты, и в примечании на полях указаны том и страница, на которых можно увидеть упомянутый таким образом акт.

"Преимущества регистрации заключаются в большей гарантии права собственности, а также в краткости и экономичности перевозок. Пример Соединенных Штатов показывает, что в англосаксонских законах о недвижимости нет ничего, что делало бы такую систему невыполнимой. Несколько самых выдающихся юристов Бостона заявили, что их регистрация прошла легко и безопасно; единственное желаемое изменение было внесено некоторыми, которые выразили пожелание, чтобы было создано больше реестров, например, по одному для каждого округа, а не для каждого округа. Все они выразили свое удивление по поводу того, что аналогичный план не так давно был принят в Англии. Они признали, что сделки с собственностью были более простыми в Америке, где строгие расчеты либо не разрешены, либо вообще не используются, но утверждали, что реальные препятствия для регистрации в этой стране заключаются не столько в сложности ее проведения, сколько в предрассудках землевладельцев, своекорыстии юристов и суеверном страхе Джона Булля перед всем, к чему он непривычен".^[CH]

Я не юрист, как я уже отмечал ранее, и поэтому не претендую на то, чтобы высказывать свое мнение о деталях предыдущих замечаний; но о результатах, полученных с помощью их системы, я, безусловно, могу говорить, поскольку я видел передачу собственности без малейших проблем и за несколько шиллингов, которая, из-за задействованной суммы и связанных с ней сложностей, в случае передачи в этой стране заставила бы фирму Screw, Skinflint и Stickem усердно работать над ртами, а когда закончила, потребовалась бы неделя, чтобы составить счет расходов., &c.

СНОСКИ:

^[CG]

Я полагаю, что предполагается, что это произошло *от Божества*.—Н.А.М.

^[CH]

Сообщено мне мистером Дж.Г. Додсоном, сыном почтенного сэра Дж. Додсона, декана Arches и с.

ГЛАВА XXIX.

Изобретения и оскорбления.—Palquam qui meruit ferat.

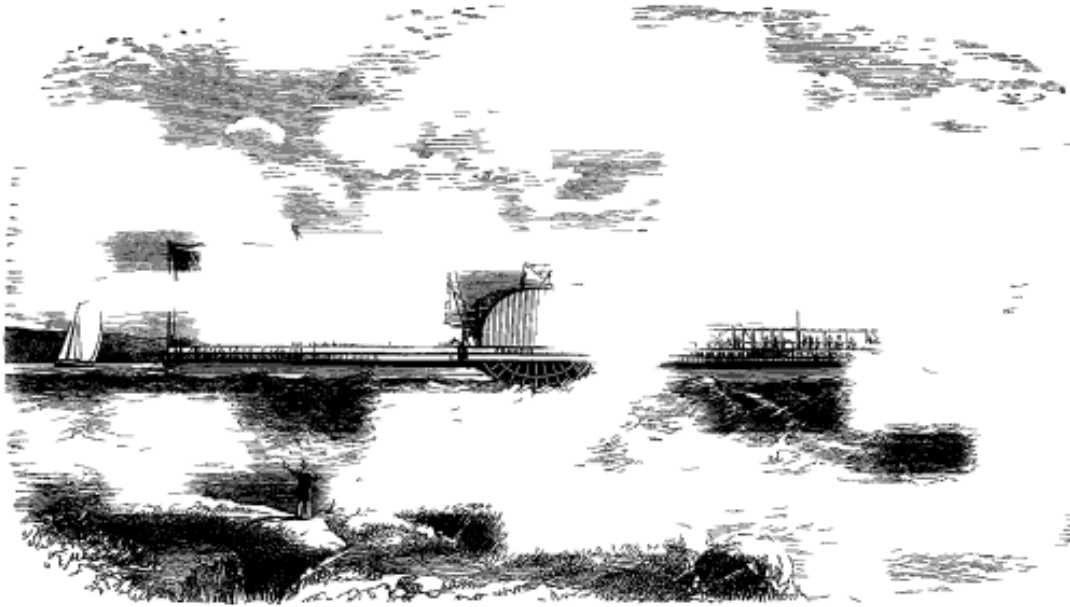
Когда пишешь о праве, начинаешь судиться; поэтому я пользуюсь этой возможностью, чтобы высказать несколько замечаний по поводу претензий Америки. Я не собираюсь поднимать

вопрос о рыболовстве в заливе Фанди и др., потому что британская либеральность отказалась от права, сохранение которого было источником постоянного раздражения наших соседей-республиканцев. Я должен, однако, процитировать несколько строк из работы их способного канцлера Кента, чтобы показать, насколько полностью оправданными были наши претензии на суверенитет залива Фанди. Если обратиться к работе канцлера по международному праву, то окажется, что он указывает своим соотечественникам на их право на суверенитет над линиями, простирающимися "от мыса Энн до мыса Код, от Нантакета до Монтаук-Пойнт, оттуда до мысов Делавэр и от Южного мыса Флориды до Миссисипи". Учитывая такие массовые претензии с их стороны, потребовалось бы нечто большее, чем скромные гарантии, чтобы оспорить право Англии на залив Фанди. Но мой судебный процесс с Республикой касается некоторых из их претензий на изобретения, которые они выдвигают настолько неприкрыто, что неосторожных или неискушенных — а эти две части человеческой семьи составляют подавляющее большинство — постоянно вводят в заблуждение, заставляя поверить в их истинность; и гражданам Республики не мешало бы помнить, что, выдвигая необоснованные претензии на одни открытия, они дают справедливые основания подвергать сомнению свои законные притязания на другие.

Первое, о чем я упомяну, касается Fulton и steam. Мистер Чарльз Кинг, президент Колумбийского колледжа, в лекции, прочитанной перед Институтом механики на Бродвее, Нью-Йорк, в декабре 1851 года, утверждает, что Фултон "применяет известную силу *по-новому и для новых, ранее немыслимых целей*". Итак, каковы реальные факты? Джеймс Уатт в 1769 году запатентовал двигатель двойного действия, который стал первым шагом, благодаря которому паровую машину можно было использовать для приведения в движение судна. В 1780 году Джеймс Пикард запатентовал то, что является не чем иным, как нынешними шатуном и кривошипом, а также маховиком, вторым и последним значительным усовершенствованием паровой машины, позволившим ей использовать ее для приведения в движение судов.^[C] В 1785 году Уильям Симингтон получил патент, с помощью которого при экономии топлива он получил более совершенный метод конденсации пара и более совершенный вакуум.

В 1787 году мистер Тейлор убедил мистера Миллера из Далсуинтона, джентльмена, потратившего состояние в размере почти 30 000 фунтов на эксперименты по кораблестроению, попробовать применить силу пара к судам. К Уильяму Саймингтону обратились с просьбой узнать, сможет ли он установить свой двигатель на одну из лодок мистера Миллера, что он, соответственно, и сделал, и 14 ноября 1788 года привел в движение небольшое прогулочное суденышко на озере в Далсуинтоне со скоростью пять миль в час. В следующем году мистер Саймингтон изготовил двойной двигатель для лодки, которая должна была пройти испытания на канале Форт-энд-Клайд; и в декабре 1789 года это испытательное судно двигалось со скоростью шесть с половиной миль в час. Лорд Дандас, который был крупным владельцем канала Форт и Клайд, нанял Саймингтона для проведения экспериментов в 1801 году. Результатом этих испытаний стала постройка "Шарлотты Дандас", первого практического парохода, когда-либо построенного. Двигатели этого судна объединили в себе упомянутые ранее патенты Уатта, Пикарда и Симингтона, и эти комбинации, созданные последним патентообладателем, составляют нынешнюю систему пароводства. "Шарлотта Дандас" совершила свой пробный рейс в марте 1802 года, и испытания были настолько удовлетворительными, что герцог Бриджуотер заказал у Саймингтона восемь лодок для плавания по его каналу. Герцог Бриджуотерский скончался сразу после этого, а владельцы "Форт энд Клайд" из-за ущерба, причиненного банкам, прекратили использование лодки. Приведенные выше наблюдения

доказывают, что если кто-то и может претендовать на заслугу изобретения паровой машины, то это Уильям Симингтон, который, объединив предыдущие изобретения со своим собственным патентом, сконструировал двигатель, используемый в настоящее время. В то же время все заслуги принадлежат мистеру Миллеру, который первым предоставил Саймингтону возможность испытать свою изобретательность.

ПАРОХОД По РЕКЕ ГУДЗОН.

Давайте теперь посмотрим на роль мистера Фултона в сделке. В 1801 году он посетил Шотландию и присутствовал при одном из экспериментов, проводимых Симингтоном на канале, и получил от него разрешение сделать полные зарисовки как лодки, так и аппарата. Подтвержден под присягой факт присутствия американского джентльмена, назвавшегося мистером Фултоном, во время экспериментов; и дополнительным доказательством является тот факт, что двигатели, которые он заказал у мистера Фултона. Бултон и Уатт для "Клермона" имели точно такие же размеры, как и для "Шарлотты Дандас", за исключением большего диаметра поршня на два дюйма; а патент Фултона датирован 1809 годом — через двадцать лет после того, как Симингтон привел в движение паровую лодку на озере Далсуинтон, и через восемь лет после того, как он сам сделал эскизы двигателей Симингтона для лодки на каналах Форт и Клайд.

Помимо приведенных выше доказательств, есть свидетельство мистера Белла о том, что по просьбе Фултона он прислал ему информацию, планы и т.д. О первых экспериментах мистера Миллера. Суть этой истории, очевидно, такова: мистер Фултон был проницательным и умным инженером. Он приехал в Англию, скопировал паровую машину, которую Симингтон скомбинировал - едва ли можно сказать, изобрел, — а затем вернулся в свою страну и успешно применил ее, за что Республика должна быть благодарна ему и чтить его имя; но для президента колледжа, читающего лекцию перед обществом механиков, называть Фултона изобретателем "применения известной силы *по—новому и для новых, доселе немислимых целей*", свидетельствует о невежестве или самоуверенности, ни тому, ни другому не может быть ни малейшего оправдания.^[С]

С не меньшей точностью мистер Кинг сообщает механикам, что "Полковник Джон Стивенс четко разработал в своем уме теорию такого применения пара задолго до того, как в Европе был сконструирован какой-либо локомотив, и фактическую форму, в которой его можно было бы выгодно изготовить, а также стоимость строительства и эксплуатации железной дороги для использования локомотивов". Если бы это было правдой, то как случилось, что сын полковника, способный и изобретательный механик, приехал к Джорджу Стивенсону в Ливерпуль, чтобы узнать, что он делает, и заказать у него двигатели; но мистер Кинг превзошел Ирода, поскольку он утверждает от имени полковника, что в 1815 году широко использовался пар, на который Уотт получил патент тридцать пять лет назад. Если президенты колледжей Америки не смогут в своих лекциях более точно оперировать фактами, то преподавание, проводимое в стенах колледжа, вызовет очень неблагоприятные подозрения.

В заключение я добавлю лишь несколько замечаний относительно океанских пароходов, по этому вопросу, как и по изобретению двигателя, существует значительная трудность в присуждении наград какому-либо отдельному человеку. Американцы были первыми, кто использовал пароходы вдоль побережья, и "Саванна", построенная ими в 1819 году, была первым судном, которое пересекло океан, каким-либо образом используя пар в качестве помощника. Но на нем пар был очень небольшой вспомогательной силой, и судно в основном зависело от парусов. Следовательно, его нельзя с полным основанием назвать океанским пароходом. "Энтерпрайз", судно водоизмещением 500 тонн с двумя двигателями мощностью 120 лошадиных сил, отправилось из Лондона в Калькутту, причалив к мысу Доброй Надежды примерно в 1826 году; и его можно справедливо считать первым судном, совершившим океанское путешествие, в значительной степени зависящее от пара. Впоследствии "Ройял Уильям", построенный в Квебеке, после курсирования между этим портом и Галифаксом с 1831 по 1833 год, осенью того же года отправился в Фалмут; и ему принадлежит честь быть первым *добросовестным* колесным пароходом, который пересек Атлантику. Впоследствии он был продан португальскому правительству и переоборудован в военный пароход под названием "Донья Изабелла".

Если, однако, спросить, откуда возникло океанское сообщение, то, несомненно, эта честь принадлежит "Бристолю" и "Грейт Вестерну", пароходу длиной 210 футов, водоизмещением 1240 тонн, оснащенный двумя двигателями мощностью по 210 лошадиных сил каждый. Это судно вышло в море 8 марта 1838 года под командованием капитана Хоскена, достигло Нью-Йорка за тринадцать дней и десять часов и совершило обратный переход за пятнадцать дней. С тех пор океанские пароходы и паровые компании росли как грибы. Англия и Америка учредили своего рода еженедельные дерби, где Кунард выходит на одну лошадь, а Коллинз - на другую. Несомненно, американцы были пионерами в улучшении сборки, и возникло соперничество, которое столь же полезно, сколь и почетно.

Английские лодки используют большую парусность на случай поломки двигателя; американцы используют меньше парусности, чем мы, ради увеличения скорости. Что касается относительного комфорта на борту двух лодок, один американский джентльмен, совершивший несколько рейсов, сказал мне, что единственная разница, которую он когда-либо обнаружил,

была такой же, какая существует между отелями соответствующих стран.— Чтобы вернуться к судебному разбирательству.

Еще одно утверждение, часто выдвигаемое в Америке, - это изобретение телеграфа. Даже в Отчете о переписи населения, который, я полагаю, можно считать правительственным трудом, я прочел следующее: "Именно американской изобретательности мы обязаны практическим применением телеграфа. Хотя эта честь принадлежит профессору Морзе за практическое применение и успешное использование телеграфа, главным образом благодаря исследованиям и открытиям профессора Генри и других американских ученых ему удалось усовершенствовать столь ценное изобретение". Трудно представить себе более неприкрытую наглость, чем предыдущее предложение, которое провозглашает по всему Союзу, что электрический телеграф в его практической работе является изобретением одного американца, а в научных деталях - изобретением других американцев, ни одно из этих утверждений не имеет в своей основе истины, и, следовательно, надстройка является фикцией — единственным доступным оправданием для чего было бы то, что автор никогда не слышал о том, что происходит в Европе. Если бы он потрудился разобраться в этом предмете до того, как начал писать, он никогда бы — надо надеяться — так грубо не обманул своих соотечественников.

Он мог бы легко убедиться, что такие люди, как Эрстед, Ампер, Араго, Стерджен, в деталях справились с различными научными трудностями, стоявшими на пути достижения давно желанной цели; и он мог бы также знать, что Кук в Англии и Штингель в Германии оба преодолели практические трудности до того, как профессор Морзе ознакомил Республику со своей системой, которая, как и система Бейна, является просто другим методом получения того же результата -т.е. телеграфной связи.

Мистер Кук получил свой патент совместно с профессором Уитстоуном, чье внимание уже давно было обращено к этому предмету и чье имя было так широко известно общественности, что немало людей приписывают изобретение телеграфа исключительно ему. Между ними действительно возник некоторый спор относительно их соответствующих претензий, и дело было передано сэру И. Брюнелю и профессору Дэниэллу для арбитража. Тяжесть их решения заключалась в том, что мистер Кук имел право выступать самостоятельно как джентльмен, которому Великобритания обязана практическим внедрением и эксплуатацией телеграфа как полезного предприятия; глубокие и успешные исследования профессора Уитстона уже подготовили общественность к его восприятию. — Вот и все о справедливости претензий американцев на изобретение, которое, подобно пару, было продуктом многих умов и было введено в практическое употребление сначала Куком, затем Стингилом в Германии и, наконец, Морзе в Америке.

Еще одно изобретение, о котором общественность слышала немало разговоров в последнее время, - это жатвенная машина. Американской нации, несомненно, принадлежит заслуга в том, что она обратила на это внимание и ввела в употребление; но что касается каких-либо претензий на изобретение, то столь же несомненно, что у них их нет. Этой честью мы обязаны исключительно преподобному Патрику Беллу, шотландскому священнику в пресвитерии Арброат. Впервые он опробовал свою жатвенную машину в августе 1828 года на ферме своего отца в поместье лорда Эрли, где с тех пор она используется ежегодно; а в октябре он продемонстрировал ее на собрании Хайлендского общества в Глазго. Принцип, по которому была изготовлена его первая машина, ничем не отличается от тех, что производятся в

настоящее время; и, поскольку некоторые из людей, занятых на ферме его отца, эмигрировали в Америку, разумно предположить, что они привезли с собой достаточно информации, чтобы объяснить устройство машины. Американская изобретательность вскоре скопировала машину мистера Белла, а американская энергия вскоре дала импульс ее созданию, за что, хотя мы и отказываем им в изобретении, мы не должны отказывать им в нашей благодарности.

Но пока я таким образом объясняю необоснованные претензии, выдвинутые американцами, я не должен позволять Джону Буллу льстить его душе тем, что ни одно из заявленных им открытий не оспаривается по ту сторону Атлантики, я видел *Книгу фактов*, напечатанную в Америке, которая обвиняет нас не в одном географическом разбое в Арктических морях, в регионах, в которых, как хорошо известно, американская предприимчивость и сочувствие проявились наиболее благородно. Поскольку я не в состоянии сопоставить соответствующие утверждения, я оставляю этот вопрос на усмотрение бюро гидрографов двух стран.

Граждане Республики имеют лишь слабое представление о пагубных последствиях, которые выдвижение необоснованных претензий оказывает на их справедливые требования. Сейчас передо мной письмо от моряка, который провел четверть века на границах Соединенных Штатов; он пишет об их претензиях на изобретение пара и заканчивает такими словами: "Они относятся к этому, как и ко всему остальному, что связано с достоинством или добродетелью, — единственные владельцы и создатели, и говорят, что ни то, ни другое неизвестно всей нации янки". Я не разделяю это мнение, но я цитирую его, чтобы показать, какой эффект произвели на некоторые умы выдвинутые ими необоснованные утверждения.

Они обладают достаточной изобретательностью, законно принадлежащей им, чтобы любая нация могла справедливо гордиться ими, не выщипывая павлиньи перья у других и не рассылая их по всей Республике в качестве оперения американского орла. Сколько полезных изобретений они не сделали в области машин для обработки дерева? Разве Англия ежедневно не импортирует туда какие-нибудь новые усовершенствования с берегов Америки? Взгляните еще раз на совершенное и прекрасное изобретение мистера Сайруса Болдуина по изготовлению бесшовных сумок, которое он использует на заводах Stark Mills. В работе 126 ткацких станков, все самодействующие, и каждый из них производит по 47 мешков в день; длина мешков составляет чуть более трех с половиной футов, и используются они, как я полагаю, в основном для муки и крупы. Когда они будут готовы, под рукой окажутся швейные машинки, которые могут подшивать по 650 мешков в день. Этот же джентльмен также приспособил свои ткацкие станки для изготовления шлангов для подачи воды, из которых он может изготавливать 1000 футов в день на экспериментальном ткацком станке, используемом в настоящее время, и более чем вероятно, что эти шланги полностью заменят кожаные, так как стоят немногим более одной десятой цены и не требуют никаких затрат на поддержание в порядке.

Другой и очень важной целью, для достижения которой их изобретательность применила технику, является производство огнестрельного оружия. Меня долгое время удивляло, почему правительство у себя дома пренебрегало таким очевидным и полезным применением техники. Преимущества возможности переноса всех винтов, пружин, ниппелей, курков и т. Д. С одного мушкета на другой настолько очевидны для самого детского понимания, что я полагаю, они сочли это ниже своего достоинства; я также не могу понять, интересовались ли они должным образом различными системами зарядания с казенной части, используемыми в Штатах,

некоторые из которых они годами тестировали в своем военно-морском флоте. Однако, поскольку мы начинаем копировать их применение техники, я осмелюсь сказать, что следующее поколение займется вопросом оружия с казенным заряданием.

После замечаний об огнестрельном оружии, по-видимому, естественным образом следует несколько замечаний об Ополчении. Согласно самой достоверной информации, которую мне удалось получить, каждый трудоспособный мужчина в возрасте от 18 до 40 лет подлежит призыву в милицию. Те, кто не служит, подвергаются штрафу, который в разных штатах варьируется от 3s. и выше; эта сумма помогает выплачивать тем, кто выполняет служебный долг. Жалованье рядового во время несения службы составляет около 10sv день, а у офицеров - пропорционально. Раньше они проводились всего два дня в году; теперь, я полагаю, обычно они проводятся десять, а в некоторых городах и двадцать дней в год. Лицами, освобожденными от службы в милиции, являются духовенство, медики, пожарные роты и те, кто занимал должность в течение трех лет. Каждый полк устанавливает свою собственную форму; и это странное зрелище - видеть роты во французской, немецкой и шотландской форме, весело марширующие по улицам.

День стрельбы по мишени - настоящий праздник; они обходят город парадом, не тронув мишень, по пути к земле: там они начинают стрельбу со ста ярдов; если мишень недостаточно изрешечена, они подбираются все ближе и ближе, пока, продырявленная и разорванная в клочья, она едва держится на месте, когда они возвращаются через город, торжественно неся ее, и за ними следуют все вымытые, полувымытые и невымытые претенденты на воинскую славу.

Я верю, что здравый смысл людей пытается прорваться через систему национализации компаний на французские, немецкие, шотландские и т.д., полагая, что сохранение таких различий скорее рассчитано на разлад, чем на гармонию. Сколько времени пройдет, прежде чем им удастся искоренить эти отдельные национальности, я не могу претендовать на то, чтобы сказать.

Что касается их численности, я не могу дать никакой точной информации. *Американский альманах* — как правило, очень полезный источник информации — оценивает их в 2 202 113 человек; что, очевидно, немного преувеличивает, поскольку эти цифры отражают почти всех трудоспособных мужчин Республики в возрасте от 18 до 40 лет. Поскольку они могут быть востребованы, в *Альманахе* они указаны так, как будто их регулярно записывают; их реальное количество я оставляю на усмотрение воображения. В том же органе я нахожу, что офицеры насчитывают 76 920 человек, из которых 765 - генералы. Я полагаю, что эти цифры также должны пройти мощный процесс вычитания, прежде чем будет получена точная информация, хотя я полагаю, что в два раза больше 765 граждан, которые пользуются титульной честью.

Однако один факт не вызывает сомнений: у них многочисленное ополчение, привыкшее и любящее пользоваться огнестрельным оружием; и те, кто чувствует себя склонным приближаться к их берегам с враждебными намерениями, найдут старый шотландский девиз применимым к ним в самом полном смысле:

"Nemo me impune lacessit."

СНОСКИ:

[C]

Говорят, что маркиз де Жуффруа сконструировал паровую лодку на Сене в 1781 году; но из-за разразившейся революции он, похоже, не смог завершить свое изобретение.

[C]

Приведенные выше подробности, по существу, взяты из работы мистера Вудкрофта, профессора машиностроения Университетского колледжа Лондона; который, доказав, что предыдущие изобретения его соотечественников были впервые объединены в лодке с двигателем Саймингтона, таким образом ясно и кратко опровергает претензии, выдвинутые в пользу Фултона: "Фактически, если бы эти изобретения по отдельности или в сочетании были удалены из лодки Фултона, не осталось бы ничего, кроме корпуса; и если бы корпус можно было затем лишить этой особенности формы, допущенной к использованию". если бы эксперименты полковника Бофоя были получены, *все, что осталось бы, было бы корпусом лодки обычной конструкции*".

ГЛАВА XXX.

Неблагоприятные воздействия.

Теперь я перехожу к рассмотрению ежегодного празднования 4 июля - события, которое представляется мне в двух противоположных аспектах: одном благотворном, другом вредном. Если рассматривать это как благодарность нации Провидению за успешное завершение тяжелой борьбы за независимость, оно приобретает вид одновременно достойный и христианский; но если в его празднование входят другие элементы, рассчитанные на то, чтобы питать враждебные чувства к тем, кто давно перестал отвечать взаимностью на такие недостойные чувства, в таком случае, я думаю, его аспект можно справедливо назвать как вредным, так и нехристианским.

Позвольте мне тогда обратить ваше внимание на метод празднования. Он состоит из трех частей: — Во-первых, чтение Декларации независимости; во-вторых, речь на эту тему; наконец, шествие и ликование.

Итак, что такое Декларация независимости? Это документ, в котором подробно излагаются их взгляды на угнетение и несправедливость, оправдавшие их восстание против метрополии. Этих статей слишком много, чтобы цитировать их полностью, но я добавлю несколько, чтобы читатель мог составить свое собственное мнение. Говоря о суверене Великобритании, они говорят, что он защитил "вооруженные силы среди нас путем инсценировки судебного процесса от наказания за любые убийства, которые они должны были совершить против жителей этих Государств. Он грабил наши моря, опустошал наши побережья, сжигал наши

города и разрушал жизни наших людей. В настоящее время он перебрасывает большие армии иностранных наемников, чтобы завершить уже начатое дело смерти, опустошения и тирании, при обстоятельствах жестокости и вероломства, едва ли имевших аналог в самые варварские века, и совершенно недостойных главы цивилизованной нации. Он принудил наших сограждан, взятых в плен в открытом море, поднять оружие против своей страны, стать палачами своих друзей и братьев или самим пасть от их рук. Он разжигал внутренние восстания среди нас и пытался натравить на жителей наших границ безжалостных индейских дикарей, чьим известным правилом ведения войны является ничем не примечательное уничтожение людей всех возрастов, полов и состояний. На каждом этапе этих притеснений мы ходатайствовали о возмещении ущерба в самых скромных выражениях; на наши неоднократные ходатайства отвечали только повторным нанесением ущерба. Принц, чей характер, таким образом, отмечен каждым поступком, который может определить тирана, непригоден для того, чтобы быть правителем свободного народа".

Я делаю паузу не для того, чтобы спросить, верно ли какое-либо из этих обвинений или нет: предоставьте им точность в каждом утверждении, более того, признайте, что они были в высшей степени рассчитаны на то, чтобы возбудить чувства колонистов и воспламенить тот дух, который был необходим для того, чтобы сделать их борьбу за независимость оправданной и успешной, и что к ним, следовательно, призывали чрезвычайные обстоятельства того времени; — но прошло почти восемьдесят лет с тех пор, как была составлена эта Декларация; на данный момент нет стремления к успеху, которое делает подобные призывы необходимыми, и, конечно, они сделаны не с целью оправдания их восстания. Какую же пользу можно извлечь из таких заявлений? Есть ли в Республике какие-либо опасения относительно чувства патриотизма или отваги? Конечно, никаких. Но кто может не видеть зла, к которому они ведут? Эти ежегодные припоминания старых обид, похороненных почти за столетием, должны иметь тенденцию возбуждать враждебные чувства по отношению к Англии. Представьте себе на мгновение Францию, ежегодно читающую декларацию независимости от британского оружия в годовщину взятия Кале и перечисляющую в этом документе каждую несправедливость или зверство, совершенные англичанами за время их правления; не говоря уже о недостойном характере такого курса, кто может сомневаться, что он был бы в высшей степени рассчитан на то, чтобы вызвать те враждебные чувства, смягчать которые - прямой долг всех цивилизованных государств? Короче говоря, на что это так похоже, как не на систему, с помощью которой в давно прошедшие варварские времена кланы горцев увековечивали свою вражду. Если христианская община не может прославлять национальную независимость без таких дополнений, то такая церемония, по моему скромному мнению, была бы более почетной с точки зрения нарушения, чем соблюдения.

Среди других пагубных влияний я должен упомянуть, что ирландцы ежегодно празднуют битву на реке Бойн, чтобы не дать утихнуть их национальным гневным страстям. Не менее любопытной чертой этих самых Пэдди является тот факт, что, проклиная Англию за ее обращение с Ирландией, все они объединяются как один человек в пользу рабства. Мистер Митчелл, беглый каторжник, как говорят, выразил свое мнение, что плантация на реке Алабама с пятьюдесятью холеными рабами была *идеалом* земного рая. Если он холостяк и все еще питает те же чувства, я бы порекомендовал ему взять "стюардессу "Леди Франклин" в качестве разделительницы его радостей.

Что касается произнесенных речей, то в той, которую я услышал в Джenezео, не было ничего, что показалось бы мне хоть сколько-нибудь соответствующим тем чувствам, которые я так открыто осуждал; но это не всегда так. Сейчас передо мной отрывок из речи, произнесенной почтенным Д.С. Дикенсом в Сиракузах 4 июля 1853 года. Будучи благородным человеком, нет ничего несправедливого в том, чтобы предполагать его — заметьте, я говорю, предполагать его — человеком высших достижений, избранным хорошо образованным народом. Документ озаглавлен "Энергичная дискуссия и патриотические настроения". Я цитирую только один отрывок, который, как мне почти кажется, написал Мэтью Уорд, герой "школьной комнаты в Луисвилле"; он звучит так: "Затем красноречивый оратор почти полчаса продолжал с испепеляющим сарказмом и оскорблениями, разоблачая бесстыдное и порочное угнетение Англии на ее угольных шахтах, на ее фабриках, в ее притеснении Ирландии; осуждая ее как нацию, история которой была написана угнетением и кровью (*бурные аплодисменты.*)" - Трудно поверить, что избранный представитель интеллигентного сообщества мог так поступить. Он говорит об этой нации, которой его собственная страна обязана почти всеми ценными институтами, которыми она обладает; но когда такая нелепая брань сопровождается аплодисментами со стороны разинувших рты хулиганов, которые толпятся вокруг него, разве это ясно не демонстрирует истинность моих предыдущих заявлений относительно последствий, к которым естественным образом может привести празднование 4 июля, как сейчас наблюдается? Я говорю, может привести к тому, потому что я бы очень надеялся, ради чести и достоинства Республики, что подобные порочащие репутацию речи являются редкими исключениями.

Но то, что подобные чувства отвращения к метрополии порождаются в массах, косвенно доказывается в другом месте, а именно в Конгрессе. Во время дебатов по Клейтон-Бульверскому договору некий мистер Дуглас, на которого я уже ссылался и которого можно рассматривать как представителя бешеной и буйной части общества, так высказывается по отношению к Англии: "Невозможно, чтобы она любила нас, — я не виню ее за то, что она нас не любит, — сэр, мы ранили ее тщеславие и унизили ее гордость, — она никогда не сможет нам этого простить. Но для нас она была бы первой Державой на лице земли, — но для нас у нее была бы перспектива сохранить то гордое положение, которое она занимала так долго. Мы стоим у нее на пути. Она ревнует нас; а ревность запрещает саму мысль о дружбе. Англия не любит нас; она не может любить нас, и мы тоже не можем любить ее. В прошлом нам есть о чем вспомнить, и это неприятно. В настоящем у нее есть еще что унижить, чего она не может простить". — После этих слов бедный маленький человечек, как будто он не имел ни малейшего представления о значении слов, которые он использовал, добавляет следующую фразу, осуждающую все, что он произнес ранее: "Я не хочу усиливать чувство ревности и соперничества, которое существует между нами и Англией. Я хочу смягчить и сгладить это настолько, насколько это возможно".

В последующем мистер Батлер, сенатор от Южной Каролины, который искренне осуждал подобные формулировки, сослался, в качестве контраста, на многие конституционные принципы, которые Республика заимствовала у Англии, а также на ценную литературу, которую она подготовила и от которой выиграла Республика. На что бедный мистер Дуглас пришел в ярость и заявил, что "Каждая распространяемая английская книга содержит скрытую и коварную клевету на характер нашего народа, институты и политику нашего правительства". — Затем он обнаружил, что аболиционизм зародился в Англии и что "она заставляет своих миссионеров бродить по этой стране, читая лекции и распространяя за границей подстрекательские публикации, призванные разжигать предрассудки, ненависть и раздоры

между различными секциями Союза". — Затем он с правдивостью Иллинойса намекает на *"Хижину дяди Тома"*, поскольку хотя это была английская литература, и которая, по его словам, "предназначена для разжигания измены и восстания у его — мистера Батлера — камина" и т. Д. — Он возвращается к обвинению и утверждает с не меньшей точностью: "Миллионы тратятся на распространение *"Хижины дяди Тома"* по всему миру с целью объединения фанатизма, невежества и ненависти всех наций земли в общем крестовом походе против своеобразных институтов штата и секции этого Союза, представленной сенатором от Южной Каролины". Можно было бы почти вообразить, что в экземпляре Словаря Вебстера, который есть в библиотеке мистера Дугласа — если у него есть такая вещь — пропущено древнеанглийское слово, пишущееся как Tr U Th.

Но на что я хотел бы обратить особое внимание читателя, так это на то, что бешеная рапсодия маленького сенатора была встречена бурными аплодисментами галереи, что, как я уже отмечал ранее, является проявлением чувств, недопустимым в Сенате ни для членов Конгресса, ни для галереи. Тем не менее, он так тщательно выразил чувства упомянутых хулиганов, что они не смогли удержаться от незаконного взрыва одобрения. Мистер Батлер, конечно, ответил на его абсурдные доводы; но моя цель - не обсуждение. Я вообще касаюсь этого предмета только с целью доказать мое предыдущее утверждение о том, что в стенах самого Конгресса действуют элементы, рассчитанные на то, чтобы вызвать чувство враждебности по отношению к Великобритании. Именно это глубоко укоренившееся сознание вины делает ту часть граждан Республики столь чувствительной по отношению к наблюдениям, которые исходят из этой страны. Американцы, подобные мистеру Батлеру, которые поддерживают достоинство своей страны, не опускаясь до жалкой клеветы в погоне за популярностью, могут позволить себе воспринимать любую критику, которая может исходить из-за океана, с таким же спокойствием, с каким здесь читаются замечания американцев. У таких людей нет угрызений совести, терзающих их жизненно важные органы. Если бы население двух стран питалось ядовитой пищей судьи Дугласа, то вскоре, подобно кошкам Килкенни, от них не осталось бы ничего, кроме хвостов.

Я счел необходимым высказать эти замечания, чтобы мои соотечественники могли понять, почему они так постоянно обнаруживают сильнейшие симптомы враждебности к Англии у определенного класса американских писателей. Даже в учебниках для детей вы можете обнаружить, что работает тот же самый анимус. Мисс Уиллард в своей *Истории Соединенных Штатов* рассказывает, что шесть индейских вождей пришли к полковнику Вашингтону, деду основателя Республики, чтобы договориться о мире. О предательстве и хладнокровном убийстве этих бедных индейцев она говорит так: "Он *несправедливо* предал их смерти". Поведение генерала Клинтона при исполнении им своих обязанностей перед своей страной, которая никогда не проявляла подобных отвратительных действий, она описывает как возрождение в цивилизованный век "*варварских зверств*". — Возьмем другой пример дружелюбных чувств к Англии, проявленных Общим советом Нью-Йорка, который проголосовал 200 *голосами* против. чтобы развлечь Джона Митчелла, заключенного, сбежавшего из-под стражи. Мэр обращается к нему в следующих выражениях: "Когда, сэр, вы были вынуждены замолчать с помощью сдержанности, подавлены грубой силой, а иностранные штыки были пущены в ход на вашей собственной земле, чтобы подавить правду и сковать ваши конечности и разум оковами рабства, мы сочувствовали вам в вашем несчастье. Мы ненавидели тирана и любили жертву. И когда, сэр, после подобия судебного разбирательства вы были осуждены и поспешно изгнаны как преступник из вашего дома, вашей страны и ваших друзей в далекую

страну, мы были полны негодования и поклялись в еще большей ненависти к врагам человека". — Мистер Митчелл в ответ признает себя с ранней юности предателем своей страны и награждает британское правительство следующими эпитетами: "Я говорю им, что они вообще не правительство, а банда заговорщиков, грабителей, убийц". Эти слова были встречены собравшимися "бурными аплодисментами". Учитывая, сколько существует причин для возбуждения недоброжелательности, остается только удивляться, что, когда столь значительная часть республиканцев совершенно не осведомлена о правде в отношении Англии, чувства не становятся более враждебными.

Нет необходимости утверждать, что чувства ревности и враждебности, приписываемые Англии мистером Дугласом, существуют только в расстроенном воображении его собственного мозга и воображения обманутых чаек, которые следуют за ним по пятам: ибо я с гордостью могу сказать, что здесь не действуют подобные недостойные и антагонистические элементы; и, если бы была предпринята какая-либо попытка представить их, здравый смысл страны объединился бы в один голос, чтобы воззвать к ним. Я призываю все образованное, невежественное или бешеное население Республики привести хоть один пример, когда при проведении какой-либо церемонии, в выступлениях какого-либо сенатора или на собраниях какой-либо корпорации когда-либо проявлялась такая недостойная и презренная враждебность по отношению к Соединенным Штатам.

Я не должен, однако, позволять читателю понять из предыдущего замечания, что существует всеобщая национальная антипатия к Англии; хотя всякий раз, когда ее сравнивают с Республикой, она может показаться очень сильно развитой. В то время, когда это было написано, у моих соотечественников за границей сложилось самое ошибочное впечатление относительно симпатий Америки к России. Флибустьеры, оголтелые аннексионисты, закоренелые рабовладельцы и хулиганы всех классов, к которым можно было бы добавить несколько неблагородных умов, превративших могилу совести в "пень", из которого можно произносить банкомбистские речи, чтобы завоевать эфемерную популярность, составляли в Америке группу, симпатизировавшую России. Вся интеллигенция Севера и значительная часть интеллигенции Юга были глубочайшим образом заинтересованы в нашем успехе не только как потомки метрополии, но и потому, что они признавали войну, в которой мы участвовали, борьбой за дело свободы. Мы не могли допустить, чтобы нас ввела в заблуждение флибустьерская пресса или сообщения, которые мы читали о судах, груженных оружием, перевозящих его в Россию. Это было не большим доказательством национального чувства, чем ежегодное строительство невольничьих клиперов в Балтиморе является доказательством того, что нация желает поощрять работорговлю. Истинное чувство нации следует искать гораздо глубже, чем в поверхностном шуме политических демагогов, хотя бы и подкрепленном аплодисментами разинувших рты толп, которым потакают самые худшие страсти ради мимолетного дуновения популярности.

ГЛАВА XXXI.

Olla Podrida.

Предыдущие наблюдения естественным образом ведут к нескольким замечаниям об американском характере с национальной точки зрения; поскольку при рассмотрении столь чрезвычайно разнообразного сообщества, объединяющего, как это происходит, почти все нации Старого Света, было бы за пределами работы, подобной этой, вдаваться в подробности столь сложного предмета.

Поскольку я предпочитаю начинать с нежелательных моментов и заканчивать более благоприятными, я сначала назову тщеславие как великую национальную черту. Нескрываемая лесть, которой пресса осыпает своих читателей по всей длине и ширине Союза, везде, где проводятся какие-либо сравнения с другими нациями, настолько велика, что массы совершенно введены в заблуждение; и, будучи так далеки от наций Старого Света и, следовательно, не зная о них ничего, кроме как по колонкам потакающей тщеславию прессы, они воспринимают самые преувеличенные заявления, как если бы они были евангельскими истинами, мало осознавая, насколько в высшей степени смешным хвастовство, которое они с восторгом читают, выставляет их в глазах других людей.

Я привожу следующую выдержку из прессы в качестве одного из примеров тщеславного и нелепого стиля некоторых из их редакционных лидеров. Это взято из *New York Herald*— одной из наиболее широко распространенных газет в Союзе, но, справедливости ради должен сказать, неуважительной^[СК] более интеллигентной частью сообщества. Говоря о приеме, оказанном миссис Б. Стоу в Англии, он говорит: "В общении с английской аристократией она проявляет себя настоящей американкой. Ее самообладание, непринужденность и независимость манер ничуть не смущали в присутствии гордых герцогинь и хрупких дам из титулованной английской знати. Они ожидали от человека без титула робости, страха и почтения к своим титулам и были разочарованы. Миссис Стоу чувствовала себя равной им в общественной жизни и вела себя среди них так, как считала нужным. Это, помимо всего прочего, вызвало большое удивление в высших кругах в пользу американских женщин, поскольку на самом деле это качество, особенно отличающее американскую женщину, - то, что она может быть и остается герцогиней среди герцогинь".

Даже в простом предмете дипломатической одежды мы видим проглядывающую ту же черту. Тщеславие можно обнаружить так же легко в необычности, какой бы простой она ни была, как и в обнаженном дикаре, который расхаживает гордо, как павлин, без всякого покрова, кроме треуголки с золотым шитьем на голове и шпаги, окованной медью, на боку. Когда цивилизованное общество соглашается на какую-то отличительную униформу для дипломатической службы, кто может не заметить скрытое тщеславие, которое продиктовало ее отмену Республикой? - не говоря уже об абсурдности ношения шпаги в штатском. Единственная параллель, которую он имеет среди двуногих, насколько я знаю, - это мастер по оружию на борту корабля с тростью рядом; но тогда у него есть оружие, которым он должен пользоваться. Министр Республики носит оружие только для украшения. В жизни на четвероногих это напоминает мне пуделя, тщательно выбритого с головы до ног, за исключением небольшого

пучка на конце хвоста, меч и хохолок напоминают о том факте, что соответствующие владельцы были чего-то лишены.

С самых ранних школьных лет я был твердо убежден в тесной связи, существующей между хвастовством и травлей, и долгое время краснел, осознавая, насколько выдающейся была моя собственная страна в этой постыдной практике; но более близкое знакомство с Соединенными Штатами полностью убедило меня в том, что это превосходство по праву принадлежит великой Республике. Но это чувство проявляется не только в национальных вопросах; вы наблюдаете его и в обычной жизни, проявляя сильную любовь к титулам; никто не бывает доволен, пока не получит какого-нибудь звания. Я осознаю, что это черта, неотделимая от демократии. Каждый, кого вы встречаете, - капитан, полковник, генерал, distinguished, судья или что-то в этом роде; и если они не могут получить это законным путем, они получают это из вежливости или иногда в шутку, как джентльмен, о котором я упоминал ранее, который получил звание судьи, потому что был знатоком вина. Этими и тысячами других способов любовь к тщеславию проявляется на национальном уровне.

Я не думаю, что американцы осознают, какую несправедливость они сами себе причиняют своей любовью к громким титулам.^[C] Например, в лежащей передо мной газете я вижу заместителя шерифа, призывающего толпу сопротивляться закону; я вижу губернатора Биглера, уполномочивающего генерала Кинга вызвать военных, которые, естественно, должны поддерживать порядок; но обратите внимание, что он называет мистера Уокера из Эри предателем и негодяем; о директорах и менеджерах железной дороги он говорит: "Мы выпорим их". , выпорем их, похороним их так глубоко, что электричество не сможет до них добраться — мы выпорем их — мы выйдем из них духов!" и т.д. — Теперь, если судить об этих людях по их титулам, признанным остальным цивилизованным миром, то каким позором для высших классов американцев является вышесказанное! Но любой, кто действительно знаком с системой титулов в Республике, сразу увидит, что оратор был простым дебоширом. Таким образом, они страдают от своего тщеславия. Она пронизывает каждый класс общества в целом, от хулигана, который говорит о "порке творения", до оратора с кафедры, который часто возвещает о прошлых успехах, чтобы утолить ненасытный аппетит: короче говоря, это стало национальной болезнью; и если бы не предохранительный клапан, образованный неизмеримыми выражениями взаимной брани, которыми они обрушиваются друг на друга в случаях домашних ссор, их участь, несомненно, была бы участью лягушки из басни.

В медицинском мире говорят, что ни у кого нет простуды без лихорадки; и я думаю, что это можно с равной справедливостью утверждать и о национальном мире: ни одна нация не может быть тщеславной, не будучи пораженной чувствительностью: во всяком случае, это верно в отношении Соединенных Штатов. Ни одна девушка в подростковом возрасте не так чувствительна к щекотке, как американки. Я имею в виду не только ту часть общества, к типу которой я выбрал мистера Дугласа из Иллинойса; я имею в виду также гораздо более высокий уровень интеллекта, которым изобилует Республика. Во всех них есть такая щепетильность в отношении национальных и местных вопросов, которой я никогда не видел равной: фактически, тех нескольких листов их прессы, которые доходят до нашей страны, достаточно, чтобы убедить кого угодно в этом; ибо в свободной стране прессу всегда можно справедливо рассматривать, в определенной степени, как отражение общественного мнения. Я полагаю, что так бывает с нациями, как и с отдельными людьми, и что все они одинаково слепы к своим собственным недостаткам. Никаким другим способом я не могу объяснить то, что Республика так полностью

игнорирует чувствительность других. Возьмем, к примеру, назначение месье Суле — француза, натурализовавшегося в Америке, — министром при испанском дворе. Я не говорю, что он был флибустьером, но все предполагали, что его отождествляли с этой партией; а если бы его так не отождествляли, он продемонстрировал совершенно непостижимое ребяческое невежество в требованиях священника, когда слушал серенаду пяти тысяч человек в Нью-Йорке, которые пришли процессией, высоко подняв прилагаемые диапозитивы, поскольку он в то время был аккредитован при своем новом министерстве.

На первом транспаранте был следующий девиз:—

ЗВЕЗДА. PIERCE.

SOULÉ. КУБА.

На втором баннере:—

МОЛОДАЯ АМЕРИКА И МОЛОДАЯ КУБА.

Свобода мысли и слова для кубинцев.

Это не полет фантазии, ибо
Куба должна быть, и это
предначертано судьбой, островом,
Великим и свободным.

О, молитесь, вы, обреченные тираны,
Ваша судьба недалека:
Ужасный Орден теперь следит за вами, —
Это Одинокая Звезда.

На третьем баннере:—

Куба должна быть свободной.

Цветок Антильских островов,
истинный Ключ к Заливу,
должен быть сорван с Короны
Старого Испанского Волка.

Монументальное изображение — могила и плакучая ива. На могиле были слова—

ЛОПЕС И КРИТТЕНДЕН,

АГУЭРО И АРМАТЕРО.

Они и их спутники не забыты.

Мсье Суле принимает комплимент и произносит речь, в которой сообщает своей аудитории, что не может поверить, "что эта могущественная нация может быть скована сейчас в тех узких рамках, которые сковали молодую Республику Америка", и т.д.

Измените сцену и позвольте любому американцу судить по следующему предполагаемому и параллельному делу. Представьте себе экспедиции, снаряженные в Англии вопреки правительству для освобождения рабов в Южных Штатах; представьте, что Лопес положил конец этому делу, и буйная кровь Англии сформировала другие флибустьерские экспедиции; затем представьте, что почтенный мистер Тендерхарт отождествляет себя с ними и получает назначение министром в Вашингтон; после чего представьте, что ему поют серенаду в Сент-Джеймсе тысячи людей с транспарантами, первая из которых изображает обнаженную женщину под плетью надсмотрщика; вторая, содержащая такие стихи, как "Цветок Антильских островов" и т.д.; например:

"Рабы должны быть сорваны
С цепей, которые сейчас сковывают их,
Хотя американские волки
низшей расы называют их так".

Пусть министр исполнит серенаду и обратится к толпе, заявив, "что эта могущественная нация больше не может быть прикована к пассивному вмешательству" и т.д. Позвольте мне спросить любого американца, как почтенного мистера Тендерхарта примут в Вашингтоне, особенно если через несколько дней после того, как он выстрелил в своего французского коллегу из-за того, что другой человек оскорбил его в доме этого джентльмена?— Я спрашиваю, что сказали бы американцы, если бы по отношению к ним проводилась такая линия поведения? Я мог бы пойти дальше и предположить, что конклав английских министров встретился в Квебеке и обсудил вопрос о том, насколько процветающий город Буффало, расположенный так близко к границе, был рассчитан на то, чтобы угрожать миру и процветанию Канады, а затем представить, как они завершают свой отчет таким пунктом — если это так — "тогда по всем законам, человеческим и божественным, мы будем оправданы, отняв его у нынешних владельцев". Американец, написавший это предложение, должен обладать экземпляром Священного Писания, неизвестного остальному миру. Несомненно, Америка должна воображать, что она обладает монополией на всю чувствительность в мире, иначе она никогда бы не поступила с Испанией так, как она поступила. Каким унижением, должно быть, она себя чувствует, размышляя о контрасте между своим поступком при назначении министра и поведением Испании, когда она молча и с достоинством приняла его!

Эта же чувствительность проявляется как в мелочах, так и в большом, особенно там, где речь идет об Англии: так, один писатель обнаруживает, что американцы говорят по-французски лучше англичан; вероятно, он сделал это вывод, встретив лондонского горожанина, который приехал в Париж на тихое воскресенье и который спросил его: "*Мистер, скажите, как вы относитесь к Тулуризу?*" Другой обнаруживает, что американское общество гораздо более востребовано, чем английское; что американцы более приятны, более умны, более либеральны и т.д.; но сравнение всегда с Англией или англичанами. И почему все это? Просто потому, что это разжигает нездоровый аппетит многих граждан Республики, чего не было бы на чистой правде.

Эта чувствительность проявляется также в том, как они следят за мнением о своей стране, выражаемым *The Times* или любой другой широко распространенной газетой. Я помню, как американский полковник, прошедший всю мексиканскую войну, однажды сказал мне: "Уверяю вас, мексиканские войска — самые презренные солдаты в мире; я бы предпочел, чтобы тысяча против одного противостояла им, чем половина индейцев каманче". - Целью этого замечания было показать, на каких незначительных и недостаточных основаниях "*Таймс*" говорила о Соединенных Штатах как о великой военной нации со времен мексиканской войны. Статья, воздающая им должное за успешную кампанию, была легко преувеличена сверх намеченных масштабов, и мой доблестный друг скромно отказался от столь высокопарного названия; но, очевидно, таково было построение, которое, по его мнению, придали ему его соотечественники.

Теперь я обращаюсь на несколько мгновений к вопросу морали; и здесь, опять же, я, конечно, могу рассматривать этот предмет только всесторонне. Насколько позволяют мне судить мои расспросы, я нахожу, что те же элементы приводят здесь к тем же результатам, что и в Англии. Везде, где массы сосредоточены в наибольшей степени, порок процветает так же широко, как в Англии; более того, я имею право на основании лекции, прочитанной в Мэрилендском институте, утверждать, что во многих местах ситуация еще хуже. После описания различных примеров незаконного поведения лектор продолжает следующим образом: "Такое беззаконие, которое я описал, недопустимо ни в какой другой части мира и не было бы допущено здесь ни на минуту, если бы не преступная апатия наших граждан в целом и подтасовка со стороны наших политиков и государственных служащих голосов тех самых людей, которые, как они знают, нарушают и попирают законы". — В качестве иллюстрации он заявляет: "Во всех частях Европы, по которым я путешествовал, — в Англии, Голландии, Франции, Германии, Швейцарии и Италии; под при всех различных религиозных системах и формах правления; в больших городах и маленьких городках и деревнях; на больших дорогах и закоулках — я обнаружил лучший общественный порядок, больше благопристойности там, где люди собирались вместе, и меньшую склонность к хулиганству, драчливости и насилию, чем в большинстве частей этой страны. С этой общей констатацией факта, я полагаю, согласятся все непредвзятые путешественники". — Далее он проводит сравнение, благоприятное для Лондона; а что касается полиции в нашей столице, он говорит: "Более респектабельный и хорошо выглядящий отряд людей было бы трудно найти ни в одной стране. Незнакомый человек может обратиться к кому-либо за информацией, будучи уверенным в получении вежливого и интеллигентного ответа" и т.д. — Я цитирую последний абзац только на случай, если мистер Мэтт. Уорд должен увидеть эти страницы и, возможно, узнать, как полиция относится к тем, кто знает, как себя вести.^[CM]

Далее лектор жалуется на развращенность молодежи. Затем он нападает на установление закона, указывая на множество случаев их неправильного применения. Затем он переходит к нападению на пожарные команды; он признает их мужество и отвагу, но в то же время указывает на их беззаконие. Он говорит — говоря о Филадельфии — "Почти у каждой компании есть своя боевая песня, выражающая самые варварские и кровожадные чувства по отношению к какой-либо конкурирующей ассоциации и описывающая славу пожарного за разрушение оборудования своего врага или, что еще хуже, за его жизнь". — Он приводит следующий список потрясающих названий компаний: "Шершни", "Снэпперы", "Кроваво-красные", "Клопы", "Рок-бойз", "Буйволы", "Скиммеры", "Скругеры", "Мстители", "Нокеры", "Черные ястребы", "Пираты",

"Килл- дьяволы." После чего он приводит следующий образец их песен, написанных "Блефующим и Красным дьяволом":

"НЕЗАВИСИМАЯ ПЕСНЯ о ШЛАНГАХ".

"Мы дерзкие гиены с Джордж-стрит, как всем известно; Мы можем хлестать "Пенн энд Глоуб", а также "Шланг Кэрролла"; Мы будем хлестать всех троих вместе, "Клопы" и "Южная Пенсильвания" добавят для удобства; Мы действительно водим наш экипаж среди наших врагов и гоняем его, куда нам заблагорассудится. - Тебе лучше потише дуть, Глобус, если ты знаешь, что с тобой все в порядке, потому что, если мы снова возьмем твой паровоз, мы разнесем его ко всем чертям. Да сопутствует удача Блефующим и всем честным мальчикам с таким именем; За гиен и Красных дьяволов, которых никто не может приручить".

Впоследствии он указывает на зло, заключающееся в том, что граждане руководствуются политическими страстями при выборе должностных лиц, и заявляет, "что в Балтиморе избираются и теперь занимают важные должности лица, которым те самые люди, которые голосовали за них, не доверили бы ответственного отношения к частной жизни".^[CN] Что касается фактического совершения преступления и надлежащего наказания правонарушителей, он проводит следующее сравнение между Лондоном и Балтимором: "Население первого в 13 раз больше, чем во втором; но число арестов равно 1 к 7, — другими словами, совершение преступлений, пропорционально численности, составило 46 процентов. больше, чем в Лондоне. Затем, чтобы показать неэффективность закона, он продолжает утверждать, что обязательства по судебному разбирательству составили всего 29 процентов. более того, даже из тех, кто был совершен, многие избежали справедливого наказания. Конечно, крупные города Америки - единственные места, в которых можно проводить какое-либо сравнение с этой страной; но при этом нельзя упускать из виду волну эмиграции, которая помогает пополнять их число, иначе мы будем судить о них несправедливо.

Что касается масс, разбросанных по всей стране, я, конечно, никогда не видел и не слышал ничего такого, что заставило бы Англию устыдиться такого сравнения. Было бы несправедливо судить только по цифрам — вы должны также уравновесить сравнительное состояние достатка и независимости соответствующих сторон; ибо кто может сомневаться в том, что бедственное положение является одной из главных причин преступности? Даже в богатом штате Нью-Йорк я нахожу отчет о следующем надругательстве, совершенном над мистером Лоуренсом при вручении повестки его агрессору, мистеру Дейцу: "Он нашел мистера Дейца возле дома и вручил ему бумаги. Дейц взял их и прочитал, когда бросил на землю, — схватил Лоуренса за горло, назвав его чертовым негодяем за то, что он пришел вручать ему бумаги. Затем он позвал свою семью, чтобы протрубить в рог, когда человек по имени Холленбек, работавший каменщиком у Дейца, заступился за Лоуренса, которому удалось сбежать, и пустился наутек. Дейц бросился в погоню, сбил Лоуренса с ног и удерживал его до тех пор, пока не появились четверо переодетых мужчин. Затем они связали ему руки за спиной и отвели в небольшой кустарник неподалеку, затем сорвали с него сюртук, жилет и галстук и складным ножом срезали ему волосы, изредка порезав кожу головы, и, заметив, что у них есть пластырь, который заживет, они вымазали дегтем его голову и тело и налили деготь в его сапоги. Исчерпав таким образом всю свою изобретательность, каждый вырезал палку и хлестал ею до тех пор, пока не устал. Затем они связали ему руки перед собой и повели к дому, каждый из них пинал его на каждом шагу. Они заставили его забрать бумаги обратно, но снова отобрали их; когда, снова

сбив его с ног, они оставили его, и вчера вечером ему удалось добраться до резиденции Джорджа Беккера. Его ноги, кисти рук и лицо сильно избиты". — Если мы поедем на Запад и Юг, то, несомненно, обнаружим, что мораль здесь гораздо более распущенная, чем в Англии; но чего можно ожидать там, где джентльмены, даже сенаторы от штатов, выходят на кровавые дуэли с ружьями с расстояния двадцати шагов, на глазах у толп зрителей?

В чем американцы имеют преимущество перед нашим населением, так это, прежде всего, в обладании безграничной территорией, которая дает высокую отдачу за сравнительно небольшое количество труда, и где, если требуется рабочая сила, дефицит товара гарантирует ее высокую цену. Сравните на минутку Англию с двумя старейшими американскими штатами и, следовательно, самыми густонаселенными:—

Квадратные мили. Население.

Англия содержит 50 000 17 923 000
Нью-Йорк " 46 000 3 097 000
Пенсильвания " 46 000 2 311 786

Здесь мы видим, что если мы возьмем самые густонаселенные штаты Союза, то соотношение будет почти 6 к 1 в пользу Америки; но, если мы соберем все вместе, мы обнаружим...

Квадратные мили. Население.

В Великобритании и Ирландии проживает 120 000 27 400 000 человек, в
Соединенных Штатах - 3 500 000 23 192 000

Это привело бы к соотношению численности населения к площади территории в
приблизительных цифрах:—

Великобритания и Ирландия 228 жителей на квадратную милю.
Соединенные Штаты 7 " " "

Другими словами, население Великобритании в 32 раза больше, чем в Республике. Если принять во внимание эти факты, я признаю, что совершение преступлений в Великобритании представляется мне пропорционально гораздо меньшим, чем в Штатах, несмотря на все преимущества бесплатного и либерального образования, которое находится в пределах их досягаемости.

Я не могу не думать, что общая система обучения молодежи в Республике во многих случаях оказывает самое пагубное влияние на их дальнейшую жизнь. В своем благородном рвении к образованию мозга они, как мне кажется, почти полностью упускают из виду необходимость приучения ума к тому повиновению авторитету, которое закладывает основу самоконтроля и уважения к законам страны. С национальной точки зрения, во всем Союзе вряд ли найдется такое понятие, как парень. Мальчик в Штатах едва привыкает к новизне той части своей одежды, которая подчеркивает разницу полов, как его девизом становится: "Мне все равно; я буду делать то, что мне больше нравится". Короче говоря, он становится мужчиной еще до того,

как перестает быть мальчиком; следовательно, он становится неспособным проявлять ту сдержанность, которой его могла бы научить лучшая дисциплина, и, таким образом, на его поступки в дальнейшей жизни скорее влияют страсть и своеволие, чем разум или размышления. В лекции, отрывок из которой я уже цитировал, я нахожу следующий абзац, который, поскольку я считаю его иллюстративным к моему последнему наблюдению, я привожу подробно.

"Но самой тревожной чертой в положении вещей не только в городе, но и по всей стране является беззаконие молодежи. Самая яркая иллюстрация этого, которую я видел, взята из газеты Цинциннати за январь прошлого года. Похоже, что в течение нескольких дней родители в этом городе подали сотню заявлений с просьбой отправить их собственных детей в Дом-убежище. Приводятся подробности одного случая, произошедшего незадолго до этого: — мальчик двенадцати лет предстал перед судом мэрии своим отцом, который заявил, что семья очень боялась, что юноша лишит их жизни, и что он купил пистолет с целью застрелить домработницу. В суде был предъявлен двуствольный пистолет, который полицейский отобрал у мальчика, который признался, что купил его с указанной целью. Мэр отправил мальчика в Приют.

Теперь я перехожу к вопросу о свободе в Соединенных Штатах. Если под свободой понимать волю большего числа людей, управляющих государством или регулирующих его законы, то, конечно, у них больше свободы, чем в Англии; но если под свободой понимать баланс сил и приспособление законов к различным интересам всего общества в сочетании с надлежащим исполнением их в отношении правонарушителей любого класса, тогда я считаю, что в Англии, несомненно, больше свободы, несмотря на ограничения, которыми ограничено избирательное право, — нет, скорее я бы сказал, вследствие самих этих ограничений; ибо я полагаю, что они стремятся заручиться услугами более либеральных, благородных и независимых представителей, которых ни одна страна, каким бы высокообразованным ни было ее население, не получила бы при системе всеобщего избирательного права. Я не намерен высказывать в приведенном выше замечании какое-либо мнение относительно того, насколько желательно или иным образом изменять ограничения, существующие в настоящее время в Англии; очевидно, что они должны соответствовать растущему интеллекту общества, поскольку, если они этого не сделают, народное волнение будет легко возбуждено, и насильственные изменения будут вызваны невежественной страстью, выходящей далеко за рамки тех, которые должны были бы выдвинуть воспитанное благоразумие и чувство справедливости.— Профилактика лучше лечения.

Мистер Эверетт в письме от 25 июля 1853 г., заметив, что Англия долгое время гордилась тем, что она является великим городом—убежищем для остальной Европы, добавляет: "Соединенные Штаты гордятся еще больше тем, что они являются и когда-либо были убежищем для остального мира, включая саму Великобританию". Затем он продолжает: "Ни один гражданин никогда не был изгнан". - Это смело сказано способным сыном "Страны свободы"; но когда он это писал, он, кажется, не понимал, что это такое. забыл, что более трех миллионов его собратьев содержатся в мучительных кандалах безнадежного рабства гражданами той страны, которой он так гордо хвастается; и что от одной до двух тысяч несчастных жертв ежегодно сбегает в соседнюю британскую колонию, которая является их единственным городом-убежищем на всем североамериканском континенте. Несомненно, соотечественники

мистера Эверетта недостаточно осведомлены об этом поразительном различии, иначе они не решились бы принять такое хвастовство. Некоторые из его соотечественников настолько невежественны в отношении истинной правды о гражданах Великобритании, что один хорошо образованный и в остальном интеллигентный сын Республики спросил моего друга: "Действительно ли вся земля в Англии принадлежит королеве?"

Возвращаясь к теме свободы, полезно отметить один или два любопытных способа, с помощью которых ее, можно сказать, контролируют в Америке. Если бы какой-нибудь джентльмен пожелал надеть на своих слуг фирменную ливрею, он не смог бы этого сделать, не став предметом критики в шумной прессе, называющей его будущим аристократом. Но, пожалуй, самая необычная причуда - это представление янки о том, что служба унижает достоинство; следствием этого является то, что вы очень редко видите слугу-янки; и если случайно вы встречаете такового на ферме, он настаивает на том, чтобы жить и есть с надсмотрщиком. Они так ревностно относятся к внешнему виду службы, что на многих железных дорогах было довольно трудно заставить охранника или кондуктора носить ленту на шляпе, обозначающую его должность, и никто из людей, прикрепленных к железнодорожной станции, не наденет никакой ливреи или униформы, по которым их можно было бы узнать. Интересно, приходит ли когда-нибудь в голову этим сынам Республики, что, действуя таким образом, они подрывают самые основы своих хваленой равных прав человека и распространяют более широкую базу аристократии, чем может создать даже Старый Свет. Слуги, конечно, должны быть в каждом сообществе, и нелепо предполагать, что американские джентльмены когда-либо жили или когда-либо будут жить со своими горничными, поварами и пуговичниками; и если это так, и что американцы считают такую службу унижительной, разве не совершенно ясно, что сыны земли возводят себя в ранг аристократов и смотрят на эмигрантов — на которых в основном возлагаются обязанности по обслуживанию - как на крепостных?

Я могу, обсуждая службу, также затронуть тему забастовок. Американская пресса с готовностью критикует низкий уровень заработной платы в этой стране, например, трехпенсовых рубашечников и множество других низкооплачиваемых и тяжело работающих бедняков. Каждый гуманный человек должен сожалеть, видя, как давление конкуренции приводит к таким позорным результатам; но мои американские друзья, если они внимательно присмотрятся к своей собственной стране, увидят, что они действуют точно так же, насколько это в их силах; короче говоря, они получают рабочую силу как можно дешевле. К счастью для бедных эмигрантов, нехватка рабочих рук настолько велика, что они могут обеспечить достойное вознаграждение за свой труд; но доказательством того, что англосаксы в Америке в этом отношении ничем не лучше остального мира, является тот факт, что среди них также происходят забастовки за повышение заработной платы. Я помню, как однажды прочитал в той же газете о забастовке трех различных интересов, одним из которых был незаменимый орган - гостиничные официанты. Негры даже присоединились к белым, и они добились своего; они знали истинную теорию забастовок и сделали свой ход, "когда рынок рос". Отели увеличивали свои сборы, и они просто хотели получить свою долю процветания.

Теперь я предлагаю рассмотреть одну из самых ярких черт национального характера — Интеллигентность. Неоспоримым свидетельством того, что они высоко ценят образование, является не только множество школ всех видов и количество посещающих их, но также и то устройство, которым они могут по праву гордиться и которое открывает двери во все отрасли образования для их беднейших граждан без каких-либо затрат. Никакая похвала не является

слишком высокой для такого благородного национального учреждения, как школьная система Республики. Другой вопрос, насколько может быть целесообразно объединять все различные классы общества в том раннем возрасте, когда так легко усваиваются привычки, влияющие на последующую жизнь. Хотя грубость многих может извлечь выгоду из контакта с лоском немногих, мне кажется более чем вероятным, что на лоск немногих гораздо сильнее повлияет грубость многих. Поэтому я не могу не предположить, что всеобщее смешение всех классов общества в раннем младенчестве должно негативно сказываться на том прогрессе в совершенствовании цивилизации, который стремится придать обществу каждой страны более высокий тон. Не следует, однако, воображать, что знания, полученные в этих школах, ограничиваются теми предметами, которые необходимы для зарабатывания долларов и центов. Жители этой страны, судя о республиканцах по общим отзывам о них в прессе, могут иметь слабое представление о том, в какой степени читаются старые стандартные произведения метрополии; но среди книготорговцев есть интеллигентная часть нашей нации, которая может просветить их на этот счет. Некоторые из них говорили мне, что граждане Соединенных Штатов не только быстро раскупают старые издания наших лучших авторов, но и что, совершая свои покупки, они демонстрируют гораздо большее близкое знакомство с ними, чем обычно бывает среди англичан, и это доказывает, насколько высоко они их ценят.

Опять же, что касается их собственной страны; никто не может путешествовать среди них, не будучи пораженным универсальными знаниями, которыми они обладают относительно ее конституции, ее политики, ее законов и всех общих вопросов, связанных с ее процветанием или ее потребностями; и если они не всегда передают свою информацию самым классическим языком, во всяком случае, они передают ее в ясных и безошибочных выражениях. Конституция их страны регулярно преподается в их школах; и, несомненно, именно благодаря этому раннему пониманию скрытых пружин, с помощью которых работает правительственный механизм, у них разгорается будущий аппетит к более мелким деталям. Я очень сомневаюсь, что каждый мальчик, оканчивающий среднюю школу в Соединенных Штатах, знает об институтах своей страны гораздо больше, чем девять десятых членов британской палаты общин знают о своих. В то же время не следует забывать, что сложности, возникшие в связи с многовековой национальностью, делают обучение в этой стране гораздо более трудным, чем это возможно было бы в гигантской республике вчерашнего дня. И точно так же налогообложение в Англии, из которого 30 000 000 фунтов. причитается в виде процентов по долгу до того, как государство получит один фартинг для своих выплат, является одним из самых сложных вопросов, которые должны быть поняты даже широкими умами; тогда как в Соединенных Штатах практически не существует никакого налогообложения, а то небольшое, что существует, создает избыточный доход, от которого они часто, по-видимому, не знают, как избавиться.

Несомненно, интеллект сообщества иногда проявляется в привлекательности, которую я не готов защищать. Ясное осознание своих непосредственных материальных интересов привело к отказу от законных обязательств; но те времена, я надеюсь, что с национальной точки зрения, прошли, и многие из их торговцев занимают настолько высокое положение в коммерческом мире, насколько это возможно пожелать. В то же время столь же верно и то, что дух коммерческих азартных игр поднялся в Штатах до уровня, намного превышающего тот, который он когда-либо имел в нашей стране, - за исключением, возможно, эпидемии на железных дорогах; и число неудач прискорбно велико.

Благодаря своему интеллекту они сочетают в себе предприимчивость, не имеющую аналогов в стране. Это качество, подкрепленное их законом об ограниченной ответственности, несомненно, способствовало продвижению многих работ и схем, благодаря которым Профсоюз извлекает и извлекал огромные богатства и выгоды; в то же время это открыло дверь для недобросовестных и проницательных людей, которые могут прийти и играть по высоким ставкам с небольшим капиталом — играя в эту безрассудную игру, в то время как одни становятся миллионерами, другие становятся банкротами. Это последнее состояние сравнительно неважное в такой стране, как Республика, где поле деятельности так велико, а средства к существованию легко достижимы до тех пор, пока не появится какое-нибудь отверстие, когда они будут так же готовы броситься в него снова, как если бы они были рождены на Ниагаре и впитали стремительность ее водопада.

Есть одна форма, которую принимает их предприятие, которой нам действительно было бы полезно подражать, и это ранний подъем. Я краснею за свою страну, когда думаю, каким "Замком Праздности" мы являемся в этом отношении, особенно те, у кого нет ни малейшего оправдания этому. По какому принципу классы общества в Англии, являющиеся хозяевами своего времени, превращают ночь в день, ежегодно тратят миллионы долларов на масло и воск и спят самые свежие и здоровые утренние часы без какой-либо другой видимой цели, кроме как дать себе возможность провести ночь в самой душной и нездоровой атмосфере, находится за пределами моего понимания. Несомненно одно: это имеет тенденцию ослаблять как тело, так и разум, и если бы не оживляющий эффект, производимый зимним проживанием за городом, где джентльмены занимаются спортом на природе, а леди стирают платья, удобную обувь и совершают оздоровительные прогулки, смертность среди наших "десяти тысяч лучших", я полагаю, была бы ужасающей. В Америке "мальчики" встают так рано, что, как говорят, они часто "ловят птиц за хвосты, когда те собираются устраиваться на ночлег", и, без сомнения, именно поэтому они такие "милые". Кстати, о "ловле спящей ласки", покажите мне кого-нибудь из моих столичных друзей-дронов, кто может застать спящего мальчика-янки!

Однако своей привлекательностью они обязаны не только раннему вставанию. Полное отсутствие праздности и тот факт, что они постоянно полагаются на свои собственные ресурсы в случаях незначительных трудностей, существенно помогают им оттачивать свой ум. Вы можете увидеть, как эти последние влияния проявляются в различии между солдатами и матросами, когда они оказываются в ситуациях, когда им приходится действовать самостоятельно. Некоторые из их анекдотов, касающихся "привлекательности", достаточно забавны. Я приведу одно из них в качестве иллюстрации.—По какой-то неизвестной причине в одном из штатов Новой Англии произошла большая нехватка яиц, и, следовательно, они значительно выросли в цене. Жене фермера сразу же пришло в голову, что, если бы она могла каким-либо образом увеличить продуктивность своих кур, это было бы источником большой прибыли для нее; соответственно, она снабдила дно кроватей для каждой курицы-несушки пружинами и установила под ними таз, способный вместить два яйца. В положенное время куры снесли яйца; но поскольку каждой курице после снесения не хватало тепла драгоценного осадка, она встала, чтобы посмотреть, все ли в порядке. К ее удивлению, яйца не было видно. "Благослови меня господь!" - говорит курица. "Что ж, признаюсь, мне показалось, что я снесла яйцо. Наверное, я ошибаюсь", - и она снова спустилась вниз, чтобы исполнить свои обязанности. Она снова поднялась, чтобы убедиться в успехе. Яйца там не было. "Что ж, клянусь", - сказала миссис Курица: "Они, должно быть, разыгрывают со мной какую-то шутку: я попробую еще раз, и, если у меня не получится, я откажусь от нее". Она снова вернулась к своим трудам, и два яйца упали в

таз, поддерживающий основание ее кровати, успех увенчал ее усилия, и она воскликнула: "Ну, во всяком случае, на этот раз у меня получилось!" "Милая жена" сдержалась и ничего не сказала ни курам, ни соседям, и таким образом получила удобный мешочек с долларами. Я привожу анекдот в том виде, в каком его мне рассказали, и должен признаться, что никогда не видел операции и не слышал замечаний обманутых куриц. Я вставляю это на тот случай, если в наши дни сельскохозяйственных трудностей (?) жена какого-нибудь фермера будет склонна провести подобный эксперимент.^[CO]

Я продолжаю рассматривать энергию республиканцев, качество, по которому они могут бросить вызов сравнению с остальным миром. Нет слишком великого предприятия, за которое они могли бы взяться, и нет слишком тяжелых трудностей, которые они могли бы вынести. Янки начнет со своих домашних богов и будет искать новый дом в дикой местности с меньшей суетой, чем кокни, собирающий корзину с едой, чтобы отправиться на пикник в Ричмонд-парк. Именно дух приключений позволил им покрыть целый континент таким невероятным образом, как показано на карте Соединенных Штатов. Большим недостатком этой фазы их энергии является полное отсутствие тех домашних уз, за которые мы так нежно цепляемся на старой родине. Если бы мы были нацией янки, я убежден, что через пять лет у нас не было бы десяти миллионов жителей. Ни один янки не может существовать без пространства для общения, за исключением наиболее деградировавшей и буйной части общества, которая находит более благоприятную атмосферу в этих притонах порока, неотделимых от больших городов. Этот дух миграции побудил их проявлять свою энергию и предприимчивость на тех бесчисленных милях железных дорог и телеграфа, которые позволяют гражданам самых отдаленных штатов легко общаться с Вашингтоном и городами Востока. Трудность привлечения рабочей силы, без сомнения, является одной из причин крайне неэффективного способа выполнения многих из этих работ; и это также не позволяет им выполнять гигантские работы с такой скоростью и уверенностью, с какими подобные операции выполняются в Англии. Миниатюрный Хрустальный дворец в Нью-Йорке стал убедительным доказательством того, что я сказал; ибо, хотя он был немногим более четверти размера того, что в Гайд-парке, их попытки подготовить его вовремя потерпели полный крах. В отместку за эту неудачу Пресса попыталась утешить местных, превознося привлекательность ипподромов, ледяных салонов и дешевых шоу, которыми он был окружен, и противопоставляя их "мрачному величию" лондонского дворца. Мрачное величие - это, я полагаю, способ янки выразить самый прекрасный парк в любом городе мира.

Среди других замечаний об американцах я слышал, как многие мои соотечественники говорили: "Посмотрите, как они бегут за лордами!" — И это совершенно верно; живой лорд - сравнительная новинка, и они бегут за ним точно так же, как люди в Англии бегут за индийским принцем или любым претенциозным восточным: это англосаксонская мания. Не так давно мой друг нашел сирийца, который расхаживал с важным видом по городу, *которого* чествовали повсюду, как будто он был величайшим человеком своего времени; и кем же должен был оказаться сирийский набоб, как не человеком, которого он нанял в качестве слуги на Востоке и которого ему пришлось наказать за мелкую кражу. В Англии мы гоняемся неизвестно за кем; в Америке, если гоняются за лордом, то, во всяком случае, есть веская презумпция в пользу того, что он, по крайней мере, джентльмен. Мы подлизываемся к нашим индийским щеголям, а они подлизываются к своим английским щеголям; и я надеюсь, ради нашего же блага, что, поступая таким образом, они получают решительное преимущество перед нами.

Я также слышал, как некоторые из моих соотечественников говорили об их гостеприимстве: "О! это очень хорошо; но если бы вы бывали там так же часто, как я, вы бы увидели, как быстро заканчивается их гостеприимство". Кто, черт возьми, когда-либо слышал такое неразумное замечание! Поскольку человек в рамках гостеприимства тратит свое время, свои деньги и свои удобства на то, чтобы приветствовать незнакомца, о характере и общительности которого он ровным счетом ничего не знает, обязан ли он, следовательно, быть обремененным этим знакомством так часто, как путешественник решит посетить Американский континент? Разве сама эта идея не абсурдна? Ни один человек в мире не готов приветствовать незнакомца с большей готовностью, чем американец; но если незнакомец вновь посещает те же места, вежливость и гостеприимство, которые он получает, по справедливости, должны зависеть от впечатления, которое его компания произвела на тех, кому он ее оказал. Без сомнения, небольшое количество путешественников позволяет американцам проявлять большее универсальное гостеприимство, чем они могли бы сделать, если бы страна была наполнена незнакомцами так же, как Великобритания. Участвовавшие поездки в последние годы неизбежно привели к заметным различиям в этом вопросе между нами, и, несомненно, впоследствии это может повлиять на Соединенные Штаты; но человек, который в настоящее время не признает гостеприимство наиболее отличительной чертой Республики, должно быть, действительно прогнул умом или сердцем.

Что касается политического характера Союза, то он во многом находится в том же состоянии, что и Англия. Двумя первоначальными партиями были виги и демократы, первая из которых является синонимом партии тори в этой стране — *то есть* честной группы людей, которые в своих искренних попытках удержать карету в исправном состоянии так часто тормозят, что лошади иногда становятся беспокойными и трогаются с места, когда чувствуют, что колесо забито. Демократы скорее представлены смесью вигов и радикалов — *то есть* группой людей, которые в своих энергичных усилиях заставить карету ехать не слишком заботятся о дороге и смотрят на волокушу как на устаревший обман. Иногда эта небрежность также приводит к тому, что упряжка убегает; но в Штатах такая открытая местность, что они могут убежать на многие мили, не опрокинувшись; тогда как в Англии, когда возникают подобные трудности, ленты обычно передаются экипажу противоположной стороны. Это старое положение дел полностью изменилось в обоих полушариях; каждая партия более или менее распалась, и ни в одной стране в настоящее время нет отдельного органа, достаточно многочисленного, чтобы сформировать сильное правительство.

В результате этих сбоев можно представить, насколько трудно было бы дать сколько-нибудь точное описание различных предметов сервировки, составляющих политическую "службу". Раньше два лозунга: "Защита отечественного производства" и "Свободная торговля" были разными объединяющими моментами. В настоящее время существуют рабовладельцы, распространители рабства, сторонники Свободной земли, аболиционисты, аннексионисты и одному Богу известно, сколько еще партий, только по вопросу о рабстве, на которые делится демократическая или доминирующая партия, независимо от тех других общих политических разногласий, которые обязательно должны существовать в столь большом и разнообразном сообществе. Из вышесказанного вы заметите, что утверждение, что человек демократ, не дает четкого представления о его политике, за исключением того, что он не виги; а у вигов также есть свои разногласия по вопросу о рабах.

Но недавно на поле появилась группа под названием "Незнайки", которая требует особого уведомления. Их мнимые принципы были опубликованы в ведущих журналах этой страны и несут в себе определенную степень разумности, главными чертами которых является то, что они представляют собой тайное общество, объединившееся с целью противодействия священническому влиянию гуманистов в политических вопросах: для продления периода, необходимого для получения прав гражданства; и для поддержки коренных американцев в противостоянии всем другим кандидатам на любую общественную должность, которая может быть оспорена. Такова суть их манифеста. Их оппоненты говорят, что они - сплошные обманщики, которых вызвали к жизни несколько старых политических писак для их собственных эгоистичных целей. Из-за фракций в старых партиях вигов и демократов их оппоненты считают, что они могут добиться успеха в течение года или двух, но они предсказывают их скорый и полный крах. Время покажет — я не пророк. Однако в их уставе есть один пункт, в который я не могу поверить, что он когда-либо будет успешным, а именно натурализация или гражданство. Конгресс не захотел бы принимать какой-либо закон, который мог бы направить поток эмиграции в другое русло, такое как Австралия или Канада; и отдельные штаты в равной степени не захотели бы принимать такой местный закон по той же причине, поскольку, если бы они это сделали, эмигранты переехали бы в те штаты, где они быстрее всего получили права граждан. Крестовый поход против католиков также настолько противоречит духу конституции, исповедующей принцип равных прав человека, что более чем вероятно, что вскоре они могут разойтись в нерешаемом вопросе о том, как провести демаркационную линию между влиянием священника и мнением его паствы. Следовательно, насколько я способен судить, я не верю, что у них есть достаточно широкая и отчетливая основа, на которую можно опереться, и я думаю также, что тот факт, что они являются тайным обществом, скорее ускорит их конец, чем что-либо другое.

Последний момент, на который я намекну, - это будущие перспективы Республики; вопрос, который, несомненно, покрыт большим мраком. Черная туча Юга постоянно нависает над их головами, время от времени угрожая обрушиться на них. В Свободных Штатах многие остро ощущают унижение от того, что их заставляют помогать в поимке беглого раба; и отвращение к этой отвратительной задаче скорее возрастает, чем уменьшается. Граждане во многих случаях массово восставали против тех, кто исполнял закон, и военные вступали с ними в столкновение, защищая власти. Только страх распада Союза предотвращает исключение из Конституции этого пункта, в соответствии с которым они вынуждены не просто восстанавливать, но и выслеживать беглеца. "Фрисайлеры" также возмущены тем, что их нация превращает целину в страну рабства; законопроект о Небраске значительно усилил это чувство. Аболиционисты подвержены постоянным приступам бешенства, которые усиливаются с каждым последующим нападением. Тысячи и тысячи северян, которые содрогаются от ощущения, что их звездно-полосатое знамя пересекают полосы раба, обращаются к истории своей страны и, вспоминая славные дела, которые их предки совершили под этим флагом, их сердца откликаются: "Союз навеки!"

Но, возможно, самое сильное чувство в Республике, которое стремится сохранять все в тайне, заключается в том, что разум сообщества Севера, выступающего как против рабства, так и против закона о беглых, предвидит, что если эти объекты будут получены только ценой отделения от Юга, вероятно, произойдет большее зло, чем то, которое они стремятся устранить. Каким бы мирным ни казалось расставание, оно никогда не могло произойти без самых горьких чувств вражды. Джуниус описывает силу этого чувства словами: "Он ненавидел меня так

сильно, как если бы когда-то был моим другом", и это, несомненно, доказывает. Склоки породили бы ссоры, а ссоры переросли бы в войны; сравнительная гармония континента была бы нарушена, и постоянные армии и флоты стали бы столь же необходимы в Новом Свете, как, к сожалению, они необходимы в Старом. Если Южане полны решимости увековечить рабство, единственный способ, которым оно когда-либо перестанет пятнать Союз, - это сила общественного мнения и иммиграция белого человека, постепенно вытесняющего негров на юг из штата в штат. По мере снижения его ценности размножение для рынка постепенно прекратится; и в конце концов он может вымереть, если тысячелетие не вмешается в этот процесс.

Другая возможная причина раскола в Союзе может исходить из Калифорнии, в штате которой уже раздался слабый крик - "Западная республика". Легкость общения, обеспечиваемая железными дорогами, по-видимому, остановит распространение этого крика; но если бы Калифорния отделилась, это не повлекло бы за собой тех бед, к которым неизбежно привело бы разделение Южных Штатов. Единственный другой шанс на раскол в Республике, который я могу себе представить возможным, - это в случае длительной войны с какой-либо великой морской державой ради целей, которые затрагивают только одну конкретную часть Штатов; в этом случае непреодолимое влияние всемогущего доллара может привести к мощному действию. Богатство Америки - это ее торговля; что бы ни сдерживало это, оно сдерживает пульсацию ее жизненных сил; и если бы ее честь не была полностью скомпрометирована в борьбе, ни Север, ни Юг не были бы расположены продолжать разорительную борьбу исключительно ради выгоды другого. Я полагаю, что перспективы такого развития событий можно считать призрачными. Франция вряд ли вступит в контакт с Союзом; и единственной другой морской державой является Великобритания, интересы которой настолько отождествляются с миром, что вряд ли возможно, чтобы она поощряла какие-либо иные отношения, кроме самых дружеских. Ни одна из сторон ничего не выиграет от войны, и обе стороны неизбежно сильно пострадают; и хотя я боюсь, что есть слишком веские доказательства того, что многие неблагородные умы в Республике произносят громкие речи и стремятся возбудить враждебные чувства, реальный интеллект и богатство Штатов отвергают недостойные чувства и осуждают любые действия, которые могли бы привести к столкновению между двумя странами. Помимо всего этого, существует сильное родство между *фунтами стерлингов* и долларами и центами, благодаря чему столь сильное влияние оказывается на ту коммерческую организацию, которая составляет немалую часть богатства и интеллекта обеих наций.

Если мои взгляды верны, то действительно невозможно предсказать будущее Соединенных Штатов; должны пройти столетия, прежде чем они смогут стать достаточно населенными, чтобы испытать адаптацию своей нынешней формы правления к густонаселенной стране; тем временем, кажется, едва ли есть предел росту ее богатства и процветания. Ее нынешний гигантский шаг среди народов мира кажется всего лишь невидимым атомом по сравнению с безграничными ресурсами, которыми она располагает в пределах своих границ, не последним важным из которых является та масса энергии и интеллекта, которую она год за годом распространяет по всей стране, церковь и Школа всегда следуют за ней и воспроизводят те элементы, которым она обязана своим нынешним гордым положением.

Теперь моя задача выполнена. На предыдущих страницах я попытался передать некоторое общее представление о местах, которые я посетил, и о предметах, которые показались мне наиболее достойными внимания. Я лишь слегка коснулся Кубы и не останавливался сколь-

нибудь подробно на процветающей и растущей колонии Канаде. Мои замечания касались главным образом Соединенных Штатов, которые, отличаясь по столь многим пунктам от страны ее рождения и занимая столь заметное место среди наций, представляли собой наиболее обширное поле для наблюдений и комментариев. Я во всех случаях ясно излагал впечатления, производимые на мой разум. Я свободно высказывался по всем тем темам, которые, будучи общедоступными, я считаю законным полем для критики путешественника; там, где я хвалил, или там, где я осуждал, я в равной степени старался объяснить свои доводы. Я привлек внимание к фактам и мнениям, связанным с моей собственной страной, и подумал, что аналогичные моменты в Республике могли бы помочь пролить на них свет. Наконец, я попытался объяснить различные причины, по которым враждебные чувства к этой стране зарождаются и распространяются за границей среди определенной части общества; и я выразил свое твердое убеждение, что большинство людей высочайшего уровня интеллекта и характера питают искреннее желание увековечить наши нынешние дружеские отношения.

В заключение я хотел бы заметить, что мнения и чувства нации не следует поспешно черпать из сочинений проезжего путешественника или случайных руководителей Свободной прессы. Человек всегда склонен придирается к своему ближнему, потому что это предполагает скрытое притязание на превосходство интеллекта в нем самом; но человек может осуждать многое в нации, высоко оценивая саму нацию. Мир — это большое общество, путешественник - всего лишь один из компании, который общается через прессу; и как в узких кругах разговоры прекратились бы, если бы не говорилось ничего, кроме того, что можно было бы математически доказать, так и тома путешествий пришли бы к безвременному концу, если бы они никогда не выходили за скучные рамки фактов. В обоих случаях мнения являются предметом обсуждения; потому что, поскольку двое людей не могут прийти к согласию, они провоцируют дискуссию, через отверстия которой, когда истина просачивается наружу, мудрые люди улавливают ее, оставляя отбросы тем, кто не размышляет.

Покойный лорд Холланд, который в равной степени отличался добротой и умом, как говорят, заметил: "Я никогда не встречал человека настолько большого дурака, но я мог бы кое-чему у него научиться". Читатель, я вынужден признаться, что его светлость никогда не встречал меня; но я не могу уйти, не выразив надежды, что вам повезет не меньше, чем этому любезному пэру.

А теперь прощай, Гигантская Республика! Я давно покинул твои берега; но я увез с собой и нежно лелею воспоминания о многих приятных днях, проведенных мною в твоих пределах, и обо всех тех друзьях, чье неизменное гостеприимство и доброта сопровождали мой путь без перерыва. Мне нет дела до флибустьеров и сочувствующих россии; я знаю, что разумное сердце твоего народа бьется в дружеских порывах, на которые с готовностью откликаются мои соотечественники. Все, что мы должны и, я надеюсь, все, что мы делаем, взаимно желаем, - это поощрять честное и растущее соперничество в искусстве, науке, коммерции и доброй воле. Тот, кто нарушит наши дружеские отношения, будь то британец или американец, недостойн называться мужчиной; ибо он враг Свободы—человечества — и христианства.

СНОСКИ:

[СК]

The "Нью-Йорк Геральд" редактируют двое британских подданных-ренегатов, один из которых, как мне сказали, ранее работал в одном непристойном издании в этой стране.

[CL]

В качестве примера их любви к громко звучащим титулам приводился тот факт, что, согласно переписи населения Великобритании, на 15 163 хирурга приходилось всего 2328 врачей, в Соединенных Штатах на 40 564 врача приходилось всего 191 хирург.

[CM]

Посмотрите главу, озаглавленную "Пресса Америки и цензура Англии".

[CN]

Один из немногих случаев, когда, возможно, есть преимущество в массовом голосовании, - это когда выдвигается вопрос общественного блага, которому противостоят многочисленные и могущественные местные интересы или монополии. Возьмем, к примеру, снабжение Лондона хорошей водой, которое самый законченный болван должен признать наиболее желанным; однако влияние корыстных интересов настолько сильно, что двум миллионам его жителей, похоже, суждено быть отравленными на века, а переулки и дворы, по всей вероятности, в течение того же периода будут оставаться засушливыми, как пустыня.— Лондон, посмотри на Нью-Йорк и покрасней!

[CO]

Возвращаясь к теме яиц, я хотел бы спросить моего читателя, испытывали ли вы когда-нибудь, поедая упомянутый продукт, свое терпение, когда каждый кусочек вынимали из скорлупы и осторожно макали в соль? Если вы когда-либо испытывали неудобства от этого утомительного процесса, позвольте мне предложить вам простое средство. Открыв яйцо и вынув одну ложку, насыпьте туда столько соли, чтобы хватило на все яйцо, а затем сверху налейте несколько капель воды; соленая жидкость пропитает все питательное вещество и, таким образом, сделает ненужными вышеупомянутые досадные переходы, из-за которых яйцо вызывает такую же досаду за завтраком, как и скуку в обществе. Кто первым получил патент на этот "додж", я не могу сказать, но предполагаю, что это был выходец из Новой Англии.

Примечания.

ПРИМЕЧАНИЕ I.

Распространение телеграфа в Соединенном Королевстве.

Мили. Мили провода.

КОМПАНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ТЕЛЕГРАФА.

5,070 Под землей 5000

Над землей 20 700

КОМПАНИЯ МАГНИТНОГО ТЕЛЕГРАФА.

1,740 Под землей 6180

Над землей 4076

ПОДВОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОМПАНИЯ.

400 Под землей 2740

надземных объектов —

БРИТАНСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОМПАНИЯ.

1000[CP]Под землей 2,755

Над землей 3,218

ИРЛАНДСКОЙ ТЕЛЕГРАФНОЙ КОМПАНИИ.

88 Под землей 176

Над землей —

Всего 8 298 Всего 44 845

Из всего вышесказанного 534 мили приходится на подводную лодку, при этом используется 1100 миль проволоки. Первоначально стоимость прокладки телеграфа составляла 105 фунтов за милю двух проводов. Накопленный опыт позволяет делать это за 50 *литров*, и это гораздо более долговечным и эффективным способом, чем практикуется в Соединенных Штатах. Заявлена стоимость прокладки подводного телеграфа около 230 *фунтов стерлингов* за милю для шести проводов и 110 *фунтов* за один провод.

Одной из особенностей, по которой телеграфы Великобритании существенно отличаются от телеграфов Америки и всех других стран, является большая протяженность подземных линий. В Англии проложено почти 17 000 миль провода под землей, стоимость которого в шесть раз выше, чем у наземных линий; но у него есть неоценимое преимущество в том, что он никогда не прерывается из-за перемены погоды или несчастных случаев, в то время как затраты на его обслуживание чрезвычайно малы. Этот факт следует иметь в виду, когда мы рассматриваем относительные расходы на передачу сообщений в Англии и Штатах.

В предыдущих строках мы показали, что Англия располагает 8298 километрами линий; 44 845 милями проволоки; Соединенные Штаты располагают 16 735 километрами линий; 23 281 миль проволоки.

Таким образом, мы видим, что телеграф в Соединенных Штатах охватывает более чем вдвое большую территорию, чем британские линии; в то время как, с другой стороны, телеграфная система в Англии развита настолько совершеннее, что фактически используется почти вдвое

больше проводов. На английских линиях, которые находятся в руках только трех компаний, от 25 000 до 30 000 миль преодолевается по системе Кука и Уитстона; 10 000 миль — по магнитной системе — без батарей; -3000 миль — по химическому принципу Бейна, который быстро распространяется; - а остальное - по плану Морзе.

Стоимость передачи сообщений в Америке ниже, чем в Англии, особенно если учитывать расстояние передачи. В Америке сообщение ограничено десятью словами; в Англии - двадцатью словами; и сообщение доставляется бесплатно на определенном расстоянии от станции.

В обеих странах имена и адреса отправителя и получателя пересылаются бесплатно. Средняя стоимость передачи из Лондона на каждую станцию Великобритании составляет 13/10 пенни за слово на 100 миль. Средняя стоимость перелета из Вашингтона во все основные города Америки составляет около 6/10 пенни за слово на 100 миль. Обычная шкала сборов за двадцать слов в Англии составляет 1с. за пятьдесят миль и менее; 2с. 6d. между пятьюдесятью и 100 милями; на всех расстояниях сверх этого - 5с. за некоторыми исключениями, когда существует большая конкуренция. Получив вышеприведенное заявление от наиболее компетентного органа, можно с уверенностью положиться на его точность.

В заключение я хотел бы отметить, что конкуренция, которая постепенно усиливается в этой стране, в конечном итоге должна вынудить снизить нынешние сборы; но даже до того, как появится желаемое противодействие, компании, по моему скромному мнению, проявили бы мудрое и выгодное усмотрение, изменив свою нынешнюю систему сборов. Первоначально адреса обеих сторон были включены в разрешенное количество слов; теперь от этого абсурда отказались, но одно едва ли менее нелепое все еще остается, а именно, двадцать слов - это самое короткое сообщение, на котором основаны их обвинения. Торговец из Нью-Йорка может отправить сообщение в Новый Орлеан, на расстояние 2000 миль, и совершить важное дело в десяти словах — скажем, "Купите мне тысячу тюков хлопка — отправьте в Ливерпуль"; но если я хочу телеграфировать из Виндзора в Лондон на расстояние в двадцать миль: "Пришлите мне мой чемодан", - я должен заплатить за двадцать слов. Несомненно, телеграфные компании проявили бы разумную осмотрительность, снизив масштаб до десяти слов и взимая две трети нынешней цены за двадцать. Оппозиция вскоре вынудила бы к такому явно полезному изменению; но, независимо от любого принуждения, я верю, что те компании, которые больше всего стремятся удовлетворить разумные требования общественности, всегда будут демонстрировать наилучший баланс в конце года.—Тринадцать пенсов - это больше, чем один шиллинг.

ПРИМЕЧАНИЕ II.

Краткий очерк развития огнестрельного оружия.

Первое четкое упоминание о винтовках, которое мы имеем, относится к 1498 году, почти через 120 лет после того, как в Европе стало известно об изобретении пороха. Китайцы, я полагаю, утверждают, что это изобретение было за 3000 лет до Сотворения Мира. Первым изготовителем винтовки был некто Цуглер из Германии, и его первоначальной целью, по-видимому, было просто сделать пули более рваными, чтобы наносить более серьезные раны; результат, к

которому до этого времени приводили укусы и взламывание пуль. Очевидно, что так и было задумано, поскольку в первом случае надрезы были сделаны идеально ровно. Точные даты введения различных поворотов мне установить не удалось.

Я не могу найти никаких упоминаний об оружии, заряжающемся с казенной части, до правления Генриха VIII, с тех пор оно постоянно использовалось в Китае и других частях Востока. Насколько я понимаю, в 1839 году они широко использовались в Норвегии. Карабин, заряжающийся с казенной части, недавно привезенный в нашу страну из Америки как изобретение мистера Шарпа, был запатентован неким мистером Мелвиллом из Лондона еще в 1838 году. Насколько я понимаю, карабин мистера Шарпа не так давно испытывали в Вулвиче и обнаружили, что он засорился из-за расширения металла при последовательной стрельбе. Также ни одно из представленных до сих пор орудий с казнозарядом не смогло найти широкого практического применения, хотя американцы постоянно использовали их в своем военно-морском флоте в течение нескольких последних лет. Вернемся к древним временам.—В Лондонском Тауэре находится фитильный замок с одним стволом и вращающимся затвором, изготовленный в пятнадцатом веке, и есть пистолет аналогичной конструкции времен Генриха VIII, который можно увидеть в Ротонде в Вулвиче. Цилиндры обоих этих орудий были обработаны вручную.

Старый фитильный замок, изобретенный в 1471 году, уступил место заменителю, едва ли менее неуклюжему и известному посвященным как колесцовый замок, воспламенение которого происходило при касании стального кругляшка о закрепленный кремль, помещенный в центр затравки. Эта грубая идея возникла в 1530 году и бесспорно господствовала до изобретения обычного старого кремня и стали, примерно в 1692 году, когда этот последний стал верховным лордом, которым она до сих пор остается у некоторых увлеченных старых джентльменов, несмотря на прекрасное открытие применения молниеносного пороха в качестве средства производства выстрела.

Мистер Форсайт запатентовал это изобретение в 1807 году, но, то ли из-за предубеждения, то ли из-за недостатка совершенства в его применении, медный колпачок не использовался повсеместно, пока он не был представлен среди спортсменов мистером Эггом в 1818 году, а впоследствии мистер Дж. Мэнтон запатентовал свои ударные трубки для аналогичной цели. Использование медного колпачка в армии началось в 1842 году, или почти через четверть века после того, как его очевидные преимущества стали очевидны остальной части общества.

До этого изобретения было невозможно сделать револьверное оружие практически доступным для общего использования.

Общественность в долгу перед мистером Джонсом за изобретательный механизм, с помощью которого непрерывное давление на спусковой крючок вызывает как вращение стволов, так и разрядку оружия; этот патент датируется 1829-1830 годами. Полковник Кольт сначала попытался заставить вращаться несколько стволов, подняв курок, но вес стволов подсказал вернуться к старому вращательному цилиндру, на который он получил патент в 1835 году; а в 1836 году он получил еще один патент на получение вращательного движения путем оттягивания спускового крючка, и впоследствии он ввел дополнительный рычажный шомпол, закрепленный на стволе. Полковник Кольт пришел к выводу, что цилиндр с вращающимся курком был более полезным предметом, поскольку он позволял человеку, использующему его, более точно прицеливаться, чем с другим, который вращался и срабатывал от нажатия на

спусковой крючок, и от момента взрыва нельзя было зависеть. Полковнику . Кольту принадлежит честь так объединить устаревшие и современные изобретения и дополнить их такими собственными усовершенствованиями, что получилось первое практичное и действительно исправное оружие.

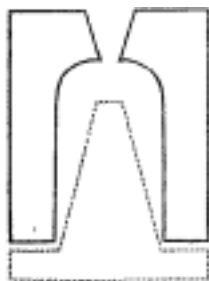
С тех пор господа . Дин и Адамс в 1852 году возродили старое изобретение - цилиндр с вращающимся спусковым крючком, преимущество которого в том, что для стрельбы требуется только одна рука, но которое неизмеримо уступает там, где требуется точность прицеливания. Мистер Трэнтер в 1853 году запатентовал новое изобретение, которое, используя двойной спусковой крючок, сочетает в себе преимущества Кольта и устраняет недостатки Дина и Адамса. Благодаря боковому ветру он также приспособил бесценное применение Кольта — неподвижный рычажный шомпол. Ежедневно появляется множество других патентов, слишком многочисленных, чтобы их упоминать, и слишком похожих, чтобы их можно было легко определить.

Вернемся к винтовкам.— Хорошо известно, что обычной винтовкой, использовавшейся до последних лет, была семизарядная, со сферической пулей, и двухзарядная, с зонной пулей; последнее изобретение известно как винтовка Брауншвейга; импортировано из Берлина примерно в 1836 году. Именно над этим оружием мистер Ланкастер провел несколько очень остроумных экспериментов, постепенно расширяя канавки, пока, наконец, они не сошлись, и было изготовлено ружье с эллиптическим каналом ствола, на которое он получил патент в июле 1850 года; но после расследования было доказано, что патент мистера Ланкастера недействителен, поскольку ружье с эллиптическим каналом ствола настолько древнее, что упоминается в *Scloppetaria*— работе, напечатанной в 1808 году, — как уже тогда устаревшее; детали, методы и инструменты для их изготовления полностью описаны там; и я видел образец винтовки с эллиптическим каналом ствола. винтовка такого типа, изготовленная фирмой "Дюмазен в Париже", которой по меньшей мере сто лет; сейчас она находится во владении герцога Атольского. Мистеру Ланкастеру принадлежит заслуга в том, что он применил на практике то, что другие отбросили в сторону как не имеющее ценности.

От винтовок я перехожу к пулям, в которых главной особенностью усовершенствования является введение конической формы. Вопрос о коническом шаре с блюдцеобразным основанием подробно обсуждается в *Scloppetaria*, но, по-видимому, никакого практического результата публике не было представлено, пока месье Дельвиг в 1828 году не применил твердый конический шар, который, положив на казенную часть, очищенную от пороха, он несколькими ударами шомполом расширил настолько, чтобы он прошел по желобкам. Полковник Тувенен ввел в казенник стальной стержень, на который при надавливании пуля легче расширялась. Этот стержень называется "тигель". Полковник Тамизье вырезал три кольца на цилиндрической поверхности пули, чтобы облегчить расширение и улучшить ее полет. Эти три комбинации составляют *тигровый карабин*, который в настоящее время широко используется во французской армии. Капитан Минье — я полагаю, в 1850 году — отказался от тигля и использовал коническое углубление в шаре, в которое, поместив железный стакан, взрыв пороха производил необходимое расширение. Поскольку капитан Минье не внес никаких изменений в винтовку, за исключением удаления тигля, который был представлен совсем недавно, называть его коническую пулю винтовкой Минье, безусловно, экстраординарный ирландизм; она была частично принята на вооружение в Англии еще в 1851 году. Я не могу сказать, почему его изобретение не было воспринято во Франции.

Удивительно отметить, что британское правительство в кои-то веки, похоже, оценило полезное изобретение, и различные эксперименты с мячом Минье проводились с энергией настолько необычной, что это поражало. Когда обнаружилось, что железная чашка имела различные недостатки, помимо того, что была сложным изделием, на правительство обрушился ураган изобретений со всевозможными модификациями. Успешным соперником этого бесчисленного множества был мистер Притчетт, который, полностью отказавшись от чаши, добился наиболее удовлетворительных результатов с помощью простой конической пули с незаметным блюдцем в основании, которая в настоящее время является общепринятой пулей на службе Ее Величества. Читатель узнает в пуле мистера Притчетта небольшую модификацию конического шарика, упоминавшегося в *Scloppetaria* почти пятьдесят лет назад.

По доброте друга я смог получить некоторую информацию относительно спорного вопроса о шаре Минье, который опровергает некоторые утверждения французского капитана, если таковыми являются выдумки. Я считаю, что личность друга, через которого я поддерживаю переписку с джентльменом, указанным ниже, является достаточной гарантией правдивости утверждений, которые я здесь привожу.

Мистеру Стэнтону, владельцу угольных шахт в Ньюкасле-на-Тайне, пришла в голову идея, что если бы пуля была сделана так, чтобы воспринимать ударную силу внутри пули, но за пределами центра тяжести, она продолжала бы свой полет без отклонений. Убедившись в истинности этой теории, он отправил форму в Департамент боеприпасов 20 января 1797 года и получил ответ в следующем месяце, в котором говорилось, что при испытании было установлено, что она менее точна в полете и менее пробиваема, чем использовавшаяся в то время круглая пуля. Они также сообщили мистеру Стэнтону, что в хранилище есть несколько конических шаров, которые были переданы туда покойным генерал-лейтенантом Паркером и которые, обладая большей прочностью, превосходили те, что были присланы мистером Стэнтоном, доказывая таким образом, что идея конического расширяющегося шара имеет очень древнее происхождение. Форма, присланная мистером Стэнтоном в Ordnance, была взята с деревянной модели, точная схема которой прилагается и которая находится у мистера Стэнтона, адвоката в Ньюкасле, сына составителя. Приводятся доказательства того, что мистер Бойд, банкир, и мистер Стэнтон, сенатор, оба попробовали метать пули с успехом, весьма отличным от того, который был достигнут в Вулвиче; но это не должно вызывать удивления, поскольку каждый спортсмен знает об удивительной разнице в точности, с которой гладкоствольное огнестрельное оружие отбрасывает пули, и для которой никогда не было выдвинуто никаких удовлетворительных причин. Мистер Келл впоследствии присутствовал, когда его друг мистер Стэнтон-младший изготовил пули по принципу своего отца для пары пистолетов Wogden's тридцать лет назад; результат признан удовлетворительным.

В 1829 году мистеру Келлу пришла в голову идея применить этот принцип к винтовкам, для чего у него была форма, изготовленная мистером Томасом Балкрейгом. Мистер Келл изменил первоначальный шар в двух моментах; он сделал боковые стороны более прочными, и он сформировал переднюю часть шара конической, а не полусферической. Мяч, сделанный по этой форме, сейчас лежит передо мной, и он точно такой же, как мяч для минье без железной чашки, в котором, как мы показали на предыдущих страницах, нет никакой необходимости. Эта пуля постоянно использовалась мистером Келлом и другими до настоящего времени; это первое применение конической расширяющейся пули в винтовках, которое я могу найти в записях, и какая бы заслуга ни была отдана человеку, который перенес расширяющуюся пулю из гладкоствольного оружия, где она была бесполезна, в винтовку, где она, как теперь доказано, бесценна, принадлежит, насколько я могу проследить применение, мистеру Келлу, 1829 г. н.э.

В 1830 году мистер Келл нанял мистера Гринера, в то время оружейника в Ньюкасле, изготовить ему форму для дуствольного ружья, и он оставил в руках мистера Гринера одну из пуль, изготовленных для пистолета Уогдена, и одну из тех, что были изготовлены мистером Балкрейгом, чтобы помочь ему в этом. Похоже, что мистер Гринер, должно быть, был удовлетворен успехом применения мистером Келлом конической пули к винтовке, поскольку через несколько лет после этого, в августе 1836 года, он обратился в управление боеприпасов за разрешением на пробное изготовление конической пули; это было предоставлено, и эксперимент был проведен под руководством майора Уолкотта из Королевской артиллерии на песках близ замка Тайнмут, стрелковой группой, состоящей из 60-й стрелковой роты. Мистеру Гринеру не удалось захватить с собой мишень, и для проверки превосходной пробивной способности его пуль использовалась обычная артиллерийская мишень. Мистеру Гринеру не удалось захватить с собой мишень. Пуля Гринера имела коническую пробку из свинца в полости, предназначенную для создания расширения при попадании внутрь под действием силы порошка. После нескольких выстрелов с расстояния в двести ярдов было обнаружено, что только у одной пули мистера Гринера, попавшей в цель, заглушка попала в цель, все остальные потеряли свои заглушки. Такой же эффект производился при стрельбе по песчаной насыпи. Затем была проведена пробная стрельба на дистанции 350 ярдов; сферические и конические шары попали точно в цель, но пробил только один из последних.

Возражениями против конической пули были: частая потеря затычки, из-за чего уменьшался ее вес; неудобство наличия гильзы, состоящей из двух отдельных частей; трудность заряжания, если затычка не была точно установлена по центру; и опасность потери затычки из-за неплотной установки, особенно при длительном ношении в патроне. —Мистер Гринер заряжал винтовки во время испытания пуль и порохом отдельно, а не в патроне.— Признанным преимуществом была всего лишь быстрота заряжания при правильном расположении затвора: по-видимому, не было достигнуто превосходства в дальнобойности над винтовками, используемыми 60-м полком. Мистер Гринер потребовал еще одного судебного разбирательства, но после доклада майора Уолкотта, Отборочный комитет которого счел бал "бесполезным и химерическим", дальнейшее судебное разбирательство не было назначено. Таким образом, вопрос о коническом шаре был вновь обречен на забвение.

Со временем стали известны невероятные дальнобойности "*тигрового карабина*", и когда было установлено, что французские стрелки уничтожили артиллеристов на крепостных валах Рима с такой быстротой, что те не могли стоять навтыяжку перед винтовкой на расстоянии почти мили, форма конуса снова приобрела форму конуса, и капитан Минье выступил вперед как чемпион

старого расширяющегося шара. На Востоке звучал призыв к войне; публика громко требовала, чтобы британское оружие было поставлено наравне с оружием иностранных армий; ветераны, снискавшие свои лавры под командованием бедной старой "Смуглой Бесс", были верны ей в ее смертельной схватке и роняли слезы по поводу триумфа новомодных идей.

В середине прошлого века пуля генерал-лейтенанта Паркера была отброшена в сторону; в конце столетия пуля мистера Стэнтона разделила ту же участь; пуля мистера Гринера последовала за ней в 1836 году с таким же неудачным успехом; у капитана Минье было короткое правление, и его, в свою очередь, заменила более прочная и превосходная пуля, используемая сейчас и которой страна обязана упорству мистера Притчетта в экспериментах; и если когда-нибудь вещи получают свои правильные названия, оружие британской армии будет называться пулей Притчетта, а не винтовкой Минье; но поскольку оружие британской армии было выпущено в 1836 году, мир упорно называет Миссури Миссисипи, я полагаю, британская общественность поведет себя столь же подло по отношению к мистеру Притчетту. Читатель сам оценит соответствующую заслугу различных лиц, благодаря изобретательности которых нам наконец удалось получить настоящий эффективный мяч, раны от которого более ужасны, чем можно изобразить пером.

Однако есть один урок, который мы должны извлечь из большого противодействия внедрению конического шара, и это преимущество реконструкции отдела, к которому относятся подобные изобретения. Приведенные выше замечания кажутся мне убедительным доказательством того, что испытания огнестрельного оружия не следует оставлять только на усмотрение возраста и опыта. Предвзятости практически неотделимы от возраста — молодая и свежая кровь является мощным вспомогательным средством. Что я бы предложил, так это провести специальный экзамен, чтобы дать квалификацию офицерам инженерных войск и артиллерии для вынесения суждений по такому важному предмету, как оружие и ракеты; и затем я бы предложил, чтобы два офицера первого корпуса и пять офицеров второго были отобраны из числа тех, кто ниже звания полевого офицера, для формирования отдельной младшей комиссии, и чтобы каждая комиссия прислала свой собственный отчет. Метод отбора, который я бы предложил, заключается в тайном голосовании офицеров одного ранга в их соответствующих корпусах; ибо я уверен, что те, кто живет больше всего вместе, лучше всего знакомы с талантами друг друга. Если две коллегии вызывают возражения, сформируйте одну Коллегию, половина которой должна быть младшего ранга; и если они поровну разделились во мнениях, пусть вышестоящий орган назначит судью и назначит повторное разбирательство.

Вспомните, как долго ныне почти забытая "Коричневая Бесс" сражалась с противником, который с тех пор доказал свое неизмеримое превосходство; и пусть будущее докажет, что прошлый опыт не был полностью отброшен. Судебные процессы могут быть хлопотными, но офицерам платят за то, что они берут на себя труд; и изобретательность изобретателей всегда будет возрастать пропорционально убежденности в том, что их изобретения получают полное и непредвзятое разбирательство; и что, если их первый выстрел в цель Успеха будет сделан посторонним, им не откажут в шансе метнуть еще один в яблочко.

Поскольку вышеупомянутые замечания попали в печать, выясняется, что как в Англии, так и в Крыму был обнаружен недостаток пули Притчетта; говорят, что ее полет нерегулярен, а отложение свинца в стволе настолько велико, что после тридцати выстрелов заряд не может

быть извлечен. Если это так, то это лишь еще одно доказательство необходимости некоторого улучшения работы Комиссии, назначенной для оценки боевых ракет и надзора за ними.

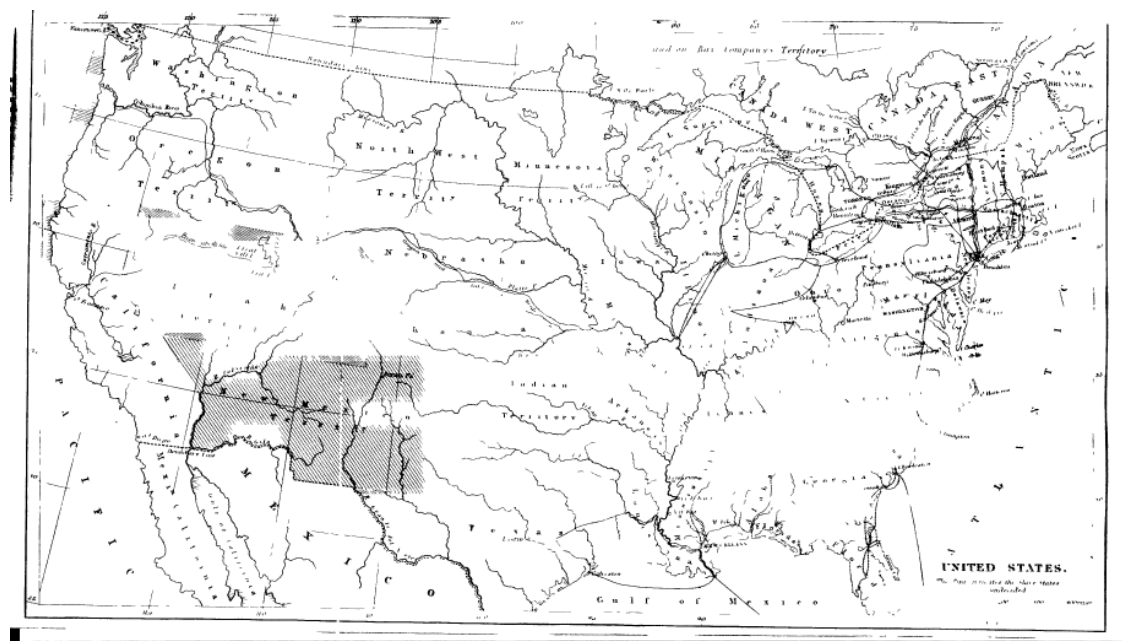
Когда мистер Притчетт усовершенствовал свою пулю, ее испробовали в трехзарядной винтовке, для которой она предназначалась, с наиболее удовлетворительными результатами, и произвели неопределенное количество выстрелов без малейших затруднений. Однако, по-видимому, этого успешного судебного процесса было недостаточно, чтобы удовлетворить новорожденное рвение властей. Соответственно, перед отправкой заказа на изготовление в Энфилд были проведены консультации с конклавом оружейников; но, обладая глубиной мудрости, намного превосходящей человеческое понимание, они никогда не спрашивали мнения мистера Притчетта, который изготовил винтовку, которая так удовлетворительно отбивала пулю.

Мудрецы решили, что было бы лучше, если бы бороздки были углублены — странное решение, когда весь опыт дня, как правило, доказывает, что чем мельче борозда, тем лучше. Заказ был выполнен; улучшенные винтовки были изготовлены в кратчайшие сроки, и в марте месяце они отправились на место боевых действий. Едва минул май, как печальный факт, обнаруженный в Крыму, эхом отозвался на наших берегах: после тридцати раундов солдаты могут смело смотреть в лицо холодному оружию или доверять ему. Я думаю, что мой младший сын — если бы он у меня был — предложил бы протестировать усовершенствование, прежде чем баловать армию этим оружием. Возможно, власти исходили из принципа, что винтовка есть винтовка, а пуля есть пуля, и поэтому с ней должно быть все в порядке. С таким же успехом можно было бы сказать, что канцлер есть канцлер, а черная доза есть черная доза; следовательно, поскольку умелый эскулап прописал лекарство, оказавшееся в высшей степени полезным для страдающего желчью Бенджамина, оно должно одинаково хорошо сочетаться и с лимфатическим синдромом Уильяма. — Не бери в голову, мой дорогой Джон Буль, еще шесть пенсов к подходящему налогу с фунта исправят эту маленькую оплошность.

Прошло три года с тех пор, как были записаны эти наблюдения, и вот на поле боя появился гигантский конкурент, угрожающий полному уничтожению винтовки с тремя желобками (или Энфилда) и болла Притчетта. Мистер Уитворт (чьи механические возможности позволили достичь почти невероятной точности) после длительного курса экспериментов, проведенных за счет правительства, изготовил винтовку с шестиугольной коробкой и пулей, точность стрельбы из которой на дистанции 1100 ярдов оказалась почти равной точности стрельбы из винтовки "Энфилд" на дистанции 500 ярдов и обладающую поразительным превосходством в пробивной способности. едва пробил 13 полудюймовых досок из вяза. Шестиугольная пуля Уитворта пробила 33 и вонзилась в массивный деревянный блок позади. Еще неизвестно, можно ли изготовить это грозное оружие по такой цене, чтобы оно стало доступным для военных целей. Шестигранный канал ствола - не новое изобретение, некоторые русские использовали его в конце Балтийской кампании; но, несомненно, удивительной точности конструкции мистера Уитворта суждено придать ему известность, придав ему мощь и правильность, которых он добивался раньше.^[CQ] Знаменитый полковник Джейкоб с Востока также представил взрывной шар, который благодаря своему большому полету, будучи усовершенствованным, окажется более смертоносным оружием, чем старый сферический взрывной шар, изобретенный и забытый много лет назад. С ежедневными достижениями науки мы можем вскоре ожидать повсеместного использования "Полковника Джейкоба", если только тот же принцип, примененный к шестиугольному шару Уитворта, не окажется предпочтительным.

Тем, кто является любителями ружья, я бы порекомендовал брошюру, написанную Чепменом и опубликованную в Нью-Йорке; в основном она предназначена для тех, кто получает удовольствие от детского или восьмидесятилетнего развлечения - поливать мишень перцем, но в ней также содержится много интересных моментов. Среди других обсуждаемых вопросов следующие: —Степень закрутки, необходимая для ружейного ствола; —увеличивающаяся закрутка, в отличие от мистера Гринера, и уменьшающаяся закрутка; —размер пули, наиболее подходящий для различных дистанций; —шведка, с помощью которой пуля, будучи отлита большего размера, чем требуется, сжимается в более прочную массу; —используемый порох, размер зерна которого уменьшается пропорционально уменьшению длины ствола; —заряжающее дуло, благодаря которому края канавок остаются острыми, как бритва, и т.д. Брошюру можно легко достать через господ Эпплтона. Эпплтон, Нью-Йорк и Лондон.

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[CP]

Километры расстояния могут быть не совсем точными, но на километры провода можно положиться.

[CQ]

Испытание винтовок "Энфилд" и "Уитворт" пока нельзя считать окончательным, поскольку были различия в канале ствола винтовок, а также мистер Уитворт использовал пули другого типа для пробивания, чем те, что использовались на дальних дистанциях.